

3 1761 03561 3603

1978

1870
1871

LR
D7245 se

Dostoevsky, Fyodor M. Mikhailovich

(Ф.М.ДОСТОЕВСКІЙ)

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО
Selo Stepanchikovo
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

45-9355
15.3.47

БЕРЛИНЬ 1922

Издательство И.П.Ладыжникова

**Printed in
Germany.**

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

пѣ бзтнѣ

1871 г.

Село Степанчиково и его обитатели

Изъ записокъ неизвѣстнаго

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Вступленіе

Дядя мой, полковникъ Егоръ Ильичъ Ростаневъ, выйдя въ отставку, переселился въ перешедшее къ нему по наслѣдству село Степанчиково и зажилъ въ немъ такъ, какъ будто всю жизнь свою былъ коренымъ, невыѣзжавшимъ изъ своихъ владѣній помѣщикомъ. Есть натуры рѣшительно всѣмъ довольныя и ко всему привыкающія; такова была именно натура отставнаго полковника. Трудно было себѣ представить челоуѣка смиренѣе и на все согласнѣе. Если бъ его вздумали попросить посерьезнѣе довести кого-нибудь версты двѣ на своихъ плечахъ, то онъ бы, можетъ быть, и довезъ: онъ былъ такъ добръ, что въ иной разъ готовъ былъ рѣшительно все отдать по первому спросу и подѣлиться чуть не послѣдней рубашкой съ первымъ желающимъ. Наружности онъ былъ богатырской: высокій и стройный, съ румяными щеками, съ бѣлыми, какъ слоновою костью, зубами, съ длиннымъ темно-русомъ усомъ, съ голосомъ громкимъ, звонкимъ и откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ; говорилъ отрывисто и скороговоркою. Отроду ему было въ то время лѣтъ сорокъ, и всю жизнь свою, чуть не съ шестнадцати лѣтъ, онъ пробылъ въ

гусарахъ. Женился въ очень молодыхъ годахъ, любилъ свою жену безъ памяти; но она умерла, оставивъ въ его сердцѣ неизгладимое, благородное воспоминаніе. Наконецъ, получивъ въ наслѣдство село Степанчиково, что увеличило его состояніе до шестисотъ душъ, онъ оставилъ службу и, какъ уже сказано было, поселился въ деревнѣ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми: восьмилѣтнимъ Илюшей (рожденіе котораго стоило жизни его матери) и старшей дочерью, Сашенькой, дѣвочкой лѣтъ пятнадцати, воспитывавшейся, по смерти матери, въ одномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Но скорѣе домъ дяди сталъ похожъ на Ноевъ ковчегъ. Вотъ какъ это случилось:

Въ то время, когда онъ получилъ свое наслѣдство и вышелъ въ отставку, овдовѣла его маменька, генеральша Крахоткина, вышедшая въ другой разъ замужъ за генерала, назадъ лѣтъ шестнадцать, когда дядя былъ еще корнетомъ, но, впрочемъ, уже самъ задумывалъ жениться. Маменька долго не благословляла его на женитьбу, проливая горькія слезы, укоряла его въ эгоизмѣ, въ неблагодарности, въ непочтительности; доказывала, что имѣнія его, двухсотъ пятидесяти душъ, и безъ того едва достаточно на содержаніе его семейства (то-есть, на содержаніе его маменьки, со всѣмъ ея штабомъ приживалокъ, мосекъ, шинцевъ, китайскихъ кошекъ и проч.), и среди этихъ укоровъ, попрековъ и взвизгиваній, вдругъ, совершенно неожиданно, вышла замужъ сама, прежде женитьбы сына, будучи уже сорока двухъ лѣтъ отроду. Впрочемъ, и тутъ она нашла предлогъ обвинить моего бѣднаго дядю, увѣряя, что идетъ замужъ единственно, чтобы имѣть убѣжище на старости лѣтъ, въ чемъ отказываетъ ей непочтительный эгоистъ, ея сынъ, задумавъ непростительную дерзость: завестись своимъ домомъ.

Я никогда не могъ узнать настоящую причину, побудившую такого, повидимому, разсудительнаго человѣка, какъ покойный генералъ Крахоткинъ, къ этому

браку съ сорокадвухлѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ рои болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генераль глубоко не уважалъ жену свою во все время своего съ ней сожителства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человекъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и cadaго, не имѣлъ никакихъ правилъ, смѣялся надъ всѣмъ и надъ всѣми, и къ старости, отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ не совсѣмъ правильной и праведной жизни, сдѣлался золь, раздражителенъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно; однако, принужденъ былъ по какому-то «непріятному случаю» очень неладно выйти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней разоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизнь, цѣлая двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся, чѣмъ онъ живетъ, кто содержать его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣднія десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя сажеными лакеями, которые никогда ничего отъ него не слышали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылая матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себѣ въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки названіе эгоиста и неблагодарнаго сына осталось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и

чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылать денегъ. Генеральша благоговѣла передъ своимъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генераль, а она по немъ — генеральша.

Въ домѣ у ней была своя половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она процвѣтала въ обществѣ приживалокъ, городскихъ вѣстовицъ и фиделекъ. Въ своемъ городкѣ она была важнымъ лицомъ. Сплетни, приглашенія въ крестныя и посаженныя матери, копеечный преферансъ и вообще уваженіе за ея генеральство виолнѣ вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами; ей всегда и вездѣ было первое мѣсто, — словомъ, она извлекла изъ своего генеральства все, что могла извлечь. Генераль во все это не вмѣшивался; но зато при людяхъ — онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, на примѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на «такой просвириѣ»? — и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало-по-малу его оставили всѣ знакомые, а между тѣмъ общество было ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любилъ, чтобъ передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго покроя, а потому любилъ потраковать и о высокихъ матеріяхъ.

Но слушатели городка N* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея приживалки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогѣ и съ трепетомъ ожидали послѣобѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генераль, когда что ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ,

какъ баба, ругался, какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнеровъ, даже плакалъ съ досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого-нибудь валета, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія, ему понадобился чтець. Тутъ-то и явился Оома Оомичъ Опискинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвѣщаю объ этомъ новомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа. Насколько оно имѣетъ право на вниманіе читателя — объяснять не стану: такой вопросъ приличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Оома Оомичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба — ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся — покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Говорили, во-первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужъ, разумѣется, «за правду». Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудренаго нѣтъ: грязное же невѣжество Оомы Оомича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достоверно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, вполнѣдствіи, по смерти генерала, когда самъ Оома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шуткомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ; что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непонятый, и что одному ему, Оомѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что,

накопецъ, если онъ, Оома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и иныя живыя картины, то единственно, чтобы развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Оомы Оомича въ этомъ случаѣ подвергаются большому сомнѣнію; а между тѣмъ, тотъ же Оома Оомичъ, еще будучи шуткомъ, разыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ — трудно представить неспеціалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, — за что? Неизвѣстно. Мало-по-малу онъ достигъ надъ всей женскою половиною генеральскаго дома удивительнаго вліянія, отчасти похожаго на вліянія различныхъ Иванъ Яковлевичей и тому подобныхъ мудрецовъ и прорицателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любительницъ. Онъ читалъ вслухъ душеспасительныя книги, толковалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; рассказывалъ свою жизнь и подвиги; ходилъ къ обѣднѣ и даже къ заутрени, отчасти предсказывалъ будущее; особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генералъ догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ, и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Оомы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генералъ умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, подымалъ образа, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать, и даже со слезами просилъ прощенія у Оомы Оомича. Последнее обстоятельство придало Оомѣ Оомичу въ послѣдствіи необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральской

души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь генеральши отъ перваго брака, тетушка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ, — одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безножія для непрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватостью и безотвѣтною кротостью, — подошла къ его постели, проливая горькія слезы, и хотѣла было поправить подушку подъ головою страдальца; но страдалецъ успѣлъ-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не пѣнясь отъ злости. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковнику, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ видѣть его, что скорѣе умретъ, чѣмъ пустить его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя — разумѣется, на счетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ разоренномъ селѣ Князевкѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, орденамъ и генеральству усопшаго. Ома Омичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго ломалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и, ужъ разумѣется, «запивать его своими слезами», что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаяніе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу «непокорнаго» переѣхать къ нему въ Степанчиково, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога*, употребленное въ этомъ смыслѣ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно

произносила его . . . Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что во время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже помаленьку укладывались для переѣзда въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти каждодневно по сорока верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только черезъ двѣ недѣли послѣ похороны генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Ома Омичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и стыдилъ непокорнаго «безчеловѣчнымъ» его поведениемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ этого-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Омы Омича на моего бѣднаго дядю. Ома догадался, какой передъ нимъ чловѣкъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута, и что на безлюдьи и Ома можетъ быть дворяниномъ. Зато и наверсталъ же онъ свое.

— Каково же будетъ вамъ, — говорилъ Ома, — если собственная ваша мать, такъ сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее дрожащими и изсохшими отъ голода руками, начнетъ въ самомъ дѣлѣ испрашивать себѣ подавнія? Не чудовищно ли это, во-первыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а во-вторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой — но вѣдь это можетъ случиться — подъ ваши же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ вы, родной сынъ ея, можетъ быть, въ ту самую минуту утопаете гдѣ-нибудь въ пуховой перинѣ и . . . ну, вообще въ роскоши! Ужасно-ужасно! Но всего ужаснѣе то, — позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ, — всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь передо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что даже неприлично, тогда какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы бы должны

были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить ручьи . . . что я говорю! Рѣки, озера, моря, океаны слезъ . . .

Словомъ, Оома, отъ излишняго жара, зарапортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчя. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, собачонками, съ Оомой Оомичомъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной наперсницей, осчастливила, наконецъ, своимъ прибытиемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтительность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своею обязанностью въ недѣлю раза два или три впадать въ отчаяніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ; при чемъ, неизвѣстно за что, аккуратно каждый разъ доставалось полковнику. Иногда, особенно при чыхъ-нибудь посѣщеніяхъ, подозвавъ къ себѣ своего внука, маленькаго Илюшу, и пятнадцатилѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала и, наконецъ, заливалась безмолвными таинственными слезами, по крайней мѣрѣ, на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзамень. Но почтительность его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша и Оома Оомичъ, почувствовали вполнѣ, что прошла гроза, гремѣвшая надъ ними столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина, — прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша

вдругъ, ни съ того, ни съ сего, покатится на диванъ въ обморокъ. Подымется бѣготня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожить, какъ осиновый листъ.

— Жестокій сынъ! — кричитъ генеральша, очнувшись, — ты растерзалъ мои внутренности . . . *mes entrailles, mes entrailles!*

— Да чѣмъ же, маменька, я растерзалъ ваши внутренности? — робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! Растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Она грубитъ. Жестокій сынъ! Умираю! . . .

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случилось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуетъ кому-нибудь, взявъ его за пуговицу.

— Ну, да вѣдь она, братецъ, *grande dame*, генеральша! Добрѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему этакому утонченному . . . не чета мнѣ, вахлаку! Теперь на меня сердится. Оно, конечно, — я виноватъ. Я, братецъ, еще не знаю, чѣмъ я именно провинился, но, ужъ, конечно, я виноватъ . . .

Случалось, что дѣвица Перепелицына, перезрѣлое и шипящее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ тоненькими, какъ ниточка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ разсолѣ, считала своею обязанностью прочесть наставленіе полковнику:

— Это оттого, что вы непочтительны-сь. Это оттого, что вы эгонсты-сь, оттого вы и оскорбляете маменьку-сь; онѣ къ этому не привыкли-сь. Онѣ генеральши-сь, а вы еще только полковники-сь.

— Это, братъ, дѣвица Перепелицына, — замѣчаетъ полковникъ своему слушателю, — превосходнѣйшая дѣвица, горой стоитъ за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь; она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. Та

же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіе разнообразные фокусы, въ свою очередь трепетала, какъ мышка, передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Ома Омичъ заворожилъ ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусарь, человѣкъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ непозволительной связи съ Омой Омичомъ. Разумѣется, я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ ужъ слишкомъ грубое и просто-душное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Омы Омича такъ, какъ я самъ его понялъ въ послѣдствіи.

Представьте же себѣ человѣчка, самаго ничтожнаго, самаго малодушнаго, выкидыша изъ общества, никому не нужнаго, совершенно бесполезнаго, совершенно гаденькаго, но необъятно самолюбиваго и, вдобавокъ, не одареннаго рѣшительно ничѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ, хоть сколько-нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбіе. Предупреждаю заранее: Ома Омичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно: случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, загноившагося давно-давно, и съ тѣхъ поръ выдавливающаго изъ себя зависть и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Можетъ быть, спросятъ: откуда берется такое самолюбіе? Какъ зарождается оно, при такомъ полномъ

ничтожествѣ, въ такихъ жалкихъ людяхъ, которые, уже по соціальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ и дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объяснится впоследствии. Однакожь, позвольте спросить: увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себя за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями — увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ-нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ? Кто знаетъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе распаляется именно отъ этого же самага униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно-вырастающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ быть, въ дѣтствѣ — гнетомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ? Но я сказалъ, что Ома Омичъ есть, къ тому же, и исключеніе изъ общаго правила. Это и правда, онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и не признанъ, а литература способна загубить и не одного Ому Омича — разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Омѣ Омичу не удалось еще и прежде литературы; можетъ быть, и на другихъ карьерахъ онъ получилъ только одни щелчки, вмѣсто жалованья, или что-нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно; но я впоследствии справлялся

и навѣрно знаю, что Оома, дѣйствительно, сотворилъ когда-то въ Москвѣ романчикъ, весьма похожій на тѣ, которые стряпались тамъ въ тридцатыхъ годахъ ежегодно десятками, въ родѣ различныхъ *Освобожденій Москвы, Атамановъ Бурь, Сыновей любви, или русскихъ въ 1104-мъ году* и проч., и проч., романовъ, доставлявшихъ въ свое время пріятную пищу для остроумія барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно; но змѣя литературнаго самолюбія жалитъ иногда глубоко и неизлѣчимо, особенно людей ничтожныхъ и глуповатыхъ. Оома Оомичъ былъ огорченъ съ перваго литературнаго шага и тогда же окончательно примкнулъ къ той огромной фалангѣ огорченныхъ, изъ которой выходятъ потомъ всѣ юродивые, всѣ скитальцы и странники. Съ того же времени, я думаю, и развилась въ немъ эта уродливая хвастливость, эта жажда похвалъ и отличій, поклоненій и удивленій. Онъ и въ шутахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только чтобъ гдѣ-нибудь, какъ-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться — вотъ была главная потребность его! Его не хвалили — такъ онъ самъ себя началъ хвалить. Я самъ слышалъ слова Оомы въ домѣ дяди, въ Степанчиковѣ, когда уже онъ сталъ тамъ полнымъ владыкою и прорицателемъ: «не жилецъ я между вами», говаривалъ онъ иногда съ какою-то таинственною важностью: «Не жилецъ я здѣсь! Посмотрю, устрою васъ всѣхъ, покажу, научу и тогда прощайте: въ Москву, издавать журналъ! Тридцать тысячъ человѣкъ будутъ собираться на мои лекціи ежемѣсячно. Грянетъ, наконецъ, мое имя, и тогда — горе врагамъ моимъ!» Но гений, покаместъ еще собирался прославиться, требовалъ награды немедленной. Вообще пріятно получать плату впередъ, а въ этомъ случаѣ особенно. Я знаю, онъ серьезно увѣрилъ дядю, что ему, Оомѣ, предстоитъ величайшій подвигъ, подвигъ, для котораго онъ и на свѣтъ призванъ и къ

совершенно котораго понуждасть его какой-то чело-
вѣкъ съ крыльями, являющійся ему по ночамъ, или что-
то въ родъ того. Именно: написать одно глубокомыслен-
нѣйшее сочиненіе въ душеспасительномъ родѣ, отъ ко-
торога произойдетъ всеобщее землетрясеніе, и затре-
щить вся Россія. И когда уже затрепщитъ вся Россія,
то онъ, Оома, пренебрегая славой, пойдетъ въ мона-
стырь и будетъ молиться день и ночь въ кievскихъ
пещерахъ о счастіи отечества. Все это обольстило
дядю.

Теперь представьте же себѣ, что можетъ сдѣлать-
ся изъ Оомы, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго,
и даже, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ битаго, изъ
Оомы втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ
Оомы — огорченнаго литератора, изъ Оомы — шута изъ
насущаго хлѣба, изъ Оомы въ душѣ деспота, не-
смотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе,
изъ Оомы хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого
Оомы, вдругъ попавшаго въ честь и въ славу, воз-
лелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идиоткѣ-покро-
вительницѣ и обольщенному, на все согласному покро-
вителю, въ домъ котораго онъ попалъ, наконецъ, послѣ
долгихъ странствованій? О характерѣ дяди я, конечно,
обязанъ объяснить подробнѣе: безъ этого непонятенъ
и успѣхъ Оомы Оомича. Но покамѣтъ скажу, что съ
Оомой именно сбылась пословица: посади за столъ,
онъ и ноги на столъ. Наверсталь-таки онъ свое про-
шедшее! Низкая душа, выйдя изъ-подъ гнета, сама
гнететь. Оому угнетали — и онъ тотчасъ же ощутилъ
потребность самъ угнетать; надъ нимъ ломались — и
онъ самъ сталъ надъ другими ломаться. Онъ былъ
шутомъ и тотчасъ же ощутилъ потребность завести
и своихъ шутовъ. Хвастался онъ до нелѣпости, ломался
до невозможности, требовалъ птичьяго молока, тиран-
ствовалъ безъ мѣры и дошло до того, что добрые
люди, еще не бывъ свидѣтелями всѣхъ этихъ про-

дѣлокъ, а слушая только розказни, считали все это за чудо, за навожденіе, крестились и отплевывались.

Я говориль о дядѣ. Безъ объясненія этого замѣчательнаго характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцареніе Оомы Оомича въ чужомъ домѣ; непонятна эта метаморфоза изъ шута въ великаго человѣка. Мало того, что дядя былъ добръ до крайности — это былъ человѣкъ утопченной деликатности, несмотря на нѣсколько грубую наружность, высочайшаго благородства, мужества испытаннаго. Я смѣло говорю «мужества»: онъ не остановился бы передъ обязанностью, передъ долгомъ, и въ этомъ случаѣ не побоялся бы никакихъ преградъ. Душою онъ былъ чистъ, какъ ребенокъ. Это былъ, дѣйствительно, ребенокъ въ сорокъ лѣтъ, экспансивный въ высшей степени, всегда веселый, предполагавшій всѣхъ людей ангелами, обвинявшій себя въ чужихъ недостаткахъ и преувеличивавшій добрыя качества другихъ до крайности, даже предполагавшій ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не могло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благороднѣйшихъ и цѣломудреннѣйшихъ сердцемъ людей, которые даже стыдятся предположить въ другомъ человѣкѣ дурное, торопливо наряжаютъ своихъ ближнихъ во всѣ добродѣтели, радуются чужому успѣху, живутъ такимъ образомъ постоянно въ идеальномъ мірѣ, а при неудачахъ прежде всѣхъ обвиняютъ самихъ себя. Жертвовать собою интересамъ другихъ — ихъ призваніе. Иной бы назвалъ его малодушнымъ, и безхарактернымъ, и слабымъ. Конечно, онъ былъ слабъ и даже ужъ слишкомъ мягокъ характеромъ; но не отъ недостатка твердости, а изъ боязни оскорбить, поступить жестоко, изъ излишняго уваженія къ другимъ и къ человѣку вообще. Впрочемъ, безхарактеренъ и малодушенъ онъ былъ единственно, когда дѣло шло о его собственныхъ выгодахъ, которыми онъ пренебрегалъ въ высочайшей степени, за что всю жизнь подвергался насмѣшкамъ, и даже

нерѣдко отъ тѣхъ, для которыхъ жертвовалъ этими выгодами. Впрочемъ, онъ никогда не вѣрилъ, чтобъ у него были враги: они, однакожь, у него бывали, но онъ ихъ какъ-то не замѣчалъ. Шуму и крику въ домѣ онъ боялся, какъ огня, и тотчасъ же всемъ уступалъ и всему подчинялся. Уступалъ онъ изъ какого-то застѣчиваго добродушія, изъ какой-то застѣчивой деликатности, «чтобъ ужъ такъ. — говорилъ онъ, скороговоркою, отдавая отъ себя все посторонніе упреки въ потворствѣ и слабости — чтобъ ужъ такъ... чтобъ ужъ все были довольны и счастливы!» Нечего и говорить, что онъ готовъ былъ подчиниться всякому благородному вліянію. Мало того, ловкій подлець могъ совершенно имъ овладѣть и даже сманить на дурное дѣло, разумѣется, замаскировавъ это дурное дѣло въ благородное. Дядя чрезвычайно легко вѣрился другимъ, и въ этомъ случаѣ былъ далеко не безъ ошибокъ. Когда же, послѣ многихъ страданій, онъ рѣшился, наконецъ, увѣриться, что обманувшій его человѣкъ безчестенъ, то прежде всѣхъ обвинялъ себя, а нерѣдко и одного себя. Представьте же себѣ теперь вдругъ воцарившуюся въ его тихомъ домѣ капризную, выжившую изъ ума идиотку, неразлучно съ другимъ идиотомъ — ея идоломъ. боявшуюся до сихъ поръ только своего генерала, а теперь уже ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаграждать себя за все прошлое — идиотку, передъ которой дядя считалъ своею обязанностью благоговѣть уже потому только, что она была мать его. Начали съ того, что тотчасъ же доказали дядѣ, что онъ грубъ, нетерпѣливъ, невѣжественъ и, главное, эгоистъ въ высочайшей степени. Замѣчательно то, что идиотка-старуха сама вѣрила тому, что она проповѣдывала. Да, я думаю, и Ома Омичъ такъ же, по крайней мѣрѣ, отчасти. Убѣдили дядю и въ томъ, что Ома ниспосланъ ему самимъ Богомъ для спасенія души его и для усмиренія его необузданныхъ страстей, что

онъ гордъ, тщеславится своимъ богатствомъ и способенъ попрекнуть Оому Оомича кускомъ хлѣба. Бѣдный дядя очень скоро увѣровалъ въ глубину своего паденія, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, просить прощенія . . .

— Я, братецъ, самъ виноватъ, — говоритъ онъ, бывало, кому-нибудь изъ своихъ собесѣдниковъ, — во всемъ виноватъ! Вдвое надо быть деликатнѣе съ человѣкомъ, котораго одолжаешь . . . то-есть . . . что я! Какое одолжаешь! . . . Опять совралъ! Вовсе не одолжаешь; онъ меня, напротивъ, одолжаетъ тѣмъ, что живетъ у меня, а не я его! Ну, а я попрекнулъ его кускомъ хлѣба! . . . То-есть я вовсе не попрекнулъ, но видно такъ, что-нибудь съ языка сорвалось, — у меня часто съ языка срывается . . . Ну, а, наконецъ, человѣкъ страдалъ, дѣлалъ подвиги; десять лѣтъ, несмотря ни на какія оскорбленія, ухаживалъ за больнымъ другомъ: все это требуетъ награды! Ну, наконецъ, и наука . . . Писатель! Образованнѣйшій человѣкъ. Благороднѣйшее лицо, — словомъ . . .

Образъ Оомы, образованнаго и несчастнаго, въ шутахъ у капризнаго и жестокаго барина, надрывалъ благородное сердце дяди сожалѣнiемъ и негодованiемъ. Всѣ странности Оомы, всѣ неблагородныя его выходки дядя тотчасъ же приписывалъ его прежнимъ страданiямъ, его униженiю, его озлобленiю . . . Онъ тотчасъ же рѣшилъ въ нѣжной и благородной душѣ своей, что съ страдальца нельзя и спрашивать, какъ съ обыкновеннаго человѣка; что не только надо прощать ему, но сверхъ того, надо кротостью уврачевать его раны, возстановить его, примирить съ человѣчествомъ. Задавъ себѣ эту цѣль, онъ воспламенился до крайности и уже совсѣмъ потерялъ способность, хоть какую-нибудь, замѣтить, что новый другъ его — сластолюбивая, капризная тварь, эгоистъ, лѣнтяй, лежебокъ — и больше ничего. Въ ученость же и въ гениальность Оомы онъ

вѣрять бездѣлѣнно. Я и забылъ сказать, что передъ словомъ «наука» или «литература» дядя благоговѣлъ самымъ наивнымъ и безкорыстѣйшимъ образомъ, хотя самъ никогда и ничему не учился.

Это была одна изъ его капитальныхъ и невиннѣйшихъ странностей.

— Сочиненіе пишеть! — говорить онъ, бывало, ходя на цыпочкахъ еще за двѣ комнаты до кабинета Оомы Оомича. — Не знаю, что именно. — прибавляеть онъ съ гордымъ и таинственнымъ видомъ. — но ужъ вѣрно, братъ, такая бурда... То-есть въ благородномъ смыслѣ бурда. Для кого ясно, а для насъ, братъ, съ тобой такая кувиркалегія, что... Кажется, о производительныхъ силахъ какихъ-то пишеть. — самъ говорилъ. Это, вѣрно, что-нибудь изъ политики. Да, грянетъ и его имя! Тогда и мы съ тобой черезъ него прославимся. Онъ, братъ, мнѣ это самъ говорилъ...

Мнѣ положительно извѣстно, что дядя, по приказанію Оомы, принужденъ былъ сбрить свои прекрасные, темнорусые бакенбарды. Тому показалось, что съ бакенбардами дядя похожъ на француза и что поэтому въ немъ мало любви къ отечеству. Мало-по-малу Оома сталъ вмѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и давать мудрые совѣты. Эти мудрые совѣты были ужасны. Крестьяне скоро поняли, въ чемъ дѣло и кто настоящій господинъ, и сильно почесывали затылки. Я самъ впоследствии слышалъ одинъ разговоръ Оомы Оомича съ крестьянами: этотъ разговоръ, признаюсь, я подслушалъ. Оома еще прежде объявилъ, что любить поговорить съ умнымъ русскимъ мужичкомъ. И вотъ, разъ, онъ зашелъ на гумно: поговоривъ съ мужичками о хозяйствѣ, хотя самъ не умѣлъ отличить овса отъ пшеницы, сладко потолковавъ о священныхъ обязанностяхъ крестьянина къ господину, коснувшись слегка электричества и раздѣленія труда, въ чемъ, разумѣется, не понималъ ни строчки, растолковавъ своимъ слу-

шателямъ, какимъ образомъ земля ходитъ около солнца, и, наконецъ, совершенно умилившись душой отъ собственнаго краснорѣчія, онъ заговорилъ о министрахъ. Я это понималъ. Вѣдь рассказывалъ же Пушкинъ про одного папеньку, который внушалъ своему четырехлѣтнему сынишкѣ, что онъ, его папенька, «такой хляблій, что папеньку любить государь»... Вѣдь нуждался же этотъ папенька въ четырехлѣтнемъ слушателѣ? Крестьяне же всегда слушали Оому Оомича съ подобострастіемъ.

— А што, батюшка, много ль ты царскаго-то жалованья получалъ? — спросилъ его вдругъ одинъ сѣдѣнькій старичокъ, Архипъ Короткій, по прозвищу, изъ толпы другихъ мужичковъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подольститься; но Оомѣ Оомичу показался этотъ вопросъ фамиллярнымъ, а онъ терпѣть не могъ фамиллярности.

— А тебѣ какое дѣло, пехтерь? — отвѣчалъ онъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на бѣднаго мужичонка. — Что ты мнѣ моську-то свою выставилъ: плюнуть мнѣ, что ли, въ нее?

Оома Оомичъ всегда разговаривалъ въ такомъ тонѣ съ «умнымъ русскимъ мужичкомъ».

— Отецъ ты нашъ... — подхватилъ другой мужичокъ, — вѣдь мы люди темные. Можетъ, ты майоръ, аль полковникъ, аль само ваше сіятельство, — какъ и величать-то тебя, не вѣдаемъ.

— Пехтерь! — повторилъ Оома Оомичъ, однакожь смягчился. — Жалованье жалованью рознь, посконная ты голова! Другой и въ генеральскомъ чинѣ, да ничего не получаетъ — значитъ, не за что; пользы царю не приносить. А я вотъ двадцать тысячъ получалъ, когда у министра служилъ, да и тѣхъ не бралъ, потому, я изъ чести служилъ, свой былъ достатокъ. Я жалованье свое на государственное просвѣщеніе да на погорѣлыхъ жителей Казани пожертвовалъ.

— Вишь ты! Такъ это ты Казань-то обстроялъ, батюшка? — продолжалъ удивленный мужикъ.

Мужики, вообще, дивились на Оому Оомича .

— Ну да, и моя тамъ есть доля, — отвѣчалъ Оома, какъ бы нехотя, какъ будто самъ на себя досадуя, что удостоилъ *такого* человека *такимъ* разговоромъ.

Съ дядей разговоры были другого рода.

— Прежде кто вы были? — говорить, наприимѣръ, Оома, развалился послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, при чемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него свѣжей липовой вѣткой мухъ. — На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ ли я въ васъ искру небеснаго огня или нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру или нѣтъ?

Оома Оомичъ, по правдѣ, и самъ не зная, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди тотчасъ же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забитый, теперь всыпывалъ какъ порохъ при каждомъ матѣишемъ противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ искра или нѣтъ?

Дядя мнется, жмется и не знаетъ, что предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, — замѣчаетъ Оома обидчивымъ голосомъ.

— Mais repondez donc, Егорушка! — подхватываетъ генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ ли въ васъ эта искра или нѣтъ? — снисходительно повторяетъ Оома, взявъ конфетку изъ бонбоньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столѣ. Это ужъ распоряженіе генеральши.

— Ей-Богу, не знаю, Оома, — отвѣчаетъ, наконецъ, дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ, — должно быть, что-нибудь въ этомъ родѣ . . . Право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я совру что-нибудь . . .

— Хорошо! Такъ по-вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта — вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ; пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Оома, Богъ съ тобой! Ну когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! Пусть буду я лгунъ! Пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ: пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это — я все перенесу . . .

— Mais mon fils . . . — вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Оома Оомичъ! Маменька! — восклицаетъ дядя въ отчаяніи, — ей-Богу же я не виноватъ! Такъ развѣ, печаянно, съ языка сорвалось! . . Ты не смотри на меня, Оома: я вѣдь глупъ — самъ чувствую, что глупъ; самъ слышу въ себѣ, что нескладно . . . Знаю, Оома, все знаю! Ты ужъ и не говори! — продолжалъ онъ, махая рукой. — Сорокъ лѣтъ прожилъ и до сихъ поръ, до самой той поры, какъ тебя узналъ, все думалъ про себя, что человекъ . . . ну и все тамъ, какъ слѣдуетъ. А вѣдь и не замѣчалъ до сихъ поръ, что грѣшенъ, какъ козель, эгонстъ первой руки и надѣлалъ зла такую кучу, что диво, какъ еще земля держитъ!

— Да, вы-таки эгонстъ! — замѣчаетъ удосто- вѣренный Оома Оомичъ.

— Да ужъ я и самъ понимаю теперь, что эгонстъ! Нѣтъ, шабашъ! Исправлюсь и буду добрѣе.

— Дай-то Богъ! — заключаетъ Оома Оомичъ, благочестиво вздыхая и подымаясь съ кресла, чтобъ отойти

къ послѣобѣденному сну. Оома Оомичъ всегда почи-
валъ послѣ обѣда.

Въ заключеніе этой главы, позвольте мнѣ сказать
собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и
объяснить, какимъ образомъ я вдругъ поставленъ былъ
глазъ на глазъ съ Оомой Оомичомъ и, неожиданно-нега-
данно, внезапно попалъ въ круговоротъ самыхъ важ-
нѣйшихъ происшествій изъ всѣхъ случившихся когда-
нибудь въ благословенномъ селѣ Степанчиковѣ. Та-
кимъ образомъ, я намѣренъ заключить мое предисловіе
и прямо перейти къ разсказу.

Въ дѣтствѣ моемъ, когда я осиротѣлъ и остался
одинъ на свѣтѣ, дядя замѣнилъ мнѣ собою отца, вос-
питывалъ меня на свой счетъ и — словомъ, сдѣлалъ
для меня то, что не всегда сдѣлаетъ и родной отецъ.
Съ перваго же дня, какъ онъ взялъ меня къ себѣ,
я привязался къ нему всей душой. Мнѣ было тогда
лѣтъ десять, и помню, что мы очень скоро сошлись
и совершенно поняли другъ друга. Мы вмѣстѣ спу-
скали кубарь и украли чепчикъ у одной презлой
старой барыни, приходившейся намъ обоимъ сродни.
Чепчикъ я немедленно привязалъ къ хвосту бумажнаго
змѣя и запустилъ подъ облака. Много лѣтъ спустя
я ненадолго свидѣлся съ дядей уже въ Петербургѣ,
гдѣ я кончалъ тогда курсъ моего ученія на его счетъ.
Въ этотъ разъ я привязался къ нему со всѣмъ жаромъ
юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, весе-
лое и наивное до послѣднихъ предѣловъ поразило меня
въ его характерѣ и влекло къ нему всякаго. Выйдя
изъ университета, я жилъ нѣкоторое время въ Петер-
бургѣ, покамѣстъ ничѣмъ не занятый и, какъ часто
бываетъ съ молокососами, убѣжденный, что въ самомъ
непродолжительномъ времени надѣлаю чрезвычайно мно-
го чего-нибудь очень замѣчательнаго и даже великаго.
Петербурга мнѣ оставлять не хотѣлось. Съ дядей
я переписывался довольно рѣдко, и то только когда

пуждался въ деньгахъ, въ которыхъ онъ мнѣ никогда не отказывалъ. Между тѣмъ, я ужъ слышалъ отъ одного двороваго чловѣка дяди, прѣзжавшаго по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, что у нихъ, въ Степанчиковѣ, происходятъ удивительныя вещи. Эти первые слухи меня заинтересовали и удивили. Я сталъ писать къ дядѣ прилежиѣе. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда какъ-то темно и странно, и въ каждомъ письмѣ старался только заговаривать о наукахъ, ожидая отъ меня чрезвычайно много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успѣхами. Вдругъ, послѣ довольно долгаго молчанія, я получилъ отъ него удивительное письмо, совершенно непохожее на всѣ его прежнія письма. Оно было наполнено такими странными намеками, такимъ сбродомъ противоположностей, что я сначала почти ничего и не поиялъ. Видно было только, что писавшій былъ въ необыкновенной тревогѣ. Одно въ этомъ письмѣ было ясно: дядя серьезно, убѣдительно, почти умоляя меня, предлагалъ мнѣ, какъ можно скорѣе, жениться на прежней его воспитанницѣ, дочери одного бѣднѣйшаго провинціального чиновника, по фамиліи Ежевикаина, получившей прекрасное образованіе въ одномъ учебномъ заведеніи, въ Москвѣ, на счетъ дяди, и бывшей теперъ гувернанткой дѣтей его. Онъ писалъ, что она несчастна, что я могу составить ея счастье, что я даже сдѣлаю великодушный поступокъ, обращаясь къ благородству моего сердца и обѣщавъ дать за нею приданое. Впрочемъ, о приданомъ онъ говорилъ какъ-то таинственно, боязливо, и заключавъ письмо, умоляя меня сохранить все это въ величайшей тайнѣ. Письмо это такъ поразило меня, что, наконецъ, у меня голова закружилась. Да и на какого молодого чловѣка, который, какъ я, только что соскочилъ со сковороды, не подѣйствовало бы такое предложеніе, хотя бы, напримѣръ, романическою своею стороною? Къ тому же я слышалъ, что эта молоденькая гувернантка

— прехорошенькая Я, однакожь, не зная, на что рѣшиться, хотя тотчасъ же написалъ дядѣ, что немедленно отправляюсь въ Степанчиково. Дядя выслать мнѣ, при томъ же письмѣ, и денегъ на дорогу. Несмотря на то, я, въ сомнѣніяхъ и даже въ тревогѣ, промедлилъ въ Петербургѣ три недѣли. Вдругъ, случайно встрѣчаю одного прежняго сослуживца дяди, который, возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Степанчиково. Это былъ уже пожилой и разсудительный человекъ, закоренѣлый холостякъ. Съ негодованіемъ разсказалъ онъ мнѣ про Оому Омича и тутъ же сообщилъ мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я до сихъ поръ еще не имѣлъ никакого понятія, именно, что Оома Омичъ и генеральша задумали и положили женить дядю на одной престранной дѣвицѣ, перерзрѣлой и почти совсѣмъ полоумной, съ какой-то необыкновенной біографіей и чуть ли не съ полумилліономъ приданого, что генеральша уже успѣла увѣрить эту дѣвицу, что онѣ между собою родня и, влѣдствіе того, переманить къ себѣ въ домъ; что дядя, конечно, въ отчаяніи, но, кажется, кончится тѣмъ, что непременно женится на полумилліонѣ приданого; что, наконецъ, обѣ умныя головы, генеральша и Оома Омичъ, воздвигли страшное гоненіе на бѣдную, беззащитную гувернантку дѣтей дяди, всѣми силами выжидаютъ ее изъ дома, вѣроятно, боясь, чтобъ полковникъ въ нее не влюбился, а, можетъ, и оттого, что онъ уже и успѣлъ въ нее влюбиться. Эти послѣднія слова меня поразили. Впрочемъ, на всѣ мои разспросы: ужъ не влюбленъ ли дядя въ самомъ дѣлѣ, рассказчикъ не могъ или не хотѣлъ дать мнѣ точнаго отвѣта, да и вообще разсказывалъ скупо, нехотя, и замѣтно уклонялся отъ подробныхъ объясненій. Я задумался: извѣстіе такъ странно противорѣчило съ письмомъ дяди и съ его предложеніемъ... Но медлить было нечего. Я рѣшился ѣхать въ Степанчиково, желая не только

вразумить и утѣшить дядю, но даже спасти его, по возможности, то-есть выгнать Оому, разстроить ненавистную свадьбу съ перезрѣлой дѣвой, и, наконецъ, — такъ какъ, по моему окончательному рѣшенію, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Оомы Омича — осчастливить несчастную, по, конечно, интересную дѣвушку предложеніемъ руки моей, и проч., и проч. Мало-по-малу, я такъ вдохновилъ и настроилъ себя, что, по молодости лѣтъ и отъ нечего дѣлать, перескочилъ изъ сомгѣній совершенно въ другую крайность: я началъ горѣть желаніемъ какъ можно скорѣе надѣлать разныхъ чудесъ и подвиговъ. Мнѣ казалось даже, что я самъ выказываю необыкновенное великодушіе, благородно жертвую собою, чтобъ осчастливить невинное и прелестное созданіе, — словомъ, я помню, что во всю дорогу былъ очень доволенъ собой. Былъ іюнь; солнце свѣтило ярко; кругомъ меня развѣтывался необъятный просторъ полей съ дозрѣвающимъ хлѣбомъ. . . . А я такъ долго сидѣлъ закупоренный въ Петербургѣ, что, казалось мнѣ, только теперь настоящимъ образомъ взглянулъ на свѣтъ Божій!

II

Господинъ Бахчевевъ

Я уже приближался къ цѣли моего путешествія. Проезжая маленькій городокъ Б*, отъ котораго оставалось только десять верстъ до Степанчикова, я принужденъ былъ остановиться у кузницы близъ самой заставы, по случаю лопнувшей шины на переднемъ колесѣ моего тарантаса. Закрѣпить ее кое-какъ, для десяти верстъ, можно было довольно скоро, и потому я рѣшился, нигуда не заходя, подождать у кузницы, покамѣстъ кузнецы справятъ дѣло. Выйдя изъ тарантаса, я увидѣлъ одного толстаго господина, который,

такъ же какъ и я, принужденъ былъ остановиться для починки своего экипажа. Онъ стоялъ уже цѣлую часть на пестеримомъ зноѣ, кричалъ, бранился и съ брюзгливымъ нетерпѣніемъ ногопалъ мастеровыхъ, суетившихся около его прекрасной коляски. Съ перваго же взгляда этотъ сердитый баринъ показался мнѣ чрезвычайной брюзгой. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, очень толстъ и рябъ. Толстота, кадыкъ и пухлый, отвислый его щеки свидѣтельствовали о блаженной помѣщичьей жизни. Что-то бабье было во всей его фигурѣ и тотчасъ же бросалось въ глаза. Одѣтъ онъ былъ широко, удобно, опрятно, но отнюдь не по модѣ.

Не понимаю, почему онъ на меня разсердился. Тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни и еще не сказалъ со мною ни слова. Я замѣтилъ это, какъ только вытѣзъ изъ тарантаса, по необыкновенно сердитымъ его взглядамъ. Мнѣ, однакожь, очень хотѣлось съ нимъ познакомиться. По болтовнѣ его слытъ, я догадался, что онъ ѣдетъ теперь изъ Степанчикова, отъ моего дяди, и потому былъ случай о многомъ поразспросить. Я было приподнялъ фуражку и попробовалъ со всевозможною пріятностью замѣтить, какъ непріятны иногда бываютъ задержки въ дорогѣ; но толстякъ окинулъ меня какъ-то нехотя недовольнымъ и брюзгливымъ взглядомъ съ головы до сапогъ, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и тяжело повернулся ко мнѣ всей поясницей. Эта сторона его особы, хотя и была предметомъ весьма любопытнымъ для наблюденій, но, ужъ, конечно, отъ нея нельзя было ожидать разговора пріятнаго.

— Гришка! Не ворчать подъ носъ! Выпорю! . . .
— закричалъ онъ вдругъ на своего камердинера, какъ будто совершенно не слыхавъ того, что я сказалъ о задержкахъ въ дорогѣ.

Этотъ «Гришка» былъ сѣдой, старинный слуга.

одѣтый въ длиннополый сюртукъ и носившій пребольшіе сѣдые бакенбарды. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ тоже былъ очень сердитъ и угрюмо ворчалъ себѣ подъ носъ. Между бариномъ и слугой немедленно произошло объясненіе.

— Выпорешь! Ори еще больше! — проворчалъ Гришка будто про себя, но такъ громко, что все это слышали, и съ негодованіемъ отвернулся что-то приладить въ коляскѣ.

— Что? Что ты сказалъ? «Ори еще больше»? . . Грубіянить вздумалъ! — закричалъ толстякъ, весь побагровѣвъ.

— Да чего вы взѣдаться, въ самомъ дѣлѣ, изволите? Слова сказать нельзя!

— Чего взѣдаться? Слышите? На меня же ворчить, а мнѣ и не взѣдаться!

— Да за что я буду ворчать?

— За что ворчать . . . А то, небось, нѣтъ? Я знаю, за что ты будешь ворчать: за то, что я отъ обѣда уѣхалъ, — вотъ что.

— А мнѣ что! По мнѣ хошь совсѣмъ не обѣдайте. Я не на васъ ворчу; кузнецамъ только слово сказалъ.

— Кузнецамъ . . . А на кузнецовъ чего ворчать?

— А не на нихъ, такъ на экипажъ ворчу.

— А на экипажъ чего ворчать?

— А зачѣмъ изломался! Впередъ не ломайся, а въ цѣлости будь.

— На экипажъ . . . Нѣтъ, ты на меня ворчишь, а не на экипажъ. Самъ виноватъ, да онъ же и ругается!

— Да что вы, сударь, въ самомъ дѣлѣ, пристали? Отстаньте, пожалуйста.

— А чего ты всю дорогу сычомъ сидѣлъ, слова со мной не сказалъ, — а? Говоришь же въ другіе разы!

— Муха въ ротъ залѣзла — оттого и молчалъ

и сидѣлъ сычомъ. Что я вамъ сказки, что ли, буду рассказывать? Сказочницу Маланью берите съ собой, коли сказки любите.

Толстякъ раскрылъ было ротъ, чтобъ возразить, но, очевидно, не нашелся и замолчалъ. Слуга же, довольный своей діалектикой и вліяніемъ на барина, указаннымъ при свидѣтеляхъ, съ удвоенной важноію обратился къ рабочимъ и началъ имъ что-то показывать.

Попытки мои познакомиться оставались тщетными, особенно при моей неловкости; но мнѣ помогло непредвидѣнное обстоятельство. Одна заспанная, неумытая и непричесанная фізіономія внезапно выглянула изъ окна закрытаго каретнаго кузова, съ незапамятныхъ временъ стоявшаго безъ колесъ у кузницы, и ежедневно, но тщетно ожидавшаго починки. Съ появленіемъ этой фізіономіи раздался между мастеровыми всеобщій смѣхъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, выглянувшій изъ кузова, былъ въ немъ накрѣпко запертъ и теперь не могъ выйти. Проспавшись въ немъ хмельной, онъ тщетно просился теперь на свободу; наконецъ, сталъ просить кого-то сбѣгать за его инструментомъ. Все это чрезвычайно веселило присутствовавшихъ.

Есть такія натуры, которымъ въ особенную радость и веселье бываютъ довольно странныя вещи. Гримасы пьянаго мужика, человѣкъ, споткнувшійся и упавшій на улицѣ, перебранка двухъ бабъ, и проч., и проч. на эту тему, производятъ иногда въ иныхъ людяхъ самый добродушный восторгъ, неизвѣстно почему. Толстякъ-помѣщикъ принадлежалъ именно къ такого рода натурамъ. Мало-по-малу, его фізіономія изъ грозной и угрюмой стала дѣлаться довольной и ласковой и, наконецъ, совсѣмъ прояснилась.

— Да это Васильевъ? — спросилъ онъ съ участіемъ. — Да какъ онъ туда попалъ?

— Васильевъ, сударь, Степанъ Алексѣичъ, Васильевъ! — закричали со всѣхъ сторонъ.

— Загулялъ, сударь, — прибавилъ одинъ изъ работниковъ, челоуѣкъ пожилой, высокій и худощавый, съ педантски-строгимъ выраженіемъ лица и съ поползновеніемъ на старшинство между своими, — загулялъ, сударь, отъ хозяина третій день какъ ушелъ, да у насъ и хоронится, навязался къ намъ! Вотъ стамеску просить. Ну, на что тебѣ теперь стамеска, пустая ты голова? Последній струментъ закладывать хочеть!

— Эхъ, Архипушка! Деньги — голуби: прилетять и опять улетять! Пусти, ради небеснаго Создателя, — молилъ Васильевъ тонкимъ, дребезжащимъ голосомъ, высунувъ изъ кузова голову.

— Да сиди ты, идолъ, благо попалъ! — сурово отвѣчалъ Архипъ. — Глаза-то еще съ третьяго дня успѣлъ перемѣнить; съ улицы сегодня на зарѣ притащили; моли Бога — спрятали, Матвѣю Ильичу сказали: заболѣлъ, «запасныя, дескать, колотья у насъ проявились».

Смѣхъ раздался вторично.

— Да стамеска-то гдѣ?

— Да у нашего Зуя! Наладилъ одно! Пьющій челоуѣкъ, какъ есть, сударь, Степанъ Алексѣичъ.

— Хе-хе-хе! Ахъ, мошенникъ! Такъ ты вотъ какъ въ городѣ работаешь: инструментъ закладываешь! — прохрипѣлъ толстякъ, захлебываясь отъ смѣха, совершенно довольный и пришедшій вдругъ въ наипрѣятнѣйшее расположеніе духа.

— А вѣдь столяръ такой, что и въ Москвѣ поискать! Да вотъ такъ-то онъ всегда себя аттестуетъ, мерзавецъ, — прибавилъ онъ, совершенно неожиданно обратившись ко мнѣ. — Выпусти его, Архипъ: можетъ, ему что и нужно.

Барина послушались. Гвоздь, которымъ забили каретную дверцу болѣе для того, чтобы позабавиться надъ Васильевымъ, когда тотъ проспится, былъ вы-

нуть, и Васильевъ показался на свѣтъ Божій испачканный, перяшливый и оборванный. Опъ замигалъ отъ солнца, чихнулъ и покачнулся; потомъ, едѣлавъ рукою надъ глазами щитокъ, осмотрѣлся кругомъ.

— Народу-то, народу-то! — проговорилъ опъ, качая головой, — и все, чай тре . . . звые, — протянулъ опъ въ какомъ-то грустномъ раздумьи, какъ бы въ упрекъ самому себѣ. — Ну, съ добрымъ утромъ, братцы, съ наступающимъ днемъ.

Снова всеобщій хохотъ.

— Съ наступающимъ днемъ! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человѣкъ несообразный!

— Ври, Емеля — твоя недѣля!

— По-нашему, хоть на часъ, да вскачь!

— Хе-хе-хе! Ишь красобай! — вскричалъ толстякъ, еще разъ закачавшись отъ смѣха и снова взглянувъ на меня привѣтливо. — И не стыдно тебѣ, Васильевъ?

— Съ горя, сударь, Степанъ Алексѣичъ, съ горя, — отвѣчалъ серьезно Васильевъ, махнувъ рукою и, очевидно, довольный, что представился случай еще разъ помянуть про свое горе.

— Съ какого горя, дуракъ?

— А съ такого, что досель и не видывали: Өомѣ Өомичу насъ записываютъ.

— Кого? Когда? — закричалъ толстякъ, весь вострепенувшись.

Я тоже ступилъ шагъ впередъ: дѣло совершенно неожиданно коснулось и до меня.

— Да всѣхъ капитоновскихъ. Нашъ баринъ, полковникъ — дай Богъ ему здравія — всю нашу Капитоновку, свою вотчину, Өомѣ Өомичу пожертвовать хочетъ; цѣлыя семьдесятъ душъ ему выдѣляетъ. «На тебѣ, — говоритъ, — Өома! Вотъ теперь у тебя, примѣрно, нѣтъ ничего; помѣщикъ ты небольшой; всего-то у тебя два снитка по оброку въ Ладожскомъ озерѣ

ходить — только и душъ ревизскихъ тебѣ отъ покойнаго родителя твоего осталось. Потому, родитель твой, — продолжалъ Васильевъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ, посыпая перцемъ свой рассказъ во всемъ, что касалось Оомы Оомича, — потому что родитель твой былъ столбовой дворянинъ, невѣдомо откуда, невѣдомо кто; тоже, какъ и ты, по господамъ проживалъ, при милости на кухнѣ пробавлялся. А вотъ теперь, какъ запишу тебѣ Капшоновку, будешь и ты помѣщикъ, столбовой дворянинъ, и людей своихъ собственныхъ имѣть будешь, лежи себѣ на печи, на дворянской вакансіи» . . .

Но Степанъ Алексѣевичъ ужъ не слушалъ. Эффектъ, произведенный на него полупьянымъ рассказомъ Васильева, былъ необыкновенный. Толстякъ былъ такъ раздраженъ, что даже побагровѣлъ; кадыкъ его затрясся, маленькіе глазки налились кровью. Я думалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ.

— Этого не доставало! — проговорилъ онъ, задыхаясь, — ракаля, Оома, приживальщикъ, въ помѣщики! Тыфу! Пропадайте вы совѣмъ! Эй вы, кончай скорѣе! Домой!

— Позвольте спросить васъ, — сказалъ я, нерѣшительно выступая впередъ, — сейчасъ вы изволили упомянуть о Оомѣ Оомичѣ; кажется, его фамилія, если только не ошибаюсь, Опискинъ. Вотъ, видите ли, я желалъ бы . . . словомъ, я имѣю особенныя причины интересоваться этимъ лицомъ и, съ своей стороны, очень бы желалъ узнать, въ какой степени можно вѣрить словамъ этого добраго человѣка, что баринъ его, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, хочетъ подарить одну изъ своихъ деревень Оомѣ Оомичу. Меня это чрезвычайно интересуетъ, и я . . .

— А позвольте и васъ спросить, — прервалъ толстый господинъ, — съ какой стороны изволите интересоваться этимъ лицомъ, какъ вы изъясняетесь; а

по-моему, такъ этой ракальей аназемской — вотъ какъ называть его надо, а не лицомъ! Какое у него лицо, у паршивика! Одинъ только срамъ, а не лицо!

И объяснилъ, что насчетъ лица я, покамѣть, нахожусь въ неизвѣстности, но что Егоръ Ильичъ Ро-станевъ мигъ приходится дядей, а самъ я — Сергѣй Александровичъ такой-то.

— Это что, ученый-то человѣкъ? Батюшка мой, да тамъ васъ ждуть не дождутся! — вскричалъ толстякъ, неллищемѣрно обрадовавшись. — вѣдь я теперь самъ отъ нихъ изъ Степанчикова; отъ обѣда уѣхалъ, изъ-за пуддинга всталъ: съ Оомой усидѣть не могъ! Со всѣми тамъ переругался изъ-за Оомки проклятаго... Вотъ встрѣча! Вы, батюшка, меня извините. Я Степанъ Алексѣичъ Бахчевъ и васъ вотъ этакимъ отъ полу помню... Ну, кто бы сказалъ?... А позвольте васъ...

И толстякъ полѣзь лобызать меня.

Послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго волненія, я немедленно приступилъ къ разпросамъ: случай былъ превосходный.

— Но кто же этотъ Оома? — спросилъ я, — какъ это онъ завоевалъ тамъ весь домъ? Какъ не выгонять его со двора шелепами? Признаюсь...

— Его-то выгонять? Да вы сдурѣли, аль нѣтъ? Да вѣдь Егоръ-то Ильичъ передъ нимъ на цыпочкахъ ходить! Да Оома велѣлъ разъ быть вмѣсто четверга середѣ, такъ они тамъ, всѣ до одинаго, четвергъ серединой почитали. «Не хочу, чтобъ былъ четвергъ, а будь середка!» Такъ двѣ середины на одной недѣлѣ и было. Вы думаете, я привралъ что-нибудь? Вотъ настолечко не привралъ! Просто, батюшка, штука капитана Кука выходитъ!

— Я слышалъ это, но, признаюсь...

— Признаюсь, да признаюсь! Вѣдь наладить же одно человѣкъ! Да чего признаваться-то? Нѣтъ, вы лучше меня разпросите: изъ какихъ я лѣсовъ къ

вамъ явился? Матушка Егора-то Ильича, полковника-то, хоть и очень достойная дама и, къ тому же, генеральша, да, по-моему, изъ ума совсѣмъ выжила: не надышитъ на Ѳомку треклятаго. Всему она и причиною: она-то и завела его въ домѣ. Зачиталъ онъ ее, то-есть, какъ есть безсловесная женщина сдѣлалась, хоть и превосходительствомъ называется — за генерала Крахоткина пятидесяти лѣтъ замужъ выпрыгнула! — Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильиничну, что въ дѣвкахъ сорокъ лѣтъ сидитъ, и говорить не желаю. Ахи, да ѳхи, да клокчетъ, какъ курица — надоѣла мнѣ совсѣмъ — ну ее! Только развѣ и есть въ ней, что дамскій полъ! Такъ вотъ и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамскій полъ. Тьфу! Говорить неприлично: тетушкой она вамъ приходится. Одна только Александра Егоровна, дочка полковничья, хоть и малый ребенокъ — всего-то шестнадцатый годъ, да умнѣй ихъ всѣхъ, по-моему: не уважаетъ Ѳомѣ; даже смотрѣть было весело. Милая барышня, больше ничего! Да и кому уважать-то? Вѣдь онъ, Ѳомка-то, у покойнаго генерала Крахоткина въ шутахъ проживалъ! Вѣдь онъ ему, для его генеральской потѣхи, различныхъ звѣрей изъ себя представлялъ! И выходитъ, что прежде Ваня огороды копалъ, а нынче Ваня въ воеводы попалъ. А теперь полковникъ-то, дядюшка-то, отставного шута за мѣсто отца родного почитаетъ, въ рамку вставилъ его, подлеца, въ ножки ему кланяется, своему-то приживальщику — тьфу!

— Впрочемъ, бѣдность еще не порокъ... и... признаюсь вамъ... позвольте васъ спросить, что онъ красивъ, уменъ?

— Ѳома-то? Писанный красавецъ! — отвѣчалъ Бахчевъ съ какимъ-то необыкновеннымъ дрожаніемъ злости въ голосѣ. (Вопросы мои какъ-то раздражали его, и онъ уже началъ и на меня смотрѣть подозрительно.) — Писанный красавецъ! Слышите, добрые люди:

красавца нашего! Да онъ на всѣхъ зѣбрей похожъ, батюшка, если ужъ все хотите доподлинно знать. И вѣдь добро бы остроуміе было, хоть бы остроуміемъ, шельмецъ, обладать, — ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрѣпя сердце, для остроумія-то, а то вѣдь и остроумія нѣтъ никакого! Просто выпить имъ дать чего-нибудь всѣмъ, физикъ какой-то! Тьфу! Языкъ усталъ. Только плюнуть надо да замолчать. Разстроили вы меня, батюшка, своимъ разговоромъ! Эй, вы! Готова иль нѣтъ?

— Воронка еще перековать надо, — промолвилъ мрачно Григорій.

— Воронка. Я тебѣ такого задамъ воронка! Да, сударь, я вамъ такое могу рассказать, что вы только ротъ разинете, да такъ и останетесь до второго пришествія съ разинутымъ ртомъ. Вѣдь я прежде и самъ его уважалъ. Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: былъ дуракомъ! Вѣдь онъ и меня обморочилъ. Всезнай! Всю подноготную знаетъ, всѣ науки произошелъ! Капель онъ мнѣ давалъ: вѣдь я, батюшка, человѣкъ больной: сырой человѣкъ. Вы, можетъ, не вѣрите, а я больной. Ну, такъ я съ его капель-то чуть вверхъ тормашки не полетѣлъ. Вы только молчите да слушайте; сами поѣдете, всѣмъ полюбуетесь. Вѣдь онъ тамъ полковника-то до кровавыхъ слезъ доведетъ: вѣдь кровавую слезу прольетъ отъ него полковникъ-то, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь ужъ кругомъ весь околотокъ разнакомился съ нимъ изъ-за Ѳомки греклятаго. Вѣдь всякому, кто ни придетъ, оскорбленіе чинить. Чего ужъ мнѣ: значительнаго чина не пощадить! Всякому наставленіе читаетъ; въ мораль какую-то бросило его, шельмеца. Мудрецъ, дескать, я, всѣхъ учиѣ, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый. Да что жъ, что ученый! Такъ изъ-за того, что ученый, ужъ такъ непремѣнно и надо заѣсть неученаго?.. И ужъ какъ начнетъ ученымъ своимъ языкомъ

колотить, такъ ужъ та-та-та! Та-та-та! То-есть такой, я вамъ скажу, болтливый языкъ, что отрѣзать его да выбросить на навозную кучу, такъ онъ и тамъ будетъ болтать, все будѣтъ болтать, пока ворона не склюетъ. Зазнался, надулся, какъ мышъ на крупу! Вѣдь ужъ туда теперъ лѣзетъ, куда и голова его не пролѣзетъ. Да чего! Вѣдь онъ тамъ дворянскихъ людей по-французски учить вздумалъ! Хотите, не вѣрьте! Это, дескать, ему полезно! Хаму-то, слугѣ-то! Тьфу! Срамецъ треклятый — больше ничего! А на что холопу знать по-французски, спрошу я васъ? Да на что и нашему-то брату знать по-французски, на что? Съ барышнями въ мазуркѣ лимонничать, съ чужими женами апельсинничать? Развратъ — больше ничего! А моему, графиню водки выпилъ, — вотъ и заговорилъ на всѣхъ языкахъ. Вотъ какъ я его уважаю, французскій-то вашъ языкъ! Небось и вы по-французски: «та-та-та! Та-та-та, вышла кошка за кота!» — прибавилъ Бахчевевъ, смотря на меня съ презрительнымъ негодованіемъ. — Вы, батюшка, человекъ ученый — а? По ученой части пошли?

— Да... я, отчасти, интересуюсь...

— Чай тоже всѣ науки произошли?

— Такъ-съ, то-есть нѣтъ... Признаюсь вамъ, я болѣе интересуюсь теперъ наблюденіемъ. Я все сидѣлъ въ Петербургѣ и теперъ спѣшу къ дядюшкѣ...

— А кто васъ тянулъ къ дядюшкѣ? Сидѣли бы тамъ, гдѣ-нибудь у себя, коли было гдѣ сѣсть. Нѣтъ, батюшка, тутъ я вамъ скажу, ученостью мало возьмете, да и никакой дядюшка вамъ не поможетъ; попадете въ арканъ! Да я у нихъ похудѣлъ въ одніи сутки. Ну, вѣрите ли, что я у нихъ похудѣлъ? Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите. Что жъ, пожалуй, Богъ съ вами, не вѣрьте.

— Нѣтъ-съ, помилуйте, я очень вѣрю; только я

все еще не понимаю. — отвѣчалъ я, теряясь все болѣе и болѣе.

— То-то вѣрю, да я-то тебѣ не вѣрю! Все вы прыгуны, съ вашей ученой-то частью. Вамъ только бы на одной ножкѣ попрыгать, да себя показать! Не люблю я, батюшка, ученую часть; вотъ она у меня гдѣ сидитъ! Приходилось съ вашими петербургскими сталкиваться — непотребный народъ! Все фармазоны: невѣрие распространяють; рюмку водки выпить боится, точно она укуситъ его — тьфу! Разсердили вы меня, батюшка, и рассказывать тебѣ ничего не хочу! Вѣдь не подрядился же я, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ сказки рассказывать, да и языкъ усталъ. Всѣхъ, батюшка, не переругаешь, да и грушно... А только онъ у дядюшки вашего лакея Видоплясова чуть не въ безуміе ввелъ, ученый-то твой! Ума рѣшился Видоплясовъ-то изъ-за Оомы Оомича...

— Да я бѣ его, Видоплясова, — ввязался Григорій, который до сихъ поръ чинно и строго наблюдалъ разговоръ, — да я бѣ его, Видоплясова, изъ-подъ розогъ не выпустилъ. Нарвись-ка онъ на меня, я бы дурь-то нѣмецкую вышибъ! Задалъ бы столько, что въ два-ста не складешь.

— Молчать! — крикнулъ баринъ, — держи языкъ за зубами; не съ тобой говорить!

— Видоплясовъ, — сказалъ я, совершенно сбившись и уже не зная, что говорить, — Видоплясовъ... скажите, какая странная фамилія?

— А чѣмъ она странная? И вы туда же! Эхъ вы ученый, ученый!

Я потерялъ терпѣніе.

— Извините, — сказалъ я, — но за что жъ вы на меня-то сердитесь? Чѣмъ же я виноватъ? Признаюсь вамъ, я вотъ уже полчаса васъ слушаю и даже не понимаю, о чемъ идетъ дѣло...

— Да вы, батюшка, чего обижаетесь? — отвѣчалъ

толстякъ, — нечего вамъ обижаться! Я вѣдь тебѣ лобя говорю. Вы не глядите на меня, что я такой крикса и вотъ сейчасъ на человѣка моего закричалъ. Онъ хоть каналья естественнѣйшая, Гришка-то мой, да за это-то я его и люблю, подлеца. Чувствительность сердечная погубила меня — откровенно скажу; а во всемъ этомъ Оомка одинъ виновать! Погубить онъ меня, присягну, что погубить! Вотъ теперь два часа на солнцѣ по его же милости жарюсь. Хотѣлъ было къ протопопу зайти, покамѣстъ эти дураки съ починкой копаются. Хорошій человѣкъ здѣшній протопопъ. Да ужъ такъ онъ разстроилъ меня, Оомка-то, что ужъ и на протопопа смотрѣть не хочется! Ну ихъ всѣхъ! Здѣсь вѣдь и трактиришка порядочнаго нѣтъ. Всѣ, я вамъ скажу, подлецы, всѣ до одинаго! И вѣдь добро бы чинъ на немъ былъ необыкновенный какой-нибудь, — продолжалъ Бахчеевъ, снова обращаясь къ Оомѣ Оомичу, отъ котораго онъ, видимо, не могъ отвязаться, — ну, тогда хоть по чину простительно; а то, вѣдь, и чинишка-то нѣтъ; это я доподлинно знаю, что нѣтъ. За правду, говоритъ, гдѣ-то тамъ пострадалъ, въ сорокъ не въ нашемъ году, такъ вотъ и кланяйся ему за то въ ножки! Чортъ не братъ! Чуть что не по немъ — вскочить, завизжить: «обижаютъ, дескать, меня, бѣдность мою обижаютъ, уваженіе не питають ко мнѣ!» Безъ Оомы къ столу не смѣй сѣсть, а самъ не выходитъ: «меня, дескать, обидѣли; я убогій странникъ, я и чернаго хлѣбца поѣмъ». Чуть сядутъ, онъ тутъ и явился, опять пошла наша скрипка пилить: «зачѣмъ безъ меня сѣли за столъ? Значить, ни во что меня почитають». Словомъ, гуляй душа! Я, батюшка, долго молчалъ. Онъ думалъ, что и я передъ нимъ собачонкой на заднихъ лапкахъ буду выплясывать; па-тка, братъ, возьми, закуси! Нѣтъ, братъ, ты только за дугу, а я ужъ въ телѣгѣ сижу! Съ Егоръ-то Ильичомъ я вѣдь въ одномъ полку служилъ. Я-то въ отставку

юнкеромъ вышелъ, а онъ въ прошломъ году въ вотчину прѣхалъ въ отставку полковникомъ. Говорю ему: «Эй, себя стубите, не потакайте Ѳомъ! Прольете слезу!» Нѣтъ, говоритъ, превосходнѣйшій онъ человѣкъ (это про Ѳомку-то), онъ мнѣ другъ; онъ меня благоправію учить. Ну, думаю, противъ благоправія не пойдешь! Ужъ коли благоправію зачалъ учить — значить, послѣднее дѣло пришло. Что жъ бы вы думали, сегодня изъ-за чего опять подіялъ исторію? Завтра Ильи-пророка (господинъ Бахчеевъ перекрестился): Плюша, сынокъ-то дядошкинъ, именинникъ. Я было думалъ и день у нихъ провести, и пообѣдать тамъ, и игрушку столичную выписать: нѣмецъ на пружинахъ у своей невѣсты ручку цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ — превосходная вещь! (Теперь ужъ не подарю, моргенъ-фри! Вонъ у меня въ коляскѣ лежитъ и пось у нѣмца отбить; назадъ везу.) Егоръ-то Ильичъ и самъ бы не прочь въ такой день погулять и попраздновать, да Ѳомка претить: «зачѣмъ, дескать, начали заниматься Плюшей? На меня, стало быть, вниманія не обращаютъ теперь!» А? Каковъ гусь? Восемилѣтнему мальчику въ тезоименитствѣ позавидовалъ! «Такъ вотъ нѣтъ же, говоритъ, и я именинникъ!» Да вѣдь будетъ Ильинъ день, а не Ѳоминъ! «Нѣтъ, говоритъ, я тоже въ этотъ день именинникъ!» Смотрю я, терплю. Что жъ бы вы думали? Вѣдь они теперь на цыпочкахъ ходятъ, да шепчутся, какъ быть? За именинника его въ Ильинъ день почитать или нѣтъ, поздравлять или нѣтъ? Не поздравь — обидѣтся можетъ, а поздравь — пожалуи, и въ насмѣшку приметъ. Тьфу ты пронасть! Сѣли мы обѣдать... Да ты, батюшка, слушаешь или нѣтъ?

— Помилуйте, слушаю; съ особеннымъ даже удовольствіемъ слушаю; потому что черезъ васъ я теперь узналъ... и... признаюсь...

— То-то, съ особеннымъ удовольствіемъ! Знаю

я твое удовольствіе . . . Да ужъ ты не въ пику ли миѣ про удовольствіе-то свое говоришь?

— Помилуйте, въ какую же пику? Напротивъ. При томъ же вы такъ . . . оригинально выражаетесь, что я даже готовъ записать ваши слова.

— То-есть какъ это, батюшка, записать? — спросилъ господинъ Бахчеевъ съ нѣкоторымъ испугомъ и смотря на меня подозрительно.

— Впрочемъ, я, можетъ быть, и не запишу . . . это я такъ.

— Да ты вѣрно какъ-нибудь обольстить меня хочешь?

— То-есть какъ это обольстить? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Вотъ ты теперь меня обольстишь; я тебѣ все расскажу, какъ дуракъ, а ты возьмешь послѣ, да и опишешь меня гдѣ-нибудь въ сочиненіи.

Я тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить господина Бахчеева, что я не изъ такихъ, но онъ все еще подозрительно смотрѣлъ на меня.

— То-то, не изъ такихъ! Кто тебя знаетъ! Можетъ, и лучше еще. Воиъ и Ома грозился меня описать да въ печать послать.

— Позвольте спросить, — прервалъ я, отчасти желая переменить разговоръ, — скажите, правда ли, что дядюшка хочетъ жениться?

— Такъ что же, что хочетъ? Это бы еще ничего. Женись, коли ужъ тебя покачнуло, не это скверно, а другое скверно . . . — прибавилъ господинъ Бахчеевъ въ задумчивости. — Гм! Про это, батюшка, я вамъ доподлинно не могу дать отвѣта. Много теперь туда всякаго бабья напихалось, какъ мухъ у варенья; да вѣдь не разберешь, которая замужъ хочетъ. А я вамъ, батюшка, по дружбѣ скажу: не люблю бабья! Только слава, что человѣкъ, а по правдѣ, такъ одинъ только срамъ, да и спасенію души вредить. А что дядюшка

ваигъ влюбленъ, какъ сибирскій котъ, такъ въ этомъ я васъ завѣряю. Про это, батюшка, я теперь промолчу, сами увидите; а только то скверно, что дѣло тянется. Коли жениться, такъ и женись; а то Оомкъ боится сказать, да и старухѣ своей боится сказать: та тоже завизжитъ на все село, да брыкаться начнетъ. За Оомку стоитъ: дескать, Оома Оомичъ огорчится, коли супруга въ домъ войдетъ, потому что ему тогда двухъ часовъ не прожить въ домѣ-то. Супруга-то собственоручно въ шею вытолкаетъ, да еще, не будь дура, другимъ какимъ манеромъ, такого киселя задастъ, что по уѣзду мѣста потомъ не отыщеть! Такъ вотъ онъ и куралесить теперь, вмѣстѣ съ маменькой и подсовываютъ ему таковскую... Да ты, батюшка, что жъ меня перебилъ? Я тебѣ самую главную статью хотѣлъ рассказать, а ты меня перебилъ! Я постарше тебя, перебивать старика не годится...

Я извинился.

— Да ты не извиняйся! Я вамъ, батюшка, какъ человѣку ученому, на судъ представить хотѣлъ, какъ онъ сегодня разобидѣлъ меня. Ну, вотъ разсуди, коли добрый ты человѣкъ. Съли мы обѣдать; такъ онъ меня, я тебѣ скажу, чуть не съѣлъ за обѣдомъ-то! Съ самаго начала вижу: сидитъ себѣ, злится, такъ что въ немъ вся душа скрипитъ. Въ ложкѣ воды утопить меня радъ, ехидна! Такого самолюбія человѣкъ, что ужъ самъ въ себѣ помѣститься не можетъ! Вотъ и вздумать онъ ко мнѣ придираться, благонаравію тоже меня вздумать учить. Зачѣмъ, скажите ему, я такой толстый? Ну, присталь человѣкъ: зачѣмъ не тонкій, а толстый? Ну, скажите же, батюшка, что за вопросъ? Ну, видно ли тутъ остроуміе? Я съ благоразуміемъ ему отвѣчаю: «это такъ ужъ. Богъ устроилъ, Оома Оомичъ: одинъ толстъ, а другой тонокъ; а противъ всеблагого Провидѣнія смертному возставать невозможно». Благоразумно вѣдь — какъ вы думаете? — «Нѣтъ,

говорить, у тебя пятьсотъ душъ, живешь на готовомъ, а пользы отечеству не приносишь: надо служить, а ты все дома сидишь, да на гармоніи играешь». А я и взаправду, когда взгрустнется, на гармоніи люблю поиграть. Я опять съ благоразуміемъ отвѣчаю: «А въ какую я службу пойду, Оома Оомичъ? Въ какой мундиръ толстоту-то мою затыну? Надѣну мундиръ, затынусь, неравно чихну — всѣ пуговицы и отлетятъ, да еще, пожалуй, при вышемъ начальствѣ, да оборони Богъ, за пашквиль сочтутъ — что тогда?» Ну, скажите же, батюшка, ну, что я тутъ смѣшного сказалъ? Такъ ибѣтъ же, покатывается на мой счетъ, хахалыки да хихиньки такія пошли . . . то-есть цѣломудрія въ немъ ибѣтъ никакого, я вамъ скажу, да еще на французскомъ діалектѣ поноситъ меня вздумалъ: «кошонъ», говоритъ. Ну, кошонъ-то и я понимаю, что значить. «Эхъ ты физикъ проклятый, думаю; полагаешь, я тебѣ теплоухъ дался?» Терпѣлъ я, терпѣлъ, да и не утерпѣлъ, всталъ изъ-за стола, да при всемъ честномъ народѣ и брякъ ему: «Согрѣшилъ я, говорю, передъ тобой, Оома Оомичъ, благодѣтель, подумалъ было, что ты благовоспитанный человѣкъ, а ты, братъ, выходишь такая же свинья, какъ и мы всѣ», — сказалъ, да и вышелъ изъ-за стола, изъ-за самага пудина: пудинъ тогда обносили. Ну васъ и съ пудиномъ-то! . . .

— Извините меня, — сказалъ я, прослушавъ весь разговоръ господина Бахчеева, — я, конечно, готовъ съ вами во всемъ согласиться. Главное, я еще ничего положительнаго не знаю . . . Но, видите ли, на этотъ счетъ у меня явились теперь свои идеи.

— Какія же это идеи, батюшка, у тебя появились? — недовѣрчиво спросилъ господинъ Бахчеевъ.

— Видите ли, — началъ я, нѣсколько путаясь, — оно, можетъ быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готовъ сообщить. Вотъ какъ я думаю: можетъ быть, мы оба ошибаемся насчетъ Оомы Оомича; можетъ быть,

всѣ эти странности прикрываютъ натуру особенную, даже даровитую — кто это знаетъ? Можетъ быть, это натура огорченная, разбитая страданіями, такъ сказать, метаящая всему человѣчеству. Я слышалъ, что онъ прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ шута: можетъ быть, это его унизило, оскорбило, сразило?.. Понимаете: человѣкъ благородный... сознание... а тутъ роль шута!.. И вотъ онъ сталъ недоувѣрчивъ ко всему человѣчеству и... и, можетъ быть, если примирить его съ человѣчествомъ... то-есть съ людьми, то, можетъ быть, изъ него выйдетъ натура особенная, можетъ быть, даже очень замѣчательная и... и... и вѣдь есть же что-нибудь въ этомъ человѣкѣ? Вѣдь есть же причина, по которой ему всѣ поклоняются?

Словомъ, я самъ почувствовалъ, что зарাপортовался ужасно. По молодости еще можно было простить. Но господинъ Бахчевъ не простилъ. Серьезно и строго смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза и, наконецъ, вдругъ побагровѣлъ, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Это Оомка-то такой особенный человѣкъ? — спросилъ онъ отрывисто.

— Послушайте: я еще самъ почти ничему не вѣрю изъ того, что я теперь говорилъ. Я это такъ только, въ видѣ догадки...

— А позвольте, батюшка, полюбопытствовать спросить: обучались вы философіи или нѣтъ?

— То-есть въ какомъ смыслѣ? — спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, не въ смыслѣ; а вы мнѣ, батюшка, прямо безъ всякаго смыслу отвѣчайте: обучались вы философіи или нѣтъ?

— Признаюсь, я намѣренъ изучить, но...

— Ну, такъ и есть! — вскричалъ господинъ Бахчевъ, давъ полную волю своему негодованію. — Я, батюшка, еще прежде, чѣмъ вы ротъ растворили, догадался, что вы философіи обучались! Меня не наду-

ешь! Моргенъ-фри! За три версты чутьемъ услышу философа! Поцѣлуйтесь вы съ вашимъ Ѳомой Ѳоми-чомъ! Особеннаго человѣка нашелъ! Тьфу! Прокисай все на свѣтѣ! Я было думалъ, что вы тоже благонамѣренный человѣкъ, а вы . . . Подавай! — закричалъ онъ кучеру, ужъ влѣзавшему на козла исправленнаго экипажа. — Домой!

Насилу-то я кое-какъ успокоилъ его; кое-какъ, наконецъ, онъ смягчился; но долго еще не могъ рѣшиться перемѣнить гнѣвъ на милость. Между тѣмъ онъ влѣзъ въ коляску съ помощью Григорія и Архипа, того самаго, который читалъ наставленія Васильеву.

— Позвольте спросить васъ, — сказалъ я, подойдя къ коляскѣ, — вы ужъ болѣе не пріѣдете къ дядюшкѣ?

— Къ дядюшкѣ-то? А плюньте на того, кто вамъ это сказалъ! Вы думаете, я постоянный человѣкъ, выдержу? Въ томъ-то и горе мое, что я тряпка, а не человѣкъ! Недѣли не пройдетъ, а я опять туда полетусь. А зачѣмъ? Вотъ подите: самъ не знаю зачѣмъ, а поѣду; опять буду съ Ѳомой воевать. Это ужъ, батюшка, горе мое! За грѣхи мнѣ Господь этого Ѳомку въ наказаніе послалъ. Характеръ у меня бабій, постоянства нѣтъ никакого!! Трусь я, батюшка, первой руки . . .

Мы, однакожъ, разстались по-дружески, онъ даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

— Пріѣзжай, батюшка, пріѣзжай, пообѣдаемъ. У меня водочка изъ Кіева пѣшкомъ пришла, а поваръ въ Парижъ бывалъ. Такого фенезерфу подасть, такую кулебяку мисаиловну сочинить, что только пальчики оближешь, да въ ножки поклонись ему, подлецу. Образованный человѣкъ! Я вотъ только давно не сѣкъ его, балуется онъ у меня . . . да вотъ теперь благо напомнили . . . Пріѣзжай! Я бы васъ и сегодня съ собою пригласилъ, да вотъ какъ-то весь упалъ, раскисъ, со-

всѣмъ безъ заднихъ ногъ сдѣвался. Видь я человекъ больной, сырой человекъ. Вы, можетъ быть, и не вѣрите . . . Ну прощайте, батюшка! Пора плыть и моему кораблю. Вонъ и вашъ тарантасикъ готовъ. А Оомкѣ скажите, чтобъ и не встрѣчался со мной; не то я такую чувствительную встрѣчу ему сочиню, что онъ . . .

Но послѣднихъ словъ ужъ не было слышно. Коляска, принятая дружно четверкою сильныхъ коней, исчезла въ облакахъ пыли. Подали и мой тарантасъ: я сѣлъ въ него, и мы тотчасъ же проѣхали городишко. «Конечно, этотъ господинъ привираетъ, — подумалъ я — онъ слишкомъ сердитъ и не можетъ быть безпристрастнымъ. Но опять-таки, все что онъ говорилъ о дядѣ, очень замѣчательно. Вотъ ужъ два голоса согласны въ томъ, что дядя любить эту дѣвицу . . . Гм! Желюсъ я или нѣтъ?» Въ этотъ разъ я крѣпко задумался.

III

Дядя

Признаюсь, я даже немного струсилъ. Романическія мечты мои показались мнѣ вдругъ чрезвычайно странными, даже какъ будто и глупыми, какъ только я вѣхалъ въ Степанчиково. Это было часовъ около пяти пополудни. Дорога шла мимо барскаго сада. Снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я увидѣлъ этотъ огромный садъ, въ которомъ мелькнуло нѣсколько счастливыхъ дней моего дѣтства и который много разъ потомъ снился мнѣ во снѣ, въ дортуарахъ школы, хлопотавшихъ о моемъ образованіи. Я выскочилъ изъ повозки и пошелъ прямо черезъ садъ къ барскому дому. Мнѣ очень хотѣлось явиться втихомолку, разузнать, выспросить и прежде всего наговориться съ дядей. Такъ и случилось. Пройдя аллею столѣтнихъ

липъ, я ступилъ на террасу, съ которой стеклянною дверью прямо входили во внутреннія комнаты. Эта терраса была окружена клумбами цвѣтовъ и заставлена горшками дорогихъ растеній. Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ туземцевъ, стараго Гаврилу, бывшаго когда-то моимъ дядькой, а теперь почетнаго камердинера дядюшки. Старикъ былъ въ очкахъ и держалъ въ рукѣ тетрадку, которую читалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы видѣлись съ нимъ, два года назадъ, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ дядей, а потому онъ тотчасъ же теперь узналъ меня. Съ радостными слезами бросился онъ цѣловать мои руки, при чемъ очки слетѣли съ его носа на полъ. Такая привязанность старика меня очень тронула. Но, взволнованный недавнимъ разговоромъ съ господиномъ Бахчевымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе на подозрительную тетрадку, бывшую въ рукахъ у Гаврилы.

— Что это, Гаврила, неужели и тебя начали учить по-французски? — спросилъ я старика.

— Учатъ, батюшка, на старости лѣтъ, какъ скворца, — печально отвѣчалъ Гаврила.

— Самъ Ома учить?

— Онъ, батюшка. Умиѣющій, должно быть, человекъ.

— Нечего сказать, умникъ! По разговорамъ учить?

— По китрадкѣ, батюшка.

— Это что въ рукахъ у тебя? А! Французскія слова русскими буквами — ухитрился! Такому болвану, дураку набитому, въ руки даетесь — не стыдно ли, Гаврила? — вскричалъ я, въ одинъ мигъ забывъ всѣ великодушныя мои предположенія о Омѣ Омичѣ, за которыя мнѣ еще такъ недавно досталось отъ господина Бахчеева.

— Гдѣ же, батюшка, — отвѣчалъ старикъ, — гдѣ же онъ дуракъ, коли ужъ господами нашими такъ управляетъ?

— Гм! Можетъ быть, ты и правъ, Гаврила, — пробормоталъ я, приостановленный этимъ замѣчаніемъ. — Веди же меня къ дядюшкѣ.

— Соколъ ты мой! Да я не могу на глаза показаться, не смѣю. Я ужъ и его сталъ бояться. Вотъ здѣсь и сижу, горе мычу, да за клумбы шагаю, когда онъ проходитъ изволить.

— Да чего же ты боишься?

— Давеча уроку не зналъ: Оома Оомичъ на колѣни ставилъ, а я и не сталъ. Старъ я сталъ, батюшка, Сергѣй Александровичъ, чтобъ надо мной такія шутки шутить! Баринъ осерчать изволилъ, зачѣмъ Оому Оомича не послушался. «Онъ, говоритъ, старый ты хрычъ, о твоёмъ же образованіи заботится, произношенію тебя хочетъ учить». Вотъ и хожу, твержу вокабуль. Обѣщаль Оома Оомичъ къ вечеру опять экзаментикъ сдѣлать.

Мнѣ показалось, что тутъ было что-то неясное. Съ этимъ французскимъ языкомъ была какая-нибудь исторія, подумалъ я, которую старикъ не можетъ мнѣ объяснить.

— Одинъ вопросъ, Гаврила: каковъ онъ собой? Видный, высокаго роста?

— Оома-то Оомичъ? Нѣтъ, батюшка, плюгавенькій такой человѣчекъ.

— Гм! Подожди, Гаврила, все это еще, можетъ быть, уладится; даже непременно, обѣщаю тебѣ, уладится! Но . . . гдѣ же дядюшка?

— А за конюшнями мужичковъ привимаеть. Съ Капитоновки старики съ поклономъ пришли. Прослышали, что ихъ Оомѣ Оомичу записываютъ. Отмолиться хотятъ.

— Да зачѣмъ же за конюшнями?

— Опасается, батюшка . . .

Дѣйствительно, я нашель дядю за конюшнями. Тамъ, на площадкѣ, онъ стоялъ передъ группою кре-

стьянъ, которые кланялись и о чемъ-то усердно просили. Дядя что-то съ жаромъ имъ толковалъ. Я подошелъ и окликнулъ его. Онъ обернулся, и мы бросились другъ другу въ объятія.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался; радость его доходила до восторга. Онъ обнималъ меня, сжималъ мои руки. . . . Точно ему возвратили его родного сына, избавленнаго отъ какой-нибудь смертельной опасности. Точно какъ будто я своимъ прїѣздомъ избавилъ и его самого отъ какой-то смертельной опасности и привезъ съ собою разрѣшеніе всѣхъ его недоразумѣній, счастье и радость на всю жизнь ему и всѣмъ, кого онъ любитъ. Дядя не согласился бы быть счастливымъ одинъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, онъ вдругъ такъ захопоталъ, что, наконецъ, совершенно сбился и спутался. Онъ закидывалъ меня разспросами, хотѣлъ немедленно вести меня къ своему семейству. Мы было и пошли, но дядя воротился, пожелавъ представить меня сначала капитоновскимъ мужикамъ. Потомъ, помню, онъ вдругъ заговорилъ, неизвѣстно по какому поводу, о какомъ-то господинѣ Коровкинѣ, необыкновенномъ человѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ три дня назадъ, гдѣ-то на большой дорогѣ, и котораго ждалъ теперь къ себѣ въ гости съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Потомъ онъ бросилъ и Коровкина и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него. Отвѣчая на торопливые его разспросы, я сказалъ, что желалъ бы не вступать въ службу, а продолжать заниматься науками. Какъ только дѣло дошло до наукъ, дядя вдругъ насупилъ брови и сдѣлалъ необыкновенно важное лицо. Узнавъ, что въ послѣднее время я занимался минералогіей, онъ поднялъ голову и съ гордостью осмотрѣлся кругомъ, какъ будто онъ самъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, открылъ и написалъ всю минералогію. Я уже сказалъ, что передъ словомъ «наука» онъ благоговѣлъ самымъ безкорыстнѣйшимъ образомъ,

тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что самъ рѣшительно ничего не зналъ.

— Эхъ, братъ, есть же на свѣтѣ люди, что всю подноготную знаютъ! — говорилъ онъ мнѣ однажды, съ сверкающими отъ восторга глазами. — Сидишь между ними, слушаешь и вѣдь самъ знаешь, что ничего не понимаешь, а все какъ-то сердцу любо. А отчего? А оттого, что тутъ польза, тутъ умъ, тутъ всеобщее счастье! Это-о я понимаю. Вотъ я теперь по чугункѣ поѣду, а Плюшка мой, можетъ, и по воздуху полетитъ . . . Ну, да, наконецъ, и торговля, промышленность — эти, такъ сказать, струи . . . то-есть я хочу сказать, что какъ ни верти, а полезно . . . Вѣдь полезно, — не правда ли?

Но обратимся къ нашей встрѣчѣ.

— Вотъ подожди, другъ мой, подожди, — началъ онъ, потирая руки и скороговоркою, — увидишь чело-вѣка! Человѣкъ рѣдкій, я тебѣ скажу, человѣкъ ученый, человѣкъ науки; останется въ столѣтїи. А вѣдь хорошо словечко: «останется въ столѣтїи»? Это мнѣ Оома объяснилъ . . . Подожди, я тебя познакомлю.

— Это вы про Оому Оомича, дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! Это я теперь про Коровкина. То-есть и Оома тоже, и онъ . . . Но это я просто про Коровкина теперь говорилъ, — прибавилъ онъ, неизвѣстно отчего покраснѣвъ и какъ будто смѣшавшись, какъ только рѣчь зашла про Оому.

— Какими же онъ науками занимается, дядюшка?

— Науками, братецъ, науками, вообще науками. Я вотъ только не могу сказать, какими именно, а только знаю, что науками. Какъ про желѣзныя дороги говорить! И знаешь, — прибавилъ дядя полушопотомъ, многозначительно прищуривая правый глазъ, — немало, этакъ, вольныхъ идей! Я замѣтилъ, особенно когда про семейное счастье заговорилъ . . . Вотъ жаль, что я самъ мало понялъ (времени не было), а то бы

разказалъ тебѣ все, какъ по ниткѣ. И вдобавокъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ! Я его пригласилъ къ себѣ погостить. Съ часу на часъ ожидаю.

Между тѣмъ, мужики глядѣли на меня, раскрывъ рты и выпуча глаза, какъ на чудо.

— Послушайте, дядюшка, — прервалъ я его, — я, кажется, помѣшалъ мужичкамъ. Они вѣрно за надобностью. О чемъ они? Я, признаюсь, подозрѣваю кой-что и очень бы радъ ихъ послушать...

Дядя вдругъ захлопоталъ и заторопился.

— Ахъ, да! Я и забылъ! Да вотъ видишь... что съ ними дѣлать? Выдумали, — и желалъ бы я знать, кто первый у нихъ это выдумалъ, — выдумали, что я отдаю ихъ, и всю Капитоновку, — ты помнишь Капитоновку? Еще мы туда съ покойной Катей все по вечерамъ гулять ѣздили, — всю Капитоновку, цѣлыхъ шестьдесятъ восемь душъ, Ѳомѣ Ѳомичу! «Ну, не хотимъ идти отъ тебя, да и только!»

— Такъ это неправда, дядюшка? Вы не отдаете ему Капитоновки? — вскричалъ я почти въ восторгѣ.

— И не думалъ; въ головѣ не было! А ты отъ кого слышалъ? Разъ какъ-то съ языка сорвалось, вотъ и пошло гулять мое слово. И отчего имъ Ѳома такъ не милъ? Вотъ подожди, Сергѣй, я тебя познакомлю, — прибавилъ онъ, робко взглянувъ на меня, какъ будто уже предчувствуя и во мнѣ врага Ѳомѣ Ѳомичу. — Это, братъ, такой человѣкъ...

— Не хотимъ, oprичъ тебя, никого не хотимъ! — завопили вдругъ мужики, цѣлымъ хоромъ. — Вы отцы, а мы ваши дѣти!

— Послушайте, дядюшка, — отвѣчалъ я, — Ѳому Ѳомича я еще не видалъ, но... видите ли... я кое-что слышалъ. Признаюсь вамъ, что я встрѣтилъ сегодня господина Бахчеева. Впрочемъ, у меня на этотъ счетъ, покамѣстъ, своя идея. Во всякомъ случаѣ, дядюшка, отпустите-ка вы мужиковъ, а мы съ вами поговоримъ

одни, безъ свидѣтелей. Я, признаюсь, затѣмъ и пріѣхалъ . . .

— Именно, именно, — подхватилъ дядя, — именно! Мужичковъ отпустимъ, а потомъ и поговоримъ, знаешь, этакъ, пріятельски, дружески, основательно! — Ну, — продолжалъ онъ скороговоркой, обращаясь къ мужикамъ: — теперь ступайте, друзья мои. И впередъ ко мнѣ, всегда ко мнѣ, когда нужно; таки-такъ, прямо ко мнѣ и иди, во всякое время.

— Батюшка ты нашъ! Вы отцы, мы ваши дѣти! Не давай въ обиду Оомѣ Оомичу! Вся бѣдность просить! — закричали еще разъ мужики.

— Вотъ дураки-то! Да не отдамъ я васъ, говорятъ!

— А то заучить онъ насъ совсѣмъ, батюшка! Здѣшнихъ, слышь, совсѣмъ заучилъ.

— Такъ неужели онъ и васъ по-французски учить? — вскричалъ я, почти въ испугѣ.

— Нѣтъ, батюшка, покамѣстъ еще миловалъ Богъ! — отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ, вѣроятно, большой говорунъ, рыжій, съ огромной плѣшью на затылкѣ и съ длинной, жиденькой, клинообразной бородкой, которая такъ и ходила вся, когда онъ говорилъ, точно она была живая сама по себѣ. — Нѣтъ, сударь, покамѣстъ еще миловалъ Богъ.

— Да чему жъ онъ васъ учить?

— А учить онъ, ваша милость, такъ, что по-нашему выходитъ золотой ящикъ купи да мѣдный грошъ положи.

— То-есть, какъ это мѣдный грошъ?

— Сережа! Ты въ заблужденіи; это клевета! — вскричалъ дядя, покраснѣвъ и ужасно сконфузившись. — Это они, дураки, не поняли, что онъ имъ говорилъ! Онъ только такъ . . . какой тутъ мѣдный грошъ . . . А тебѣ нечего про все понимать, горло драть, — продолжалъ дядя, съ укоризною обращаясь къ мужику,

— тебѣ же, дураку, добра пожелали, а ты не понимаешь, да и кричишь!

— Помилуйте, дядюшка, а французскій-то языкъ?

— Это онъ для произношенія, Сережа, единственно для произношенія, — проговорилъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ. — Онъ это самъ говорилъ, что для произношенія . . . При томъ же тутъ случилась одна особенная исторія — ты ея не знаешь, а потому и не можешь судить. Надо, братецъ, прежде вникнуть, а ужъ потомъ обвинять . . . Обвинять-то легко!

— Да вы-то чего! — закричалъ я, въ запальчивости снова обращаясь къ мужикамъ. — Вы бы ему такъ все прямо и высказали. Дескать, этакъ нельзя, Ома Омичъ, а вотъ оно какъ! Вѣдь есть же у васъ языкъ?

— Гдѣ та мышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила, батюшка? Я, говоритъ, тебя, мужика сиволапаго, чистотѣ и порядку учу. Отчего у тебя рубаха нечиста? Да въ поту живеть, оттого и нечистая! Не каждый день перемѣнять. Съ чистоты не воскреснешь, съ погани не треснешь.

— А вотъ анамедни на гумно пришелъ, — заговорилъ другой мужикъ, съ виду рослый и сухощавый, весь въ заплатахъ, въ самыхъ худенькихъ лаптишкахъ и, повидимому, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чѣмъ-нибудь недовольны и всегда держатъ въ запасѣ какое-нибудь ядовитое, отравленное слово. До сихъ поръ онъ хоронился за спинами другихъ мужиковъ, слушалъ въ мрачномъ безмолвіи и все время не сгонялъ съ лица какой-то двусмысленной, горько-лукавой усмѣшки. — На гумно пришелъ. «Знаете ли вы, говоритъ, сколько до солнца верстъ?» А кто его знаетъ? Наука эта не нашинская, а барская. «Нѣтъ, говоритъ, ты дуракъ, пехтеръ, пользы своей не знаешь; а я, говоритъ, астрономъ! Я все Божіи планиды узналъ».

— Ну, а сказалъ тебѣ, сколько до солнца верстъ?

— вмѣшался дядя, вдругъ оживляясь и весело мнѣ подмигивая, какъ бы говоря: «вотъ посмотри-ка, что будетъ!»

— Да, сказала сколько-то много, — нехотя отвѣчалъ мужикъ, не ожидавшій такого вопроса.

— Ну, а сколько сказала, сколько именно?

— Да вашей милости лучше извѣстно, а мы люди темные.

— Да я-то, братъ, знаю, а ты помнишь ли?

— Да сколько-то сотъ, али тысячь, говорилъ, будетъ. Что-то много сказала. На трехъ возахъ не вывезешь.

— То-то, помни, братецъ! А ты думалъ, небось, съ версту будетъ, рукой достать? Нѣтъ, братъ, земля — это, видишь, какъ шаръ круглый — понимаешь? . . . — продолжалъ дядя, очертивъ руками въ воздухѣ подобіе шара.

Мужикъ горько улыбнулся.

— Да, какъ шаръ! Она такъ на воздухѣ и держится сама собой и кругомъ солнца ходитъ. А солнце-то на мѣстѣ стоитъ; тебѣ только кажется, что оно ходитъ. Вотъ она штука какая! А открылъ это все капитанъ Кукъ, моредохъ... А чортъ его знаетъ кто и открылъ, — прибавилъ онъ полушопотомъ, обращаясь ко мнѣ. — Самъ-то я, братъ, ничего не знаю... А ты знаешь, сколько до солнца-то?

— Знаю, дядюшка, — отвѣчалъ я, съ удивленіемъ смотря на всю эту сцену, — только вотъ что я думаю: конечно, необразованность есть тоже неряшество, но, съ другой стороны... учить крестьянъ астрономіи...

— Именно, именно, именно неряшество! — подхватилъ дядя въ восторгѣ отъ моего выраженія, которое показалось ему чрезвычайно удачнымъ. — Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорилъ... то-есть я этого никогда не говорилъ, но я

чувствовалъ. Слышите, — закричалъ онъ мужикамъ, — необразованность, это тоже нерящество, такая же грязь! Вотъ оттого васъ Тома и хотѣлъ научить. Онъ васъ добру хотѣлъ научить — это ничего. Это, братъ, ужъ все равно, тоже служба, всякаго чина стоитъ. Вотъ оно дѣло какое, наука-то! Ну, хорошо, хорошо, друзья мои! Ступайте съ Богомъ, а я радъ, радъ . . . будьте покойны, я васъ не оставлю.

— Защити, отецъ родной!

— Вели свѣтъ видѣть, батюшка!

И мужики повалились въ ноги.

— Ну, ну, это вздоръ! Богу да Царю кланяйтесь, а не мнѣ . . . Ну, ступайте, ведите себя хорошо, заслужите ласку . . . ну и тамъ все . . . Знаешь, — сказалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, только что ушли мужики, и какъ-то сіяя отъ радости, — любить мужичокъ доброе слово, да и подарочекъ не повредитъ. Подарю-ка я имъ что-нибудь — а? какъ ты думаешь? Для твоего пріѣзда . . . Подарить или нѣтъ?

— Да, вы, дядюшка, какой-то Флоръ Силинъ, благодарный человѣкъ, какъ я погляжу.

— Ну, нельзя же, братецъ, нельзя: это ничего. Я имъ давно хотѣлъ подарить, — прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь. — А что тебѣ смѣшно, что я мужиковъ наукамъ училъ? Нѣтъ, братъ, это я такъ, это я отъ радости, что тебя увидѣлъ, Сережа. Просто-запросто хотѣлъ, чтобъ и онъ, мужикъ, узналъ — сколько до солнца, да ротъ разинулъ. Весело, братъ, смотрѣть, когда онъ ротъ разинетъ . . . Какъ-то этакъ радуешься за него. Только, знаешь, другъ мой, не говори тамъ въ гостиной, что я съ мужиками здѣсь объяснялся. Я нарочно ихъ за конюшными принялъ, чтобъ не видно было. Оно, братъ, какъ-то нельзя было тамъ: щекотливое дѣло, да и сами они потихоньку пришли. Я вѣдь это для нихъ больше и сдѣлалъ . . .

— Ну, вотъ, дядюшка, я и пріѣхалъ! — началъ

я, перемѣняя разговоръ и желая добраться поскорѣе до главнаго дѣла. — Признаюсь вамъ, письмо ваше меня такъ удивило, что я...

— Другъ мой, ни слова объ этомъ, — перебилъ дядя, какъ будто въ испугъ и даже понизивъ голосъ, — послѣ, послѣ это все объяснится. Я, можетъ быть, и виноватъ передъ тобою и даже, можетъ быть, очень виноватъ...

— Передо мной виноваты, дядюшка?

— Послѣ, послѣ, мой другъ, послѣ! Все это объяснится. Да какой же ты сталъ молодецъ! Милый ты мой! А какъ же я тебя ждалъ! Хотѣлъ излить, такъ сказать... ты ученый, ты одинъ у меня... ты и Коровкинъ. Надобно замѣтить тебѣ, что на тебя здѣсь всѣ сердятся. Смотри же, будь осторожнѣе, не плошай!

— На меня? — спросилъ я, въ удивленіи смотря на дядю, не понимая, чѣмъ я могъ разсердить людей, тогда еще мнѣ совсѣмъ незнакомыхъ. — На меня?

— На тебя, братецъ. Что жъ дѣлать! Ома Омичъ немножко... ну ужъ маменька, вслѣдъ за нимъ. Вообще, будь остороженъ, почтителенъ, не противорѣчь, а главное, почтителенъ...

— Это передъ Омой-то Омичомъ, дядюшка?

— Что жъ дѣлать, другъ мой, вѣдь я его не защищаю. Дѣйствительно, онъ, можетъ быть, человекъ съ недостатками, и даже теперь, въ эту самую минуту... Ахъ, братъ Сережа, какъ это все меня безпокоитъ! И какъ бы это все могло уладиться, какъ бы мы всѣ могли быть довольны и счастливы!.. Но, впрочемъ, кто жъ безъ недостатковъ? Вѣдь не золотые жъ и мы?

— Помилуйте, дядюшка! Разсмотрите, что онъ дѣлаетъ...

— Эхъ, братъ! Все это только дразги и больше нічего! Вотъ, напримѣръ, я тебѣ расскажу: теперь

онъ сердится на меня, и за что, какъ ты думаешь?.. Впрочемъ, можетъ быть, я и самъ виноватъ. Лучше я тебѣ потомъ расскажу...

— Впрочемъ, знаете, дядюшка, у меня на этотъ счетъ выработалась своя особая идея, — перебилъ я, торопясь высказать мою идею. Да мы и оба какъ-то торопились. — Во-первыхъ, онъ былъ шуткомъ; это его огорчило, сразило, оскорбило его идеаль; и вотъ вышла натура озлобленная, болѣзненная, мстящая, такъ сказать, всему человѣчеству... Но если примирить его съ человѣкомъ, если возвратить его самому себѣ...

— Именно, именно! — вскричалъ дядя въ восторгѣ, — именно такъ! Благороднѣйшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было бы намъ осуждать его! Именно!.. Ахъ, другъ мой, ты меня понимаешь, ты мнѣ отраду привезъ! Только бы тамъ-то уладилось! Знаешь, я туда теперь и явиться боюсь. Вотъ ты пріѣхалъ, и мнѣ непремѣнно достанется!

— Дядюшка, если такъ... — началъ было я, смутясь отъ такого признанія.

— Ни-ни-ни! Ни за что въ свѣтѣ! — закричалъ онъ, схвативъ меня за руки. — Ты мой гость, и я такъ хочу!

Все это чрезвычайно меня удивляло.

— Дядюшка, скажите мнѣ сейчасъ же, — началъ я настойчиво, — для чего вы меня звали? Чего отъ меня надѣтесь и, главное, въ чемъ передо мной виноваты?

— Другъ мой, и не спрашивай! Послѣ, послѣ! Все это послѣ объяснится! Я, можетъ быть, и во многомъ виноватъ, но я хотѣлъ поступить какъ честный человѣкъ и... и... ты на ней женишься! Ты женишься, если только есть въ тебѣ капля благородства! — прибавилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ какого-то внезапнаго чувства, восторженно и крѣпко сжимая мою руку. — Но довольно, ни слова больше! Все самъ

скоро узнаешь. Отъ тебя же будетъ зависѣть . . . Главное, чтобъ ты теперь тамъ понравился, произведь впечатлѣніе. Главное, не сконфузься.

— Но, послушайте, дядюшка, кто жъ у васъ тамъ? Я, признаюсь, такъ мало бывалъ въ обществѣ, что . . .

— Что немножко трусишь? — прервалъ дядя съ улыбкою. — Э, ничего! Все свои, ободрись! Главное, ободрись, не бойся. Я все какъ-то боюсь за тебя. Кто тамъ у насъ, спрашиваешь? Да кто жъ у насъ . . . Во-первыхъ, мамаша, — началъ онъ торопливо. — Ты помнишь мамашу или не помнишь? Добрѣйшая, благороднѣйшая старушка; безъ претензій — это можно сказать; стараго покроя немножко, да это и лучше. Ну, знаешь, иногда такія фантази, скажетъ этакъ какъ-то; на меня теперь сердится, да я самъ виноватъ . . . знаю, что виноватъ! Ну, наконецъ — она вѣдь, что называется, *grande dame*, генеральша . . . превосходнѣйшій человѣкъ былъ ея мужъ: во-первыхъ, генераль, человѣкъ образованнѣйшій, состоянія не оставилъ, но зато весь былъ израненъ; словомъ — стяжалъ уваженіе! Потомъ дѣвица Перепелицына. Ну, эта . . . не знаю . . . въ послѣднее время она какъ-то того . . . характеръ такой . . . А, впрочемъ, нельзя же всѣхъ и осуждать . . . Ну, да Богъ съ ней . . . Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь. Она, братъ, сама подполковничья дочь. Наперсница маменьки, другъ! Потомъ, братъ, сестрица Прасковья Ильинична. Ну, про эту нечего много говорить: простая, добрая; хлопотунья немного, но зато сердце какое! — Ты, главное, на сердце смотри — пожилая дѣвушка, но, знаешь, этотъ чудакъ Бахчевъ, кажется, куры строитъ, хочетъ присвататься. Ты, однако, молчи, чуръ: секретъ! Ну, кто же еще изъ нашихъ? Про дѣтей не говорю: самъ увидишь. Илюшка завтра именинникъ . . . Да бишь! Чуть не забылъ: гостить у насъ, видишь ли, уже цѣлый мѣсяцъ, Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ, тебѣ будетъ

троюродный братъ, кажется; да, именно троюродный! Онъ недавно въ отставку вышелъ изъ гусаровъ, поручикомъ; человѣкъ еще молодой. Благороднѣйшая душа! Но знаешь, такъ промотался, что ужъ я и не знаю, гдѣ онъ успѣлъ такъ промотаться. Впрочемъ у него ничего почти и не было; но все-таки промотался, надѣлалъ долговъ... Теперь гостить у меня. Я его до сихъ поръ и не зналъ совсѣмъ; самъ пріѣхалъ, отрекомендовался. Милый, добрый, смиренный, почтительный. Слыхалъ ли отъ него здѣсь кто и слово? Все молчить; Оома, въ насмѣшку, прозвалъ его «молчаливый незнакомецъ» — ничего: не сердится. Оома доволенъ; говорить про Ивана, что онъ недалекъ. Впрочемъ, Иванъ ему ни въ чемъ не противорѣчитъ и во всемъ поддакиваетъ. Гм! Забитый онъ такой... Ну, да Богъ съ нимъ! Самъ увидишь. Есть городскіе гости: Павелъ Семенычъ Обноскинъ съ матерью; молодой человѣкъ, но высочайшаго ума человѣкъ; что-то зрѣлое, знаешь, незыблемое... Я вотъ только не умѣю выразиться; и, вдобавокъ, превосходной нравственности; строгая мораль! Ну и, наконецъ, гостить у насъ, видишь ли, одна Татьяна Ивановна, пожалуй, еще будетъ намъ дальняя родственница — ты ее не знаешь — дѣвица, немолодая — въ этомъ можно признаться, но... съ пріятностями дѣвица: богата, братецъ, такъ что два Степанчикова купить; недавно получила, а до тѣхъ поръ горе мыкала. Ты, братъ, Сережа, пожалуйста, остерегись: она такая болѣзненная... знаешь, что-то фантазмагорическое въ характерѣ. Ну, ты благородень, поймешь, испытала, знаешь, несчастья. Вдвое надо быть осторожиѣе съ человѣкомъ, испытавшимъ несчастья! Ты, впрочемъ, не подумай чего-нибудь. Конечно, есть слабости: такъ иногда заторопится, скоро скажетъ, не то слово скажетъ, которое нужно, то-есть не лжетъ, ты не думай... все это, братъ, такъ сказать, отъ чистаго, отъ благороднаго сердца выходитъ, то-есть, если

даже и солжетъ что-нибудь, то единственно, такъ сказать, чрезъ излишнее благородство души — понимаешь?

Миѣ показалось, что дядя ужасно сконфузился.

— Послушайте, дядюшка, — сказалъ я, — я васъ такъ люблю . . . простите откровенный вопросъ, женись вы на комъ-нибудь здѣсь или нѣтъ?

— Да ты отъ кого слышалъ? — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Вотъ видишь, другъ мой, я тебѣ все расскажу; во-первыхъ, я не женюсь. Маменька, отчасти сестрица и, главное, Оома Оомичъ, котораго маменька обожаетъ — и за дѣло, за дѣло: онъ много для нея сдѣлалъ — всѣ они хотятъ, чтобъ я женился на этой самой Татьянѣ Ивановнѣ, изъ благо-разумія, то-есть, для всего семейства. Конечно, миѣ же добра желаютъ — я вѣдь это понимаю; но я ни за что не женюсь — я ужъ далъ себѣ такое слово. Несмотря на то, я какъ-то не умѣлъ отвѣчать: ни да, ни нѣтъ не сказалъ. Это ужъ, братъ, со мной всегда такъ случается. Они и подумали, что я соглашаюсь и непременно хотятъ, чтобъ завтра, для семейнаго праздника, я объяснился . . . и потому завтра такія хлопоты, что я даже не знаю, что предпринять! Къ тому же Оома Оомичъ, неизвѣстно почему, на меня разсердился; маменька тоже. Я, братъ, признаюсь тебѣ, только ждалъ тебя да Коровкина . . . хотѣлъ излить, такъ сказать . . .

— Да чѣмъ же тутъ поможетъ Коровкинъ, дядюшка?

— Поможетъ, другъ мой, поможетъ, — это, братъ, ужъ такой человекъ; одно слово: человекъ науки! Я на него, какъ на каменную гору, надѣюсь; побѣждающій человекъ! Про семейное счастье какъ говорить! Я, признаюсь, и на тебя тоже надѣялся; думалъ: ты ихъ урезонишь. Самъ разсуди: ну, положимъ, я виновать, дѣйствительно виновать — я понимаю все это; я не безчувственный. Ну, да все же меня можно

простить когда-нибудь! Тогда бы мы вотъ какъ зажили!.. Эхъ, братъ, какъ выросла моя Сашурка, хоть сейчасъ къ вѣнцу! Илюшка мой какой сталъ! Завтра именинникъ. За Сашурку-то я боюсь — вотъ что!..

— Дядюшка! Гдѣ мой чемоданъ? Я переодѣнусь и мигомъ явлюсь, а тамъ...

— Въ мезонинѣ, другъ мой, въ мезонинѣ. Я ужъ такъ заранѣ велѣлъ, чтобъ тебѣ, какъ приѣдешь, прямо вели въ мезонинъ, чтобъ никто не видалъ. Именно, именно переодѣнься! Это хорошо; прекрасно, прекрасно! А я покамѣстъ тамъ всѣхъ понемногу приготавливаю. Ну, и съ Богомъ! Знаешь, братъ, надо хитрить. Поневолѣ Талеяраномъ сдѣлаешься. Ну, да ничего! Тамъ теперь они чай пьютъ. Ома Омичъ любитъ пить сейчасъ какъ проснется; оно, знаешь, и лучше... Ну, такъ я пойду, а ты ужъ поскорѣй за мной, не оставляй меня одного: неловко, братъ, какъ-то мнѣ одному-то... Да, стой! Вотъ еще къ тебѣ просьба: не кричи на меня тамъ, какъ давеча здѣсь кричалъ — а? Развѣ ужъ потомъ, если захочешь что замѣтить, такъ, наединѣ, здѣсь и замѣтишь; а до тѣхъ поръ какъ-нибудь скрѣпись, подожди! Я, видишь ли, тамъ уже и такъ накаутиль. Они сердятся...

— Послушайте, дядюшка, изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, мнѣ кажется, что вы...

— Тюфякъ, что ли? Да, ужъ ты договаривай! — перебилъ онъ меня совсѣмъ неожиданно. — Что жъ, братъ, дѣлать! Я ужъ и самъ это знаю. Ну, такъ ты придешь? Какъ можно скорѣе приходи, пожалуйста!

Взойдя наверхъ, я поспѣшно открылъ чемоданъ, помня приказаніе дяди сойти внизъ какъ можно скорѣе. Одѣваясь, я замѣтилъ, что еще почти ничего не узналъ изъ того, что хотѣлъ узнать, хотя и говорилъ съ дядей цѣлый часъ. Это меня поразило. Одно только было для меня нѣсколько ясно: дядя все еще настойчиво хотѣлъ, чтобъ я женился, слѣдовательно, всѣ противо-

положительные слухи, именно: что дядя влюбленъ въ ту же особу самъ, — неумѣстны. Помню, что я былъ въ большой тревогѣ. Между прочимъ, мнѣ пришло на мысль, что я, прїѣздомъ моимъ и молчаніемъ передъ дядей, почти произнесъ обѣщаніе, далъ слово, связалъ себя навѣки. «Не трудно, думалъ я, не трудно сказать слово, которое свяжетъ потомъ навѣки по рукамъ и по ногамъ. А я еще не видалъ и невѣсты!» И опять-таки: съ чего эта вражда противъ меня цѣлаго семейства? Почему именно всѣ они должны смотрѣть на мой прїѣздъ, какъ увѣряетъ дядя, враждебно? И что за странную роль играетъ самъ дядя здѣсь, въ своемъ собственномъ домѣ? Отчего происходитъ его таинственность? Отчего всѣ эти испуги и муки? Признаюсь, что все это представилось мнѣ вдругъ чѣмъ-то совершенно бессмысленнымъ, романическія и героическія мечты мои совсѣмъ вылетѣли изъ головы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Теперь только, послѣ разговора съ дядей, мнѣ вдругъ представилась вся нескладность, вся эксцентричность его предложенія, и я понялъ, что подобное предложеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, способенъ былъ сдѣлать одинъ только дядя. Понялъ я также, что и самъ я, прискакавъ сюда сломя голову, по первому его слову, въ восторгѣ отъ его предложенія, очень походилъ на дурака. Я одѣвался поспѣшно, занятый тревожными моими сомнѣніями, такъ что и не замѣтилъ сначала прислуживавшаго мнѣ слугу.

— Аделаидина цвѣта изволите галстукъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клѣтками? — спросилъ вдругъ слуга, обращаясь ко мнѣ съ какою-то необыкновенною приторною учтивостью.

Я взглянулъ на него, и оказалось, что онъ тоже достоинъ былъ любопытства. Это былъ еще молодой человѣкъ, для лакея одѣтый прекрасно, не хуже иного губернскаго франта. Коричневый фракъ, бѣлыя брюки,

палевый жилетъ, лакированные полусапожки и розовый галстучекъ, подобраны были очевидно не безъ цѣли. Все это тотчасъ же должно было обратить вниманіе на деликатный вкусъ молодого щеголя. Цѣпочка къ часамъ была выставлена на показъ непременно съ тою же цѣлью. Лицомъ онъ былъ блѣденъ и даже зеленоватъ; носъ имѣлъ большой, съ горбинкой, тонкій, необыкновенно бѣлый, какъ будто фарфоровый. Улыбка на тонкихъ губахъ его выражала какую-то грусть и, однакожъ, деликатную грусть. Глаза, большіе, выпученные и какъ будто стеклянные, смотрѣли необыкновенно тупо и, однакожъ, все-таки просвѣчивалась въ нихъ деликатность. Тонкія мягкія ушки были заложены, изъ деликатности, ватой. Длинные, бѣлобрысые и жидкіе волосы его были завиты въ кудри и напомажены. Ручки его были бѣленькія, чистенькія, вымытыя чуть ли не въ розовой водѣ; пальцы оканчивались щеголеватыми, длиннѣйшими розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и бѣлоручку. Онъ шепелявилъ и премодно не выговаривалъ букву р, подымалъ и опускалъ глаза, вздыхалъ и нѣжничалъ до невѣроятности. Отъ него пахло духами. Роста онъ былъ небольшого, дряблый и хилый, и на ходу какъ-то особенно присѣдалъ, вѣроятно, находя въ этомъ самую высшую деликатность, — словомъ, онъ весь былъ пропитанъ деликатностью, subtilностью и необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Последнее обстоятельство, неизвѣстно почему, мнѣ, сгоряча, не понравилось.

— Такъ этотъ галстукъ аделаидина цвѣта? — спросилъ я, строго посматрѣвъ на молодого лакея.

— Аделаидина-съ, — отвѣчалъ онъ съ невозмутимую деликатностью.

— А аграфенина цвѣта нѣтъ?

— Нѣтъ-съ. Такого и быть не можетъ-съ.

— Это почему?

- Неприличное имя Аграфена-съ.
- Какъ неприличное? Почему?
- Известно-съ: Аделаида, по крайней мѣрѣ, иностранное имя, облагороженное-съ; а Аграфеной могутъ называть всякую послѣднюю бабу-съ.
- Да ты съ ума сошелъ, или иѣтъ?
- Никакъ иѣтъ-съ, я при своемъ умѣ-съ. Все — конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговоромъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-съ.
- Да тебя какъ зовутъ?
- Видоплясовъ.
- А! Такъ это ты Видоплясовъ?
- Точно такъ-съ.
- Ну, подожди же, братъ, я и съ тобой познакомлюсь.
- «Однако, здѣсь что-то похоже на Бедламъ», — подумалъ я про себя, сходя внизъ.

IV

За чаемъ

Чайная была та самая комната, изъ которой былъ выходъ на террасу, гдѣ я давеча встрѣтилъ Гаврилу. Таинственныя предвѣщанія дяди насчетъ приѣма, меня ожидавшаго, очень меня беспокоили. Молодость иногда не въ мѣру самолюбива, а молодое самолюбіе почти всегда трусливо. Вотъ потому мнѣ чрезвычайно неприятно было, когда я, только-что войдя въ дверь и увидя за чайнымъ столомъ все общество, вдругъ залпнулъ за коверъ, пошатнулся и, спасая равновѣсіе, неожиданно вылетѣлъ на средину комнаты. Сконфузившись такъ, какъ будто я разомъ погубилъ свою карьеру, честь и доброе имя, стоялъ я безъ движенія, покраснѣвъ, какъ ракъ, и безмысленно смотря на присутствовавшихъ.

Упоминаю объ этомъ происшествіи, совершенно по себѣ ничтожномъ, единственно потому, что оно имѣло чрезвычайное вліяніе на мое расположеніе духа почти во весь тотъ день, а слѣдственно и на отношенія мои къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я попробовалъ было поклониться, не докончилъ, покраснѣлъ еще болѣе, бросился къ дядѣ и схватилъ его за руки.

— Здравствуйте, дядюшка, — проговорилъ я, задыхаясь, желая сказать что-то совсѣмъ другое, гораздо остроумнѣе, но, совсѣмъ неожиданно, сказавъ только: «здравствуйте».

— Здравствуй, здравствуй, братецъ, — отвѣчалъ страдавшій за меня дядя: — вѣдь мы здоровались. Да не конфузся, пожалуйста, — прибавилъ онъ шопотомъ: — это, братъ, со всѣми случается, да еще какъ! Бывало, хотъ провалиться въ ту жъ пору!.. Ну, а теперь, маменька, позвольте вамъ рекомендовать: вотъ нашъ молодой человекъ; онъ немного сконфузился, но вы его вѣрно полюбите. Племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ, — добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ вообще.

Но прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, позвольте, любезный читатель, представить вамъ поименно все общество, въ которомъ я вдругъ очутился. Это даже необходимо для порядка разсказа.

Вся компанія состояла изъ нѣсколькихъ дамъ и только двухъ мужчинъ, не считая меня и дяди. Омы Оумича — котораго я такъ желалъ видѣть и который, — я уже тогда же чувствовалъ это, — былъ полновластнымъ владыкою всего дома, — не было: онъ блисталъ своимъ отсутствіемъ, и какъ будто унесъ съ собою свѣтъ изъ комнаты. Всѣ были мрачны и озабочены. Этого нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда: какъ ни былъ я самъ въ ту минуту смущенъ и разстроенъ, однако я видѣлъ, что дядя, напимѣрь,

разстроены чуть ли не такъ же, какъ я, хотя онъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ скрыть свою заботу подъ видимою непринужденностью. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ. Одинъ изъ двухъ мужчинъ, бывшихъ въ комнатѣ, былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, тотъ самый Обноскинъ, о которомъ давеча упоминалъ дядя, восхваляя его умъ и мораль. Этотъ господинъ мнѣ чрезвычайно не понравился: все въ немъ сбивалось на какой-то шикъ дурного тона; костюмъ его, несмотря на шикъ, былъ какъ-то потертъ и скуденъ; въ лицѣ его было что-то какъ будто тоже потертое. Бѣлобрысые, тонкіе, тараканьи усы и неудавшаяся клочковатая бороденка, очевидно, предназначены были предъявлять человѣка независимаго и, можетъ быть, вольнодумца. Онъ безпрестанно прищуривался, улыбался съ какою-то выдѣланною язвительностью, кобынился на своемъ стулѣ и поминутно смотрѣлъ на меня въ лорнетъ, но когда я къ нему поворачивался, онъ немедленно опускалъ свое стеклышко и какъ будто трусилъ. Другой господинъ, тоже еще человѣкъ молодой, лѣтъ двадцати восьми, былъ мой троюродный братецъ Мизинчиковъ. Дѣйствительно, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ. За чаемъ, во все время, онъ не сказалъ ни слова, не смѣялся, когда всѣ смѣялись; но я вовсе не замѣтилъ въ немъ никакой «забитости», которую видѣлъ въ немъ дядя; напротивъ, взглядъ его свѣтлокарихъ глазъ выражалъ рѣшимость и какую-то опредѣленность характера. Мизинчиковъ былъ смугль, черноволосъ и довольно красивъ; одѣтъ очень прилично — на дядинъ счетъ, какъ узналъ я послѣ. Изъ дамъ я замѣтилъ прежде всѣхъ дѣвицу Перепелицыну, по ея необыкновенно злому, безкровному лицу. Она сидѣла возлѣ генеральши, — о которой будетъ особая рѣчь впоследствии, — но не рядомъ, а нѣсколько сзади, изъ почтительности; поминутно нагибалась и шептала что-то на ухо своей

покровительницѣ. Двѣ-три пожилыя приживалки, совершенно безъ рѣчей, сидѣли рядкомъ у окна и почти-тельно ожидали чаю, вытаращивъ глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лѣтъ пятидесяти, одѣтая очень безвкусно и ярко, кажется, наруганная и почти безъ зубовъ, вмѣсто которыхъ торчали какіе-то почернѣвшіе и обломанные кусочки; это, однакожъ, не мѣшало ей пищать, прищуриваться, модничать и чуть ли не дѣлать глазки. Она была увѣшана какими-то цѣпочками и непрерывно наводила на меня лорнетку, какъ мсье Обноскинъ. Это была его маменька. Смиренная Прасковья Ильинична, моя тетушка, разливала чай. Ей, видимо, хотѣлось обнять меня послѣ долгой разлуки и, разумѣется, тутъ же расплакаться, но она не смѣла. Все здѣсь, казалось, было подъ какимъ-то запретомъ. Возлѣ нея сидѣла прехорошенькая, черноглазая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, глядѣвшая на меня пристально, съ дѣтскимъ любопытствомъ, — моя кузина Саша. Наконецъ, и, можетъ быть, всѣхъ болѣе, выдавалась на видъ одна престранная дама, одѣтая пышно и чрезвычайно юношественно, хотя она была далеко не молодая, по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцати пяти. Лицо у ней было очень худое, блѣдное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая крас-ка поминутно появлялась на ея блѣдныхъ щекахъ, почти при каждомъ ея движеніи, при каждомъ волненіи. Волновалась же она непрерывно, вертѣлась на стулѣ и какъ будто не въ состояніи была и минутки просидѣть въ покоѣ. Она всматривалась въ меня съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, непрерывно наклонялась пошептать что-то на ухо Сашенькѣ или другой сосѣдкѣ и тотчасъ же принималась смѣяться самымъ простодушнымъ, самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Но всѣ ея эксцентричности, къ удивленію моему, какъ будто не обращали на себя ничьего вниманія, точно

напередъ всё въ этомъ условились. Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, въ которой, по выраженію дяди, было нѣчто фантазмагорическое, которую навязывали ему въ невѣсты, и за которой почти всё въ домѣ ухаживали за ея богатство. Миѣ, впрочемъ, понравились ея глаза, голубые и кроткіе; и хотя около этихъ глазъ уже виднѣлись морщинки, но взгляды ихъ были такъ простодушень, такъ весель и добръ, что какъ-то особенно пріятно было встрѣчаться съ нимъ. Объ этой Татьянѣ Ивановнѣ, одной изъ настоящихъ «героинь» моего разказа, я скажу послѣ подробнѣе; біографія ея примѣчательна. Минутъ пять послѣ моего появленія въ чайной, вбѣжалъ изъ сада прехорошенькій мальчикъ, мой кузень, Илюша, завтрашній именинникъ, у котораго теперь оба кармана были набиты бабками, и въ рукахъ былъ кубарь. За нимъ вошла молодая, стройная дѣвушка, немного блѣдная и какъ будто усталая, но очень хорошенькая. Она окинула всѣхъ пытливымъ, недовѣрчивымъ и даже робкимъ взглядомъ, пристально посмотрѣла на меня и сѣла возлѣ Татьяны Ивановны. Помню, что у меня невольно стукнуло сердце: я догадался, что это была та самая гувернантка. . . . Помню тоже, что дядя, при ея появленіи, вдругъ бросилъ на меня быстрый взглядъ и весь покраснѣлъ, потомъ нагнулся, схватилъ на руки Илюшу и поднесъ его мнѣ поцѣловать. Замѣтилъ я еще, что мадамъ Обноскина сперва пристально посмотрѣла на дядю, а потомъ съ саркастической улыбкой навела свой лорнетъ на гувернантку. Дядя очень смутился и, не зная что дѣлать, вызвалъ было Сашеньку, чтобъ познакомить ее со мной, но та только встала и, молча, съ серьезною важностью, мнѣ присѣла. Это впрочемъ мнѣ понравилось, потому что къ ней шло. Въ ту же минуту добрая тетушка, Прасковья Ильинична, не вытерпѣла, бросила разливать чай и кинулась было ко мнѣ лобызать меня, но я еще не

успѣлъ ей сказать двухъ словъ, какъ тотчасъ же раздался визгливый голосъ дѣвицы Перепелицыной, пропичавшей, что «видно, Прасковья Ильинична забыли-съ маменьку-съ (генеральшу), что маменька-съ требовали чаю-съ, а вы и не наливаете-съ, а онѣ ждутъ-съ», и Прасковья Ильинична, оставивъ меня, со всѣхъ ногъ бросилась къ своимъ обязанностямъ. Эта генеральша, самое важное лицо во всемъ этомъ кружкѣ и предъ которой всѣ ходили по стрункѣ, была тощая и злая старуха, вся одѣтая въ трауръ — злая, впрочемъ, больше отъ старости и отъ потери послѣднихъ (и прежде еще небогатыхъ) умственныхъ способностей; прежде же она была вздорная. Генеральство сдѣлало ее еще глупѣе и надменнѣе. Когда она злилась, весь домъ походилъ на адъ. У ней были двѣ манеры злиться. Первая манера была молчаливая, когда старуха по цѣлымъ днямъ не разжимала губъ своихъ и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на полъ все, что передъ ней ни поставили. Другая манера была совершенно противоположная: краснорѣчивая. Начинаясь обыкновенно тѣмъ, что бабушка — она вѣдь была мнѣ бабушка — погружалась въ необыкновенное уныніе, ждала разрушенія міра и всего своего хозяйства, предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчувствіями, начинала по пальцамъ исчислять будущія бѣдствія и приходила при этомъ счетъ въ какой-то восторгъ, въ какой-то азартъ. Разумѣется, открывалось, что она все давно ужъ заранѣе предвидѣла и только потому молчала, что принуждена силою молчать «въ этомъ домѣ». «Но если бъ только были къ ней почтительны, если бъ только захотѣли ее заранѣе послушаться, то», и т. д., и т. д.; все это немедленно поддакивалось стаяй приживалокъ, дѣвицей Перепелицыной, и, наконецъ, торжественно скрѣплялось Ѳомой Ѳомичомъ. Въ ту минуту, какъ я представлялся ей, она ужасно гнѣвалась и, кажется,

по первому способу, молчаливому, самому страшному. Всѣ смотрѣли на нее съ боязнію. Одна только Татьяна Ивановна, которой спускалось рѣшительно все, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Дядя нарочно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, подвелъ меня къ бабушкѣ; но та, сдѣлавъ кислую гримасу, со злостью оттолкнула отъ себя свою чашку.

— Это тотъ вол-ти-жеръ? — проговорила она сквозь зубы и нараспѣвъ, обращаясь къ Перепелицыной.

Этотъ глупый вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Не понимаю, отчего она меня назвала волтижеромъ? Но такіе вопросы ей были еще ни о чемъ. Перепелицына нагнулась и пошептала ей что-то на ухо, но старуха злобно махнула рукой. Я стоялъ съ разинутымъ ртомъ и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Всѣ переглянулись, а Обноскинъ даже оскалилъ зубы, что ужасно мнѣ не понравилось.

— Она, братъ, — иногда заговаривается, — шепнеть мнѣ дядя, тоже отчасти потерявшійся: — но это ничего, она это такъ; это отъ добраго сердца. Ты, главное, на сердце смотри.

— Да, сердце! Сердце! — раздался внезапно звонкій голосъ Татьяны Ивановны, которая все время не сводила съ меня своихъ глазъ и отчего-то не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ; вѣроятно, слово «сердце», сказанное шопотомъ, долетѣло до ея слуха.

Но она не договорила, хотя ей, очевидно, хотѣлось что-то высказать. Сконфузилась ли она, или что другое, только она вдругъ замолчала, покраснѣла ужасно, быстро нагнулась къ гувернанткѣ, пошептала ей что-то на ухо, и вдругъ, закрывъ ротъ платкомъ и откинувшись на спинку кресла, захохотала, какъ будто въ истерикѣ. Я оглядывалъ всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ; но, къ удивленію моему, всѣ были очень серьезны и смотрѣли такъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго. Я, конечно, понялъ, кто была Татьяна

Ивановна. Наконецъ, мнѣ подали чаю, и я нѣсколько оправился. Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что я обязанъ завести самый любезный разговоръ съ дамами.

— Вы правду сказали, дядюшка, — началъ я, — предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться. Я откровенно признаюсь — къ чему скрывать? — продолжалъ я, обращаясь съ заискивающей улыбкой къ мадамъ Обноскиной, — что до сихъ поръ совсѣмъ почти не зналъ дамскаго общества, и теперь, когда мнѣ случилось такъ неудачно войти, мнѣ показалось, что моя поза среди комнаты была очень смѣшна и отзывалась нѣсколько тюфякомъ, — не правда ли? Вы читали *Тюфяка*? — заключилъ я, теряясь все болѣе и болѣе, краснѣя за свою заискивающую откровенность и грозно смотря на мсье Обноскина, который, скаля зубы, все еще оглядывалъ меня съ головы до ногъ.

— Именно, именно, именно! — вскричалъ вдругъ дядя съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, искренно обрадовавшись, что разговоръ кое-какъ завязался, и я поправляюсь. — Это, братъ, еще ничего, что ты, вотъ, говоришь, что можно сконфузиться. Ну, сконфузился, да и концы въ воду! А я, братъ, для перваго моего дебюта даже совралъ — вѣришь, или нѣтъ? Нѣтъ, ей-Богу, Анфиса Петровна, это, я вамъ скажу, интересно прослушать. Только что поступилъ въ юнкера, пріѣзжаю въ Москву, отправляюсь къ одной важной барынѣ съ рекомендательнымъ письмомъ — то-есть надменнѣйшая женщина была, но, въ сущности, право, предобрая, что бъ ни говорили. Вхожу — принимаютъ. Гостиная полна народу, преимущественно тузы. Раскланялся, сѣлъ. Со второго слова она мнѣ: «А есть ли, батюшка, деревеньки?» То-есть, ни курицы не было, — что отвѣчать? Сконфузился въ прахъ. Всѣ на меня смотрять (ну, что, юнкеришка!). Ну, почему бы не сказать: нѣтъ ничего; и благородно бы вышло,

потому что правду бы сказалъ. Не выдержалъ! «Есть, говорю, сто семнадцать душъ». И къ чему я тутъ эти семнадцать приплелъ? Ужь, коли врать, такъ и врать бы круглымъ числомъ, — не правда ли? Черезъ минуту, по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я голъ, какъ соколъ, и вдобавокъ совралъ! Ну, что было дѣлать? Удралъ во все лопатки и съ тѣхъ поръ ни ногой. Вѣдь у меня тогда еще ничего не было. Это все, что теперь: триста душъ отъ дядюшки Аонасія Матвѣича, да двѣсти душъ, съ Капитоновкой, еще прежде, отъ бабушки Акулины Панфиловны, итого пятьсотъ слишкомъ. Это хорошо! Только я съ тѣхъ поръ закалялся врать и не вру.

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ не закаивался. Богъ знаетъ, что можетъ случиться, — замѣтилъ Обноскинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Ну, да, это правда, правда! Богъ знаетъ, что можетъ случиться, — простодушно поддакнулъ дядя.

Обноскинъ громко захохоталъ, опрокинувшись на спинку кресла; его маменька улыбнулась; какъ-то особенно гадко захихикала и дѣвица Перепелицына; захохотала и Татьяна Ивановна, не зная чему, и даже забила въ ладоши, — словомъ, я видѣлъ ясно, что дядю въ его же домѣ считали ровни ни во что. Сашенька, злобно сверкая глазками, пристально смотрѣла на Обноскина. Гувернантка покраснѣла и потупилась. Дядя удивился.

— А что? Что случилось? — повторилъ онъ, съ недоумѣніемъ озирая всѣхъ насъ.

Во все это время братецъ мой, Мизинчиковъ, сидѣлъ поодаль, молча, и даже не улыбнулся, когда всѣ засмѣялись. Онъ усердно пилъ чай, философически смотрѣлъ на всю публику и нѣсколько разъ, какъ будто въ припадкѣ невыносимой скуки, порывался засвистать, вѣроятно, по старой привычкѣ, но во-время останавливался. Обноскинъ, задравшій дядю и покушавшійся

на меня, какъ будто не смѣлъ и взглянуть на Мизинчикова: я это замѣтилъ. Замѣтилъ я тоже, что молчаливый братецъ мой часто посматривалъ на меня, и даже съ видимымъ любопытствомъ, какъ будто желая въ точности опредѣлить, что я за человѣкъ.

— Я увѣрена, — зашебетала вдругъ мадамъ Обноскина: — я совершенно увѣрена, m-g Serge — вѣдь такъ, кажется? — что вы, въ вашемъ Петербургѣ, были не большимъ обожателемъ дамъ. Я знаю, тамъ много, очень много развелось теперь молодыхъ людей, которые совершенно чуждаются дамскаго общества. Но, по-моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотрѣть, какъ на непростительное вольнодумство. И, признаюсь вамъ, меня это удивляетъ, удивляетъ, молодой человѣкъ, просто удивляетъ!..

— Совершенно не былъ въ обществѣ, — отвѣчалъ я съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Но это... я, по крайней мѣрѣ, думаю, ничего-съ... Я жилъ, то-есть я, вообще, нанималъ квартиру... но это ничего, увѣряю васъ. Я буду знакомъ; а до сихъ поръ я все сидѣлъ дома...

— Занимался науками, — замѣтилъ, пріосанившись, дядя.

— Ахъ, дядюшка, вы съ своими науками!.. Вообразите, — продолжалъ я, съ необыкновенною развязностью, любезно ослабляясь и обращаясь снова къ Обноскиной: — мой дорогой дядюшка до такой степени преданъ наукамъ, что откопалъ гдѣ-то на большой дорогѣ какого-то чудодѣйственнаго, практическаго философа, г-на Коровкина; и первое слово сегодня ко мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, было, что онъ ждетъ этого феноменальнаго чудодѣя съ какимъ-то судорожнымъ, можно сказать, нетерпѣніемъ... изъ любви къ наукѣ, разумѣется...

И я захихикалъ, надѣясь вызвать всеобщій смѣхъ въ похвалу моему остроумію.

— Кто такой? Про кого онъ? — рѣзко проговорила генеральша, обращаясь къ Перенелицыной.

— Гостей-съ Егоръ Ильичъ наприглашали-съ, ученыхъ-съ; по большимъ дорогамъ ѣздить, ихъ собираютъ-съ, — съ наслажденіемъ пропущала дѣвица.

Дядя совсѣмъ растерялся.

— Ахъ, да! Я и забылъ! — вскричалъ онъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ выражался укоръ: — жду Коровкина. Человѣкъ науки, человѣкъ останется въ столѣтіи...

Онъ оскѣся и замолчалъ. Генеральша махнула рукой и въ этотъ разъ такъ удачно, что задѣла за чашку, которая слетѣла со стола и разбилась. Произошло всеобщее волненіе.

— Это она всегда, какъ разсердится, возьметъ да и броситъ что-нибудь на полъ, — шепталъ мнѣ сконфуженный дядя. — Но это только — когда разсердится... Ты, братъ, не смотри, не замѣчай, гляди въ сторону... Зачѣмъ ты объ Коровкинѣ-то заговорилъ?..

Но я и безъ того смотрѣлъ въ сторону: въ эту минуту я встрѣтилъ взглядъ гувернантки, и мнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ на меня былъ какой-то упрекъ, что-то даже презрительное; румянецъ негодованія ярко запылалъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Я понялъ ея взглядъ и догадался, что малодушнымъ и гадкимъ желаніемъ моимъ сдѣлать дядю смѣшнымъ, чтобъ хоть немного снять смѣшного съ себя, я не очень выигралъ въ расположеніи этой дѣвицы. Не могу выразить, какъ мнѣ стало стыдно!

— А я съ вами все о Петербургѣ, — залилась опять Анфиса Петровна, когда волненіе, произведенное разбитой чашкой, утихло. — Я съ такимъ, можно сказать, наслажденіемъ вспоминаю нашу жизнь въ этой очаровательной столицѣ... Мы были очень близко знакомы тогда съ однимъ домомъ — помнишь, Польша? Генераль Половицынъ... Ахъ, какое очаровательное,

о-ча-ро-вательное существо была генеральша! Ну, знаете, этот аристократизмъ, beau monde!.. Скажите: вы, вѣроятно, встрѣчались... Я, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала васъ сюда: я надѣялась отъ васъ многое, многое узнать о петербургскихъ друзьяхъ нашихъ...

— Миѣ очень жаль, что я не могу... извините... Я уже сказалъ, что очень рѣдко былъ въ обществѣ и совершенно не знаю генерала Половицына; даже не слыхивалъ, — отвѣчалъ я съ нетерпѣніемъ, внезапно смѣнивъ мою любезность на чрезвычайно досадливое и раздраженное состояніе духа.

— Занимался минералогіей! — съ гордостью подхватилъ неисправимый дядя. — Это, братъ, что камушки тамъ разные разсматриваетъ, минералогія-то?

— Да, дядюшка, камни...

— Гм... Много есть наукъ, и все полезныхъ! А я, вѣдь, братъ, по правдѣ, и не зналъ, что такое минералогія! Слышу только, что звонятъ гдѣ-то на чужой колокольнѣ. Въ чемъ другомъ — еще такъ и сякъ, а въ наукахъ глупъ — откровенно каюсь!

— Откровенно каетесь? — подхватилъ, ухмыляясь, Обноскинъ.

— Палочка! — вскрикнула Саша, съ укоризной смотря на отца.

— Что, душка? Ахъ, Боже мой, я вѣдь все прерываю васъ, Анфиса Петровна, — спохватился дядя, не понявъ восклицанія Сашеньки. — Извините, ради Христа!

— О, не беспокойтесь! — отвѣчала съ кисленькою улыбочкой Анфиса Петровна. — Впрочемъ, я уже все сказала вашему племяннику и заключу развѣ тѣмъ, m-g Serge — такъ кажется? — что вамъ рѣшительно надо исправиться. Я вѣрю, что науки, искусства... ваяніе, напримѣръ... ну, словомъ, всѣ эти высокія идеи имѣютъ, такъ сказать, свою о-ба-я-тельную сто-

ропу, но онъ не замѣнять дамъ! Женщины, женщины, молодой человѣкъ, формируютъ васъ, и потому безъ нихъ невозможно, невозможно, молодой человѣкъ, невозможно!

— Невозможно, невозможно! — раздался снова нѣсколько крикливый голосъ Татьяны Ивановны. — Послушайте, — начала она какъ-то дѣтски спѣша и, разумѣется, вся покраснѣвъ: — послушайте, я хочу васъ спросить...

— Что прикажете-съ, — отвѣчалъ я, внимательно въ нее вглядываясь.

— Я хотѣла васъ спросить: надолго вы пріѣхали, или нѣтъ?

— Ей-Богу, не знаю-съ; какъ дѣла...

— Дѣла! Какія у него могутъ быть дѣла?... О, безумецъ...

И Татьяна Ивановна, краснѣя допелезья и закрываясь вѣеромъ, нагнулась къ гувернанткѣ и тотчасъ же начала ей что-то шептать. Потомъ вдругъ засмѣялась и захолопала въ ладоши.

— Пойдите! Пойдите! — вскричала она, отрываясь отъ своей confidentки и снова торопливо обращаясь ко мнѣ, какъ будто боясь, чтобъ я не ушелъ: — послушайте, знаете ли что я вамъ скажу? Вы ужасно, ужасно похожи на одного молодого человѣка, очаровательнаго молодого человѣка... Сашенька, Настенька, помните! Онъ ужасно похожъ на того безумца — помнишь, Сашенька! Еще мы катались и встрѣтили... верхомъ и въ бѣломъ жилетѣ... еще онъ навелъ на меня свой лорнетъ, безстыдникъ! Помните, я еще закрылась вуалью, но не утерпѣла, высунулась изъ коляски и закричала ему: «безстыдникъ!» а потомъ бросила на дорогу мой букетъ... Помните, Настенька?

И полупомѣшанная на кавалерахъ дѣвица, вся въ волненіи, закрыла лицо руками; потомъ вдругъ вскочила съ своего мѣста, порхнула къ окну, сорвала съ горшка

розу, бросила ее близъ меня на полъ и убѣжала изъ комнаты. Только ее и видѣли! Въ этотъ разъ произошло даже нѣкоторое замѣшательство, хотя генеральша, какъ и въ первый разъ, была совершенно спокойна. Анфиса Петровна, наприимѣръ, была не удивлена, но какъ будто чѣмъ-то вдругъ озабочена, и съ тоскою посмотрѣла на своего сына; барышни покраснѣли, а Польша Обиоскинъ, съ какою-то непонятною тогда для меня досадою, всталъ со стула и подошелъ къ окну. Дядя началъ было мнѣ дѣлать знаки, но въ эту минуту новое лицо вошло въ комнату и привлекло на себя всеобщее вниманіе.

— А! вотъ и Евграфъ Ларіонъчъ! Легокъ на поминѣ! — закричалъ дядя, неліцемѣрно обрадовавшись. — Что, братъ, изъ города?

«Ну, чудакѣ! Ихъ какъ будто нарочно собирали сюда!» — подумалъ я про себя, не понимая еще хорошенько всего, что происходило передъ моими глазами, не подозрѣвая и того, что и самъ я, кажется, увеличилъ коллекцію этихъ чудаковъ, являсь между ними.

V

Ежевѣкинъ

Въ комнату вошла или, лучше сказать, какъ-то протѣснилась (хотя двери были очень широкія), фигурка, которая еще въ дверяхъ сгибалась, кланялась и скалила зубы, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ маленькій старичокъ, рябой, съ быстрыми и вороватыми глазами, съ плѣшью и съ лысиной, и съ какою-то неопредѣленной, тонкой усмѣшкой на довольно толстыхъ губахъ. Онъ былъ во фракѣ, очень изношенномъ и, кажется, съ чужого плеча. Одна пуговица висѣла на

ниточкѣ; двухъ или трехъ совсѣмъ не было. Дырявые сапоги, засаленная фуражка гармонировала съ его жалкой одеждой. Въ рукахъ его былъ бумажный клѣтчатый платокъ, весь засморканный, которымъ онъ обтиралъ потъ со лба и висковъ. Я замѣтилъ, что гувернантка немного покраснѣла и быстро взглянула на меня. Мнѣ показалось даже, что въ этомъ взглядѣ было что-то гордое и вызывающее.

— Прямо изъ города, благодѣтель! Прямо — отсюда, отецъ родной! Все расскажу, только позвольте сначала честь заявить, — проговорилъ вошедшій старичокъ и направился прямо къ генеральшѣ, но остановился на полдорогѣ и снова обратился къ дядѣ.

— Вы ужъ изволите знать мою главную черту, благодѣтель: подлець, настоящій подлець! Вѣдь я, какъ вхожу, такъ ужъ тотчасъ же главную особу въ домѣ ищу, къ ней первой и стопы направляю, чтобъ такимъ образомъ, съ перваго шагу, милости и протекцію пріобрѣсти. Подлець, батюшка, подлець, благодѣтель! Позвольте, матушка, барыня, ваше превосходительство, платице ваше поцѣловать, а то я губами-то ручку вашу, золотую, генеральскую замараю.

Генеральша подала ему руку, къ удивленію моему, довольно благосклонно.

— И вамъ, красавица наша, поклонъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвицѣ Перепелицыной. — Что дѣлать, сударыня-барыня: подлець! Еще въ 1841 году было рѣшено, что подлець, когда изъ службы меня исключили, именно тогда, какъ Валентинъ Игнатьичъ Тихонцевъ въ высокоблагородные попалъ: ассессора дали; его въ ассессоры, а меня въ подлецы. А ужъ я такъ откровенно созданъ, что во всемъ признаюсь. Что дѣлать! Пробовалъ честно жить, пробовалъ, теперь надо попробовать иначе. Александра Егоровна, яблочко наше наливное, — продолжалъ онъ, обходя столъ и пробираясь къ Сашенькѣ: — позвольте

ваше платье поцѣловать; отъ васъ, барышня, яблочкомъ пахнетъ и всякими деликатностями. Имениннику наше почтеніе; лукъ и стрѣлу вамъ, батюшка, привезъ, самъ цѣлое утро дѣлалъ; ребятишки мои помогли; вотъ ужъ и будемъ спускаться. А подрастете, въ офицеры поступите, туркѣ голову срубите. — Татьяна Ивановна... ахъ, да ихъ нѣтъ, благодѣтельницы! А то бѣ и у нихъ платье поцѣловалъ. Праксovia Ильинична, матушка наша родная, протѣсниться только къ вамъ не могу, а то бѣ не только ручку, даже и ножку бы вашу поцѣловалъ, — вотъ какъ-съ! Анфиса Петровна, мое вамъ всяческое уваженіе свидѣтельствую. Еще сегодня за васъ Бога молилъ, благодѣтельница, на колѣнкахъ, со слезами Бога молилъ, и за сыночка вашего тоже, чтобъ ниспослалъ ему всякихъ чиновъ и талантовъ: особенно талантовъ! Кстати ужъ и Ивану Ивановичу Мизинчикову наше всенижайшее. Пошли вамъ Господь все, что сами себѣ желаете. Потому что и не разберешь, сударь, чего сами-то вы себѣ желаете: молчаливенькіе такіе-съ... Здравствуй, Настя! Вся моя мелюзга тебѣ кланяется; каждый день о тебѣ поминаютъ. А вотъ теперь и хозяину большой поклонъ. Изъ города, ваше высокородіе, прямехонько изъ города. А это вѣрно племянничекъ вашъ, что въ ученомъ факультетѣ воспитывался? Почтеніе наше всенижайшее, сударь; пожалуйста ручку.

Раздался смѣхъ. Понятно было, что старикъ игралъ роль какого-то добровольнаго шута. Приходъ его развеселилъ общество. Многіе и не понимали его сарказмовъ, а онъ почти всѣхъ обошелъ. Одна гувернантка, которую онъ, къ удивленію моему, назвалъ просто Настей, краснѣла и хмурилась. Я было отдернулъ руку: того только, кажется, и ждалъ старикашка.

— Да вѣдь я только позвать ее у васъ просилъ, батюшка; если только позволите, а не поцѣловать. А вы ужъ думали, что поцѣловать? Нѣтъ, отецъ родной,

покаместъ еще только пожать. Вы, благодѣтель, вѣрно меня за барскаго шута принимаете? — проговорилъ онъ, смотря на меня съ насмѣшкою.

— Н... пѣть, помилуйте, я...

— То-то, батюшка! Коли я шутъ, такъ и другой кто-нибудь тутъ! А вы меня уважайте: я еще не такой подлецъ, какъ думаете. Оно, впрочемъ, пожалуй, и шутъ. Я — рабъ, моя жена—рабыня, къ тому же, польсти, польсти! Вотъ оно что! Все-таки что-нибудь выиграешь, хотя ребятишкамъ на молочишко. Сахару, сахару-то побольше во все подсыпайте, такъ оно и здоровѣе будетъ. Это я вамъ, батюшка, по секрету говорю; можетъ, и вамъ понадобится. Фортуна заѣла, благодѣтель, оттого я и шутъ.

— Хи-хи-хи! Ахъ, проказникъ, этотъ старичокъ! Вѣрно-то онъ разсмѣшитъ! — пропущала Анфиса Петровна.

— Матушка моя, благодѣтельница, вѣдь дурачкомъ-то лучше на свѣтъ проживешь! Зналъ бы, такъ съ ранняго молоду въ дураки бѣ записался, авось теперь былъ бы умный. А то, какъ рано захотѣлъ быть умникомъ, такъ вотъ и вышелъ теперь старый дуракъ.

— Скажите, пожалуйста, — ввязался Обноскинъ (которому, вѣрно, не пришлось замѣчаніе про *таланты*), какъ-то особенно независимо развалясь въ креслѣ и разсматривая старика въ свое стеклышко, какъ какую-нибудь козявку: — скажите, пожалуйста... все я забываю вашу фамилію... какъ бишь васъ?..

— Ахъ, батюшка! Да фамилья-то моя, пожалуй что и Ежевикинъ, да что въ томъ толку? Вотъ ужъ девятый годъ безъ мѣста сижу — такъ и живу себѣ, по законамъ природы. А дѣтей-то, дѣтей-то у меня, просто семейство Холмскихъ! Точно какъ по пословицѣ: «у богатаго — телята, а у бѣднаго—ребята»...

— Ну, да... телята... это, впрочемъ, въ сторону. Ну, послушайте, я давно хотѣлъ васъ спросить:

зачѣмъ вы, когда входите, тотчасъ назадъ оглядываетесь? Это очень смѣшно.

— Зачѣмъ оглядываюсь? А все мнѣ кажется, батюшка, что меня сзади кто-нибудь хочетъ ладошкой прихлопнуть, какъ муху, оттого и оглядываюсь. Мономанъ и сталъ, батюшка.

Опять засмѣялись. Гувернантка привстала съ мѣста, хотѣла было идти и снова опустилась въ кресло. Въ лицѣ ея было что-то больное, страдающее, несмотря на краску, заливавшую ея щеки.

— Это, братъ, знаешь кто? — шепнулъ мнѣ дядя: — вѣдь это ея отецъ!

Я смотрѣлъ на дядю во всѣ глаза. Фамилія Ежевикинъ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Я геройствовалъ, всю дорогу мечталъ о своей суженой, строилъ для нея великодушные планы и совершенно позабылъ ея фамилію или, лучше сказать, не обратилъ на это никакого вниманія съ самаго начала.

— Какъ, отецъ? — отвѣчалъ я шопотомъ. — Да вѣдь, я думалъ, она сирота?

— Отецъ, братъ, отецъ. И знаешь, пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человѣкъ, и даже не пьетъ, а только такъ изъ себя шута стронить. Бѣдность, братъ, страшная, восемь человѣкъ дѣтей! Настенькинымъ жалованьемъ и живутъ. Изъ службы за язычокъ исключили. Каждую недѣлю сюда ѣздить. Гордый какой, — ни за что не возьметъ. Давалъ, много разъ давалъ, — не беретъ. Озлюбленный человѣкъ!

— Ну, что, братъ, Евграфъ Ларіонычъ, что тамъ, у васъ, новаго? — спросилъ дядя и крѣпко ударилъ его по плечу, замѣтивъ, что мнительный старикъ уже подслушивалъ нашъ разговоръ.

— А что новаго, благодѣтель? Валентинъ Игнатьичъ вчера объясненіе подавали-съ по Тришина дѣлу. У того въ бунтахъ недовѣсь муки оказался. Это, барыня, тотъ самый Тришинъ, что смотреть на

васъ, а самъ точно самоваръ раздуваетъ. Можетъ изболите помнитъ? Вотъ Валентинъ-то Игнатичъ и пишетъ про Тришина: «Ужь если, — говорить онъ, — часто поминаемый Тришинъ чести своей родной племянницы не могъ уберечь, — а та съ офицеромъ прошлаго года сбѣжала, — такъ гдѣ же, говорить, было ему уберечь казенныя вещи?» Это онъ въ бумагѣ своей такъ и помѣстилъ — ей-Богу, не вру-сь.

— Фи! Какія вы исторіи рассказываете! — закричала Анфиса Петровна.

— Именно, именно, именно! Зарапортовался ты, братъ Евграфъ, — поддакнулъ дядя. — Эй, пропадешь за языкъ! Человѣкъ ты прямой, благородный, благоправный — могу заявить, да языкъ-то у тебя ядовитый! И удивляюсь я, какъ ты тамъ съ ними ужиться не можешь! Люди они, кажется, добрые, простые...

— Отецъ и благодѣтель! Да простого-то человѣка я и боюсь! — вскричалъ старикъ съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ.

Отвѣтъ мнѣ понравился. Я быстро подошелъ къ Ежевикину и крѣпко пожалъ ему руку. По правдѣ, мнѣ хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь протестовать противъ всеобщаго мнѣнія, показавъ открыто старику мое сочувствіе. А можетъ быть, кто знаетъ! Можетъ быть, мнѣ хотѣлось поднять себя въ мнѣніи Настасьи Евграфовны. Но изъ движенія моего ровно ничего не вышло путнаго.

— Позвольте спросить васъ, — сказалъ я, по обычаю моему, покраснѣвъ и заторопившись: — слышали вы про іезуитовъ?

— Нѣтъ, отецъ родной, не слыхалъ; такъ развѣ что-нибудь... да гдѣ намъ! А что-сь?

— Такъ... я было, кстати, хотѣлъ рассказать... Впрочемъ, напомните мнѣ при случаѣ. А теперь, будьте увѣрены, что я васъ понимаю и... умѣю цѣнить...

И, совершенно смѣшавшись, я еще разъ схватилъ его за руку.

— Непремѣнно, батюшка, папомню, непремѣнно напомнимо! Золотыми литерами запишу. Вотъ, позвольте, и узелокъ завяжу, для памяти.

И онъ, дѣйствительно, завязалъ узелокъ, отыскавъ сухой кончикъ на своемъ грязномъ, табачномъ платкѣ.

— Евграфъ Ларіонычъ, берите чаю, — сказала Прасковья Ильинична.

— Тотчасъ, раскрасавица-барыня, тотчасъ, то-есть, принцесса, а не барыня! Это вамъ за чаекъ. Степана Алексѣевича Бахчеева встрѣтилъ дорогой, сударыня! Такой развеселый, что на тебѣ! Я ужъ подумалъ, не жениться ли собираются? Польсти, польсти! — проговорилъ онъ полушопотомъ, пронося мимо меня чашку, подмигивая мнѣ и прищуриваясь. — А что же благодѣтеля-то главнаго не видать, Оомы Оомича-съ? Развѣ не придутъ къ чаю?

Дядя вздрогнулъ, какъ будто его ужалили, и робко взглянулъ на генеральшу.

— Ужъ я, право, не знаю, — отвѣчалъ онъ нерѣшительно, съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ. — Звали его, да онъ... Не знаю, право, можетъ быть, не въ расположеніи духа. Я уже посылалъ Видоплясова и... развѣ, впрочемъ, мнѣ самому сходить?

— Заходилъ я къ нимъ сейчасъ, — таинственно проговорилъ Ежевикинъ.

— Можетъ ли быть? — вскрикнулъ дядя въ испугѣ. — Ну, что жъ?

— Напередъ всего заходилъ-съ, почтеніе свидѣтельствовавль. Сказали, что они въ уединеніи чаю напьются, а потомъ прибавили, что они и сухой хлѣбной корочкой могутъ быть сыты, да-съ.

Слова эти, казалось, поразили дядю настоящимъ ужасомъ.

— Да ты бѣ объяснилъ ему, Евграфъ Ларіонычъ,

чи бы рассказали. — проговорилъ, наконецъ, дядя, смотря на старика съ тоской и упрямомъ.

— Говорить-съ, говорилъ-съ.

— Ну?

— Долго не изволили мнѣ отвѣчать-съ. За математической задачей какой-то сидѣли, опредѣляли что-то: видно, головоломная задача была. Пифагоровы штаны при мнѣ начертили, — самъ видѣлъ. Три раза повторилъ, уже на четвертый только подняли голову и какъ будто впервые меня увидали. «Не пойду, говорить: тамъ теперь *ученый* прѣхалъ, такъ ужъ гдѣ намъ быть подлѣ такого свѣтила». — Такъ и изволили выразиться, что подлѣ свѣтила.

И старикашка, искоса, съ насмѣшкою взглянулъ на меня.

— Ну, такъ я и ждалъ! — вскричалъ дядя, всплеснувъ руками, — такъ я и думалъ! Вѣдь это онъ про тебя, Сергѣй, говорить, что «ученый». Ну, что теперь дѣлать?

— Признаюсь, дядюшка, — отвѣчалъ я, съ достоинствомъ пожимая плечами: — по-моему, это такой смѣшной отказъ, что не стоитъ обращать и вниманія, и я, право, удивляюсь вашему смущенію...

— Охъ, братецъ, не знаешь ты ничего! — вскрикнулъ онъ, энергически махнувъ рукой.

— Да ужъ теперь нечего горевать-съ, — ввязалась вдругъ дѣвица Перенелицына: — коли всѣ причины злыя отъ васъ самихъ спервоначалу произошли-съ, Егоръ Ильичъ-съ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ-съ. Послушали бы маменьку-съ, такъ теперь бы и не плакали-съ.

— Да чѣмъ же, Анна Ниловна, я-то виноватъ? Побойтесь Бога! — проговорилъ дядя умоляющимъ голосомъ, какъ будто напрашиваясь на объясненіе.

— Я Бога боюсь, Егоръ Ильичъ; а происходитъ все оттого, что вы эгоисты-съ и родительницу не лю-

бите-сь, — съ достоинствомъ отвѣчала дѣвица Перепелицына. — Отчего вамъ было, съ первоначалу, воли ихъ не уважить-сь? Онѣ вамъ мать-сь. А я вамъ неправды не стану говорить-сь. Я сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-сь.

Мнѣ показалось, что Перепелицына ввязалась въ разговоръ единственно съ тою цѣлю, чтобъ объявить всѣмъ намъ, и особенно мнѣ, новоприбывшему, что она сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-сь.

— Оттого, что онъ оскорбляетъ мать свою, — грозно проговорила, наконецъ, сама генеральша.

— Маменька, помилосердуйте! Гдѣ же я васъ оскорбляю?

— Оттого, что ты мрачный эгоистъ, Егорушка, — продолжала генеральша, все болѣе и болѣе одушевляясь.

— Маменька, маменька! Гдѣ же я мрачный эгоистъ? — вскричалъ дядя почти въ отчаяніи: — пять дней, цѣлыхъ пять дней вы сердитесь на меня и не хотите со мной говорить! А за что? За что? Пусть же судять меня, пусть цѣлый свѣтъ меня судить! Пусть, наконецъ, услышатъ и мое оправданіе. Я долго молчать, маменька; вы не хотѣли слушать меня: пусть же теперь люди меня услышатъ. Анфиса Петровна! Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Сергѣй, другъ мой! Ты человѣкъ посторонній, ты, такъ сказать, зритель, ты безпристрастно можешь судить...

— Успокойтесь, Егоръ Ильичъ, успокойтесь, — вскрикнула Анфиса Петровна: — не убивайте маменьку!

— Я не убью маменьку, Анфиса Петровна; но вотъ грудь моя — разите! — продолжалъ дядя, разгоряченный до послѣдней степени, что бываетъ иногда съ людьми слабохарактерными, когда ихъ выведутъ изъ послѣдняго терпѣнія, хотя вся горячка ихъ походить

на огонь отъ зажженной соломы, — я хочу сказать, Апфиса Петровна, что я никого не оскорблю. Я и начну съ того, что Оома Оомичъ благороднѣйшій, честнѣйшій человекъ и, вдобавокъ, человекъ высшихъ качествъ, но... но онъ былъ несправедливъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Гм! — промычалъ Обносингъ, какъ будто желалъ подразнить еще болѣе дядю.

— Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Неужели жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я, такъ сказать, безчувственный столбъ? Вѣдь я вижу, вѣдь я понимаю, со слезами сердца, можно сказать, понимаю, что все эти недоразумѣнія отъ излишней любви его ко мнѣ происходятъ. Но, воля ваша, онъ, ей-Богу, несправедливъ въ этомъ случаѣ. Я все расскажу. Я хочу рассказать теперь эту исторію, Апфиса Петровна, во всей ея ясности и подробности, чтобъ видѣли, съ чего дѣло вышло и справедливо ли на меня сердится маменька, что я не угодилъ Оомѣ Оомичу. Выслушай и ты меня, Сережа, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что дѣлалъ и во все продолженіе разказа, какъ будто бы боясь другихъ слушателей и сомнѣваясь въ ихъ сочувствіи, — выслушай и ты меня, и рѣши: правъ я или нѣтъ. Вотъ видишь, вотъ съ чего началась вся эта исторія: недѣлю назадъ — да именно не больше недѣли — проѣзжаетъ черезъ нашъ городъ бывшій начальникъ мой, генераль Русанетовъ, съ супругою и свояченицею. Останавливаются на время. Я пораженъ. Спѣшу воспользоваться случаемъ, лечу, представляюсь и приглашаю къ себѣ на обѣдъ. Обѣщалъ, если можно будетъ. То-есть, благороднѣйшій человекъ, я тебѣ скажу; блестятъ добродѣтелями и, вдобавокъ, вельможа! Свояченицу свою облагодѣтельствовалъ; одну сироту замужъ выдалъ за дивнаго молодого человека (теперь стряпчимъ въ Малиновѣ; еще молодой человекъ, но съ какимъ-

то, можно сказать, универсальнымъ образованіемъ!), — словомъ, изъ генераловъ генералъ! Ну, у насъ, конечно, возня, трескотня, повара, фрикасеи; музыку выписываю. Я, разумѣется, радъ и смотрю именинникомъ. Не понравилось Оомѣ Оомичу, что я радъ и смотрю именинникомъ! Сидѣлъ за столомъ — помню еще, подавали его любимый киселекъ со сливками — молчалъ-молчалъ, да какъ вскочить: «Обижаютъ меня, обижаютъ!» — «Да чѣмъ же, говорю, тебя, Оома Оомичъ, обижаютъ?» — «Вы теперь, говорить, мною пренебрегаете; вы генералами теперь занимаетесь, вамъ теперь генералы дороже меня!» Ну, разумѣется, я теперь все это вкратцѣ тебѣ передаю, такъ сказать, одну только сущность; но если бъ ты зналъ, что онъ еще говорилъ... словомъ, потрясъ всю мою душу! Что ты будешь дѣлать? Я, разумѣется, падаю духомъ: фрапировало меня это, можно сказать, хожу, какъ мокрый пѣтухъ. Наступаетъ торжественный день. Генералъ присылаетъ сказать, что не можетъ: извиняется, — значить, не будетъ. Я къ Оомѣ: «Ну, Оома, успокойся! Не будетъ». Что жъ бы ты думалъ? Не прощаетъ, да и только! «Обидѣли, говорить, меня, да и только!» Я и такъ и сякъ. «Нѣтъ, говорить, ступайте къ своимъ генераламъ; вамъ генералы дороже меня, вы узы дружества, говорить, разорвали». Другъ ты мой! Вѣдь я понимаю, за что онъ сердится. Я не столбъ, не баранъ, не тунеядецъ какой-нибудь! Вѣдь это онъ изъ излишней любви ко мнѣ, такъ сказать, изъ ревности дѣлаетъ — онъ это самъ говоритъ — онъ ревнуетъ меня къ генералу, расположеніе мое боится потерять, испытываетъ меня, хочетъ узнать, чѣмъ я для него могу пожертвовать: «Нѣтъ, говорить, я самъ для васъ все равно, что генералъ, я самъ для васъ ваше превосходительство! Тогда помирюсь съ вами, когда вы мнѣ свое уваженіе докажете». — «Чѣмъ же я тебѣ докажу мое уваженіе, Оома Оо-

ничъ? — «А называйте, говорить, меня цѣлый день: ваше превосходительство: тогда и докажете уваженіе. Упадаю съ облаковъ! Можешь представить себѣ мое удивленіе! «Да послужить это, говорить, вамъ урокомъ, чтобъ вы не восхищались вперёдъ генералами, когда и другіе люди, можетъ, еще почище вашихъ всѣхъ генераловъ!» Ну, тутъ ужь и я не вытерпѣлъ, каюсь! Открыто каюсь! «Ома Оомичъ, говорю, развѣ это возможное дѣло? Ну, могу ли я рѣшиться на это? Развѣ я могу, развѣ я въ правѣ произвести тебя въ генералы? Подумай, кто производитъ въ генералы? Ну, какъ я скажу тебѣ: ваше превосходительство? Да вѣдь это, такъ сказать, посягнувеніе на величіе судьбы! Да вѣдь генераль служить украшеніемъ отечеству: генераль воевалъ, онъ свою кровь на полѣ чести пролилъ! Какъ же я тебѣ-то скажу: ваше превосходительство?» Не унимается, да и только! «Что хочешь, говорю, Ома, все для тебя сдѣлаю. Вотъ ты велѣлъ мнѣ сбрить бакенбарды, потому что въ нихъ мало патріотизма, — я сбрилъ, поморщился, а сбрилъ. Мало того, сдѣлаю все, что тебѣ будетъ угодно, только откажись отъ генеральскаго сана!» — «Нѣтъ, говорить, не помирюсь до тѣхъ поръ, пока не скажутъ: ваше превосходительство!» «Это, говорить, для нравственности вашей будетъ полезно: это смиритъ вашъ духъ!» говорить. И вотъ теперь ужь недѣлю, цѣлую недѣлю говорить не хочетъ со мной; на всѣхъ, кто ни пріѣдетъ, сердится. Про тебя услыхалъ, что ученый — это я виноватъ: погорячился, разболталъ! — Такъ сказалъ, что нога его въ домѣ не будетъ, если ты въ домъ войдешь. «Значитъ, говорить, ужь я теперь для васъ не ученый». Вотъ бѣда будетъ, какъ узнаетъ теперь про Коровкина! Ну, помилуй, ну, посуди, ну чѣмъ же я тутъ виноватъ? Ну, неужели жь рѣшиться сказать ему: «ваше превосходительство»? Ну, можно ли жить въ такомъ положеніи? Ну, за

что онъ сегодня бѣдняка Бахчеева изъ-за стола прогналъ? Ну, положимъ, Бахчеевъ не сочинилъ астрономіи; да вѣдь и я не сочинилъ астрономіи, да вѣдь и ты не сочинилъ астрономіи... Ну, за что, за что?

• — А за то, что ты завистливъ, Егорушка, — промямлила опять генеральша.

— Маменька, — вскричалъ дядя, въ совершенномъ отчаяніи: — вы сведете меня съ ума!.. Вы не свои, вы чужія рѣчи переговариваете, маменька! Я, наконецъ, столбомъ, тумбой, фонаремъ дѣлаюсь, а не вашимъ сыномъ!

— Я слышалъ, дядюшка, — перебилъ я, изумленный до послѣдней степени разговоромъ, — я слышалъ отъ Бахчеева — не знаю, впрочемъ, справедливо, или нѣтъ — что Ома Омичъ позавидовалъ именинамъ Илюши и утверждаетъ, что и самъ онъ завтра именинникъ. Признаюсь, эта характеристическая черта такъ меня изумила, что я...

— Рожденье, братецъ, рожденье, не именины, а рожденье! — скороговоркою перебилъ меня дядя. — Онъ не такъ только выразился, а онъ правъ: завтра его рожденье. Правда, братъ, прежде всего...

— Совсѣмъ не рожденье! — крикнула Сашенька.

• — Какъ не рожденье? — вскрикнулъ дядя, оторопѣвъ.

— Все не рожденье, папочка! Это вы просто неправду говорите, чтобъ самого себя обмануть да Омѣ Омичу угодить. А рожденье его въ мартѣ было, — еще, помните, мы передъ этимъ на богомолье въ монастырь ѣздили, а онъ сидѣть никому не далъ покойно въ каретѣ: все кричалъ, что ему бокъ раздавила подушка, да щипался; тетушку, со злости, два раза ущипнулъ! А потомъ, когда въ рожденье мы пришли поздравлять, разсердился, зачѣмъ не было камеліи въ на-

шемъ букетъ. «Я говорю, люблю камелии, потому что у меня вкусъ высшаго общества, а вы для меня пожадъли въ оранжереѣ нарвать». И цѣлый день киснула да кукедилась, съ нами говорить не хотѣла...

Я думаю, если бь бомба упала среди комнаты, то это не такъ бы изумило и испугало всѣхъ, какъ это открытое возстаніе — и кого же? Дѣвочки, которой даже и говорить не позволялось громко въ бабушкиномъ присутствіи. Генеральша, иѣмая отъ изумленія и отъ бѣшенства, привстала, выпрямилась и смотрѣла на дерзкую внучку свою, не вѣря глазамъ. Дядя обмеръ отъ ужаса.

— Экую волю даютъ! Уморить хотятъ бабиньку-съ! — крикнула Перепелицына.

— Саша, Саша, опомнись! Что съ тобой, Саша? — кричалъ дядя, бросаясь то къ той, то къ другой, то къ генеральшѣ, то къ Сашенькѣ, чтобъ остановить ее.

— Не хочу молчать, папочка! — закричала Саша, вдругъ вскочивъ со стула, топая ножками и сверкая глазами; — не хочу молчать! Мы всѣ долго терпѣли изъ-за Оомы Оомича, изъ-за сквернаго, изъ-за гадкаго вашего Оомы Оомича! Потому что Оома Оомичъ всѣхъ насъ погубить, потому что ему то-и-дѣло толкуютъ, что онъ умница, великодушный, благородный, ученый, смѣсь всѣхъ добродѣтелей, попури какое-то, а Оома Оомичъ, какъ дуракъ, всему и повѣрилъ! Столько сладкихъ блюдъ ему нанесли, что другому бы совѣстно стало. а Оома Оомичъ скушалъ все, что передъ нимъ ни поставили, да и еще просить. Вотъ вы увидите, всѣхъ насъ съѣсть, а виноватъ всему папочка! Гадкій Оома Оомичъ, прямо скажу, никого не боюсь! Онъ глупъ, капризенъ, замарашка, неблагородный, жестокосердный, тиранъ, сплетникъ, лгуншшка... Ахъ, я бы непременно, сейчасъ же прогнала его со двора, а папочка его обожаетъ, а папочка отъ него безъ ума!..

— Ахъ!.. — вскрикнула генеральша и покатила въ изнеможеніи на диванъ.

— Голубчикъ мой, Агафья Тимоѣевна, ангель мой! — кричала Анфиса Петровна, — возьмите мой флаконъ! Воды, скорѣе воды!

— Воды, воды! — кричалъ дядя, — маменька, маменька, успокойтесь! На колѣняхъ умоляю васъ успокоиться!..

— На хлѣбъ на воду васъ посадить-съ, да изъ темной комнаты не выпускать-съ... челоѣкоубійцы вы этакія! — прошипѣла на Сашеньку дрожащая отъ злости Перепелицына.

— И сяду на хлѣбъ на воду, ничего не боюсь! — кричала Сашенька, въ свою очередь пришедшая въ какое-то самозабвеніе. — Я папочку защищаю, потому что онъ самъ себя защититъ не умѣетъ. Кто онъ такой, кто онъ, вашъ Ома Омичъ, передъ папочною? У папочки хлѣбъ ѣсть, да папочку же и унижаетъ. неблагодарный! Да я бѣ его разорвала въ куски, вашего Ому Омича! На дуэль бы его вызвала, да тутъ бы и убила изъ двухъ пистолетовъ...

— Саша, Саша! — кричалъ въ отчаяніи дядя. — Еще одно слово — и я погибъ, безвозвратно погибъ.

— Папочка! — вскричала Саша, вдругъ стремительно бросаясь къ отцу, заливаясь слезами и крѣпко обвивъ его своими руками, — папочка! Ну, вамъ ли, доброму, прекрасному, веселому, умному, вамъ ли, вамъ ли такъ себя погубить? Вамъ ли подчиняться этому скверному, неблагодарному челоѣку, быть его игрушкой, на смѣхъ себя выставять? Папочка, золотой мой папочка!..

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Началась страшная суматоха. Генеральша лежала въ обморокѣ. Дядя стоялъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки. Дѣвица Перепелицына увивалась

около нихъ и бросала на насъ злобныя, но торжествующіе взгляды. Анфиса Петровна смачивала виски генеральши водою и возилась съ своимъ флакономъ. Праксovia Пльинична трепетала и заливалась слезами; Ежеквиппъ искалъ уголка, куда бы забиться, а гувернантка стояла блѣдная, совершенно потерявшись отъ страха. Одинъ Мизинчиковъ оставался совершенно попрежнему. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и принялся пристально смотрѣть въ него, рѣшительно не обращая вниманія на всю эту сцену.

Вдругъ генеральша приподнялась съ дивана, выпрямилась и обмѣрила меня грознымъ взглядомъ.

— Вонъ! — крикнула она, притопнувъ на меня ногою.

Я долженъ признаться, что этого совершенно не ожидалъ.

— Вонъ! Вонъ изъ дому; вонъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Чтобъ и духу его не было! Вонъ!

— Маменька! Маменька, что вы! Да вѣдь это Сережа, — бормоталъ дядя, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха. — Вѣдь онъ, маменька, къ намъ въ гости пріѣхалъ.

— Какой Сережа? Вздоръ! Не хочу ничего слышать; вонъ! Это Коровкинъ. Я увѣрена, что это Коровкинъ. Меня предчувствіе не обманываетъ. Онъ пріѣхалъ Оому Оомича выживать; его и выписали для этого. Мое сердце предчувствуетъ... Вонъ, негодяй!

— Дядюшка, если такъ, — сказалъ я, захлебываясь отъ благороднаго негодованія, — если такъ, то я... извините меня... — И я схватился за шляпу.

— Сергѣй, Сергѣй, что ты дѣлаешь?... Ну, вотъ теперь этотъ... Маменька! Вѣдь это Сережа!.. Сергѣй, помилуй! — кричалъ онъ, гоняясь за мной и сисясь отнять у меня шляпу, -- ты мой гость, ты останешься, я хочу! Вѣдь это она только такъ, — прибавилъ онъ шопотомъ. — вѣдь это она только когда

разсердится... Ты только теперь, первое время спрячься куда-нибудь... побудь гдѣ-нибудь — я ничего, все пройдет. Она тебя проститъ, — увѣрю тебя! Она добрая, а только такъ, заговаривается... Слышишь, она принимаетъ тебя за Коровкина, а потомъ проститъ, увѣрю тебя... Ты чего? — закричалъ онъ дрожавшему отъ страха Гаврилѣ, вошедшему въ комнату.

Гаврила вошелъ не одинъ; съ нимъ былъ дворový парень, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прехорошенькій собой, взятый во дворъ за красоту, какъ узналъ и послѣ. Звали его Фалалеемъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то особенный костюмъ, въ красной шелковой рубашкѣ, обшитой по вороту позументомъ, съ золотымъ галуннымъ поясомъ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ и въ козловыхъ сапожкахъ, съ красными отворотами. Этотъ костюмъ былъ затѣей самой генеральши. Мальчикъ прегорько рыдалъ, и слезы, одна за другой, катились изъ большихъ, голубыхъ глазъ его.

— Это еще что? — вскричалъ дядя, — что случилось? Да говори же, разбойникъ!

— Ома Омичъ велѣлъ быть сюда; сами вослѣдъ идутъ, — отвѣчалъ скорбный Гаврила, — мнѣ на экзамень, а онъ...

— А онъ?

— Плясалъ-съ, — отвѣчалъ Гаврила плачевнымъ голосомъ.

— Плясалъ! — вскрикнулъ въ ужасѣ дядя.

— Плясалъ! — проревѣлъ Фалалей, всхлипывая.

— Камаринскаго?

— Ка-ама-ринскаго!

— А Ома Омичъ засталъ?

— Зас-талъ!

— Дорѣзали! — вскрикнулъ дядя, — пропала моя голова! — и обѣими руками схватилъ себя за голову.

— Оома Оомичъ! — позвѣстилъ Видоплясовъ, входя въ комнату.

Дверь отворилась, и Оома Оомичъ самъ своею собственною особою предсталъ передъ озадаченной публикой.

VI

Про бѣлаго быка и про камаринскаго мужика

Но прежде чѣмъ я буду имѣть честь лично представить читателю вошедшаго Оому Оомича, я считаю совершенно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Оалалей и объяснить, что именно было ужаснаго въ томъ, что онъ плясалъ камаринскаго, а Оома Оомичъ засталъ его въ этомъ веселомъ занятіи. Оалалей былъ дворовый мальчикъ, сирота съ колыбели и крестникъ покойной жены моего дяди. Дядя его очень любилъ. Одною этого совершенно достаточно было, чтобъ Оома Оомичъ, переселясь въ Степанчиково и покоровивъ себѣ дядю, возненавидѣлъ любимца его, Оалалея. Но мальчикъ какъ-то особенно понравился генеральшѣ и, не смотря на гнѣвъ Оомы Оомича, остался вверху, при господахъ: настояла въ этомъ сама генеральша, и Оома уступилъ, сохраняя въ сердцѣ своемъ обиду, — онъ все считалъ за обиду, — и отмщая за нее ни въ чемъ не виноватому дядѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ. Оалалей былъ удивительно хорошъ собой. У него было лицо дѣвичье, лицо красавицы деревенской дѣвушки. Генеральша холила и нѣжила его, дорожила имъ, какъ хрощенькой, рѣдкой игрушкой; и еще неизвѣстно, кого она больше любила: свою ли маленькую, курчавенькую собачку Ами или Оалалея? Мы уже говорили о его костюмѣ, который былъ ея изобрѣтеніемъ. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахеръ Кузьма обязанъ былъ завивать ему по праздникамъ волосы.

Этотъ мальчикъ былъ какое-то странное созданіе. Нельзя было назвать его совершеннымъ идиотомъ или юродивымъ, но онъ былъ до того наивенъ, до того правдивъ и простодушенъ, что иногда, дѣйствительно, его можно было счесть дурачкомъ. Приснится ли ему сонъ, онъ тотчасъ же идетъ къ господамъ рассказывать. Онъ вмѣшивается въ разговоръ господъ, не заботясь о томъ, что ихъ прерываетъ. Онъ рассказываетъ имъ такія вещи, которыя никакъ нельзя рассказывать господамъ. Онъ заливаеся самыми искренними слезами, когда барыня падаетъ въ обморокъ, или когда ужъ слишкомъ забранятъ его барина. Онъ сочувствуетъ всякому несчастью. Иногда подходитъ къ генеральшѣ, цѣлуетъ ея руки и проситъ, чтобъ она не сердилась — и генеральша великодушно прощаетъ ему эти смѣлости. Онъ чувствителенъ до крайности, добръ и незлобивъ, какъ барашекъ, веселъ, какъ счастливый ребенокъ. Со стола ему подають подачку.

Онъ постоянно становится за стуломъ генеральши и ужасно любитъ сахаръ. Когда ему дадутъ сахарцу, онъ тутъ же сгрызаетъ его своими крѣпкими, бѣлыми, какъ молоко, зубами, и неописанное удовольствіе сверкаетъ въ его веселыхъ, голубыхъ глазахъ и на всемъ его хорошенькомъ личикѣ.

Долго гнѣвался Тома Томичъ; но, разсудивъ, наконецъ, что гнѣвомъ не возьмешь, онъ вдругъ рѣшился быть благодѣтелемъ Фалалею. Разбранивъ сперва дядю за то, что ему нѣтъ дѣла до образованія дворовыхъ людей, онъ рѣшилъ немедленно обучать бѣднаго мальчика нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку. «Какъ! — говорилъ онъ, защищая свою нелѣпую мысль (мысль, приходившую въ голову и не одному Томѣ Томичу, чему свидѣтелемъ пишущій эти строки), — какъ! онъ всегда вверху при своей госпожѣ: вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напимѣръ, доннѣ

муа мон-мушуаръ — онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!» Но оказалось, что не только нельзя было Оалалея выучить по-французски, но что поварь Андронъ, его дядя, безкорыстно старавшійся научить его русской грамотѣ, давно уже махнулъ рукой и сложилъ азбуку на полку. Оалалей былъ до того тупъ на книжное обученіе, что не понималъ рѣшительно ничего. Мало того: изъ этого даже вышла исторія. Дворовые стали дразнить Оалалея французомъ, а старикъ Гаврила, заслуженный камердинеръ дядюшки, открыто осмѣлился отрицать пользу изученія французской грамоты. Дошло до Оомы Оомича, и, разгнѣвавшись, онъ, въ наказаніе, заставилъ учиться по-французски самого оппонента, Гаврилу. Вотъ съ чего и взялась вся эта исторія о французскомъ языкѣ, такъ разсердившая г-на Бахчеева. Насчетъ манеръ было еще хуже: Оома рѣшительно не могъ образовать по-своему Оалалея, который, несмотря на запрещеніе, приходилъ по утрамъ рассказывать ему свои сны, что Оома Оомичъ, съ своей стороны, находилъ въ высшей степени неприличнымъ и фамильярнымъ. Но Оалалей упорно оставался Оалалеемъ. Разумѣется, за все это прежде всѣхъ доставалось дядѣ.

— Знаете ли, знаете ли, что онъ сегодня сдѣлалъ? — кричитъ, бывало, Оома, для большаго эффекта, выбравъ время, когда всѣ въ сборѣ. — Знаете ли, полковникъ, до чего доходитъ ваше систематическое баловство? Сегодня онъ сожралъ кусокъ пирога, который вы ему дали за столомъ и, знаете ли, что онъ сказалъ послѣ этого? Поди сюда, поди сюда, нелѣпая душа, поди сюда, идиотъ, румяная ты рожа!..

Оалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда ты сожралъ свой пирогъ? Повтори при всѣхъ!

Θалалей не отвѣчаетъ и заливаётся горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это иль нѣтъ? Говори!

— Ска-залъ!.. — подтверждаетъ Θалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, — пристаётъ Θома, — кто именно этотъ Мартынъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, каптенармусъ, дворовый чело-вѣкъ, — кто-нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вый че-ло-вѣкъ, — отвѣчаетъ, наконецъ, Θалалей, продолжая плакать.

— Чей? Чьихъ господъ?

Но Θалалей не умѣетъ сказать, чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Θома въ сердцахъ убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянетъ часъ своего рожденія, просить у всѣхъ прощенія и всю остальную часть дня ходитъ на цыпочкахъ, въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

Какъ нарочно случилось такъ, что на другой же день послѣ исторіи съ мартиновымъ мыломъ, Θалалей, принеся утромъ чай Θомѣ Θомичу и совершенно успѣвъ забыть Мартына и все вчерашнее горе, сообщилъ ему, что видѣлъ сонъ про бѣлаго быка. Этого

не доставало! Ома Омичъ пришелъ въ неожиданное негодование, немедленно призвалъ дядю и началъ распекать его за неприличіе сна, видѣннаго его Оалалеемъ. Въ этотъ разъ были приняты строгія мѣры: Оалалей былъ наказанъ: онъ стоялъ въ углу на колѣняхъ. Настрога запретили ему видѣть такіе грубые, мужицкіе сны. «Я за что сержусь, — говоритъ Ома: — кромѣ того, что онъ, по-настоящему, не долженъ бы смѣть и подумать лѣзть ко мнѣ съ своими снами, тѣмъ болѣе съ бѣлымъ быкомъ; кромѣ этого — согласитесь сами, полковникъ — что такое бѣлый быкъ, какъ не доказательство грубости, невѣжества, мужичества вашего неотесаннаго Оалалея? Каковы мысли, таковы и сны. Развѣ не говорилъ я заранѣе, что изъ него ничего не выйдетъ, и что не слѣдовало оставлять его вверху, при господахъ? Никогда, никогда не разовьете вы эту безмысленную простонародную душу во что-нибудь возвышенное, поэтическое. Развѣ ты не можешь, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Оалалею, — развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что-нибудь изящное, иѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, напримѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?» Оалалей обѣщалъ непременно увидать въ слѣдующую ночь господъ или дамъ, гуляющихъ въ прекрасномъ саду.

Ложась спать, Оалалей со слезами молилъ объ этомъ Бога и долго думалъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобъ не видѣть проклятаго бѣлаго быка? Но надежды человѣческія обманчивы. Проснувшись на другое утро, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что опять всю ночь ему снилось про ненавистнаго бѣлаго быка и не приснилось ни одной дамы, гуляющей въ прекрасномъ саду. Въ этотъ разъ послѣдствія были особенныя. Ома Омичъ объявилъ рѣшительно, что не вѣритъ возможности подобнаго случая, возможности подобнаго вторенія сна, а что Оалалей нарочно подученъ кѣмъ-

нибудь изъ домашнихъ, а, можетъ быть, и самимъ полковникомъ, чтобъ сдѣлать въ пику Оомѣ Оомичу. Много было крику, упрековъ и слезъ. Генеральша къ вечеру захворала; весь домъ повѣсилъ носъ. Оставалась еще слабая надежда, что Оалалей въ слѣдующую, то-есть въ третью почъ, непременно увидитъ что-нибудь изъ высшаго общества. Каково же было всеобщее негодованіе, когда цѣлую недѣлю сряду, каждую Божию ночь, Оалалей постоянно видѣлъ бѣлаго быка и одного только бѣлаго быка! О, вышлемъ обществѣ нечего было и думать.

Но всего интереснѣе было то, что Оалалей никакъ не могъ догадаться солгать, просто сказать, что видѣлъ не бѣлаго быка, а хоть, напримѣръ, карету, наполненную дамами и Оомой Оомичомъ; тѣмъ болѣе, что солгать, въ такомъ крайнемъ случаѣ, было даже не такъ и грѣшно. Но Оалалей былъ до того правдивъ, что рѣшительно не умѣлъ солгать, если бы даже и захотѣлъ. Объ этомъ даже и не намекали ему. Всѣ знали, что онъ измѣнитъ себѣ въ первое же мгновеніе, и что Оома Оомичъ тотчасъ же поймаетъ его во лжи. Что было дѣлать? Положеніе дяди становилось невыносимымъ. Оалалей былъ рѣшительно несправимъ. Бѣдный мальчикъ даже сталъ худѣть отъ тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили, и сыркнула его съ уголька водою. Въ этой полезной операціи участвовала и сердобольная Прасковья Ильинична. Но даже и это не помогло. Ничего не помогало!

— Да пусто бѣ его взяло, треклятаго! — рассказывалъ Оалалей, — каждую ночь снится! Каждый разъ съ вечера молюсь: «сонъ не снись про бѣлаго быка, сонъ не снись про бѣлаго быка!» А онъ тутъ — какъ тутъ, проклятый, стоитъ передо мной, большой, съ рогами, тупогубый такой, у-у-у!

Дядя былъ въ отчаяніи. Но, къ счастью, Оома Оомичъ вдругъ какъ будто забылъ про бѣлаго быка.

Конечно, никто не върилъ, что Оома Оомичъ можетъ забыть о такомъ важномъ обстоятельстве. Всѣ со страхомъ полагали, что онъ приберегаетъ бѣлаго быка про запасъ и обнаружить его при первомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Оомъ Оомичу въ это время было не до бѣлаго быка: у него случились другія дѣла, другія заботы; другіе замыслы созрѣвали въ полезной и многодумной его головѣ. Вотъ почему онъ и далъ спокойно вздохнуть Оалалею. Въстѣ съ Оалалеемъ и всѣ отдохнули. Парень повеселѣлъ, даже сталъ забывать о прошедшемъ; даже бѣлый быкъ началъ появляться рѣже и рѣже, хотя все еще напоминалъ иногда о своемъ фантастическомъ существованіи. Словомъ, все бы пошло хорошо, если бъ не было на свѣтѣ камаринскаго.

Надобно замѣтить, что Оалалей отлично плясалъ; это была его главная способность, даже нѣчто въ родѣ призванія; онъ плясалъ съ энергіей, съ неистощимой веселостью, но особенно любилъ опъ камаринскаго мужика. Не то чтобъ ему ужъ такъ очень нравились легкомысленные и, во всякомъ случаѣ, необъяснимые поступки этого вѣтренаго мужика — нѣтъ, ему нравилось плясать камаринскаго единственно потому, что слушать камаринскаго и не плясать подъ эту музыку было для него рѣшительно невозможно. Иногда, по вечерамъ, два-три лакея, кучера, садовникъ, игравшій на скрипкѣ, и даже нѣсколько дворовыхъ дамъ собирались въ кружокъ, гдѣ-нибудь на самой задней площадкѣ барской усадьбы, подальше отъ Оомы Оомича; начиналась музыка, танцы и, подъ конецъ, торжественно вступалъ въ свои права и камаринскій. Оркестръ составляли двѣ балалайки, гитара, скрипка и бубень, съ которымъ отлично управлялся фореиторъ Митюшка. Надо было посмотреть, что дѣлалось тогда съ Оалалеемъ: онъ плясалъ до забвенья самого себя, до истощенія послѣднихъ силъ, поощряемый криками и смѣ-

хомъ публики; онъ взвизгивалъ, кричалъ, хохоталъ, хлопалъ въ ладоши; онъ плясалъ, какъ будто увлекаемый постороннею, непостижимою силою, съ которой не могъ совладать, и упрямо силился догнать все болѣе и болѣе учащаемый темпъ удалого мотива, выбивая по землѣ каблуками. Это были минуты истиннаго его наслажденія; и все бы это шло и весело, если бъ слухъ о камаринскомъ не достигъ, наконецъ, Оомы Оомича.

Оома Оомичъ обмеръ и тотчасъ же послалъ за полковникомъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ только объ одномъ узнать, полковникъ, — началъ Оома, — совершенно ли вы поклялись погубить этого несчастнаго идиота, или не совершенно? Въ первомъ случаѣ я тотчасъ же отстраняюсь; если же не совершенно, то я...

— Да что такое? Что случилось? — вскричалъ испуганный дядя.

— Какъ что случилось? Да знаете ли вы, что онъ пляшетъ камаринскаго?

— Ну... ну что жъ?

— Какъ ну что жъ? — взвизгнулъ Оома. — И говорите это вы — вы, ихъ баринъ и даже въ нѣ-которомъ смыслѣ отецъ! Да имѣете ли вы, послѣ этого, здравое понятіе о томъ, что такое камаринскій? Знаете ли вы, что эта пѣсня изображаетъ одного отвратительнаго мужика, покусившагося на самый безнравственный поступокъ, въ пьяномъ видѣ? Знаете ли, на что посягнулъ этотъ развратный холопъ? Онъ попралъ самыя драгоцѣнныя узы и, такъ сказать, притопталъ ихъ своими мужичьими сапожищами, привыкшими поширать только полъ кабака? Да понимаете ли, что вы оскорбили благороднѣйшія чувства мои своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли, что вы лично оскорбили меня своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли вы это или нѣтъ?

— Но, Оома... Да вѣдь это только пѣсня, Оома...

— Какъ только пѣсня! И вы не постыдились мнѣ признаться, что знаете эту пѣсню — вы, членъ благороднаго общества, отецъ благоправныхъ и невинныхъ дѣтей и, вдобавокъ, полковникъ! Только пѣсня! Но я увѣренъ, что эта пѣсня взята съ истиннаго событія! Только пѣсня! Но какой же порядочный человѣкъ можетъ, не сгорѣвъ со стыда, признаться, что знаетъ эту пѣсню, что слышалъ хоть когда-нибудь эту пѣсню? Какой, какой?

— Ну, да вотъ ты же знаешь, Оома, коли спрашиваешь, — отвѣчалъ, въ простотѣ души, сконфуженный дядя.

— Какъ! Я знаю? Я... я... то-есть! Обидѣли! — вскричалъ вдругъ Оома, срываясь со стула и захлебываясь отъ злости. Онъ никакъ не ожидалъ такого оглушительнаго отвѣта.

Не стану описывать гнѣвъ Оомы Оомича. Полковникъ съ безславіемъ прогнанъ былъ съ глазъ блюстителя нравственности за неприличіе и *ненаходчивость* своего отвѣта. Но съ этихъ поръ Оома Оомичъ далъ себѣ клятву: поймать на мѣстѣ преступленія Оалалея, танцующаго камаринскаго. По вечерамъ, когда всѣ полагали, что онъ чѣмъ-нибудь занятъ, онъ нарочно выходилъ потихоньку въ садъ, обходилъ огороды и забивался въ коноплю, откуда издали видна была площадка, на которой происходили танцы. Онъ сторожилъ бѣднаго Оалалея, какъ охотникъ птичку, съ наслажденіемъ представляя себѣ, какой трезвонъ задастъ онъ, въ случаѣ успѣха, всему дому, и въ особенности полковнику. Наконецъ, неусыпные труды его увѣнчались успѣхомъ: онъ засталъ камаринскаго! Понятно послѣ этого, отчего дядя рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ плачущаго Оалалея и услышалъ, что Видопля-

совъ возвѣстилъ Оому Омича, такъ неожиданно и въ такую хлопотливую минуту представшаго передъ нами своею собственною особою.

VII

Оома Омичъ

Я съ напряженнымъ любопытствомъ разсматриваль этого господина. Гаврила справедливо назваль его плюгавенькимъ человеккомъ. Оома былъ малъ ростомъ, бѣлобрысый и съ просѣдью, съ горбатымъ носомъ и съ мелкими морщинками по всему лицу. На подбородкѣ его была большая бородавка. Лѣтъ ему было подъ пятьдесятъ. Онъ вошелъ тихо, мѣрными шагами, опустивъ глаза внизъ. Но самая нахальная самоувѣренность изображалась въ его лицѣ и во всей его педантской фигуркѣ. Къ удивленію моему, онъ явился въ шлафрокѣ, правда, иностраннаго покроя, но все-таки шлафрокѣ, и, вдобавокъ, въ туфляхъ. Воротничокъ его рубашки, не подвязанный галстукомъ, былъ отложенъ à l'enfant; это придавало Оомѣ Омичу чрезвычайно глупый видъ. Онъ подошелъ къ незанятому креслу, придвинулъ его къ столу и сѣлъ, не сказавъ никому ни слова. Мгновенно исчезли вся суматоха, все волненіе, бывшія за минуту назадъ. Все притихло такъ, что можно было слышать пролетѣвшую муху. Генеральша присмирѣла, какъ агнецъ. Все подобострастіе этой бѣдной идиотки передъ Оомой Омичомъ выступило наружу. Она не паглядѣлась на свое пещечко, впиалась въ него глазами. Дѣвица Перепелицына, осклабяясь, потирала свои ручки, а бѣдная Прасковья Ильинична замѣтно дрожала отъ страха. Дядя немедленно захопоталъ.

— Чаю, чаю, сестрица! Послаще только, сестрица; Оома Омичъ послѣ сна любить чай послаще.
— Вѣдь тебѣ послаще, Оома?

— Не до чаю мнѣ вашего теперь! — проговорилъ Оома медленно и съ достоинствомъ, съ озабоченнымъ видомъ махнувъ рукой. — Вамъ бы все, что послаще!

Эти слова и смѣшной донельзя, по своей педантской важности, входъ Оомы чрезвычайно заинтересовали меня. Мнѣ любопытно было узнать, до чего, до какого забвенія приличій дойдетъ, наконецъ, наглость этого зазнавашагося господчика.

— Оома! — крикнулъ дядя, — рекомендую: племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ! Сейчасъ прѣхалъ.

Оома Оомичъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Удивляюсь я, что вы всегда какъ-то систематически любите перебивать меня, полковникъ, — проговорилъ онъ послѣ значительнаго молчанія, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія. — Вамъ о дѣлѣ говорятъ, а вы — Богъ знаетъ о чемъ... *трактуете*... Видѣли вы Оалалея?

— Видѣлъ, Оома...

— А, видѣли! Ну, такъ я вамъ его опять покажу, коли видѣли. Можете полюбоваться на ваше произведеніе... въ нравственномъ смыслѣ. — Поди сюда, идиотъ! Поди сюда, голландская ты рожа! Ну же, иди, иди! Не бойся!

Оалалей подошелъ, всхлипывая, раскрывъ ротъ и глотая слезы. Оома Оомичъ смотрѣлъ на него съ наслажденіемъ.

— Съ намѣреніемъ назвалъ я его голландской рожей, Павелъ Семенычъ, — замѣтилъ онъ, развалясь въ креслѣ и слегка поворотясь къ сидѣвшему рядомъ Обноскину, — да и вообще, знаете, не нахожу нужнымъ смягчать свои выраженія ни въ какомъ случаѣ. Правда должна быть правдой. А чѣмъ ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Что жъ и трудиться смягчать? Себя и людей обманывать! Только

въ глупой свѣтской башкѣ могла зародиться потребность такихъ безмысленныхъ приличій. Скажите — беру васъ судьей — находите вы въ этой рожѣ прекрасное? Я разумѣю высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую-нибудь красную харю?

Ома Омичъ говорилъ тихо, мѣрно и съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ.

— Въ немъ прекрасное? — отвѣчалъ Обноскинъ съ какою-то нахальною небрежностью. — Мнѣ кажется, это просто порядочный кусокъ ростбифа — и ничего больше...

— Подхожу сегодня къ зеркалу и смотрю въ него, — продолжалъ Ома, торжественно пропуская мѣстоименіе я. — Далекое не считаю себя красавцемъ, но поневолѣ пришелъ къ заключенію, что есть же что-нибудь въ этомъ сѣромъ глазѣ, что отличаетъ меня отъ какого-нибудь Фалалея. Это мысль, это жизнь, это умъ въ этомъ глазѣ! Не хвалюсь именно собой. Говорю вообще о нашемъ сословіи. Теперь, какъ вы думаете: можетъ ли быть хоть какой-нибудь клочокъ, хоть какой-нибудь отрывокъ души въ этомъ живомъ бифтексѣ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте, Павелъ Семенычъ, какъ у этихъ *людей*, совершенно лишенныхъ мысли и идеала, и ѣдящихъ одну говядину, какъ у нихъ всегда отвратительно свѣжъ цвѣтъ лица, грубо и глупо свѣжъ! Угодно вамъ узнать степень его мышленія? Эй, ты, статья! Подойди же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты ротъ разинулъ? Кита, что ли, проглотить хочешь? Ты прекрасенъ? Отвѣчай: ты прекрасенъ?

— Прек-ра-сенъ! — отвѣчалъ Фалалей, съ заглушенными рыданіями.

Обноскинъ покатился со смѣху. Я чувствовалъ, что начинаю дрожать отъ злости.

— Вы слышали? — продолжалъ Ома, съ торжествомъ обращаясь къ Обноскину. — То ли еще услы-

шите! Я пришелъ ему сдѣлать экзаменъ. Есть, видите ли, Павелъ Семенычъ, люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идіота. Можетъ быть, я строго сужу, ошибаюсь; но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый неприличнѣйшій изъ тащевъ. Никому здѣсь до этого пѣть и дѣла. Но вотъ сами послушайте. — Отвѣчай: что ты дѣлалъ сейчасъ? Отвѣчай же, отвѣчай немедленно — слышишь?

— Пля-салъ... — проговорилъ Оалалей, усиливая рыданія.

— Что же ты плясалъ? Какой танецъ? Говори же?

— Камаринскаго...

— Камаринскаго! А кто этотъ камаринскій? Что такое камаринскій? Развѣ я могу понять что-нибудь изъ этого отвѣта? Ну же, дай намъ понятіе: кто такой твой камаринскій?

— Му-жикъ...

— Мужикъ! Только мужикъ? Удивляюсь! Значить, замѣчательный мужикъ! Значить, это какой-нибудь знаменитый мужикъ, если о немъ уже сочиняются поэмы и танцы? Ну, отвѣчай же!

Тянуть жилы — была потребность Оомы. Онъ заигрывалъ съ своей жертвой, какъ кошка съ мышкой; но Оалалей молчитъ, хнычетъ и не понимаетъ вопроса.

— Отвѣчай же! — настаиваетъ Оома, — тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? Говори же!.. Господскій ли, казенный ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

— Э-ко-но-ми-ческій...

— А, экономическій! Слышите, Павелъ Семенычъ? Новый историческій фактъ: камаринскій мужикъ — экономическій. Гм!.. Ну, что же сдѣлалъ этотъ экономическій мужикъ? За какіе подвиги его такъ воспѣваютъ и... выплясываютъ?

Вопросъ былъ щекотливый, а такъ какъ относился къ Фалалейю, то и опасный.

— Ну... вы... однакожъ... — замѣтилъ было Обноскинъ, взглянувъ на свою маменьку, которая начинала какъ-то особенно повертываться на диванѣ. Но что было дѣлать? Капризы Оомы Оомича считались закономъ.

— Помилуйте, дядюшка, если вы не уимете этого дурака, вѣдь онъ... слышите, до чего добирается — Фалалей что-нибудь совретъ, увѣряю васъ... — шепнулъ я дядѣ, который потерялся и не зналъ на что рѣшиться.

— Ты бы, однакожъ, Оома... — началъ онъ, — вотъ я рекомендую тебѣ, Оома, мой племянникъ, молодой человѣкъ, занимался минералогіей...

— Я васъ прошу, полковникъ, не перебивайте меня съ вашей минералогіей, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно, ничего не знаете, а, можетъ быть, и *другіе* тоже. Я не ребенокъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ, что этотъ мужикъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага своего семейства, напился пьянъ, пропилъ въ кабацѣ полушубокъ и пьяный побѣжалъ по улицѣ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ содержаніе всей этой поэмы, восхваляющей пьянство. Не безпокойтесь, онъ *теперь* знаетъ, что ему отвѣчать. — Ну, отвѣчай же: что сдѣлалъ этотъ мужикъ? Вѣдь я тебѣ подсказалъ, въ ротъ положилъ. Я именно отъ самого тебя хочу слышать: что онъ сдѣлалъ, чѣмъ прославился, чѣмъ заслужилъ такую безсмертную славу, что его уже воспѣваютъ трубадуры? Ну?

Несчастный Фалалей въ тоскѣ озирался кругомъ и, въ недоумѣніи, что сказать, открывалъ и закрывалъ ротъ, какъ карась, вытасченный изъ воды на песокъ.

— Стыдно ска-зать! — промычалъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.

— А! Стыдно сказать! — промычалъ Оома, тор-

жествуя. — Вотъ этого-то отвѣта я и добивался, полковникъ! Стыдно сказать, а не стыдно дѣлать? Вотъ нравственность, которую вы посѣяли, которая возшла и которую вы теперь . . . поливаете. Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Фалалей. Теперь я тебѣ ничего не скажу, изъ уваженія къ публикѣ; но сегодня же, сегодня же, ты будешь жестоко и больно наказанъ. Если же нѣтъ, если и въ этотъ разъ меня на тебя промѣняютъ, то ты оставайся здѣсь и утѣшай своихъ господъ камаринскимъ, а я сегодня же выйду изъ этого дома! Довольно! Я сказалъ. Ступай!

— Ну ужъ вы, кажется, строго . . . — промямлилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! — крикнулъ было дядя, но оборвался и замолчалъ. Ома мрачно на него покосился.

— Удивляюсь я, Павелъ Семенычъ, — продолжалъ онъ, — что жъ дѣлають послѣ этого всѣ эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Какъ не обратять они вниманія на то, какія пѣсни поетъ русскій народъ и подъ какія пѣсни пляшетъ русскій народъ? Что жъ дѣлали до сихъ поръ всѣ эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны. Удивляюсь. Народъ пляшетъ камаринскаго, эту апоѳеозу пьянства, а они воспѣвають какія-то незабудочки! Зачѣмъ же не напишутъ они болѣе благонаправныхъ пѣсенъ для народнаго употребленія и не бросятъ свои незабудочки? Это социальный вопросъ! Пусть изобразятъ они мнѣ мужика, но мужика облагороженнаго, такъ сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразятъ этого сельскаго мудреца въ простотѣ своей, пожалуй, хоть даже въ лаптяхъ — я и на это согласенъ, — но преисполненнаго добродѣтелями, которымъ — я это смѣло говорю — можетъ позавидывать даже какой-нибудь слишкомъ прославленный Александръ Македонскій. Я знаю Русь, и

Русь меня знаетъ: потому и говорю это. Пусть изобразятъ этого мужика, пожалуй, обремененнаго семействомъ и сѣдиною, въ душной избѣ, пожалуй, еще голоднаго, но довольнаго, перопщущаго, но благословляющаго свою бѣдность и равнодушнаго къ золоту богача. Пусть самъ богачъ въ умилени души принесетъ ему, наконецъ, свое золото; пусть даже при этомъ случаѣ, произойдетъ соединеніе добродѣтели мужика съ добродѣтелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянинъ и вельможа, столь разъединенные на ступеняхъ общества, соединяются, наконецъ, въ добродѣтеляхъ, — это высокая мысль! А то, что мы видимъ? Съ одной стороны незабудочки, а съ другой — выскочилъ изъ кабака и бѣжитъ по улицѣ въ растерзанномъ видѣ! Ну, что жъ, скажите, тутъ поэтическаго? Чѣмъ любоваться? Гдѣ умъ? Гдѣ грація? Гдѣ нравственность? Недоумѣваю!

— Сто рублей я тебѣ долженъ, Оома Оомичъ, за такія слова! — проговорилъ Ежевикинъ съ восхищеннымъ видомъ.

— А вѣдь чорта лысаго съ меня и получить, — прошепталъ онъ мнѣ потихоньку. — Польсти, польсти!

— Ну, да... это вы хорошо изобразили, — промолвилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! — вскрикнулъ дядя, слушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ и глядѣвшій на меня съ торжествомъ.

— Тема-то какая завязалась! — шепнулъ онъ, потирая руки. — Многосторонній разговоръ, чортъ возьми! Оома Оомичъ, вотъ мой племянникъ, — прибавилъ онъ отъ избытка чувствъ. — Онъ тоже занимался литературой, — рекомендую.

Оома Оомичъ, какъ и прежде, не обратилъ ни малѣйшаго тоже вниманія на рекомендацію дяди.

— Ради Бога, не рекомендуйте меня болѣе! Я

васъ серьезно прошу, — шепнуть я дядѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Иваигъ Иванычъ! — началъ вдругъ Оома, обращаясь къ Мизиичикову и пристально смотря на него, — вотъ, мы теперь говорили: какого вы мнѣнія?

— Я? Вы меня спрашиваете? — съ удивленіемъ отозвался Мизиичиковъ, съ такимъ видомъ, какъ будто его только-что разбудили.

— Да, вы-съ. Спрашиваю васъ потому, что дорожу мнѣніемъ истинно-умныхъ людей, а не какихъ-нибудь проблематическихъ умниковъ, которые умны потому только, что ихъ *безпрестанно рекомендуютъ* за умниковъ, за *ученыхъ*, а иной разъ и нарочно выписываютъ, чтобъ показывать ихъ въ балаганѣ, или въ родѣ того.

Камень былъ пущенъ прямо въ мой огородъ. И, однакожъ, не было сомнѣнія, что Оома Оомичъ, не обращавшій на меня никакого вниманія, завелъ весь этотъ разговоръ о литературѣ единственно для меня, чтобъ ослѣпить, уничтожить, раздавить съ перваго шага петербургскаго ученаго, умника. Я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣвался въ этомъ.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, то я... я съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ, — отвѣчалъ Мизиичиковъ вяло и нехотя.

— Вы все со мной согласны! Даже тошно становится, — замѣтилъ Оома. — Скажу вамъ откровенно, Павелъ Семенычъ, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, снова обращаясь къ Обноскину, — если я и уважаю за что бессмертнаго Карамзина, то это не за *Марю Посадницу*, не за *Старую и новую Россію*, а именно за то, что онъ написалъ *Фрота Силина*: это высокій эпосъ! Это произведеніе чисто народное и не умреть во вѣки вѣковъ! Высочайшій эпосъ!

— Именно, именно, именно! Высокая эпоха! Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ! Помню; чи-

талъ, *еще* выкупилъ двухъ дѣвокъ, а потомъ смотрѣлъ на небо и плакалъ. Возвышенная черта, — поддакнулъ дядя, сіяя отъ удовольствія.

Бѣдный дядя! Онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не ввязаться въ *ученый* разговоръ. Оома злобно улыбулся, но промолчалъ.

— Впрочемъ и теперь пишутъ занимательно, — осторожно вмѣшалась Анфиса Петровна. — Вотъ, напримеръ, *Брюссельскія тайны*.

— Не скажу-съ, — замѣтилъ Оома, какъ бы съ сожалѣніемъ. — Читалъ я недавно одну изъ поэмъ... Ну, что! «Незабудочки»! А если хотите, изъ новѣйшихъ мнѣ болѣе всего нравится «Переписчикъ» — легкое перо!

— «Переписчикъ»! — вскрикнула Анфиса Петровна, — это тотъ, который пишетъ въ журналъ письма? Ахъ, какъ это восхитительно! Какая игра словъ!

— Именно, игра словъ. Онъ, такъ сказать, играетъ перомъ. Необыкновенная легкость пера!

— Да; но онъ педантъ, — небрежно замѣтилъ Обноскинъ.

— Педантъ, педантъ, — не спору, но милый педантъ, но граціозный педантъ! Конечно, ни одна изъ идей его не выдержитъ основательной критики, но увлекаешься легкостью! Пустословъ, — согласенъ; но милый пустословъ, но граціозный пустословъ! Помните, напримеръ, онъ объявляетъ въ литературной статьѣ, что у него есть свои помѣстья?

— Помѣстья? — подхватилъ дядя, — это хорошо! Которой губерніи?

Оома остановился, пристально посмотрѣлъ на дядю и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ну, скажите ради здраваго смысла: для чего мнѣ, читателю знать, что у него есть помѣстья? Есть — такъ поздравляю васъ съ этимъ! Но, какъ мило, какъ это шутливо описано! Онъ блещетъ остроуміемъ,

онъ брызжетъ остроуміемъ, онъ кипитъ! Это какой-то Нарзанъ остроумія! Да, вотъ какъ надо писать! мнѣ кажется, я бы именно такъ писалъ, если бы согласился писать въ журналахъ...

— Можетъ, и лучше еще-съ, — почтительно замѣтилъ Ежевикинъ.

— Даже что-то мелодическое въ слогѣ! — поддакнулъ дядя.

Оома Оомичъ, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Полковникъ, — сказала онъ, — нельзя ли васъ попросить — конечно, со всевозможною деликатностью — не мѣшать намъ и позволить намъ въ покоѣ докончить нашъ разговоръ. Вы не можете судить въ нашемъ разговорѣ, не можете! Не разстройвайте же нашей пріятной литературной бесѣды. Занимайтесь хозяйствомъ, пейте чай, но... оставьте литературу въ покоѣ. Она отъ этого не проиграетъ, — увѣряю васъ!

Это уже превышало верхъ всякой дерзости! Я не зналъ, что подумать.

— Да вѣдь ты же самъ, Оома, говорилъ, что мелодическое, — съ тоскою произнесъ сконфуженный дядя.

— Такъ-съ. Но я говорилъ съ знаніемъ дѣла, я говорилъ кстати; а вы?

— Да-съ, мы-то съ умомъ говорили-съ, — подхватилъ Ежевикинъ, увиваясь около Оомы Оомича. — Ума-то у насъ такъ немножко-съ, занимать приходится, разгѣ-развѣ что на два-министерства хватить, а нѣтъ, такъ мы и съ третьимъ управимся, — вотъ какъ у насъ!

— Ну, значитъ, опять совралъ! — заключилъ дядя и улыбнулся своей добродушной улыбкою.

— По крайней мѣрѣ, сознаетесь, — замѣтилъ Оома.

— Ничего, ничего, Оома, я не сержусь. Я знаю, что ты, какъ другъ, меня останавливаешь. какъ родной,

какъ братъ. Это я самъ позволилъ тебѣ, даже просилъ объ этомъ! Это дѣльно, дѣльно! Это для моей же пользы! Благодарю и воспользуюсь!

Терпѣніе мое истощалось. Все, что я до сихъ поръ по слухамъ зналъ о Оомѣ Оомичѣ, казалось мнѣ нѣсколько преувеличеннымъ. Теперь же, когда я увидѣлъ все самъ, на дѣлѣ, изумленію моему не было предѣловъ. Я не вѣрилъ себѣ; я понять не могъ такой дерзости, такого нахальнаго самовластія съ одной стороны и такого добровольнаго рабства, такого легковѣрнаго добродушія съ другой. Впрочемъ, даже и дядя былъ смущенъ такою дерзостью. Это было видно... Я горѣлъ желаніемъ какъ-нибудь связаться съ Оомой, сразиться съ нимъ, какъ-нибудь нагрубить ему, поазартиѣе, — а тамъ что бы ни было! Эта мысль одушевила меня. Я искалъ случая и, въ ожиданіи, совершенно обломалъ поля моей шляпы. Но случай не представлялся: Оома рѣшительно не хотѣлъ замѣчать меня.

— Правду, правду ты говоришь, Оома, — продолжалъ дядя, всѣми силами стараясь поправиться и хоть чѣмъ-нибудь замаять непріятность предыдущаго разговора. — Это ты правду рѣжешь, Оома. Благодарю. Надо знать дѣло, а потомъ ужъ и разсуждать о немъ. Каюсь! Я уже не разъ бывалъ въ такомъ положеніи. Представь себѣ, Сергѣй, я одинъ разъ даже экзаменовалъ... Вы смѣетесь! Ну, вотъ, подите! Ей-Богу экзаменовалъ, да и только. Пригласили меня въ одно заведеніе на экзамень, да и посадили вмѣстѣ съ экзаменаторами, такъ, для почету, лишнее мѣсто было. Такъ я, признаюсь тебѣ, даже струсилъ, страхъ какой-то напалъ: рѣшительно ни одной науки не знаю! Что дѣлать? Вотъ-вотъ, думаю, самого къ доскѣ потянуть! Ну, а потомъ — ничего, обошлось: даже самъ вопросы задавалъ, спросилъ: кто былъ Ной? Вообще, превосходно отвѣчали; потомъ завтракали и за процвѣтаніе пили шампанское. Отличное заведеніе!

Оома Оомичъ и Обноскинъ покатились со смѣху.

— Да я и самъ потомъ смѣялся, — крикнулъ дядя, смѣясь добродушнѣйшимъ образомъ и радуясь, что всѣ развеселились. — Нѣтъ, Оома, ужь куда ни шло! Распогѣшу я васъ всѣхъ, расскажу, какъ я одинъ разъ срѣзался... Вообрази, Сергѣй, стояли мы въ Красногорскѣ...

— Позвольте васъ спросить, полковникъ: долго вы будете рассказывать вашу исторію? — перебилъ Оома.

— Ахъ, Оома! Да вѣдь это чудеснѣйшая исторія; просто лопнуть со смѣху можно. Ты только послушай: это хорошо, ей-Богу хорошо. Я расскажу, какъ я срѣзался.

— Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ваши исторіи, когда онѣ въ этомъ родѣ, — проговорилъ Обноскинъ, зѣвая.

— Нечего дѣлать, приходится слушать, — рѣшилъ Оома.

— Да вѣдь, ей-Богу же, будетъ хорошо, Оома. Я хочу рассказать, какъ я одинъ разъ срѣзался, Анфиса Петровна. Послушай и ты, Сергѣй: это поучительно даже. Стояли мы въ Красногорскѣ (началь дядя, сіяя отъ удовольствія, скороговоркой и торопясь, съ безчисленными вводными предложеніями, что было съ нимъ всегда, когда онъ начиналъ что-нибудь рассказывать для удовольствія публики). Только что пришли, въ тотъ же вечеръ отправляюсь въ спектакль. Превосходнѣйшая актриса была Куропаткина; потомъ еще съ штабъ-ротмистромъ Звѣрковымъ бѣжала и пьесы не доиграла: такъ занавѣсъ и опустили... То-есть, бестія былъ этотъ Звѣрковъ, и попить, и въ карты заняться, и не то чтобы пьяница, а такъ, готовъ съ товарищами раздѣлить минуту. Но какъ запеть настоящимъ образомъ, такъ ужь тутъ все забылъ: гдѣ живетъ, въ какомъ государствѣ, какъ самого зовутъ? — Словомъ,

рѣшительно все: но въ сущности превосходнѣйшій малый... Ну-съ, сижу я въ театрѣ. Въ антрактѣ встаю и сталкиваюсь съ прежнимъ товарищемъ, Корноуховымъ... Я вамъ скажу, единственныйъ малый. Лѣтъ, правда, шесть мы ужъ не видались. Ну, былъ въ кампаніи, увѣшанъ крестами; теперь, слышалъ недавно, — уже дѣйствительный статскій; въ статскую службу перешель, до большихъ чиновъ дослужился... Ну, разумѣется, обрадовались. То да сѣ. А рядомъ съ нами въ ложѣ сидятъ три дамы; та, которая слѣва, рожа, какихъ свѣтъ не производилъ... Послѣ узналъ, превосходнѣйшая женщина, мать семейства, осчастливила мужа... Ну-съ, вотъ я, какъ дуракъ, и брякъ Корноухову: — «Скажи, братъ, не знаешь ли, что это за чучело выѣхала?» — «Которая это?» — «Да эта». — «Да это моя двоюродная сестра». — Тьфу, чортъ! Судите о моемъ положеніи! Я, чтобъ поправиться! — «да нѣтъ, говорю, не эта. Экъ у тебя глаза! Вотъ та, которая оттуда сидитъ: кто эта?» — «Это моя сестра». — Тьфу ты пропасть! А сестра его, какъ нарочно, розанчикъ-розанчикомъ, премилушка; такъ разодѣта: брошки, перчаточки, браслетки, — словомъ сказать, сидитъ херувимчикомъ; послѣ вышла замужъ за превосходнѣйшаго человѣка, Пыхтина; она съ нимъ бѣжала, обвинчалась безъ спросу; ну, а теперь все это какъ слѣдуетъ: и богато живутъ; отцы не нарадуются!.. Ну-съ, вотъ: «да нѣтъ! — кричу, а самъ не знаю; куда провалиться, — не эта! Вотъ въ серединѣ-то которая?» — «Да, въ серединѣ — ну, братъ, это жена моя»... Между нами: объяденіе, а не дамочка! То-есть такъ бы и проглотилъ ее всю цѣликомъ отъ удовольствія... — «Ну, говорю, видалъ ты когда-нибудь дурака? Такъ вотъ онъ, передъ тобой, и голова его тутъ же: руби, не жалѣй!» Смѣется. Послѣ спектакля меня познакомилъ и, должно быть, рассказалъ, прсказникъ. Что-то очень смѣялись! И признаюсь, ни-

когда еще так весело не проводить время. Так вот, какъ иногда, братъ Оома, можно срѣзаться! Ха-ха-ха-ха!

Но напрасно смѣялся бѣдный дядя; тщетно обводилъ онъ кругомъ свой веселый и добрый взглядъ: мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его веселую исторію. Оома Оомичъ сидѣлъ въ мрачномъ безмолвіи, а за нимъ и всѣ; только Обноскинъ слегка улыбался, предвидя гонку, которую зададутъ дядѣ. Дядя сконфузился и покраснѣлъ. Того-то и желалось Оомѣ.

— Кончили ль вы? — спросилъ онъ, наконецъ, съ важностью обращаясь къ сконфуженному рассказчику.

— Кончилъ, Оома.

— И рады?

— То-есть, какъ это радъ, Оома? — съ тоскою отвѣчалъ бѣдный дядя.

— Легче ли вамъ теперъ? Довольны ли вы, что разстроили пріятную литературную бесѣду друзей, прервавъ ихъ и тѣмъ удовлетворивъ мелкое свое самолюбіе?

— Да полно же, Оома! Я васъ же всѣхъ хотѣлъ развеселить, а ты...

— Развеселить! — вскричалъ Оома, вдругъ необыкновенно разгорячась; — но вы способны навести уныніе, а не развеселить. Развеселить! Но знаете ли, что ваша исторія была почти безнравственна? Я уже не говорю: неприлична, — это само собой... Вы объявили сейчасъ, съ рѣдкою грубостью чувствъ, что смѣялись надъ невинностью, надъ благородной дворянкой, оттого только, что она не имѣла чести вамъ понравиться. И насъ же, насъ, хотѣли заставить смѣяться, то-есть поддакивать вамъ, поддакивать грубому и неприличному поступку, и все потому только, что вы хозяинъ этого дома! Воля ваша, полковникъ, вы можете сыскать себѣ прихлебателей, лизоблюдовъ, партнеровъ,

можете даже ихъ выписывать изъ дальнихъ страпъ и тѣмъ усиливать свою свиту, въ ущербъ прямодушію и откровенному благородству души; но никогда Тома Опискинъ не будетъ ни льстецомъ, ни лизоблюдомъ, ни прихлебателемъ вашимъ! Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я васъ завѣряю!..

— Эхъ, Тома! Не понялъ ты меня, Тома!

— Нѣтъ, полковникъ, я васъ давно раскусилъ, я васъ насквозь понимаю. Васъ гложетъ самое неограниченное самолюбіе; вы съ претензіями на недосягаемую остроту ума, и забываете, что острота тупится о претензію. Вы...

— Да полно же, Тома, ради Бога! Постыдись хоть людей!..

— Да вѣдь грустно же видѣть все это, полковникъ, а видя, — невозможно молчать. Я бѣденъ, я *проживаю* у вашей родительницы. Пожалуй, еще подумаютъ, что я лъщу вамъ моимъ молчаніемъ; а я не хочу, чтобъ какой-нибудь *молокососъ* могъ принять меня за вашего прихлебателя! Можетъ быть, я, входя сюда давеча, даже нарочно усилилъ мою правдивую откровенность, нарочно принужденъ былъ дойти даже до грубости, именно потому, что вы сами ставите меня въ такое положеніе. Вы слишкомъ надменны со мной, полковникъ. Меня могутъ счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствіе унижать меня передъ *незнакомыми*, тогда какъ я вамъ равенъ, слышите ли? Равенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, даже я вамъ дѣлаю одолженіе тѣмъ, что живу у васъ, а не вы мнѣ. Меня унижаютъ; слѣдственно, я вамъ долженъ себя хвалить — это естественно! Я не могу не говорить, я долженъ говорить, долженъ немедленно протестовать, потому прямо и просто объявляю вамъ, что вы феномонально завистливы! Вы видите, напри- мѣръ, что человѣкъ въ простомъ, дружескомъ разговорѣ невольно высказалъ свои познанія, начитанность,

вкусъ : такъ вотъ ужъ вамъ и досадно, вамъ и неѣдется. «Дай же и я свои познанія и вкусъ выкажу!» А какой у васъ вкусъ, съ позволенія сказать? Вы въ изящномъ смыслите столько — извините меня, полковникъ, — сколько смыслить, напримѣръ, хоть быкъ въ говядинѣ! Это рѣзко, грубо — сознаюсь : по крайней мѣрѣ — прямодушно и справедливо. Этому не услышите вы отъ вашихъ льстецовъ, полковникъ.

— Эхъ, Оома!..

— То-то «эхъ, Оома!» Видно, правда не пуховикъ. Ну, хорошо; мы еще потомъ поговоримъ объ этомъ, а теперъ позвольте и мнѣ немного повеселить публику. Не все же вамъ однимъ отличатся. Павелъ Семеновичъ! Видѣли вы это чудо морское въ человѣческомъ образѣ? Я ужъ давно его наблюдаю. Вглядитесь въ него: вѣдь онъ съѣсть меня хочетъ, такъ-таки живьемъ, цѣликомъ.

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и, дѣйствительно, съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ. — Эй ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостоите подвинуться поближе, Гаврила Игнатьичъ! — Это, вотъ видите ли, Павелъ Семенычъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. — Ну, французъ, мусью шематонъ, — терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ, — знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, — отвѣчалъ повѣсивъ голову Гаврила.

— А парлэ-ву франсэ?

— Вуй, мусье, же ле парль эн пе...

Не знаю, грустная ли фигура Гаврилы при произношеніи французской фразы была причиною, или предугадывалось всѣми желаніе Оомы, чтобъ всѣ засмѣя-

лись, но только всё такъ и покатались со смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Анфиса Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, видя, во что превратился экзаменъ, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: «Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!»

Оома Оомичъ встрепенулся.

— Что? Что ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Оома Оомичъ, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила, — не грубіянство слова мои, и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобой, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носить, образъ Его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ третій годъ отроду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнитъ, а дѣда моего, вмѣстѣ съ барипомъ, Матвѣемъ Никитичемъ — дай Богу имъ царство небесное — Пугачевъ на одной осинѣ повѣсилъ, за что родитель мой отъ покойнаго барина, Афанасія Матвѣича, не въ примѣръ другимъ былъ почтенъ: камардиномъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я же, сударь, Оома Оомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ!

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! — вскричалъ онъ, — нечего распространяться! Полно!

— Ничего, ничего, — проговорилъ Оома, слегка поблѣднѣвъ и улыбаясь съ натуги. — Пусть поговорить; это вѣдь все ваши плоды...

— Все расскажу, — продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, — ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужъ на что я, Оома Оомичъ, гнусный передъ тобою выхожу чело-

вѣкъ. одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услужой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхъ и трепетъ происходить долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того — это настоящая должность моя выходить. Прислужить что понадобится — съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то что на старости лѣтъ по-заморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойти: «французъ ты, говорятъ, французъ!» Нѣтъ, сударь, Ома Омичъ, не одишь я, дуракъ, а ужъ и добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ нашъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ, что вы хоть породой и енаральскій сынъ, и сами, можетъ, немного до енарала не дослужили, но такой злющій, какъ, то-есть, долженъ быть настоящій фурій.

Гаврила кончилъ. Я былъ виѣ себя отъ восторга. Ома Омичъ сидѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства, и какъ будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы; какъ будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ, восплѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! Онъ смѣлъ обругать меня, — меня! Да это бунтъ! — завизжалъ Ома и вскочилъ со стула.

За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталкивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы! — кричала генеральша. — Сейчасъ же его въ городъ и въ солдаты отдай, Егорушка! Не то, не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, — кричалъ Оома, — рабъ! Халдей! Хамлетъ! Осмѣлился обругать меня! Онъ, онъ, обтирка моего сапога! Онъ осмѣлился назвать меня фуріей?

Я выступилъ впередъ, съ необыкновенною рѣшимостью.

— Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гаврилы, — сказалъ я, смотря Оомѣ Оомичу прямо въ глаза и дрожа отъ волненія.

Онъ былъ такъ пораженъ этой выходкой, что въ первую минуту, кажется, не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Это еще что? — вскрикнулъ онъ, наконецъ, накидываясь на меня, въ изступленіи, и впиваясь въ меня своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Да ты кто такой?

— Оома Оомичъ... — заговорилъ было совершенно потерявшійся дядя, — это Сережа, мой племянникъ...

— Ученый! — завопилъ Оома: — такъ это онъ-то ученый? Либертѣ, эгалитѣ, фратернитѣ! *Журналъ де деба!* Нѣтъ, братъ, врешь! Въ Саксоніи не была! Здѣсь не Петербургъ, не надуешь! Да плевать мнѣ на твой *де деба*. У тебя *де деба*, а по-нашему выходитъ: «нѣтъ, братъ, слаба!» Ученый! Да ты сколько знаешь — я всемеро столько забылъ! Вотъ какой ты ученый!

Если бъ не удержали его, онъ, мнѣ кажется, бросился бы на меня съ кулаками.

— Да онъ пьянъ, — проговорилъ я, съ недоумѣніемъ озираясь кругомъ.

— Кто? Я? — прикрикнулъ Оома не своимъ голосомъ.

— Да, вы?

— Пьянъ?

— Пьянъ.

Этого Оома не могъ вынести. Онъ взвизгнулъ, какъ будто его начали рѣзать, и бросился вонъ изъ

комнаты. Генеральша хотѣла, кажется, упасть въ обморокъ, но разсудила лучше бѣжать за Оомой Оомичомъ. За ней побѣжали всѣ, а за всѣми дядя. Когда я опомнился и оглядѣлся, то увидѣлъ въ комнатѣ одного Ежевикаина. Онъ улыбался и потиралъ себѣ руки.

— Про іезуитика-то давеча общались, — проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Что? — спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло...

— Про іезуитика давеча разсказать общались... анекдотець-сь...

Я выбѣжалъ на террасу, а оттуда въ садъ. Голова моя шла кругомъ...

VIII

Объясненіе въ любви

Съ четверть часа бродилъ я по саду, раздраженный и крайне недовольный собой, обдумывая: что мнѣ теперь дѣлать? Солнце садилось. Вдругъ, на поворотѣ въ одну темную аллею, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настенькой. Въ глазахъ ея были слезы, въ рукахъ платокъ, которымъ она утирала ихъ.

— Я васъ искала, — сказала она.

— А я васъ, — отвѣчалъ я ей. — Скажите: я въ сумасшедшемъ домѣ или нѣтъ?

— Вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, — проговорила она обидчиво, пристально взглянувъ на меня.

— Но если такъ: такъ что жъ это дѣлается? Ради самсго Христа, подайте мнѣ какой-нибудь совѣтъ! Куда теперь ушелъ дядя? Можно мнѣ туда идти? Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ: можетъ быть, вы меня въ чемъ-нибудь и наставите.

— Нѣтъ, лучше не ходите. Я сама ушла отъ нихъ.

— Да гдѣ они?

— А кто знаетъ? Можетъ быть, опять въ огородъ побѣжали, — проговорила она раздражительно.

— Въ какой огородъ?

— Это Тома Томичъ на прошлой недѣлѣ закричалъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ, и вдругъ побѣжалъ въ огородъ, досталъ въ шалашѣ заступъ и началъ гряды копать. Мы все удивились: не съ ума ли сошелъ? «Вотъ, говорить, чтобъ не попрекнули меня потомъ, что я даромъ хлѣбъ ѣлъ, буду землю копать и свой хлѣбъ, что здѣсь ѣлъ, заработаю, а потомъ и уйду. Вотъ до чего меня довели!» А тутъ-то все плачутъ, и передъ нимъ чуть не на колѣняхъ стоятъ, заступъ у него отнимаютъ: а онъ-то копаетъ; всю рѣпу только перекопалъ. Сдѣлали разъ поблажку, — вотъ онъ, можетъ быть, и теперь повторяетъ. Отъ него станется.

— И вы... и вы рассказываете это такъ хладнокровно! — вскричалъ я въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Она взглянула на меня сверкавшими глазами.

— Простите мнѣ; я ужъ и не знаю, что говорю! Послушайте, вамъ извѣстно, зачѣмъ я сюда прѣхалъ?

— Н... нѣтъ, — отвѣчала она, покраснѣвши, и какое-то тягостное ощущеніе отразилось въ ея миломъ лицѣ.

— Вы извините меня, — продолжалъ я, — я теперь разстроены, я чувствую, что не такъ бы слѣдовало мнѣ начать говорить объ этомъ... особенно съ вами... Но, все равно! По-моему, откровенность въ такихъ дѣлахъ лучше всего. Признаюсь... то-есть, я хотѣлъ сказать... вы знаете намѣреніе дядюшки? Онъ приказалъ мнѣ искать вашей руки...

— О, какой вздоръ! Не говорите этого, пожалуйста! — сказала она, поспѣшно перебивая меня и вся вспыхнувъ.

Я былъ озадаченъ.

— Какъ вздоръ? Но онъ вѣдь писалъ ко мнѣ.

— Такъ-таки вамъ писалъ? — спросила она съ живостью. — Ахъ, какой! Какъ же онъ обѣщалъ, что не будетъ писать! Какой вздоръ, Господи, какой это вздоръ!

— Простите меня, — пробормотала я, не зная, что говорить, — можетъ быть, я поступилъ неосторожно, грубо... но вѣдь такая минута! Сообразите: мы окружены Богъ знаетъ чѣмъ...

— Охъ, ради Бога, не извиняйтесь! Повѣрьте, что мнѣ и безъ того тяжело это слушать, а между тѣмъ судите: я и сама хотѣла заговорить съ вами, чтобъ узнать что-нибудь... Ахъ, какая досада! Такъ онъ-таки вамъ написалъ? Вотъ этого-то я пуще всего боялась! Боже мой, какой это человѣкъ! А вы и повѣрили и прискакали сюда, сломя голову? Вотъ, надо было!

Она не скрывала своей досады. Положеніе мое было непривлекательно.

— Признаюсь, я не ожидалъ, — проговорилъ я въ самомъ полномъ смущеніи, — такой оборотъ... я напротивъ думалъ...

— А, такъ вы думали? — произнесла она съ легкой ироніей, слегка закусывая губу. — А знаете, вы мнѣ покажите это письмо, которое онъ вамъ писалъ?

— Хорошо-съ.

— Да вы не сердитесь, пожалуйста, на меня; не обижайтесь; и безъ того много горя! — сказала она просящимъ голосомъ, а между тѣмъ насмѣшливая улыбка слегка мелькнула на ея хорошенькихъ губкахъ.

— Охъ! Пожалуйста, не принимайте меня за дурака! — вскричалъ я съ горячностью. — Но, можетъ быть, вы предубѣждены противъ меня? Можетъ быть, вамъ кто-нибудь на меня насказалъ? Можетъ быть, вы

потому, что я тамъ теперь сръзался? Но это ничего — увѣряю васъ. Я самъ понимаю, какимъ я теперь дуракомъ стою передъ вами. Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мной! Я не знаю, что говорю... А все это оттого, что мнѣ эти проклятые двадцать два года!

— О, Боже мой! Такъ что жъ!

— Какъ такъ что жъ? Да вѣдь кому двадцать два года, у того это и на лбу написано, какъ у меня, напримѣръ, когда я, давеча, на средину комнаты выскочилъ, или какъ теперь предъ вами... Распроклятый возрастъ!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчала Настенька, едва удерживаясь отъ смѣха. — Я увѣрена, что вы и добрый, и милый, и умный, и, право, я искренно говорю это! Но... вы только очень самолюбивы. Отъ этого еще можно исправиться.

— Мнѣ кажется, я самолюбивъ сколько нужно.

— Ну, нѣтъ. А давеча, когда вы сконфузились — и отчего жъ? Оттого, что споткнулись при входѣ!.. Какое право вы имѣли выставлять на смѣхъ вашего добраго, вашего великодушнаго дядю, который вамъ сдѣлалъ столько добра? Зачѣмъ вы хотѣли свалить на него смѣшное, когда сами были смѣшны? Это было дурно, стыдно! Это не дѣлаетъ вамъ чести, и, признаюсь вамъ, вы были мнѣ очень противны въ ту минуту, вотъ вамъ!

— Это правда! Я былъ болванъ! Даже больше; я сдѣлалъ подлость! Вы примѣтили ее — и я уже наказанъ! Браните меня, смѣйтесь надо мной, но послушайте: можетъ быть, вы перемѣните, наконецъ, ваше мнѣніе, — прибавилъ я, увлекаемый какимъ-то страннымъ чувствомъ, — вы меня еще такъ мало знаете, что потомъ, когда узнаете больше, тогда... можетъ быть...

— Ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ! — вскричала Настенька съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Хорошо, хорошо, оставимте! Но... гдѣ я могу васъ видѣть?

— Какъ гдѣ видѣть?

— Но вѣдь не можетъ же быть, чтобъ мы съ вами сказали послѣднее слово, Настасья Евграфовна! Ради Бога, назначьте мнѣ свиданье, хоть сегодня же. Впрочемъ, теперь ужъ смеркается. Ну такъ, если только можно, завтра утромъ, пораньше; я нарочно велю себя разбудить пораньше. Знаете, тамъ, у пруда, есть бесѣдка. Я вѣдь помню, я знаю дорогу. Я вѣдь здѣсь жилъ маленькій.

— Свиданіе! Но зачѣмъ это? Вѣдь мы и безъ того теперь говоримъ.

— Но я теперь еще ничего не знаю, Настасья Евграфовна. Я сперва все узнаю отъ дядюшки. Вѣдь долженъ же онъ, наконецъ, мнѣ все рассказать, и тогда я, можетъ быть, скажу вамъ что-нибудь очень важное...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо, не надо! — вскричала Настенька, — кончимте все разомъ теперь, такъ, чтобъ потомъ и помину не было. А въ ту бесѣдку и не ходите напрасно: увѣряю васъ, я не приду, и выкиньте, пожалуйста, изъ головы весь этотъ вздоръ — я серьезно прошу васъ...

— Такъ, значитъ, дядя поступилъ со мною какъ сумасшедшій! — вскричалъ я въ припадкѣ нестерпимой досады. — Зачѣмъ же онъ вызвалъ меня послѣ этого?... Но, слышите, что это за шумъ?

Мы были близки отъ дома. Изъ растворенныхъ оконъ раздавались визгъ и какіе-то необыкновенные крики.

— Боже мой! — сказала она, поблѣднѣвъ, — опять! — Я такъ и предчувствовала!

— Вы предчувствовали? Настасья Еврафовна, еще одинъ вопросъ. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, но рѣшаюсь предложить вамъ этотъ послѣдній вопросъ для общаго блага. Скажите — и это умереть во мнѣ — скажите откровенно: дядя влюбленъ въ васъ или нѣтъ?

— Ахъ! Выкиньте, пожалуйста, этотъ вздоръ изъ головы разъ навсегда! — вскричала она, вспыхнувъ отъ гнѣва. — И вы тоже! Кабы былъ влюбленъ, не хотѣлъ бы выдавать меня за васъ, — прибавила она съ горькой улыбкою. И съ чего, съ чего это взяли? Неужели вы не понимаете, о чемъ идетъ дѣло? Слышите эти крики?

— Но... это Оома Оомичъ...

— Да, конечно, Оома Оомичъ; но теперь изъ-за меня идетъ дѣло, потому что они то же говорятъ, что и вы, ту же безмыслицу; тоже подозрѣваютъ, что онъ влюбленъ въ меня. А такъ какъ я бѣдная, ничтожная, а такъ какъ замарать меня ничего не стоитъ, а они хотятъ женить его на другой, такъ вотъ и требуютъ, чтобъ онъ меня выгналъ домой, къ отцу, для безопасности. А ему когда скажутъ про это, то онъ тотчасъ же изъ себя выходитъ; даже Оому Оомича разорвать готовъ. Вонъ они теперь и кричатъ объ этомъ; ужъ я предчувствую, что объ этомъ.

— Такъ это все правда! Такъ, значитъ, онъ непременно женится на этой Татьянѣ?

— На какой Татьянѣ?

— Ну, да на этой дурѣ.

— Все не дурѣ! Она добрая. Не имѣете вы права такъ говорить! У нея благородное сердце, благороднѣе, чѣмъ у многихъ другихъ. Она не виновата тѣмъ, что несчастная.

— Простите. Положимъ, вы въ этомъ совершенно правы; но не ошибаетесь ли вы въ главномъ? Какъ же, скажите, я замѣтилъ, что они хорошо принимаютъ

вашего отца? Вѣдь, если бѣ они до такой ужъ степени сердились на васъ, какъ вы говорите, и васъ выгоняли, такъ и на него бы сердились и его бы худо принимали.

— А развѣ вы не видите, что дѣлаетъ для меня мой отецъ! Онъ шуткомъ передъ нами вертится! Его принимаютъ именно потому, что онъ успѣлъ подольститься къ Оомѣ Оомичу. А такъ какъ Оома Оомичъ самъ былъ шуткомъ, такъ вотъ ему и лестно, что и у него теперь есть шуты. Какъ вы думаете: для кого это отецъ дѣлаетъ? Онъ для меня это дѣлаетъ, для меня одной. Ему не надо; онъ для себя никому не поклонится. Онъ, можетъ, и очень смѣшонъ и на чьи-нибудь глаза, но онъ благородный, благороднѣйшій человѣкъ! Онъ думаетъ, Богъ знаетъ почему — и вовсе не потому, что я здѣсь жалованье хорошее получаю — увѣряю васъ; онъ думаетъ, что мнѣ лучше остаться здѣсь, въ этомъ домѣ. Но теперь я совсѣмъ его разувѣрила. Я ему написала рѣшительно. Онъ и пріѣхалъ, чтобъ взять меня, и, если крайность до того дойдетъ, такъ хотъ завтра же, потому что ужъ дѣло почти до всего дошло: они меня съѣсть хотятъ, и я знаю навѣрно, что они тамъ теперь кричатъ обо мнѣ. Они растерзаютъ его изъ-за меня, они погубятъ его! А онъ мнѣ все равно, что отецъ — слышите, даже больше, чѣмъ мой родной отецъ! Я не хочу дожидаться. Я знаю больше, чѣмъ другіе. Завтра же, завтра же уѣду! Кто знаетъ: можетъ, чрезъ это они отложатъ, хотъ на время, и свадьбу его съ Татьяной Ивановной... Вотъ я вамъ все теперь рассказала. Расскажите же это и ему, потому что я теперь и говорить-то съ нимъ не могу: за нами слѣдятъ, и особенно эта Перепелицына. Скажите, чтобъ онъ не безпокоился обо мнѣ, что я лучше хочу ѣсть черный хлѣбъ и жить въ избѣ у отца, чѣмъ быть причиною его здѣшнихъ мученій. Я бѣдная, и должна жить какъ бѣдная. Но, Боже мой,

какой шумъ! Какой крикъ! Что тамъ еще дѣлается? Нѣтъ, во что бы ни стало, сейчасъ пойду туда! Я выскажу имъ всёмъ все это прямо въ глаза, сама, что бы ни случилось! Я должна это дѣлать. Прощайте.

Она убѣжала. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вполнѣ сознавая все смѣшное въ той роли, которую мнѣ пришлось сейчасъ разыграть, и совершенно недоумѣвая, чѣмъ все это теперь разрѣшится. Мнѣ было жаль бѣдную дѣвушку, и я боялся за дядю. Вдругъ подлѣ меня очутился Гаврила. Онъ все еще держалъ свою тетрадку въ рукѣ.

— Пожалуйте къ дяденькѣ! — проговорилъ онъ унылымъ голосомъ.

Я очнулся.

— Къ дядѣ? А гдѣ онъ? Что съ нимъ теперь дѣлается?

— Въ чайной. Тамъ же, гдѣ чай изволили давеча кушать.

— Кто съ нимъ?

— Одни. Дожидаются.

— Кого? Меня?

— За Ѳомой Ѳомичомъ послали. Прошли наши красные деньки! — прибавилъ онъ, глубоко вздыхая.

— За Ѳомой Ѳомичомъ? Гм! А гдѣ другіе? Гдѣ барыня?

— На своей половинѣ. Въ омракъ упали, а теперь лежать въ безчувствіи и плачутъ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы дошли до террасы. На дворѣ было уже почти совсѣмъ темно. Дядя, дѣйствительно, былъ одинъ, въ той же комнатѣ, гдѣ произошло мое побойще съ Ѳомой Ѳомичомъ, и ходилъ по ней большими шагами. На столахъ горѣли свѣчи. Увидя меня, онъ бросился ко мнѣ и крѣпко сжалъ мои руки. Онъ былъ блѣденъ и тяжело переводилъ духъ: руки его тряслись, и нервическая дрожь пробѣгала, временемъ, по всему его тѣлу.

Ваше превосходительство

— Другъ мой! Все кончено, все рѣшено! — проговорилъ онъ какимъ-то трагическимъ полушопотомъ.

— Дядюшка, — сказалъ я, — я слышалъ какіе-то крики.

— Крики, братецъ, крики; всякіе были крики! Маменька въ обморокъ, и все это теперь вверху ногами. Но я рѣшился и настою на своемъ. Я теперь ужъ никого не боюсь, Сережа. Я хочу показать имъ, что и у меня есть характеръ — и покажу! И вотъ нарочно послалъ за тобой, чтобъ ты помогъ мнѣ имъ показать... Сердце мое разбито, Сережа... но я долженъ, я обязанъ поступить со всею строгостью. Справедливость неумолима!

— Но что же такое случилось, дядюшка?

— Я расстаюсь съ Омой, — произнесъ дядя рѣшительнымъ голосомъ.

— Дядюшка! — закричалъ я въ восторгѣ, — ничего лучше вы не могли выдумать! И если я хоть сколько-нибудь могу способствовать вашему рѣшенію, то... располагайте мною во вѣки вѣковъ.

— Благодарю тебя, братецъ, благодарю! Но теперь ужъ все рѣшено. Жду Ому; я уже послалъ за нимъ. Или онъ, или я! Мы должны разлучиться. Или же завтра Ома выйдетъ изъ этого дома, или, клянусь, бросаю все и поступаю опять въ гусары! Примутъ, дадутъ дивизионъ. Прочь всю эту систему! Теперь все по-новому! На что это у тебя французская тетрадка? — съ яростію закричалъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ.

— Прочь ее! Сожги, растопчи, разорви! Я твой господинъ, и я приказываю тебѣ не учиться французскому языку. Ты не можешь, ты не смѣешь меня не слушаться, потому что я твой господинъ, а не Ома Омичъ!

— Слава-те Господи! — пробормоталъ про себя Гаврила. Дѣло очевидно шло не на шутку.

— Другъ мой! — продолжалъ дядя съ глубокимъ чувствомъ, — они требуютъ отъ меня невозможнаго! Ты будешь судить меня; ты теперь станешь между нимъ и мною, какъ безпристрастный судья. Ты не знаешь, ты не знаешь, чего они отъ меня требовали, и, наконецъ, формально потребовали, все высказали! Но это противно человѣколюбію, благородству, чести... Я все расскажу тебѣ, но сперва...

— Я ужъ все знаю, дядюшка! — вскричалъ я, перебивая его, — я угадываю... Я сейчасъ разговаривалъ съ Настасьей Евграфовной.

— Другъ мой, теперь ни слова, ни слова объ этомъ! — торопливо прервалъ онъ меня, какъ будто испугавшись. — Потомъ я все самъ расскажу тебѣ, но покаместъ... Что жъ, — закричалъ онъ вошедшему Видоплясову, — гдѣ же Оома Оомичъ?

Видоплясовъ явился съ извѣстіемъ, что Оома Оомичъ «не желаютъ придти и находятъ требованіе явиться до несовмѣстности грубымъ-съ, такъ что Оома Оомичъ очень изволили этимъ обидѣться-съ».

— Веди его! Тащи его! Сюда его! Силою притащи, — закричалъ дядя, топая ногами.

Видоплясовъ, никогда не выдавшій своего барина въ такомъ гнѣвѣ, ретировался въ испугѣ. Я удивился.

«Надо же быть чему-нибудь слишкомъ важному, — подумалъ я, — если человѣкъ съ такимъ характеромъ способенъ дойти до такого гнѣва и до такихъ рѣшеній».

Нѣсколько минутъ дядя, молча, ходилъ по комнатѣ, какъ будто въ борьбѣ самъ съ собою.

— Ты, впрочемъ, не рви тетрадку, — сказалъ онъ, наконецъ, Гаврилѣ. — Подожди и самъ будь здѣсь: ты, можетъ быть, еще понадобится. — Другъ мой! — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — я, кажется,

ужь слишкомъ сейчасъ закричать. Всякое дѣло надо дѣлать съ достоинствомъ, съ мужествомъ, но безъ криковъ, безъ обидъ. Именно такъ. Знаешь что, Сережа: не лучше ли будетъ, если бь ты ушелъ отсюда? Тебѣ все равно. Я тебѣ потомъ все самъ расскажу. — а? Какъ ты думаешь? Сдѣлай это для меня, пожалуйста.

— Вы боитесь, дядюшка? Вы раскаиваетесь? — сказалъ я, пристально смотря на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не раскаиваюсь! — вскричалъ онъ съ удвоеннымъ одушевленіемъ. — Я ужь теперь ничего больше не боюсь. Я принялъ рѣшительныя мѣры, самыя рѣшительныя! Ты не знаешь, ты не можешь себѣ вообразить, чего они отъ меня потребовали! Неужели жь я долженъ былъ согласиться? Нѣтъ, я докажу! Я возсталъ и докажу! Когда-нибудь я долженъ же быть доказать! Но, знаешь, мой другъ, я раскаиваюсь, что тебя позвалъ: Оомъ, можетъ быть, будетъ очень тяжело, когда и ты будешь здѣсь, такъ сказать, свидѣтелемъ его униженія. Видишь, я хочу ему отказать отъ дома благороднымъ образомъ, безъ всякаго униженія. Но, вѣдь, это я такъ только говорю, что безъ униженія. Дѣло-то оно, братъ, такое, что хоть медовыя рѣчи точи, а все-таки будетъ обидно. Я же — грубъ, безъ воспитанія, пожалуйста, еще такое ляпну, сдуру-то, что и самъ потомъ не радъ буду. Все жь онъ для меня много сдѣлать... Уйди, мой другъ... Но вотъ уже его ведутъ, ведутъ! Сережа, прошу тебя, выйди! Я тебѣ все потомъ расскажу. Выйди, ради Христа!

И дядя вывелъ меня на террасу, въ то самое мгновеніе, когда Оома входилъ въ комнату. Но, каюсь: я не ушелъ; я рѣшился остаться на террасѣ, гдѣ было очень темно, и, слѣдственно, меня трудно было увидѣть изъ комнаты. Я рѣшился подслушивать!

Не оправдываю ничѣмъ своего поступка, но смѣло

скажу, что, выстоявъ эти полчаса на террасѣ и не потерявъ терпѣнія, я считаю, что совершилъ подвигъ великомученичества. Съ моего мѣста я не только могъ хорошо слышать, но даже могъ хорошо и видѣть: двери были стеклянныя. Теперь прошу вообразить Оому Омича, которому *приказали* явиться, угрожая силою въ случаѣ отказа.

— Мои ли уши слышали такую угрозу, полковникъ? — возопилъ Оома, входя въ комнату. — Такъ ли мнѣ передано?

— Твой, твой, Оома, успокойся, — храбро отвѣчалъ дядя. — Сядь; поговоримъ серьезно, дружески, братски. Садись же, Оома.

Оома Омичъ торжественно сѣлъ на кресло. Дядя быстрыми и неровными шагами ходилъ по комнатѣ, очевидно, затрудняясь, съ чего начать рѣчь.

— Именно братски, — повторилъ онъ. — Ты поймешь меня, Оома, ты не маленькій; я тоже не маленькій — словомъ, мы оба въ лѣтахъ... Гм! Видишь, Оома, мы не сходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ... да, именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и потому, Оома, не лучше ли, братъ, разстаться? Я увѣренъ, что ты благороденъ, что ты мнѣ желаешь добра, и потому... Но что долго толковать! Оома, я твой другъ во вѣки вѣковъ, и клянусь въ томъ всѣми святыми! Вотъ 15.000 рублей серебромъ; это все, братъ, что есть за душой, послѣднія крохи наскребъ, своихъ обобралъ. Смѣло бери! Я долженъ, я обязанъ тебя обезпечить! Тутъ все почти ломбардными и очень немного наличными. Смѣло бери! Ты же мнѣ ничего не долженъ, потому что я никогда не буду въ силахъ заплатить тебѣ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Да, да, именно, я это чувствую, хотя теперь, въ главнѣйшемъ-то пунктѣ, мы расходимся. Завтра или послѣзавтра... или какъ тебѣ угодно... разѣдемся. Поѣзжай-ка въ нашъ городишко, Оома, всего десять верстъ; тамъ есть домикъ за цер-

ковью, въ первомъ переулкѣ, съ зелеными ставнями, премиленькій домикъ вдовы-попадья, какъ будто для тебя его и построили. Она продасть. Я тебѣ куплю его сверхъ этихъ денегъ. Поселись-ка тамъ, подлѣ насъ. Занимайся литературой, науками: пріобрѣтешь славу... Чиновники тамъ, всѣ до одного, благородные, радушные, безкорыстные; протопопъ ученый. Къ намъ будешь пріѣзжать гостить по праздникамъ — мы заживемъ какъ въ раю! Желаетъ или нѣтъ!

«Такъ вотъ на какихъ условіяхъ изгоняли Оому! — подумалъ я; — дядя скрылъ отъ меня о деньгахъ».

Долгое время царствовало глубокое молчаніе. Оома сидѣлъ въ креслахъ, какъ будто ошеломленный, и неподвижно смотрѣлъ на дядю, которому, видимо, становилось неловко отъ этого молчанія и отъ этого взгляда.

— Деньги! — проговорилъ, наконецъ, Оома какимъ-то выдѣлано-слабымъ голосомъ, — гдѣ же онѣ, гдѣ эти деньги? Давайте ихъ, давайте сюда скорѣе!

— Вотъ онѣ, Оома: послѣднія крохи, ровно пятнадцать, все, что было. Тутъ и кредитными, и ломбардными — самъ увидишь... вотъ!

— Гаврила! Возьми себѣ эти деньги, — кротко проговорилъ Оома, — они, старикъ, могутъ тебѣ пригодиться. — Но нѣтъ! — вскричалъ онъ вдругъ, съ прибавкою какого-то необыкновеннаго визга и вскакивая съ кресла, — нѣтъ! Дай мнѣ ихъ сперва, эти деньги, Гаврила! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ эти милліоны, чтобъ я притопталъ ихъ моими ногами, дай, чтобъ я разорвалъ ихъ, оплевалъ ихъ, разбросалъ ихъ, осквернилъ ихъ, обезчестилъ ихъ!.. Мнѣ, мнѣ предлагаютъ деньги! Подкупаютъ меня, чтобъ я вышелъ изъ этого дома! Я ли это слышалъ? Я ли дожилъ до этого послѣдняго безчестія? Вотъ, вотъ они, ваши милліоны! Смотрите: вотъ, вотъ, вотъ и вотъ! Вотъ какъ поступаетъ Оома Опискинъ, если вы до сихъ поръ этого не знали, полковникъ!

И Оома разбросалъ всю пачку денегъ по комнатѣ. Замѣчательно, что онъ не разорвалъ и не оплевалъ ни одного билета, какъ похвалялся сдѣлать; онъ только немного помялъ ихъ, но и то довольно осторожно. Гаврила бросился собирать деньги съ полу и потомъ, по уходѣ Оомы, бережно передалъ своему барину.

Поступокъ Оомы произвелъ на дядю настоящій столбнякъ. Въ свою очередь, онъ стоялъ теперь передъ нимъ неподвижно, безсмысленно, съ разишутымъ ртомъ. Оома, между тѣмъ, помѣстился опять въ кресло и пыхтѣлъ, какъ будто отъ невыразимаго волненія.

— Ты возвышенный человѣкъ, Оома! — вскричалъ, наконецъ, дядя, очнувшись, — ты благороднѣйшій изъ людей!

— Это я знаю, — отвѣчалъ Оома слабымъ голосомъ, но съ невыразимымъ достоинствомъ.

— Оома, прости меня! Я подлецъ передъ тобой, Оома!

— Да, передо мной, — поддакнулъ Оома.

— Оома! Не твоему благородству я удивляюсь, — продолжалъ дядя въ восторгѣ, — но тому, какъ могъ я быть до такой степени грубъ, слѣпъ и подлъ, чтобы предложить тебѣ деньги при такихъ условіяхъ? Но, Оома, ты въ одномъ ошибся: я вовсе не подкупалъ тебя, не платилъ тебѣ, чтобъ ты вышелъ изъ дома, а просто-запросто я хотѣлъ, чтобъ и у тебя были деньги, чтобъ ты не нуждался, когда отъ меня выйдешь. Клянусь въ этомъ тебѣ! На колѣняхъ, на колѣняхъ готовъ просить у тебя прощенія, Оома, и если хочешь, стану сейчасъ передъ тобой на колѣни... если только хочешь...

— Не надо мнѣ вашихъ колѣнъ, полковникъ!..

— Но, Боже мой! Оома, посуди: вѣдь я былъ разгоряченъ, фрапированъ, я былъ виѣ себя... Но назови же, скажи, чѣмъ могу, чѣмъ въ состояніи я загладить эту обиду? Научи, изреки...

— Ничѣмъ, ничѣмъ, по полковникъ! И будьте увѣрены, что завтра же я отрясу прахъ съ моихъ сапогъ на порогъ этого дома.

И Оома началъ подыматься съ кресла. Дядя, въ ужасѣ, бросился его снова усаживать.

— Нѣтъ, Оома, ты не уйдешь, увѣряю тебя! — кричалъ дядя. — Нечего говорить про прахъ и про сапоги, Оома! Ты не уйдешь, или я пойду за тобой на край свѣта, и все буду идти за тобой до тѣхъ поръ. покамѣстъ ты не простишь меня... Клянусь, Оома, я такъ и сдѣлаю!

— Васъ простить? Вы виноваты? — сказала Оома. — Но понимаете ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете ли, что вы стали виноваты теперь передо мной даже тѣмъ, что давали мнѣ здѣсь кусокъ хлѣба? Понимаете ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядомъ все тѣ прошедшіе куски, которые я употребилъ въ вашемъ домѣ? Вы попрекнули меня сейчасъ этими кусками, каждымъ глоткомъ этого хлѣба, уже съѣденнаго мною; вы мнѣ доказали теперь, что я жилъ, какъ рабъ, въ вашемъ домѣ, какъ лакей, какъ обтирка вашихъ лакированныхъ сапогъ! А между тѣмъ, я, въ чистотѣ моего сердца, думалъ до сихъ поръ, что обитаю въ вашемъ домѣ, какъ другъ и какъ братъ! Не сами ль, не сами ль вы змѣиными рѣчами вашими тысячу разъ увѣряли меня въ этомъ братствѣ? Зачѣмъ же вы таинственно сплетали мнѣ эти сѣти, въ которыя я попалъ, какъ дуракъ? Зачѣмъ же во мракѣ копали вы мнѣ эту волчью яму, въ которую теперь вы сами втолкнули меня? Зачѣмъ не поразили вы меня разомъ еще прежде, однимъ ударомъ этой дубины? Зачѣмъ въ самомъ началѣ не свернули вы мнѣ головы, какъ какому-нибудь пѣтуху, за то... ну, хоть, напримеръ, только за то, что онъ не несетъ яицъ? Да, именно такъ! Я стою за это сравненіе, полковникъ, хотя оно и взято изъ провинціального быта и напоми-

наеть собою тривіальній тонъ современной литературы, потому стою за него, что въ немъ видна вся бессмыслица обвиненій вашихъ; ибо я столько же виновать передъ вами, какъ и этотъ предполагаемый пѣтухъ, неугодившій своему легкомысленному владѣльцу неснесенемъ яицъ! Помилуйте, полковникъ! Развѣ платятъ другу или брату деньгами — и за что же? Главное, за что же? «На, дескать, возлюбленный братъ мой, я обязанъ тебѣ: ты даже спасалъ мнѣ жизнь: на тебѣ нѣсколько іудиныхъ сребренниковъ, но только убирайся отъ меня съ глазъ долой!» Какъ наивно! Какъ грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда какъ я питалъ одни райскія чувства составить ваше благополучіе. О, какъ разбили вы мое сердце! Благороднѣйшими чувствами моими вы играли какъ какой-нибудь мальчишка въ какую-нибудь свайку! Давно-давно, полковникъ, я уже предвидѣлъ все это, — вотъ почему я уже давным-давно задыхаюсь отъ вашего хлѣба, давилось этимъ хлѣбомъ! Вотъ почему меня давили ваши перины, давили, а не лелѣяли! Вотъ почему сахаръ, ваши конфекты были для меня кайенскимъ перцемъ, а не конфектами! Нѣтъ, полковникъ! Живите одинъ, благоденствуйте одинъ и оставьте Оому идти своею скорбною дорогою, съ мѣшкомъ на спинѣ. Такъ и будетъ, полковникъ!

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! Такъ не будетъ, такъ не можетъ быть! — простоналъ совершенно уничтоженный дядя.

— Да, полковникъ, да! Именно такъ будетъ, потому что такъ должно быть. Завтра же ухожу отъ васъ. Разсыпьте ваши милліоны, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными билетами — и я гордо, презрительно пройду по вашимъ билетамъ: это самая нога. полковникъ, растопчетъ, загрязнитъ, раздавитъ эти билеты, и Оома Опис-

винъ будетъ сътъ однимъ благородствомъ своей души! Я сказалъ и доказалъ! Прощайте, полковникъ. Прощай-те, полковникъ!..

И Оома началъ вновь подыматься съ кресла.

— Прости, прости, Оома! Забудь!.. — повторялъ дядя умоляющимъ голосомъ.

— «Прости!» Но къ чему вамъ мое прощенье? Ну, хорошо, положимъ, что я васъ и прощу: я христіанинъ; я не могу не простить; я и теперь уже почти васъ простилъ. Но рѣшите же сами: сообразно ли будетъ хоть сколько-нибудь съ здравымъ смысломъ и благородствомъ души, если я хоть на одну минуту остаюсь теперь въ вашемъ домѣ? Вѣдь вы выгнали меня!

— Сообразно, сообразно, Оома! Увѣрю тебя, что сообразно!

— Сообразно? Но равны ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, такъ сказать, раздавилъ васъ своимъ благородствомъ, а вы раздавили сами себя своимъ унижительнымъ поступкомъ? Вы раздавлены, а я вознесенъ. Гдѣ же равенство? А развѣ можно быть друзьями безъ такого равенства? Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь надъ вами, какъ вы, можете быть, думаете.

— Но и я самъ испускаю сердечный вопль, Оома, — увѣрю тебя...

— И это тотъ самый человѣкъ, — продолжалъ Оома, перемѣняя тонъ на блаженный: — тотъ самый человѣкъ, для котораго я столько разъ не спалъ по ночамъ! Сколько разъ, бывало, въ безсонныя ночи мои, я вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и говорилъ себѣ: «Теперь онъ спитъ спокойно, надѣясь на тебя. Не спи же ты, Оома, бодрствуй за него; авось выдумаешь еще что-нибудь для благополучія этого человѣка». Вотъ какъ думалъ Оома въ свои безсонныя

ночи, полковникъ! И вотъ какъ заплатилъ ему этотъ полковникъ! Но довольно, довольно!..

— Но я заслужу, Оома, я заслужу опять твою дружбу — клянусь тебѣ!

— Заслужите? А гдѣ же гарантія? Какъ христіанинъ, я прощу и даже буду любить васъ; но какъ человѣкъ, и человѣкъ благородный, я поневолѣ буду васъ презирать. Я долженъ, я обязанъ во имя нравственности, потому что — повторяю вамъ это — вы опозорили себя, а я сдѣлалъ благороднѣйшій изъ поступковъ. Ну, кто изъ *вашихъ* сдѣлаетъ подобный поступокъ? Кто изъ нихъ откажется отъ такого несмѣтнаго числа денегъ, отъ которыхъ отказался, однакожъ, нищій, презираемый всѣми Оома, изъ любви къ величію? Нѣтъ, полковникъ, чтобъ сравниться со мной, вы должны совершить цѣлый рядъ подвиговъ. А на какой подвигъ способны вы, когда не можете даже сказать мнѣ *вы*, какъ своему ровнѣ, а говорите *ты*, какъ слугѣ?..

— Оома, но вѣдь я по дружбѣ говорилъ тебѣ *ты!* — возопилъ дядя. — Я не зналъ, что тебѣ непріятно... Боже мой! Но если бъ я только зналъ...

— Вы, — продолжалъ Оома: — вы, который не могли, или, лучше сказать, не хотѣли исполнить самую пустѣйшую, самую ничтожнѣйшую изъ просьбъ, когда я васъ просилъ сказать мнѣ, какъ генералу, «ваше превосходительство»...

— Но, Оома, вѣдь это уже было, такъ сказать, высшее посягновеніе, Оома.

— Высшее посягновеніе! Затвердили какую-то книжную фразу, да и повторяете ее, какъ попугай! Но знаете ли вы, вы осрамили, обезчестили меня отказомъ сказать мнѣ «ваше превосходительство», обезчестили тѣмъ, что, не понимая причинъ моихъ, выставили меня капризнымъ дуракомъ, достойнымъ желтаго дома! Ну, неужели я не понимаю, что я бы самъ былъ

емѣннѣе, если бы захотѣлъ именоваться превосходительствомъ, я, который презираю все эти чины и земныя величія, ничтожныя сами по себѣ, если они не освѣщаются добродѣтелью? За миллионъ не возьму генеральскаго чина безъ добродѣтели. А между тѣмъ, вы считали меня за безумнаго! Для вашей же пользы я пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и допустилъ, что вы, *вы* могли считать меня за безумнаго, вы и ваши *ученые*! Единственно для того, чтобъ просвѣтить вашъ умъ, развить вашу нравственность и облить васъ лучами новыхъ идей, рѣшился я требовать отъ васъ генеральскаго титула. Я именно хотѣлъ, чтобъ вы впредь не почитали генераловъ самыми высшими свѣтилами на всемъ земномъ шарѣ; хотѣлъ доказать вамъ, что чинъ — ничто безъ великодушія, и что нечего радоваться прїѣзду вашего генерала, когда, можетъ быть, и возлѣ васъ стоятъ люди, озаренные добродѣтелью! Но вы такъ постоянно чванились передо мною своимъ чиномъ полковника, что вамъ уже трудно было сказать мнѣ: «ваше превосходительство». Вотъ гдѣ причина! Вотъ гдѣ искать ее, а не въ посягновеніи какихъ-то судебъ! Вся причина въ томъ, что вы полковникъ, а я просто Оома...

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! Увѣряю тебя, что это не такъ. Ты ученый, ты не просто Оома... я почитаю...

— Почитаете! Хорошо! Такъ скажите же мнѣ, если почитаете, какъ по вашему мнѣнію: достоинъ я или нѣтъ генеральскаго сана? Отвѣчайте рѣшительно и немедленно: достоинъ или нѣтъ? Я хочу посмотреть вашъ умъ, ваше развитіе.

— За честность, за безкорыстіе, за умъ, за высочайшее благородство души — достоинъ! — съ гордостью проговорилъ дядя.

— А если достоинъ, такъ для чего жъ вы не скажете мнѣ «ваше превосходительство»?

— Оома, я, пожалуй, скажу...

— А я требую! А я теперь требую, полковникъ, настаиваю и требую! Я вижу, какъ вамъ тяжело это, потому-то и требую. Эта жертва съ вашей стороны будетъ первымъ шагомъ вашего подвига, потому что — не забудьте это — вы должны сдѣлать цѣлый рядъ подвиговъ, чтобъ сравняться со мною; вы должны пересилить самого себя, и тогда только я увѣрю въ вашу искренность...

— Завтра же скажу тебѣ, Оома, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не завтра, полковникъ, завтра само собой. Я требую, чтобъ вы теперь, сейчасъ же, сказали мнѣ «ваше превосходительство».

— Изволь, Оома, я готовъ... Только какъ же это такъ, сейчасъ, Оома?..

— Почему же не сейчасъ? Иль вамъ стыдно? Въ такомъ случаѣ мнѣ обидно, если вамъ стыдно.

— Ну, да пожалуй, Оома, я готовъ... я даже горжусь... Только какъ же это, Оома, ни съ того, ни съ сего: «здравствуйте, ваше превосходительство»? Вѣдь это нельзя...

— Нѣтъ, не «здравствуйте, ваше превосходительство», это уже обидный тонъ; это похоже на шутку, на фарсъ. Я не позволю съ собой такихъ шутокъ. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковникъ! Перемѣните вашъ тонъ!

— Да ты не шутишь, Оома?

— Во-первыхъ, я не *ты*, Егоръ Ильичъ, а *вы* — не забудьте это; и не Оома, а Оома Оомичъ.

— Да ей-Богу же, Оома Оомичъ, я радъ! Я всѣми силами радъ... Только что жъ я скажу?

— Вы затрудняетесь прибавить къ слову: «ваше превосходительство» — это понятно. Давно бы вы объяснились! Это даже извинительно, особенно, если чловѣкъ *не сочинитель*, если выразится поучтивѣе. Ну,

я вамъ помогу. если вы не сочинитель. Говорите за мной: «ваше превосходительство»!..

— Ну, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не: «ну, ваше превосходительство», а просто: «ваше превосходительство»! Я вамъ говорю, полковникъ, перемѣните вашу тонь! Надѣюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вамъ слегка поклониться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонить впередъ корпусъ, выражая такимъ образомъ почтительность и готовность, такъ сказать, летѣть по его порученіямъ. Я самъ бывалъ въ генеральскихъ обществахъ и все это знаю... Ну-съ: «ваше превосходительство».

— Ваше превосходительство...

— Какъ я несказанно обрадованъ, что имѣю, наконецъ, случай, просить у васъ извиненія въ томъ, что съ перваго раза не узналъ души вашего превосходительства. Смѣю увѣрить, что впредь не пощажу слабыхъ силъ моихъ въ пользу общую... Ну, довольно съ васъ!

Бѣдный дядя! Онъ долженъ былъ повторить всю эту галиматью, фразу за фразой, слова за словомъ! Я стоялъ и краснѣлъ, какъ виноватый. Злость душила меня.

— Ну, не чувствуете ли вы теперь, — проговорилъ истязатель: — что у васъ вдругъ стало легче на сердцѣ, какъ будто въ душу къ вамъ слетѣлъ какой-то ангелъ?... Чувствуете ли вы присутствіе этого ангела? Отвѣчайте мнѣ!

— Да, Оома, дѣйствительно какъ-то легче сдѣлалось, — отвѣчалъ дядя.

— Какъ будто сердце ваше послѣ того, какъ вы побѣдили себя, такъ сказать, окунулось въ какомъ-то елеѣ!

— Да, Оома, дѣйствительно, какъ будто по маслу пошло.

— Какъ будто по маслу? Гм... Я, впрочемъ,

не про масло вамъ говорилъ... Ну, да все равно! Вотъ что значить, полковникъ, исполненный долгъ! Побѣждайте же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!

— Самолюбивъ, Оома, вижу, — со вздохомъ отвѣчалъ дядя.

— Вы эгоистъ и даже мрачный эгоистъ...

— Эгоистъ-то я эгоистъ, правда, Оома, и это вижу; съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ, такъ и это узналъ.

— Я вамъ говорю теперь, какъ отецъ, какъ нѣжная мать... вы отбиваете всѣхъ отъ себя и забываете, что ласковый теленокъ двѣ матки сосеть.

— Правда и это, Оома!

— Вы грубы. Вы такъ грубо толкаетесь въ чело-вѣческое сердце, такъ самолюбиво напрашиваетесь на вниманіе, что порядочный чело-вѣкъ отъ васъ за три-девять земель убѣжать готовъ!

Дядя еще разъ глубоко вздохнулъ.

— Будьте же нѣжнѣе, внимательнѣе, любвиѣе къ другимъ; забудьте себя для другихъ, тогда вспомнятъ и о васъ. Живи и жить давай другимъ — вотъ мое правило! Терпи, трудись, молись и надѣйся — вотъ истины, которыя бы я желалъ внушить разомъ всему чело-вѣчеству! Подражайте же имъ, и тогда я первый раскрою вамъ мое сердце, буду плакать на груди вашей... если понадобится... А то я, да я, да милость моя! Да вѣдь надоѣсть же, наконецъ, ваша милость, съ позволенія сказать.

— Сладкогласный чело-вѣкъ! — проговорилъ въ благоговѣніи Гаврила.

— Это правда, Оома, я все это чувствую, — под-дакнулъ растроганный дядя. — Но не во всемъ же и я виноватъ, Оома; такъ ужъ меня воспитали; съ солдатами жить. А клянусь тебѣ, Оома, и я умѣлъ чувствовать. Прощался съ полкомъ, такъ всѣ гусары,

весь мой дивизионъ, просто плакали, говорили, что такого, какъ я, не najить!.. Я и подумалъ тогда, что и я, можетъ быть, еще не совсѣмъ человѣкъ погибшій.

— Опять эгоистическая черта! Опять я ловлю васъ на самолюбіи! Вы хвалитесь и мимоходомъ попрекнули меня слезами гусаръ. Что жъ я не хвалюсь ничьими слезами? А было бы чѣмъ, а было бы, можетъ быть, чѣмъ.

— Это такъ съ языка сорвалось, Оома, не утерпѣлъ, — вспомнилъ старое хорошее время.

— Хорошее время не съ неба падаетъ, а мы его дѣлаемъ; оно заключается въ сердцѣ нашемъ, Егоръ Ильичъ. Отчего же я всегда счастливъ и, несмотря на страданія, доволенъ, спокоенъ духомъ и никому не надоѣдаю, развѣ однимъ дуракамъ, верхоясамъ, *ученымъ*, которыхъ не щажу и не хочу щадить. Не люблю дураковъ! И что такое эти ученые? «Человѣкъ науки!» Да наука-то выходитъ у нихъ надувательная штука, а не наука. Ну, что онъ давеча говорилъ? Давайте его сюда! Давайте сюда всѣхъ ученыхъ! Все могу опровергнуть; всѣ положенія ихъ могу опровергнуть! Я ужъ не говорю о благородствѣ души...

— Конечно, Оома, конечно. Кто жъ сомнѣвается?

— Давеча, напримѣръ, я выказалъ умъ, талантъ, колоссальную начитанность, знаніе сердца человѣческаго, знаніе современныхъ литературъ, я показалъ и блестящимъ образомъ развернулъ, какъ изъ какого-нибудь камаринскаго можетъ вдругъ составиться высокая тема для разговора у человѣка талантливаго. Что жъ? Оцѣнилъ ли кто-нибудь изъ нихъ меня по достоинству? Нѣтъ, отворотились! Я вѣдь увѣренъ, что онъ уже говорилъ вамъ, что я ничего не знаю. А тутъ, можетъ быть, самъ Макиавель, или какой-нибудь МеркадANTE передъ нимъ сидѣлъ, и только тѣмъ виновать, что бѣденъ и находится въ неизвѣстности... Нѣтъ, это имъ

не пройдетъ!.. Слышу еще про Коровкина. Это что за гусь?

— Это, Оома, человѣкъ умный, человѣкъ науки... Я его жду. Это вѣрно ужъ будетъ хорошій, Оома!

— Гм! сомнѣваюсь. Вѣроятно, какой-нибудь совре-
менный осель, навьюченный книгами. Души въ нихъ нѣтъ, полковникъ, сердца въ нихъ нѣтъ! А что и
ученость безъ добродѣтели?

— Нѣтъ, Оома, нѣтъ! Какъ о семейномъ счастиі
говорилъ! Такъ сердце и вникаетъ само собою,
Оома!

— Гм! Посмотримъ; проэкзамнуемъ и Коров-
кина. Но довольно, — заключилъ Оома, подымаясь
съ кресла. — Я не могу еще васъ совершенно простить,
полковникъ; обида кровавая; но я помолюсь, и, мо-
жетъ быть, Богъ испошлетъ миръ оскорбленному серд-
цу. Мы поговоримъ еще завтра объ этомъ, а теперь
позвольте ужъ мнѣ уйти. Я усталъ и ослабъ...

— Ахъ, Оома! — захлопоталъ дядя: — вѣдь ты,
въ самомъ дѣлѣ, усталъ! Знаешь что? Не хочешь
ли подкрѣпитъ, закусить чего-нибудь? Я сейчасъ
прикажу.

— Закусить! Ха-ха-ха! Закусить! — отвѣчалъ
Оома съ презрительнымъ хохотомъ. — Сперва напоятъ
тебя ядомъ, а потомъ спрашиваютъ, не хочешь ли заку-
сить? Сердечныя раны хотятъ залѣчить какими-ни-
будь отварными грибами или мочеными яблочками!
Какой вы жалкій матеріалистъ, полковникъ!

— Эхъ, Оома, я вѣдь, ей-Богу, отъ чистаго
сердца...

— Ну, хорошо. Довольно объ этомъ. Я ухожу,
а вы немедленно идите къ вашей родительницѣ: па-
дите на колѣни, рыдайте, плачьте, но вымолите у нея
прощеніе, — это вашъ долгъ, ваша обязанность.

— Ахъ, Оома, я все время объ этомъ только и ду-
малъ; даже теперь, съ тобой говоря, объ этомъ же

думалъ. Я готовъ хоть до разсвѣта простоять передъ ней на колѣняхъ. Но подумай, Оома, чего же отъ меня и требуютъ? Вѣдь это несправедливо, вѣдь это жестоко. Оома! Будь великодушнѣе, исполни, ошастливи меня совершенно, подумай, рѣши, и тогда... тогда... клинись!..

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ, это не мое дѣло. — отвѣчалъ Оома. — Вы знаете, что я во все это нимаю не вмѣшиваюсь; то-есть вы, положимъ, и убѣждены, что я всему причиною, но, увѣряю васъ, съ самаго начала этого дѣла я устранилъ себя совершенно. Тутъ одна только воля вашей родительницы, а она разумѣется, вамъ желаетъ добра... Ступайте же, спѣшите, летите и поправьте обстоятельства своимъ послушаніемъ... Да не зайдетъ солнце во грѣвѣ вашемъ! А я... а я буду всю ночь молиться за васъ. Я давно уже не знаю, что такое сонъ, Егоръ Ильичъ. Прощайте! Прощаю и тебя, старикъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Знаю, что ты не своимъ умомъ дѣйствовалъ. Прости же и ты мнѣ, если я обидѣлъ тебя... Прощайте, прощайте, прощайте все, и благослови васъ Господь!..

Оома вышелъ. Я тотчасъ же бросился въ комнату.

— Ты подслушивалъ? — вскричалъ дядя.

— Да, дядюшка, я подслушивалъ! И вы, и вы могли сказать ему «ваше превосходительство»!..

— Что жъ дѣлать, братецъ? Я даже горжусь... Это ничего для высокаго подвига: но какой благородный, какой безкорыстный, какой великій человекъ! Сергѣй — ты вѣдь слышалъ... И какъ могъ я тутъ совѣтаться съ этими деньгами, то-есть просто не понимаю! Другъ мой! Я былъ увлеченъ; я былъ въ ярости; я не понималъ его; я его подозрѣвалъ, обвинялъ... но нѣтъ! Онъ не могъ быть моимъ противникомъ; — это я теперь вижу... А помнишь, какое у него было благо-

родное выраженіе въ лицѣ, когда онъ отказался отъ денегъ?

— Хорошо, дядюшка, гордитесь же сколько угодно, а я ѣду: терпѣнія нѣтъ больше! Послѣдній разъ говорю, скажите: чего вы отъ меня требуете? Зачѣмъ вызвали и чего ожидаете? И если все кончено и я бесполезенъ вамъ, то я ѣду. Я не могу выносить такихъ зрѣлищъ! Сегодня же ѣду.

— Другъ мой... — засуетился по обыкновенію своему дядя, подожди только двѣ минуты: я, братъ, иду теперь къ маменькѣ... тамъ надо кончить... важное, великое, громадное дѣло!.. А ты, покажѣсть, уйди къ себѣ. Вотъ, Гаврила тебя и отведетъ въ лѣтній флигель. Знаешь лѣтній флигель? Это въ самомъ саду. Я ужъ распорядился, и чемоданъ твой туда перенесли. А я буду тамъ, вымолю прощеніе, рѣшусь на одно дѣло, — я теперь ужъ знаю, какъ сдѣлать, — и тогда мигомъ къ тебѣ, и тогда все, все, все до послѣдней черты тебѣ расскажу, всю душу выложу предъ тобою. И... и... и настанутъ же когда-нибудь и для насъ счастливые дни! Двѣ минуты, только двѣ минутки, Сергѣй!

Онъ пожалъ миѣ руку и поспѣшно вышелъ. Нечего было дѣлать, пришлось опять отправляться съ Гаврилой.

Х

М и з и н ч и к о в ъ

Флигель, въ который привелъ меня Гаврила, назывался «новымъ флигелемъ» только по старой памяти, но выстроенъ былъ уже давно, прежними помѣщиками. Это былъ хорошенькій, деревянный домикъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стараго дома, въ самомъ саду. Съ трехъ сторонъ его обступали высокія старыя липы, касавшіяся своими вѣтвями кровли. Всѣ

четыре комнаты этого домика были недурно меблированы и предназначались къ прїѣзду гостей. Войдя въ отведенную мнѣ комнату, въ которую уже перенесли мой чемоданъ, я увидѣлъ на столикѣ, предъ кроватью, листъ почтовой бумаги, великолѣпно исписанный разными шрифтами, отдѣланный гирляндами, парафами и росчерками. Заглавныя буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вмѣстѣ составляло премиленькую каллиграфскую работу. Съ первыхъ словъ, прочитанныхъ мною, я понялъ, что это было просительное письмо, адресованное ко мнѣ, и въ которомъ я именовался «просвѣщеннымъ благодѣтелемъ». Въ заглавіи стояло: «Вопли Видоплясова». Сколько я ни напрягалъ вниманія, стараясь хоть что-нибудь понять изъ написаннаго, — всѣ труды мои остались тщетными: это былъ самый напыщенный вздоръ, писанный высокими лакейскимъ слогомъ. Догадался я только, что Видоплясовъ находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, просить моего содѣйствія, въ чемъ-то очень на меня надѣется, «по причинѣ моего просвѣщенія» и, въ заключеніе, просить похлопотать въ мою пользу у дядюшки и подѣйствовать на него «моею машиною», какъ буквально изображено было въ концѣ этого посланія. Я еще читалъ его, какъ отворилась дверь, и вошелъ Мизинчиковъ.

— Надѣюсь, что позволите мнѣ съ вами познакомиться, — сказалъ онъ развязно, но чрезвычайно вѣжливо и подавая мнѣ руку. — Давеча я не могъ вамъ сказать двухъ словъ, а между тѣмъ съ перваго взгляда почувствовалъ желаніе узнать васъ короче.

Я тотчасъ же отвѣчалъ, что и самъ радъ и проч., хотя и находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Мы сѣли.

— Что это у васъ? — сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, который я еще держалъ въ рукѣ. — Ужъ не вопли ли Видоплясова? Такъ и есть! Я увѣренъ

былъ, что Видоплясовъ и васъ атакуеть. Онъ и мнѣ подавалъ такой же точно листъ, съ тѣми же воплями; а васъ онъ уже давно ожидаетъ и, вѣроятно, заранѣе приготавлился. Вы не удивляйтесь: здѣсь много страннаго и, право, есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Только посмѣяться?

— Ну, да неужели же плакать? Если хотите, я вамъ расскажу біографію Видоплясова и увѣренъ, что вы посмѣетесь.

— Признаюсь, теперь мнѣ не до Видоплясова, — отвѣчалъ я съ досадою.

Мнѣ очевидно было, что и знакомство господина Мизинчикова и любезный его разговоръ — все это предпринято имъ съ какою-то цѣлью, и что господинъ Мизинчиковъ просто во мнѣ нуждается. Давеча онъ сидѣлъ нахмуренный и серьезный; теперь же былъ веселый, улыбающійся и готовый рассказывать длинныя исторіи. Видно было съ перваго взгляда, что этотъ человѣкъ отлично владѣлъ собой и, кажется, зналъ людей.

— Проклятый Оома! — сказала я, со злостью стукнувъ кулакомъ по столу. — Я увѣренъ, что онъ источникъ всякаго здѣшняго зла и во всемъ замѣшанъ! Проклятая тварь!

— Вы, кажется, ужъ слишкомъ на него разсердились, — замѣтилъ Мизинчиковъ.

— Слишкомъ разсердился! — вскрикнулъ я, мгновенно разгорячившись. — Конечно, я давеча слишкомъ увлекся и такимъ образомъ далъ право всякому осуждать меня. Я очень хорошо понимаю, что я выскочилъ и срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и, я думаю, нечего было это мнѣ объяснять!.. Понимаю тоже, что такъ не дѣлается въ порядочномъ обществѣ; но, сообразите, была ли какая возможность не увлечься? Вѣдь это сумасшедшій домъ, если хотите знать! и... и... наконецъ... я просто уѣду отсюда — вотъ что!

— Вы курите? — спокойно спросил Мизинчиковъ.

— Да.

— Такъ, вѣроятно, позвольте и мнѣ закурить. Тамъ не позволяютъ, и я почти стосковался. Я согласенъ, — продолжалъ онъ, закуривъ папироску: — что все это похоже на сумасшедшій домъ, но будьте увѣрены, что я не позволю себѣ осуждать васъ, именно потому, что, на вашемъ мѣстѣ, я, можетъ, втрое болѣе бы разгорячился и вышелъ изъ себя, чѣмъ вы.

— А почему же вы не вышли изъ себя, если дѣйствительно были тоже раздосадованы? Я, напротивъ, припомшаю васъ очень хладнокровнымъ, и, признаюсь, мнѣ даже странно было, что вы не заступились за бѣднаго дядю, который готовъ благодѣтельствовать... всѣмъ и каждому!

— Ваша правда: онъ многимъ благодѣтельствовалъ; но заступаться за него я считаю совершенно бесполезнымъ: во-первыхъ, это и для него бесполезно и даже унижительно какъ-то; а во-вторыхъ, меня бы завтра же выгнали. А я вамъ откровенно скажу, мои обстоятельства такого рода, что я долженъ дорожить здѣшнимъ гостепрѣимствомъ.

— Но я нисколько не претендую на вашу откровенность насчетъ обстоятельствъ... Мнѣ бы, впрочемъ, хотѣлось спросить, такъ какъ вы здѣсь уже мѣсяцъ живете...

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте: я къ вашимъ услугамъ, — торопливо отвѣчалъ Мизинчиковъ, придвигая стулъ.

— Да вотъ, на примѣръ, объясните: сейчасъ Оома Оомичъ отказался отъ 15.000 серебромъ, которыя уже были въ его рукахъ, — я видѣлъ это собственными глазами.

— Какъ это? Не-уже-ли? — вскричалъ Мизинчиковъ. — Расскажите, пожалуйста!

Я рассказалъ, умолчавъ о «вашемъ превосходительствѣ». — Мизинчиковъ слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ; онъ даже какъ-то преобразился въ лицѣ, когда дошло до пятнадцати тысячъ.

— Ловко! — сказалъ онъ, выслушавъ рассказъ. — Я даже не ожидалъ отъ Оомы.

— Однакожъ, отказался отъ денегъ! Чѣмъ это объяснить? Неужели благородствомъ души?

— Отказаться отъ пятнадцати тысячъ, чтобъ взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что? — прибавилъ онъ, подумавъ: — я сомнѣваюсь, чтобъ у Оомы былъ какой-нибудь расчетъ. Это человѣкъ непрактическій; это тоже въ своемъ родѣ какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите ли: онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться. Это, я вамъ скажу, такая кислятина, такая слезливая размазня, и все это при самомъ неограниченномъ самолюбіи!

Мизинчиковъ даже разсердился. Видно было, что ему очень досадно, даже какъ будто завидно. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него.

— Гм! Надо ожидать большихъ переменъ, — прибавилъ онъ, задумываясь. — Теперь Егоръ Ильичъ готовъ молиться Оомѣ. Чего добраго, пожалуй, и женится, изъ умиленія души, — прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Такъ вы думаете, что непременно состоится — этотъ гнусный, противоестественный бракъ съ этой помѣшанной дурой?

Мизинчиковъ пытливо взглянулъ на меня.

— Подлецы! — вскричалъ я запальчиво.

— Впрочемъ, у нихъ идея довольно основательная: они утверждаютъ, что онъ долженъ же что-нибудь сдѣлать для семейства.

— Мало онъ для нихъ сдѣлалъ! — вскричалъ я въ негодованіи. — И вы, и вы можете говорить, что это основательная мысль — жениться на пошлой дурѣ!

— Конечно, и я согласенъ съ вами, что она дура... Гм! Это хорошо, что вы такъ любите дядюшку; я самъ сочувствую... хотя на ея деньги можно бы славно округлить имѣніе! Впрочемъ, у нихъ и другіе резоны: они боятся, чтобъ Егоръ Ильичъ не женился на той гувернанткѣ... помните, еще такая интересная дѣвушка?

— А развѣ... развѣ это вѣроятно? — спросилъ я въ волненіи. — Миѣ кажется, это клевета. Скажите, ради Бога, меня это крайне интересуеть...

— О, влюбленъ по уши! Только, разумѣется, скрываетъ.

— Скрываетъ! Вы думаете, онъ скрываетъ? Ну, а она? Она его любить?

— Очень можетъ быть, что и она. Впрочемъ, вѣдь ей всѣ выгоды за него выйти: она очень бѣдна.

— Но какія данныя вы имѣете для вашей догадки, что они любятъ другъ друга?

— Да вѣдь этого нельзя не замѣтить; притомъ они, кажется, имѣютъ тайныя свиданія. Утверждали даже, что она съ нимъ въ непозволительной связи. Вы только, пожалуйста, не рассказывайте. Я вамъ говорю подъ секретомъ.

— Возможно ли этому повѣрить? — вскричалъ я: — и вы, и вы признаетесь, что этому вѣрите?

— Разумѣется, я не вѣрю вполне, я тамъ не былъ. Впрочемъ, очень можетъ и быть.

— Какъ можетъ быть! Помните благородство, честь дяди!

— Согласенъ; но можно и увлечься съ тѣмъ, чтобъ непременно потомъ завершить законнымъ бракомъ. Такъ часто увлекаются. Впрочемъ, повторяю, я нисколько не стою за совершенную достовѣрность этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что ее здѣсь очень ужъ размарали; говорили даже, что она была въ связи съ Видоплясовымъ.

— Ну, вот видите! — вскричалъ я: — съ Видоплясовымъ! Ну, возможно ли это? Ну, не отвратительно ль даже слышать это? Неужели жъ вы и этому вѣрите?

— Я вѣдь вамъ говорю, что я этому не совсѣмъ вѣрю, — спокойно отвѣчалъ Мизинчиковъ: — а, впрочемъ, могло и случиться. На свѣтѣ все можетъ случиться. Я же тамъ не былъ, и при томъ я считаю, что это не мое дѣло. Но такъ какъ, я вижу, вы берете во всемъ этомъ большое участіе, то считаю себя обязаннымъ прибавить, что дѣйствительно мало вѣроятія насчетъ этой связи съ Видоплясовымъ. Это все продолжки Анны Ниловны, вотъ этой Перепелицыной; это она распустила здѣсь эти слухи, изъ зависти, потому что сама прежде мечтала выйти замужъ за Егора Ильича — ей-Богу! — на томъ основаніи, что она подполковничья дочь. Теперь она разочаровалась и ужасно бѣсится. Впрочемъ, я, кажется, ужъ все рассказалъ вамъ объ этихъ дѣлахъ и, признаюсь, ужасно не люблю сплетенъ, тѣмъ болѣе, что мы только теряемъ драгоценное время. Я, видите ли, пришелъ къ вамъ съ небольшою просьбой.

— Съ просьбой? Помилуйте, все, чѣмъ могу быть полезенъ...

— Понимаю и даже надѣюсь васъ нѣсколько заинтересовать, потому что, вижу, вы любите вашего дядюшку и принимаете большое участіе въ его судьбѣ насчетъ брака. Но, передъ этой просьбой, я имѣю къ вамъ еще другую просьбу, предварительную.

— Какую же?

— А вотъ какую: можетъ быть, вы и согласитесь исполнить мою главную просьбу, можетъ быть и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, прежде изложенія я бы попросилъ васъ покорнѣйше сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, дать мнѣ честное и благородное слово

дворянина и порядочнаго человѣка, что все, услышанное вами отъ меня, останется между нами въ глубочайшей тайнѣ, и что вы ни въ какомъ случаѣ, ни для какого лица не измѣните этой тайнѣ и не воспользуетесь для себя той идеей, которую я теперь нахожу необходимымъ вамъ сообщить. Согласны иль нѣтъ?

Предисловіе было торжественно. Я далъ согласіе.

— Ну-съ?.. — сказалъ я.

— Дѣло въ сущности очень простое, — началъ Мизинчиковъ. — Я, видите ли, хочу увезти Татьяну Пваловну и жениться на ней: словомъ, будетъ нѣчто похожее на Гретна-Гринъ, — понимаете?

Я посмотрѣлъ господину Мизинчикову прямо въ глаза и нѣкоторое время не могъ выговорить слова.

— Признаюсь вамъ, ничего не понимаю, — проговорилъ я, наконецъ: — и, кромѣ того, — продолжалъ я: — ожидая, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благоразумнымъ, я, съ своей стороны, никакъ не ожидалъ...

— Ожидая не ожидали, — перебилъ Мизинчиковъ: — въ переводѣ это будетъ, что я и намѣреніе мое глупы, — не правда ли?

— Вовсе нѣтъ-съ... но...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашихъ выраженіяхъ! Не безпокойтесь; вы мнѣ даже сдѣлаете этимъ большое удовольствіе, потому что этакъ ближе къ цѣли. Я, впрочемъ, согласенъ, что все это съ перваго взгляда можетъ показаться даже нѣсколько страннымъ. Но смѣю увѣрить васъ, что мое намѣреніе не только не глупо, но даже въ высшей степени благоразумно; и если вы будете такъ добры, выслушаете всѣ обстоятельства...

— О, помилуйте! Я съ жадностью слушаю.

— Впрочемъ, рассказывать почти нечего. Видите ли: я теперь въ долгахъ и безъ копейки. У меня есть, кромѣ того, сестра, дѣвица лѣтъ девятнадцати, сирота

круглая, живеть въ людяхъ и безъ всякихъ, знаете, средствъ. Въ этомъ виноватъ отчасти и я. Получили мы въ наслѣдство сорокъ душъ. Нужно же, чтобъ меня, именно въ это время, произвели въ корнеты. Ну, сначала, разумѣется, заложилъ, а потомъ прокутилъ и остальнымъ образомъ. Жилъ глупо, задавалъ тону, корчилъ Бурцова, игралъ, шилъ — словомъ, глупо, даже и вспомнить стыдно. Теперь я одумался и хочу совершенно измѣнить образъ жизни. Но для этого мнѣ совершенно необходимо имѣть сто тысячъ ассигнаціями. А такъ какъ я не достану ничего службой, самъ же по себѣ ни на что не способенъ и не имѣю почти никакого образованія, то, разумѣется, остается только два средства: или украсть, или жениться на богатой. Пришелъ я сюда почти безъ сапогъ, пришелъ, а не пріѣхалъ. Сестра дала мнѣ свои послѣдніе три цѣлковыхъ, когда я отправился изъ Москвы. Здѣсь я увидѣлъ эту Татьяну Ивановну, и тотчасъ же у меня родилась мысль. Я немедленно рѣшился пожертвовать собой и жениться. Согласитесь, что все это не что иное, какъ благоразуміе. Къ тому же, я дѣлаю это болѣе для сестры... ну, конечно, и для себя.

— Но, позвольте, вы хотите сдѣлать формальное предложеніе Татьянѣ Ивановнѣ?

— Боже меня сохрани! Меня отсюда тотчасъ бы выгнали, да и она сама не пойдетъ; а если предложитъ ей увозъ, побѣгъ, то она тотчасъ пойдетъ. Въ томъ-то и дѣло: только чтобъ было что-нибудь романтическое и эффектное. Разумѣется, все это немедленно завершится между нами законнымъ бракомъ. Только бы выманить-то ее отсюда!

— Да почему жъ вы такъ увѣрены, что она непременно съ вами убѣжитъ?

— О, не беспокойтесь! Въ этомъ я совершенно увѣренъ. Въ томъ-то и состоитъ основная мысль, что Татьяна Ивановна способна завести амурное дѣло рѣши-

тельно со всякимъ встрѣчнымъ, словомъ, со всякимъ, кому только придетъ въ голову ей отвѣчать. Вотъ почему я и взялъ съ васъ предварительно честное слово, чтобъ вы тоже не воспользовались этой идеей. Вы же, конечно, поймете, что мнѣ бы даже грѣшно было не воспользоваться такимъ случаемъ, особенно при моихъ обстоятельствахъ.

— Такъ, стало быть, она совсѣмъ сумасшедшая... ахъ! извините, — прибавилъ я, спохватившись. — Такъ какъ вы теперь имѣете на нее виды, то...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я уже просилъ васъ. Вы спрашиваете, совсѣмъ ли она сумасшедшая? Какъ вамъ отвѣтить? Разумѣется, не сумасшедшая, потому что еще не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ; при томъ же, въ этой маніи къ амурнымъ дѣламъ я, право, не вижу особеннаго сумасшествія. Она же, несмотря ни на что, дѣвушка честная. Видите ли: она до прошлаго года была въ ужасной бѣдности, съ самаго рожденія жила подъ гнетомъ у благодѣтельница. Сердце у ней необыкновенно чувствительное; замужъ ее никто не просилъ — ну, понимаете: мечты, желанія, надежды, пылъ сердца, который надо было всегда укрощать, вѣчныя муки отъ благодѣтельница — все это, разумѣется, могло довести до разстройства чувствительный характеръ. И вдругъ она получаетъ богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернетъ. Ну, разумѣется, теперь въ ней ищутъ, за ней волочатся, и всѣ надежды ея воскресли. Давеча она рассказала про франта въ бѣломъ жилетѣ: это фактъ, случившійся буквально такъ, какъ она говорила. По этому факту можете судить и объ остальномъ. На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчасъ приманете; а если, ко всему этому, намекнете на шелковую лѣстницу, на испанскія серенады и на всякій этотъ вздоръ, то вы можете сдѣлать съ ней все, что угодно. Я ужъ сдѣлалъ пробу, и тотчасъ же добился тайнаго свиданія.

Впрочемъ, теперь я, покамѣстъ, приостановился до благопріятнаго времени. Но дня черезъ четыре надо ее увезти, непременно. Накапунѣ я начну подпускать лясы, вздыхать: я недурно играю на гитарѣ и пою. Ночью свиданье въ бесѣдкѣ, а къ разсвѣту коляска будетъ готова; я ее выманю, сядемъ и уѣдемъ. Вы понимаете, что тутъ — никакого риска; она совершеннолѣтняя и, кромѣ того, во всемъ ея добрая воля. А ужъ если она разъ бѣжала со мной, то ужъ, конечно, значить, вошла со мной въ обязательства. Привезу я ее въ благородный, но бѣдный домъ — здѣсь есть, въ сорока верстахъ — гдѣ до свадьбы ее будутъ держать въ рукахъ и никого до нея не допустятъ; а между тѣмъ, я времени терять не буду: свадьбу уладимъ въ три дня — это можно. Разумѣется, прежде всего нужны деньги; но я рассчиталъ, нужно не болѣе пятисотъ серебромъ на всю интермедію, и въ этомъ я надѣюсь на Егора Ильича; онъ дастъ, конечно, не зная, въ чемъ дѣло. Теперь поняли?

— Понимаю, — сказалъ я, понявъ, наконецъ, все въ совершенствѣ. — Но, скажите, въ чемъ же я-то вамъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, въ очень многомъ, помилуйте! Иначе я бы и не просилъ. Я уже сказалъ вамъ, что имѣю въ виду одно почтенное, но бѣдное семейство. Вы же мнѣ можете помочь и здѣсь, и тамъ, и, наконецъ, какъ свидѣтель. Признаюсь, безъ вашей помощи я буду какъ безъ рукъ.

— Еще вопросъ: почему вы удостоили выбрать меня для вашей довѣренности, меня, котораго вы еще не знаете, потому что я всего нѣсколько часовъ какъ пріѣхалъ?

— Вопросъ вашъ, — отвѣчалъ Мизиничковъ съ самою любезною улыбкою, — вопросъ вашъ, признаюсь откровенно, доставляетъ мнѣ много удовольствія, по-

тому что представляет мнѣ случай высказать мое особое къ вамъ уваженіе.

— О, много чести!

— Итъ, видите ли, я васъ давеча нѣсколько изучалъ. Вы, положимъ, и пылки и... и... ну и молоды; но вотъ въ чемъ я совершенно увѣренъ: если ужъ вы дали мнѣ слово, что никому не расскажете, то ужъ, навѣрно, его сдержите. Вы не Обноскинъ, — это первое. Во-вторыхъ, вы честны и не воспользуетесь моею идеей для себя, разумѣется, кромѣ того случая, если захотите вступить со мною въ дружелюбную сдѣлку. Въ такомъ случаѣ, я, можетъ быть, и согласенъ буду уступить вамъ мою идею, то-есть Татьяну Ивановну, и готовъ ревностно помогать въ похищеніи, но съ условіемъ, черезъ мѣсяць послѣ свадьбы, получить отъ васъ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями, въ чемъ, разумѣется, вы мнѣ заранѣе дали бы обезпеченіе, въ видѣ заемнаго письма, безъ процентовъ.

— Какъ? — вскричалъ я: — такъ вы ее ужъ и мнѣ предлагаете?

— Натурально, я могу уступить, если надумаетесь, захотите. Я, конечно, теряю, но... идея принадлежит мнѣ, а вѣдь за идеи берутъ же деньги. Въ третьихъ, наконецъ, я потому васъ пригласилъ, что не изъ кого и выбирать. А долго медлить, взявъ въ соображеніе здѣшнія обстоятельства, невозможно. Къ тому же скоро Успенскій постъ и вѣнчать не стануть. Надѣюсь, вы теперь вполне меня понимаете?

— Совершенно, и еще разъ обязуюсь сохранить вашу тайну въ полной неприкосновенности; но товарищемъ вашимъ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу, о чемъ и считаю долгомъ объявить вамъ немедленно.

— Почему жъ?

— Какъ почему жъ? — вскричалъ я, давая, наконецъ, волю накопившимся во мнѣ чувствамъ. — Да неужели вы не понимаете, что такой поступокъ даже

неблагороденъ? Положимъ, вы рассчитываете совершенно вѣрно, основываясь на слабоуміи и на несчастной маніи этой дѣвицы, но вѣдь ужъ это одно и должно было бы удержать васъ, какъ благороднаго человѣка! Сами же вы говорите, что она достойна уваженія, не смотря на то, что смѣшна. И вдругъ, вы пользуетесь ея несчастьемъ, чтобъ вытянуть отъ нея сто тысячъ! Вы, конечно, не будете ея настоящимъ мужемъ, исполняющимъ свои обязанности: вы непременно ее покинете... Это такъ неблагородно, что, извините меня, я даже не понимаю, какъ вы рѣшились просить меня въ ваши сотрудники!

— Фу ты, Боже мой, какой романтизмъ! — вскричалъ Мизинчиковъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ удивленіемъ. — Впрочемъ, тутъ даже и не романтизмъ, а вы просто, кажется, не понимаете; въ чемъ дѣло. Вы говорите, что это неблагородно, а между тѣмъ всѣ выгоды не на моей, а на ея сторонѣ... Разсудите только!

— Конечно, если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то, пожалуй, выйдетъ, что вы сдѣлаете самое великодушное дѣло, женясь на Татьянѣ Ивановнѣ, — отвѣчалъ я съ саркастическою улыбкою.

— А то какъ же? Именно такъ, именно самое великодушное дѣло! — вскричалъ Мизинчиковъ, разгорячаясь въ свою очередь. — Разсудите только: во-первыхъ, я жертвую собою и соглашаюсь быть ея мужемъ, — вѣдь это же стоитъ чего-нибудь? Во-вторыхъ, несмотря на то, что у ней есть вѣрныхъ тысячъ сто серебромъ, несмотря на это, я беру только сто тысячъ ассигнаціями и уже далъ себѣ слово не брать у ней ни копейки больше во всю мою жизнь, хотя бы и могъ: это опять чего-нибудь стоитъ! Наконецъ, вникните: ну, можетъ ли она прожить свою жизнь спокойно? Чтобъ ей спокойно прожить, нужно отобрать у ней деньги и посадить ее въ сумасшедшій

домъ, потому что каждую минуту надо ожидать, что къ ней подвернется какой-нибудь бездѣльникъ, прощелыга, спекулянтъ, съ эспаньолкой и съ усиками, съ гитарой и съ серенадами, въ родѣ Обноскина, который смахнетъ ее, женится на ней, оберетъ ее дочиста и потомъ броситъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ. Вотъ здѣсь, напимѣрь, и честнѣйшій домъ, а вѣдь и держатъ ее только потому, что спекулируютъ на ея дежки. Отъ этихъ шансовъ ее нужно изъавить, спасти. Ну, а понимаете, какъ только она выйдетъ за меня — всѣ эти шансы исчезли. Ужъ я обязуюсь въ томъ, что никакое несчастье до нея не коснется. Во-первыхъ, я ее тотчасъ же помѣщаю въ Москвѣ, въ одно благородное, но бѣдное семейство — это не то, о которомъ я говорилъ: это другое семейство; при ней будетъ постоянно находиться моя сестра; за ней будутъ смотрѣть въ оба глаза. Денегъ у ней останется тысячь двѣсти пятьдесятъ, а, можетъ, и триста ассигнаціями: на это можно, знаете, какъ прожить! Всѣ удовольствія ей будутъ доставлены, всѣ развлечения, балы, маскарады, концерты. Она можетъ даже мечтать объ амурахъ; только, разумѣется, я себя на этотъ счетъ обезпечу: мечтай сколько хочешь, а на дѣлѣ ни-ни! Теперь, напимѣрь, каждый можетъ ее обидѣть, а тогда никто: она жена моя, она Мизинчикова, а я свое имя на поруганье не отдамъ-съ! Это одно чего стоитъ? Естественно, я съ нею не буду жить вмѣстѣ. Она въ Москвѣ, а я гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. Въ этомъ я сознаюсь, потому что съ вами веду дѣло на чистоту. Но что жъ до этого, что мы будемъ жить врознь? Сообразите, приглядитесь къ ея характеру: ну способна ли она быть женой и жить вмѣстѣ съ мужемъ? Развѣ возможно съ ней постоянство? Вѣдь это легкомысленнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Ей необходима непрерывная перемѣна: она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замужъ и сдѣлалась законной

женой. Да я сдѣлаю ее несчастною въ конецъ, если буду жить вмѣстѣ съ ней и буду требовать отъ нея строгаго исполненія обязанностей. Натурально, я буду къ ней пріѣзжать разъ въ годъ, или чаще, и не за деньгами — увѣряю васъ. Я скажалъ, что болѣе ста тысячъ ассигнаціями у ней не возьму, и не возьму! Въ денежномъ отношеніи я поступаю съ ней въ высшей степени благороднымъ образомъ. Пріѣзжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствіе, а не скуку; я буду съ ней хохотать, буду рассказывать ей анекдоты, повезу на балъ, буду съ ней амурничать, дарить сувенирчики, пѣть романсы, подарю собачку, разстанусь съ ней романически и буду вести съ ней любовную переписку. Да она въ восторгѣ будетъ отъ такого романическаго, влюбленнаго и веселаго мужа! По-моему, это рационально; такъ бы и всемъ мужьямъ поступать. Мужья тогда только и драгоцѣнны женамъ, когда въ отсутствіи, и, слѣдуя моей системѣ, я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшимъ образомъ на всю ея жизнь. Чего жъ ей больше желать? Скажите. Да вѣдь это рай, а не жизнь!

Я слушалъ молча и съ удивленіемъ. Я понялъ, что оспаривать господина Мизинчикова невозможно. Онъ фанатически увѣренъ былъ въ правотѣ и даже въ величій своего проекта и говорилъ о немъ съ восторгомъ изобрѣтателя. Но оставалось одно щекотливѣйшее обстоятельство, и разъяснить его было необходимо.

— Вспомнили ли вы, — сказалъ я: — что она почти уже невѣста дяди? Похитивъ ее, вы сдѣлаете ему большую обиду; вы увезете ее почти наканунѣ свадьбы, и, сверхъ того, у него же возьмете займы для совершенія этого подвига!

— А вотъ тутъ-то я васъ и ловлю! — съ жаромъ вскричалъ Мизинчиковъ. — Не безпокойтесь, я предвидѣлъ ваше возраженіе. Но, во-первыхъ, и главное:

дядя еще предложенія не дѣлалъ; слѣдственно, я могу и не знать, что ее готовить ему въ невѣсты; при томъ же, прошу замѣтить, что я еще три недѣли назадъ замыслилъ это предпріятіе, когда еще ничего не зналъ о здѣшнихъ намѣреніяхъ; а потому я совершенно правъ передъ нимъ въ моральномъ отношеніи и даже, если строго судить, не я у него, а онъ у меня отбиваетъ невѣсту, съ которой — замѣьте это — я ужъ имѣлъ тайное ночное свиданіе въ бесѣдкѣ. Наконецъ, позвольте: не вы ли сами сейчасъ были въ изступленіи, что дядюшку вашего заставляютъ жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, а теперь вдругъ заступааетесь за этотъ бракъ, говорите о какой-то фамильной обидѣ, о чести! Да я, напротивъ, дѣлаю вашему дядюшкѣ величайшее одолженіе: спасаю его — вы должны это понять! Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на эту жешитьбу, и, къ тому же, любить другую дѣвицу! Ну, какая ему жена Татьяна Ивановна? Да и она съ нимъ будетъ несчастна, потому что, какъ хотите, а вѣдь ее нужно же будетъ тогда ограничить, чтобъ она не бросала розанами въ молодыхъ людей. А вѣдь когда я увезу ее ночью, такъ ужъ тутъ никакая генеральша, никакой Оома Оомичъ ничего не сдѣлаютъ. Возвратить такую невѣсту, которая бѣжала изъ-подъ вѣнца, будетъ ужъ слишкомъ зазорно. Развѣ это не одолженіе, не благодѣяніе Егору Ильичу?

Признаюсь, это послѣднее разсужденіе на меня сильно подѣйствовало.

— А что если онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе? — сказалъ я: — вѣдь ужъ тогда будетъ нѣсколько поздно: она будетъ формальная невѣста его.

— Натурально поздно! Но тутъ-то и надо работать, чтобъ этого не было. Для чего жъ я и прошу вашего содѣйствія? Одному мнѣ трудно, а вдвоемъ мы уладимъ дѣло и настоимъ, чтобъ Егоръ Ильичъ не дѣлалъ предложенія. Надобно помѣшать всѣми си-

лами, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, поколотить Оому Оомича и тѣмъ отвлечь всеобщее вниманіе, такъ что имъ будетъ не до свадьбы. Разумѣется, это только въ крайнемъ случаѣ; я говорю для примѣра. Въ этомъ-то я на васъ и надѣюсь.

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ: вы никому, кромѣ меня, не открывали вашего предпріятія?

Мизинчиковъ почесалъ въ затылкѣ и скорчилъ самую кислую гримасу.

— Признаюсь вамъ, — отвѣчалъ онъ: — этотъ вопросъ для меня хуже самой горькой пилюли. Въ томъ-то и штука, что я уже открылъ мою мысль... словомъ, свалялъ ужаснѣйшаго дурака! И какъ бы вы думали, кому? Обноскину! Такъ что я даже самъ не вѣрю себѣ. Не понимаю, какъ и случилось! Онъ все здѣсь вертѣлся; я еще его хорошо не зналъ, и когда осябло меня вдохновеніе, я, разумѣется, былъ какъ будто въ горячкѣ; а такъ какъ я тогда же понялъ, что мнѣ нуженъ помощникъ, то и обратился къ Обноскину... Непростительно, непростительно!

— Ну, что жъ Обноскинъ?

— Съ восторгомъ согласился, а на другой же день, рано утромъ, исчезъ. Дня черезъ три является опять, съ своей маменькой. Со мной ни слова, и даже избѣгаетъ, какъ будто боится. Я тотчасъ же понялъ въ чемъ штука. А маменька его такая прощельга, просто черезъ всѣ мѣдныя трубы прошла. Я ее прежде знавалъ. Конечно, онъ ей все рассказалъ. Я молчу и жду; они шпіонятъ, и дѣло находится немного въ натянутомъ положеніи... Оттого-то я и тороплюсь.

— Чего жъ именно вы отъ нихъ опасаетесь?

— Многого, конечно, не сдѣлаютъ, а что напакустятъ — такъ это навѣрно. Потребуютъ денегъ за молчаніе и за помощь: я того и жду... Только я много не могу имъ дать, и не дамъ — я ужъ рѣшился; больше трехъ тысячъ ассигнаціями невозможно? Разсудите

сами: три тысячи сюда, пятьсотъ серебромъ свадьба, потому что дядѣ все сполна нужно отдать; потому старые долги; ну, сестрѣ хоть что-нибудь, такъ, хоть что-нибудь. Много ль изъ ста-то тысячъ останется? Вѣдь это разоренье!... Обноскины, впрочемъ, уѣхали

— Уѣхали? — спросилъ я съ любопытствомъ.

— Сейчасъ послѣ чаю; да и чортъ съ ними! А завтра, увидите, опять явятся. Ну такъ какъ же, согласны?

— Признаюсь, — отвѣчалъ я, съезживаясь: — не знаю, какъ и сказать. Дѣло щекотливое... Конечно, я сохранию все въ тайнѣ; я не Обноскинъ; но... кажется, вамъ на меня надѣяться нечего.

— Я вижу, — сказалъ Мизинчиковъ, вставая со стула, — что вамъ еще не надоѣли Оома Оомичъ и бабушка, и что вы хоть и любите вашего добраго, благороднаго дядю, но еще недостаточно выкли, какъ его мучать. Вы же человѣкъ новый... Но терпѣніе! Побудете завтра, посмотрите, и къ вечеру согласитесь. Вѣдь иначе вашъ дядюшка пропасть — понимаете? Его непременно заставятъ жениться. Не забудьте, что, можетъ быть, завтра, онъ сдѣлаетъ предложеніе. Поздно будетъ; падо бы сегодня рѣшиться!

— Право, я желаю вамъ всякаго успѣха, но помогать... не знаю какъ-то...

— Знаемъ! Но, подождемъ до завтра, — рѣшилъ Мизинчиковъ, улыбаясь насмѣшливо. — *La nuit porte conseil.* До свиданія. Я приду къ вамъ пораньше утромъ, а вы подумайте...

Онъ повернулся и вышелъ, что-то насвистывая.

Я вышелъ почти вслѣдъ за нимъ, освѣжиться. Мѣсяцъ еще не всходилъ; ночь была темная, воздухъ теплый и удушливый. Листья на деревьяхъ не шевелились. Несмотря на страшную усталость, я хотѣлъ было походить, разсѣяться, собраться съ мыслями, но не прошелъ и десяти шаговъ, какъ вдругъ услышалъ

голосъ дяди. Опъ съ кѣмъ-то всходилъ на крыльцо флигеля и говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Я тотчасъ же воротился и окликнулъ его. Дядя былъ съ Видоплясовымъ.

ХІ

Крайнее недоумѣніе

— Дядюшка! — сказалъ я: — наконецъ то я васъ дождался.

— Другъ мой, я и самъ-то рвался къ тебѣ. Вотъ только dokonчу съ Видоплясовымъ, и тогда наговоримся досыта. Много надо тебѣ рассказать.

— Какъ, еще съ Видоплясовымъ! Да бросьте вы его, дядюшка.

— Еще только какихъ-нибудь пять или десять минутъ, Сергѣй, и я совершенно твой. Видишь: дѣло.

— Да онъ, вѣрно, съ глупостями, — проговорилъ я съ досадою.

— Да что сказать тебѣ, другъ мой? Вѣдь найдеть же человѣкъ, когда лѣзть съ своими пустяками! Точно ты, братъ Григорій, не могъ ужъ и времени другого найти для своихъ жалобъ? Ну, что я для тебя сдѣлаю? Пожалѣй хоть ты меня, братецъ. Вѣдь я, такъ сказать, изнуренъ вами, съѣденъ живьемъ, цѣликомъ! — Мочи моей нѣтъ съ ними, Сергѣй!

И дядя махнулъ обѣими руками съ глубочайшей тоски.

— Да что за важное такое дѣло, что и оставить нельзя? А миѣ бы такъ нужно, дядюшка...

— Эхъ, братъ, ужъ и такъ кричатъ, что я о нравственности моихъ людей не забочусь! Пожалуй, еще завтра пожалуется на меня, что я не выслушалъ, и тогда...

И дядя опять махнулъ рукой.

— Ну, такъ кончайте же съ нимъ поскорѣе! Пожа-

луй, и я помогу. Взойдемте наверхъ. Что онъ такое? Чего ему? — сказалъ я, когда мы вошли въ комнаты.

— Да вотъ, видишь, другъ мой, не нравится ему своя собственная фамилія; перемѣнить просить. Каково тебѣ это покажется?

— Фамилія! Какъ такъ?.. Ну, дядюшка, прежде, чѣмъ я услышу, что онъ самъ скажетъ, позвольте вамъ сказать, что только у васъ въ домѣ могутъ совершаться такія чудеса, — проговорилъ я, разставивъ руки отъ изумленія.

— Эхъ, братъ! Этакъ-то и я разставитъ руки умѣю, да толку-то мало! — съ досадою проговорилъ дядя. — Поди-ка, поговори-ка съ нимъ самъ, попробуй. Ужъ онъ два мѣсяца пристаесть ко мнѣ...

— Неосновательная фамилія-съ! — отозвался Видоплясовъ.

— Да почему же неосновательная? — спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Такъ-съ. Изображаетъ собою всякую гнусность-съ.

— Да почему же гнусность? Да и какъ ее перемѣнить? Кто перемѣняетъ фамиліи?

— Помилуйте, бываютъ ли у кого такія фамиліи-съ?

— Я согласенъ, что фамилія твоя отчасти странная, — продолжалъ я въ совершенномъ недоумѣніи, — но вѣдь что жъ теперь дѣлать? Вѣдь и у отца твоего была такая жъ фамилія?

— Это подлинно-съ, что черезъ родителя моего такимъ образомъ пошелъ навѣки страдать-съ, такъ какъ суждено мнѣ моимъ именемъ многія насмѣшки принять и многія горести произойти-съ, — отвѣчалъ Видоплясовъ.

— Бьюсь объ закладъ, дядюшка, что тутъ не безъ Оомы Оомича! — вскричалъ я съ досадою.

— Ну, нѣтъ, братецъ, ну, нѣтъ; ты ошибся.

Дѣйствительно, Оома ему благодарѣтельствуеть. Онъ взялъ его къ себѣ въ секретари, въ этомъ и вся его должность. Ну, разумѣется, онъ его развилъ, наполнилъ благородствомъ души, такъ что онъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, прозрѣлъ... Вотъ, видишь, я тебѣ все расскажу...

— Это точно-съ, — перебилъ Видоплясовъ, — что Оома Оомичъ мои истинные благодарѣтели-съ, и, бывши истинные мнѣ благодарѣтели, они меня вразумили моему ничтожеству, каковъ я есмь червякъ на землѣ, такъ что чрезъ нихъ я въ первый разъ свою судьбу предузналъ-съ.

— Вотъ видишь, Сережа, вотъ видишь, въ чемъ все дѣло, — продолжалъ дядя, заторопившись, по своему обыкновенію. — Жилъ онъ сначала въ Москвѣ, съ самыхъ почти дѣтскихъ лѣтъ, у одного учителя чистописанія въ услуженіи. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ у него научился писать: и красками, и золотомъ, и кругомъ, знаешь, купидоновъ наставитъ — словомъ, артистъ! Илюша у него учится; полтора цѣлковыхъ за урокъ плачу. Оома самъ опредѣлилъ полтора цѣлковыхъ. Къ окрестнымъ помѣщикамъ въ три дома ѣздить; тоже платять. Видишь, какъ одѣвается! Къ тому же пишетъ стихи.

— Стихи! Этого еще не доставало!

— Стихи, братецъ, стихи, и ты не думай, что я шучу, настоящіе стихи, такъ сказать, версификація, и такъ, знаешь, складно на всѣ предметы, тотчасъ же всякій предметъ стихами опишетъ. Настоящій талантъ! Маменькѣ къ именинамъ такую рацею соорудилъ, что мы только рты разинули: и изъ мифологій тамъ у него, и музы летаютъ, такъ что даже, знаешь, видна эта... какъ бишь ее? Округленность формъ, — словомъ, совершенно въ риему выходитъ. Оома поправлялъ. Ну я, конечно, ничего, и даже радъ съ моей стороны. Пусть себѣ сочиняетъ, только бъ не

накуралесилъ чего-нибудь. — Я, братъ Григорій, тебѣ, вѣдь, какъ отецъ говорю. Провѣдаль объ этомъ Оома, просмотрѣлъ стихи, поощрилъ и опредѣлилъ къ себѣ чтецомъ и переписчикомъ, — словомъ, образоваль. Это онъ правду говорить, что облагодѣтельствовалъ. Ну, этакъ, знаешь, у него и благородный романтизмъ въ головѣ появился и чувство независимости, — миѣ все это Оома объяснялъ, да я ужъ, правда, и позабылъ; только я, признаюсь, хотѣлъ и безъ Оомы его на волю отпустить. Стыдно, знаешь, какъ-то!.. Да Оома противъ этого, говорить, что онъ ему нуженъ, полюбилъ онъ его: да, сверхъ того, говорить: «миѣ же, барину, больше чести, что у меня между собственными людьми стихотворцы; что такъ какіе-то бароны гдѣ-то жили и что это en grand». Ну, en grand, такъ en grand! Я, братецъ, ужъ сталъ его уважать — понимаешь?.. Только Богъ знаетъ, какъ онъ повелъ себя. Всего хуже, что онъ до того передъ всей дворней послѣ стиховъ носъ задраль, что ужъ и говорить съ ними не хочетъ. — Ты не обижайся, Григорій, я тебѣ какъ отецъ говорю. — Обѣщался онъ еще прошлой зимой жениться: есть тутъ одна дворовая дѣвушка, Матрена, и премилая, знаешь, дѣвушка, честная, работающая, веселая. Такъ вотъ иѣтъ же, теперь: не хочу, да и только; отказался. Возмечталъ ли онъ о себѣ, или разсудилъ сначала прославиться, а потомъ ужъ въ другомъ мѣстѣ искать руки...

— Болѣе по совѣту Оомы Оомича-съ, — замѣтилъ Видоплясовъ, — такъ какъ они истинные мои доброжелатели-съ...

— Ну, да ужъ какъ можно безъ Оомы Оомича! — вскричалъ я невольно.

— Эхъ, братецъ, не въ томъ дѣло! — послѣшно прервалъ меня дядя, — только видишь: ему теперь и проходу иѣтъ. Та дѣвка бойкая, задорная, всѣхъ про-

тивъ него подняла: дразнятъ, уськаютъ, даже мальчишки дворовые его вмѣсто шута почитаютъ...

— Болѣе черезъ Матрену-съ, — замѣтилъ Видоплясовъ; — потому что Матрена истинная дура-съ, и бывши истинная дура-съ, при томъ же невоздержанная характеромъ женщина; черезъ нее я такимъ манеромъ-съ пошелъ жизнію моею претерпѣвать-съ.

— Эхъ, братъ, Григорій, говорилъ я тебѣ, — продолжалъ дядя, съ укоризною посмотрѣвъ на Видоплясова, — сложили они, видишь, Сергѣй, какую-то пакость въ риѣму на его фамилію. Онъ ко мнѣ, жалуется, просить, нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить его фамилію, что онъ давно ужъ страдалъ отъ неблагозвучія...

— Необлагороженная фамилія-съ, — ввернулъ Видоплясовъ.

— Ну, да ужъ ты молчи, Григорій! Ома тоже одобрилъ... то-есть не то, чтобъ одобрилъ, а, видишь, какое соображеніе: что если, на случай, придется стихи печатать, такъ какъ Ома прожектируетъ, то такая фамилія, пожалуй, и повредитъ — не правда ли?

— Такъ онъ стихи напечатать хочетъ, дядюшка?

— Печатать, братецъ. Это ужъ рѣшено — на мой счетъ, и будетъ выставлено на заглавномъ листѣ: крѣпостной человѣкъ такого-то, а въ предисловіи Оомѣ отъ автора благодарность за образованіе. Посвящено Оомѣ. Оома самъ предисловіе пишетъ. Ну, такъ представь себѣ, если на заглавномъ-то листѣ будетъ написано: «сочиненіе Видоплясова»...

— «Вопли Видоплясова-съ», — поправилъ Видоплясовъ.

— Ну, вотъ видишь, еще и вопли! Ну, что за фамилія Видоплясовъ? Даже деликатность чувствъ возмущаетъ; такъ и Оома говорилъ. А всѣ эти критики, говорятъ, такіе задорные насмѣшники: Брамбеусъ, на-

примѣръ... Имъ вѣдь все нишечья! Просмѣютъ за одну только фамилію; такъ, пожалуй, отчешутъ бока, что только почесывайся, — не правда ли? Вотъ я говорю: по мнѣ, пожалуй, какую хочешь поставь фамилію на стихахъ — псевдонимъ, что ли, называется — ужъ не помню: какой-то *нильз*. Да нѣтъ, говоритъ, прикажите по всей дворнѣ, чтобъ меня ужъ и здѣсь павѣки новымъ именемъ звали, такъ чтобъ у меня, сообразно таланту, и фамилія была облагороженная...

— Бьюсь объ закладъ, что вы согласились, дядюшка.

— Я, братъ Сережа, чтобъ ужъ только съ ними не спорить: пускай себѣ. Знаешь, тогда между нами недоразумѣніе такое было съ Оомой. Вотъ у насъ и пошло съ тѣхъ поръ, что недѣля, то фамилія, и все такія нѣжныя выбираетъ: Олеандровъ, Тюльпановъ... Подумай, Григорій, сначала ты просилъ, чтобъ тебя называли «Вѣрный» — «Григорій Вѣрный»; потомъ тебѣ же самому не понравилось, потому что какой-то балбесъ прибралъ на это рѣшму «скверный». Ты жаловался; балбеса наказали. Ты двѣ недѣли придумывалъ новую фамилію, — сколько ты ихъ перебралъ, — наконецъ, надумался, пришелъ просить, чтобъ тебя звали «Улановъ». Ну, скажи мнѣ, братецъ, ну, что можетъ быть глупѣе Уланова? Я и на это согласился: вторичное приказаніе отдалъ о перемѣнѣ твоей фамиліи въ Уланова. — Такъ только, братецъ, — прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, — чтобъ ужъ только отвязаться. Три дня ходилъ ты «Улановъ». Ты всѣ стѣны, всѣ подоконники въ бесѣдкѣ перепортилъ, расчеркивая карандашомъ: «Улановъ». Вѣдь ее потомъ перекрашивали. Ты цѣлую дестъ голландской бумаги извелъ на подписи: «Улановъ, проба пера; Улановъ, проба пера». Наконецъ, и тутъ неудача: прибрали тебѣ рѣшму: «болвановъ». Не хочу болванова — опять

перемѣна фамиліи! Какую ты тамъ еще прибралъ, я ужъ и позабылъ?

— Танцевъ-съ, — отвѣчалъ Видоплясовъ. — Если ужъ мнѣ суждено черезъ фамилію мою плясуна избражать-съ, такъ ужъ пусть было бы облагорожено по-иностранному: Танцевъ-съ.

— Ну да, Танцевъ, согласился я, братъ Сергѣй, и на это. Только ужъ тутъ они такую ему подыскали риѣму, что и сказать нельзя. Сегодня опять приходитъ, опять выдумалъ что-то новое. Бьюсь объ закладъ, что у него есть наготовѣ новая фамилія. Есть иль нѣтъ, Григорій, признавайся!

— Я, дѣйствительно, давно ужъ хотѣлъ повергнуть къ вашимъ стопамъ новое имя-съ, облагороженное-съ.

— Какое?

— Эссбукетовъ.

— И не стыдно, и не стыдно тебѣ, Григорій? Фамилія съ помадной банки! А еще умный человѣкъ называешься! Думалъ-то, должно быть, сколько надъ ней! Вѣдь это и на духахъ написано.

— Помилуйте, дядюшка, — сказалъ я полушопотомъ, — да вѣдь это просто дуракъ, набитый дуракъ!

— Что жъ дѣлать, братецъ? — отвѣчалъ тоже шопотомъ дядя, — увѣряютъ кругомъ, что уменъ и что это все въ немъ благородныя свойства играютъ...

— Да развяжитесь вы съ нимъ, ради Бога!

— Послушай, Григорій! Вѣдь мнѣ, братецъ, некогда, помилуй! — началъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ, какъ будто боялся даже и Видоплясова. — Ну, разсуди, ну, гдѣ мнѣ жалобами твоими теперь заниматься! Ты говоришь, что тебя опять они чѣмъ-то обидѣли? Ну, хорошо: вотъ тебѣ честное слово

даю, что завтра все разберу, а теперь ступай съ Богомъ... Пстой! Что Оома Оомичъ?

— Почивать ложилсь-съ. Сказали, что если будетъ кто объ нихъ спрашивать, такъ отвѣчать, что они на молитвѣ, сію ночь, долго стоять намѣрены-съ.

— Гм! Ну, ступай, братецъ, ступай! Видишь, Сережа, вѣдь онъ всегда при Оомѣ, такъ что даже его я боюсь. Да и дворня-то его потому и не любитъ, что онъ все о нихъ Оомѣ переноситъ. Вотъ теперь ушелъ, а, пожалуй, — завтра нафискалитъ о чемъ-нибудь! А ужъ я, братецъ, тамъ все такъ уладилъ, даже спокоенъ теперь... Къ тебѣ спѣшилъ. Наконецъ-то я опять съ тобой! — проговорилъ онъ съ чувствомъ, пожимая мнѣ руку. — А вѣдь я думалъ, братъ, что ты совсѣмъ разсердился и непременно улизнешь. Стеречь тебя посылалъ. Ну, слава Богу теперь! А давеча-то, Гаврила-то, какво? Да и Оалалей, и ты — и все одно къ одному! Ну, слава Богу, слава Богу! Наконецъ-то наговорюсь съ тобой досыта. Сердце открою тебѣ. Ты, Сережа, не уѣзжай: ты одинъ у меня, ты и Коровкипъ...

— Но, позвольте, что жъ вы тамъ такое уладили, дядюшка, и чего мнѣ тутъ ждать послѣ того, что случилось? Признаюсь, что у меня просто голова трещить!

— А у меня цѣла, что ли? Она, братъ, у меня ужъ полгода теперь вальсируетъ, голова-то моя! Но, слава Богу! Теперь все уладилось. Во-первыхъ, меня простили, совершенно простили, съ разными условіями, конечно; но ужъ я теперь почти совсѣмъ ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. Саша-то, Саша-то, давеча-то... горячее сердечко! Увлеклась немало, но золотое сердечко! Я горжусь этой дѣвочкой, Сережа! Да будетъ надъ нею всегдашнее благословеніе Божіе. Тебя тоже простили и даже, знаешь, какъ? Можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, ходить

по всѣмъ комнатамъ и въ саду, и даже при гостяхъ — словомъ, все что угодно; но только подъ однимъ условіемъ, что ты ничего не будешь завтра самъ говорить при мамеыкѣ и при Оомѣ Оомичѣ, — это непремѣнное условіе, то-есть рѣшительно ни полслова, — я ужъ обѣщался за тебя, — а только будешь слушать, что старшіе... То-есть, я хотѣлъ сказать, что другіе будутъ говорить. Они сказали, что ты молодъ. Ты, Сергѣй, не обижайся; вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ еще молодъ... Такъ и Анна Ниловна говоритъ...

Конечно, я былъ очень молодъ и тотчасъ же доказалъ это, закипѣвъ негодованіемъ при такихъ обидныхъ условіяхъ.

— Послушайте, дядюшка, — вскричалъ я, чуть не задыхаясь, — скажите мнѣ только одно и успокойте меня: я въ настоящемъ сумасшедшемъ домѣ или нѣтъ?

— Ну вотъ, братецъ, ужъ ты сейчасъ и въ критику! Ужъ и не можешь никакъ утерпѣть, — отвѣчалъ опечаленный дядя. — Вовсе не въ сумасшедшемъ, а такъ только погорячились съ обѣихъ сторонъ. Но вѣдь, согласись и ты, братецъ, какъ ты-то самъ велъ себя? Помнишь, что ты ему отмочилъ, — человѣку, такъ сказать, почтенныхъ лѣтъ?

— Такіе люди не имѣютъ почтенныхъ лѣтъ, дядюшка.

— Ну ужъ это ты, братъ, перескакнулъ! Это ужъ вольнодумство... Я, братъ, и самъ отъ разсудительнаго вольнодумства не прочь, но ужъ это, братъ, изъ мѣрки выскочило, то-есть удивилъ ты меня, Сергѣй.

— Не сердитесь, дядюшка, я виновать, по виновать передъ вами. Что же касается до вашего Оомы Оомича...

— Ну, вотъ ужъ и *вашего!* Эхъ, братъ, Сергѣй, не суди его строго: мизантропическій человѣкъ — и больше ничего, болѣзненный! Съ него нельзя строго спрашивать. Но зато благородный, то-есть про-

сто благороднѣйшій изъ людей! Да вѣдь ты самъ давеча былъ свидѣтелемъ, просто сѣять. А что фокусы-то эти иногда отмачиваетъ, такъ на это нечего смотрѣть. Ну, съ кѣмъ этого не случается?

— Помилуйте, дядюшка, напротивъ, съ кѣмъ же это случается?

— Эхъ, наладилъ одно! Добродушія въ тебѣ мало, Сережа; простить не умѣешь!..

— Ну, хорошо, дядюшка, хорошо! Оставимъ это. Скажите, видѣли вы Настасью Евграфовну?

— Эхъ, братъ, о ней-то все дѣло шло. Вотъ что, Сережа, и, во-первыхъ, самое важное: мы всѣ рѣшили — его завтра, непременно, поздравить съ днемъ рожденія, Оому-то, потому что завтра, дѣйстви-тельно, его рожденіе. Сашурка добрая дѣвочка, но она ошибается; такъ-таки и пойдемъ всѣмъ кагаломъ, еще передъ обѣдней, пораньше. Илюша ему стихи произнесетъ, такъ что ему какъ будто масломъ по сердцу-то, — словомъ, польститъ. Ахъ, кабы и ты его, Сережа, вмѣстѣ съ нами, тутъ же поздравилъ! Онъ, можетъ быть, совершенно простилъ бы тебя. Какъ бы хорошо было, если бъ вы помирились! Забудь, братъ, обиду, Сережа, вѣдь ты и самъ его обидѣлъ... Нандостойнѣйшій человѣкъ.

— Дядюшка! Дядюшка! — вскричалъ я, теряя послѣднее терпѣніе, — я съ вами о дѣлѣ хочу говорить, а вы... Да знаете ли вы, повторяю опять, знаете ли вы, что дѣлается съ Настасьей Евграфовной?

— Какъ же, братецъ, что ты! Чего ты кричишь? Изъ-за нея-то и поднялась давеча вся эта исторія. Она, впрочемъ, и не давеча поднялась, она давно поднялась. Я тебѣ только не хотѣлъ говорить объ этомъ заранѣе, чтобъ тебя не пугать, потому что они ее просто выгнать хотѣли, ну и отъ меня требовали, чтобъ я ее отослалъ. Можешь представить себѣ мое поло-

женіе... Ну, да слава Богу! Теперь все это уладилось. Они, видишь ли, — ужъ признаюсь тебѣ во всемъ, — думали, что я самъ въ нее влюбленъ и жениться хочу, словомъ, стремлюсь къ погибели, потому что, дѣйствительно, это было бы стремленіемъ къ погибели: они это мнѣ тамъ объяснили... такъ вотъ, чтобъ спасти меня, и рѣшились было ее изгнать. Все это маменька, а пуще всѣхъ Анна Ниловна. Оома, покамѣстъ, молчить. Но теперь я ихъ всѣхъ разуверилъ, и признаюсь тебѣ, уже объявилъ, что ты формальный женихъ Настеньки, что затѣмъ и пріѣхалъ. Ну, это ихъ отчасти успокоило, и теперь она остается, хоть не совсѣмъ, такъ, еще только для пробы, но все-таки остается. Даже и ты поднялся въ общемъ мнѣніи, когда я объявилъ, что сватаешься. По крайней мѣрѣ, маменька какъ будто успокоилась. Анна Ниловна одна все еще ворчитъ! Ужъ и не знаю, что выдумать, чтобъ ей угодить. И чего это ей хочется, право, этой Аннѣ Ниловнѣ?

— Дядюшка, въ какомъ вы заблужденіи, дядюшка! Да знаете ли, что Настасья Евграфовна завтра же ѣдетъ отсюда, если ужъ теперь не уѣхала? Знаете ли, что отецъ нарочно и пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ ее увезти? Что ужъ это совсѣмъ рѣшено, что она сама лично объявила мнѣ сегодня объ этомъ, и, въ заключеніе, велѣла вамъ кланяться, — знаете ли вы это иль нѣтъ?

Дядя, какъ былъ, такъ и остался передо мной съ разинутымъ ртомъ. Мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ, и стоишь вырвался изъ груди его.

Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ рассказать ему весь мой разговоръ съ Настенькой, мое сватовство, ея рѣшительный отказъ, ея гнѣвъ на дядю за то, что онъ смѣлъ меня вызывать письмомъ; объяснилъ, что она надѣется его спасти своимъ отъѣздомъ отъ брака съ Татьяной Ивановной, — словомъ, не

скрылъ ничего; даже нарочно преувеличилъ все, что было неприятнаго въ этихъ извѣстiяхъ. Я хотѣлъ поразить дядю, чтобъ допытаться отъ него рѣшительныхъ мѣръ, — и дѣйствительно поразилъ. Онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову.

— Гдѣ она, не знаешь ли? Гдѣ она теперь? — проговорилъ онъ, наконецъ, поблѣднѣвъ отъ испуга. — А я-то, дуракъ, шель сюда совсѣмъ ужъ спокойный, думалъ, что все ужъ уладилось, — прибавилъ онъ въ отчаянiи.

— Не знаю, гдѣ теперь, только давеча, какъ начались эти крики, она пошла къ вамъ; она хотѣла это выразить вслухъ, при всѣхъ. Вѣроятно, ее не допустили.

— Еще бы допустили! Что бъ она тамъ надѣлала! Ахъ, горячая, гордая головка! И куда она пойдетъ, куда? Куда? А ты-то, ты-то хорошъ! Да почему жъ она тебѣ отказала? Вздоръ! Ты долженъ быть понравиться. Почему жъ ты ей не понравился? Да отвѣчай же, ради Бога, чего жъ ты стоишь?

— Помилосердуйте, дядюшка! Да развѣ можно задавать такіе вопросы?

— Но вѣдь невозможно жъ и это! Ты долженъ, долженъ на ней жениться. Зачѣмъ же я тебя и тревожилъ изъ Петербурга? Ты долженъ составить ея счастье! Теперь ее гонять отсюда, а тогда она твоя жена, моя родная племянница — не прогонять. А то куда она пойдетъ? Что съ ней будетъ? Въ гувернантки? Но, вѣдь, это только бессмысленный вздоръ, въ гувернантки-то! Вѣдь, пока мѣсто найдеть, чѣмъ дома жить? У старика ихъ девятеро на плечахъ; сами голодомъ сидятъ. Вѣдь она ни гроша не возьметъ отъ меня, если выйдетъ черезъ эти пакостные наговоры, и она, и отецъ. Да и каково такимъ образомъ выйти — ужасъ! Здѣсь ужъ будетъ скандалъ — я знаю. А жалованье ея ужъ давно впередъ за-

брано на семейныя нужды: вѣдь она ихъ питаетъ. Ну, положимъ, я рекомендую ее въ гувернантки, найду такую честную и благородную фамилию... да вѣдь чорта съ два! Гдѣ ихъ возьмешь, благородныхъ-то, настоящихъ-то благородныхъ людей? Ну, положимъ, и много даже, что Бога гнѣвить! Но, другъ мой, вѣдь опасно: можно ли положиться на людей? Къ тому же бѣдный человѣкъ подозрителенъ; ему такъ и кажется, что его заставляютъ платить за хлѣбъ и за ласку униженіями! Они оскорбятъ ее; она гордая, и тогда... да ужъ что тогда? А что, если ко всему этому какой-нибудь мерзавецъ-обольститель подвернется?... Она плюнетъ на него, — я знаю, что плюнетъ, — но вѣдь онъ ее все-таки оскорбитъ, мерзавецъ! Все-таки на нее можетъ пасть безславіе, тѣнь, подозрѣніе, и тогда!.. Голова трещитъ на плечахъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Дядюшка! Простите меня за одинъ вопросъ, — сказалъ я торжественно, — не сердитесь на меня, поймите, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ многое разрѣшить; я даже отчасти въ правѣ требовать отъ васъ отвѣта, дядюшка!

— Что, что такое? Какой вопросъ?

— Скажите, какъ передъ Богомъ, откровенно и прямо: не чувствуете ли вы, что вы сами немножко влюблены въ Настасью Евграфовну и желали бы на ней жениться? Подумайте: вѣдь изъ-за этого-то ее здѣсь и гонятъ.

Дядя сдѣлалъ самый энергическій жестъ самаго судорожнаго нетерпѣнія.

— Я? Влюбленъ? Въ нее? Да они всѣ белены объѣлись, или сговорились противъ меня. Да для чего жъ я тебя-то выписывалъ, какъ не для того, чтобъ доказать имъ всѣмъ, что они белены объѣлись? Да для чего жъ я тебя-то къ ней сватаю? Я? Влюбленъ? Въ нее? Рехнулись они всѣ, да и только!

— А если такъ, дядюшка, то позвольте ужъ мнѣ все высказать. Объявляю вамъ торжественно, что я рѣшительно ничего не нахожу дурного въ этомъ предположеніи. Напротивъ, вы бы ей счастье сдѣлали, если ужъ такъ ее любите и—и дай Богъ этого! Дай вамъ Богъ любовь и совѣтъ!

— Но, помилуй, что ты говоришь! — вскричалъ дядя почти съ ужасомъ. — Удивляюсь, какъ ты можешь это говорить хладнокровно... и... вообще ты, братъ, все куда-то торопишься, — я замѣчаю въ тебѣ эту черту! Ну, не безмысленно ли, что ты сказалъ? Какъ, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее, какъ на дочь, а не иначе? Да мнѣ даже стыдно было бы на нее смотрѣть иначе, даже грѣшно! Я старикъ, а она — цвѣточекъ! Даже Оома это мнѣ объяснилъ именно въ такихъ выраженіяхъ. У меня отеческой любовью сердце къ ней горитъ, а ты тутъ съ супружествомъ! Она, пожалуй, изъ благодарности, и не отказала бы, да вѣдь она презирать меня потомъ будетъ за то, что ея благодарностью воспользовался. Я загублю ее, привязанность ея потеряю! Да я бы душу мою ей отдалъ, дѣточка она моя! Все равно какъ Сашу люблю, даже больше, признаюсь тебѣ. Саша мнѣ дочь по праву, по закону, а эту я любовью моею себѣ дочерью сдѣлалъ. Я ее изъ бѣдности взялъ, воспиталъ. Ее Катя, мой ангелъ покойный, любила; она мнѣ ее какъ дочь завѣщала. Я образованіе ей далъ: и по-французски говорить, и на фортепяно, и книги, и все... Улыбочка какая у ней! Замѣтилъ ты, Сережа? Какъ будто смѣется надъ тобой, а межъ тѣмъ вовсе не смѣется, а, напротивъ, любить... Я вотъ и думалъ, что ты пріѣдешь, сдѣлаешь предложеніе; они и увѣряются, что я не имѣю видовъ на нее; и перестанутъ всѣ эти пакости распускать. Она и осталась бы тогда съ нами въ тишинѣ, въ покоѣ, и какъ бы мы тогда были счастливы! Вы оба дѣти мои, почти оба

сиротки, оба на моемъ попеченіи выросли... я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ! Жизнь бы вамъ отдалъ, не разстался бы съ вами; всюду за вами! Ахъ, какъ бы мы могли быть счастливы! И зачѣмъ это люди все злятся, все сердятся, ненавидятъ другъ друга? Такъ бы, такъ бы взялъ да и растолковалъ бы имъ все! Такъ бы и выложилъ передъ ними всю сердечную правду! Ахъ ты, Боже мой!

— Да, дядюшка, да, это все такъ, а только она вотъ и отказала мнѣ.

— Отказала! Гм!.. А знаешь, я какъ будто почувствовалъ, что она откажетъ тебѣ, — сказалъ онъ въ задумчивости, — но, нѣтъ! — вскрикнулъ онъ; — я не вѣрю! Это невозможно. Но вѣдь въ такомъ случаѣ все разстроится! Да ты вѣрно какъ-нибудь неосторожно съ ней началъ, оскорбилъ еще, можетъ быть; пожалуй, еще комплименты пустился отмачивать... Расскажи мнѣ еще разъ, какъ это было, Сергѣй!

Я повторилъ еще разъ все въ совершенной подробности. Когда дошло до того, что Настенька удаленіемъ своимъ надѣялась спасти дядю отъ Татьяны Ивановны, тотъ горько улыбнулся.

— Спаси! — сказалъ онъ, — спаси до завтрашняго утра!

— Но вы не хотите сказать, дядюшка, что женитесь на Татьянѣ Ивановнѣ? — вскричалъ я въ испугѣ.

— А чѣмъ же я и купилъ, чтобъ Настю не выгнали завтра? Завтра же дѣлаю предложеніе: формально обѣщался.

— И вы рѣшились, дядюшка?

— Что жъ дѣлать, братецъ, что жъ дѣлать! Это раздраетъ мнѣ сердце, но я рѣшился. Завтра предложеніе; свадьбу положили сыграть тихо, по-домашнему; оно, братъ, и лучше по-домашнему-то. Ты, пожалуй,

шаферомъ. Я ужь намекнулъ о тебѣ, такъ что они до времени никакъ тебя не прогонятъ. Что жь дѣлать, братецъ? Они говорятъ: «для дѣтей богатство!» Конечно, для дѣтей чего не сдѣлаешь? Вверхъ ногами вертѣться пойдешь, тѣмъ болѣе, что въ сущности, оно, пожалуй, и справедливо. Вѣдь долженъ же я хоть что-нибудь сдѣлать для семейства. Не все же тунеядцемъ сидѣть!

— Но, дядюшка, вѣдь она сумасшедшая! — вскричалъ я, забывшись, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Ну, ужь и сумасшедшая! Вовсе не сумасшедшая, а такъ, испытала, знаешь, несчастія... Что жь дѣлать, братецъ, и радъ бы съ умомъ... А впрочемъ. и съ умомъ-то какія бываютъ! А какая она добрая, если бъ ты зналъ, благородная какая!

— Но, Боже мой! Онъ ужь и мирится съ этой мыслью! — сказалъ я въ отчаяніи.

— А что жь и дѣлать-то, какъ не такъ? Вѣдь для моего же блага стараются, да и, наконецъ, ужь я предчувствовалъ, что, рано ли, поздно ли, а не отвертишься: заставятъ жениться. Такъ ужь лучше теперь, чѣмъ еще ссору изъ-за этого затѣвать. Я тебѣ, братъ Сережа, все откровенно скажу: я даже отчасти и радъ. Рѣшился, такъ ужь рѣшился, по крайней мѣрѣ, съ плечъ долой, — спокойнѣе какъ-то. Я, вотъ, и шелъ сюда почти совсѣмъ ужь спокойный. Такова ужь видно звѣзда моя! А главное, въ выигрышѣ то, что Настя при наеѣ остается. Я вѣдь и согласился съ этимъ условіемъ. А тутъ она сама бѣжать хочетъ! Да не будетъ же этого! — воскликнулъ дядя, топнувъ ногою. — Послушай, Сергѣй, — прибавилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ, — подожди меня здѣсь, нигуда не ходи; я мигомъ къ тебѣ ворочусь.

— Куда вы, дядюшка?

— Можетъ быть, я ее увижу, Сергѣй; все объ-

яснится, повѣрь, что все объяснится, и... и... женишься ты на ней — даю тебѣ честное слово!

Дядя быстро вышелъ изъ комнаты и повернулся въ садъ, а не къ дому. Я слѣдилъ за нимъ изъ окна.

XII

Катастрофа

Я остался одинъ. Положеніе мое было нестерпимое: мнѣ отказали, а дядя хотѣлъ женить меня чуть не насильно. Я сбивался и путался въ мысляхъ. Мизинчиковъ и его предложеніе не выходили у меня изъ головы. Во что бы то ни стало, дядю надо было спасти! Я даже думалъ пойти сыскать Мизинчикова и рассказать ему все. Но куда однакожъ пошелъ дядя? Онъ самъ сказалъ, что идетъ отыскивать Настеньку, а между тѣмъ повернулся въ садъ. Мысль о тайныхъ свиданіяхъ промелькнула въ моей головѣ, и пренепріятное чувство ущемило мое сердце. Я вспомнилъ слова Мизинчикова про тайную связь... Подумавъ съ минуту, я съ негодованіемъ отбросилъ всѣ мои подозрѣнія. Дядя не могъ обманывать: это очевидно. Безпокойство мое возрастало каждую минуту. Безсознательно вышелъ я на крыльцо и пошелъ въ глубину сада, по той самой аллеѣ, въ которой исчезъ дядя. Мѣсяцъ начиналъ всходить. Я зналъ этотъ садъ вдоль и поперекъ и не боялся заблудиться. Дойдя до старой бесѣдки, уединенно стоявшей на берегу одряхлѣвшаго, покрытаго тиной пруда, я вдругъ остановился, какъ вкопанный: мнѣ послышались въ бесѣдкѣ голоса. Не могу выразить, какое странное чувство досады овладѣло мною! Я былъ увѣренъ, что это дядя и Настенька, и продолжалъ подходить, успокаивая на всякій случай свою совѣсть тѣмъ, что иду прежнимъ шагомъ и не стараюсь подкрадываться. Вдругъ раздался ясно звукъ поцѣлуя, по-

томъ звуки какихъ-то одушевленныхъ словъ, и тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ — произительный женскій крикъ. Въ то же мгновеніе женщина въ бѣломъ платьѣ выбѣжала изъ бесѣдки и промелькнула мимо меня, какъ ласточка. Миѣ показалось даже, что она закрывала руками лицо, чтобъ не быть узнавшею: вѣроятно, меня замѣтили изъ бесѣдки. Но каково же было мое изумленіе, когда въ вышедшемъ вслѣдъ за испуганной дамой кавалерѣ я узналъ Обноскина, — Обноскина, который, по словамъ Мизинчикова, давно ужъ уѣхалъ! Съ своей стороны, и Обноскинъ, увидавъ меня, чрезвычайно смутился: все нахальство его исчезло.

— Извините меня, но... я никакъ не ожидалъ съ вами встрѣтиться, — проговорилъ онъ, улыбаясь и заикаясь.

— А я съ вами, — отвѣчалъ я насмѣшливо, — тѣмъ болѣе, что я слышалъ, вы ужъ уѣхали.

— Нѣтъ-съ... это такъ... я проводилъ недалеко маменьку. Но могу ли я обратиться къ вамъ, какъ къ благороднѣйшему человѣку въ мірѣ?

— Съ чѣмъ это?

— Есть случаи, — и вы сами согласитесь съ этимъ, — когда истинно благородный человѣкъ приужденъ обратиться ко всему благородству чувствъ другого, истинно благороднаго человѣка... Надѣюсь, вы понимаете меня...

— Не надѣйтесь: ничего рѣшительно не понимаю.

— Вы видѣли даму, которая находилась вмѣстѣ со мной въ бесѣдкѣ?

— Видѣлъ, но не узналъ.

— А, не узнали!... Эту даму я назову скоро моею женою.

— Поздравляю васъ. Но чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Только однимъ: сохранить глубочайшую тайну о томъ, что вы меня видѣли съ этой дамой.

«Кто жъ бы это? — подумалъ я, — ужъ не...»

— Право, не знаю-съ, — отвѣчалъ я Обноскину.
-- Надѣюсь, вы извините, что не могу дать вамъ слова...

— Нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, — умолялъ Обноскинъ. — Поймите мое положеніе: это секретъ. Вы тоже можете быть женихомъ: тогда и я, съ своей стороны...

— Тс! Кто-то идетъ!

— Гдѣ?

Дѣйствительно, шагахъ въ тридцати отъ насъ, чуть примѣтно, промелькнула тѣнь проходившаго человѣка.

— Это... это вѣрно Оома Оомичъ! — прошептала Обноскинъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. — Я узнаю его по походкѣ. Боже мой! И еще шаги, съ другой стороны! Слышите... Прощайте! Благодарю васъ и... умоляю васъ...

Обноскинъ скрылся. Черезъ минуту предо мной очутился дядя, какъ будто выросъ изъ-подъ земли.

— Это ты? — окликнулъ онъ меня. — Все пропало, Сережа, все пропало!

Я замѣтилъ, что онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что пропало, дядюшка?

— Пойдемъ! — сказалъ онъ, задыхаясь, и, крѣпко схвативъ меня за руку, потащилъ за собою. Но всю дорогу до флигеля онъ не сказалъ ни слова, не давалъ и мнѣ говорить. Я ожидалъ чего-нибудь сверхъестественнаго и почти не обманулъ. Когда мы вошли въ комнату, съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвый. Я немедленно sprysнулъ его водою. «Вѣроятно, случилось что-нибудь очень ужасное, думалъ я, когда съ такимъ человѣкомъ дѣлается обморокъ».

— Дядюшка, что съ вами? — спросилъ я его, наконецъ.

— Все пропало, Сережа! Оома засталъ меня въ

саду вмѣстѣ съ Настенькой въ ту самую минуту, когда я поцѣловалъ ее.

— Поцѣловали! Въ саду! — вскричалъ я, смотря въ изумленіи на дядю.

— Въ саду, братецъ. Богъ попуталъ! Пошелъ я, чтобъ непременно ее увидать. Хотѣлъ ей высказать, урезонить ее, насчетъ тебя, то-есть. А она меня ужъ цѣлый часъ дожидалась, тамъ, у сломанной скамейки, за прудомъ... Она туда часто приходитъ, когда надо поговорить со мной.

— Часто, дядюшка?

— Часто, братецъ! Последнее время почти каждую ночь сряду сходились. Только они насъ, вѣрно, и выслѣдили, — ужъ знаю, что выслѣдили, и знаю, что тутъ Анна Ниловна все работала. Мы на время и прервали; дня четыре ужъ ничего не было; а вотъ сегодня опять понадобилось. Самъ ты видѣлъ, какая нужда была: безъ этого какъ же бы я ей сказалъ? Прихожу, въ надеждѣ застать, а она ужъ тамъ цѣлый часъ сидитъ, меня дожидается: тоже надо было кое-что сообщить...

— Боже мой, какая неосторожность! Вѣдь вы знали, что за вами слѣдятъ?

— Да вѣдь критическій случай, Сережа; многое надо было взаимно сказать. Днемъ-то я и смотрѣть на нее не смѣю: она въ одинъ уголь, а я въ другой нарочно смотрю, какъ будто и не замѣчаю, что она есть на свѣтѣ. А ночью сойдемся, да и наговоримся...

— Ну, что жъ, дядюшка?

— Не успѣлъ я двухъ словъ сказать, знаешь, — сердце у меня заколотилось, изъ глазъ слезы выступили; сталъ я ее уговаривать, чтобъ за тебя вышла, — а сна мнѣ: «вѣрно вы меня не любите — вѣрно вы ничего не видите», и вдругъ какъ бросится мнѣ на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! «Я, говорить, одного васъ люблю и ни за кого не выйду. Я

вась ужъ давно люблю, только и за вась не выйду, а завтра же уѣду и въ монастырь пойду».

— Боже мой! Неужели она такъ и сказала? Ну, что жъ дальше, — дальше, дядюшка?

— Смотрю, а передъ нами Оома! И откуда онъ взялся? Неужели за кустомъ сидѣлъ да этого грѣха выжидалъ?

— Подлецъ!

— Я обмеръ, Настенька бѣжать, а Оома Оомичъ, молча, прошелъ мимо насъ, да пальцемъ мнѣ и погрозилъ, — понимаешь, Сергѣй, какой трезвонъ завтра будетъ?

— Ну, да ужъ какъ не понять!

— Понимаешь ли ты, — вскричалъ онъ въ отчаяніи, вскакивая со стула, — понимаешь ли ты, что они хотятъ ее погубить, осрамить, обезчестить; ищутъ предлога, чтобъ безчестіе на нее всклепать и за это выгнать ее; а вотъ теперь и нашелся предлогъ! Вѣдь они говорили, что она со мной гнусныя связи имѣетъ! Вѣдь они, подлецы, говорили, что она съ Видоплясовымъ имѣетъ! Это все Анна Ниловна говорила. Что теперь будетъ? Что завтра будетъ? Неужели расскажетъ Оома?

— Непремѣнно расскажетъ, дядюшка.

— А если расскажетъ, если только расскажетъ... — проговорилъ онъ, закусывая губы и сжимая кулаки, — но, нѣтъ, не вѣрю! Онъ не расскажетъ, онъ пойметъ... это человѣкъ высочайшаго благородства! Онъ пощадитъ ее...

— Пощадитъ иль не пощадитъ, — отвѣчалъ я рѣшительно, — но, во всякомъ случаѣ, ваша обязанность завтра же сдѣлать предложеніе Настасьѣ Евграфовнѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня неподвижно.

— Понимаете ли вы, дядюшка, что обезчестите дѣвушку, если разнесется эта исторія? Повимаете ли

вы, что вамъ надо предупредить бѣду какъ можно скорѣе; что вамъ надо смѣло и гордо посмотреть въ глаза, гласно сдѣлать предложеніе, плюнуть на ихъ резоны и стереть Оому въ порошокъ, если онъ заикнется противъ нея?

— Другъ мой! — вскричалъ дядя, — я объ этомъ думалъ, идя сюда!

— И какъ же рѣшили?

— Неизмѣнно! Я ужь рѣшился, прежде чѣмъ начать тебѣ разсказывать!

— Браво, дядюшка!

И я бросился обнимать его.

Долго мы говорили. Я выставилъ передъ нимъ всѣ резоны, всю неумолимую необходимость жениться на Настенькѣ, что, впрочемъ, онъ самъ понималъ еще лучше меня. Но краснорѣчіе мое было возбуждено. Я радовался за дядю. Долгъ подстрекать его, иначе бы онъ никогда не поднялся. Передъ долгомъ же, передъ обязанностию онъ благоговѣлъ. Но, несмотря на то, я рѣшительно не понималъ, какъ устроится это дѣло. Я зналъ и слѣпо вѣрилъ, что дядя ни за что не отступитъ отъ того, что разъ призналъ своею обязанностию; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобъ у него достало силы возстать противъ своихъ домашнихъ. И потому я старался какъ можно болѣе подстрекнуть и направить его, и работалъ со всею юношескою горячностью.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, — говорилъ я, — что теперь уже все рѣшено, и послѣднія сомнѣнія ваши исчезли! Случилось то, чего вы не ожидали, хотя въ сущности всѣ это видѣли и всѣ прежде васъ замѣтили: Настасья Евграфовна васъ любить! Неужели же вы попустите, — кричалъ я, — чтобъ эта чистая любовь обратилась для нея въ стыдъ и позоръ?

— Никогда! Но, другъ мой, неужели жь я буду, наконецъ, такъ счастливъ? — вскричалъ дядя, бросаясь ко мнѣ на шею. — И какъ это она полюбила меня,

и за что? за что? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего такого... Я старикъ передъ нею: вотъ ужъ не ожидалъ-то! Ангелъ мой, ангелъ!.. Слушай, Сѣрежа, давеча ты спрашивалъ, не влюбленъ ли я въ нее: имѣлъ ли ты какую-нибудь идею?

— Я видѣлъ только, дядюшка, что вы ее любите такъ, какъ больше любить нельзя: любите и, между тѣмъ, сами про это не знаете. Помилуйте! Выписываете меня, хотите женить меня на ней, единственно для того, чтобъ она вамъ стала племянницей и чтобъ имѣть ее всегда при себѣ...

— А ты... а ты прощаешь меня, Сергѣй?

— Э, дядюшка!..

И онъ снова обнялъ меня.

— Смотрите же, дядюшка, всѣ противъ васъ: надо возстать и пойти противъ всѣхъ, и не далѣе какъ завтра.

— Да... да, завтра! — повторилъ онъ нѣсколько задумчиво, — и, знаешь, примемся за дѣло съ мужествомъ, съ истиннымъ благородствомъ души, съ силой характера... именно съ силой характера!

— Не сробѣйте, дядюшка!

— Не сробѣю, Сѣрежа! Одно: не знаю, какъ начать, какъ приступить!

— Не думайте объ этомъ, дядюшка. Завтрашній день все рѣшить. Успокойтесь сегодня. Чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. А если Оома заговорить — немедленно его выгнать изъ дому и стереть его въ порошокъ.

— А нельзя ли не выгонять? Я, братъ, такъ рѣшилъ: завтра же пойду къ нему рано, чѣмъ свѣтъ, все расскажу, вотъ какъ съ тобой говорилъ: не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ меня, онъ благороденъ, онъ благороднѣйшій изъ людей! Но вотъ что меня беспокоитъ: что, если маменька предувѣдомила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнемъ предложении? Вѣдь это ужъ худо!

— Не беспокойтесь о Татьянѣ Ивановнѣ, дядюшка.

И я рассказалъ ему сцену въ бесѣдкѣ съ Обноскинымъ. Дядя былъ въ чрезвычайномъ удивленіи. Я ни слова не упомянулъ о Мизинчиковѣ.

— Фантасмагорическое лицо! Истинно-фантастическое лицо! — вскричалъ онъ. — Бѣдная! Они подѣзжаютъ къ ней, хотѣтъ воспользоваться ею простою! Неужели Обноскинъ? Да вѣдь онъ же уѣхалъ... Странно, ужасно странно! Я пораженъ, Сережа... Это завтра же надо изслѣдовать и принять мѣры... Но увѣренъ ли ты совершенно, что это была Татьяна Ивановна!

Я отвѣчалъ, что хотя и не видалъ въ лицо, но по нѣкоторымъ причинамъ, совершенно увѣренъ, что это Татьяна Ивановна.

— Гм! Не интрижка ли съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ, а тебѣ показалось, что Татьяна Ивановна? Не Даша ли, садовника дочь? Пролазливая дѣвочка! Замѣчена, потому и говорю, что замѣчена! Анна Ниловна выслѣдила!.. Да нѣтъ же, однако! Вѣдь онъ говорилъ, что жениться хочетъ. Странно, странно!

Наконецъ, мы разстались. Я обнялъ и благословилъ дядю. «Завтра, завтра, — повторилъ онъ, — все рѣшится, — прежде чѣмъ ты встанешь, рѣшится. Пойду къ Томѣ и поступлю съ нимъ по-рыцарски, открою ему все, какъ родному брату, всѣ изгибы сердца, всю внутренность. Прощай, Сережа. Ложись, ты усталъ; а я ужъ вѣрно во всю ночь глазъ не сомкну».

Онъ ушелъ. Я тотчасъ же легъ, усталый и измученный донельзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и прежде чѣмъ заснуть, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ ко сну, все-таки

странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ

I

Погоня

Я спалъ крѣпко, безъ сновъ. Вдругъ я почувствовалъ, что на мои ноги налегла десятипудовая тяжесть. Я вскрикнулъ и проснулся. Былъ уже день; въ окна ярко заглядывало солнце. На кровати моей, или, лучше сказать, на моихъ ногахъ, сидѣлъ гѣспѣдинъ Бахчеевъ.

Сомнѣваться было невозможно: это былъ онъ. Высвободивъ кое-какъ ноги, я приподнялся на постели и смотрѣлъ на него съ тупымъ недоумѣніемъ едва проснувшася челоуѣка.

— Онъ еще и смотритъ! — вскричалъ толстякъ. — Да ты что на меня уставился? Вставай, батюшка, вставай! Полчаса бужу; продирай глаза-то!

— Да что случилось? Который часъ?

— Часъ, батюшка, еще ранній, а Оевронья-то наша и свѣту не дождалась, улепетнула. Вставай, въ погоню ѣдемъ!

— Какая Оевронья?

— Да наша-то, блаженная-то! Улепетнула! Еще до свѣту улепетнула! Я къ вамъ, батюшка, на минутку, только васъ разбудить, да вотъ и возись съ тобой два часа! Вставайте, батюшка, васъ и дядушка ждетъ. Дождались праздника! — прибавилъ онъ съ какимъ-то злораднымъ раздраженіемъ въ голосъ.

— Да про кого и про что вы говорите? — сказалъ я съ нетерпѣніемъ, начиная, впрочемъ, догадываться. — Ужъ не Татьяна ль Ивановна?

— А какъ же? Она и есть! Я говорилъ, предре-
калъ — не хотѣли слушать! Вотъ она тебя и поздра-
вила теперь съ праздникомъ! На амурѣ помѣшана, а
амуръ-то у нея крѣпко въ головѣ засѣлъ! Тьфу! А
тотъ-то, тотъ-то каковъ? Съ бороденкой-то?

— Неужели съ Мизиичиковымъ!

— Тьфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри
глаза-то, отрезвись хоть для великаго Божьяго празд-
ника! Знать, тебя еще за ужиномъ вчера укачало,
коли теперь еще бродить! Съ какимъ Мизиичиковымъ?
Съ Обноскинымъ, а не съ Мизиичиковымъ. А Иванъ
Ивановичъ Мизиичиковъ человекъ благоправный и те-
перь-съ нами же въ погоню собирается.

— Что вы говорите? — вскричалъ я, даже
привскакнувъ на постели, — неужели съ Обноски-
нымъ?

— Тьфу ты, досадный человекъ! — отвѣчалъ
толстякъ, вскакивая съ мѣста, — я къ нему, какъ къ
образованному человекъ, пришелъ оказію сообщить, а
онъ еще сомнѣвается! Ну, батюшка, если хочешь съ
нами, такъ вставай, напяливай свои штанишки, а мнѣ
нечего съ тобой языкомъ стучать: и безъ того золо-
тое время съ тобой потерялъ!

И онъ вышелъ въ чрезвычайномъ негодованіи.

Пораженный извѣстіемъ, я вскочилъ съ кровати,
поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ. Думая отыскать
дядю въ домѣ, гдѣ, казалось, всѣ еще спали и ничего
не знали о происшедшемъ, я осторожно поднялся на
парадное крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтилъ Настеньку.
Одѣта она была наскоро, въ какомъ-то утреннемъ
пеньюарѣ или шлафрокѣ. Волосы ея были въ беспорядкѣ:
видно было, что она только что вскочила съ постели
и какъ будто поджидала кого-то въ сѣняхъ.

— Скажите, правда ли, что Татьяна Ивановна
уѣхала съ Обноскинымъ? — торопливо спросила она
прерывающимся голосомъ, блѣдная и испуганная.

— Говорятъ, что правда. Я ищу дядюшку; мы хотимъ въ погоню.

— О! привезите, привезите ее скорѣе! Она погибнетъ, если вы ее не воротите.

— Но гдѣ же дядюшка?

— Вѣрно тамъ, у конюшенъ; тамъ коляску закладываютъ. Я его здѣсь поджидала. Послушайте, скажите ему отъ меня, что я непременно хочу ѣхать сегодня же; я совсѣмъ рѣшилась. Отецъ возьметъ меня; я ѣду сейчасъ, если можно будетъ. Все погибло теперь! Все потеряно!

Говоря это, она сама глядѣла на меня, какъ потерянная, и вдругъ залилась слезами. Съ ней, кажется, начиналась истерика.

— Успокойтесь! — умолялъ я ее, — вѣдь это все къ лучшему — вы увидите... Что съ вами, Настасья Евграфовна?

— Я... я не знаю... что со мною, — говорила она, задыхаясь и бессознательно сжимая мои руки. — Скажите ему...

Въ эту минуту за дверью направо раздался какой-то шумъ.

Она бросила мою руку и, испуганная, не договоривъ, убѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Я нашелъ всю компанію, то-есть дядю, Бахчеева и Мизипчикова, на заднемъ дворѣ, у конюшенъ. Въ коляску Бахчеева впрягали свѣжихъ лошадей. Все было готово къ отъѣзду: ждали только меня.

— Вотъ и онъ, — закричалъ дядя при моемъ появленіи. — Слышалъ, братъ? — прибавилъ онъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Испугъ, растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто надежда выражались въ его взглядахъ, голосѣ и движеніяхъ. Онъ сознавалъ, что въ судьбѣ его совершился капитальный переворотъ.

Тотчасъ же посвятили меня во всѣ подробности.

Господинъ Бахчеевъ, проведя самую скверную ночь, на разсвѣтъ выѣхалъ изъ своего дома, чтобъ поспѣть къ ранней обѣдѣ въ монастырь, находящійся верстахъ въ пяти отъ его деревни. На самомъ поворотѣ съ большой дороги въ обитель онъ вдругъ увидѣлъ тарантасъ, мчавшійся во всю прыть, а въ тарантасѣ Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и какъ будто испуганная, вскрикнула и протянула къ господину Бахчееву руки, какъ бы умоляя его о защитѣ, — такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его разсказа: «А тотъ-то, подлець, съ бородежкой-то, — прибавлялъ онъ, — ни живъ, ни мертвъ сидитъ, спрятался; да только врешь, братъ, не спрячешься!» Долго не думая, Степанъ Алексѣевичъ повернулъ опять на дорогу и прискакалъ въ Степанчиково, разбудилъ дядю, Мизинчикова, наконецъ, и меня. Рѣшили тотчасъ же пуститься въ погоню.

— Обноскинъ-то, Обноскинъ-то... — говорилъ дядя, пристально смотря на меня, какъ будто желая сказать мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то другое, — кто бы могъ ожидать!

— Отъ этого низкаго человѣка всегда можно было ожидать всякой пакости! — вскричалъ Мизинчиковъ съ самымъ энергическимъ негодованіемъ и тотчасъ же отвернулся, избѣгая моего взгляда.

— Что же мы, ѣдемъ иль нѣтъ? Али до ночи будемъ стоять да сказки разсказывать? — перервалъ господинъ Бахчеевъ, влѣзая въ коляску.

— ѣдемъ, ѣдемъ! — подхватилъ дядя.

— Все къ лучшему, дядюшка, — шепнулъ я ему. — Видите, какъ все это теперь отлично уладилось?

— Полно, братъ, не грѣши... Ахъ, другъ мой! Они теперь просто выгоняютъ ее, въ наказанье, что не удалось — понимаешь? Ужасъ, сколько я предчувствую!

— Да что жъ, Егоръ Ильичъ, шептаться аль

ѣхать? — вскричалъ въ другой разъ господинъ Бахчеевъ. — Аль ужъ отложить лошадокъ, да закуску подать — какъ вы думаете: не выпить ли водочки?

Слова эти были произнесены съ такимъ яростнымъ сарказмомъ, что не было никакой возможности не удовлетворить тотчасъ же господина Бахчеева. Всѣ немедленно сѣли въ коляску, и лошади поскакали.

Нѣкоторое время мы всѣ молчали. Дядя значительно посматривалъ на меня, но говорить со мной при всѣхъ не хотѣлъ. Онъ часто задумывался; потомъ, какъ будто пробуждаясь, вздрагивалъ и въ волненіи осматривался кругомъ. Мизинчиковъ былъ, повидимому, спокоенъ, курилъ сигару и смотрѣлъ съ достоинствомъ несправедливо обиженнаго человѣка. Зато Бахчеевъ горячился за всѣхъ. Онъ ворчалъ себѣ подъ носъ, глядѣлъ на всѣхъ и на все съ рѣшительнымъ негодованіемъ, краснѣлъ, пыхтѣлъ, безпрерывно плевалъ на сторону и никакъ не могъ успокоиться.

— Увѣрены ли вы, Степанъ Алексѣичъ, что они поѣхали въ Мишино? — спросилъ вдругъ дядя. — Это, братъ, двадцать верстъ отсюда, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — маленькая деревенька, въ тридцать душъ; недавно пріобрѣтена отъ прежнихъ владѣльцевъ однимъ бывшимъ губернскимъ чиновникомъ. Сутяга, какихъ свѣтъ не производилъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорятъ; можетъ быть, и ошибочно. Степанъ Алексѣичъ увѣряетъ, что Обноскинъ именно туда ѣхалъ и что этотъ чиновникъ теперь ему помогаетъ.

— А то какъ же? — вскричалъ Бахчеевъ, встрепенувшись. — Ужъ я говорю, что въ Мишино. Только теперь его въ Мишинѣ-то можетъ ужъ Митькой звали, Обноскина-то! Еще бы три часа на дворѣ попусту прокалякали!

— Не безпокойтесь, — замѣтилъ Мизинчиковъ, — застанемъ.

— Да, застанемъ! Небось, онъ тебя дожидаться будетъ. Шкатулка-то въ рукахъ; быть да сплыть.

— Успокойся, Степанъ Алексѣвичъ, успокойся, догонимъ, — сказала дядя. — Они еще ничего не успѣли сдѣлать, — увидишь, что такъ.

— Не успѣли сдѣлать! — злобно переговорилъ г-нъ Бахчевевъ. — Чего она не успѣетъ надѣлать, даромъ что тихонькая! «Тихонькая, говорятъ, тихонькая!» прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, какъ будто кого-то передразнивая. — «Испытала несчастья». Вотъ она намъ теперь пятки и показала, несчастная-то! Вотъ и гонаяся за ней по большимъ дорогамъ, высуня языкъ, ни свѣтъ, ни заря! Помолиться человѣку не дадутъ для Божьяго праздника. Тьфу!

— Да вѣдь она, однакожь, не малолѣтняя, — замѣтилъ я, — подъ опекой не состоитъ. Воротить ее нельзя, если сама не захочетъ. Какъ же мы будемъ?

— Разумѣется, — отвѣчалъ дядя, — но она захочетъ — увѣрю тебя. Это она теперь только такъ . . . Только увидитъ насъ, тотчасъ воротится, — отвѣчаю. Нельзя же, братъ, оставить ее такъ, на произволь судьбы, въ жертву; это, такъ сказать, долгъ . . .

— Подъ опекой не состоитъ! — вскрикнулъ Бахчевевъ, немедленно на меня накидываясь. — Дура она, батюшка, набитая дура, — а не то что подъ опекой не состоитъ. Я тебѣ о ней и говорить не хотѣлъ вчера, а наемни ошибкой зашелъ въ ея комнату, смотрю, а она одна передъ зеркаломъ руки въ боки, экосезъ выплясываетъ! Да вѣдь какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ! Плюнулъ, да и отошелъ. Тогда же все предузналъ, какъ по-писанному!

— Къ чему жъ такъ обвинять? — замѣтилъ я съ нѣкоторою робостью. — Извѣстно, что Татьяна Ивановна . . . не въ полномъ своемъ здоровьѣ . . . или, лучше сказать, у ней такая манія . . . Мнѣ кажется, виновать одинъ Обноскинъ, а не она.

— Не въ полномъ своемъ здоровьѣ! Ну вотъ по-дите вы съ нимъ! — подхватилъ толстякъ, весь побагровѣвъ отъ злости. — Вѣдь поклялся же бѣснѣть человѣка! Со вчерашняго дня клятву такую далъ! Дура она, отецъ мой, повторяю тебѣ, капитальная дура, а не то, что не въ полномъ своемъ здоровьѣ; сызма-лѣтства на купидонѣ помѣшана! Вотъ и довелъ ее теперь купидонъ до послѣдней точки. А про того, съ бородежкой-то, и поминать нечего! Небось, заду-ваетъ теперь по всѣмъ по тремъ, съ денежками, динь-динь-динь, да посмѣивается.

— Такъ неужели же вы, въ самомъ дѣлѣ, ду-маете, что опъ тотчасъ и бросить ее?

— А то какъ же? Небось таскать съ собой ста-нетъ такое сокровище? Да на что она ему? Оберегъ ее, да и посадить гдѣ-нибудь подъ кустъ, на дорогѣ — и былъ таковъ, а она и сиди себѣ подъ кустомъ да нюхай цвѣточки!

— Ну, ужъ это ты увлекся, Степанъ, не такъ это будетъ! — вскричалъ дядя. — Впрочемъ, чего жъ ты такъ сердисься? Дивлюсь я на тебя, Степанъ, тебѣ-то чего?

— Да вѣдь я человѣкъ али нѣтъ? Вѣдь зло бе-ретъ; вчужѣ беретъ. Вѣдь я, можетъ, ее же любя говорю... Эхъ, прокисай все на свѣтѣ! Ну, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Ну, зачѣмъ я сворачивалъ? Мнѣ-то какое дѣло? Мнѣ-то какое дѣло?

Такъ сѣтовалъ г-нъ Бахчевъ; но я уже не слу-шалъ его и задумался о той, которую мы теперь до-гоняли — о Татьянѣ Ивановнѣ. Вотъ краткая ея біографія, собранная мною впоследствии по самымъ вѣр-нѣйшимъ источникамъ, и которая необходима для по-ясненія ея приключеній. Бѣдный ребенокъ-сиротка, вы-росшій въ чужомъ, негостепріимномъ домѣ, потомъ бѣд-ная дѣвушка, потомъ бѣдная дѣва и, наконецъ, бѣдная перезрѣлая дѣва, Татьяна Ивановна, во всю свою бѣд-

ную жизнь, испила полную до краевъ чашу горя, сиротства, униженій, попрековъ и вполиѣ извѣдала всю горечь чужого хлѣба. Отъ природы характера веселаго, воспріимчиваго въ высшей степени и легкомысленнаго, она въ началѣ кое-какъ еще переносила свою горькую участь и даже могла подчасъ и смѣяться самымъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ; но съ годами судьба взяла, наконецъ, свое. Мало-по-малу Татьяна Ивановна стала желтѣть и худѣть, сдѣлалась раздражительна, болѣзненно-воспріимчива и впала въ самую неограниченную, безпредѣльную мечтательность, часто прерываемую истерическими слезами, судорожными рыданіями. Чѣмъ менѣе благъ земныхъ оставляла ей на долю дѣйствительность, тѣмъ болѣе она обольщала и утѣшала себя воображеніемъ. Чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ безвозвратнѣе гибли и, наконецъ, погибли совѣмъ послѣднія существенныя надежды ея, тѣмъ упительнѣе становились ея мечты, никогда не осуществимыя. Богатства неслыханныя, красота неувыдаемая, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральскія дѣти, сохранившіе для нея свои сердца въ дѣвственной чистотѣ и умирающіе у ногъ ея отъ безпредѣльной любви и, наконецъ, онъ — онъ, идеаль красоты, совмѣщавшій въ себѣ всевозможныя совершенства, страстный и любящій, художникъ, поэтъ, генеральскій сынъ — все вмѣстѣ, или поочередно, все это начинало ей представляться не только во снѣ, но даже почти и наяву. Разсудокъ ея уже начиналъ слабѣть и не выдерживать пріемовъ этого опіума таинственныхъ, непрерывныхъ мечтаній. . . И вдругъ судьба подшутила надъ ней окончательно. Въ самой послѣдней степени униженія, среди самой грустной, подавляющей сердце дѣйствительности, въ компаньонкахъ у одной старой, беззубой и брюзгливѣйшей барыни въ мірѣ, виноватая во всемъ, упрекаемая за каждый кусокъ хлѣба, за каждую тряпку изношенную, обиженная первымъ желающимъ, не защи-

щенная никѣмъ, измученная горемычнымъ житьемъ своимъ и, про себя, утопающая въ пѣгѣ самыхъ безумныхъ и распаленныхъ фантазій, — она вдругъ получила извѣстіе о смерти одного своего дальняго родственника, у котораго, давно уже (о чемъ она, по легкомыслію своему, никогда не справлялась) перемерли всѣ его близкіе родные, человѣка страннаго, жившаго затворникомъ, гдѣ-то за тридевять земель, въ захолустьи, одиноко, угрюмо, неслышно, и занимавшагося черепословіемъ и ростовщичествомъ. И вотъ, огромное богатство вдругъ, какъ бы чудомъ, упало съ неба и рассыпалось золотою розсыпью у ногъ Татьяны Ивановны: она оказалась единственной наслѣдницей умершаго родственника. Сто тысячъ рублей серебромъ достались ей разомъ. Эта насмѣшка судьбы доконала ее совершенно. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, и безъ того уже ослабѣвшему разсудку не повѣрять мечтамъ, когда онѣ въ самомъ дѣлѣ начинали сбываться. И вотъ бѣднjacka окончательно распростилась съ оставшейся у ней послѣдней капелькой здраваго смысла. Замирая отъ счастья, она безвозвратно унеслась въ свой очаровательный міръ невозможныхъ фантазій и соблазнительныхъ призраковъ. Прочь всѣ соображенія, всѣ сомнѣнія, всѣ преграды дѣйствительности, всѣ неизбежные и ясные, какъ дважды два, законы ея. Тридцать пять лѣтъ и мечта объ ослѣпляющей красотѣ, осенній грустный холодъ и вся роскошь безконечнаго блаженства любви, даже не споря между собою, — ужились въ ея существѣ. Мечты уже осуществились разъ въ жизни: отчего же и всему не сбываться? Отчего же и *ему* не явиться? Татьяна Ивановна не разсуждала, а вѣрила. Но въ ожиданіи *его*, идеала — жениха и кавалера разныхъ орденовъ, и простые кавалеры, военные и статскіе, армейскіе и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшіе въ Парижѣ и бывшіе только въ Москвѣ; съ бородами и безъ бородокъ, съ зспаньол-

ками и безъ эспаньолокъ, испанцы и не испанцы (по преимущественно испанцы), начали представляться ей день и ночь, въ количествѣ ужасающемъ и возбуждавшемъ въ наблюдателяхъ серьезныя опасенія; оставался только шагъ до желтаго дома. Блестящею, упоенною любовью вереницей толпились около нея всѣ эти прекрасныя призраки. Наяву, въ настоящей жизни, дѣло шло тѣмъ же самымъ фантастическимъ порядкомъ: на кого она ни взглянетъ — тотъ и влюбился; кто бы ни прошелъ мимо — тотъ и испанецъ; кто умеръ — непременно отъ любви къ ней. Все это, какъ нарочно, подтверждалось въ ея глазахъ еще и тѣмъ, что за ней, въ самомъ дѣлѣ, начали бѣгать такіе, напримѣръ, люди, какъ Обноскинъ, Мизиичиковъ и десятки другихъ, съ тѣми же цѣлями. Ей вдругъ стали всѣ угождать, стали баловать ее, стали ей льстить. Бѣдная Татьяна Ивановна и подозрѣвать не хотѣла, что все это изъ-за денегъ. Она совершенно была увѣрена, что, по чьему-то мановенію, всѣ люди вдругъ исправились и стали всѣ до одного веселые, милые, ласковые, добрые. Онъ не являлся еще налицо; но хотя и сомнѣнія не было въ томъ, что онъ явится, теперешняя жизнь и безъ того была такъ недурна, такъ заманчива, такъ полна всякихъ развлеченій и угощеній, что можно было и подождать. Татьяна Ивановна кушала конфекты, срывала цвѣты удовольствія, читала романы. Романы еще болѣе распаляли ея воображеніе и бросались обыкновенно на второй страницѣ. Она не выносила далѣе чтенья, увлекаемая въ мечты самыми первыми строчками, самымъ ничтожнымъ намекомъ на любовь, иногда просто описаніемъ мѣстности, комнаты, туалета. Безпрерывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, наколки, ленты, образчики, выкройки, узоры, конфекты, цвѣты, собачонки. Три дѣвушки въ дѣвичьей проводили цѣлые дни за шитьемъ, а барышня съ утра до ночи, и даже ночью, примѣрляла

свои лифы, оборки и вертѣлась передъ зеркаломъ. Она даже какъ-то помолодѣла и похорошѣла послѣ наслѣдства. До сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ она приходилась сродни покойному Крахоткину. Я всегда былъ увѣренъ, что это родство — выдумка генеральши, желавшей овладѣть Татьяной Ивановной и, во что бы ни стало, женить дядю на ея деньгахъ. Господинъ Бахчевевъ былъ правъ, говоря о купидонѣ, доведшемъ Татьяну Ивановну до послѣдней точки; а мысль дяди, послѣ извѣстія о ея побѣгѣ съ Обноскинымъ, бѣжать за ней и воротить ее, хоть насильно, была самая рациональная. Бѣдняжка не способна была жить безъ опеки и тотчасъ же погибла бы, если бъ попалась къ недобрымъ людямъ.

Былъ часъ десятый, когда мы приѣхали въ Мишино. Это была бѣдная, маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стоявшая въ какой-то ямѣ. Шестъ или семь крестьянскихъ избъ, закоптѣлыхъ, покривившихся на бокъ и едва прикрытыхъ почерпѣвшею соломой, какъ-то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракета свѣсилась и дремала надъ зеленоватой лужей, называвшейся прудомъ. Такое новоселье, вѣроятно, не могло произвести отраднаго впечатлѣнія на Татьяну Ивановну. Барская усадьба состояла изъ новаго, длиннаго и узкаго сруба, съ шестью окнами въ рядъ и крытаго, на скорую руку, соломой. Чиновникъ-помѣщикъ только-что начиналъ хозяйничать. Даже дворъ еще не былъ огороженъ заборомъ, и только съ одной стороны начинался новый плетень, съ котораго еще не успѣли осыпаться высохшіе орѣховые листья. У плетня стоялъ тарантасъ Обноскина. Мы упали на виноватыхъ, какъ снѣгъ на голову. Изъ раскрытаго окна слышались крики и плачь.

Встрѣтившійся намъ въ сѣняхъ босоногій маль-

чикъ ударился отъ насъ бѣжать, стоя голову. Въ первой же комнатѣ, на ситцевомъ, длинномъ «турецкомъ» диванѣ, безъ спинки, воссѣдала заплаканная Татьяна Ивановна. Увидѣвъ насъ, она взвизгнула и закрылась ручками. Возлѣ нея стоялъ Обноскинъ, испуганный и сконфуженный до жалости. Онъ до того потерялся, что бросился пожимать намъ руки, какъ будто обрадовавшись нашему пріѣзду. Изъ-за пріотворенной въ другую комнату двери выглядывало чье-то дамское платье: кто-то подслушивалъ и подглядывалъ въ незамѣтную для насъ щелочку. Хозяева не явились: казалось, ихъ и въ домѣ не было: всѣ куда-то спрятались.

— Вотъ она, путешественница! Еще и ручками закрывается! — вскричалъ господинъ Бахчевевъ, вваливаясь за нами въ комнату.

— Остановите вашъ восторгъ, Степанъ Алексѣевичъ! Это, наконецъ, неприлично. Имѣеть право теперь говорить одинъ только Егоръ Ильичъ, а мы здѣсь совершенно посторонніе, — рѣзко замѣтилъ Мизинчиковъ.

Дядя, бросивъ строгій взглядъ на господина Бахчевева и какъ будто совсѣмъ не замѣчая Обноскина, бросившагося къ нему съ рукопожатіями, подошелъ къ Татьянѣ Ивановнѣ, все еще закрывавшейся ручками, и самымъ мягкимъ голосомъ, съ самымъ непритворнымъ участіемъ, сказалъ ей:

— Татьяна Ивановна! Мы всѣ такъ любимъ и уважаемъ васъ, что сами пріѣхали узнать о вашихъ намѣреніяхъ. Угодно вамъ будетъ ѣхать съ нами въ Степанчиково? Илюша именинникъ. Маменька васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а Сашурка съ Настей ужъ вѣрно проплакали о васъ цѣлое утро...

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрѣла на него сквозь пальцы и, вдругъ залившись слезами, бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, увезите, увезите меня отсюда скорѣе! — говорила она, рыдая, — скорѣе, какъ можно скорѣе!

— Разскакалась, да и сбрендила! — прошипѣлъ Бахчевевъ, подталкивая меня рукою.

— Значить, все кончено, — сказалъ дядя, сухо обращаясь къ Обноскину и почти не глядя на него. — Татьяна Ивановна, пожалуйте вашу руку. Ёдемъ!

За дверями послышался шорохъ; дверь скрипнула и пріотворилась еще болѣе.

— Однакожь, если судить съ другой точки зрѣнія, — замѣтилъ Обноскинъ, съ безпокойствомъ поглядывая на пріотворенную дверь, — то посудите сами, Егоръ Ильичъ . . . вашъ поступокъ въ моемъ домѣ . . . и, наконецъ, я вамъ кланяюсь, а вы даже не хотѣли миѣ и поклониться, Егоръ Ильичъ . . .

— Вашъ поступокъ въ *моемъ* домѣ, сударь, былъ скверный поступокъ, — отвѣчалъ дядя, строго взглянувъ на Обноскина, — а это и домъ-то не вашъ. Вы слышали: Татьяна Ивановна не хочетъ оставаться здѣсь ни минуты. Чего же вамъ болѣе? Ни слова — слышите, ни слова больше, прошу васъ! Я чрезвычайно желаю избѣжать дальнѣйшихъ объясненій, да и вамъ это будетъ выгодноѣе.

Но тутъ Обноскинъ до того упалъ духомъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни.

— Не презирайте меня, Егоръ Ильичъ, — началъ онъ полушопотомъ, чуть не плача отъ стыда и поминутно оглядываясь на дверь, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ тамъ не услышали, — это все не я, а маменька. Я не изъ интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ; я только такъ это сдѣлалъ; я, конечно, и для интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ . . . но я съ благородною цѣлью это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ, я бы употребилъ съ пользою капиталъ-съ . . . я бы помогалъ бѣднымъ. Я хотѣлъ тоже способствовать движенію современнаго просвѣщенія и мечталъ даже учредить стипендію въ уни-

верситетъ . . . Вотъ какой оборотъ я хотѣлъ дать моему богатству, Егоръ Ильичъ ; а не то чтобъ что-нибудь, Егоръ Ильичъ . . .

Всѣмъ намъ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно совѣстно. Даже Мизинчиковъ покраснѣлъ и отвернулся, а дядя такъ сконфузился, что ужъ не знаетъ что и сказать.

— Ну, ну, полно, полно! — проговорилъ онъ, наконецъ. — Успокойся, Павелъ Семенычъ. Что жъ дѣлать! Со всякимъ случается . . . Если хочешь, приѣзжай, братъ, обѣдать . . . а я радъ, радъ . . .

Но не такъ поступилъ господинъ Бахчевевъ.

— Стинендію учредить! — заревѣлъ онъ съ яростью, — таковскій, чтобъ учредилъ! Небось, самъ радъ сорвать со всякаго встрѣчнаго . . . Штанишекъ нѣтъ, а туда же, въ стинендію какую-то лѣзеть! Ахъ ты лоскутникъ, лоскутникъ! Вотъ тебѣ и покорилъ нѣжное сердце! А гдѣ жъ она, родительница-то? Али спряталась? Не я буду, если не сидитъ гдѣ-нибудь тамъ, за ширмами, — али подъ кровать, со страха, залѣзла . . .

— Степаяъ, Степанъ! . . — закричалъ дядя.

Обноскинъ вспыхнулъ и готовился было протестовать; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дверь отворилась, и сама Анфиса Петровна, раздраженная, съ сверкавшими глазами, покраснѣвшая отъ злости, влетѣла въ комнату.

— Это что? — закричала она, — что это здѣсь происходитъ? Вы, Егоръ Ильичъ, врываетесь въ благородный домъ съ своей ватагой, пугаете дамъ, распоряжаетесь! . . Да на что это похоже? Я еще не выжила изъ ума, слава Богу, Егоръ Ильичъ! А ты, пентюхъ! — продолжала она вопить, набрасываясь на сына, — ты ужъ и нюни распустилъ передъ ними! Твоей матери дѣлаютъ оскорбленіе въ ея же домѣ, а ты ротъ разинулъ!

Какой ты порядочный молодой человекъ послѣ этого? Ты тряпка, а не молодой человекъ послѣ этого!

Ни вчерашняго нѣжничанья, ни модничанья, ни даже лорнетки — ничего этого не было теперь у Анфисы Петровны. Это была настоящая фурія, фурія безъ маски.

Дядя, едва только увидѣлъ ее, поспѣшилъ схватить подъ руку Татьяну Ивановну и бросился было изъ комнаты; но Анфиса Петровна тотчасъ же перегородила ему дорогу.

— Вы такъ не выйдете, Егоръ Ильичъ! — за-
трещала она снова. — По какому праву вы уводите
силой Татьяну Ивановну? Вамъ досадно, что она избѣ-
жала вашихъ гнусныхъ сѣтей, которыми вы опутали
ее вмѣстѣ съ вашей маменькой и съ дуракомъ Омою
Оомичомъ! Вамъ хотѣлось бы самому жениться изъ
гнуснаго интереса. Извините-съ, здѣсь благороднѣе ду-
маютъ! Татьяна Ивановна, видя, что противъ нея у
васъ замышляютъ, что ее губятъ, сама ввѣрилась Пав-
лушѣ. Она сама просила его, такъ сказать, спасти
ее отъ вашихъ сѣтей; она принуждена была бѣжать
отъ васъ ночью — вотъ какъ-съ! Вотъ вы до чего
ее довели! Такъ ли, Татьяна Ивановна? А если такъ,
то какъ смѣете вы врываться, цѣлой шайкой, въ благо-
родный дворянскій домъ и силою увозить благородную
дѣвицу, несмотря на ея крики и слезы? Я не позволю!
Не позволю! Я не сошла съ ума! . . . Татьяна Ивановна
останется, потому такъ хочетъ! Пойдемте, Татьяна
Ивановна, нечего ихъ слушать: это враги ваши, а не
друзья! Не робѣйте, пойдемте! Я ихъ тотчасъ же
провожаю! . . .

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричала испуганная Татъя-
на Ивановна, — я не хочу, не хочу! Какой онъ мужъ?
Я не хочу выходить замужъ за вашего сына! Какой
онъ мнѣ мужъ?

— Не хотите? — взвизгнула Анфиса Петровна,

задыхаясь отъ злости, — не хотите? Пріѣхали, да и не хотите? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обманывать насъ? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обѣщать ему, бѣжали съ нимъ ночью, сами навязывались, ввели насъ въ недоумѣніе, въ расходу? Мой сынъ, можетъ быть, благородную партію потерялъ изъ-за васъ!.. Опъ, можетъ быть, десятки тысячъ приданаго потерялъ изъ-за васъ!.. Нѣтъ-съ! Вы заплатите, вы должны теперь заплатить; мы доказательства имѣемъ: вы ночью бѣжали!..

Но мы не дослушали этой тирады. Всѣ разомъ, сгруппировавшись около дяди, мы двинулись впередъ, прямо на Анфису Петровну, и вышли на крыльцо. Тотчасъ же подали коляску.

— Такъ дѣлаютъ одни только безчестные люди, одни подлецы! — кричала Анфиса Петровна съ крыльца, въ совершенномъ изступленіи. — Я бумагу подамъ! Вы заплатите... вы ѣдете въ безчестный домъ, Татьяна Ивановна! Вы не можете выйти замужъ за Егора Ильича; онъ, подъ носомъ у васъ, держитъ свою гувернантку на содержаніи!..

Дядя задрожалъ, поблѣднѣлъ, закусилъ губу и бросился усаживать Татьяну Ивановну. Я зашелъ съ другой стороны коляски и ждалъ своей очереди садиться, какъ вдругъ очутился подлѣ меня Обноскинъ и схватилъ меня за руку.

— По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ искать вашей дружбы! — сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку и съ какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ это дружбы? — сказалъ я, заноса ногу на подножку коляски.

— Такъ-съ! Я еще вчера отличилъ въ васъ образованнѣйшаго человѣка. Не судите меня... Меня собственно обольстила маменька, а я тутъ совсѣмъ въ сторонѣ. Я болѣе имѣю склонности къ литературѣ — увѣрю васъ: а это все маменька!..

— Вѣрю, вѣрю, — сказала я, — прощайте!

Мы усѣлись, и лошади поскакали. Крики и проклятія Анфисы Петровны еще долго звучали намъ вслѣдъ, а изъ всѣхъ оконъ дома вдругъ высунулись чьи-то неизвѣстныя лица и смотрѣли на насъ съ дикимъ любопытствомъ.

Въ коляскѣ помѣщалось теперь насъ пятеро; но Мизинчиковъ пересѣлъ на козла, уступивъ свое прежнее мѣсто господину Бахчееву, которому пришлось теперь сидѣть прямо противъ Татьяны Ивановны. Татьяна Ивановна была очень довольна, что мы ее увезли, но все еще плакала. Дядя, какъ могъ, утѣшалъ ее. Самъ же онъ былъ грустенъ и задумчивъ: видно было, что бѣшенныя слова Анфисы Петровны о Настенькѣ тяжело и больно отозвались въ его сердцѣ. Впрочемъ, обратный путь нашъ кончился бы безъ всякой тревоги, если бъ только не было съ нами господина Бахчеева.

Усѣвшись напротивъ Татьяны Ивановны, онъ сталъ точно самъ не свой; онъ не могъ смотрѣть равнодушно; ворочался на своемъ мѣстѣ, краснѣлъ, какъ ракъ, и страшно вращалъ глазами; особенно, когда дядя начиналъ утѣшать Татьяну Ивановну, толстякъ рѣшительно выходилъ изъ себя и ворчалъ, какъ бульдогъ, котораго дразнятъ. Дядя съ опасеніемъ на него поглядывалъ. Наконецъ, Татьяна Ивановна, замѣтивъ необыкновенное состояніе души своего визави, стала пристально въ него всматриваться; потомъ посмотрѣла на насъ, улыбнулась и вдругъ, схвативъ свою омбровку, граціозно ударила ею слегка господина Бахчеева по плечу.

— Безумецъ! — проговорила она съ самой очаровательной игривостью и тотчасъ же закрылась вѣтромъ.

Эта выходка была каплей, переполнившей сосудъ.

— Что-о-о? — заревѣлъ толстякъ, — что такое, мадамъ? Такъ ты ужъ и до меня добираешься!

— Безумецъ! Безумецъ! — повторила Татьяна Ивановна, и вдругъ захохотала и захлопала въ ладоши.

— Стой! — закричалъ Бахчеевъ кучеру, — стой! Остановились. Бахчеевъ отворилъ дверцу и поспѣшно началъ вылѣзать изъ коляски.

— Да что съ тобой, Степанъ Алексѣичъ? Куда ты? — вскричалъ изумленный дядя.

— Нѣтъ, ужъ довольно съ меня! — отвѣчалъ толстякъ, дрожа отъ негодованія, — прокисай все на свѣтъ! Устарѣлъ я, мадамъ, чтобъ ко мнѣ съ амурами подъѣзжать. Я, матушка, лучше ужъ на большой дорогѣ помру! Прощай, мадамъ, команъ въ портеву!

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, пошелъ пѣшкомъ. Коляска поѣхала за нимъ шагомъ.

— Степанъ Алексѣевичъ! — кричалъ дядя, выходя, наконецъ, изъ терпѣнія, — не дурачься, полно, садись! Вѣдь домой пора!

— И ну васъ! — проговорилъ Степанъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ ходьбы, потому что, по толстотѣ своей, совсѣмъ разучился ходить.

— Пошелъ во весь опоръ! — закричалъ Мизинчиковъ кучеру.

— Что ты, что ты, постой!.. — вскричалъ было дядя, но коляска уже помчалась. Мизинчиковъ не ошибся: немедленно получились желаемые плоды.

— Стой! Стой! — раздался позади насъ отчаянный вопль, — стой, разбойникъ! Стой, душегубецъ ты этакой!..

Толстякъ, наконецъ, явился, усталый, полузадохшийся, съ каплями пота на лбу, развязавъ галстукъ и снявъ картузь. Молча и мрачно влѣзъ онъ въ коляску, и въ этотъ разъ я уступилъ ему свое мѣсто; по крайней мѣрѣ, онъ сидѣлъ не напротивъ Татьяны Ивановны, которая въ продолженіе всей этой сцены покатыва-

лась со смѣху, била въ ладоши и во весь остальной путь не могла смотрѣть равнодушно на Степана Алексѣевича. Онъ же, съ своей стороны, до самаго дома не промолвилъ ни единого слова и упорно смотрѣлъ, какъ вертѣлось заднее колесо коляски.

Быль уже полдень, когда мы воротились въ Степанчиково. Я прямо пошелъ въ свой флигель, куда тотчасъ же явился Гаврила съ чаемъ. Я бросился было спрашивать старика, но, почти вслѣдъ за нимъ, вошелъ дядя и тотчасъ же выслалъ его.

II

Новости

— Я, братъ, къ тебѣ на минутку, — началъ онъ торопливо, — спѣшилъ сообщить . . . Я уже все узналъ. Никто изъ нихъ сегодня даже у обѣдни не былъ, кромѣ Илюши, Саши да Настеньки. Маменька, говорятъ, была въ судорогахъ. Оттирали; насилу оттерли. Теперь положено собираться къ Оомѣ и меня зовутъ. Не знаю только, поздравлять или нѣтъ Оому съ именинами-то, — важный пунктъ! И, наконецъ, какъ-то они примутъ весь этотъ пассажъ? Ужасъ, Сережа, я ужъ предчувствую . . .

— Напротивъ, дядюшка, — заспѣшилъ я, въ свою очередь, — все превосходно устраивается. Вѣдь ужъ теперь вамъ никакъ нельзя жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, — это одно чего стоить! Я вамъ еще дордою это хотѣлъ объяснить.

— Такъ, такъ, другъ мой. Но все это не то: во всемъ этомъ, конечно, перстъ Божій, какъ ты говоришь; но я не про то . . . Бѣдная Татьяна Ивановна! Какіе, однакожъ, съ ней пассажи случаются!.. Подлецъ, подлецъ Обноскинъ! А впрочемъ, что жъ я говорю: «подлецъ»? Я развѣ не то же бы самое

сдѣлать, женясь на ней?.. Но, впрочемъ, я все не про то... Слышалъ ты, что кричала давеча эта негодяйка, Анфиса, про Настю?

— Слышалъ, дядюшка. Догадались ли вы теперь, что надо сдѣлать?

— Непремѣнно, и во что бы ни стало! — отиѣчалъ дядя. — Торжественная минута наступила. Только мы, братъ, объ одномъ вчера съ тобой не подумали, а я послѣ всю ночь продумалъ: пойдеть ли она-то за меня, — вотъ что?

— Помилосердуйте, дядюшка! Когда сама сказала, что любить...

— Другъ ты мой, да вѣдь тутъ же прибавила, что «ни за что не выйду за васъ».

— Эхъ, дядюшка! Это такъ только говорится, къ тому же и обстоятельства сегодня не тѣ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ Сергѣй, это дѣло деликатное, ужасно деликатное! Гм!.. А знаешь, хоть и тосковалъ я, а какъ-то всю ночь сердце сосало отъ какого-то счастья!.. Ну, прощай, лечу. Ждутъ; я ужъ и такъ опоздалъ. Только такъ забѣжалъ, слово съ тобой перебросить. Ахъ, Боже мой! — вскричалъ онъ, возвращаясь, — главное-то я и забыть! Знаешь что: вѣдь я ему писалъ, Оомъ-то!

— Когда?

— Ночью; а утромъ, чѣмъ свѣтъ, и письмо отослалъ съ Видоплясовымъ. Я, братецъ, все изобразилъ, на двухъ листахъ, все рассказалъ, правдиво и откровенно, — словомъ, что я долженъ, то-есть непременно долженъ — понимаешь? сдѣлать предложеніе Настенькѣ. Я умолялъ его не разглашать о свиданіи въ саду и обращался ко всему благородству его души, чтобъ помочь мнѣ у маменьки. Я, братъ, конечно, худо написалъ, но я написалъ отъ всего моего сердца и, такъ сказать, облилъ моими слезами...

— И что жъ? Никакого отвѣта?

— Покамѣсть еще нѣтъ; только давеча, когда мы собирались въ погоню, встрѣтилъ его въ сѣняхъ, по-ночному, въ туфляхъ и въ колпакѣ, — онъ спитъ въ колпакѣ, — куда-нибудь выходилъ. Ни слова не сказалъ, даже не взглянулъ. Я заглянулъ ему въ лицо, этакъ спизу, — ничего!

— Дядюшка, не надѣйтесь на него: нагадить онъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не говори! — вскричалъ дядя, махая руками, — я увѣренъ. Къ тому же, вѣдь, это ужъ послѣдняя надежда моя. Онъ пойметъ; онъ оцѣнитъ. Онъ брюзгливъ, капризенъ — не спору; но когда дѣло дойдетъ до высшаго благородства, тутъ-то онъ и засіяетъ, какъ перль... именно, какъ перль. Это ты все оттого, Сергѣй, что ты еще не видалъ его въ самомъ высшемъ благородствѣ... Но, Боже мой! Если онъ въ самомъ дѣлѣ разгласитъ вчерашнюю тайну, то... Я ужъ и не знаю, что тогда будетъ, Сергѣй! Чему же останется вѣрить на свѣтѣ? Но нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ подлецомъ. Я подметки его не стою! Не качай головой, братецъ: это правда — не стою.

— Егоръ Ильичъ! маменька объ васъ беспокоятся-съ, — раздался внизу непріятный голосъ дѣвицы Перепелицыной, которая, вѣроятно, успѣла подслушать въ открытое окно весь нашъ разговоръ. — Васъ по всему дому ищутъ-съ и не могутъ васъ найти-съ.

— Боже мой, опоздалъ! Бѣда! — всполошился дядя. — Другъ мой, ради Христа, одѣвайся и приходи туда! Я вѣдь за этимъ и забѣжалъ къ тебѣ, чтобъ вмѣстѣ пойти... Бѣгу, бѣгу, Анна Ниловна, бѣгу!

Оставшись одинъ, я вспомнилъ о моей встрѣчѣ давеча съ Настенькой и былъ очень радъ, что не рассказалъ о ней дядѣ: я бы разстроилъ его еще болѣе. Предвидѣлъ я большую грозу и не могъ понять, какимъ

образомъ дѣла устроить свои дѣла и сдѣлаетъ предложеніе Настенькѣ. Повторяю: несмотря на всю вѣру въ его благородство, я поневолѣ сомнѣвался въ успѣхѣхъ.

Однакожь, надо было спѣшить. Я считалъ себя обязаннымъ помогать ему и тотчасъ же началъ одѣваться; но, какъ ни спѣшилъ, желая одѣться лучше, замѣшкался. Вошелъ Мизинчиковъ.

— Я за вами, — сказала онъ, — Егоръ Ильичъ васъ просятъ немедленно.

— Идемъ!

Я уже былъ совсѣмъ готовъ. Мы пошли.

— Что тамъ новаго? — спросилъ я дорогою.

— Всѣ у Оомы, въ сборѣ, — отвѣчалъ Мизинчиковъ, — Оома не капризничаетъ, что-то задумчивъ и мало говоритъ, сквозь зубы цѣдитъ. Даже поцѣловалъ Илюшу, что, разумѣется, привело въ восторгъ Егора Ильича. Еще давеча черезъ Перепелицыну объявилъ, чтобъ не поздравляли его съ именинами, и что онъ только хотѣлъ испытать. . . Старуха хоть и нюхаетъ спиртъ, но успокоилась, потому что Оома покоенъ. О нашей исторіи никто ни полслова, какъ будто ея и не было; молчатъ, потому что Оома молчитъ. Онъ все утро не пускалъ къ себѣ никого, хотя старуха давеча безъ насъ всѣми святыми молила, чтобъ онъ къ ней пришелъ для совѣщаній, да и сама ломилась къ нему въ дверь; но онъ заперся и отвѣчалъ, что молился за родъ человѣческій, или что-то въ этомъ родѣ. Онъ что-то затѣваетъ: по лицу видно. Но такъ какъ Егоръ Ильичъ ничего не въ состояніи узнать по лицу, то и находится теперь въ полномъ восторгѣ отъ кротости Оомы Оомича: настоящій ребенокъ! Илюша какіе-то стихи приготовилъ, и меня послали за вами.

— А Татьяна Ивановна?

— Что Татьяна Ивановна?

— Она тамъ же? Съ ними?

— Нѣтъ; она въ своей комнатѣ. — сухо отвѣ-

чалъ Мизинчиковъ. — Отдыхаетъ и плачетъ. Можетъ быть, и стыдится. У ней, кажется, теперь эта . . . гурверпантка. Что это? Гроза никакъ собирается. Смотрите, на небѣ-то!

— Кажется, гроза, — отвѣчалъ я, взглянувъ на чернѣвшую на краю неба тучу.

Въ это время мы всходили на террасу.

— А признайтесь, каковъ Обноскицъ-то, — а? — продолжалъ я, не могши утерпѣть, чтобъ не попытаться на этомъ пунктѣ Мизинчикова.

— Не говорите мнѣ о немъ! Не поминайте мнѣ объ этомъ подлецѣ! — вскричалъ онъ вдругъ, останавливаясь, покраснѣвъ и топнувъ ногою. — Дуракъ! Дуракъ! Погубить такое превосходное дѣло, такую свѣтлую мысль! Послушайте: я, конечно, оселъ, что просмотрѣлъ его плутни, — я въ этомъ торжественно сознаюсь и, можетъ быть, вы именно хотѣли этого признанія. Но, клянусь вамъ, если бъ онъ сумѣлъ все это обдѣлать какъ слѣдуетъ, я бы, можетъ быть, и простилъ его! Дуракъ, дуракъ! И какъ держать, какъ терпять такихъ людей въ обществѣ! Какъ не ссылаютъ ихъ въ Сибирь на поселеніе, на каторгу! Но врутъ! Имъ меня не перехитритъ! Теперь у меня, по крайней мѣрѣ, есть оныть, и мы еще потягаемся. Я обдумываю теперь одну новую мысль . . . Согласитесь сами: неужели жъ терять свое потому только, что какой-то посторонній дуракъ укралъ вашу мысль и не умѣлъ взяться за дѣло? Вѣдь это несправедливо! И, наконецъ, этой Татьянѣ непременно надо выйти замужъ — это ея назначеніе. И если ее до сихъ поръ еще никто не посадилъ въ домъ сумасшедшихъ, такъ это именно потому, что на ней еще можно было жениться. Я вамъ сообщу мою новую мысль . . .

— Но, вѣроятно, послѣ, — прервалъ я его, — потому что мы вотъ и пришли.

— Хорошо, хорошо, послѣ! — отвѣчалъ Мизин-

чиковъ, искрививъ свой ротъ судорожной улыбкой . . .
— А теперь . . . Но куда жъ вы? Говорю вамъ .
прямо къ Оомѣ Оомичу! Идите за мной; вы тамъ еще
не были. Увидите другую комедію . . . Такъ какъ ужъ
дѣло пошло на комедію . . .

III

Илюша именинникъ

Оома занималъ двѣ большія и прекрасныя комнаты; онѣ были даже и отдѣланы лучше, чѣмъ всѣ другія комнаты въ домѣ. Полный комфортъ окружалъ великаго человѣка. Свѣжіе, красивые обои на стѣнахъ, шелковые пестрые занавѣсы у оконъ, ковры, триумо, каминъ, мягкая, щегольская мебель — все свидѣтельствовало о нѣжной внимательности хозяйки къ Оомѣ Оомичу. Горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ и на мраморныхъ круглыхъ столикахъ передъ окнами. Посреди кабинета находился большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьевъ, которыми завѣдывалъ Видоплясовъ — все это вмѣстѣ должно было свидѣтельствовать о тугихъ умственныхъ работахъ Оомы Оомича. Скажу здѣсь кстати, что Оома, просидѣвъ здѣсь почти восемь лѣтъ, ровно ничего не сочинилъ путнаго. Впослѣдствіи, когда онъ отошелъ въ лучшую жизнь, мы разбирали оставшіяся послѣ него рукописи; всѣ онѣ оказались необыкновенною дрянью. Нашли, напримѣръ, начало историческаго романа, происходившаго въ Новгородѣ, въ VII столѣтіи; потомъ чудовищную поэму: *Анахоретъ на кладбищѣ*, писанную бѣлыми стихами; потомъ бессмысленное разсужденіе о значеніи и свойствахъ русскаго мужика и о томъ, какъ надо съ нимъ обращаться, и, наконецъ, повѣсть *Графиня Влонская*, изъ

великосвѣтской жизни, тоже неоконченную. Больше ничего не осталось. А между тѣмъ, Оома Оомичъ заставлялъ дядю тратить ежегодно большія деньги на выписку книгъ и журналовъ. Но многіе изъ нихъ оставались даже неразрѣзанными. Я же, впоследствии, не одинъ разъ, заставлялъ Оому за Поль де-Кокомъ, котораго онъ пряталъ при людяхъ куда-нибудь подальше. Въ задней стѣнѣ кабинета находилась стеклянная дверь, которая вела во дворъ дома.

Насъ дожидались. Оома Оомичъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ какомъ-то длинномъ, до пятъ, сюртукѣ, но все-таки безъ галстука. Былъ онъ, дѣйствительно, молчаливъ и задумчивъ. Когда мы вошли, онъ слегка поднялъ брови и пытливо взглянулъ на меня. Я поклонился; онъ отвѣчалъ мнѣ легкимъ поклономъ, впрочемъ, довольно вѣжливымъ. Бабушка, видя, что Оома Оомичъ обошелся со мной благосклонно, съ улыбкою закивала мнѣ головою. Бѣдная, и не ожидала поутру, что ея нѣщечко такъ покойно приметъ извѣстіе о «пассажѣ» съ Татьяной Ивановной, и потому теперь чрезвычайно развеселилась, хотя утромъ съ ней, дѣйствительно, происходили корчи и обмороки. За стуломъ ея, по обыкновенію, стояла дѣвица Перепелицына, сложивъ губы въ ниточку, кисло и злобно улыбаясь и потирая свои костлявыя руки одну о другую. Возлѣ генеральши помѣщались двѣ постоянно безмолвныя старухи-приживалки, изъ благородныхъ. Была еще какая-то забредшая утромъ монашенка и одна сосѣдка-помѣщица, пожилая и тоже безъ рѣчей, заѣхавшая отъ обѣдни поздравить матушку-генеральшу съ праздникомъ. Тетушка Прасковья Ильинична уничтожилась гдѣ-то въ уголку, съ безпокойствомъ смотря на Оому Оомича и на маменьку. Дядя сидѣлъ въ креслѣ, и необыкновенная радость сіяла въ глазахъ его. Передъ нимъ стоялъ Плюша въ праздничной красной рубашечкѣ, съ завитыми кудряшками, хорошень-

кій какъ ангельчикъ. Саша и Настенька тихонько отъ всѣхъ выучили его какимъ-то стихамъ, чтобъ обрадовать отца въ такой день успѣхами въ наукахъ. Дядя чуть не плакалъ отъ удовольствія: неожиданная кротость Оомы, веселость генеральши, именины Илюши, стихи, — все это привело его въ настоящій восторгъ, и онъ торжественно просилъ послать за мной, чтобъ и я тоже поскорѣе раздѣлилъ всеобщее счастье и прослушалъ стихи. Саша и Настенька, вошедшія почти влѣдъ за нами, стояли около Илюши. Саша поминутно смѣялась и въ эту минуту была счастлива какъ дитя. Настенька, глядя на нее, тоже начала улыбаться, хоть и вошла, за минуту назадъ, блѣдная и унылая. Она одна встрѣтила и успокоила Татьяну Ивановну, воротившуюся изъ путешествія, и до сихъ поръ просидѣла у ней наверху. Рѣзвый Илюша какъ будто тоже не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на своихъ учительницъ. Казалось, они всѣ трое приготовили какую-то пресмѣшную шутку, которую теперь и хотѣли разыграть... Я и забылъ про Бахчеева. Онъ сидѣлъ поодаль, на стулѣ, все еще сердитый и красный, молчалъ, дулся, сморкался и вообще игралъ довольно мрачную роль на семейномъ праздникѣ. Возлѣ него сѣменилъ Ежевикинъ; впрочемъ, онъ сѣменилъ и вездѣ, цѣловалъ ручки у генеральши и у пріѣзжей гостьи, нашентывалъ что-то дѣвицѣ Перепелицыной, ухаживалъ за Оомой Оомичомъ — словомъ, поспѣвалъ вездѣ. Онъ тоже съ великимъ сочувствіемъ ожидалъ Илюшиныхъ стиховъ и при входѣ моемъ бросился ко мнѣ съ поклонами, въ знакъ величайшаго уваженія и преданности. Вовсе не видно было, что онъ пріѣхалъ сюда защищать дочь и взять ее совсѣмъ изъ Степанчикова.

— Вотъ и онъ! — радостно вскричалъ дядя, увидѣвъ меня, — Илюша, братъ, стихи приготовилъ — вотъ неожиданность, настоящій сюрпризъ! Я, братъ, пораженъ и нарочно за тобой послалъ, и стихи остано-

вилъ до прихода... Садись-ка возлѣ! Послушаемъ. Оома Оомичъ, да ты ужъ признайся, братецъ, вѣдь ужъ вѣрно ты ихъ всѣхъ надоумилъ, чтобъ меня, старика, обрадовать? Присягну, что такъ!

Если ужъ дядя говорилъ въ комнатѣ Оомы такимъ тономъ и голосомъ, то, казалось бы, все обстояло благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что дядя не способенъ былъ ничего угадать по лицу, какъ выразился Мизинчиковъ; а взглянувъ на Оому, я какъ-то невольно согласился, что Мизинчиковъ правъ и что надо было чего-нибудь ожидать...

— Не безпокойтесь обо мнѣ, полковникъ, — отвѣчалъ Оома слабымъ голосомъ, голосомъ человѣка, прощающаго врагамъ своимъ. — Сюрпризъ я, конечно, хвалю: это изображаетъ чувствительность и благопріятіе вашихъ дѣтей. Стихи тоже полезны, даже для произношенія... Но я не стихами былъ занятъ это утро, Егоръ Ильичъ: я молился... вы это знаете... Впрочемъ, готовъ выслушать и стихи.

Между тѣмъ я поздравилъ Илюшу и поцѣловалъ его.

— Именно, Оома, извини! Я забылъ... хоть и увѣренъ въ твоей дружбѣ, Оома! Да поцѣлуй его еще разъ, Сережа! Смотри, какой мальчуганъ! Ну, начинай, Илюша! Про что это? Вѣрно какая-нибудь ода торжественная, изъ Ломоносова что-нибудь?

И дядя пріосанился. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ отъ петербѣнія и радости.

— Нѣтъ, папочка, не изъ Ломоносова, — сказала Сашенька, едва подавляя свой смѣхъ: — а такъ какъ вы были военный и воевали съ непріятелями, то Илюша и выучилъ стихи про военное... Осаду Памбы, папочка.

— Осада Памбы? а! Не помню... Что это за Памба, ты знаешь, Сережа? Вѣрно, что-нибудь героическое.

И дядя присанился въ другой разъ.

— Говори, Илюша! — скомандовала Сашенька.

— Девять лѣтъ какъ Педро Гомецъ . . . —

началь Илюша маленькимъ, ровнымъ и яснымъ голосомъ, безъ запятыхъ и безъ точекъ, какъ обыкновенно сказываютъ маленькія дѣти заученные стихи —

Девять лѣтъ какъ Педро Гомецъ
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаюсь,
И все войско дона Педро,
Девять тысячъ кастильянцевъ,
Всѣ по данному обѣту
Ниже хлѣба не сѣдаютъ
Пьютъ одно лишь молоко.

— Какъ! Что? Что это за молоко! — вскричалъ дядя, смотря на меня въ изумленіи.

— Читай дальше, Илюша, — вскричала Сашенька.

Всякій день донъ Педро Гомецъ
О своемъ безсилѣ плачетъ,
Закрываясь епанчою.
Настаетъ ужъ годъ десятый;
Злые мавры торжествуютъ,
А отъ войска дона Педро
Всего на всего осталось
Девятнадцать человѣкъ . . .

— Да это галиматья! — вскричалъ дядя съ безпокойствомъ: — вѣдь это невозможное жъ дѣло! Девятнадцать человѣкъ отъ всего войска осталось, когда прежде былъ даже и весьма значительный корпусъ! Что жъ это, братецъ, такое?

Но тутъ Саша не выдержала и залилась самымъ откровеннымъ и дѣтскимъ смѣхомъ; и хотъ смѣшного было вовсе немного, но не было возможности, глядя на нее, тоже не засмѣяться.

— Это, папочка, шуточные стихи, — вскричала она, ужасно радуясь своей дѣтской затѣѣ: — это ужъ нарочно такъ, самъ сочинитель сочинилъ, чтобъ всѣмъ смѣшно было, папочка.

— А! Шуточные! — вскричалъ дядя съ просіявшимъ лицомъ: — комическіе, то-есть! То-то я смотрю... Именно, именно, шуточные! И пресмѣшно, чрезвычайно смѣшно: на молоко всю армію поморилъ, по обѣту какому-то! Очень надо было давать такіе обѣты! Очень остроумно — не правда ль, Гома? Это, видите, мамелька, такіе комическіе стихи, которые иногда пишутъ сочинители, — не правда, ли, Сергѣй, вѣдь пишутъ? Чрезвычайно смѣшно! Ну, ну, Илюша, что жъ дальше?

Девятнадцать челоѡкъ!
Ихъ собралъ донъ Педро Гомецъ
И скасалъ имъ: «Девятнадцать!
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія възграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ!
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклястесь можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами даннаго обѣта:
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли
Ничего не ѣли ровно,
Кромъ только молока!»

— Экой фофанъ! Чѣмъ утѣшается, — прервалъ опять дядя: — что девять лѣтъ молоко пилъ!.. Да какая жъ тутъ добродѣтель? Лучше бы по цѣлому барану ѣлъ, да людей не морилъ! Прекрасно, превосходно! Вижу, вижу теперь: это сатира, или... какъ это тамъ называется, аллегорія, что ль? И, можетъ быть, даже на какого-нибудь иностраннаго полководца, — прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, значительно сдвинувъ брови и прищуриваясь: — а? Какъ ты думаешь? Но только, разумѣется, невинная, благородная сатира, никого не обижающая! Прекрасно! Прекрасно! И, главное, благородно! Ну, Илюша, продолжай! Ахъ, вы, шалуны, шалуны! — прибавилъ онъ, съ чувствомъ смотря на Сашу и украдкой на Настеньку, которая краснѣла и улыбалась.

Ободренныя сей рѣчью,
 Девятнадцать кастильянцевъ,
 Всѣ качаяся на сѣдлахъ,
 Въ голосъ слабо закричали:
 «Санкто Яго Компостелло!
 Честь и слава дону Педру!
 Честь и слава Лью Кастильи!»
 А капланъ его, Діего,
 Такъ сказала себѣ сквозь зубы:
 «Если бъ я былъ полководцемъ,
 Я бъ объѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
 Запивая сантуринскимъ!»

— Ну, вотъ! Не то же ли я говорилъ? — вскричалъ дядя, чрезвычайно обрадовавшись. — Одинъ только человекъ во всей арміи благоразумный нашлся, да и тотъ какой-то капланъ! Это кто жъ такой, Сергѣй: капитанъ ихній, что ли?

— Монахъ, духовная особа, дядюшка.

— Ахъ, да, да! Капланъ, капелланъ? Знаю, помню! Еще въ романахъ Радклифъ читалъ. Тамъ вѣдь у нихъ разные ордена, что ли?.. Бенедиктинцы, кажется... Есть бенедиктинцы-то?..

— Есть, дядюшка.

— Гм! Я такъ и думалъ. Ну, Илюша, что жъ дальше? Прекрасно, превосходно!

И, услышавъ то, донъ Педро
 Произнесъ со громкимъ смѣхомъ:
 «Подарить ему барана;
 Онъ изрядно подшутилъ! . . .»

— Нашелъ время хохотать! Вотъ дуракъ-то! Самому, наконецъ, смѣшно стало! Барана! Стало быть, были же бараны; чего жъ онъ самъ-то не ѣлъ? Ну, Илюша, дальше! Прекрасно, превосходно! Необыкновенно колко!

— Да ужъ кончено, папочка!

— А! Кончено! Въ самомъ дѣлѣ, чего жъ больше оставалось и дѣлать — не правда ль, Сергѣй? Превосходно, Илюша! Чудо какъ хорошо! Поцѣлуй меня.

голубчикъ! Ахъ ты, мой милый! Да кто именно его надоумилъ: ты, Саша?

— Нѣтъ, это Настенька. Намедни мы читали. Она прочла, да и говоритъ: «Какіе смѣшные стихи! Вотъ будетъ Илюша именинникъ: заставимъ его выучить да рассказать. То-то смѣху будетъ!»

— Такъ это Настенька? Ну, благодарю, благодарю, — пробормоталъ дядя, вдругъ весь покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Поцѣлуй меня еще разъ, Илюша! Поцѣлуй меня и ты, шалунья, — сказалъ онъ, обнимая Сашеньку и съ чувствомъ смотря ей въ глаза.

— Вотъ подожди, Сашурка, и ты будешь именинница, — прибавилъ онъ, какъ будто не зная, что и сказать больше отъ удовольствія.

Я обратился къ Настенькѣ и спросилъ ее: чьи стихи?

— Да, да, чьи стихи? — всполошился дядя. — Должно быть, умный поэтъ написалъ. — неправда ль, Оома?

— Гм! . . . — промычалъ Оома подъ носъ.

Во все время чтенія стиховъ ѣдкая, насмѣшливая улыбка не покидала губъ его.

— Я, право, забыла, — отвѣчала Настенька, робко взглядывая на Оому Омича.

— Это господинъ Кузьма Прутковъ написалъ, папочка, въ *Современникъ* напечатано, — выскочила Сашенька.

— Кузьма Прутковъ! Не знаю, — проговорилъ дядя. — Вотъ Пушкина такъ знаю! . . . Впрочемъ, видно, что поэтъ съ достоинствами — не правда ль, Сергѣй? И, сверхъ того, благороднѣйшихъ свойствъ человекъ — это ясно, какъ два пальца! Даже, можетъ быть, изъ офицеровъ. . . Хвалю! А превосходный журналъ *Современникъ*! Непремѣнно надо подписаться, коли все такіе поэты участвуютъ. . . Люблю поэтовъ! Славные ребята! Все въ стихахъ изображаютъ! Помнишь,

Сергѣй, я видѣлъ у тебя, въ Петербургѣ, одного литератора. Еще какой-то у него носъ особенный... право!.. Что ты сказалъ, Оома?

Оома Оомичь, котораго разбираю все болѣе и болѣе, громко захихикалъ.

— Нѣтъ, я такъ... ничего-съ... — проговорилъ онъ, какъ бы съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Продолжайте, Егоръ Ильичъ, продолжайте! Я послѣ мое слово скажу... Вотъ и Степанъ Алексѣвичъ съ удовольствіемъ слушаетъ про знакомства ваши съ петербургскими литераторами...

Степанъ Алексѣвичъ, все время сидѣвшій поодаль, въ задумчивости, вдругъ поднялъ голову, покраснѣлъ и ожесточенно повернулся въ креслѣ.

— Ты, Оома, меня не задирай, а въ покоѣ оставь! — сказалъ онъ, гнѣвно смотря на Оому своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Миѣ что твоя литература? Дай только Богъ миѣ здоровья, — пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ: — а тамъ хоть бы всѣхъ... и съ сочинителями-то... вольтерьянцы, только и есть!

— Сочинители вольтерьянцы-съ? — проговорилъ Ежевикинъ, немедленно очутившійся подлѣ господина Бахчеева. — Совершенную правду изволили изложить, Степанъ Алексѣвичъ. Такъ и Валентинъ Игнатьичъ отзываться намедни изволили. Меня самого вольтерьянцемъ обозвали — ей-Богу-съ! А вѣдь я, всѣмъ извѣстно, такъ еще мало написалъ-съ... то-есть крынка молока у бабы скиснетъ, — все господинъ Вольтеръ виноватъ! Все у насъ такъ-съ.

— Ну, нѣтъ! — замѣтилъ дядя съ важностью: — это вѣдь заблужденіе! Вольтеръ былъ только острый писатель; смѣялся надъ предубѣжденіями; а вольтерьянцемъ никогда не бывалъ! Это все про него враги распустили. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, все на него, бѣдняка?..

Снова раздалось ядовитое хихиканье Оомы Оомича. Дядя съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него и примѣтно сконфузился.

— Нѣтъ, я, видишь, Оома, все про журналы, — проговорилъ онъ съ смущеніемъ, желая какъ-нибудь поправиться. — Ты, братъ, Оома, совершенно былъ правъ, когда, намедни, внушалъ, что надо подписываться. Я и самъ думаю, что надо!.. Гм... что жъ, въ самомъ дѣлѣ, просвѣщеніе распространяютъ! Не то, какой же будешь сынъ отечества, если ужъ на это не подписаться? Не правда ль, Сергѣй? Гм!.. Да!.. Вотъ хоть *Современникъ*... Но знаешь, Сережа, самая сильная науки, по-моему, въ томъ толстомъ журналѣ, какъ бишь его? Еще въ желтой оберткѣ...

— *Отечественныя Записки*, папочка.

— Ну да, *Отечественныя Записки*, и превосходное названіе, Сергѣй, — не правда ли? Такъ сказать, все отечество сидитъ да записываетъ... Благородиѣйшая цѣль! Преполезный журналъ! И какой толстый! Поди-ка, издай такой дилижансъ! А науки такія, что глаза изо лба чуть не выскочать... Намедни прихожу — лежитъ книга; взялъ, изъ любопытства, развернулъ, да три страницы разомъ и отмахалъ. Просто, братъ, ротъ разинулъ! И знаешь, обо всемъ толкованіе: что, напримѣръ, значить метла, лопата, чумичка, ухватъ? По-моему, метла такъ метла и есть; ухватъ такъ и есть ухватъ! Нѣтъ, братъ, подожди! Ухватъ-то выходитъ, по-ученому, не ухватъ, а эмблема, или миеологія, что ли, какая-то, ужъ не помню что, а только что-то такое вышло... Вотъ оно какъ! До всего дошли!

Не знаю, что именно приготавлился сдѣлать Оома послѣ этой новой выходки дяди, но въ эту минуту появился Гаврила и, понуривъ голову, сталъ у порога.

Оома Оомичъ значительно взглянулъ на него.

— Готово, Гаврила? — спросилъ онъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Готово-съ, — грустно отвѣчать Гаврила и вздохнулъ.

— И узелокъ мой положилъ на телѣгу?

— Положилъ-съ.

— Ну, такъ и я готовъ! — сказали Оома и медленно приходился съ кресла. Дядя въ изумленіи смотрѣлъ на него. Генеральша вскочила съ мѣста и съ безпокойствомъ озиралась кругомъ.

— Позвольте мнѣ теперь, полковникъ, — съ достоинствомъ началъ Оома: — просить васъ оставить на время интересую тему о литературныхъ ухватахъ: вы можете продолжать ее безъ меня. Я же, *прощаясь съ вами навѣки*, хотѣлъ бы вамъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ...

Испугъ и изумленіе оковали всѣхъ слушателей.

— Оома! Оома! Да что это съ тобою? Куда ты собираешься? — вскричалъ, наконецъ, дядя.

— Я собираюсь покинуть вашъ домъ, полковникъ, — проговорилъ Оома самымъ спокойнымъ голосомъ.

— Я рѣшился идти куда глаза глядятъ и потому нанялъ на свои деньги простую, мужичью телѣгу. На ней лежитъ теперь мой узелокъ; онъ не великъ: нѣсколько любимыхъ книгъ, двѣ перемѣны бѣлья — и только! Я бѣденъ, Егоръ Ильичъ, но ни за что на свѣтѣ не возьму теперь вашего золота, отъ котораго я еще и вчера отказался!..

— Но, ради Бога, Оома? Что жъ это значить? — вскричалъ дядя, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

Генеральша взвизгнула и, въ отчаяніи, смотрѣла на Оому Омича, протянувъ къ нему руки. Дѣвица Перепелицына бросилась ее поддерживать. Приживалки окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Господинъ Бахчеевъ тяжело подвинулся со стула.

— Ну, началась исторія! — прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ.

Въ эту минуту слышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза.

IV

Изгнаніе

— Вы, кажется, спрашиваете, полковникъ: «что это значитъ?» — торжественно проговорилъ Оома, какъ бы наслаждаясь всеобщимъ смущеніемъ. — Удивляюсь вопросу! Разъясните же мнѣ, съ своей стороны, какимъ образомъ *вы* въ состояніи смотрѣть теперь мнѣ прямо въ глаза? Разъясните мнѣ эту послѣднюю психологическую задачу изъ человѣческаго безстыдства, и тогда я уйду, по крайней мѣрѣ, обогащенный новымъ познаніемъ объ испорченности человѣческаго рода.

Но дядя не въ состояніи былъ отвѣчать: онъ смотрѣлъ на Оому испуганный и уничтоженный, раскрывъ ротъ, съ выкатившимися глазами.

— Господи! Какія страсти-съ! — простонала дѣвица Перепелицына.

— Понимаете ли, полковникъ, — продолжалъ Оома: — что вы должны отпустить меня теперь, просто и безъ разспросовъ? Въ вашемъ домѣ даже я, человѣкъ пожилой и мыслящій, начинаю уже серьезно опасаться за чистоту моей нравственности. Повѣрьте, что ни къ чему не поведутъ разспросы, кромѣ вашего же посрамленія.

— Оома! Оома! . . — вскричалъ дядя, и холодный потъ показался на лбу его.

— И потому позвольте безъ объясненій сказать вамъ только нѣсколько прощальныхъ и напутственныхъ словъ, послѣднихъ словъ моихъ въ вашемъ, Егоръ Ильичъ, домѣ. Дѣло сдѣлано и его не воротить!

Я надѣюсь, что вы понимаете, про какое дѣло я говорю. Но умоляю васъ на колѣняхъ, если въ сердцѣ вашемъ осталась хоть искра нравственности, обуздайте стремленіе страстей своихъ! И если тлетворный ядъ еще не охватилъ всего зданія, то, по возможности, потушите пожаръ!

— Оома! Увѣряю тебя, что ты въ заблужденіи! — вскричалъ дядя, мало-по-малу приходи въ себя и съ ужасомъ предчувствуя развязку.

— Умѣрьте страсти, — продолжалъ Оома тѣмъ же торжественнымъ тономъ, какъ будто и не слыхавъ восклицаній дяди: — побѣждайте себя. «Если хочешь побѣдить весь міръ — побѣди себя!» Вотъ мое всегдашнее правило. Вы помѣщикъ; вы должны бы сіять какъ брильянтъ въ своихъ помѣстьяхъ, и какой же гнусный примѣръ необузданности подаете вы здѣсь своимъ низшимъ! Я молился за васъ цѣлыя ночи и трепеталъ, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашелъ его, ибо счастье заключается въ добродѣтели...

— Но это невозможно же, Оома! — снова прервалъ его дядя: — ты не такъ поиялъ и не то совсѣмъ говоришь...

— Итакъ, вспомните, что вы помѣщикъ, — продолжалъ Оома, опять не слыхавъ восклицанія дяди. — Не думайте, чтобъ отдыхъ и сладострастіе были назначеніемъ помѣщичьяго званія. Пагубная мысль! Не отдыхъ, а забота, и забота передъ Богомъ, царемъ и отечествомъ! Трудитесь, трудитесь обязанъ помѣщикъ, и трудитесь, какъ послѣдній изъ крестьянъ его!

— Что жъ, я пахать за мужика, что ли, стану? — проворчалъ Бахчевъ: — вѣдь и я помѣщикъ...

— Къ вамъ теперь обращаюсь, домашніе, — продолжалъ Оома, обращаясь къ Гаврилѣ и Оалалею, появившемуся у дверей; — любите господъ вашихъ и исполняйте волю ихъ подобострастно и съ кротостью.

За это возлюбить васъ и господа ваши. А вы, полковникъ, будьте къ нимъ справедливы и сострадательны. Тотъ же человекъ — образъ Божій, такъ сказать, малолѣтній, врученный вамъ, какъ дитя, царемъ и отечествомъ. Великъ долгъ, но велика и заслуга ваша!

— Ома Омичъ! Голубчикъ! Что ты это задумалъ? — въ отчаяніи прокричала генеральша, готовая упасть въ обморокъ отъ ужаса.

— Ну, довольно, кажется? — заключилъ Ома, не обращая вниманія даже и на генеральшу. — Теперь о подробностяхъ; положимъ, онѣ мелки, но необходимы, Егоръ Ильичъ! Въ Харинской пустоши у васъ до сихъ поръ сѣно не скошено. Не опоздайте: скошите и скошите скорѣй. Таковъ совѣтъ мой...

— Но, Ома...

— Вы хотѣли — я знаю это, рубить зырянскій участокъ лѣсу; не рубите — другой совѣтъ мой. Сохраните лѣса, ибо лѣса сохраняютъ влажность на поверхности земли... Жаль, что вы слишкомъ поздно посѣяли яровое: удивительно, какъ поздно сѣяли вы яровое!..

— Но, Ома...

— Но, однакожъ, довольно! Всего не передашь, да и не время! Я пришлю къ вамъ наставленіе письменное, въ особой тетрадкѣ. Ну, прощайте, прощайте всѣ. Богъ съ вами, и да благословитъ васъ Господь! Благословляю и тебя, дитя мое, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Илюшѣ: — и да сохранить тебя Богъ отъ тлетворнаго яда будущихъ страстей твоихъ! Благословляю и тебя, Фалалей; забудь камаринскаго!.. И васъ, и всѣхъ... Помните Ому... Ну, пойдѣмъ, Гаврила! Посади меня, старичокъ.

И Ома направился къ дверямъ. Генеральша взвизгнула и бросилась за нимъ.

— Нѣтъ, Ома! Я не пущу тебя такъ! — вскричалъ дядя и, догнавъ его, схватилъ его за руку.

— Значить, вы хотите дѣйствовать насиліемъ? — надменно спросилъ Оома.

— Да, Оома... и насиліемъ! — отиѣчалъ дядя, дрожа отъ волненія. — Ты слишкомъ много сказалъ и долженъ разъяснить! Ты не такъ прочелъ мое письмо, Оома!..

— Ваше письмо! — взвизгнулъ Оома, мгновенно воспламенясь, какъ будто именно ждалъ этой минуты для взрыва: — ваше письмо! Вотъ оно, ваше письмо! Вотъ оно! Я рву это письмо, я плюю на это письмо! Я топчу ногами своими ваше письмо и исполняю тѣмъ священнѣйшій долгъ человѣчества! Вотъ что я дѣлаю, если вы силой принуждаете меня къ объясненіямъ! Видите! Видите! Видите!..

И клочки бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Повторяю, Оома, ты не понялъ! — кричалъ дядя, блѣднѣя все болѣе и болѣе: — я предлагаю руку, Оома, я ищу своего счастья!..

— Руку! Вы оболестили эту дѣвицу и надуваете меня, предлагая ей руку; ибо я видѣлъ васъ вчера съ ней, ночью, въ саду, подъ кустами!

Генеральша вскрикнула и въ изнеможеніи упала на кресло. Поднялась ужасная суматоха. Бѣдная Настенька сидѣла блѣдная, точно мертвая. Испуганная Сашенька, обхвативъ Илюшу, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Оома! — вскричалъ дядя въ изступленіи: — Если ты распространишь эту тайну, то ты сдѣлаешь самый подлѣйшій поступокъ въ мірѣ!

— Я распространю эту тайну, — визжалъ Оома: — и сдѣлаю наиблагороднѣйшій изъ поступковъ! Я на то посланъ самимъ Богомъ, чтобъ изблечить весь міръ въ его пакостяхъ! Я готовъ взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашемъ гнусномъ поступкѣ всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и всѣмъ пріѣзжающимъ!.. Да, знайте всѣ, всѣ, что

вчера, ночью, я засталъ его съ этой дѣвицей, имѣющей наивиннѣйшій видъ, въ саду, подъ кустами!..

— Ахъ, какой срамъ-съ! — пропищала дѣвица Перепелицына.

— Оома! Не губи себя! — кричалъ дядя, сжимая кулаки и сверкая глазами.

— . . . А онъ, — визжалъ Оома: — онъ, испугавшись, что я его увидѣлъ, осмѣлился завлекать меня лживымъ письмомъ, меня, честнаго и прямодушнаго, въ потворство своему преступленію — да, преступленію!.. ибо изъ наивиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы сдѣлали . . .

— Еще одно оскорбительное для нея слово и, — я убью тебя, Оома, клянусь тебѣ въ этомъ!..

— Я говорю это слово, ибо изъ наивиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы успѣли сдѣлать развратнѣйшую изъ дѣвиць!

Едва только произнесъ Оома послѣднее слово, какъ дядя схватилъ его за плечи, повернулъ, какъ соломинку, и съ силою бросилъ его на стеклянную дверь, ведущую изъ кабинета во дворъ дома. Ударъ былъ такъ силенъ, что притворенныя двери растворились настежь, и Оома, слетѣвъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ, растянулся на дворѣ. Разбитыя стекла съ дребезгомъ разлетѣлись по ступенямъ крыльца.

— Гаврила, подбери его! — вскричалъ дядя, блѣдный какъ мертвецъ: — посади на телѣгу, и чтобъ черезъ двѣ минуты духу его не было въ Степанчиковѣ!

Что бы ни замышлялъ Оома Оомичъ, но ужъ вѣрно не ожидалъ подобной развязки.

Не берусь описывать то, что было въ первыя минуты послѣ такого пассажа. Раздирающій душу вопль генеральши, покотившейся въ креслѣ; столбнякъ дѣвицы Перепелицыной передъ неожиданнымъ поступкомъ до сихъ поръ всегда покорнаго дяди; ахи и охи приживалокъ; испуганная до обморока Настенька, около

которой увивался отецъ; обезумѣвшая отъ страха Сашенька; дядя, въ невыразимомъ волненіи шагавшій по компатѣ и дожидавшійся, когда очнется мать; наконецъ, громкій плачь Фалалея, оплакивавшаго господъ своихъ, — все это составляло картину неизобразимую. Прибавлю еще, что въ эту минуту разразилась сильная гроза; удары грома слышались чаще и чаще, и крупный дождь застучалъ въ окна.

— Вотъ-те и праздничекъ! — пробормоталъ господинъ Бахчевъ, нагнувъ голову и растопыривъ руки.

— Дѣло худо! — шепнулъ я ему, тоже виѣ себя отъ волненія: — но, по крайней мѣрѣ, прогнали Фомича и ужъ не воротятъ.

— Маменька! Опомнились ли вы? Легче ли вамъ? Можете ли вы, наконецъ, меня выслушать? — спросилъ дядя, остановясь передъ кресломъ старухи.

Та подняла голову, сложила руки и съ умоляющимъ видомъ смотрѣла на сына, котораго еще никогда въ жизни не видала въ такомъ гнѣвѣ.

— Маменька! — продолжалъ онъ: — чаша переполнена, вы сами видѣли. Не такъ хотѣлъ я изложить это дѣло, но часъ пробилъ, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте же и оправданіе. Маменька, я люблю эту благороднѣйшую и возвышеннѣйшую дѣвицу, люблю давно и не разлюблю никогда. Она осчастливила дѣтей моихъ и будетъ для васъ самой почтительной дочерью, и потому теперь, при васъ, въ присутствіи родныхъ и друзей моихъ, я торжественно повергаю мою просьбу къ стопамъ ея и умоляю ее сдѣлать мнѣ безконечную честь, согласившись быть моею женою.

Настенька вздрогнула, потомъ вся вспыхнула и вскочила съ кресла. Генеральша нѣкоторое время смотрѣла на сына, какъ будто не понимая, что такое онъ ей говоритъ, и вдругъ съ пронзительнымъ воплемъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Егорушка, голубчикъ ты мой, вороти Оому Оомича! — закричала она: — сейчасъ вороти! Не то я къ вечеру же помру безъ него!

Дядя остолбенѣлъ, видя старуху-мать, своевольную и капризную, передъ собой на колѣняхъ. Болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ его; наконецъ, опомнившись, бросился онъ подымать ее и усаживать опять въ кресло.

— Вороти Оому Оомича, Егорушка! — продолжала вопить старуха: — вороти его, голубчикъ! Жить безъ него не могу!

— Маменька! — горестно вскричалъ дядя, — или вы ничего не слыхали изъ того, что я вамъ сейчасъ говорилъ? Я не могу воротить Оому — поймите это! Не могу и не въ правѣ послѣ его низкой и подлѣйшей клеветы на этого ангела чести и добродѣтели. Понимаете ли вы, маменька, что я обязанъ, что честь моя повелѣваетъ мнѣ теперь возстановить добродѣтель! Вы слышали: я ищу руки этой дѣвицы и умоляю васъ, чтобъ вы благословили союзъ нашъ.

Генеральша опять сорвалась съ своего мѣста и бросилась на колѣни передъ Настенькой.

— Матушка моя! Родная ты моя! — завизжала она: — не выходи за него замужъ! Не выходи за него, а упроси его, матушка, чтобъ воротилъ Оому Оомича! Голубушка ты моя, Настасья Евграфовна! Все тебѣ отдамъ, всѣмъ тебѣ пожертвую, коли за него не выйдешь. Я еще не все, старуха, прожила, у меня еще остались крохи послѣ моего покойничка. Все твое, матушка, всѣмъ тебя одарю, да и Егорушка тебя одаритъ, только не клади меня живую во гробъ, упроси Оому Оомича воротить! . .

И долго бы еще выла и завиралась старуха, если бь Перепелицына и всѣ приживалки съ визгами и стenanіями не бросились ее подымать, негодуя, что она на колѣняхъ передъ нанятой гувернанткой. Настень-

ка едва устояла на мѣстѣ отъ искуга, а Перепелицына даже заплакала отъ злости.

— Смертью уморите вы маменьку-съ, — кричала она дядѣ: — смертью уморять-съ! А вамъ, Настасья Евграфовна, не слѣдовало бы ссорить маменьку-съ съ ихнимъ сыномъ-съ; это и Господь Богъ запрещаетъ-съ...

— Анна Ниловна, удержите языкъ! — вскричалъ дядя. — Я довольно терпѣлъ!..

— Да и я довольно отъ васъ натерпѣлась. Что вы сиротствомъ моимъ меня попрекаете-съ? Долго ли обидѣть сироту? Я еще не ваша раба-съ! Я сама подполковничья дочь-съ! Ноги моей не будетъ-съ въ вашемъ домѣ, не будетъ-съ... сегодня же-съ!..

Но дядя не слушалъ: онъ подошелъ къ Настенькѣ и съ благоговѣніемъ взялъ ее за руку.

— Настасья Евграфовна! Вы слышали мое предложеніе? — проговорилъ онъ, смотря на нее съ тоскою, почти съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ! Ужь оставимъ лучше, — отвѣчала Настенька, въ свою очередь совершенно упавъ духомъ. — Это все пустое, — продолжала она, сжимая его руки и заливаясь слезами. — Это вы послѣ вчерашняго такъ... но не можете этого быть, вы сами видите. Мы ошиблись, Егоръ Ильичъ... А я о васъ всегда буду помнить, какъ о моемъ благодѣтелѣ и... и вѣчно, вѣчно, буду молиться за васъ!..

Тутъ слезы прервали ея голосъ. Бѣдный дядя, очевидно, предчувствовалъ этотъ отвѣтъ; онъ даже и не думалъ возражать, настаивать... Онъ слушалъ, наклоняясь къ ней, все еще держа ее за руку, безмолвный и убитый. Слезы показались въ глазахъ его.

— Я еще вчера сказала вамъ, — продолжала Настя, — что не могу быть вашею женою. Вы видите: меня не хотятъ у васъ... а я все это давно, ужъ заранѣе, предчувствовала; маменька ваша не дастъ

намъ благословленія... *другіе* тоже. Вы сами хоть и не раскаетесь потомъ, потому что вы великодушнѣйшій человѣкъ, но все-таки будете несчастны изъ-за меня... съ вашимъ добрымъ характеромъ...

— Именно съ *добрымъ характеромъ-съ!* Именно *добренькіе-съ!* Такъ, Настенька, такъ! — поддакнулъ старикъ-отецъ, стоявшій по другую сторону кресла: — именно, вотъ это-то вотъ словечко и надо было упомянуть-съ.

— Я не хочу чрезъ себя раздоръ поселять въ вашемъ домѣ, — продолжала Настенька. — А обо мнѣ не беспокойтесь, Егоръ Ильичъ: меня никто не тронетъ, никто не обидитъ... я пойду къ паленькѣ... сегодня же... Лучше ужъ простимся, Егоръ Ильичъ...

И бѣдная Настенька опять залилась слезами.

— Настасья Евграфовна! Неужели это послѣднее ваше слово? — проговорилъ дядя, смотря на нее съ невыразимымъ отчаяніемъ. — Скажите одно только слово — и я жертвую вамъ всѣмъ!..

— Послѣднее, послѣднее, Егоръ Ильичъ-съ, — подхватилъ опять Ежевикинъ: — и она вамъ такъ хорошо это все объяснила, что я даже, признаться, и не ожидалъ-съ. Наидобрѣйшій вы человѣкъ, Егоръ Ильичъ, именно наидобрѣйшій-съ и чести намъ много изволили оказать-съ! Много чести, много чести-съ!.. А все-таки мы вамъ не пара, Егоръ Ильичъ. — Вамъ нужно такую невѣсту, Егоръ Ильичъ-съ, чтобы была и богатая, и знатная-съ, и красавица-съ, и съ голосомъ тоже была бы-съ, и чтобы вся въ брильянтахъ, да въ страусовыхъ перьяхъ по комнатамъ вашимъ ходила-съ... Тогда и Оома Оомичъ, можетъ, уступочку сдѣлаютъ-съ... и благословятъ-съ! А Оому-то Оомича вы воротите-съ! Напрасно, напрасно изволили его такъ избидѣть-съ! Онъ вѣдь изъ добродѣтели, отъ излишняго жару-съ такъ наговорилъ-съ... Сами будете

потомъ говорить-сь, что изъ добродѣтели — увидите-сь! Наидостойнѣйшій человѣкъ-сь. А вотъ теперь перемокнуть-сь. Ужъ лучше бы теперь воротить-сь... потому что вѣдь придется же воротить-сь...

— Вороти! Вороти его! — закричала генеральша: — онъ, голубчикъ мой, правду тебѣ говорить!..

— Да-сь, — продолжалъ Ежевикинъ: — вотъ и родительница ваша убиваться изволятъ — понапрасну-сь... Воротите-ка-сь! А мы ужъ съ Настей, тѣмъ временемъ, и въ походъ-сь...

— Подожди, Евграфъ Ларіонычъ! — вскричалъ дядя: — умоляю! Еще одно слово будетъ, Евграфъ, одно только слово...

Сказавъ это, онъ отошелъ, сѣлъ въ углу, въ кресло, склонилъ голову и закрылъ руками глаза, какъ будто что-то обдумывая.

Въ эту минуту страшный ударъ грома разразился чуть не надъ самымъ домомъ. Все зданіе потряслось. Генеральша закричала, Перепелицына тоже, приживалки крестились, оглупѣвъ отъ страха, а вмѣстѣ съ ними и господинъ Бахчеевъ.

— Батюшка, Илья пророкъ! — прошептали пять или шесть голосовъ, все вмѣстѣ, разомъ.

Вслѣдъ за громомъ пролился такой страшный ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ.

— А Тома-то Томичъ, что съ нимъ теперь въ полѣ-то будетъ-сь? — пропичала дѣвица Перепелицына.

— Егорушка, вороти его! — вскричала отчаяннымъ голосомъ генеральша и, какъ безумная, бросилась къ дверямъ. Ее удержали приживалки; онѣ окружили ее, утѣшали, хныкали, визжали. Содомъ былъ ужаснѣйшій!

— Въ одномъ сюртукѣ пошли-сь; хоть бы шинельку-то взяли съ собой-сь! — продолжала Перепели-

цына. — Зонтика тоже не взяли-сь. Убьетъ ихъ теперь
молоньей-то-сь!..

— Непремѣнно убьетъ! — подхватилъ Бахчеевъ :
— да еще и дождемъ потомъ смочить.

— Хоть бы вы молчали! — прошептала я ему.

— Да вѣдь онъ человѣкъ, али нѣтъ? — гнѣвно
отвѣчалъ мнѣ Бахчеевъ. — Вѣдь не собака. Небось,
самъ-то не выйдешь на улицу. Ну-тка, поди, покуайся,
для плезиру.

Предчувствуя развязку и опасаясь за нее, я по-
дошелъ къ дядѣ, который какъ будто оцѣпенѣлъ въ
своемъ креслѣ.

— Дядюшка, — сказалъ я, наклоняясь къ его
уху : — неужели вы согласитесь воротить Оому Оо-
мича? Поймите, что это будетъ верхъ неприличія, по
крайней мѣрѣ, покамѣстъ здѣсь Настасья Евграфовна.

— Другъ мой, — отвѣчалъ дядя, поднявъ голову
и съ рѣшительнымъ видомъ смотря мнѣ въ глаза : —
я судилъ себя въ эту минуту и теперь знаю, что дол-
женъ дѣлать. Не безпокойся, обиды Настѣ не будетъ
— я такъ устрою...

Онъ всталъ со стула и подошелъ къ матери.

— Маменька! — сказалъ онъ, — успокойтесь ;
я ворочу Оому Омича, я догоню его ; онъ не могъ
еще далеко отѣхать. Но, клянусь, онъ воротится
только на единственномъ условіи, здѣсь, публично, въ
кругу всѣхъ свидѣтелей оскорбленія, онъ долженъ бу-
детъ сознаться въ винѣ своей и торжественно просить
прощенія у этой благороднѣйшей дѣвицы. Я достигну
этого! Я его заставлю! Иначе онъ не перейдетъ черезъ
порогъ этого дома! Клянусь вамъ тоже, маменька,
торжественно : если онъ согласится на это самъ, добро-
вольно, то я готовъ буду броситься къ ногамъ его и
отдамъ ему все, все, что могу отдать, не обижая дѣтей
моихъ! Самъ же я, съ сего же дня, отъ всего отстра-
няюсь. Закатилась звѣзда моего счастья! Я оставляю

Степанчиково. Живите здѣсь всё покойно и счастливо. Я же ѣду въ полкъ — и въ буряхъ брани, на полѣ битвы, проведу отчаянную судьбу мою... Довольно! Ёду!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Гаврила, весь измокшій, весь въ грязи, до невозможности, предсталъ передъ смятенною публикой.

— Что съ тобой? Откуда? Гдѣ Ома? — вскричалъ дядя, бросаясь къ Гаврилѣ!

За нимъ бросились всё и съ жаднымъ любопытствомъ окружили старика, съ котораго грязная вода буквально стекала ручьями. Визги, ахи, крики сопровождали каждое слово Гаврилы.

— У березника оставилъ, версты полторы отсюда, — началъ онъ плачевнымъ голосомъ. — Лошадь молонья испужалась и въ канаву бросилась.

— Ну... — вскричалъ дядя.

— Телѣга перевалилась...

— Ну... а Ома?

— Въ канаву упали-съ.

— Да ну же, рассказывай, истязатель!

— Бокъ отшибли-съ и заплакали-съ. Я лошадь выпрягъ, да верхомъ и прибылъ сюда доложить-съ.

— А Ома-то тамъ остался?

— Всталъ и пошелъ себѣ дальше съ палочкой, — заключилъ Гаврила, потомъ вздохнулъ и понурилъ голову.

Слезы и рыданія дамскаго пола были неизобразимы.

— Полкана! — закричалъ дядя и бросился вонъ изъ комнаты. Полкана подали: дядя вскочилъ на него, неосѣдланнаго, и чрезъ минуту топотъ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ намъ о начавшейся погонѣ за Омой Омичомъ. Дядя ускакалъ даже безъ фуражки.

Дамы побросались къ окнамъ. Среди аховъ и стонновъ слышались и совѣты. Толковали о немедленной

теплой ваниль, объ растираніи Оомы Оомича спиртомъ, о грудномъ чаѣ, о томъ, что Оома Оомичъ «крошечки хлѣбца-съ съ утра въ ротъ не брали-съ и что они теперь патошакъ-съ». Дѣвица Перепелицына нашла забытые имъ очки, въ футлярѣ, и находка произвела необыкновенный эффектъ; генеральша бросилась на нихъ съ воплями и слезами и, не выпуская ихъ изъ рукъ, снова припала къ окну смотрѣть на дорогу. Ожиданіе дошло, наконецъ, до самой послѣдней степени напряженія. . . Въ другомъ углу Сашенька утѣшала Настю; онѣ обнялись и плакали. Настенька держала за руку Илюшу и поминутно цѣловала его, прощаясь со своимъ ученикомъ. Илюша плакалъ навзрыдь, еще самъ не зная чему. Ежевикинъ и Мизинчиковъ толковали о чемъ-то въ сторонѣ. Мнѣ показалось, что Бахчевевъ, смотря на дѣвицъ, какъ будто тоже приготовлялся захныкать. Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, батюшка, — сказалъ онъ мнѣ: — Оома-то Оомичъ, пожалуй бы и удалился отсюда, да время еще тому не пришло: золоторогихъ быковъ еще подъ экипажъ ему не достали! Не безпокойтесь, батюшка, хозяевъ изъ дому выживетъ и самъ останется!

Гроза прошла, и господинъ Бахчевевъ, видимо, измѣнилъ свои убѣжденія.

Вдругъ раздалось: «Везутъ! Везутъ!» и дамы съ визгомъ побросались къ дверямъ. Не прошло еще десяти минутъ послѣ отъѣзда дяди: казалось, невозможно бы такъ скоро привезти Оому Оомича; но загадка объяснилась потомъ очень просто: Оома Оомичъ, отпустивъ Гаврилу, дѣйствительно «пошелъ себѣ съ палочкой»; но, почувствовавъ себя въ совершенномъ уединеніи, среди бури, грома и ливня, препостыдно струсить, поворотилъ въ Степанчиково и побѣжалъ вслѣдъ за Гаврилой. Дядя захватилъ его уже на селѣ. Тотчасъ же остановили одну проѣзжавшую мимо телѣгу; сбѣжались мужики и посадили въ нее присмирѣвшаго Оому

Оомича. Такъ и доставили его прямо въ отверстія объятія генеральши, которая чуть не обезумѣла отъ ужаса, увидя въ какомъ онъ положеніи. Онъ былъ еще грязнѣе и мокрѣе Гаврилы. Суета поднялась ужаснѣйшая: хотѣли тотчасъ же тащить его наверхъ, чтобъ перемѣнить бѣлье; кричали о бузинѣ и о другихъ крѣпительныхъ средствахъ, метались во все стороны безъ всякаго толка; говорили все за разъ... Но Оома какъ будто не замѣчалъ никого и ничего. Его ввели подъ руки. Добравшись до своего кресла, онъ тяжело опустился въ него и закрылъ глаза. Кто-то закричалъ, что онъ умираетъ: поднялся ужаснѣйшій вой; но болѣе всѣхъ ревѣлъ Оалалей, стараясь пробиться сквозь толпу барынь къ Оомѣ Оомичу, чтобъ немедленно поцѣловать у него ручку...

V

Оома Оомичъ созидаетъ всеобщее счастье

— Куда это меня привели? — проговорилъ, наконецъ, Оома голосомъ умирающаго за правду чело-вѣка.

— Проклятая размазня! — прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ, — точно не видить, куда его привели. Вотъ ломаться-то теперь будетъ!

— Ты у насъ, Оома, ты въ кругу своихъ! — вскричалъ дядя, — ободрись, успокойся! И, право, перемѣнилъ бы ты теперь костюмъ, Оома, а то заболѣешь... Да не хочешь ли подкрѣпиться — а? Такъ, этакъ... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобъ согрѣться...

— Малаги бы я выпилъ теперь, — простоналъ Оома, снова закрывая глаза.

— Малаги? Наврядъ ли у насъ есть! — сказалъ

дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильичну.

— Какъ не быть! — подхватила Прасковья Ильична: — цѣлыя четыре бутылки остались, — и тотчасъ же, гремя ключами, побѣжала за малагой, напутствуемая криками всѣхъ дамъ, облѣпившихъ Оому, какъ мухи варенье. Зато господинъ Бахчеевъ былъ въ самой послѣдней степени негодованія.

— Малаги захотѣлъ! — проворчалъ онъ, чуть не вслухъ. — И вина-то такого спросилъ, что никто не пьетъ! Ну, кто теперь пьетъ малагу, кромѣ такого же, какъ онъ, подлеца? Тьфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тутъ стою? Чего я-то тутъ жду?

— Оома, — началъ дядя, сбиваясь на каждомъ словѣ, — вотъ теперь... когда ты отдохнулъ и опять вмѣстѣ съ нами... то-есть, я хотѣлъ сказать, Оома, что понимаю, какъ давеча, обвинивъ, такъ сказать, невиннѣйшее созданіе...

— Гдѣ, гдѣ она, моя невинность? — подхватилъ Оома, какъ будто былъ въ жару и въ бреду: — гдѣ золотые дни мои? Гдѣ ты, мое золотое дѣтство, когда я, евинный и прекрасный, бѣгалъ по полямъ за весенней бабочкой? Гдѣ, гдѣ это время? Воротите мою невинность, воротите ее!..

И Оома, растопыривъ руки, обращался ко всѣмъ поочередно, какъ будто невинность его была у кого-нибудь изъ насъ въ карманѣ. Бахчеевъ готовъ былъ лопнуть отъ гнѣва.

— Экъ чего захотѣлъ! — проворчалъ онъ съ яростью. — Подайте ему его невинность! Цѣловаться, что ли, онъ съ ней хочетъ? Можетъ, и мальчишкой-то былъ ужъ такимъ же разбойникомъ, какъ и теперь! Присягну, что былъ.

— Оома!.. — началъ было опять дядя.

— Гдѣ, гдѣ они, тѣ дни, когда я еще вѣровалъ въ любовь и любилъ человѣка? — кричалъ Оома; — когда

я обнимался съ челоуѣкомъ и плакалъ на груди его?
А теперь — гдѣ я? Гдѣ я?

— Ты у насъ, Оома, успокойся! — крикнулъ дядя:
— а я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать, Оома...

— Хотѣ бы вы-то ужъ теперь помолчали-сь, —
прошипѣла Перепелицына, злобно сверкнуувъ своими
змѣиными глазками.

— Гдѣ я? — продолжалъ Оома, — кто кругомъ
меня? Это буйволы и быки, устремившіе на меня рога
свои. Жизнь, что же ты такое? Живи, живи, будь
обезчещенъ, опозоренъ, умаленъ, избитъ, и когда за-
сыплють пескомъ твою могилу, тогда только опомнятся
люди, и бѣдныя кости твои раздавятъ монументомъ!

— Батюшки, о монументахъ заговорилъ! — про-
шепталъ Ежевикинъ, сплеснуувъ руками.

— О, не ставьте мнѣ монумента! — кричалъ
Оома, — не ставьте мнѣ его! Не надо мнѣ монументовъ!
Въ сердцахъ своихъ воздвигните мнѣ монументъ,
а болѣе ничего не надо, не надо, не надо!

— Оома! — прервалъ дядя, — полно! Успокойся!
Нечего говорить о монументахъ. Ты только выслушай...
Видишь, Оома, я понимаю, что ты, можетъ быть, такъ
сказать, горѣлъ благороднымъ огнемъ, упрекая меня
давеча; но ты увлекся, Оома, за черту добродѣтели —
увѣряю тебя, ты ошибся, Оома...

— Да перестанете ли вы-сь? — запищала опять
Перепелицына, — убить, что ли, вы несчастнаго че-
ловѣка хотите-сь, потому что они въ вашихъ ру-
кахъ-сь?..

Вслѣдъ за Перепелицыной встрепенулась и гене-
ральша, а за ней и вся ея свита; всѣ замахали на
дядю руками, чтобъ онъ остановился.

— Анна Ниловна, молчите вы сами, а я знаю, что
говорю! — съ твердостью отвѣчалъ дядя. — Это дѣло
святое! Дѣло чести и справедливости. — Оома! Ты
разсудителенъ, ты долженъ сей же часъ испросить

прощеніе у благороднѣйшей дѣвицы, которую ты оскорбилъ.

— У какой дѣвицы? Какую дѣвицу я оскорбилъ?
— проговорилъ Оома, въ недоумѣніи обводя всѣхъ глазами, какъ будто совершенно забывъ все происшедшее и не понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Да, Оома, и если ты теперь самъ, своей волей, благородно сознаешься въ винѣ своей, то, клянусь тебѣ, Оома, я паду къ ногамъ твоимъ, и тогда...

— Кого же это я оскорбилъ? — вопилъ Оома, — какую дѣвицу? Гдѣ она? Гдѣ эта дѣвица? Напомните мнѣ хоть что-нибудь объ этой дѣвицѣ!..

Въ эту минуту Настенька, смущенная и испуганная, подошла къ Егору Ильичу и дернула его за рукавъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, оставьте его, не надо извиненій! Къ чему это все? — говорила она умоляющимъ голосомъ. — Бросьте это!..

— А! Теперь я припоминаю! — вскричалъ Оома.
— Боже! Я припоминаю! О, помогите, помогите мнѣ припоминать! — просилъ онъ, повидимому, въ ужасномъ волненіи. — Скажите, правда ли, что меня изгнали отсюда, какъ шелудивѣйшую изъ собакъ? Правда ли, что молнія поразила меня? Правда ли, что меня вышвырнули отсюда съ крыльца? Правда ли? Правда ли это?

Плачь и вопли дамскаго пола были краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ Оомѣ Оомичу.

— Такъ, такъ, — твердилъ онъ, — я припоминаю... я припоминаю теперь, что послѣ молніи и паденія моего я бѣжалъ сюда, преслѣдуемый громомъ, чтобъ исполнить свой долгъ и исчезнуть навѣки! Приподымите меня! Какъ ни слабъ я теперь, но я долженъ исполнить свою обязанность.

Его тотчасъ приподняли съ кресла. Оома сталъ въ положеніе оратора и протянулъ свою руку.

— Полковникъ! — вскричалъ онъ, — теперь я

очнулся совсѣмъ, громъ еще не убилъ во мнѣ умствен-
ныхъ способностей; осталась, правда, глухота въ пра-
вомъ ухѣ, происшедшая, можетъ быть, не столько отъ
грома, сколько отъ паденія съ крыльца... Но что до
этого! И какое кому дѣло до праваго уха Оома!

Послѣднимъ словамъ своимъ Оома придалъ столь-
ко печальной ироніи и сопровождалъ ихъ такою жа-
лобною улыбкою, что стоны тронутыхъ дамъ разда-
лись снова. Всѣ онѣ съ укоромъ, а инья съ яростью
смотрѣли на дядю, уже начинавшаго понемногу уни-
чтожаться передъ такимъ согласнымъ выраженіемъ все-
общаго мнѣнія. Мизинчиковъ плюнулъ и отошелъ къ
окну. Бахчеевъ все сильнѣе и сильнѣе подталкивалъ
меня локтемъ; онѣ едва стоялъ на мѣстѣ.

— Теперь слушайте же мою исповѣдь! — возо-
пилъ Оома, обводя всѣхъ гордымъ и рѣшительнымъ
взглядомъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшите судьбу
несчастливаго Опискина. Егоръ Ильичъ! Давно уже я
наблюдалъ за вами, наблюдалъ съ замираніемъ моего
сердца и видѣлъ все, тогда какъ вы еще и не по-
дозрѣвали, что я наблюдаю за вами. Полковникъ!
Я, можетъ быть, ошибался; но я зналъ вашъ эгоизмъ,
ваше неограниченное самолюбіе, ваше феноменальное
сластолюбіе, и кто обвинить меня, что я поневолѣ за-
трепеталъ о чести наимневиннѣйшихъ изъ особъ?

— Оома, Оома!.. ты, впрочемъ, не очень распро-
страняйся, Оома! — вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ
смотря на страдальческое выраженіе въ лицѣ На-
стенки.

— Не столько невинность и довѣрчивость этой
особы, сколько ея неопытность смущала меня, — про-
должалъ Оома, какъ будто и не слыхавъ предостере-
женія дяди. — Я видѣлъ, что нѣжное чувство расцвѣ-
таетъ въ ея сердцѣ, какъ вешняя роза, и невольно
припоминалъ Петрарку, сказавшаго, что «невинность

такъ часто бываетъ на волосокъ отъ гибели». Я вздыхалъ, стоналъ и хотѣлъ за эту дѣвицу, чистую, какъ жемчужина, я готовъ былъ отдать всю кровь мою на поруки, но кто могъ мнѣ поручиться за васъ, Егоръ Ильичъ? Зная необузданное стремленіе страстей вашихъ; зная, что вы всѣмъ готовы пожертвовать для минутнаго ихъ удовлетворенія, я вдругъ погрузился въ бездну ужаса и опасеній насчетъ судьбы наиблагороднѣйшей изъ дѣвиць . . .

— Оома! Неужели ты могъ это подумать? — вскричалъ дядя.

— Съ замираемъ моего сердца я слѣдилъ за вами. Если хотите узнать о томъ, какъ я страдалъ, спросите у Шекспира: онъ расскажетъ вамъ въ своемъ *Гамлетѣ* о состояніи души моей. Я сдѣлался мнителенъ и ужасенъ. Въ безпокойствѣ моемъ, въ негодованіи моемъ, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это былъ не тотъ «черный цвѣтъ», о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ, — будьте увѣрены! Оттого-то и видѣли вы мое тогдашнее желаніе удалить *ее* изъ этого дома: я хотѣлъ спасти *ее*; оттого-то и видѣли вы меня во все послѣднее время раздражительнымъ и злобствующимъ на весь родъ человѣческій. О! кто примиритъ меня теперь съ человѣчествомъ? Чувствую, что я, можетъ быть, былъ взыскателенъ и несправедливъ къ гостямъ вашимъ, къ племяннику вашему, къ господину Бахчеву, требуя отъ него астрономіи; но кто обвинитъ меня за тогдашнее состояніе души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мнѣ, какъ мрачный омутъ невѣдомой глубины, на днѣ котораго лежалъ крокодилъ. Я чувствовалъ, что моя обязанность предупредить несчастье, что я поставленъ для этого, — и что же? Вы не поняли наиблагороднѣйшихъ побужденій души моей и платили мнѣ во все время злобой, неблагодарностью, насмѣшками, униженіями . . .

— Оома! Если такъ . . . конечно, я чувствую . . .
— вскричалъ дядя въ чрезвычайномъ волненіи.

— Если вы, дѣйствительно, чувствуете, полковникъ, то благоволите дослушать, а не прерывать меня. Продолжаю: вся вина моя, слѣдственно, состояла въ томъ, что я слишкомъ убивался о судьбѣ и счастьи этого дитяти: ибо она еще дитя передъ вами. Высочайшая любовь къ человѣчеству сдѣлала меня въ это время какимъ-то бѣсомъ гнѣва и мнительности. Я готовъ былъ кидаться на людей и терзать ихъ. И знаете ли, Егоръ Ильичъ, что всѣ поступки ваши, какъ нарочно, поминутно подтверждали мою мнительность и удостовѣряли меня во всѣхъ подозрѣніяхъ моихъ? Знаете ли, что вчера, когда вы осыпали меня своимъ золотомъ, чтобъ удалить меня отъ себя, я подумалъ: «онъ удаляетъ отъ себя, въ лицѣ моемъ, свою совѣсть, чтобъ удобнѣе совершить преступленіе» . . .

— Оома, Оома! Неужели ты это думалъ вчера?
— съ ужасомъ вскричалъ дядя. — Господи Боже, а я-то ничего не подозрѣвалъ!

— Само небо внушало мнѣ эти подозрѣнія, — продолжалъ Оома. — И рѣшите сами, что могъ я подумать, когда слѣпой случай привелъ меня въ тотъ вечеръ къ роковой скамейкѣ въ саду, что почувствовалъ я въ эту минуту — о, Боже! — увидѣвъ, наконецъ, собственными своими глазами, что всѣ подозрѣнія мои оправдались вдругъ, самымъ блистательнымъ образомъ? Но мнѣ еще оставалась одна надежда, слабая, конечно, но все же надежда — и что же? Сегодня утромъ вы разрушаете ее сами въ прахъ и въ обломки! Вы присылаете мнѣ письмо ваше; вы выставляете намѣреніе жениться; умоляете не разглашать . . . «Но почему же, — подумалъ я, — почему же онъ написать именно теперь, когда уже я застаю его, а не прежде? Почему же прежде онъ не прибѣжалъ ко мнѣ, счастливый и прекрасный — ибо

любовь украшаетъ лицо — почему не бросился онъ тогда въ мои объятія, не заплакалъ на груди моей слезами безпредѣльнаго счастья и не повѣдалъ мнѣ всего, всего?» Или я крокодилъ, который бы только сожралъ васъ, а не далъ бы вамъ полезнаго совѣта? Или я какой-нибудь отвратительный жукъ, который бы только укусилъ васъ, а не способствовалъ вашему счастью? «Другъ ли я его, или самое гнуснѣйшее изъ насѣкомыхъ?» — вотъ вопросъ, который я задалъ себѣ нынче утромъ! «Для чего, наконецъ, — думалъ я, — для чего же выписывалъ онъ изъ столицы своего племянника и сваталъ его къ этой дѣвицѣ, какъ не для того, чтобъ обмануть и насъ и *легкомысленнаго* племянника, а, между тѣмъ, втайнѣ продолжалъ преступнѣйшее изъ намѣреній?» Нѣтъ, полковникъ, если кто утвердилъ во мнѣ мысль, что взаимная любовь ваша преступна, то это вы сами, и одни только вы! Мало того, вы преступникъ и передъ этой дѣвицей, ибо ее, чистую и благодѣтельную, черезъ вашу неловкость и эгоистическую недовѣрчивость, вы подвергли клеветѣ и тяжкимъ подозрѣніямъ!

Дядя молчалъ, склонивъ голову: краснорѣчіе Оомы видимо одержало верхъ надъ всѣми его возраженіями, и онъ уже сознавалъ себя полнымъ преступникомъ. Генеральша и ея общество молча и съ благоговѣніемъ слушали Оому, а Перепелицына съ злобнымъ торжествомъ смотрѣла на бѣдную Настеньку.

— Пораженный, раздраженный, убитый, — продолжалъ Оома, — я заперся сегодня на ключъ и молился, да внушить мнѣ Богъ правыя мысли! Наконецъ, положилъ я: въ послѣдній разъ и публично испытать васъ. Я, можетъ быть, слишкомъ горячо принялся, можетъ быть, слишкомъ предался моему негодованію; но за благороднѣйшія побужденія мои вы вышвырнули меня изъ окошка! Падая изъ окошка, я думалъ про себя: «вотъ такъ-то всегда на свѣтѣ воз-

награждается добродѣтель!» Тутъ я ударился оземь и затѣмъ едва помню, что дальше со мною случилось.

Визги и стоны прервали Оому Оомича на этомъ трагическомъ воспоминаніи. Генеральша бросилась было къ нему, съ бутылкой малаги въ рукахъ, которую она только-что передъ этимъ вырвала изъ рукъ воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Оома величественно отвелъ рукой и малагу, и генеральшу.

— Остановитесь! — вскричалъ онъ, — мнѣ надо кончить. Что случилось послѣ моего паденія — не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здѣсь, чтобъ составить ваше обоюдное счастье. Полковникъ! По многимъ признакамъ, которыхъ я не хочу теперь объяснять, я увѣрился, наконецъ, что любовь ваша была чиста и даже возвышенна, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преступно недовѣрчива. Избитый, униженный, подозрѣваемый въ оскорбленіи дѣвицы, за честь которой я, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ, готовъ былъ пролить до капли всю кровь мою, — я рѣшаюсь теперь показать вамъ, какъ мститъ за свои обиды Оома Опискинъ. Протяните мнѣ вашу руку, полковникъ!

— Съ удовольствіемъ, Оома, — вскричалъ дядя. — И такъ какъ ты вполне объяснился теперь о чести благороднѣйшей особы, то . . . разумѣется . . . вотъ тебѣ рука моя, Оома, вмѣстѣ съ моимъ раскаяніемъ . . .

И дядя съ жаромъ подалъ ему руку, не подозрѣвая еще, что изъ этого выйдетъ.

— Дайте и вы мнѣ вашу руку, — продолжалъ Оома слабымъ голосомъ, раздвигая дамскую сбившуюся около него толпу и обращаясь къ Настенькѣ.

Настенька смутилась, смѣшалась и робко смотрѣла на Оому.

— Подойдите, подойдите, милое мое дитя! Это необходимо для вашего счастья, — ласково приба-

вить Оома, все еще продолжая держать руку дяди въ своихъ рукахъ.

— Что это онъ затѣваетъ? — проговорилъ Мизинчиковъ.

Настя, испуганная и дрожащая, медленно подошла къ Оомѣ и робко протянула ему свою ручку.

Оома взялъ эту ручку и положилъ ее въ руку дяди.

— Соединяю и благословляю васъ, — произнесъ онъ самымъ торжественнымъ голосомъ, — и если благословеніе убитаго горемъ страдальца можетъ послужить вамъ въ пользу, то будьте счастливы. Вотъ, какъ мститъ Оома Опискинъ! Урра!

Всеобщее изумленіе было безпредѣльно. Развязка была такъ неожиданна, что на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ. Генеральша, какъ была, такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ и съ бутылкой малаги въ рукахъ. Перепелицына поблѣднѣла и затряслась отъ ярости. Приживалки всплеснули руками и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Дядя задрожалъ и хотѣлъ что-то проговорить, но не могъ. Настя поблѣднѣла, какъ мертвая, и робко проговорила, что «это нельзя»... — но уже было поздно. Бахчеевъ первый — надо отдать ему справедливость — подхватилъ ура Оомы Оомича, за нимъ я, за мною во весь свой звонкій голосокъ Сашенька, тутъ же бросившаяся обнимать отца; потомъ Илюша, потомъ Ежевикинъ; послѣ всѣхъ ужъ Мизинчиковъ.

— Ура! — крикнулъ другой разъ Оома, — урра! И на колѣни, дѣти моего сердца, на колѣни передъ нѣжнѣйшею изъ матерей! Просите ея благословенія и, если надо, я самъ преклоню передъ нею колѣни, вмѣстѣ съ вами...

Дядя и Настя, еще не взглянувъ другъ на друга, испуганные и, кажется, не понимавшіе, что съ ними дѣлается, упали на колѣни передъ генеральшей; всѣ столпились около нихъ; но старуха стояла какъ будто

ошеломленная, совершенно не понимая, какъ ей поступить. Оома помогъ и этому обстоятельству: онъ самъ повергся передъ своей покровительницей. Это разомъ уничтожило всѣ ея недоумѣнія. Заливаясь слезами, она проговорила, наконецъ, что согласна. Дядя вскочилъ и стиснулъ Оому въ объятіяхъ.

— Оома, Оома! . . — проговорилъ онъ, но голосъ его осѣкся, и онъ не могъ продолжать.

— Шампанскаго! — заревѣлъ Степанъ Алексѣевичъ. — Урра!

— Нѣтъ-съ, не шампанскаго-съ, — подхватила Перепелицына, которая уже успѣла опомниться и сообразить всѣ обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдствія; — а свѣчку Богу зажечь-съ, образу помолиться, да образомъ и благословить-съ, какъ всѣми набожными людьми исполняется-съ . . .

Тотчасъ всѣ бросились исполнять благоразумный совѣтъ; поднялась ужасная суетня. Надо было за-свѣтить свѣчку. Степанъ Алексѣевичъ подставилъ стулъ и полѣзь приставлять свѣчу къ образу, но тотчасъ же подломилъ стулъ и тяжело соскочилъ на полъ, удержавшись, впрочемъ, на ногахъ. Нисколько не разсердившись, онъ тутъ же съ почтеніемъ уступилъ мѣсто Перепелицыной. Тоненькая Перепелицына мигомъ обдѣлала дѣло: свѣча зажглась. Монашенка и приживалки начали креститься и класть земные поклоны. Сняли образъ Спасителя и поднесли генеральшѣ. Дядя и Настя снова стали на колѣни, и церемонія совершилась при набожныхъ наставленіяхъ Перепелицыной, минутно приговаривавшей: «въ ножки-то поклонитесь, къ образу-то приложитесь, руку-то у мамыши поцѣлуйте-съ!» Послѣ жениха и невѣсты къ образу почеть себя обязаннымъ приложиться и господинъ Бахчеевъ, при чемъ тоже поцѣловать у матушки-генеральши ручку. Онъ былъ въ восторгѣ неописанномъ.

— Урра! — закричалъ онъ снова. — Вотъ теперь такъ ужъ выпьемъ шампанскаго!

Впрочемъ, и всѣ были въ восторгѣ. Генеральша плакала, но теперь ужъ слезами радости: союзъ, благословенный Омою, тотчасъ же сдѣлался въ глазахъ ея и приличнымъ, и священнымъ, — а, главное, она чувствовала, что Ома Омичъ отличился и что теперь ужъ останется съ нею на вѣки вѣковъ. Всѣ приживалки, по крайней мѣрѣ съ виду, раздѣляли всеобщій восторгъ. Дядя — то становился передъ матерью на колѣни и цѣловалъ ея руки, то бросался обнимать меня, Бахчеева, Мизинчикова и Ежевикаина. Илюшу онъ чуть было не задушилъ въ своихъ объятіяхъ. Саша бросилась обнимать и цѣловать Настеньку. Прасковья Ильинична обливалась слезами. Господинъ Бахчеевъ, замѣтивъ это, подошелъ къ ней, — къ ручкѣ. Старикашка Ежевикинъ расчувствовался и плакалъ въ углу, обтирая глаза своимъ клѣтчатымъ, вчерашнимъ платкомъ. Въ другомъ углу хныкалъ Гаврила и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Ому Омича, а Оалалей рыдалъ во весь голосъ, подходилъ ко всѣмъ и тоже цѣловалъ у всѣхъ руки. Всѣ были подавлены чувствомъ. Никто еще не начиналъ говорить, никто не объяснялся; казалось, все уже было сказано; раздавались только радостныя восклицанія. Никто не понималъ еще, какъ это все вдругъ такъ скоро устроилось. Знали только одно, что все это сдѣлалъ Ома Омичъ, и что это фактъ насущный и непреложный.

Но еще и пяти минутъ не прошло послѣ всеобщаго счастья, какъ вдругъ между нами явилась Татьяна Ивановна. Какимъ образомъ, какимъ чутьемъ могла она такъ скоро, сидя у себя наверху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула съ сіяющимъ лицомъ, со слезами радости на глазахъ, въ обольстительно изящномъ туалетѣ (наверху она-таки успѣла

переодѣться) и прямо, съ громкими криками, бросилась обнимать Настеньку.

— Настенька, Настенька! Ты любила его, а я и не знала, — вскричала она. — Боже! Они любили другъ друга, они страдали въ тишинѣ, втайнѣ! Ихъ преслѣдовали! Какой романъ! Настя, голубчикъ мой, скажи мнѣ всю правду: неужели ты въ самомъ дѣлѣ любишь этого безумца?

Вмѣсто отвѣта, Настя обняла ее и поцѣловала.

— Боже, какой очаровательный романъ! — и Татьяна Ивановна захлопала въ ладоши. — Слушай, Настя, слушай, ангелъ мой: всѣ эти мужчины, всѣ до единого — неблагодарные, изверги и не стоятъ нашей любви. Но, можетъ быть, онъ лучшій изъ нихъ. Подойди ко мнѣ, безумецъ! — вскричала она, обращаясь къ дядѣ и хватая его за руку, — неужели ты влюбленъ? Неужели ты способенъ любить? Смотри на меня: я хочу посмотрѣть тебѣ въ глаза; я хочу видѣть, лгутъ ли эти глаза, или нѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, они не лгутъ: въ нихъ сіяетъ любовь. О, какъ я счастлива! Настенька, другъ мой, послушай, ты небогата: я подарю тебѣ тридцать тысячъ. Возьми, ради Бога! Мнѣ не надо, не надо; мнѣ еще много останется. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — закричала она и замахала руками, увидя, что Настя хочетъ отказываться. — Молчите и вы, Егоръ Ильичъ, это не ваше дѣло. Нѣтъ, Настя, я ужъ такъ положила — тебѣ подарить; я давно хотѣла тебѣ подарить, и только дожидалась первой любви твоей... Я буду смотрѣть на ваше счастье. Ты обидишь меня, если не возьмешь; я буду плакать, Настя... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Татьяна Ивановна была въ такомъ восторгѣ, что, въ эту минуту по крайней мѣрѣ, невозможно, даже жаль было ей возражать. На это и не рѣшились, а отложили до другого времени. Она бросилась цѣловать генеральшу, Перепелицыну — всѣхъ насъ. Бахчевъ

почтительнѣйшимъ образомъ протѣснился къ ней и попросилъ и у ней ручку.

— Матушка ты моя! Голубушка ты моя! Прости ты меня, дурака, за давешнее: не зналъ я твоего золотого сердечка!

— Безумецъ! Я давно тебя знаю, — съ восторженною игривостью пролепетала Татьяна Ивановна, ударила Степана Алексѣевича по носу перчаткой и порхнула отъ него, какъ зефиръ, задѣвъ его своимъ пышнымъ платьемъ. Толстякъ почтительно посторонился.

— Достойнѣйшая дѣвица! — проговорилъ онъ съ умиленіемъ. — А носъ-то нѣмцу вѣдь подклеили! — шепнулъ онъ мнѣ конфиденціально, радостно смотря мнѣ въ глаза.

— Какой носъ? Какому нѣмцу? — спросилъ я въ удивленіи.

— А вотъ, выписному-то, что ручку-то у своей нѣмки цѣлуешь, а та слезу платкомъ вытираетъ. Евдокимъ у меня починилъ вчера еще; а давеча, какъ воротились съ погони, я и послалъ верхового... Скоро привезутъ. Превосходная вещь!

— Оома! — вскричалъ дядя, въ изступленномъ восторгѣ, — ты виновникъ нашего счастья! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

— Ничѣмъ, полковникъ, — отвѣчалъ Оома съ постной миной. — *Продолжайте не обращать на меня вниманія* и будьте счастливы безъ Оомы.

Онъ былъ, очевидно, пикированъ: среди всеобщихъ изліяній о немъ какъ будто и забыли.

— Это все отъ восторга, Оома! — вскричалъ дядя. — Я, братъ, ужъ и не помню, гдѣ и стою. Слушай, Оома: я обидѣлъ тебя. Всей жизни моей, всей крови моей не достанетъ, чтобъ удовлетворить твою обиду, и потому я молчу, даже не извиняюсь. Но если когда-нибудь тебѣ понадобится моя голова, моя жизнь, есля надо будетъ броситься за тебя въ разверстую бездну,

то повелѣвай и увидишь . . . Я больше ничего не скажу, Оома.

И дядя махнулъ рукой, вполнѣ сознавая невозможность прибавить что-нибудь еще, что бѣ сильнѣе могло выразить его мысль. Онъ только глядѣлъ на Оому благодарными, полными слезъ глазами.

— Вотъ они какіе ангелы-съ! — пропищала, въ свою очередь, въ похвалу Оомѣ, дѣвица Перепелицына.

— Да, да! — подхватила Сашенька, — я и не знала, что вы такой хорошій человекъ, Оома Оомичъ, и была къ вамъ непочтительна. А вы простите меня, Оома Оомичъ, и ужъ будьте увѣрены, что я буду васъ всеѣмъ сердцемъ любить. Если бѣ вы знали, какъ я теперь васъ почитаю!

— Да, Оома! — подхватилъ Бахчевъ, — прости и ты меня, дурака! Не зналъ я тебя, не зналъ! Ты, Оома Оомичъ, не только ученый, но и — просто герой! Весь домъ мой къ твоимъ услугамъ. А лучше всего, приѣзжай-ка, братъ, ко мнѣ послѣзавтра, да ужъ и съ матушкой-генеральшей, да ужъ и съ женихомъ и невѣстой, — да чего тутъ! Всеѣмъ домомъ ко мнѣ! То-есть, вотъ какъ пообѣдаемъ, — заранѣе не похваюсь, а одно скажу: только птичьего молока для васъ не достану! Великое слово даю!

Среди этихъ изліяній подошла къ Оомѣ Оомичу и Настенька и безъ дальнихъ словъ, крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Оома Оомичъ! — сказала она, — вы нашъ благодѣтель, вы столько для насъ сдѣлали, что я и не знаю, чѣмъ вамъ заплатить за все это, а только знаю, что буду для васъ самой нѣжной, самой почтительной сестрой . . .

Она не могла договорить: слезы заглушали слова ея. Оома поцѣловалъ ее въ голову и прослезился.

— Дѣти мои, дѣти моего сердца! — сказалъ онъ. — Живите, цвѣтите, и, въ минуты счастья, вспоминайте

когда-нибудь про бѣднаго изгнанника! Про себя же скажу, что несчастье есть, можетъ быть, мать добродѣтели. Это сказалъ, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у котораго бываютъ иногда зернистыя мысли. Изгнаніе есть несчастье! Скитальцемъ пойду я теперь по землѣ съ моимъ посохомъ, и кто знаетъ? Можетъ быть, черезъ несчастья мои я стану еще добродѣтельнѣе! Эта мысль — единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе!

— Но . . . куда же ты уйдешь, Оома? — въ испугѣ вскричалъ дядя. Всѣ вздрогнули и устремились къ Оомѣ.

— Но развѣ я могу оставаться въ вашемъ домѣ послѣ давешняго вашего поступка, полковникъ? — спросилъ Оома съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

Но ему не дали говорить: общіе крики заглушили слова его. Его усадили въ кресло, его упрашивали, его оплакивали и ужъ не знаю, что еще съ нимъ дѣлали. Конечно, и въ мысляхъ его не было выйти изъ «этого дома», такъ же, какъ и давеча не было, какъ не было и вчера, какъ не было и тогда, когда онъ копалъ въ огородѣ. Онъ зналъ, что теперь его набожно остановятъ, уцѣплятъ за него, особенно когда онъ всѣхъ осчастливилъ, когда всѣ въ него снова увѣровали, когда всѣ готовы были носить его на рукахъ и почитать это за честь и за счастье. Но, вѣроятно, давешнее, малодушное его возвращеніе, когда онъ испугался грозы, нѣсколько щекотало его амбицію и подстрекало его еще какъ-нибудь погеройствовать; а главное — предстоялъ такой соблазнъ поломаться; можно было такъ хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности противиться искушенію. Онъ и не противился; онъ вырвался отъ непускавшихъ его; онъ требовалъ своего посоха, молилъ, чтобы отдали ему его свободу, чтобы отпустили его на всѣ четыре стороны; что онъ въ «этомъ

домъ» былъ обезчещенъ, избитъ. что онъ воротился для того, чтобъ составить всеобщее счастье; что можетъ ли онъ, наконецъ, оставаться въ «домъ неблагодарности и ѣсть щи, хотя и сытныя, по приправленнымъ побоями?» Наконецъ, онъ пересталъ вырываться. Его снова усадили въ кресло; но краснорѣчіе его не прерывалось.

— Развѣ не обижали меня здѣсь? — кричалъ онъ, — развѣ не дразнили меня языкомъ? Развѣ вы, вы сами, полковникъ, подобно невѣжественнымъ дѣтямъ мѣщанъ на городскихъ улицахъ, не показывали мнѣ ежечасно шиши и кукиши? Да, полковникъ! Я стою за это сравненіе потому, что если вы и не показывали мнѣ ихъ физически, то все равно, это были нравственные кукиши, а нравственные кукиши въ иныхъ случаяхъ даже обиднѣе физическихъ. Я уже и не говорю о побояхъ...

— Оома, Оома! — вскричалъ дядя, — не убивай меня этимъ воспоминаніемъ. Я ужъ говорилъ тебѣ, что всей крови моей недостаточно, чтобъ омыть эту обиду. Будь же великодушенъ! Забудь, прости и останься созерцать наше счастье! Твои плоды, Оома...

— ... Я хочу любить, любить человѣка, — кричалъ Оома, — а мнѣ не даютъ человѣка, запрещаютъ любить, отнимаютъ у меня человѣка! Дайте, дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его! Гдѣ этотъ человѣкъ? Куда спрятался этотъ человѣкъ? Какъ Діогенъ съ фонаремъ, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколѣ не найду этого человѣка. Горе тому, кто сдѣлалъ меня чело-вѣконенавистникомъ! Я кричу: дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его, а мнѣ суютъ Оалалея! Оалалея ли я полюблю? Захочу ли я полюбить Оалалея? Могу ли я, наконецъ, любить Оалалея, если бѣ даже хотѣлъ? Нѣтъ; почему нѣтъ? Потому что онъ Оалалей. Почему я не люблю человечества? Потому что все, что ни есть на свѣтѣ — Оалалей, или похоже

на Фалалея. Я не хочу Фалалея, я ненавижу Фалалея, я плюю на Фалалея, я раздавлю Фалалея, и, если бѣ надо было выбирать, то я полюблю скорѣе Асмодея, чѣмъ Фалалея! Поди, поди сюда, мой всегдашній истязатель, поди сюда! — закричалъ онъ, вдругъ обратившись къ Фалалею, самымъ невиннѣйшимъ образомъ выглядывавшему на цыпочкахъ изъ-за толпы, окружавшей Оому Омича, — поди сюда! Я докажу вамъ, полковникъ, — закричалъ Оома, притягивая къ себѣ рукой Фалалея, обезпамятѣвшаго отъ страха, — я докажу вамъ справедливость словъ моихъ о всегдашнихъ насмѣшкахъ и кукинахъ! Скажи, Фалалей, и скажи правду; что видѣлъ ты во снѣ сегодняшнюю ночь? Вотъ, увидите, полковникъ, увидите ваши плоды! Ну, Фалалей, говори!

Бѣдный мальчикъ, дрожавшій отъ страха, обводилъ кругомъ отчаянный взглядъ, ища хоть въ комъ-нибудь своего спасенія; но всѣ только трепетали и съ ужасомъ ждали его отвѣта.

— Ну же, Фалалей, я жду!

Вмѣсто отвѣта Фалалей сморщилъ лицо, растянулъ свой ротъ и заревѣлъ, какъ теленокъ.

— Полковникъ! Видите ли это упорство? Неужели оно натуральное? Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ, Фалалей, скажи: какой сонъ ты видѣлъ сегодня?

— Про...

— Скажи, что меня видѣлъ, — подсказалъ Бахчевевъ.

— Про ваши добродѣтели-съ! — подсказалъ на другое ухо Ежевикинъ.

Фалалей только оглядывался.

— Про... про ваши доб... про бѣлаго быка! промычалъ онъ, наконецъ, и залился горячими слезами.

Всѣ ахнули. Но Оома Омичъ былъ въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія.

— По крайней мѣрѣ, я вижу твою искренность, Өалалей, — сказалъ онъ, — искренность, которой не замѣчаю въ другихъ. Богъ съ тобою! Если ты парочно дразнишь меня этимъ сномъ, по навѣту другихъ, то Богъ воздастъ и тебѣ, и другимъ. Если же нѣтъ, то уважаю твою искренность, ибо даже въ послѣднемъ изъ созданий, какъ ты, я привыкъ различать образъ и подобіе Божіе. . . Я прощаю тебя, Өалалей! Дѣти мои, обнимите меня, я остаюсь! . .

— Остается! — вскричали всѣ съ восторгомъ.

— Остаюсь и прощаю. Полковникъ, наградите Өалалея сахаромъ: пусть не плачетъ онъ въ такой день всеобщаго счастья.

Разумѣется, такое великодушіе нашли изумительнымъ. *Такъ* заботиться, въ *такую* минуту и — о комъ же? О Өалалей! Дядя бросился исполнять приказаніе о сахарѣ. Тотчасъ же — Богъ знаетъ откуда — въ рукахъ Прасковьи Ильиничны явилась серебряная сахарница. Дядя вынулъ было дрожавшею рукою два куска, потомъ три, потомъ уронилъ ихъ, наконецъ, видя, что ничего не въ состояніи сдѣлать отъ волненія.

— Э! — вскричалъ онъ, — ужь для такого дня! Держи, Өалалей! — и высыпалъ ему за пазуху всю сахарницу.

— Это тебѣ за искренность, — прибавилъ онъ въ видѣ правоученія.

— Господинъ Коровкинъ, — доложилъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Видоплясовъ.

Произошла маленькая суета. Посѣщеніе Коровкина было, очевидно, некстати. Всѣ вопросительно посмотрѣли на дядю.

— Коровкинъ! — вскричалъ дядя въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — Конечно, я радъ. . . — прибавилъ онъ, робко взглядывая на Өому, — но, ужь, право, не знаю, просить ли его теперь. — въ такую минуту. Какъ ты думаешь, Өома?

— Ничего, пичего! — благосклонно проговорилъ Оома, — пригласите и Коровкина; пусть и онъ участвуетъ во всеобщемъ счастьи.

Словомъ, Оома Оомичъ былъ въ ангельскомъ расположеніи духа.

— Почтительнѣйше осмѣлюсь доложить-сь, — замѣтилъ Видоплясовъ, — что Коровкинъ изволяетъ находится не въ своемъ видѣ-сь.

— Не въ своемъ видѣ? Какъ? Что ты врешь? — вскричалъ дядя.

— Точно такъ-сь: не въ трезвомъ состояніи души-сь . . .

Но прежде чѣмъ дядя успѣлъ раскрыть ротъ, покраснѣть, испугаться и сконфузиться до послѣдней степени, послѣдовало и разрѣшеніе загадки. Въ дверяхъ появился самъ Коровкинъ, отвелъ рукой Видоплясова и предсталъ предъ изумленною публикой. Это былъ невысокій, но плотный господинъ, лѣтъ сорока, съ темными волосами и съ просѣдью, выстриженный подъ гребенку, съ багровымъ, круглымъ лицомъ, съ маленькими, налитыми кровью глазами, въ высокомъ волосяномъ галстукѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, во фракѣ, необыкновенно истасканномъ, въ пуху и въ сѣнѣ, и сильно лопнувшемъ подъ мышкой, въ pantalon impossible и при фуражкѣ, засаленной до невѣроятности, которую онъ держалъ на отлетѣ. Этотъ господинъ былъ совершенно пьянъ. Выйдя на средину комнаты, онъ остановился, покачиваясь и тюкая впередъ носомъ, въ пьяномъ раздумьи; потомъ медленно во весь ротъ улыбнулся.

— Извините, господа, — проговорилъ онъ, — я... того... (тутъ онъ щелкнулъ по воротнику) получилъ! — Генеральша немедленно приняла видъ оскорбленнаго достоинства. Оома, сидя въ креслѣ, иронически обмѣривалъ взглядомъ эксцентрическаго гостя. Бахчевевъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывало, однако, нѣкоторое сочувствіе. Сму-

щеніе же дяди было невѣроятное; онъ всюю душою страдалъ за Коровкина.

— Коровкинъ! — началъ было онъ, — послушайте!

— Атанде-съ, — прервалъ Коровкинъ. — Рекомендуюсь: дитя природы. . . Но, что я вижу? Здѣсь дамы. . . А зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, подлець, что у тебя здѣсь дамы? — прибавилъ онъ, съ плутовскою улыбкою смотря на дядю, — ничего! Не робѣй! . . . Представимся и прекрасному полу. . . Прелестныя дамы! — началъ онъ, съ трудомъ ворочая языкъ и завязая на каждомъ словѣ; — вы видите несчастнаго, который. . . ну, да ужъ и такъ далѣ. . . Остальное не договаривается. . . Музыканты! Польку!

— А не хотите ли заснуть? — спросилъ Мизинчиковъ, спокойно подходя къ Коровкину.

— Заснуть! Да вы съ оскорбленіемъ говорите?

— Нисколько. Знаете, съ дороги полезно. . .

— Никогда! — съ негодованіемъ отвѣчалъ Коровкинъ. — Ты думаешь, я пьянъ? — нимало. . . А, впрочемъ, гдѣ у васъ спать?

— Пойдемте, я васъ сейчасъ проведу.

— Куда? Въ сарай? Нѣтъ, братъ, не надуешь! Я ужъ тамъ ночевалъ. . . А, впрочемъ, веди. . . Съ хорошимъ человѣкомъ отчего не пойти? . . . Подушки не надо; военному человѣку не надо подушки. А ты мнѣ, братъ, диванчикъ сочини. . . Да слушай, — прибавилъ онъ, останавливаясь, — ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мнѣ того. . . понимаешь? Ромею, такъ только, чтобъ муху задавить. . . единственно, чтобъ муху задавить, одну, то-есть, рюмочку.

— Хорошо, хорошо! — отвѣчалъ Мизинчиковъ.

— Хорошо. . . Да ты постой, вѣдь надо жъ проститься. Adieu, mesdames и mesdemoiselles! . . . Вы, такъ сказать, пронзили. . . Ну, да ужъ нечего! Послѣ объяснимся. . . а только разбудите меня, какъ начнет-

ся... или даже за пять минут до начала... а безъ меня не начинать! Слышите? Не начинать!..

И веселый господинъ скрылся за Мизинчиковымъ.

Всѣ молчали. Недоумѣніе еще продолжалось. Наконецъ, Оома началъ понемногу, молча и неслышно, хихикать; смѣхъ его разрастался все болѣе и болѣе въ хохоть. Видя это, повеселѣла и генеральша, хотя все еще выраженіе оскорбленнаго достоинства сохранялось въ лицѣ ея. Невольный смѣхъ начиналъ подыматься со всѣхъ сторонъ. Дядя стоялъ, какъ ошеломленный, краснѣя до слезъ и нѣкоторое время не въ состояніи вымолвить слова.

— Господи Боже! — проговорилъ онъ, наконецъ, — кто жъ это зналъ? Но вѣдь... вѣдь это со всякимъ же можетъ случиться. Оома, увѣряю тебя, что это честиѣйшій, благородиѣйшій и даже чрезвычайно начитанный человѣкъ, Оома... вотъ ты увидишь!..

— Вижу-съ, вижу-съ, — отвѣчалъ Оома, задыхаясь отъ смѣха, — необыкновенно начитанный, именно начитанный!

— Про желѣзныя дороги какъ говорить-съ! — замѣтилъ вполголоса Ежевикинъ.

— Оома!.. — вскричалъ было дядя, но всеобщій хохоть покрылъ слова его. Оома Оомичъ такъ и заливался. Видя это, размѣялся и дядя.

— Ну, да что тутъ! — сказалъ онъ съ увлеченіемъ. — Ты великодушенъ, Оома, у тебя великое сердце: ты составилъ мое счастье... ты же простишь и Коровкину.

Не смѣялась одна только Настенька. Полными любовью глазами смотрѣла она на жениха своего и какъ будто хотѣла вымолвить:

«Какой ты, однакожь, прекрасный, какой добрый, какой благороднѣйшій человѣкъ, и какъ я люблю тебя!»

З а к л ю ч е н і е

Торжество Оомы было полное и непоколебимое. Дѣйствительно, безъ него ничего бы не устроилось, и совершившійся фактъ подавлялъ все сомнѣнія и возраженія. Благодарность очастливленныхъ была безгранична. Дядя и Настенька такъ и замахали на меня руками, когда я попробоваль было слегка намекнуть, какимъ процессомъ получилось согласіе Оомы на ихъ свадьбу. Сашенька кричала: «добрый, добрый Оома Оомичъ; я ему подушку гарусомъ вышию!» и даже пристыдила меня за мое жестокосердіе. Новообращенный Степанъ Алексѣичъ, кажется, задушилъ бы меня, если бъ мнѣ вздумалось сказать при немъ что-нибудь непочтительно про Оому Оомича. Онъ теперь ходилъ за Оомой какъ собачка, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и къ каждому слову его прибавлялъ: «благороднѣйшій ты человѣкъ, Оома! Ученый ты человѣкъ, Оома!» Что жъ касается Ежевикаина, то онъ былъ въ самой послѣдней степени восторга. Старикашка давнымъ-давно видѣлъ, что Настенька вскружила голову Егору Пльичу, и съ тѣхъ поръ наяву и во снѣ только и грезилъ о томъ, какъ бы выдать за него свою дочку. Онъ тянулъ дѣло до послѣдней возможности и отказался уже тогда, когда невозможно было не отказаться. Оома перестопилъ дѣло. Разумѣется, старикъ, несмотря на свой восторгъ, понималъ Оому Оомича насквозь; словомъ, было ясно, что Оома Оомичъ воцарился въ этомъ домѣ навѣки и что тиранству его теперь уже не будетъ конца. Извѣстно, что самые непріятнѣйшіе, самые непризнѣйшіе люди, хоть на время да укрощаются, когда удовлетворяютъ ихъ желаніямъ. Оома Оомичъ, совершенно напротивъ, какъ-то еще больше глупѣлъ при удачахъ и задиралъ носъ все выше и выше. Передъ самымъ обѣдомъ, перемѣнивъ бѣлье и переодѣвшись,

онъ усѣлся въ креслѣ, позвалъ дядю и, въ присутствіи всего семейства, сталъ читать ему новую проповѣдь.

— Полковникъ! — началъ онъ, — вы вступаете въ законный бракъ. Понимаете ли вы ту обязанность...

И такъ далѣе, и такъ далѣе; представьте себѣ десять страницъ, формата *Journal des Débats*, самой мелкой печати, наполненныхъ самымъ дикимъ вздоромъ, въ которомъ не было ровно ничего объ обязанностяхъ, а были только самыя безстыдныя похвалы уму, кротости, великодушію, мужеству и безкорыстію его самого, Оомы Оомича. Всѣ были голодны; всѣмъ хотѣлось обѣдать; но, несмотря на то, никто не смѣлъ противорѣчить и всѣ съ благоговѣніемъ дослушали всю дичь до конца; даже Бахчеевъ, при всемъ своемъ мучительномъ аппетитѣ, просидѣлъ, не шелохнувшись, въ самой полной почтительности. Удовлетворившись собственнымъ краснорѣчіемъ, Оома Оомичъ, наконецъ, развеселился и даже довольно сильно подпилъ за обѣдомъ, провозглашая самыя необыкновенныя тосты. Онъ принялся острить и подшучивать, разумѣется, насчетъ молодыхъ. Всѣ хохотали и аплодировали. Но нѣкоторыя изъ шутокъ были до такой степени сальны и недвусмысленны, что даже Бахчеевъ сконфузился. Наконецъ, Настенька вскочила изъ-за стола и убѣжала. Это привело Оому Оомича въ неописанный восторгъ; но онъ тотчасъ же нашелся: въ краткихъ, но сильныхъ словахъ изобразилъ онъ достоинства Настеньки и провозгласилъ тостъ за здоровье отсутствующей. Дядя, за минуту сконфуженный и страдавшій, готовъ былъ теперь обнимать Оому Оомича. Вообще, женихъ и невеста какъ будто стыдились другъ друга и своего счастья, — и я замѣтилъ: съ самаго благословенія еще они не сказали межъ собою ни слова, даже какъ будто избѣгали глядѣть другъ на друга. Когда встали изъ-за стола, дядя вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Отыскивая его, я забрелъ на террасу. Тамъ, сидя въ

креслѣ, за кофею, ораторствовалъ Оома, сильно под-
кураженный. Около него были только Ежевикинъ, Бах-
чевъ и Мизищиковъ. Я остановился послушать.

— Почему, — кричалъ Оома, — почему я готовъ
сейчасъ же идти на костеръ за мои убѣжденія? А
почему изъ васъ никто не въ состояніи пойти на ко-
стеръ? Почему, почему?

— Да вѣдь это ужъ и лишнее будетъ, Оома Оо-
мичъ, на костеръ-то-съ! — трунилъ Ежевикинъ. —
Ну, что толку? Во-первыхъ, и больно-съ, а во-вторыхъ,
сожгутъ — что останется?

— Что останется? Благородный пепелъ останется.
Но гдѣ тебѣ понять, гдѣ тебѣ оцѣнить меня! Для
васъ не существуетъ великихъ людей, кромѣ какихъ-то
тамъ Цезарей да Александровъ Македонскихъ! А что
сдѣлали твои Цезари? Кого осчастливили? Что сдѣ-
лалъ твой хваленый Александръ Македонскій? Всю
землю-то завоевалъ? Да ты дай мнѣ такую же фа-
лангу, такъ и я завоюю, и ты завоюешь, и онъ завою-
етъ... Зато онъ убилъ добродѣтельнаго Клита, а я
не убивалъ добродѣтельнаго Клита... Мальчишка! Про-
хвость! Розогъ бы дать ему, а не прославлять во все-
мірной исторіи... да ужъ вмѣстѣ и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Оома Оомичъ!

— Не пощажу дурака! — кричалъ Оома.

— И не щади! — съ жаромъ подхватилъ Сте-
панъ Алексѣевичъ, тоже подпившій, — нечего ихъ
щадить; всѣ они прыгуны, всѣ только бы на одной
ножкѣ повертѣться! Колбасники! Вотъ одинъ, давеча,
стипендію какую-то хотѣлъ учредить. А что такое
стипендія? Чортъ ее и знаетъ, что она значитъ! Объ
закладъ побьюсь, какая-нибудь новая пакость. А тотъ,
другой, давеча-то, въ благородномъ обществѣ, вензеля
пишетъ да рому просить! По-моему, отчего не выпить?
Да ты пей, пей, да и перегородку сдѣлай. а потомъ,

пожалуй, и опять пей... Нечего ихъ щадить! Всѣ мошенники! Одинъ только ты ученый, Ома!

Бахчевевъ, если отдавался кому, то отдавался весь, безусловно и безо всякой критики.

Я отыскалъ дядю въ саду, у пруда, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ съ Настенькой. Увидя меня, Настенька стрѣльнула въ кусты, какъ будто виноватая. Дядя пошелъ ко мнѣ навстрѣчу съ сіяющимъ лицомъ; въ глазахъ его стояли слезы восторга. Онъ взялъ меня за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Другъ мой! — сказалъ онъ, — я до сихъ поръ какъ будто не вѣрю моему счастью... Настя тоже. Мы только дивимся и прославляемъ Всевышняго. Сейчасъ она плакала. Повѣришь ли, до сихъ поръ я какъ-то не опомнился, какъ-то растерялся весь: и вѣрю, и не вѣрю! И за что это мнѣ? За что? Что я сдѣлалъ? Чѣмъ я заслужилъ!

— Если кто заслужилъ, дядюшка, то это вы, — сказалъ я съ увлеченіемъ. — Я еще не видалъ такого честнаго, такого прекраснаго, такого добрѣйшаго челоуѣка, какъ вы...

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, это слишкомъ, — отвѣчалъ онъ, какъ бы съ сожалѣніемъ. — То-то и худо, что мы добры (то-есть я про себя одного говорю), когда намъ хорошо; а когда худо, такъ и не подступайте близко! Вотъ мы только сейчасъ толковали объ этомъ съ Настей. Сколько ни сіялъ передо мной Ома, а повѣришь ли? Я, можетъ быть, до самаго сегодня не совсѣмъ въ него вѣрилъ, хотя и самъ увѣрялъ тебя въ его совершенствѣ; даже вчера не увѣровалъ, когда онъ отказывался отъ такого подарка! Къ стыду моему говорю! Сердце трепещетъ послѣ давешняго воспоминанія! Но я не владѣлъ собой... Когда онъ сказалъ давеча про Настю, то меня какъ будто въ самое сердце что-то укусило. Я не понялъ и поступилъ, какъ тигръ...

— Что жъ, дядюшка: можетъ, это было даже естественно.

Дядя замахалъ руками.

— Пѣтъ, пѣтъ, братъ, и не говори! А просто-запросто, все это отъ испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоистъ и безъ удержу отдаюсь страстямъ моимъ. Такъ и Оома говорить. (Что было отвѣчать на это?) Не знаешь ты, Сережа, — продолжать онъ съ глубокимъ чувствомъ, — сколько разъ я бывалъ раздражителенъ, безжалостенъ, несправедливъ, высокомеренъ, да и не къ одному Оомѣ. Вотъ теперь это все вдругъ пришло на память, и мнѣ какъ-то стыдно, что я до сихъ поръ ничего еще не сдѣлалъ, чтобъ быть достойнымъ такого счастья. Настя тоже сейчасъ говорила, хотя, право, не знаю, какіе на ней-то грѣхи, потому что она ангелъ, а не человѣкъ! Она сказала мнѣ, что мы въ страшномъ долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрѣе, дѣлать все добрыя дѣла... И если бъ ты слышалъ, какъ она горячо, какъ прекрасно все это говорила! Боже мой, что за дѣвушка!

Онъ остановился въ волненіи. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Мы положили, братъ, особенно лелѣять Оому, маменьку и Татьяну Ивановну. А Татьяна-то Ивановна! Какое благороднѣйшее существо! О, какъ я виноватъ передъ всѣми! Я и передъ тобой виноватъ... Но если кто осмѣлится теперь обидѣть Татьяну Ивановну, о! тогда... Ну, да ужъ нечего!.. Для Мизинчикова тоже надо что-нибудь сдѣлать.

— Да, дядюшка, я теперь переимѣнилъ мое мнѣніе о Татьянѣ Ивановнѣ. Ее нельзя не уважать и не сострадать ей.

— Именно, именно! — подхватилъ съ жаромъ дядя, — нельзя не уважать! Вѣдь вотъ, напримѣръ, Коровкинъ, вѣдь ты ужъ навѣрно смѣешься надъ нимъ.

— прибавилъ онъ, съ робостью заглядывая мнѣ въ лицо, — и всѣ мы давеча смѣялись надъ нимъ. А вѣдь это, можетъ быть, непростительно . . . вѣдь это, можетъ быть, превосходи́йшій, добрѣ́йшій человѣкъ, но судьба . . . испыталъ несчастья . . . Ты не вѣришь, а это, можетъ быть, истинно такъ.

— Нѣтъ, дядюшка; почему же не вѣрить?

И я съ жаромъ началъ говорить о томъ, что въ самомъ падшемъ созданіи могутъ еще сохраниться высочайшія человѣческія чувства; что неизслѣдима глубина души человѣческой; что нельзя презирать падшихъ! А, напротивъ, должно отыскивать и возстановлять; что невѣрна общеприятая мѣрка добра и правды, и проч., и проч., — словомъ, я воспламенился и рассказалъ даже о натуральной школѣ; въ заключеніе же прочелъ стихи:

«Когда изъ мрака заблужденья . . .»

Дядя пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Другъ мой, другъ мой! — сказалъ онъ, растроганный, — ты совершенно понимаешь меня и еще лучше меня рассказалъ все, что я самъ хотѣлъ было выразить. Такъ, такъ! Господи! Почему это золь человѣкъ? Почему я такъ часто бываю золь, когда такъ хорошо, такъ прекрасно быть добрымъ? Вотъ и Настя то же самое сейчасъ говорила . . . Но, посмотри, однакожъ, какое здѣсь славное мѣсто, — прибавилъ онъ, оглядываясь вокругъ себя, — какая природа! Какая картина! Экое дерево! Посмотри: въ объѣмъ человѣческій! Какой сокъ, какіе листья! Какое солнце! Какъ постѣ грозы-то все вокругъ повеселѣло, обмылось! . . . Вѣдь подумаешь, что и деревья понимаютъ тоже что-нибудь про себя, чувствуютъ и наслаждаются жизнью . . . Неужели жъ нѣтъ — а? Какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть, дядюшка. По-своему, разумѣется.

— Ну, да, разумѣется, по-своему. . . Дивный, дивный Творецъ! . . А вѣдь ты долженъ хорошо помнить весь этотъ садъ, Сережа: какъ ты тутъ игралъ и бѣгалъ, когда былъ маленькій! Я вѣдь помню, когда ты былъ маленькій, — прибавилъ онъ, смотря на меня съ неизъяснимымъ выраженіемъ любви и счастья. — Тебѣ только къ пруду не позволяли ходить одному. А помнишь, одинъ разъ, вечеромъ, Катя-покойница подзвала тебя и стала тебя ласкать. . . Ты все бѣгалъ въ саду, передъ этимъ, и весь разругался; волосы у тебя такіе свѣтленькіе, въ кудряшкахъ. . . Она ими играла-играла, да и сказала: «это хорошо, что ты его, сиротку, къ намъ взялъ». Помнишь иль нѣтъ?

— Чуть-чуть, дядюшка.

— Тогда еще вечеръ былъ, и солнце на васъ обоихъ такъ свѣтило, а я сидѣлъ въ углу и трубку курилъ, да на васъ смотрѣлъ. . . Я, Сережа, каждый мѣсяцъ къ ней на могилу, въ городъ, ѣзжу, — прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ слышались дрожаніе и подавляемая слезы. — Я объ этомъ сейчасъ Настѣ говорилъ: она сказала, что мы оба вмѣстѣ будемъ къ ней ѣздить. . .

Дядя замолчалъ, стараясь подавить свое волненіе. Въ эту минуту къ намъ подошелъ Видоплясовъ.

— Видоплясовъ! — вскричалъ дядя, востропунувшись, — ты отъ Оомы Оомича?

— Нѣтъ-съ, я болѣе по своей надобности-съ.

— А, ну и славно! Вотъ и узнаемъ про Коровкина. А я, вѣдь, еще давеча хотѣлъ спросить. . . Я ему, Сережа, велѣлъ тамъ наблюдать, Коровкина-то. — Въ чемъ дѣло, Видоплясовъ?

— Осмѣлюсь доложить, — сказалъ Видоплясовъ, — что вчера вы изволили упоминать-съ насчетъ моей

просьбы-съ, и обѣщать мнѣ ваше высокое заступленіе отъ ежедневныхъ обидь-съ.

— Неужели ты опять про фамилію? — вскричалъ дядя въ испугѣ.

— Что жъ дѣлать-съ? Ежечасныя обиды-съ...

— Ахъ, Видоплясовъ, Видоплясовъ! Что мнѣ съ тобой дѣлать? — сказалъ съ сокрушеніемъ дядя. — Ну, какія тебѣ могутъ быть обиды? Вѣдь ты просто съ ума сойдешь, въ желтомъ домѣ жизнь кончишь!

— Кажется, я умою моимъ-съ... — началъ было Видоплясовъ.

— Ну то-то, то-то, — перебилъ дядя, — я, братецъ, это такъ говорю, не въ обиду тебѣ, а въ пользу. Ну какія тамъ у тебя обиды? Бьюсь обь закладъ, какая-нибудь дрянъ?

— Проходу нѣтъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ-съ и преимущественно черезъ Матрену-съ. Черезъ нее я моею жизнію страдать пошелъ-съ. Извѣстно-съ, что всѣ отличительные люди-съ, кто сызмалѣтства еще меня видѣлъ, говорили, что я совсѣмъ на иностранца похожъ, преимущественно чертами лица-съ. Что же, сударь? Изъ-за этого мнѣ теперь и проходу нѣтъ-съ. Какъ только я мимо иду-съ, всѣ мнѣ слѣдомъ кричатъ всякія дурныя слова-съ; даже ребятишки маленькіе-съ, которыхъ надо прежде всего розгами высѣчь-съ, и тѣ кричатъ-съ... Вотъ и теперь, когда я сюда шелъ, кричали-съ... Мочи нѣтъ-съ. Защитите, сударь, вашимъ покровомъ-съ!

— Ахъ, Видоплясовъ!... Ну да что жъ они такое кричатъ? Вѣрно глупость какую-нибудь, на которую не надо вниманія обращать.

— Неприлично будетъ сказать-съ.

— Да что именно?

— Омерзительно выговорить-съ.

— Да ужъ говори!

— Гришка-голанецъ, съѣлъ померанецъ-съ.

— Фу, какой человекъ! Я думалъ и Богъ знаетъ что! А ты плюнь, да мимо и пройди.

— Плеваль-съ: еще больше кричать-съ.

— Да послушайте, дядюшка, — сказала я. — вѣдь онъ жалуется на то, что ему житья нѣтъ въ здѣшнемъ домѣ. Отправьте его хоть на время въ Москву, къ тому каллиграфу. Вѣдь онъ, вы говорили, у каллиграфа какаго-то жилъ.

— Ну, братъ, тотъ тоже кончилъ трагически!

— А что?

— Они-съ, — отвѣчалъ Видоплясовъ, — имѣли несчастье присвоить себѣ чужую собственность-съ, за что, несмотря на весь ихъ талантъ, были посажены въ острогъ-съ, гдѣ безвозвратно погибли-съ.

— Хорошо, хорошо, Видоплясовъ: ты теперь успокойся, а я все это разберу и улажу, — сказала дядя, — общаю тебѣ! Ну что Коровкинъ? Спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, они сейчасъ изволили отъѣхать-съ. Я съ тѣмъ и шелъ доложить-съ.

— Какъ отъѣхать? Что ты? Да какъ же ты выпустилъ? — вскричалъ дядя.

— По добродушію сердца-съ; жалостно было смотреть-съ. Какъ проснулись и вспомнили весь процессъ, такъ тотчасъ же ударили себя по головѣ и закричали благимъ матомъ-съ...

— Благимъ матомъ!..

— Почтительнѣе будетъ выразиться: многообразные вопли испускали-съ. Кричали: какъ они представляются теперь прекрасному полу-съ? А потомъ прибавили: «я не достоинъ рода человѣческаго!» и все такъ жалостно говорили-съ, въ отборныхъ словахъ-съ.

— Деликатнѣйшій человекъ! Я говорилъ тебѣ, Сергѣй... Да какъ же ты, Видоплясовъ, пустилъ, когда именно тебѣ я велѣлъ стеречь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Болѣе черезъ сердечную жалость-сь. Просили не говорить-сь. Ихъ же извозчикъ лошадей выкормить и запрегъ-сь. А за врученную, три дня назадъ, сумму-сь велѣли почтительнѣйше благодарить-сь и сказать, что вышлютъ долгъ съ одною изъ первыхъ почтъ-сь.

— Какую это сумму, дядюшка?

— Они называли двадцать пять рублей серебромъ-сь, — сказалъ Видоплясовъ.

— Это, я, братъ, ему тогда далъ взаймы, на станціи: у него не достало. Разумѣется, онъ вышлетъ съ первой же почтой... Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ жаль! Не послать ли въ погошу, Сережа?

— Нѣтъ, дядюшка, лучше не посылайте.

— Я самъ то же думаю. Видишь, Сережа, я, конечно, не философъ, но я думаю, что во всякомъ чело-вѣкѣ гораздо болѣе добра, чѣмъ снаружи кажется. Такъ и Коровкинъ: онъ не вынесъ стыда... Но пойдемъ, однакожъ, къ Ѳомѣ! Мы замѣшкались; можетъ оскорбиться неблагодарностію, невниманіемъ... Идемъ же! Ахъ, Коровкинъ, Коровкинъ!

Романъ конченъ. Любовники соединились, и геній добра безусловно воцарился въ домѣ, въ лицѣ Ѳомы Ѳомича. Тутъ можно бы сдѣлать очень много приличныхъ объясненій; но, въ сущности, всѣ эти объясненія теперь совершенно лишнія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Взамѣнъ всякихъ объясненій, скажу лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ героевъ моего разсказа: безъ этого, какъ извѣстно, не кончается ни одинъ романъ, и это даже предписано правилами.

Свадьба «осчастливленныхъ» произошла спустя шесть недѣль послѣ описанныхъ мною происшествій. Сдѣлали все тихо, семейно, безъ особенной пышности и безъ лишнихъ гостей. Я былъ шаферомъ Настеньки,

Мишинчиковъ — со стороны дяди. Впрочемъ, были и гости. Но самымъ первымъ, самымъ главнымъ человекомъ былъ, разумѣется, Оома Оомичъ. За нимъ ухаживали; его носили на рукахъ. Но какъ-то случилось, что его одинъ разъ обнесли шампанскимъ. Немедленно произошла исторія, сопровождавшаяся упреками, воплями, криками. Оома убѣжать въ свою комнату, захвативъ на ключъ, кричалъ, что презираютъ его, что теперь ужъ «новые люди» вошли въ семейство и потому онъ ничто, не болѣе, какъ щепка, которую надо выбросить. Дядя былъ въ отчаяніи; Настенька плакала: съ генеральшей, по обыкновенію, сдѣлались судороги... Свадебный пиръ походилъ на похороны. И ровно семь лѣтъ такого сожителства съ благодѣтелемъ, Оомой Оомичомъ, достались въ удѣлъ моему бѣдному дядѣ и бѣдненькой Настенькѣ. До самой смерти своей (Оома Оомичъ умеръ въ прошломъ году) онъ киснулъ, куксилъ, ломался, сердился, бранился: но благоговѣніе къ нему «осчастливленныхъ» не только не уменьшалось, но даже каждодневно возрастало, пропорціонально его капризамъ. Егоръ Ильичъ и Настенька до того были счастливы другъ съ другомъ, что даже боялись за свое счастье, считали, что это ужъ слишкомъ послалъ имъ Господь; что не стоятъ они такой милости, и предполагали, что, можетъ быть, впоследствии имъ назначено искупить свое счастье крестомъ и страданіями. Понятно, что Оома Оомичъ могъ дѣлать въ этомъ смиренномъ домѣ все, что ему вздумается. И чего-чего онъ не дѣлалъ въ эти семь лѣтъ! Даже нельзя себѣ представить, до какихъ необузданныхъ фантазій доходила иногда его пресыщенная, праздная душа въ изобрѣтеніи самыхъ утонченныхъ, нравственно-лукулловскихъ капризовъ. Три года спустя послѣ дядюшкиной свадьбы скончалась бабушка. Осиротѣвшій Оома былъ пораженъ отчаяніемъ. Даже и теперь въ домѣ дяди съ ужасомъ рассказываютъ о тогдашнемъ его положеніи. Когда засы-

пали могилу, онъ рвался въ нее и кричалъ, чтобъ и его вмѣстѣ засыпали. Цѣлый мѣсяцъ не давали ему ни ножей, ни вилокъ; а одинъ разъ силою, вчетверомъ, раскрыли ему ротъ и вынули оттуда булавку, которую онъ хотѣлъ проглотить. Кто-то изъ постороннихъ свидѣтелей борьбы замѣтилъ, что Оома Оомичъ тысячу разъ могъ проглотить эту булавку во время борьбы и, однакожъ, не проглотилъ. Но эту догадку выслушали всѣ съ рѣшительнымъ негодовашемъ и тутъ же уличили догадчика въ жестокосердіи и неприличіи. Только одна Настенька хранила молчаніе и чуть-чуть улыбулась. при чемъ дядя взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вообще нужно замѣтить, что Оома хотъ и куражился, хотъ и капризничалъ въ домѣ дяди по-прежнему, но прежнихъ деспотическихъ и наглыхъ распеканцій, какія онъ позволялъ себѣ съ дядей, уже не было. Оома жаловался, плакалъ, укорялъ, попрекалъ, стыдилъ, но уже не бранился попрежнему, — не было такихъ сценъ, какъ «ваше превосходительство», и это, кажется, сдѣлала Настенька. Она почти непримѣтно заставила Оому кой-что уступить и кой въ чемъ покориться. Она не хотѣла видѣть униженія мужа и настояла на своемъ желаніи. Оома ясно видѣлъ, что она его почти понимаетъ. Я говорю *почти*, потому что Настенька тоже лелѣяла Оому и даже каждый разъ поддерживала мужа, когда онъ восторженно восхвалялъ своего мудреца. Она хотѣла заставить другихъ уважать все въ своемъ мужѣ, потому гласн, оправдывала и его привязанность къ Оомѣ Оомичу. Но я увѣренъ, что золотое сердечко Настеньки забыло всѣ прежнія обиды: она все простила Оомѣ, когда онъ соединилъ ее съ дядей, и кромѣ того, кажется, серьезно всѣмъ сердцемъ вошла въ идею дяди, что со «страдальца» и прежняго шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротивъ, уврачевать сердце его. Бѣдная Настенька сама была изъ *униженныхъ*, сама страдала и помнила

это. Черезъ мѣсяць Ома утихъ, сдѣлался даже ласковъ и кротокъ, но зато — начались другіе, самые неожиданныя припадки: онъ началъ впадать въ какой-то магнетическій сонъ, устрашавшій всѣхъ до послѣдней степени. Вдругъ, напримѣръ, страдалецъ что-нибудь говоритъ, даже смѣется, и въ одно мгновеніе окаменѣеть, и окаменѣеть именно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находился въ послѣднее мгновеніе передъ припадкомъ; если, напримѣръ, онъ смѣялся, то такъ и оставался съ улыбкою на устахъ; если же держалъ что-нибудь, хоть вилку, то вилка и останется въ поднятой рукѣ, на воздухѣ. Потомъ, разумѣется, рука опустится, но Ома Омичъ уже ничего не чувствуетъ и не помнитъ, какъ она опустилась. Онъ сидитъ, смотритъ, даже моргаетъ глазами, но не говоритъ ничего, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Такъ продолжалось иногда по цѣлому часу. Разумѣется, всѣ въ домѣ чуть не умираютъ отъ страха, сдерживаютъ дыханіе, ходятъ на цыпочкахъ, плачутъ. Наконецъ, Ома проснется, чувствуя страшное изнеможеніе, и увѣряетъ, что ровно ничего не слышалъ и не видалъ во все это время. Нужно же, чтобъ до такой степени ломался. рисовался человѣкъ, выдерживалъ цѣлые часы добровольной муки — и единственно для того, чтобъ сказать потомъ: «смотрите на меня, я и чувствую-то краше, чѣмъ вы!» Наконецъ, Ома Омичъ проклялъ дядю «за ежечасныя обиды и непочтительность» и переѣхалъ жить къ господину Бахчеву. Степанъ Алексѣвичъ, который послѣ дядиной свадьбы еще много разъ ссорился съ Омой Омичомъ, но всегда кончалъ тѣмъ, что самъ же просилъ у него прощенья, въ этотъ разъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ жаромъ: онъ встрѣтилъ Ому съ энтузіазмомъ, накормилъ на убой и тутъ же положилъ формально разсориться съ дядей и даже подать на него просьбу. У нихъ былъ гдѣ-то спорный клочокъ земли, о которомъ, впрочемъ, никогда и не

спорили, потому что дядя вполне уступалъ его, безъ всякихъ споровъ, Степану Алексѣвичу. Не говоря ни слова, господинъ Бахчеевъ велѣлъ заложить коляску, поскакалъ въ городъ, настрочилъ тамъ просьбу и подалъ, прося судъ присудить ему формальнымъ образомъ землю, съ вознагражденіями проторей и убытковъ, и такимъ образомъ казнить самоуправство и хищничество. Между тѣмъ, Оома, на другой же день, соскучившись у господина Бахчеева, простилъ дядю, прѣхавшаго съ повинною, и отправился обратно въ Степанчиково. Гнѣвъ господина Бахчеева, возвратившагося изъ города и не заставшаго Оомы, былъ ужасенъ; но черезъ три дня онъ явился въ Степанчиково съ повинною, со слезами просилъ прощенья у дяди и уничтожилъ свою просьбу. Дядя въ тотъ же день помирилъ его съ Оомой Оомичомъ, и Степанъ Алексѣвичъ опять ходилъ за Оомой какъ собачка и попрежнему приговаривалъ къ каждому слову: «Умный ты человекъ, Оома! Ученый ты человекъ, Оома!»

Оома Оомичъ лежитъ теперь въ могилѣ, подлѣ генеральши; надъ нимъ стоитъ драгоценный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, весь испещренный плачевными цитатами и хвалебными надписями. Иногда Егоръ Ильичъ и Настенька благоговѣнно заходятъ, съ прогулки, въ церковную ограду поклониться Оомѣ. Они и теперь не могутъ говорить о немъ безъ особаго чувства, припоминаютъ каждое его слово, что онъ ѣлъ, что любилъ. Вещи его сберегаются, какъ драгоценность. Почувствовавъ себя совершенно осиротѣвшими, дядя и Настя еще болѣе привязались другъ къ другу. Дѣтей имъ Богъ не далъ; они очень горюютъ объ этомъ, но роптать не смѣютъ. Сашенька давно уже вышла замужъ за одного прекраснаго молодого человека. Илюша учится въ Москвѣ. Такимъ образомъ, дядя и Настя живутъ одни и не надышатся другъ на друга. Забота ихъ другъ о другѣ дошла до какой-то

болѣзненности. Настя непрерывно молится. Если кто изъ нихъ первый умретъ, то другой, я думаю, не проживетъ и недѣли. Но дай имъ Богъ долго жить! Принимають они всѣхъ съ полнымъ радушіемъ и готовы раздѣлить со всякимъ несчастнымъ все, что у нихъ имѣется. Настенька любитъ читать житія святыхъ и съ сокрушеніемъ говорить, что обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ еще мало, а что надо бы раздать все нищимъ и быть счастливыми въ бѣдности. Если бъ не забота объ Илюшѣ и Сашенькѣ, дядя бы такъ и сдѣлалъ, потому что онъ во всемъ вполне согласенъ съ женою. Съ ними живетъ Прасковья Ильинична и угождаетъ имъ во всемъ съ наслажденіемъ; она же ведетъ и хозяйство. Господинъ Бахчеевъ сдѣлать ей предложеніе еще вскорѣ послѣ дядюшкиной свадьбы, но она наотрѣзъ ему отказала. Заключили изъ этого, что она пойдетъ въ монастырь, но и этого не случилось. Въ натурѣ Прасковьи Ильиничны есть одно замѣчательное свойство: совершенно уничтожаться передъ тѣми, кого она полюбитъ, ежечасно исчезать передъ ними, смотрѣть имъ въ глаза, подчиняться всевозможнымъ ихъ капризамъ, ходить за ними и служить имъ. Теперь, по смерти генеральши, своей матери, она считаетъ своею обязанностью не разлучаться съ братомъ и угождать во всемъ Настенькѣ. Старикашка Ежевикинъ еще живъ, и въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ посѣщать свою дочь. Вначалѣ онъ приводилъ дядю въ отчаяніе тѣмъ, что почти совершенно отстранилъ себя и свою мелюзгу (такъ называлъ онъ дѣтей своихъ) отъ Степанчикова. Всѣ зазывы дяди не дѣйствовали на него: онъ былъ не столько гордъ, сколько щекотливъ и мнителенъ. Самолюбивая мнительность его доходила иногда до болѣзни. Мысль, что его, бѣдняка, будутъ принимать въ богатомъ домѣ изъ милости, сочтутъ назойливымъ и навязчивымъ, — убивала его; онъ даже отказывался иногда отъ Настенькиной

помощи и принималъ только самое необходимое. Отъ дяди же онъ ничего рѣшительно не хотѣлъ принять. Настенька чрезвычайно ошиблась, говоря миѣ тогда, въ саду, объ отцѣ, что онъ представляетъ изъ себя шута для нея. Правда, ему ужасно хотѣлось тогда выдать Настеньку замужъ; но корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобъ дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язычка* была у него въ крови. Онъ карикатурилъ, напримѣръ, изъ себя самага подлаго, самага низкопоклоннаго льстеца; но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унижительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала въ ней насмѣшка. Такая ужъ была его манера. Всѣхъ дѣтей его удалось размѣстить въ лучшихъ учебныхъ заведенiяхъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и то только, когда Настенька ясно доказала ему, что все это сдѣлается на ея собственный счетъ, то-есть въ счетъ ея собственныхъ тридцати тысячъ, подаренныхъ ей Татьяной Ивановной. Эти тридцать тысячъ, по правдѣ, никогда и не брали у Татьяны Ивановны; а ее, чтобъ она не горевала и не обижалась, умилоствовали, обѣщая ей при первыхъ неожиданныхъ семейныхъ нуждахъ обратиться къ ея помощи. Такъ и сдѣлали: для виду были произведены у ней, въ разное время, два довольно значительные займа. Но Татьяна Ивановна умерла, три года назадъ, и Настя все-таки получила свои тридцать тысячъ. Смерть бѣдной Татьяны Ивановны была скоропостижная. Все семейство собралось на балъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и только что успѣла она нарядиться въ свое бальное платье, а на голову надѣтъ очаровательный вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ вдругъ почувствовала дурноту, сѣла въ кресло и умерла. Въ этомъ вѣнкѣ ее и похоронили. Настя была въ отчаянiи. Татьяну Ивановну лелѣяли въ домѣ и ходили за ней, какъ за ребенкомъ. Она

удивила всѣхъ здравомыслиемъ своего завѣщанія: кромѣ Настенькиныхъ тридцати тысячъ, все остальное, до трехсотъ тысячъ ассигнаціями, назначалось для воспитанія бѣдныхъ сиротокъ-дѣвочекъ и для награжденія ихъ деньгами, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Въ годъ ея смерти вышла замужъ и дѣвица Перепелицына, которая, по смерти генеральши, осталась у дяди, въ надеждѣ подлизаться къ Татьянѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, овдовѣлъ чиновникъ-помѣщикъ, владѣтель Мишина, той самой маленькой деревушки, въ которой у насъ происходила сцена съ Обноскинымъ и его маменькой за Татьяну Ивановну. Чиновникъ этотъ былъ страшный сутяга и имѣлъ отъ первой жены шесть человѣкъ дѣтей. Подозрѣвая у Перепелицыной деньги, онъ началъ къ ней подсылать съ предложеніями, и та немедленно согласилась. Но Перепелицына была бѣдна, какъ курица: у ней всего-то было 300 рублей серебромъ, да и то подаренные ей Настенькой на свадьбу. Теперь мужъ и жена грызутся съ утра до вечера. Она тербитъ за волосы его дѣтей и отсчитываетъ имъ колотушки; ему же (по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ) царапаетъ лицо и поминутно коритъ его подполковничимъ своимъ происхожденіемъ. Мизинчиковъ тоже пристроился. Онъ благоразумно бросилъ всѣ свои надежды на Татьяну Ивановну и началъ понемногу учиться сельскому хозяйству. Дядя рекомендовалъ его одному богатому графу, помѣщику, у котораго было три тысячи душъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Степанчикова, и который изрѣдка наѣзжалъ въ свои помѣстья. Замѣтивъ въ Мизинчиковѣ способности и взявъ во вниманіе рекомендацію, графъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ своихъ помѣстьяхъ, прогнавъ своего прежняго управителя нѣмца, который, несмотря на прославленную нѣмецкую честность, обчищалъ своего графа, какъ липку. Черезъ пять лѣтъ имѣнія узнать нельзя было: крестьяне разбогатѣли; завелись статьи по хозяйству,

прежде невозможныя; доходы чуть ли не удвоились — словомъ, новый управитель отличился и прогремѣлъ на всю губернію хозяйственными своими способностями. Каково же было изумленіе и горе графа, когда Мизинчиковъ, ровно чрезъ пять лѣтъ, несмотря ни на какія просьбы, ни на какія надбавки, рѣшительно отказался отъ службы и вышелъ въ отставку! Графъ думалъ, что его сманили сосѣди-помѣщики, или даже въ другую губернію. И какъ же всѣ удивились, когда вдругъ, два мѣсяца по выходѣ въ отставку, у Ивана Ивановича Мизинчикова явилось превосходнѣйшее имѣніе, во сто душъ, ровно въ сорока верстахъ отъ графскаго, купленное имъ у какого-то промотавшагося гусара, прежняго его пріятеля! Эти сто душъ онъ тотчасъ же заложилъ, и черезъ годъ у него явилось еще шестьдесятъ душъ въ окрестностяхъ. Теперь онъ самъ помѣщикъ, и хозяйство у него безподобное. Всѣ дивятся: гдѣ онъ вдругъ досталъ денегъ? Другіе же только покачиваютъ головами. Но Иванъ Ивановичъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя вполне въ своемъ правѣ. Онъ выпсалъ изъ Москвы свою сестру, ту самую, которая дала ему свои послѣдніе три цѣлковыхъ на сапоги, когда онъ отправлялся въ Степанчиково, премилую дѣвушку, уже не первой молодости, кроткую, любящую, образованную, но чрезвычайно запуганную. Она все время скиталась гдѣ-то въ Москвѣ, въ компаньонкахъ, у какой-то благодѣтельницы; теперь же благоговѣетъ передъ братомъ, хозяйничаетъ въ его домѣ, считаетъ его волю закономъ, а себя вполне счастливою. Братецъ не балуетъ ея и держитъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ; но она этого не замѣчаетъ. Въ Степанчиковѣ ее ужасно какъ полюбили, и, говорятъ, господинъ Бахчеевъ къ ней неравнодушенъ. Онъ и сдѣлалъ бы предложеніе, да боится отказа. Впрочемъ, о господинѣ Бахчеевѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ, въ другомъ разсказѣ, подробнѣе.

Вотъ, кажется, и всѣ лица... Да! забылъ: Гаврила очень постарѣлъ и совершенно разучился говорить по-французски. Изъ Фалалея вышелъ очень порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется, тамъ и умеръ... Надняхъ поѣду въ Степанчиково и непременно справлюсь о немъ у дяди.

1859.

Скверный анекдотъ

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ, часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъэтажномъ домѣ на Петербургской Сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ, тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старій холостякъ лѣтъ шестидесяти пяти, праздновалъ свое новоселье въ только-что купленномъ домѣ, а кстати ужъ и день своего рожденія, который тутъ же пришелся и котораго онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ, празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли, было только двое гостей, оба прежніе сослуживца господина Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Шипуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣт-

никъ, Иванъ Ильичъ Пралинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушать чай, потомъ принялись за вино и знали, что ровно въ половинѣ двѣнадцатаго имъ надо отпрапляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ. Началъ онъ свою карьеру мелкимъ необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ пять сряду, очень хорошо зная, до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже двѣ, и особенно не любилъ высказывать по какому бы то ни было поводу свое собственное личное мнѣніе. Былъ онъ и честенъ, то-есть ему не пришлось сдѣлать чего-нибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой-то сладкій, лѣнивый комфортъ и систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолоду терпѣть не могъ гостей у себя, а въ послѣднее время, если не раскладывалъ грандъ-пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремля въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самаго высокаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ-то засѣдалъ и что-то подписывалъ. Однимъ словомъ, его считали превосходнѣйшимъ человѣкомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать, одно горячее желаніе: это — имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желаніе его наконецъ осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на Петербургской Сторонѣ,

правда далеко, но домъ съ садомъ и при томъ домъ изящный. Новый хозяинъ рассуждалъ, что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ кому-нибудь или въ должность — на то была у него прекрасная двумѣстная карета шоколаднаго цвѣта, кучеръ Михей и двѣ маленькія, но крѣпкія и красивыя лошадки. Все это было благопріобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономіей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, пріобрѣтя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ даже гостей на свое рожденье, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особые виды. Самъ онъ въ домѣ занялъ верхній этажъ, а въ нижній, точно такъ же выстроенный и расположенный, понадобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и рассчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семенъ Ивановичъ на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человекъ тоже тутъ и долговременно пробывавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бакенбардами и съ отѣнкомъ постоянного разлитія желчи въ фізіономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ, до чего онъ дойдетъ, и еще лучше, до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемъ мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новые порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ желчи, но особенно не тревожился: онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствованія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ, всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снисошелъ до господина Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣ-

сколько словъ о его превосходительствѣ господи́нъ Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разсказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ, былъ генераль молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностью въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и, будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глупъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и бѣлоручка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатъ и батистъ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хотя вынесъ изъ него немного познаній, но на службѣ успѣлъ и дотянуть до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подъ началомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣловаго и надеждъ на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣеть состояніе, то-есть большой капитальный домъ съ управителемъ, сродни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осанкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили припадки какой-то болѣзненной

совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянія. Съ горечью и съ тайной занозой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ, какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его геморой, называлъ свою жизнь *une existence manquée*, переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называя себя парлеромъ, фразеромъ, и хотя все это, конечно, приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ заносчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ, таилъ про себя свои неопредѣленныя мечты и надежды. Однимъ словомъ, человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы болѣзненные минуты разочарованья стали было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнительенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорилъ на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему льстило. Въ этотъ же вечеръ, выпивъ бокала четыре, онъ особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался. Онъ почему-то считалъ

его ретроградомъ и началъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горячился и, въ жару воображаемаго спора, чаще чѣмъ бы слѣдовало, пробовалъ изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ брать бутылку и тотчасъ же добавлялъ его бокаль, что, неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе, что Семень Ивановичъ Шипуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цинизмъ и за злость его, тутъ же сбоку прекорварно молчалъ и, чаще чѣмъ бы слѣдовало, улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку», — мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, — продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, — памятуя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ...

— Хи-хи-хи-хи! — послышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что же, однакожъ, вы насъ такъ распекаете? — возразилъ, наконецъ, Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь. — Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могъ взять въ толкъ, что вы изволили объяснить. Вы выставляете гуманность. Это, значить, челоуѣколюбіе, что ли?

— Да, пожалуй, хоть и челоуѣколюбіе. Я...

— Позвольте-съ! Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Челоуѣколюбіе всегда слѣдовало. Реформа же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственные, откупные, нравственные и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и всё вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить большія, такъ сказать, колебанья. Вотъ мы про что опасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже-съ, — замѣтилъ Семень Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позволѣте вамъ замѣтить, Семень Ивановичъ, что я отнюдь не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, — язвительно и черезчуръ рѣзко замѣтилъ Иванъ Ильичъ; — но, однакожь, все-таки возьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ, Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня вовсе не поняли. . . .

— Не понялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до двороваго слуги, отъ слуги до мужика, — гуманность, говорю я, можетъ послужить, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силлогизмъ: я гуманенъ, слѣдовательно, меня любятъ. Меня любятъ, стало быть, чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало быть, вѣрують; вѣрують, стало быть, любятъ. . . . то-есть нѣтъ, я хочу сказать, если вѣрують, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ, такъ сказать, самую суть дѣла, такъ сказать, обнимутся нравственно и рѣшатъ все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣтаетесь, Семень Ивановичъ? Непонятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Мнѣ кажется, я немного лишнее вышилъ, — замѣтилъ ядовито Семень Ивановичъ: — а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затменіе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, — произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ, послѣ легкаго раздумья.

— То-есть какъ это не выдержимъ? — спросилъ

Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанію Степана Никифоровича.

— Такъ, не выдержимъ. — Степанъ Никифоровичъ, очевидно, не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужъ не насчетъ ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? — не безъ ироніи возразилъ Иванъ Ильичъ. — Ну, нѣтъ-съ; за себя-то ужъ я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ, сидятъ да и ѣдутъ, — сказалъ Семень Ивановичъ, приготовляясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ каміна свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какъ же, Семень Ивановичъ, подумайте? — сказалъ Степанъ Никифоровичъ, провожая гостей.

— Насчетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? — любезно замѣтилъ господинъ Пралинскій съ нѣкоторымъ занескиваніемъ и поигрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ будто забываютъ.

Степанъ Никифоровичъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семень Ивановичъ торопливо откланялся.

«А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности», — рѣшилъ про себя господинъ Пралинскій и какъ-то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифоровичу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорогую шубу, старался для чего-то не замѣчать истасканнаго енота Семена Ивановича, и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ будто обидѣлся, — сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? — отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

«Холопъ!» — подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его сани, съ сѣрымъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой чортъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! — вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда-сюда, — кареты не было. Человѣкъ Степана Никифоровича не имѣлъ объ ней понятія. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! — произнесъ господинъ Шипуленко: — хотите довезу?

— Подлецъ-народъ! — съ бѣшенствомъ закричалъ господинъ Пралинскій. — Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на Петербургской, какая-то кума замужъ идетъ, чортъ ее дери. Я настрого запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣйствительно, — замѣтилъ Варламъ, — поѣхалъ туда-съ; да обѣщалъ въ одну минуту обернуться, къ самому то-есть времени быть.

— Ну такъ! Я какъ будто предчувствовалъ! Ужъ я жъ его!

— А вы лучше посѣкните его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять приказанія, — сказалъ Семень Ивановичъ, уже закрываясь полостью.

— Пожалуйста не беспокойтесь, Семень Ивановичъ.

— Такъ не хотите, довезу.

— Счастливый путь, мерсі.

Семенъ Ивановичъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

«Нѣтъ, ужъ я жъ тебя теперь, мошенникъ! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаетъ, что бариинъ пѣшкомъ пошелъ... мерзавецъ!»

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ очень онъ былъ разбѣшонъ, и вдобавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ непьющій, и потому какія-нибудь пять-шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Къ тому же люди подъ хмелькомъ быстро мѣняются впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

«А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошелъ, — думалъ онъ про себя: — и Трифону урокъ, да и мнѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Что жъ? На Большомъ проспектѣ я тотчасъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно быть, мелкота живетъ, чиновники... купцы, можетъ быть... этотъ Степанъ Никифоровичъ! И какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, *c'est le mot*. Впрочемъ, онъ умный человѣкъ; есть этотъ *bon sens*, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но зато старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его! — Ну, да чего-то нѣтъ... Не выдержимъ! Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ, впрочемъ, меня совсѣмъ не понялъ.

А и какъ бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуманность . . . человѣколюбіе. Возвратить человѣка самому себѣ . . . возродить его собственное достоинство и тогда . . . съ готовымъ матеріаломъ приступайте къ дѣлу. Кажется, ясно! Да-съ! Ужъ это позвольте, ваше превосходительство; возьмите силлогизмъ: мы встрѣчаемъ, напрімѣръ, чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну . . . кто ты? Отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; далѣе: какой ты чиновникъ? Отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ. — Служишь? Служу! — Хочешь быть счастливъ? Хочу. — Что нужно для счастья? То-то и то-то. — Почему? Потому . . . И вотъ человѣкъ меня понимаетъ съ двухъ словъ, человѣкъ мой, человѣкъ уловленъ, такъ сказать, сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ все, что хочу, то-есть для его же блага. Скверный человѣкъ этотъ Семень Иванычъ! И какая у него скверная рожа . . . Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Нѣтъ, врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифона словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ и будетъ чувствовать. Насчетъ розогъ, гм . . . вопросъ нерѣшенный, гм . . . А не заѣхать ли къ Эмерансъ? Фу ты, чортъ, проклятые мостки! — вскрикнулъ онъ, вдругъ оступившись. — И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм . . . Ненавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обнимутся нравственно. Ну, и обнимутся, а тебѣ что за дѣло? Ужъ тебя-то не обниму; скорѣе мужика . . . Мужикъ встрѣтится, и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ, я былъ пьянъ и, можетъ быть, не такъ выражался. Я и теперь, можетъ быть, не такъ выражаюсь. . . Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а назавтра расканиваешься. Что жъ, я вѣдь не шатаюсь иду . . . А, Впрочемъ, всѣ они мошенники!»

Такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ, отрицательно и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него по-дѣйствовать свѣжій воздухъ и, такъ сказать, раскачать его. Минуть черезъ пять онъ бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большого проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрипѣлъ контрабасъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрильный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салонахъ и въ платкахъ на головѣ; онѣ напрягали все усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь сквозь щели ставенъ. Видно весело было. Гулъ отъ топота танцующихъ достигалъ другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ невдалекѣ отъ себя замѣтилъ городского и подошелъ къ нему.

— Чей это, братецъ, домъ? — спросилъ онъ, немного распахивая свою дорогую шубу, ровно настолько, чтобы городской могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, регистратора, — отвѣчала выпрямившись городской, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличіе.

— Пселдонимова? Ба! Пселдонимова!.. Что жъ онъ? Женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невѣстой ихней идетъ-съ.

— Такъ что теперь ужъ это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова, ваше высокородіе. Млекопитаева была, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что

я начальникъ его. Я генераль надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служить.

— Точно такъ, ваше превосходительство. — Городовой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ будто задумался. Онъ стоялъ и соображалъ . . .

Да, дѣйствительно, Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припоминать это. Это былъ маленькій чиновникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованья. Такъ какъ господинъ Пралинскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и не помнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же любопытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человѣка, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ бѣлобрысыми и клочковатыми волосами, худосочнаго и худо-выкормленнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприличія невыразимыхъ. Онъ припомнилъ, какъ у него тогда же мелькнула мысль: не опредѣлить ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне не-симпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ-то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своей просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о свадьбѣ рѣшено было слегка, наскоро. Но все-таки онъ съ точностію припоминать, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами: это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка сострилъ

надъ столкновіемъ фамилій Песелдонимова и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараемся перевести все эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній. такъ сказать, то, что было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтѣ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется, ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

«Что же, — мелькало въ его головѣ, — вотъ мы все говоримъ, а коснется до дѣла, и только шишъ выходитъ. Вотъ примѣръ, хоть бы этотъ самый Песелдонимовъ: онъ пріѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пиръ — скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что жъ, если бы онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, что бы съ нимъ было? Нѣтъ, что бы съ нимъ было, если бы я теперь же, вдругъ взялъ и вошелъ? Гм... разумѣется, сначала онъ испугался бы, онѣмѣлъ бы отъ замѣшательства. Я помѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы, можетъ быть, все... Да, такъ и было бы, если бы вошелъ всякій другой генераль, но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...»

«Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.»

«Да-съ. Мы всё кричимъ о гуманности, по героизма, подвига мы сдѣлать не въ состояшии.

«Какого героизма? Такого. Разсудите-ка: при те-перешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго регистратора, на десяти рубляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращеніе идей, послѣдній день Помпеи, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умретъ — не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: не выдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я вы-дер-жу! Я обращаю послѣдній день Помпеи въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и постунокъ дикій — въ нормальный, патріархальный, высокій и нравственный. Какъ? Такъ. Извольте прислушать . . .

«Ну . . . вотъ я, положимъ, вхожу: — они изумляются, прерываютъ танцы, смотрятъ дико, пятятся. Такъ-съ, но тутъ-то я и высказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю, знаешь, здѣсь, по сосѣдству . . .» Ну, тутъ слегка, въ смѣшномъ этакъ видѣ, рассказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошелъ пѣшкомъ . . . «Ну — слышу музыку, любопытствую у городского и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, зайду къ подчиненному; посмотрю, какъ мои чиновники веселятся и . . . женятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю!» Прогонишь! Каково словечко для подчиненнаго. Какой ужъ тутъ чортъ прогонишь! Я думаю, онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенья, не сообразится даже на первый разъ! . . .

«Ну, что можетъ быть проще, изыщете такого поступка! Зачѣмъ я вошелъ? Это другой вопросъ! Это

уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

«Гм... Объ чемъ, бишь, я думалъ? Да!

«Ну ужъ, конечно, они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный или родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ... Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь, разумѣется, съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы; острою, смѣюсь, однимъ словомъ — я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой... Гм... то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того, то-есть не пьанъ, а такъ...»

«... Разумѣется, я, какъ джентльменъ, на равной съ ними ногѣ и отнюдь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно — дѣло другое: они поймутъ и оцѣнятъ... Мой поступокъ воскресить въ нихъ благородство... Ну, и сижу полчаса... Даже часъ. Уйду, разумѣется, передъ самымъ ужиномъ, а ужъ они-то захопчутъ, напекутъ, нажарятъ, въ поясъ кланяться будутъ, но я только выпью бокаль, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу: — дѣла. И ужъ только что я произнесу «дѣла», у всѣхъ тотчасъ же стануть почтительно-строгя лица. Этимъ я деликатно напомню, что они и я — это разница-съ. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ этимъ внушать, но надо же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужъ тамъ ни говори. Впрочемъ, я тотчасъ же улыбнусь, даже посмѣюсь, пожалуй, потомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой; гм... даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ, въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родитъ къ тому времени. Вѣдь они плодятся, какъ кролики. Ну, и всѣ захохочутъ, молодая покраснѣетъ: съ чувствомъ поцѣлую ее въ лобъ, даже

благословлю ее и . . . и назавтра, въ канцеляріи мой подвигъ уже извѣстенъ. Назавтра я опять строгъ, назавтра я опять взыскателецъ, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ, кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: «Онъ строгъ, какъ начальникъ, но какъ человѣкъ — онъ ангель!» И вотъ я побѣдилъ; я уловилъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ поступкомъ, котораго вамъ и въ голову не придетъ; они ужъ мои; я отецъ, они дѣти . . . Шу-тка, ваше превосходительство, Степанъ Никифоровичъ, подите-ка сдѣлайте этакъ . . .

«. . . Да знаете ли вы, понимаете ли, что Иселдонимовъ будетъ дѣтямъ своимъ поминать, какъ самъ генераль проваля и даже пилъ на его свадьбѣ! Да вѣдь эти будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ рассказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду) удостоилъ ихъ и т. д., и т. д. Да вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу . . . Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ! . . . Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣтную популярность приобрѣту . . . У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ, что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то! . . .»

Такъ или почти такъ разуждалъ Иванъ Шлычъ — (господа, мало ли что человѣкъ говоритъ иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты, и, конечно, онъ, можетъ, и ограничился бы этими мечтаницами и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славно бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ въ это самое мгновѣнiе, въ настроенномъ воображенiи его нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! — повторялъ Степанъ Никифоровичъ, съ самой прескверной улыбкой.

— Хи-хи-хи! — вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, съ своей самой скверной улыбкой.

«А вотъ и посмотримъ, какъ не выдержимъ!» — рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Пселдонимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣнiемъ оттолкнувъ ногой маленькую лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличiя, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ онъ дошелъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ, и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ гдѣ-то въ углу салыный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ калошахъ, попасть лѣвой ногой въ галантиръ, выставленный для остуженiя. Иванъ Ильичъ нагнулся и, посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы, очевидно, съ бламанже. Раздавленный галантиръ его было сконфузилъ, и на одно самое маленькое мгновѣнiе у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь,

растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и калтошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрбасъ, всего четыре человѣка, взятые, разумѣется, съ улицы. Они сидѣли за некрашеннымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую допиливали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали, какъ эскадронъ лошадей. Надъ всеѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно, чрезвычайно развязнаго и даже разстегнувшагося человѣка: «Кавалеры впередъ, шевъ де дамъ, балансе!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ нѣкоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шалкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ, онъ ужъ и не разсуждалъ.

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: все доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушенный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ. . . Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшей его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то неестественно визгливымъ голосомъ прокричалъ, пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: «Э-э-эхъ, Пселдонимушка!» Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно, полъ навозили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ, не очень малой, было человѣкъ до тридцати гостей.

Но черезъ минуту кадрили кончилась, и почти тот-

часть же произошло то же самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. Но гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошелъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шопотъ. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро оборачиваться къ бошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали понемногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, усыпанное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками панирость. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человѣкъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ двигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобы дать ей пинка.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. — сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ: онъ почувствовалъ тоже, что, можетъ быть, дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше прево-сходительство!.. — пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну, то-то. Я, братъ, къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ, вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить.

Но Пселдонимовъ, очевидно, ничего не могъ представить. Онъ стоялъ, выпучивъ глаза, въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гостя-принимай!.. — продолжалъ

Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій разсказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ парочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужъ не помѣшалъ ли чему . . . я иду! — едва выговорилъ онъ, и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ . . .

Но Пселдонимовъ уже опомнился . . .

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ . . . Честь . . . — бормоталъ онъ, уторопленно кланяясь, — удостойте присѣсть-съ . . . — И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ . . .

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а все другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятались, а передъ нимъ, скрючившись, стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что, дѣйствительно, его гарунъ-аль-рашидское пашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почестся подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акима Петровича Зубикова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чи-

новника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акимъ Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтении. Генераль торжествовалъ; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ, такъ сказать, не второе, а уже третье лицо. Съ разговоромъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А разговоръ былъ необходимъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ: онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ домочадцы и чуть не взлѣзаютъ другъ на друга, чтобъ его поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ, по глузости своей, все еще не садился.

— Что же вы! — проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванѣ.

— Помилуйте-съ... я и здѣсь-съ... — и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно оставшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, — началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акимъ Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *a* сталъ выговаривать какъ-то на *э*, однимъ словомъ, самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ: дѣйствовала какая-то виѣшняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали, можетъ быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комисіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слышать-съ».

— Онъ теперь твой сосѣдъ, — продолжалъ Иванъ Ильичъ, на одинъ мигъ, для приличія и для непринужденности, обращаясь къ Пселдонимову, но быстро отворотился, увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже таилъ отъ насъ, отиѣкивался по скупости, хе-хе! А теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоничальникъ, пожалуй, догадывается, что онъ, въ эту минуту, необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семъ... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ томъ. Прощаюсь съ нимъ, наконецъ, старикъ аккуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... нѣтъ моего Трифона! Тревожусь, спрашиваю: «Куда дѣвалъ Трифонъ карету?» Открывается, что онъ, понадѣясь, что я засижусь, отправился на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужъ Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на Петербургской. Да и карету ужъ кстати съ собою захватилъ. — Генералъ опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ, какъ надобно было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ», промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! — проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошелъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе. (Иванъ Ильичъ взглянулъ на исѣхъ.) Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю, добреду до Большого проспекта, да и найду какого-нибудь ваньку . . . хе-хе!

— Хи-хи-хи! — почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошелъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лошудо стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся и строго посмотрѣлъ на лампу, но генераль даже не обратилъ вниманія, и все успокоилось.

— Иду . . . а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топоть, танцуютъ. Любопытствую у городского: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю Петербургскую Сторону балы задаешь? Ха-ха, — вдругъ обратился онъ опять къ Пселдонимову.

— Хи-хи-хи! Да-съ . . . — отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глуше было то, что Пселдонимовъ хоть и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно онъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, что ли! — подумалъ Иванъ Ильичъ, — тутъ бы и улыбаться ослу, и все бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ.

— Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогонитъ же онъ меня . . . радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуйста извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду . . . Я вѣдь только зашелъ посмотреть . . .

Но мало-по-малу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ услащеннымъ видомъ: «Дескать, можете ли, ваше превосходительство, помѣшать?» Всѣ гости пошевелились и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти

всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ истертомъ бархатномъ платьѣ, что-то нарочно громко проговорила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и два-три студента, переглядывались, какъ бы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и тоже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ, никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ понемногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить, какъ твое имя и отчество? — спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ тотъ, выпуча глаза, точно на смотрю.

— Познакомъ же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой... Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ, молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но только что услышала, что о ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались, давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться, — произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ, — и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прекорварно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, — произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ, смотрѣли пристально и даже съ отгѣнкомъ какой-то злости. Очевидно, Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыплячье, выставлялись кости. На пригвѣтъ генерала она ровню ничего не сумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, — продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровню ничего и тутъ не отвѣтить, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожъ, во что бы то ни стало надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

«Однако, парочка! — подумалъ онъ. — Впрочемъ...»

И онъ снова обратился къ молодой, помѣстившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только «да» и «нѣтъ», да и тѣхъ, правда, вполнѣ не получилъ.

«Хоть бы она поконфузилась, — продолжалъ онъ про себя. — Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное». И Акимъ Петровичъ, какъ нарочно, тоже молчалъ, хоть и по глупости, но все же было неизвинительно. — Господа! Ужъ я не помѣшалъ ли вашимъ удовольствіямъ? — обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ... Не безпокойтесь, ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохладяемся-съ, — отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшійся впередъ, и, казалось, еще болѣе, чѣмъ прежде, выставлялъ свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терялся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились, и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и принарядившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, зашпиленномъ у горла, и въ чепчикѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бокала, ни больше, ни меньше. Бутылка, очевидно, началась только для двухъ гостей.

Пожилая женщина приблизилась къ генералу:

— Ужъ не взыщите, ваше превосходительство, — сказала она, кланяясь, — а ужъ коль не погнушались намн, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужъ просимъ милости, поздравьте виномъ молодыхъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пяти или шести — не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланя-

дась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ро-ди-тель-ница вашего сына? — сказалъ онъ, прихвставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, — промямлилъ Песелдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте, ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносы поставили, вино налилъ подскочившій Песелдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокаль.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу . . . началъ онъ, — что могу . . . при семъ засвидѣтельствовать . . . Однимъ словомъ, какъ начальникъ . . . желаю вамъ, сударыня (онъ обратился къ новобрачной), и тебѣ, мой другъ, Порфирій — желаю полного, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокаль, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Песелдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генераль началъ мучительно его ненавидѣть.

Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчитъ. Ну что бы ему прокричать: ура! И пошло бы, пошло бы . . .

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и поздравьте, — прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ. Акимъ Петровичъ, добрый вы человекъ.

«А вѣдь какія славныя эти русскія старухи! — подумалъ Иванъ Ильичъ. — Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность . . .»

Въ эту минуту къ столу поднесли еще подносы.

Несла дѣвка, въ шумящемъ, еще пемытомъ ситцевомъ платѣ и въ кринолинѣ. Она едва обхватывала поднось руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч., и проч. Поднось стоялъ до сихъ поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ яствомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, — повторяла, кланяясь, старуха.

— Помилуйте . . . — сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ взялъ и раздавилъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? — спросилъ Иванъ Ильичъ съ улыбкой, обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Каменькинъ смѣнитъ. — отвѣчала она, потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного блондураго юношу, очень недурного собой, спрятавшагося на стулѣ, съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго m-me Пселдонимовой. Юноша привсталъ. Онъ, повидимому, былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, — пробормоталъ онъ, какъ будто извиняясь.

— Про какой же это сонникъ? — спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если господина Панаева во снѣ увидѣтъ-съ, то это значитъ кофеемъ машинку залить-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со злобой Иванъ Ильичъ. Молодой человѣкъ хоть и очень разурмянилъ

ся, говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что разсказать про господина Панаева.

— Ну, да, да, я слышалъ. — отозвался это превосходительство.

— Нѣтъ, вотъ еще лучше есть, — проговорила другой голосъ подлѣ самого Пвана Ильича, — новый лексиконъ издается, такъ, говорятъ, господинъ Краевскій будетъ писать статьи, Алфераки... и абличительная литература...

Проговорилъ это молодой человекъ, но уже не конфузливый, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцовалъ, смотрѣлъ высокомерно, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала *Головешка*, задавалъ тону и повалъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Пселдонимовымъ, съ которымъ былъ на ты и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки «въ углахъ». Водку онъ однакожъ пилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнатку, куда все знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-съ, — съ радостью перебилъ вдругъ бѣлокурый юноша, рассказавшій про манишку и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ ненавистью, — потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается, будто бы господинъ Краевскій правописанія не знаетъ и думаетъ, что «обличительную литературу» надо писать абличительная литература...

Но бѣдный юноша едва закончилъ. Онъ по глазамъ увидалъ, что генераль давно уже это знаетъ, потому что самъ генераль тоже какъ будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человеку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе ступешваться и потомъ все

остальное время былъ очень грустенъ. Взамѣнъ того развязный сотрудникъ *Головешки* подошелъ еще ближе и, казалось, намѣревался гдѣ-нибудь поблизости сѣсть. Такая развязность показалась Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! Скажи пожалуйста, Порфирій, — началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить; — почему — я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Пселдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты, навѣрное, Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Пселдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу-съ, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшали-съ, такъ что онъ и остался теперь Пселдонимовъ, — отозвался Акимъ Петровичъ. — Это бываетъ-съ.

— Не-пре-мѣн-но, — съ жаромъ подхватилъ генералъ: — не-пре-мѣн-но, потому, сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происходитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну, а Пселдонимовъ ничего не означаетъ.

— По глупости-съ, — прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То-есть собственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ, по глупости, измѣняетъ иногда литеры-съ и выговариваетъ иногда по-своему-съ. Напримѣръ, говорятъ невалидъ, а надо бы сказать инвалидъ-съ.

— Ну, да . . . невалидъ, хе-хе-хе . . .

— Мумеръ тоже говорятъ, ваше превосходительство, — брякнулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-нибудь отличиться.

— То-есть какъ это мумеръ?

— Мумеръ вмѣсто нумеръ, ваше превосходительство.

— Ахъ, да, мумеръ . . . вмѣсто нумеръ . . . Ну,

да, да хе-хе-хе! Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офицера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорить: *вино*, — вылезалъ было сотрудникъ *Головешки*. Но его превосходительство постарался этого ужъ не разслышать. Не данъ всѣхъ же было хихикать.

— *Имю* вмѣсто *имю*, — притавалъ «сотрудникъ», съ видимымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что приталъ? — шеннулъ Пселдонимовъ «сотруднику».

— Да что жъ это, я разговариваю. Нельзя что ль и говорить. — заспорилъ было тотъ шопотомъ, но однакожъ замолчать и съ тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо пробрался въ привлекательную заднюю комнатку, гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще съ начала вечера, поставлена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою скатертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра, ломтиками и бутылка крѣпчайшаго хереса изъ національнаго погребка. Со злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами, первый танцоръ и канканеръ на балѣ Пселдонимова. Онъ съ торопливою жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начать! — проговорилъ онъ наскоро, распорядясь. — Приходи смотрѣть: соло сдѣлаю вверхъ ногами, а послѣ ужина рискну *рыбку*. Это будетъ даже идти къ свадьбѣ-то. Такъ сказать, дружескій намекъ Пселдонимову... Славная эта Клеопатра Семеновна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, — мрачно отвѣчалъ сотрудникъ, выпивая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа то, передъ которой настилу поставили. Ретроградъ! — я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! — пробормоталъ студентъ и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ригурнель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ еще себѣ для большаго куражу и независимости, выпилъ, закусилъ, и никогда еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не приобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ пренебреженный имъ сотрудникъ *Головешки*, особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного капитальнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на всѣ дальнѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хотъ и даль съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на свадьбѣ у своего подчшеннаго, но это объясненіе въ сущности никакого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перемѣнилось какъ волшебствомъ, всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно такъ же, какъ если бы неожиданнаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шопотъ, извѣстіе, что гость-то кажется того . . . подъ-шефе. И хотъ дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало-по-малу стало какъ будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадрили, послѣдняя передъ ужиномъ, на которую такъ торошился медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новобрачной, пытаясь въ этотъ разъ донять ее какимъ-то каламбуромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ и съ размаху сталъ на

одно кольцо. Она тотчас же вскочила съ дивана и упорхнула съ нимъ, чтобъ стать въ рядъ кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ будто рада была, что избавилась.

«Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, — подумалъ Иванъ Ильичъ: — да и приличій они не знаютъ. — Гм... ты бы, братъ Порфирій, по церемонился, — обратился онъ къ Пселдошмову. — Можетъ, у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распоряжений... или тамъ что-нибудь... пожалуйста не стѣсняйся. — «Что онъ сторожить, что ли, меня?» — прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдошмовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ, все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство? — спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь налить въ бокаль его превосходительства.

— Я... я, право, не знаю, если...

Но ужъ Акимъ Петровичъ съ благоговѣнно сияющимъ лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокаль, онъ какъ будто украдкой, какъ будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась, налилъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый палецъ не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорить? А развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужъ онъ имѣлъ честь составить ему ком-

папію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было, что тотъ налилъ, — не для шампанскаго, потому что оно было теплое и радость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

«Старику самому хочется выпить, — подумалъ Иванъ Ильичъ, — а безъ меня не смѣть. Не задерживать же. Да и смѣшно, если бутылка такъ простоятъ между нами».

Онъ прихлебнулъ, и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, — началъ онъ съ разстановками и удареніями: — я вѣдь здѣсь, такъ сказать, случайно и, конечно, можетъ быть, иные найдутъ... что мнѣ... такъ сказать, не-при-лично быть на такомъ... собраніи...

Акимъ Петровичъ молчалъ и велушивался съ робкимъ любопытствомъ.

— Но, я надѣюсь, вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не вино же въ самомъ дѣлѣ я пить пришелъ... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осѣкся и опять не отвѣтилъ ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы, такъ сказать, ободрить... показать, такъ сказать, нравственную, такъ сказать, цѣль, — продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акима Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генералъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлилъ снова.

«А немного жъ у тебя ресурсовъ», — подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Петро-

вича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшилъ ужь молчать окончательно и глазъ не подымать. Такъ она просидѣла другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненные минуты для Акима Петровича.

Два слова объ Акимѣ Петровичѣ. Это былъ человѣкъ смиренный, какъ курица, самаго стараго закала, взлелѣянный на подобострастїи и между тѣмъ человѣкъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то-есть и отецъ и отецъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особый типъ русскихъ людей. Объ Россїи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятїя, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ сужень Петербургомъ, и, главное, мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копеечнаго преферанса, лавочки и мѣсячнаго жалованїя. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русскаго пѣсни, кромѣ *Лучинушки*, да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ, есть два существенные и неизблѣемые признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго русскаго. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскїе русскїе, всѣ безъ исключенїя, никогда не говорятъ: *Петербургскїя Въдомости*, а всегда говорятъ: *Академическїя Въдомости*. Второй, одинаково существенный, признакъ состоитъ въ томъ, что петербургскїи русскїи никогда не употребляетъ слово: «завтракъ», а всегда говоритъ: «фрыштикъ», особенно напирая на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличительнымъ признакамъ вы ихъ различите; однимъ словомъ, это типъ смиренный и окончательно выработавшїйся въ послѣднїя тридцать пять лѣтъ. Впрочемъ, Акимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генераль объ чемъ-нибудь подходящемъ къ нему, онъ бы и

отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь неприлично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы, хотя Акимъ Петровичъ умиралъ отъ любопытства узнать что-нибудь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его превосходительства . . .

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе внадалъ въ раздумье и въ какое-то коловращеніе идей; въ разсѣянности онъ непримѣтно, но поминутно прихлебывалъ изъ бокала. Акимъ Петровичъ тотчасъ же и усерднѣйше ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ пачалъ было смотрѣть на танцы, и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманіе. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его . . .

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцовалось въ простотѣ сердець, чтобъ веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очень немного; но неловкіе такъ сильно притонывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отличался, во-первыхъ, офицеръ: онъ особенно любилъ фігуры, гдѣ оставался одинъ, въ родѣ соло. Тутъ онъ удивительно изгибался, а именно: весь прямой, какъ верста, онъ вдругъ склонялся на бокъ, такъ что вотъ, думаешь, упадетъ; но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцовалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему все удивляются. Другой кавалеръ со второй фігуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ, отплясывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фігурахъ и во всѣхъ пяти кадриляхъ, которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывалъ все одну и ту же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставалъ отъ своей дамы, подхватывалъ кончикъ ея шарфа. и на лету, при переходѣ визави, успѣвалъ влѣплять въ этотъ

кончикъ десятка два поцѣлуеть. Дама же, шесреди его, пляла, какъ будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ, дѣйствительно, сдѣлать сою вверхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, тонокъ и извизни удовольствія. Однимъ словомъ, непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало-по-малу какое-то горькое сомнѣнiе начало закрадываться въ его душу: конечно, онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ ее, эту развязность, когда всѣ пятились, и вотъ теперь эта развязность уже стала выходить изъ границъ. Одна дама, на примѣръ, въ истертномъ синемъ бархатномъ платьѣ, перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ, зашпилила свое платье булавками, такъ что выходило какъ будто она въ панталонахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженiю ея кавалера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какъ же это? То пятились, а то вдругъ такъ скоро эмансипировались! Кажись бы и ничего, но какъ-то странно было этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщаль. Точно совсѣмъ они и забыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется, онъ хохоталъ первый и даже рискнулъ аплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя, впрочемъ, съ видимымъ удовольствiемъ, и не подозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человекъ, танцуете. — принужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, проходившему мимо, только что кончилась кадрили.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу и, приблизивъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличiя разстоянiе,

во все горло прокричать пѣтухомъ. Это уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ-за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залпъ неудержимаго хохоту, потому что крикъ пѣтуха былъ удивительно натураленъ, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ въ недоумѣнн, какъ вдругъ явился самъ Пселдонимовъ и, кланяясь, сталъ просить къ ужину. Велѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, — говорила она, кланяясь: — окажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью . . .

— Я . . . я, право, не знаю . . . — началъ было Иванъ Ильичъ: — я вѣдь не для того . . . я . . . хотѣлъ было ужъ идти . . .

Дѣйствительно, онъ держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ же въ это самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, во что бы то ни стало уйти и ни за что не оставаться и . . . остался. Черезъ минуту онъ открылъ шествіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто, и опять непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ будто катится съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно, положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентричнымъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ Богъ знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ, такъ сказать, простиралъ объятія всему человечеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не

прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми силами своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Песедошимова, проклинаетъ его, жену его и свадьбу его. Мало того: онъ по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Песедошимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ, чуть-чуть не говоря: «А чтобъ ты провалился, проклятый! Навязался на шею!» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно, Иванъ Ильичъ, даже и теперь, садясь за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отѣчь, чтобъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это, дѣйствительно, точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балансе. Но сердце, сердце... оно ныло! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдыхъ. Вѣдь слишкомъ ужъ добрый человекъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь знаетъ, очень хорошо знаетъ, что еще давно бы надо было уйти, и не только уйти, но даже спастись. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

Я вѣдь зачѣмъ пришелъ? Я развѣ зачѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь ѣсть и пить? — спрашивалъ онъ себя, закусывая селедкой. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилась мгновеніями пропія на собственный подвигъ. Онъ начиналъ даже самъ не понимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, не докончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ, что я по неприличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ, напримѣръ, завтра же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифорычъ, Семень Иванычъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти, чтобъ они всѣ поняли, зачѣмъ я при-

ходилъ, надо нравственную цѣль обнаружить. . . А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважають меня, — продолжалъ онъ. Чему они смѣются? Они такъ развязны, какъ будто безчувственные. . . Да, я давно подозрѣвалъ все молодое поколѣніе въ безчувственности! Надо остаться, во что бы то ни стало! . . . Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ. . . Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величин Россіи. . . я ихъ еще увлеку! Да! можетъ быть, еще совершенно ничего не потеряно. . . Можетъ быть, такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего бы только съ ними пачать, чтобъ ихъ привлечь? Какой бы это такой приѣмъ изобрѣсть? Теряюсь, просто теряюсь. . . И чего имъ надо, чего они требуютъ? Я вижу, они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной ли, Господи Боже! Да чего мнѣ-то надо. . . я-то чего здѣсь, чего я-то не ухожу, чего добиваюсь? . . . Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокій, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

Но все ужъ такъ и шло, одно къ другому.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, то-есть не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слабѣетъ окончательно. Конечно, куражу прибавилось много, но сознаніе не оставляло его и кричало ему: «пехорошо, очень пехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!» Конечно, неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ немъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-

то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, жадное по-
бѣды, неиспроверженіе препятствій и отчаянная увѣрен-
ность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая
сторона давала себя знать мучительнымъ пытемъ въ
душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцѣ. «Что скажутъ?
Чѣмъ это кончится? Что завтра-то будетъ, завтра,
завтра! . . .»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что
между гостями у него уже есть враги. «Это оттого,
что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», — подумалъ онъ
съ мучительнымъ сомнѣніемъ. Каковъ же былъ его
ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннѣйшимъ
признакамъ, увѣрился теперь, что за столомъ, дѣйстви-
тельно, были враги его, и что въ этомъ уже нельзя
сомнѣваться!

«И за что! За что!» — думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстились всѣ человѣкъ три-
дцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окон-
чательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то не-
брежною, злокачественною независимостью, кричали,
говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно
тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шарик-
ками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ заса-
ленномъ сюртукѣ, упалъ со стула, какъ только сѣлъ
за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина.
Другой хотѣлъ непременно взлѣзть на столъ и про-
возгласить тостъ, и только офицеръ, схвативъ его за
фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ
былъ совершенно разночинный, хотя и занимался для
него поваръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала;
былъ галантиръ, былъ языкъ подъ картофелемъ, были
котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ, наконецъ,
гусь, и подъ конецъ всего бламанже. Изъ винъ было:
пиво, водка и хересь. Бутылка шампанскаго стояла
передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого
налить и Акимѣ Петровичу, который собственно своей

иниціативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для тостовъ же прочимъ гостямъ предназначалось горское или что попало. Самыи столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ пошелъ даже ломберный. Накрытъ онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли вперемежку съ дамами. Родительница Пселдонимова сидѣтъ за столомъ не захотѣла; она хлопотала и распоряжалась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, не показывавшаяся прежде; въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти, наконецъ, изъ задней комнаты къ ужину. До сихъ поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и очевидно, не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то разговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. По крайней мѣрѣ, ему самому такъ казалось, и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему нашептывалъ. Другой, изъ учащихъ, былъ, правда, совершенно ужъ пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ также и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ не совсѣмъ благонадеженъ. Но особенно и видимою ненавистью сіялъ сотрудникъ *Головешки*: онъ такъ

развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть прочіе гости и не обращали никакого вниманія на сотрудника, написавшаго въ *Головешкѣ* только четыре стишка и сдѣлавшагося оттого либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, очевидно, назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ не кто другой, какъ сотрудникъ *Головешки*.

Все это, конечно, дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно неприятно было и еще одно наблюдение: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ будто сталъ забываться и, главное, ни съ того ни съ сего вдругъ фыркнетъ и засмѣется, тогда какъ вовсе нечему было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хоть и налилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувствовалъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника *Головешки*. Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: рассказать имъ все откровенно, все, все, то-есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшить дамскій полъ, и, главное, какой онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ снизойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и, наконецъ, въ заключеніе, откровенно рассказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного,

явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

«Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, я вижу ясно; они даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорю неотразимо. Они наполняютъ рюмки и съ крикомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже если бъ покачать вздумали по-гусарски, я бы и этому не противился, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я поцѣлую въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Пселдонимовъ, конечно, въ послѣдствіи исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтскаго лоску... И хотя, конечно, нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого новаго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всѣ они будутъ любить меня и я выйду со славою!..»

Эти мечты, конечно, были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно плевать. По крайней мѣрѣ, слюна вдругъ начала выскакивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгалъ щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому до того нелѣпымъ, до того внѣ всего здраваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и выпилъ, но все-таки сидѣлъ, какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то

самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ, слушая его, не только какъ будто сконфузился, но даже чего-то боялся. Пселдонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и, наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ, дѣйствительно, какъ будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей, онъ увидалъ, что многіе смотрять прямо на него и хохочуть. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышаніе началъ говорить.

— Я сказалъ уже, — началъ онъ какъ можно громче: — я сказалъ уже, господа, сейчасъ Акимъ Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ, вы понимаете, что я хочу ска-ка-зять... Россія переживаетъ, по моему глубочайшему убѣжденію, гу-гуманность...

— Гу-гуманность! — раздалось въ другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачалъ головою, какъ бы усовѣщивая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! — упорно продолжалъ онъ: — и давеча... и именно давеча я говорилъ Степану Ники-ки-форовичу... да... что... что обновленіе, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! — громко раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? — отвѣчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть, кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я

увлекся, продолжайте! Продолжайте! — слышался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей.

— Ваше превосходительство! — крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ нарушителю порядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно нахлокавшійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканъ и двѣ тарелки, утверждая, что на свадьбѣ какъ будто бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекать крикуна.

— Что ты, чего орешь? Вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! Продолжайте! — кричалъ развеселившійся школьникъ, развалясь на стулѣ: — продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! — шопотомъ подсказалъ Пселдонимовъ.

— Вижу, что пьяный, но...

— Это я рассказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! — началъ офицеръ: — про одного поручика нашей команды, который точно такъ же разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвально, па-хвально! Его еще десять лѣтъ назадъ за это изъ службы выключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! Со-

шелъ съ ума на похвальномъ. Сначала увѣщавали мѣрами кротости, потомъ подь арестъ... Начальникъ родительскимъ образомъ усовѣщивалъ; а тотъ ему: па-хвально, па-хвально! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подь судъ отдать, но замѣтили, что помѣшанный.

— Значить... школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго. Я, съ своей стороны, готовъ простить...

— Медициной свидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! Ана-то-мировали?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ!

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! — закричалъ онъ, на первое время даже почти не заикаясь: — я очень хорошо въ состояніи различить, что живого не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ, въ помѣшательствѣ, былъ уже не живой... то-есть умеръ... то-есть я хочу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ... да, и люблю Пор... Порфирія... Я унижаю себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто. Пселдонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! — прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человекъ, ваше превосходительство, — снова было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я

говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унижилъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи, если я пришелъ... да... да, на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчаніе, да еще на такой категорическій вопросъ. «Ну, что бы имъ, что бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!» — мелькнуло въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, а Пселдонимовъ, иѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся:

«А что-то мнѣ за все это завтра будетъ?»

Вдругъ сотрудникъ *Головешки*, уже сильно пьяный, сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества:

— Да-съ! — закричалъ онъ громкимъ голосомъ: — да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Рет-ро-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! Съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! — яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами, и во-вторыхъ, я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это! — вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился, какъ столбъ, и совершенно не зная, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣ-

стахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали браво, браво!

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью:

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы пияли шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозреваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ женъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откуна . . . Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! — кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кипжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться! — энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ задалъ ему нѣсколько тумаковъ въ спину и вытолкалъ его въ двери.

— Всѣ вы подлецы! — кричалъ сотрудникъ: — я васъ всѣхъ завтра же въ *Головешкѣ* окарикатурю! . .

Всѣ повскакали съ мѣстъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! — кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала: — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! — кричалъ генераль: — я уничтоженъ . . . я пришелъ . . . я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все! . .

Онъ опустился на стуль, какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно, желая уйти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенія сохраняютъ они сознаніе и потомъ вдругъ падаютъ, какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознаніе. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый по-своему толкуя о происшедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покамѣстъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ избранное нами теченіе разсказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріи Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяць до своего брака, онъ погибалъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи, гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получилъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Пселдонимовыхъ осталось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и

сынъ погибали вдвоемъ на морозъ и пугались сомнительными матеріалами. Бывали дни, что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на Фолтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто, онъ кое-какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинелишку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросомъ: давно ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ ли онъ, созидать ли планы и системы, мечталъ ли объ чемъ-нибудь? Но взамѣнъ того въ немъ вырабатывалась какая-то инстинктивная, кряжевая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо, и они тотчасъ же вновь начнутъ созидать его, разорите другой разъ и другой разъ начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На лбу его было видно, что онъ добьется дороги, устроить гнѣздо и, можетъ быть, даже скопить и про запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы и жили они въ своихъ углахъ, можетъ быть, еще лѣтъ пять или шесть до перемѣны обстоятельствъ, если бѣ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдони-

мова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то когда-то обязанъ. Деньжонки у него водились, конечно, небольшія, но онѣ были; сколько ихъ дѣйствительно было, — про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того больной человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонома: «я, дескать, знаю его, отецъ его былъ хорошій человѣкъ, и сынъ будетъ хорошій человѣкъ». Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: сказано, сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большею частію онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однакожь пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непременно кого-нибудь и непрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея рассказывать ему сказки изъ *Тысячи одной ночи*. Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбницами, ругать ихъ поминутно на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, не исключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли передъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя, какъ всѣ они чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдствовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ, своимъ мужемъ, и, наконецъ, овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не могъ,

но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣснилась въ деревянномъ домѣ на Петербургской, не доѣдала, потому что старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ копейками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потому что старикъ страдалъ бессонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ, все это бѣдствовало и проклидало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и смиреннымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую школу, но изъ нея почти ничего, кромѣ азовъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ костьюлемъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетней, шпіонствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маменьки и приживалокъ, зла и сверлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, по однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстино имя записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки что-нибудь стоявшій. Сверхъ того, давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то накопишь! «Я вѣдь къ чему беру въ домъ человѣка? — кричала пьяный самодуръ. — Во-первыхъ, для того, что все вы бабье, а мнѣ надоѣло

одно бабье. Я хочу, чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Во-вторыхъ, потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ пазло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія спитъ. Всѣхъ изгони и клюку наготовлю».

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужъ рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до свадьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на свадьбу. Старикъ имъ покровительствовалъ, можетъ быть, именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ, самого Пселдонимова заставилъ еще за недѣлю до свадьбы проплясать передъ собой казачка. — «Ну, довольно, я хотѣлъ только видѣть, не забываешься ли ты передо мной», — сказалъ онъ по окончаніи танца. Денегъ онъ далъ на свадьбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ *Головешки* и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ, что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужъ такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ. Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась перемѣнить гнѣвъ на милость и выйти къ балу и ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться, за-

чѣмъ ее не предупѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣряли, что онъ пришелъ самъ, незванный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Пселдонимова нашелся одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копейки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовѣщивали. Она дала, наконецъ, собственныя деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу желчи и поташу, что онъ, уже неоднократно вбѣгая въ комнатку, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ, чего стоили двѣ бутылки джаксона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Каковы же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичомъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и, можетъ быть, на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной повобрачной, укору безтолковой невѣстинуи родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застилали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой и непременно карету, потому что на ванькѣ въ такомъ видѣ и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева, взбѣшенная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни копейки. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не было ни копейки. Гдѣ взять? Что дѣлать? Да, было отчего теребить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣсть перенесли на маленькій кожанный диванъ, стоявшій тутъ же въ столовой. Покамѣсть убирали со столовъ и разбирали ихъ, Пселдонимовъ бросался во все углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побезпокоить Акима Петровича, оставшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть и добрый человѣкъ, услышавъ о деньгахъ, пришелъ въ такое недоумѣнiе и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни:

— Въ другое время, я съ удовольствiемъ, — бормоталъ онъ, — а теперь... право меня извините...

И, взявъ шапку, поскорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, рассказывавшій про сонникъ, еще пригодился на что-нибудь; да и то некстати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участiе въ бѣдствiяхъ Пселдонимова. Наконецъ, Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покамѣсть, до кареты, испробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнiя средства, какъ-то: смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на Петербургской даже и ванекъ въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извозчикамъ куда-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились, однакожь, на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибылъ въ нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перемѣнилось рѣшенiе. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состоянiи домой стало совершенно невозможнымъ и даже ри-

скованнымъ. Еще что изъ этого выйдетъ? говорили совершенно обезкураженный Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ: если ужъ оставить больного дома, то куда же перенести его и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели, или, лучше сказать, обитательницы дома спали на юлу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушенныхъ, то-есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить больного? Перина-то бы еще, пожалуй, и нашлась, — можно было вытащить изъ-подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлатъ. Оказалось, что постлатъ надо въ залѣ, такъ какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ нѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлатъ? Неужели на стульяхъ? Извѣстно, что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимназистамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Пльичъ, это было бы очень неуважительно. Что сказать бы онъ назавтра, увидя себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнаткѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновленный, новокупленный матрацъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ коленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узоромъ. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ, и гости, почти всѣ перебывавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть

и терпѣть не могла Пселдонимова, но въ продолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотрѣть. Каково же было ея негодованіе, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то въ родѣ холерины! Манишка новобрачной вступилась было за нее, бранилась, обѣщалась на завтра же жаловаться мужу, но Пселдонимовъ показалъ себя и настояль: Ивана Ильича перенесли, а новобрачнымъ постлали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была щипаться, но ослушаться не посмѣла: у папаша былъ костыль, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непременно завтра потребуеъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже не нужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривенника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявилъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно не знаю. Кажется, юноша отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую Рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшего у своихъ знакомыхъ, и попытаться: нѣтъ ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она приотилась на полу, на коврикъ, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потому что принуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичомъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ, и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходи-

мую посуду и вносила ее опять. И однакожь, несчастья этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло десяти минутъ послѣ того, какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздирающій крикъ, не отраднѣй крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ будто наденіе стульевъ, и вмгъ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ во всевозможныхъ дезабилье. Эти женщины были: мать повобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ больныхъ дѣтей, три ея тетки, припелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже приживалка-нѣмка, рассказывавшая сказки, изъ-подъ которой вытащили силой для повобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, припелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины уже съ четверть часа какъ пробрались изъ кухни черезъ коридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемая самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ, кто-то наскоро зажегъ свѣчку, и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, не выдержавшіе двойной тяжести и подпиравшіе широкую перину только съ краевъ, развѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Со всѣхъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но манишка повобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тему: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ

этого? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее и, наконецъ, взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя отвѣтственность назавтра передъ грознымъ отцомъ, требующимъ отчета. За нею убралась и всѣ, ахая и покивая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его и попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьѣ, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ-то машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣснлись танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папирозный дымъ. Окурки папиросъ и конфетныя бумажки все еще валялись на залитомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутые стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжелыя мысли, какъ, напримеръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? Онъ мучительно сознавалъ, что надо перемѣнить мѣсто службы, во что бы то ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего, что случилось въ сей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который, пожалуй, завтра же заставитъ его опять плясать казачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хоть и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный день, которые ушли до копейки, но четыреста рублей приданыхъ не думалъ еще отдавать, даже и помину о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, ставившемся на одно колѣно передъ его

женой. Онъ это уже успѣлъ замѣтить, думать онъ о семи бѣсахъ, сидѣвшихъ въ жепѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно, онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала, наконецъ, такіе сюрпризы, что можно было, наконецъ, и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Пселдонимовъ. Между тѣмъ, огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, падавшій прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ, когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогншій и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями, и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, всползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свинцовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ, должно быть, снятъ приговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложкѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе непріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше, если бы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ, все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ, на примѣръ, мать Пселдонимова, — слышалъ ея незлобивыя увѣщанія въ родѣ: «потерпи, мой голубчикъ, потерпи, батюшка, стерпится-слобится», узнавалъ и не могъ, однако, дать себѣ никакого логическаго отчета

въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему: чаще всѣхъ представлялся ему Семень Иванычъ; но, вглядываясь пристальнѣе, онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семень Иванычъ, а носъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ, и старуха съ подвязанной щекой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были занавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату, и все добивался мысленно: къ чему служить это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились, и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проспалъ около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаніи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставенъ узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильичъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужиномъ, свой манкированный по-двигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все, что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ, наконецъ, до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи бросился на по-

душку. Черезъ минуту опъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на стулѣ свое платье, въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шапкѣ. Опъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь, и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомошкой. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомошку и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непременно.

— Какъ же, батюшка, умойся, нельзя же не умывшись-то . . .

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, которое онъ бы могъ теперь не стыдиться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ улыбся. И долго потомъ въ тяжелыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызений совѣсти, и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукомошкой, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, копеекъ въ пятнадцать цѣною, очевидно, купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и, не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плечи шубу, поданную ему Пселдонимовой, и черезъ коридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка, и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ, съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжалъ на дворъ, на улицу и бросился къ проѣзжавшему извозчику. Утро было

морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще дома и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднялъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотреть, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно, чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ, и, должно быть, они зачлись ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право, были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣніе, отверстый гробъ, житье въ уединенной кельѣ, лѣса и пещеры; но, очнувшись, онъ почти тотчасъ же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные припадки, имѣвшіе въ виду его *existence manquée*. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его, разомъ овладѣвалъ ею и все выжигалъ и растравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ къ канцелярію, какой шопоть его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью человѣчества. Во всякомъ случаѣ надо было непременно переѣхать всѣхъ знакомыхъ и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему

приходили мысли, что и это вздоръ и что при усвоенной строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободраться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвѣстности, и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ, какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непременно услышитъ за собою двусмысленный шопотъ, увидитъ двусмысленныя лица, пожметъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почти-тельно; ему кланялись; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ же и пресерьезно занялся дѣломъ, выслушалъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не рассуждалъ и не рѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая минительность не могла бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ, явился и Акимъ Петровичъ съ какими-то бумагами. При появленіи его что-то какъ будто кольнуло Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему, какъ надо сдѣлать, и разъяснял. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ будто избѣгаетъ слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича или, лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боялся глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, — началъ онъ какъ можно суше, — чиновника Пселдонимова о переводѣ его въ департаментъ . . . Его превосходительство Семенъ Ивановичъ Шипуленко обѣщали ему мѣсто. Просить вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, — сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича, и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Что жъ, я съ моей стороны . . . я употреблю, — отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, — я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, — началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, — передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю! . . . Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все . . .

Но вдругъ Иванъ Ильичъ осѣбся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то уторопленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами и вмѣстѣ съ тѣмъ пятиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или, лучше сказать, добратся поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

«Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость!» — шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все его лицо. Ему стало вдругъ до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — «Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

1862.

Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ

Глава I

Вмѣсто предисловія

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто втупикъ. Что я вамъ напишу? Что расскажу поваго, еще не извѣстнаго, не рассказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (то-есть читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Къ тому же, кромѣ сихъ общихъ соображеній, вы спеціально знаете, что мнѣ-то особенно нечего рассказывать, а ужъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потому что я самъ ничего не видалъ въ порядкѣ, а если что и видѣлъ, такъ не успѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза, и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что-нибудь порядочно разглядѣть, проѣхавъ столько дорогъ въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я со-

ставилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу: рвался я туда чуть не съ моего перваго дѣтства, еще тогда, когда въ долгіе зимніе вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ, равняя ротъ и замирая отъ восторга и ужаса, какъ родители читали на сонъ грядущій романы Ратклиффъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я, наконецъ, за границу сорока лѣтъ отроду, и, ужъ разумѣется, мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непременно все, несмотря на срокъ. Къ тому же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! «Пусть не разгляжу ничего подробно, думалъ я, зато я все видѣлъ, вездѣ побывалъ; зато изъ всего видѣннаго составитя что-нибудь цѣлое, какая-нибудь обшая панорама. Вся «страна святыхъ чудесъ» представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета, какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ, получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе». Вѣдь я теперь, сидя дома, объ чемъ тоскую наиболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ странствованіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побывалъ, а въ Римѣ, напримѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я бы, можетъ быть, пропустилъ папу... Однимъ словомъ, на меня напала какая-то неутолимая жажда новаго, перемѣны мѣстъ, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну чего жъ послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Что я вамъ расскажу? Что изображу? Панорамы, перспективу? Что-нибудь съ птичьяго полета? Но, пожалуйста, вы же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того, я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ

начну изображать и описывать хотя бы только одну панораму, то вѣдь непременно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ, просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, напимѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе, и пробылъ я въ немъ всего одиѣ сутки. И я знаю теперь, что я вшоватъ передъ Берлиномъ, что я не смѣю положительно утверждать, будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужъ, по крайней мѣрѣ, хоть кислосладкое, а не просто кислое. А отчего произошла пагубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я, больной человѣкъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ до Берлина, и, прѣхавъ въ него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣ же кордонныя улицы, тѣ же запахи, тѣ же . . . (а, впрочемъ, не пересчитывать же всего того же!). Фу ты, Богъ мой, думалъ я про себя: стоило жъ себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать то же самое, отъ чего ускакалъ? Даже липы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинецъ пожертвуетъ всѣмъ изъ самаго дорогого, даже, можетъ быть, своей конституціей; а ужъ чего дороже берлинцу его конституціи? Къ тому же сами берлинцы, всѣ до одинаго, смотрѣли такими нѣмцами, что я, не посягнувъ даже и на фрески Каульбаха (о, ужасъ!), поскорѣе улизнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмцами провинился; мнѣ вдругъ вообразилось, только что я вышелъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ пѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый

разбеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно бы здѣсь потерялся и даже, можетъ быть, усомнился бы въ своемъ призваніи. Я, конечно, въ ту же минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротясь въ свой номеръ въ гостиницѣ и высушивъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую черную клевету. Языкъ мой былъ желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человѣкъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печени, подумалъ я, — что за низость!» Съ этими утѣшительными мыслями я отиравился въ Кельнъ. Признаюсь, я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то-есть мѣсяць спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ «на колѣняхъ просить у него прощенія» за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точь-въ-точь какъ Карамзинъ, съ такою же цѣлью ставившійся на колѣни передъ рейнскимъ водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился, мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево, галантерейная вещь въ родѣ прессъ-папье на письменный столъ, сажень въ семьдесятъ высотой. «Величественнаго мало», рѣшалъ я, точно такъ, какъ въ старину наши дѣды рѣшили про Пушкина: «легко, дескать, слишкомъ сочиняеть, мало высокаго». Я подозреваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонъ. Жанъ-Марія Фарина паходится тутъ же подлѣ собора, и въ какомъ бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, какъ бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и

отъ Жанъ-Маріи Фарипы въ особенноти, его кліенты васъ пайдуть непременно и ужь тутъ: «одеколонъ ou la vie», одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать слишкомъ навѣрное, что такъ и кричатъ именно этими словами: «одеколонъ ou la vie!» по кто знаетъ — можетъ быть, и такъ. Помню, миѣ тогда все что-то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ, конечно, превосходный, и городъ справедливо гордится имъ, но миѣ показалось, что ужь слишкомъ гордится. Разумѣется, я тотчасъ же на это разсердился. При томъ же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благоразумную пошлину съ такимъ видомъ, какъ будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую-то неизвѣстную миѣ мою провинность. Я не знаю, но миѣ показалось, что нѣмецъ куражится. «Вѣрно догадался, что я иностранецъ и именно русскій», подумалъ я. По крайней мѣрѣ, его глаза чуть не проговаривали: «Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій, — ну такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всяки нѣмецки человѣкъ, потому что у тебя нѣтъ такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ, конечно, этого вовсе не говорилъ, даже, можетъ, и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хочетъ сказать, что вскипѣлъ окончательно. «Чортъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ... у насъ есть журналы... у насъ дѣлаютъ офицерскія венци... у насъ...» Однимъ словомъ, я разсердился и, купивъ стеклянку одеколону (отъ которой ужь никакъ не могъ отвертѣться), немедленно ускакалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько же, на Кельнъ положите хоть

три дня, ну хоть два, и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянуть бы на тѣ же предметы другими глазами и составить бы объ нихъ болѣе приличное понятіе. Даже лучъ солнца, простой какой-нибудь лучъ солнца тутъ много значилъ: сіялъ онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой прѣздѣ въ городъ Кельнъ, и зданіе навѣрное бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ, какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку уязвленного патріотизма. Хотя изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. Итакъ, вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть, и я не могу доставить вамъ самыхъ точныхъ свѣдѣній. Я поневолѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому . . .

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что за нужду вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что, напротивъ, было бы вовсе недурно, если бъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достигъ онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искренностью; не боялся бы иногда не скрыть иного личнаго своего впечатлѣнія или приключенія, хотя бы оно и не доставляло ему большой славы, и не справлялся бы съ извѣстными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выгоды. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! восклицаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ на лету. На это согласенъ и тотчасъ же справлюсь съ записной моей книжкой. И простодушнымъ быть постараюсь, насколько могу. Прошу только помнить, что, можетъ быть, очень многое, что я вамъ на-

пишу теперь, будетъ съ ошибками. Разумѣется, не все же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться, на-примѣръ, въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Баль-Мабиль. Особенно послѣдній фактъ до того засвидѣтельствованъ всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти нельзя сомнѣваться. Въ этомъ-то, можетъ, и я не ошибусь, а, впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну такъ посудите же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ же Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно, конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, но все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставляющее мнѣ большой славы (то-есть я, пожалуй, и видѣлъ издали, сажень за двѣсти, да торопился въ Пентонвиль, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьяго полета (съ птичьяго полета не значить *свысока*. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяцъ безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну, вотъ я вамъ и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядѣть, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

Глава II

Въ вагонѣ

«Разсудка французъ не имѣетъ да и имѣть его почелъ бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтїи фонъ-Визинъ и, Боже мой, какъ, должно быть, весело она у него на-

писалась. Бьюсь объ закладъ, что у него шекотало отъ удовольствія на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ, и всѣ-то мы послѣ фонъ-Визина, три-четыре поколѣнія сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденія. Всѣ подобныя, отдѣляющія иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ русскихъ что-то неотразимо пріятное. Разумѣется, только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ самихъ себя въ тайнѣ. Тутъ слышится какое-то мщеніе за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я какъ-то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы, разумѣется, браhimся, если насъ въ этомъ подозрѣваютъ, и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ, я думаю, самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню, съ какимъ благоговѣніемъ, доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонился передъ Западомъ, то-есть передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція, — это было въ сорокъ шестомъ году. И не то что, напримѣръ, обожались такія имена, какъ Жоржъ Зандъ, Прудонъ и проч.; или уважались такіе, какъ Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какіе-нибудь, самыя мизерныя фамильишки, которыя тотчасъ же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шопотомъ благоговѣпія... И что же? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло, а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и, повидимому, презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и

припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ быть, это слово фонъ-Визина даже и Бѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то нравится. О, ради Бога, не считайте, что любить родину значить ругать иностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не намѣренъ думать, и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то яснѣе мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужъ не думаете ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь сижу въ вагонѣ и приготавливаюсь на завтра къ Эйдку-нену, то-есть къ первому заграничному впечатлѣнiю, и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу, наконецъ, Европу, я, который бесплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и пресерьезно, какъ Бѣлопяткинъ у Некрасова:

«Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарiю»,

но не бѣжалъ, и вотъ теперь и я вѣзжаю, наконецъ, въ «страну святыхъ чудесъ», въ страну такихъ долгихъ томлений и ожиданий моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣрованiй. Господи, да какіе же мы русскіе? — мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ же вагонѣ. Дѣйствительно ли мы русскіе въ самомъ-то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣнiе? То-есть, я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну вотъ про тѣхъ простыхъ русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ милліоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерьезно за никого считаемъ и надъ которыми глубокие

сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они бородъ не бреютъ. Нѣтъ, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все, что есть въ насъ развитія, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все вѣдь это отсюда, изъ той же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самаго перваго дѣтства сложилась. Неужели же кто-нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились — съ этимъ, и думаю, все согласятся, одни съ радостію, другіе, разумѣется, со злобою за то, что мы *не доросли* до перерожденія. Это ужъ другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ, и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было бъ Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ, можетъ быть, и не было бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ! Неужели же не вздоръ? А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужъ Пушкинъ ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за

что нельзя и хоть и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротишься. Вѣдь не съ неба же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство и хоть оно и сформировалось впоследствии въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и, можетъ быть, гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то, можетъ быть, пошире ихъ формулы залегаетъ. Ужъ какъ трудно съ перваго раза даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финалъ выходитъ иногда совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли поневолѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти, впрочемъ, отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно праздно въ вагонѣ сидѣть, ну вотъ точь-въ-точь такъ же, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хоть и везуть тебя, хоть и заботятся о тебѣ, хоть подчасъ даже такъ ублаживаютъ, что кажется бы и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, потому что ужъ слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди да жди, когда еще довезутъ. Право, иной разъ такъ бы и выскочилъ изъ вагона, да сбоку подлѣ машины на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашель и самъ его дѣлаю, зато если случится, что столкнутся вагоны и полетятъ вверхъ ногами, такъ ужъ не буду сложа руки запертой сидѣть, своими боками за чужую вину отвѣчать...

Богъ знаетъ, что иногда на бездѣльѣ вздумается!

А между тѣмъ ужъ смеркалось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и

жена, уже пожилые, помѣщики, и, кажется, хорошие люди. Они спѣшили на выставку въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживавшій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по коммерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли пріѣзжаншій теперь по дѣламъ въ Петербургъ и, кажется, совершенно потерявшій понятіе о тоскѣ по родинѣ. Стѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ проборомъ на головѣ и усиленно серьезный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго маленькаго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читалъ не отрываясь какую-то книжку, той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно, это такъ заведено у него было всю жизнь и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали; свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думать-думалъ и, ужъ не знаю какъ, додумался до того, что «разсудка французъ не имѣеть», чѣмъ и началъ эту главу. А знаете ли, что меня что-то подмываетъ, покаместъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ, другихъ читателей надобно выгородить, а для этого выключу-ка я всѣ эти размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *лишней*. Вы-то надъ ней поскучайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣстливо, ну а съ друзьями можно и покороче. Итакъ :

Глава III

и совершенно лишняя

Это, впрочемъ, были не размышленія, а такъ, какія-то созерцанія, произвольныя представленія, даже мечтанія «о томъ, о семь, а больше ни о чемъ». Во-первыхъ, я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о человѣкѣ, сотворившемъ вышеприведенный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того, ни съ сего раздумался, именно по поводу афоризма. Этотъ человѣкъ по своему времени былъ большой либераль. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади, для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣеть», да еще и имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе. Кстати, ужъ не думаете ли вы, что я заговорилъ о шпажонкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ фонъ-Визину? Ничуть не бывало! Не зипунъ же было ему надѣвать на себя, да еще въ то время, когда и теперь иные господа, чтобы *быть русскими* и слиться съ народомъ, не надѣли-таки зипуна, изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ, ужъ, по крайней мѣрѣ, французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: «барина, дескать, видно, не въ зипунѣ жъ ходитъ барину». Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и пова-

дился было въ немъ на сходки ходить; такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ говорятъ промежь себя: «Чего къ намъ этотъ ряженный таскается?» Да такъ вѣдь и не слыся съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ, ужъ я, — сказалъ мнѣ другой господинъ, — нѣтъ, ужъ я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракъ ходить. Дѣло-то я буду дѣлать, а виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и расчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду, если понадобится. Больше уважать будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

— Фу ты чортъ! — подумалъ я, — точно на иноплеменниковъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только.

— Да, — сказалъ мнѣ третій, впрочемъ премилѣйшій господинъ, — я вотъ куда-нибудь припишусь, а меня вдругъ на сходкѣ мѣрскимъ приговоромъ за что-нибудь высѣчь приговорятъ. Ну, что тогда будетъ?

— А хошь бы и такъ, — захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потому что сгрусиль. — Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ инья наши мысли высказывать? — Хошь бы и такъ, — думалось мнѣ про себя, — хошь и высѣкли бы, что жъ? Такіе обороты дѣла называются у профессоровъ эстетики трагическимъ въ жизни и больше ничего. Неужели жъ изъ-за этого только особнякомъ отъ всѣхъ жить? Нѣтъ, ужъ коли всѣ, такъ ужъ совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ ужъ и совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жены и дѣти.

— Да помилуйте, какія тутъ жены и дѣти! — закричалъ бы мнѣ мой противникъ, — выдралъ бы мѣръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую-нибудь,

что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужъ это и общее дѣло.

— Ну да, оно, конечно, смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, рукъ марать не хочется. Даже и говорить-то объ немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мірской приговоръ: ни одной-таки розочки не досталось бы моему милѣйшему спорщику, если бъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мірскому приговору: «Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ па то и сидѣнье, чтобъ его стегать», порѣшилъ бы міръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина...

— Ретроградство! — закричалъ кто-нибудь, прочтя это. — За розги стоять! (Ей-Богу, кто-нибудь изъ этого выведетъ, что я за розги стою.)

— Да помилуйте, про что вы говорите, — скажетъ другой. — Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ же тутъ Парижъ?

— Да что же это, — прибавитъ третій, — обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, — отвѣчаю я, — но, позвольте: вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Такъ ужъ къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. При томъ же, подъѣзжая къ Эйдкунену, я, помню, особенно раздумался про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню, что инья мечтанія мои были въ этомъ же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отражалась Европа и постоянно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и

насколько мы цивилизовались и сколько именно насть счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все тутъ какъ бы лишнее. Да и жъ васъ и предупѣдомить, что вся глава лишняя. А, впрочемъ, на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда *Бригадира*. *Бригадиръ* былъ по-тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эффектъ. «Умри, Денисъ, лучше ничего не напишешь», говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ бы спросонья зашевелились. Что жъ, неужелъ жъ и тогда, — продолжать я свои произвольныя созерцанія, — ужъ наскучило людямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ одиѣхъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю, и хочу кетати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы, напиримѣрь, всѣ безъ дѣла, и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло нашлось, вотъ мы такъ всѣ и накинемся и непременно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужъ думаемъ, что самого слона провели. Неолытность юности, ну и голодуха, къ тому же. Это у насъ чуть не раньше *Бригадира* еще началось, конечно, тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ — и неизмѣнно до сихъ поръ подолжается: нашли дѣло и визжимъ отъ восторга. Увизжаться и прорваться отъ восторга — это у насъ самое первое дѣло; смотришь, года черезъ два и расходимся врозь, повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хотъ еще сто разъ начинай. Что же касается до другихъ помочей, то въ фонвизинское время въ массѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самая святыя, самая европейскія помочи и самая милая опека. Конечно, и теперь мало сомнѣваю-

щихся. Вся наша крайне-прогрессивная партія до ярости стоитъ за чужія помочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно, какъ это мы горы тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это всѣ эти наши алаунскія плоскія возвышенности, парголовскія вершины, валдайскія пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда, упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что :

Ляжетъ на горы, горы трещать,

и что

Башни рукою за облакъ бросаетъ.

Но, кажется, это была только метафора. Кстати, господа: я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. По ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное вліяніе Европы на наше отечество. То-есть какія тогда (до *Бригадира* и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокомерія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полнаго собранія своихъ сочиненій. Ну, такъ вотъ разъ напечаталъ онъ въ смѣси, въ *Современникѣ*, очень давно уже *Записки моего дѣда*. Вообразите, что могъ записать тогда этотъ дебелый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, выдавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очаковымъ, воротившись въ свою вотчину и принявшись за свои воспоминанія. То-то должно быть интересно было записать. Чего-чего не перевидалъ человѣкъ! Ну, такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ:

«*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона*. Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона въ присутствіи короля хладнокровно спрашивала: «Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту

или хвостъ къ собакамъ?» На что сей кавалеръ, будучи въ отвѣдихъ весьма искусенъ, нисколько не сматенивъ, но, напротивъ, постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: «Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову вѣтъ невольбранно». Сей отвѣтъ оному королю большою удовольствіемъ причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался».

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣла и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично въ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отроду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой я прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда же его затвердилъ наизусть, — такъ онъ приманилъ меня — и съ тѣхъ поръ не забылъ:

«Остроумный отвѣтъ кавалера де-Рогана. Известно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: «Отстранитесь, кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ». На что сей кавалеръ немедленно отвѣтствовалъ: «Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только-что встаете съ постели».

То-есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми Митрофанушками, ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до самозабвенія; и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и восторженно читаетъ по складамъ подобные анекдоты, да еще принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службѣ. И что за наивная тогдашняя вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европейскихъ извѣстій. «Извѣстно, дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло»... Кому извѣстно, зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ Тамбовской губерніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это захочетъ? Но подобные вольподумные вопросы дѣла не смущаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что сіе «собранье острыхъ словъ» при дворѣ извѣстно, и довольно съ него. Да, конечно, тогда намъ легко давалась Европа, физически,

разумѣтся. Нравственно-то, конечно, обходилось не безъ плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привѣшивали шпажонки — вотъ и европеецъ. И не только не мѣшало все это, но даже нравилось. На дѣлѣ же все оставалось попрежнему: такъ же отложивъ де-Рогана (о которомъ, впрочемъ, только всего и знали, что у него весьма дурно изо рта пахло) въ сторону и снявъ очки, расправлялись съ своей дворней, такъ же патриархально обходились съ семействомъ, такъ же драли на конюшнѣ мелкопомѣстнаго сосѣда, если сгрубить, такъ же подличали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику было понятнѣе: меньше его презирали, меньше его обычаемъ брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему, меньше нѣмцами. А что важничали передъ нимъ, такъ какъ же барину не поважничать, — на то баринъ. Хоть и до смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то милѣе теперешнихъ, потому что были больше свои. Однимъ словомъ, всѣ эти господа были народъ простой, кряжевой; до корней не доискивались, брали, драли, крали, спины гнули съ умилениемъ, и мирно и жирно проживали свой вѣкъ «въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ». Миѣ даже сдается, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ и наивны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Мопбазоновъ.

Даже, можетъ, и пребольшіе подчасъ были плуты и себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ вліяніямъ сверху. Вся эта фантазмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатикки въ нѣмецкихъ парикахъ и штиблетахъ, все это, миѣ кажется, были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно, можно быть и подьячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ и въ то же время пренаивно и трогательно

быть увѣрону, что кавалеръ де-Роганъ и есть самый «субдительный суперфлю». Но въ это ничему не мѣшало: Гвоздиловы гвоздили попрежнему, нашихъ де-Рогановъ нашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть по сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живого и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шелковыхъ чулкахъ давались подзатыльники и подсеиники, а маркизы валялись на куртагахъ,

отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ, вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земного шара.

Ну, теперь ужъ не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужъ мы вполне европейцы и доросли. Теперь ужъ самъ Гвоздиловъ споровку держать, когда гвоздить приходится, приличіе наблюдаетъ, французскимъ буржуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и, какъ сѣвероамериканецъ южныхъ штатовъ, текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ, защита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходить. Вотъ пріѣду туда — самъ своими глазами увижу, — думаль я. Никогда изъ книгъ не научишься тому, что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софѣ, представительницѣ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ фонъ-Визинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ *Бригадирѣ*, а дурѣ бригадиршѣ, которую ужъ онъ до того поддѣлывалъ душой, да еще не простой, а ретроградной душой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя она говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья,

а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой душой, даже и дурной женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ будто побоялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобъ такая фраза изъ устъ благовоспитанной поранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобъ ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

... У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная — изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмельной, такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, не вынеси за што. Ну, мы наша сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и *слушать* объ этомъ не хочешь, каково жъ было *терпѣть* капитаншѣ?

Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у фонъ-Визина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздитъ свою капитаншу, и чуть ли еще не съ бѣльшимъ комфортомъ, чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ, прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того, дескать, и бью. Даже жены, говорятъ, безпокоились, если ихъ не били: не бьеть, значить, не любить. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужъ и это подверглось развитію. Теперь ужъ Гвоздиловъ гвоздитъ чуть не изъ принципа,

да и то потому, что все еще дураки, то-есть челоѣки стараго времени, новыхъ порядковъ не знаютъ. По новымъ порядкамъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о немъ до сихъ поръ у насъ пишутъ преглубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, несмотря на все статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сытъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и какъ капитанъ Конѣйкинъ, «въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ». Жена его ужъ давно не «изрядная, изрядная молодка» какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и поблѣднѣло, морщины и страданія избороzdили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, бессонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горючими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть, пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безгранично-прощающей любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, не правда ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то-есть порѣже, приличіе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтись не можетъ; онъ расчетливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужъ стоскуется. Ну, а вѣдь какъ хотите, это прогрессъ, все-таки утѣшеніе. Мы же такіе охотники до утѣшеній...

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще

не очень красиво; зато мы сами до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужъ народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ, — а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Теперь ужъ мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныя, что даже относимся къ нему съ какою-то повою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Рогановъ, а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Зато какъ же мы теперь самоувѣренны въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, парода нѣтъ, національность — это только извѣстная система податей, душа — *tabula rasa*, вощичокъ, изъ котораго можно сейчасъ же вытѣпить настоящаго человѣка, общечеловѣка всемірнаго, гомункула — стоитъ только приложить плоды европейской цивилизаціи да прочесть двѣ-три книжки. Зато какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потому что ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствіемъ мы отхлестали, напимѣръ, Тургенева за то, что онъ осмѣлился не успокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеаль, а искалъ чего-то лучше чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, Господи помилуй! Да что же насъ краше и безошибочнѣе въ подсолнечной? Ну, и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца), несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ на показъ, да еще прибавили — что онъ идетъ противъ эманципаціи женщины. А вѣдь это все прогрессъ, какъ хотите. Теперь мы съ такою капральскою

самоуверенностью, такими фельдфебелями цивилизации стоимъ надъ народомъ, что любо-дорого посмотрѣть: руки въ боки, взглядъ съ зародомъ, смотря въ фертонъ. — посмотримъ да только поплевываемъ: «чему у тебя, си-па-мужикъ, намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности одно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!» Не спускать же предрасудкамъ, помилуйте! Ахъ, Боже мой, кста-ти теперь... Господа, положимъ на минутку, что я ужъ кончилъ мое путешествіе и воротился въ Россію. Позвольте разсказать анекдотъ: Разъ, нынѣшней осенью, беру я одну газету изъ прогрессивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: «Еще остатки варварства» (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только, что теперь газеты передъ глазами нѣтъ). И вотъ разсказывается анекдотъ, какъ однажды, нынѣшней же осенью, въ Москвѣ, поутру, усмотрѣны были дрожки; на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодѣтая въ ленты, и пѣла пѣсню. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то пѣсню! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только, пьяна или нѣтъ? Вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла на показъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно проведенныхъ счастливую ночь. Въ узелкѣ, разумѣется, заключалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародѣ обыкновенно на другой же день показываютъ родителямъ невесты. Народъ смѣялся, смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ форсомъ, поплеывая, передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ, «даже до сихъ поръ сохранившемся, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи!» Господа, признаюсь вамъ, я расхохотался ужасно. О, пожалуйста не думайте, что я защищаю первобытное канибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это скверно, это недѣломудренно, это дико, это по-славянски, знаю,

согласенъ, хотя все это сдѣлалось, конечно, безъ ху-
дого намѣренія, а напротивъ, съ цѣлью торжества но-
вобрачной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго,
высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А
именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные
магазины наши. Конечно, цивилизованныя дамы уже не
отсылають теперь легкихъ покрововъ къ родителямъ, но
когда на примѣръ, придется заказывать модисткѣ платье,
съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ расчетомъ и
знаніемъ дѣла онѣ умѣють подложить вату въ извѣстныхъ
мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для
чего вату? Разумѣется, для изящества, для эстетики,
pour paraître... Мало того: ихъ дочери, эти невинныя,
семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ,
и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ; и къ чему служить
вата, и гдѣ именно, въ какихъ частяхъ нужно употре-
бить эту вату, и зачѣмъ, съ какой, то-есть, именно
цѣлью все это употребляется... Ну что жъ, подумаль
я со смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *сознательныя*
заботы о ватныхъ приумноженіяхъ, — что же чище,
нравственнѣе, цѣломудреннѣе, что ли, они несчастной
легкой одежды, везомой съ простодушной увѣренностью
къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно на-
добно, такъ именно нравственно!..

Ради Бога, не думайте, друзья мои, что я теперь
вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивили-
зація — не развитіе, а, напротивъ, въ послѣднее вре-
мя въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрмой надъ
всякимъ развитіемъ. Не думайте, что я стану доказы-
вать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и
законы нормальнаго, истиннаго развитія, доказывать,
что цивилизація уже осуждена давно на самомъ Западѣ
и что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ
(хотя тамъ всѣ собственники или хотять былъ собствен-
никами), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что
я стану доказывать, что душа человѣческая не *tabula*

гана, не боичиость, изъ котораго можно слѣнхнть обще-человѣка; что прежде всего нужна натура, потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельна, почвенная, не-стѣсленная и вѣра въ свои собственные, національныя силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогрессисты (хотя и далеко не все) вообще не стоять за вату и такъ же точно клѣймають се, какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь ска-зать: въ статьѣ вѣдь не просто осуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали прѣстонародное, національное, сти-хійное варварство, въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго, благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то, можетъ быть, въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни пред-разсудки и мерзости на другіе, еще большіе предраз-судки и мерзости. Статья какъ будто не замѣчала этихъ нашихъ-то собственныхъ-то предразсудковъ и мерзостей. Къ чему же, къ чему же такимъ фертомъ стоять надъ народомъ, руки въ боки да пошлевывая... Вѣдь смѣш-на, смѣшна уморительно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражъ надъ народомъ, или, наконецъ, неразсуждаю-щее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшище.

Да что! Вѣдь такихъ фактовъ тысяча каждодневно найдется. Простите за анекдотъ.

А, впрочемъ, что жъ я грѣшу! Вѣдь я грѣшу! Это оттого, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспо-мните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертомъ стоящій и все порѣшившій. Чацкій — это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, взывающій и къ Россіи и къ почвѣ, а

между тѣмъ все-таки уѣхавшій опять въ Европу, когда надо было сыскать,

гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ . . .

однимъ словомъ, типъ совершенно бесполезный теперь и бывшій ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ, и совѣстливо тоскующій о своей бесполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣнии переродился, и мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, но уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, кроткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а, можетъ быть, подъ носомъ, и найдетъ что дѣлать и станетъ дѣлать. И знаете ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры; я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже родился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашелъ себѣ дѣла? Они все вѣдь не нашли дѣла, не находили два-три поколѣнія сряду. Это фактъ, противъ факта и говорить бы, кажется, нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный человѣкъ, когда бы то ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. На то и умъ, чтобъ достигъ того, чего хочешь. Нельзя версты пройти, такъ пройди только сто шаговъ, все жъ лучше, все ближе къ цѣли, если къ цѣли идешь. И если хочешь непремѣнно однимъ шагомъ до цѣли дойти, такъ вѣдь это, по-моему, вовсе не умъ. Это даже называется бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, но одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо од-

нимъ шагомъ перелетѣть до пѣли или попасть къ Регулы. Ну, вотъ это-то и есть бѣхоручничанье. Однакожь Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что улизнулъ тогда за границу; помѣшкалъ бы маленько и отправился бы на востокъ, а не на западъ. Любятъ у насъ западъ, любятъ, и въ крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда ѣдутъ. Ну, вотъ и я туда ѣду. «*Mais moi c'est autre chose*». Я видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, то-есть очень многихъ, а всѣхъ и не пересчитаешь, и всѣ-то они, кажется, ищутъ уголка для оскорбленнаго чувства. По крайней мѣрѣ, чего-то ищутъ. Поколѣнне Чацкихъ обоего пола послѣ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножилось тамъ, подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они всѣ поѣхали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитриевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надоѣла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ сказать, родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пуститъ: «деревенскіе, дескать, сосѣди: въ городѣ съ ними не кланяются». Онъ при дѣлахъ и нашелъ себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. «Онъ знаетъ Русь, и Русь его знаетъ». Да, ужь его-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ, только онъ и говоритъ. Ему и книги въ руки... Но что объ немъ. Я заговорилъ объ нихъ обо всѣхъ, что ищутъ отраднaго уголка въ Европѣ, и, право, я думаю, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ, на ихъ лицахъ такая тоска... Бѣдненькіе! И что за всегдашнее въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тоскливая подвижность! Всѣ они ходятъ съ гидами и жадно бросаю-

сл въ каждомъ городѣ смотрѣть рѣдкости, и, право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропускаютъ ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ; глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три граціи, потому что такъ велѣно вѣрить по гиду; бросаются на Сикстинскую Мадонну и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто-нибудь вылезетъ изъ-подъ пола и разсѣетъ ихъ беспредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодовольное и совершенно машинальное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ, чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ, ни новаго, ни удивительнаго и провѣряющихъ только: такъ ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, нервное, крѣпко жаждущее, а про себя заранѣе убѣжденное, что ничего никогда не случится, разумѣется, до первой мухи: пролетѣла муха, — значитъ, опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранить. И не про тѣхъ тоже, которые окончателно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ, про всю массу можно только вотъ что сказать: какъ только всѣ мы переваливаемъ за Эйдкуненъ, тотчасъ же становимся разительно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгаютъ, потерявши своего хозяина. Да вы что думаете, что я съ пасмѣшкой пишу, виню кого-нибудь, что вотъ де «въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! Крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей!» и т. д., и т. д. О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтобъ ви-

нить? За что винить, кого винить? «И рады дѣлу, да дѣла нѣтъ, а что есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, вакансія не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ. Вотъ и отговорка и все недолга. Отговорку-то мы наизусть знаемъ. Но что это? Куда я заѣхалъ? Гдѣ жь это я успѣлъ переиздѣть за границею русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдкунену подъѣзжаемъ... Аль ужъ проѣхали. И вправду, и Берлинъ, и Дрезденъ, и Кельнъ, все проѣхали. Я, правда, все еще въ вагонѣ, но ужъ передъ нами не Эйдкуненъ, а Аркелинъ, и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я о немъ хотѣлъ говорить да и забылъ! Ужъ очень про нашу русскую Европу раздумался; простительное дѣло, когда самъ въ европейскую Европу въ гости ѣдешь. А, впрочемъ, что жь ужъ очень-то прощенья просить. Вѣдь моя глава лишняя.

Глава IV

и не лишняя для путешественниковъ
Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно ли «разсудка французъ не имѣеть»?

Но нѣтъ, однако, почему же разсудка французъ не имѣеть, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пассажировъ, французовъ, только-что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркелинѣ, откуда мы только-что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро, и я вошелъ въ вагонъ, очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Франціи. До Аркелина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи нашемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ.

чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два проболтали безъ умолку. Теперь же насъ было шестеро, и, къ удивленію моему, мой швейцарецъ. при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ, вдругъ сдѣлался чрезвычайно несловоохотливъ. Я было обратился къ нему съ продолженіемъ прежняго разговора, но онъ видимо поспѣшилъ замаять его, отвѣчалъ что-то уклончиво, сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣмецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спутниками. Это былъ какой-то странный народъ. Ъхали они налегкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни узелка, ни даже платья, которое бы сколько-нибудь напоминало человѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то легонькихъ сюртучкахъ, страшно потертыхъ и изношенныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицерскіе денщики или дворовые люди въ деревняхъ у средняго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное, галстуки очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязныя; на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шелкового платка изъ такихъ, которые вѣчно носятъ и пропитываются цѣлымъ фунтомъ жира, послѣ пятнадцатилѣтняго сопрікосновенія съ шеей носителя. У этого же носителя были еще какія-то запонки съ фальшивыми брилліантами въ орѣхъ величиною. Впрочемъ, держали они себя съ какимъ-то шикомъ, даже молодцовато. Всѣ четверо казались однихъ и тѣхъ же лѣтъ, тридцати пяти или около, и не будучи сходны лицомъ, были чрезвычайно похожи одинъ на другого. Лица ихъ были помятыя, съ казенными французскими бородками, тоже очень похожими одна на другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозь разныя трубы и усвоившій себѣ навѣки хоть и кислое, но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ тоже, что они были знакомы

другъ съ другомъ, но не помню, сказали ли хоть одно слово между собою. На насъ, то-есть на меня и швейцарца, они какъ-то видимо не хотѣли смотрѣть и, небрежно посвистывая, небрежно разсѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядывали въ окна вагона. Я закурилъ папиросу и отъ нечего дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня, правда, мелькаетъ вопросъ: что жъ это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники не работники, буржуа не буржуа. Неужели жъ отставные военные, что-нибудь à la demi-solde или въ этомъ родѣ? Впрочемъ, я какъ-то не очень ими заботился. Черезъ десять минутъ, только что мы подъѣхали къ слѣдующей станціи, они все четверо одинъ за другимъ тотчасъ же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась, и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждутъ на станціяхъ: минуты двѣ, много три и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, то-есть чрезвычайно быстро.

Только что мы остались одни, швейцарецъ мигомъ захлопнулъ свой гидъ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа недолго посидѣли, — началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и сядились.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ?... Но вѣдь это полицейскіе...

— Какъ? Какіе полицейскіе? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то... я вѣдь тотчасъ же замѣтилъ давеча, что вы не догадываетесь.

— И... неужель шпіоны? (я все еще не хотѣлъ вѣрить).

— Ну да; для насъ и сядились.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это безъ сомнѣнія! Я ужъ нѣсколько разъ

здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможенѣ, когда читали наши паспорта, сообщили имъ наши имена и проч. Ну, вотъ они и сѣли, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ же, однакожъ, провожать, коль они насъ ужъ видѣли? Вѣдь вы говорите, имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, сакъ-вояжъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ вы смотрите. Залонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете, всякія мелочи, особенности, то-есть какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли бы потеряться, имя перемѣнить (то-есть если вы подозрительный). Ну, такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той же станціи сейчасъ же и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Къ тому же содержатели отелей должны сообщать всѣ подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо, — продолжалъ я спрашивать, все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно, на этотъ разъ мало иностранцевъ, а если бъ больше было, они бы разбились по вагонамъ.

— Да помилуйте, они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не беспокойтесь, все разсмотрѣли... Для насъ и сажались.

Ну-ну, подумалъ я, вотъ-те и «разсудка французъ не имѣетъ», и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво покосился на швейцарца. «Да ужъ и ты, братъ, не того ли, а только такъ прикидываешься», — мелькнуло у меня въ головѣ, но только на мигъ, увѣ-

рю васъ. Нельзя но что жъ будешь дѣлать; позво-
но подумается .

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ кото-
ромъ и остановился, немедленно описали всѣ малѣйшия
примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точ-
ности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ
при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся даль-
пѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ сказать, всѣ ваши
шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впро-
чемъ, на первый разъ въ отелѣ меня лично не много
безпокоили и описали меня втихомолку, кромѣ, раз-
умѣется, тѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ
и въ нее же вы вписываете показанія ваши: кто, какъ,
откуда, съ какими помыслами? и проч. Но во второмъ
отелѣ, въ которомъ и остановился, не найди мѣста въ
прежнемъ Hôtel Coquillière, послѣ восьмидневной моей
отлучки въ Лондонъ, со мной обошлись гораздо открово-
веннѣе. Этотъ второй Hôtel des Empereurs смотрѣлъ
вообще какъ-то патриархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.
Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе
люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги,
необыкновенно внимательныя къ своимъ постояльцамъ.
Въ тотъ же день, какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вече-
ромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату,
гдѣ была контора. Тутъ же находился и мужъ, но хо-
зяйка, очевидно, заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, — начала она вѣжливо: — намъ
надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но... votre état?

Это: votre état? — чрезвычайно сбивчивая вещь
и нигдѣ мнѣ не правилась. Ну что тутъ написать?
Путешественникъ, — слишкомъ отвлеченно. Homme
de lettres — никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишемте лучше propriétaire, какъ вы ду-

маете? — спросила меня хозяйка. — Это будетъ лучше всего.

— О, да, это будетъ лучше всего. — поддакнулъ супругъ.

— Написали. Ну, теперь: причина вашего приѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм... да, pour voir Paris. Позвольте, мсье: вашъ ростъ?

— То-есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите, средняго.

— Это такъ, мсье... Но желалось бы знать подробнѣе... Я думаю, я думаю... — продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то*, — рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это нужно? — спросилъ я.

— Охъ, это необ-хо-димо, — отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и все-таки записывая въ книгу мой ростъ. — Теперь, мсье, ваши волосы? Блондинъ, гм... довольно свѣтлаго оттѣнка... прямые...

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, — продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ: — вотъ сюда, два шага, къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм... свѣтлые...

И она онять посовѣтовалась съ глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, — замѣтилъ мужъ съ особенно дѣловымъ, даже озабоченнымъ видомъ. — Voilà, — мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень скоро понялъ, на что онъ

указывалъ. У меня маленький шрамъ на лбу, и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте жь теперь спросить, — сказала я хозяйкѣ, когда кончился весь экзамень: — неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-ходимо!..

— Мсье! — поддакнулъ мужъ съ какимъ-то особенно виушительнымъ видомъ.

— Но въ Hôtel Coquillière меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, — живо подхватила хозяйка. — Они за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно, они оглядѣли васъ молча, но только непремѣнно, непремѣнно оглядѣли. Мы же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите...

— О, мсье!.. — скрѣпилъ мужъ съ торжественностью, и даже умиленіе изобразилось на лицѣ его.

И это были пречестные, прелюбезные супруги, насколько, по крайней мѣрѣ, я ихъ узналъ потомъ. Но слово «необ-ходимо» произносилось вовсе не въ какомъ-нибудь извинительномъ или уменьшительномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

Итакъ, я въ Парижѣ.

Глава V

Вааль

Итакъ я въ Парижѣ... Но не думайте, однако, что я вамъ много расскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю, вы столько уже перечитали о немъ по-русски, что, наконецъ, ужъ и надоѣло читать. Къ тому же вы сами въ немъ были и навѣрное все луч-

ше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по закону, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ иныхъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу, что именно просмотрѣлъ, но зато вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибавилъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно — это самый правственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленныя и прочно установившіяся отношенія; какъ все обезпечено и разлиневано; какъ всѣ довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ, наконецъ, до того достарались, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и, и... остановились на этомъ. Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная патріотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но, друзья мои: вѣдь предувѣдомилъ же я васъ еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что, можетъ быть, ужасно навру. Ну, и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру, будучи убѣжденъ, что не вру. А, по-моему, этого ужъ слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой порядокъ, какое, такъ сказать, *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку. Право, еще немного и полутора-милліонный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьи и порядкѣ профессорскій нѣмецкій городокъ, въ родѣ, на примѣръ, какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ?

И какая регламентация! Поймите меня: не столько внешняя регламентация, которая ничтожна (сравнительно, разумѣется), а колоссальная, внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно, съ любовью увалиется, съ умаленіемъ ежится. Куда въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Лондонъ! И былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и, по крайней мѣрѣ, наружно, — какими широкими картинами, какими яркими плавными, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами оттушевываясь онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко къ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и, повидимому, никакъ не исключая другъ друга. Все это, кажется, упорно стоитъ за себя и живетъ по-своему и, повидимому, не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ та же упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть всеобще-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникѣ обратиться, да только устроиться, не поѣдая другъ друга — не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается то же, что и въ Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться на *statu quo*, вырвать съ мясомъ изъ себя все желанія и надежды, проклясть свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры, можетъ быть, у самихъ предводителей прогресса, и поклониться Ваалу. Пожалуйста, однакожь, не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается сознательно только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да бессознательно, инстинктивно въ жизненныхъ отправленияхъ всей массы. Но буржуа, напримѣръ, въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ.

что все такъ и слѣдуетъ, и прибѣетъ даже васъ, если вы усумнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибѣетъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побалывается, несмотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хотъ и такъ же, но зато какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный, какъ море, городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугуинки, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предпримчивости, этотъ кажущійся безпорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ, Сити съ своими милліонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо; вы сознаете исполнинскую мысль; вы чувствуете, что тутъ-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Ужъ не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеаль? думаете вы; не конецъ ли тутъ? Не это ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо». Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара — людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это ка-

кая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, вочію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то-есть не принять существующаго за свой идеаль...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеаль. Къ тому же голодь и рабство не свой брать и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые дилетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно, могутъ создавать картины изъ Апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, — отвѣчаю я; — положимъ, что я былъ увлеченъ декораціей, это все такъ. Но если бъ вы видѣли, какъ гордь тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой испанской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джинѣ и въ развратѣ и начинаетъ вѣрять, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давить, масса деревенѣть и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ-нибудь въ родѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ ка-

кой вы нигдѣ въ свѣтѣ ея наяву не увидите. Говорили мнѣ, напримѣръ, что ночью, по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, то-есть паѣдаются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ створенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны, какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія... Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями, дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго толкался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, спрашивая почти знаками дорогу, потому что по-англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того, что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощущали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: «доколѣ, Господи». И они сами знаютъ это

и покаместъ отыщутъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трисучками, странниками . . . Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трисучки и странники и не догадываемся, что тутъ — отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное; инстинктивное отдѣленіе во что бы то ни стало для-ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ ширю людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тѣмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, оцущью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть по-своему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами . . .

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорація въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся публичныя женщины. Улицы освѣщены пучками газа, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаешь всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды

и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходить и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню, разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, шли танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая па и какъ будто по обязанности. Наверху, въ галлерей, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, кажется, богатымъ джентльменомъ и, по всему видно, непривычнымъ посѣтителемъ казино. Онъ, можетъ быть, отыскивалъ ее и, наконецъ, они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были пѣжны, топки, что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Миѣ кажется, у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе что же значить лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ, онъ всталъ, пожалъ ей руку, и они разстались. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-Маркетъ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія

дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ насъ за руку и просятъ, чтобы мы шли съ ними. Помню разѣ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испуганную и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ шатался въ толпѣ; можетъ быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого гори, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятій и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей исключенной головой изъ сторoшы въ сторону, тѣсно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги. — Вообще предметы игривые...

И вотъ, разѣ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ шляпкѣ, почти закрывавшей ей лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то, что я не могъ разобрать, ломанымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я разсмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «*Crois-tu cela?*» На другой сторонѣ, по-французски же: «*Азъ есмь воскресеніе и животъ*»... и т. д. нѣ-

сколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Миѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ Евангелія и Библии. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагаторовъ бездна, и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда тонкая и расчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдеть онъ, на примѣръ, больного, лежащаго въ отребьи на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лѣчить больного, покупаетъ лѣкарство, дѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ, уже послѣ излѣченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда выталкиваютъ; онъ все снесетъ, но ужь кого-нибудь да уловить. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконны, потому что дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ женъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваютъ въ каминѣ уголья. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. По крайней мѣрѣ, въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подъ конецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совер-

шенномъ спокойствіи совѣсти. Они больше не думаютъ, очень обрлованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ свое тупо-правственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоувѣренную мораль, жирѣть и жить тутъ для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужь безъ маски. По крайней мѣрѣ — рационально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до отущія профессоръ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго, и забываютъ милліоны дикихъ въ Лондонѣ за то, что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще все тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ воспѣвать красоту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, осѣненныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ женъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ испанскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя и днемъ. Вааль царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно. Вааль не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ, на примѣръ, въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и оступеніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, наяву. Онъ не старается трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно.

Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ, какъ птица страусъ, любить затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужъ и не видать настигающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако, что жъ это я. Я опять не въ Парижѣ!.. Да когда жъ это, Господи, я приучусь къ порядку...

Глава VI

Опытъ о буржуа

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ размѣяться на мелкую монету, стѣсниться, стучеваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите, пожалуйте, мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ, какъ будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, *le tiers état c'est tout*, а вы — ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ ничего вспомнить и руками машетъ, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, что было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь пожелаетъ, то тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ открещиваться! «Господи! Да что это я, наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается заглазить свое поведение стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ поторгую сегодня

маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять по-торгую, можетъ, и послѣзавтра, если будетъ великая милость Господня... Ну, а тамъ, тамъ только бы вотъ поскорѣе накормить хоть крошечку, и — après moi le déluge. Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряеть, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпіоновъ? Отчего онъ не смѣеть нишуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужа выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванцы, безъ мѣста и безъ протекціи, приказчики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпузы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, rot-au-feu варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ представить? Насчетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ уже условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными столами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпузъ даже и весьма часто и дороже, чѣмъ можно бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какъ же-съ: если не такъ, такъ вѣдь, пожалуй, подумаютъ, что идеаль не достигнуть, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно, пожалуй, чего-нибудь еще пожелать, что, стало быть, буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязывается; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя надо чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки

на сапогахъ чернилами, только бы, Боже сохрани, чего не замѣтили! А эпюзы кушаютъ конфетки, гантируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и преграціозно поднимаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ, напримѣръ, *Жена, мужъ и любовникъ*, уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ такъ же много, какъ песку морского (а ихъ тамъ, можетъ, и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блеститъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестяло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Пале-Роялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется непременно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются со своими безчисленными эпюзами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благодѣтельныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ то же самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь французъ серьезень, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю *gloire militaire*, процвѣтающую во Франціи и за которую *Jacques Bonhomme* такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но, кажется, и торгуя и облупливая васъ, какъ липку, въ своемъ магазинѣ, онъ облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей не-

обходимости. Накопить fortuna и имѣть вамъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катехизисъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то, такъ сказать, священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-нибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человекъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ разсчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно разсчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе разсчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ, если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстливо, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяютъ удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ и уважается только развѣ на театрѣ, потому что буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Станный человекъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самаго подлаго французика, который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ то же время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ продаетъ своего отца, такая внѣшняя осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній приказчикъ раздавитъ, просто раздавитъ васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые приказчики, которые служатъ моделью самаго субдителяго суперфлю для нашего Михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ приказ-

чикомъ. Вы пришли, напримѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девоншира. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, и только такъ себѣ, скромный путешественникъ, а вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потому что ужъ до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и, какъ подумаешь тутъ же, сколько ему, бѣднякѣ, придется послѣ васъ опять завертывать, ему, Грандисону, Алкивиаду, Монморанси, да еще послѣ кого? Послѣ васъ, имѣвшаго дерзость съ вашей незавидной наружностью, съ вашими пороками и недостатками, съ вашими отвратительными десятию франками придти безпокоить такого маркиза, — какъ подумаешь все это, то поневолѣ мигомъ, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаиваетесь и проклинаете судьбу, зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магазинѣ, и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе ступешаваться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истратить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громаднхъ магазиновъ съ галантерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы напустить сюда русскихъ барынь и... но о томъ, что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ приказчики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ про-

чихъ губерніяхъ. Русскія вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ, напримѣръ, въ англичанкахъ, которыя не только не смущаются, что какой-нибудь Адонисъ, Вильгельмъ Тель забросалъ для нихъ весь прилавокъ товарами и переверотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ, — о, ужасъ! — торговаться изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужь онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слупить съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та останея совершенно довольна. Но несмотря на то буржуа до страсти любить неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непременно безсребренниковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ, и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ взялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло, — за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не простить воровства, хотя бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы, стало быть, хотите *faire fortune* и накопить много вещей, то-есть исполнить долгъ природы и человѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воровства изъ низкой цѣли, то-есть изъ-за какого-нибудь куска хлѣба, и воровство изъ высокой добродѣтели. Последнее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему же, наконецъ, — опять-таки я все на прежнее, — почему же, наконецъ, буржуа до сихъ поръ какъ будто чего-то труситъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему беспокоиться? Парлеровъ,

фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ однимъ толчкомъ поги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвлеченная логика неприложима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Гюставовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало, что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого же бояться? Работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеаль ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая ужъ натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками возвращено и вѣками воспитано. Національность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, то-есть самый лучший и самый полный идеаль собственника, какой только можно себѣ представить. Коммунистовъ? Соціалистовъ, наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершпалился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да, вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы, кажется, бояться? Вѣдь предрекъ же аббатъ Сійесъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это *все*. «*Что такое tiers-état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ*». Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣритъ, несмотря на то, что все, что было сказано послѣ словъ Сійеса, сбрендило и лопнуло, какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласили вскорѣ послѣ него: *liberté, égalité, fra-*

ternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода въсѣмъ дѣлать все, что угодно, въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь миллионъ. Даетъ ли свобода каждому по миллиону? Нѣтъ. Что такое человекъ безъ миллиона? Человекъ безъ миллиона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что жъ остается изъ формулы? Братство. Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человекъ толкуетъ о братствѣ, какъ о великой движущей силѣ человечества, и не догадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы то ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братство нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской, да и вообще западной, его въ наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самооставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ*, а все-то это *остальное* должно

бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я* и само, безъ его просьбы должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, то-есть всему остальному, что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *Я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: онъ требуетъ съ бою, она требуетъ права, онъ хочетъ *дѣлиться* — ну и не выходитъ братства. Конечно, можно переродиться! Но перерожденіе это совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобы стать дѣйствительностью. Что жъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть, по-моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то-есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормальнаго человѣка. Но тутъ есть одинъ воло-

сокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримерь: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну, вотъ и надобно, чтобъ я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже желать, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ на тебя никго ни въ чемъ не избыточился. Какъ же это сдѣлать? Вѣдь это все равно, что не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ, и увидите, что онъ, проклятый, будетъ поминутно напоминаться. Какъ же сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, а надо, чтобъ оно *само собою содѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ*, безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было братское, любящее начало — надо любить. Надо, чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплеменниковъ, однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ чело-вѣка, чтобъ опъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, если бъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права

вамъ отдаю, и пожалуйста располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось»... А братство, напротивъ, должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоуправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны, будь же вполне спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ».

Послѣ этого, разумѣется, ужъ нечего дѣлиться, тутъ ужъ все само собою раздѣлится. Любите другъ друга, и все сіе вамъ приложится.

Экая вѣдь въ самомъ дѣлѣ утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это даже какъ будто униженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но опять-таки что же дѣлать социалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а, напротивъ, начало единичное, личное, непрерывно обособляющееся, требующее съ мечомъ въ рукѣ своихъ правъ. Социалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобъ сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, то-есть не имѣется природы, способной къ братству, природы, вѣрующей въ братство, которую само собою тянетъ на

братство! Въ отчаяніи социалисты начинаютъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, разсчитываютъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняютъ выгодой, толкуютъ, учить, разсказываютъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготѣетъ, и опредѣляетъ заранее расчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужь какое тутъ братство, когда заранее дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужитъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ, провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждого». Ужь лучше этого, разумѣется, ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе, что вся формула цѣликомъ взята изъ одной всѣмъ извѣстной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу, и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно, есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, то-есть хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется, ужь совершенно гарантируютъ человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу ему доставить, и за это требуютъ съ него только самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому — полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки кажется чудаку, что своя воля лучше. Раз-

умѣется, социалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды; что муравей какой-нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разливовано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника!

Другими словами: хоть и возможенъ социализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи социализмъ провозглашаетъ, наконецъ: *liberté, égalité, fraternité ou la mort*. Ну, ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

А если буржуа торжествуетъ, такъ, стало быть, и сбылась формула Сийеса, буквально и въ послѣдней точности. Итакъ, буржуа все, отчего жъ онъ конфузится, отчего ежится, чего боится? Всѣ сбрендили, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ, напримѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царилъ. Да, онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги и послѣдній разъ раздѣлался съ ними на июньскихъ баррикадахъ ружьемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше его и нѣтъ ничего, что онъ идеаль, и что ему осталось теперь не то, чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ идеаль, а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣческихъ. Положеніе, какъ хотите, конфузное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ единственная тогдашняя возможность. Съ тѣхъ самыхъ поръ буржуа благоденствуетъ, за благоденствіе свое платитъ ужасно и всего боится, именно потому, что всего достигъ. Ко-

гда всего достигнешь, тяжело становится все потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе всего боится, значить, тотъ наиболѣе благодеи-
ствуешь. Не смѣйтесь, пожалуйста. Вѣдь что же такое
теперь буржуа?

Глава VII

Продолженіе предыдущаго

И почему *между буржуа столько лакеевъ*, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста, не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевету, что во мнѣ говорить ненависть. Къ чему? Къ кому? Зачѣмъ ненависть? Просто много лакеевъ, и это такъ. Лакейство вѣдается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное — натура помогаетъ. Я ужъ не говорю, напримѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпионства. Мое мнѣніе именно въ томъ состоитъ, что необычайное развитіе шпионства во Франціи, и не простого, а мастерскаго шпионства, шпионства по призванію, дошедшаго до искусства, имѣющаго свои научныя приемы, происходитъ у нихъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально благородный Гюставъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не представить сейчасъ же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можетъ, я и преувеличиваю это, но можетъ быть, я говорю, основываясь на какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любить ужасно забѣгать впередъ какъ-нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчасней награды, въ долгъ, на книжку. Вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣсть, напримѣръ,

при частой перемѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните, какія штучки и колѣнца они выдѣлывали и въ чемъ сами признавались. Вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3-го іюля. Смотрю: письма изъ Виши. Въ Виши гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ, разумѣется, были кавалькады, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинаетъ:

«У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумѣется, вы тотчасъ же угадали самага блестящаго изъ всѣхъ. Его величество прогуливается каждый день въ сопровожденіи своей свиты» и т. д.

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, расчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. «Мое убѣжденіе — и конечно», отвѣтитъ онъ вамъ, ни дать ни взять, какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что вамъ отвѣчать, чтобы зажать вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и главная свобода въ мірѣ. Но тутъ, въ этомъ случаѣ, что можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужъ онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, попираетъ всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего бы, кажется, это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Самъ наѣздникъ, навѣрно, этого не прочтетъ, а если и прочтетъ, то неужели французикъ, писавшій «correspondance», газета, ее помѣстившая у себя, и редакція газеты, неужели всѣ они до того глупы, чтобъ не разобратъ, что владыкѣ вовсе не нужна слава перваго наѣздника во Франціи, что онъ подъ старость вовсе и не рассчитываетъ на эту славу и, конечно, не повѣритъ, если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій наѣздникъ изъ всей Франціи: говорить, онъ человекъ чрез-

вычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ: пусть неправдоподобно, смѣшно, пусть сакъ владица посмотритъ на это съ отвращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но зато увидитъ слѣдную покорность, увидитъ безграничное падамъ до ногъ, рабское, глупое, неправдоподобное, но зато *падамъ до ногъ*, а это главное. Теперь разсудите: если бѣ это было не въ духѣ націи, если бѣ такая пошлая лестъ не считалась совершенно возможной, обыкновенной, совершенно въ порядкѣ вещей, и даже приличной — возможно ли было бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лестъ, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ націи, что не одна газета такъ толкуеть, а почти все такія же въ такомъ же точно родѣ, кромѣ двухъ-трехъ не совсѣмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльд'отомъ, — это ужъ было не во Франціи, а въ Италіи, но за табльд'отомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Асиромонте. Разумѣется, говорилъ загадочно: иные молчали и не хотѣли совсѣмъ высказываться: другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гарибальди затѣялъ дѣло рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнѣніе съ недоговорками, потому что Гарибальди — человекъ до того всѣмъ не въ уровень, что у него, пожалуй, и выйдетъ благоразумно даже и то, что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходитъ слишкомъ рискованнымъ. Мало-по-малу перешли собственно къ личности Гарибальди. Стали перечислять его качества, — приговоръ былъ довольно благопріятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, — громко проговорилъ одинъ французъ, пріятной и внушительной наружности, лѣтъ тридцати и съ от-

печаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до нахальства бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французяхъ. — Одно только обстоятельство меня въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется, всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, должно было быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время, въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самую безконтрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать милліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы, и никто бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати милліонахъ франковъ.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать все, что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди съ хаптурками изъ казеннаго мѣшка, это, разумѣется, могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе, разумѣется, все прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и заигравшее при воспоминаніи о двадцати милліонахъ, я совершенно печально подумалъ:

«А что, братъ, если бъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣстѣ»

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у насъ точно такъ же происходитъ и что не могъ же я ручаться за всѣхъ французовъ. Конечно, такъ, я и не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть неизъяснимое благородство, а у насъ, можетъ быть,

даже и гораздо хуже бывало. Но изъ добродѣтель-то, изъ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что? Можно быть даже и подлецомъ, да чутья о чести не потерять; а тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, но за то чутье чести совершенно потеряли и потому подличаютъ, не вѣдая, что творять изъ добродѣтели. Первое, разумѣется, порочище, но послѣднее, какъ хотите, презрительище. Такой катехизисъ о добродѣтеляхъ составляетъ худой симптомъ въ жизни націи. Ну, а насчетъ частныхъ случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ вѣдь изъ однихъ только частныхъ случаевъ, не правда ли?

Даже я вотъ что думаю: я, можетъ быть, ошибся и въ томъ, что буржуа ежится, что онъ все еще чего-то боится. Ежится-то онъ, дѣйствительно, ежится, и побаивается, но если подвести итогъ, то буржуа совершенно благоденствуетъ. Хоть онъ и самъ обманываетъ себя, хоть и докладываетъ себѣ поминутно, что все обстоитъ благополучно, но однакоже это нисколько не мѣшаетъ наружной его самоувѣренности. Мало того: даже и внутри онъ ужасно самоувѣренъ, когда разыграется. Какъ все это въ немъ уживается вмѣстѣ, — дѣйствительно задача, но это такъ. Вообще буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькій, какъ будто отрывками. У него ужасно много запасено готовыхъ понятій, точно дровъ на зиму, и онъ серьезно намѣревается прожить съ ними хоть тысячу лѣтъ. Впрочемъ, что же тысячу лѣтъ; про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ когда впадаетъ въ краснорѣчіе. «Après moi le déluge» гораздо употребительнѣе и чаще прилагается къ дѣлу. И какое ко всему равнодушіе, какіе мимолетные, пустые интересы. Миѣ случалось въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время перебивало множество людей. Точно всѣ они какъ будто боятся и заговорить о чемъ-нибудь необыденномъ, чемъ-нибудь не такъ мелочномъ, о какихъ-

нибудь всеобщихъ интересахъ, ну, тамъ, о какихъ бы то ни было общественныхъ интересахъ. Тутъ не могъ, мнѣ кажется, быть страхъ шпионовъ, тутъ просто всѣ разучились о чемъ-нибудь мыслить и говорить посерьезнѣе. Впрочемъ, встрѣчались тутъ люди, которые ужасно интересовались, какое впечатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, насколько я благоговѣю, насколько я удивленъ, раздавленъ, уничтоженъ. Французъ до сихъ поръ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давить и уничтожить. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню одного премилаго, прелюбезнаго, предобрѣйшаго старичка, котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза, выпрашивая мое мнѣніе о Парижѣ, и ужасно огорчался, когда я не изъяслялъ особеннаго восторга. Даже страданіе изображалось на добромъ лицѣ его, — буквально страданіе, я не преувеличиваю. О, милый m-r Le M—re! Французъ, то-есть парижанина (потому что вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) никогда не разувѣришь въ томъ, что онъ не первый человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ. Впрочемъ, о всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Парижа, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то очень не хочетъ. Это ужъ національное свойство и даже самое характеристичное. Но самое характеристичное свойство француза — это краснорѣчіе. Любовь къ краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами разгорается все больше и больше. Мнѣ бы ужасно хотѣлось узнать, когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется, главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все началось съ Людовика XIV, право, такъ. Но всего замѣчательнѣе, что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ взять этотъ король, — понять не могу! Вѣдь не особенно же онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ тѣмъ, что первый сказалъ l'état — c'est moi. Это ужасно понравилось, это всю Европу тогда обле-

тѣло. Я думаю, однимъ этимъ-то словомъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало извѣстно. Національнѣйшій государь былъ этотъ Людовикъ XIV, вопли въ французскомъ духѣ, такъ что я даже и не понимаю, какъ это во Франція могли случиться всѣ эти маленькія шалости... ну вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пошались и воротились къ прежнему духу; на то идетъ; но краспорѣчіе, краспорѣчіе, о — это камень преткновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть изъ прежняго, все, все, готовъ вести самые благоразумные разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краспорѣчія, одного только краспорѣчія онъ до сихъ поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краспорѣчію; припоминаетъ Тьера, Гизо, Одилона Барро. То-то краспорѣчія-то было тогда, говоритъ онъ иногда про себя и начинаеть задумываться. Наполеонъ III это понять, тотчасъ же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не долженъ задумываться, и мало-по-малу завелъ краспорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, настоящихъ либеральныхъ депутатовъ, то-есть такихъ, что, можетъ быть, ихъ и не подкунишь, если начать подкупать, и однакожъ ихъ все-таки только шесть, — шесть было, шесть есть и шесть только и останется. Больше не прибудеть, будьте покойны, да и не убудеть тоже. И это прехитрая штука, на первый взглядъ. Дѣло-то однакожъ гораздо проще въ дѣйствительности, и обходится при помощи suffrage universel. Разумѣется, чтобъ они очень-то не заговаривались, приняты всѣ надлежащія мѣры. Но поболтать позволяется. Ежегодно въ нужное время обсуждаются важнѣйшіе государственные вопросы, и парижанинъ сладко волнуется. Онъ знаетъ, что будетъ краспорѣчіе, и радъ. Разумѣется, онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краспорѣчіе и больше ничего, что

будутъ слова, слова и слова и что изъ словъ этихъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ этимъ очень, очень доволенъ. И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благоразумнымъ. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: вѣдь и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, маскарадъ, а между тѣмъ говорить, нѣсколько лѣтъ сряду говорить, и прекрасно говорить, даже съ большимъ удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слушаютъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія. «Хорошо говорить человѣкъ!» — и у президента, и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и гувернеръ сихъ милыхъ и благоправныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почетнымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говорить онъ, его мыслямъ и благонравному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣ, всѣ... Но, хотя почтенный членъ и вполнѣ заслужилъ въ награду книжку съ надписью: «за благонравіе и успѣхи въ наукахъ», несмотря на то, господа, рѣчь почтеннаго представителя по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ никуда не годится. Надѣюсь, господа, что вы совершенно со мною согласны. — Тутъ онъ обращается ко всѣмъ представителямъ, и взглядъ его начинается сверкать строгостью. Представители, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ восторгомъ рукоплещутъ гувернеру, а между тѣмъ, тутъ же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позво-

лснн гувернера и къ слѣдующему разу. Гувернеръ благосклонно позволяетъ; сочинитель описанн на «Восходъ солнца» удаляется гордый своимъ усилкомъ; представители удаляются, облизываясь, въ цѣдра своихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ эпизами въ Пале-Рояль, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а гувернеръ, от- рапортовавъ кому слѣдуетъ обо всемъ, объявляетъ всей Франціи, что все обстоитъ благополучно.

Иногда, впрочемъ, когда начинаются дѣла поважнѣе, заводятъ и игру поважнѣе. Въ одно изъ собраній приводятъ самого принца Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію, къ совершенному испугу всѣхъ этихъ учащихъ юношей. Въ классѣ торжественная тишина. Принцъ Наполеонъ либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, по его мнѣнію надо то-то и то-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ, говорится то самое, что (предполагается) могли бы высказать эти же самыя милыя дѣти, если бъ гувернеръ на минутку вышелъ изъ класса. Разумѣется, и тутъ въ мѣру; да и предположеніе нелѣпное, потому что всѣ эти милыя дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевеливаются, если бъ гувернеръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ, когда принцъ Наполеонъ кончаетъ, встаетъ гувернеръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, красно- рѣчивымъ мыслямъ и благоправію всемілостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, но... и т. д., то-есть все, что было сказано прежде; разумѣется, весь классъ аплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до неистовства, принца уводятъ домой, благоправные ученики расходятся изъ класса, какъ настоящія благоправныя панш-

ки, а вечеромъ гуляютъ съ эпюзами въ Палъ-Роялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д., и т. д., и т. д., однимъ словомъ, порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія, гдѣ судятся уголовные процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантіи и въ шалкѣ говорилъ рѣчь и сыпалъ перлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели плавали въ восторгѣ. Была благоговѣйная тишина: мы вошли на цыпочкахъ. Дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-пустынники. Отцы-пустынники поминутно замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выводятся наружу; но публика молчитъ и очень мало скандализируется, потому что отцы-пустынники имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благоправенъ. Отцы все болѣе и болѣе останавливаются на томъ мнѣніи, что капиталчикъ лучше всего, всѣхъ этихъ мечтаній и прочаго, и что какъ поприкопишь деньжонокъ, такъ и силу можно имѣть, а то что краснорѣчіе-то! Краснорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но они въ послѣднемъ случаѣ, на мой взглядъ, немного ошибаются. Конечно, капиталчикъ всеблагое дѣло, но и краснорѣчіемъ много можно сдѣлать съ французомъ. Эпюзы по преимуществу поддаются отцамъ-пустынникамъ, даже теперь гораздо болѣе, чѣмъ замѣчалось прежде. Есть надежда, что и буржуа на это поворотить. Въ процессѣ изъяснялось, какъ пустынники долготѣнимъ, хитрымъ, даже ученымъ (у нихъ есть для этого наука) тяготѣниемъ отяготѣли надъ душой одной прекрасной и весьма денежной дамы, какъ они соблазнили ее идти жить къ себѣ въ монастырь, какъ тамъ пугали ее до болѣзни, до истерики разными страхами и все съ расчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ,

наконецъ, довели ее до болѣзни, до адюльтера, представили ей, наконецъ, что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ Богомъ, и мало-по-малу удалили совершенно рождественникость. «Даже ся племянница, эта двѣтвенная, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и невинности, даже и она не смѣла войти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызать ее front virginal, гдѣ возсѣдалъ бѣлый ангелъ невинности» . . . Однимъ словомъ, все въ этомъ родѣ; было удивительно хорошо. Говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таяла президентъ, таяла публика. Отцы-пустынники проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе краснорѣчія. Они, конечно, не унываютъ. Програли одно, выиграютъ пятнадцать.

— Кто адвокатъ? — спросилъ я одного молодого студента, бывшаго въ числѣ благоговѣйныхъ слушателей. Студентовъ тутъ было множество и все такіе благонравные. Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! — отвѣтилъ онъ, наконецъ, съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ, что я, конечно, сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ цвѣтами французскаго краснорѣчія, такъ сказать, въ самомъ главномъ его источникѣ.

Но источниковъ этихъ бездна. Буржуа проѣдешь до конца погтей краснорѣчіемъ. Однажды мы вошли въ Пантеонъ поглядѣть на великихъ людей. Время было не урочное и съ насъ спросили два франка. Затѣмъ дряхлый и почтенный инвалидъ взялъ ключи и повелъ насъ въ церковные склепы. Дорогой онъ говорилъ все еще какъ человѣкъ, немного только шамкая, за недостаткомъ зубовъ. Но сойдя въ склепы, немедленно запѣлъ, только что подвелъ насъ къ первой гробницѣ.

— *Ci-git Voltaire.* — Вольтеръ, сей великій геній

прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предрасудки, уничтожалъ невѣжество, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ свѣтильникъ просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнеля.

Онъ говорилъ, очевидно, по-заученному. Кто-нибудь когда-нибудь написалъ ему на бумажкѣ рацею, и онъ ее вытвердилъ на всю жизнь: даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать свой высокій слогъ.

— *Ci-gît Jean-Jacques Rousseau*, — продолжалъ онъ, подходя къ другой гробницѣ, — *Jean-Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!*

Мнѣ стало вдругъ смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно опозлить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря объ *nature* и *vérité*, рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Странно! — сказалъ я ему. — Изъ этихъ двухъ великихъ людей одинъ всю жизнь называлъ другого глупомъ и дурнымъ человѣкомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И вотъ они сошлись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! — замѣтилъ было инвалидъ, желая что-то возразить, но однакожъ не возразилъ и поскорѣй повелъ насъ еще къ гробницѣ.

— *Ci-gît Lannes*, маршалъ Ланнъ, — запѣлъ онъ еще разъ: — одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, искуснѣйшій предводитель войскъ, исключая великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, — сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! Позвольте говорить мнѣ, — прервалъ инвалидъ какъ будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще мысленнымъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человека. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! Позвольте же мнѣ самому говорить, — вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ. — Вы, можетъ быть, и знаете это все. Но позвольте и мнѣ рассказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому рассказать, хотя бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, — подхватилъ онъ снова: — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришелъ къ нему проститься, — дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! — сказалъ старикъ, съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой: — мсье! Я знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете, можетъ быть, лучше меня. Но вѣдь вы сами взяли меня вамъ показывать: позвольте жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось...

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (увы! бесполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчилъ жестокія страданія умершаго почти на глазахъ его полководца. — *C'est fini, monsieur*, — прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошелъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница: ну это... *quel-*

ques sénateurs, — прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ неподалеку. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Ланна. Это уже былъ непосредственный, такъ сказать, народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія, конвента и клубовъ, въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ — любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

Глава VIII

Брибри и мабишь

А что жъ эпюзы? Эпюзы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпюзы вмѣсто жены? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: *mon épouse*. И хоть въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ, *ma femme* — моя жена, но ужъ лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Къ тому же есть и другія наименованія. Когда буржуа расчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: *ma biche*. И обратно, любящая жена, въ припадкѣ граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: *bribri*, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ. Брибри и мабишь постоянно процвѣтають, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ ужъ условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпыхъ бродягъ-коммунистовъ,

кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все стоворчивѣе и стоворчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устроишь, а мабишь нельзя удержать, что парижаника создава для любовника, что мужу почти невозможно обойтись безъ прически, онъ и умоляетъ, разумѣется, покажетъ у него еще мало приколчено денегъ и не завѣдено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потому что начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ же и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются, и если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупаются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужъ въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если, напримѣръ, у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужъ и не отдають такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри лучше. Кромѣ того, браки по любви становятся все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и, я думаю, гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе жениными деньжками буржуа очень хорошо устроить въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похождения своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потому что тогда, то-есть при размолвкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Къ тому же, если мабишь и защиголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хотъ и все замѣтившій, про себя примиряется; меньше съ него спросить жена на наряды. Мабишь тогда гораздо стовор-

чивъе. Наконецъ, такъ какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь, раздается между супругами всего чаще и чаще. А, наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій комиссаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужъ такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ *en flagrant délit*, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похваливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не ропщетъ, и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться, напимѣръ, въ университетсахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и, такъ сказать, канареечномъ состояніи. Ее рядятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу, и мужчина передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ, рыцарскія отношенія соблюдены, и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д., и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталистка и копеечница, какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, то-есть дойдетъ до того, что ужъ никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительною нелѣпностью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда мабишь вдругъ,

быстро и severely перерождается. Куда дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходить по периламъ, копить съ мужемъ деньги, и какой-то цинизмъ протлаетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являюся вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже нарядами какими-то становятся шны изъ шны. Разумѣется, не все такъ, разумѣется, бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется, и вездѣ есть такія же социальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь — царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная; доходитъ подчасъ до такой маниловщины, что иная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутія поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно... Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплутовать, чѣмъ идти честно напрямикъ: и вѣриѣе, по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига — въ этомъ все для мабиши; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ сдѣваются, какъ ходятъ по улицѣ. Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазировавшихся и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штучекъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею, какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то

даже злое въ лицѣ. Но это ничего; это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ, можетъ быть, и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процессъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все равно, что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ любовь. Даже поддѣлка, можетъ быть, больше нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми деньги, да обмани хорошенько, то-есть поддѣлай любовь», — вотъ чего требуютъ отъ камелии. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпюзы, по крайней мѣрѣ, довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяется. Къ тому же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усердѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ, правая рука, старшій приказчикъ. Какъ не простить тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ ней рзступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина маломальски нестарая двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ безъ того, чтобъ какая-нибудь воинственная или потаскливая фізіономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ, несмотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто паивна. Вообще, заграничные люди — это мнѣ въ глаза бросилось — почти всѣ несравненно наивнѣе русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе: нужно самому замѣтить. *Le Russe est sceptique et moqueur*, говорятъ про насъ

французы, и это такъ. Мы больше циники, меньше до-
рожимъ сонмъ, даже не любимъ свое, во крайней мѣрѣ,
не уважаемъ его въ высшей степени, не понимаемъ въ
чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе
интересы, не принадлежа ни къ какой націи, а по-
тому естественно относимся ко всему холодно, какъ
бы по обязанности и во всякомъ случаѣ отвлеченныя.
Впрочемъ, и я отвлекся отъ предмета. Брибри под-
часъ чрезвычайно наивенъ. Гуляя, напримѣръ, вокругъ
фонтанчиковъ, онъ нутится объяснять своей мабишъ,
отчего бьютъ фонтаны вверхъ; объясняетъ ей зако-
ны природы, національно гордится передъ ней красотой
Булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ
les grandes eaux, успѣхами императора Наполеона и
gloire militaire, наслаждается ея любопытствомъ и удо-
вольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая
мабишъ тоже довольно нѣжно относится къ супругу,
то-есть не то что поддѣлкой какой-нибудь, а безко-
рыстно нѣжно, несмотря даже на прическу супруга.
Разумѣется, я не претендую, какъ Лесажевъ бѣсъ,
снимать крыши съ домовъ. Я рассказываю только, что
мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «Mon
marî n'a pas encore vu la mer», говоритъ вамъ иная
мабишъ, и голосъ ея изображаетъ искреннее, наивное
соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣз-
дилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотрѣть
на море. Нужно знать, что у буржуа есть нѣкоторыя
пренаивныя и пресерьезныя потребности, почти обра-
тившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа,
напримѣръ, кромѣ потребности накопить и потребно-
сти краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности. двѣ
законнѣйшія потребности, освященныя всеобщей при-
вычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно
серьезно, чуть не патетически. Первая потребность
это — voir la mer, видѣть море. Парижанинъ прожива-
етъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не ви-

дить моря. Для чего ему видѣть море? Онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ, и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще, тутъ даже много чувствительнаго, и я уважаю это. Наконецъ, ему удается улучшить время и средства; онъ собирается и на нѣсколько дней ѣдетъ «видѣть море». Возвратясь, онъ рассказываетъ напыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣнiяхъ женѣ, роднѣ, прiятелямъ и сладко вспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа, и особенно парижскаго буржуа, это — *se rouler dans l'herbe*. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ *avec la nature*, и особенно любитъ, если на него кто-нибудь въ это время смотритъ. Вообще, парижанинъ за городомъ считаетъ немедленною своею обязанностью стать тотчасъ же развязнѣе, игривѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ, смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ *nature* челоуѣкомъ. *L'homme de la nature et de la vérité!* Ужъ не съ Жанъ-Жака ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтенiе къ *la nature*? Впрочемъ, обѣ эти потребности: *voir la mer* и *se rouler dans l'herbe*, — парижанинъ позволяетъ себѣ большею частью только тогда, когда уже накопитъ себѣ состоянiе, однимъ словомъ, когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя, какъ на челоуѣка. *Se rouler dans l'herbe* бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣ-нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроско-

ническомъ размѣрѣ, все равно — буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: *mon argent, mon plaisir*, твердить онъ себѣ и всѣмъ, кого зазоветъ къ себѣ, поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего *se touler dans l'herbe*. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непременно лужокъ передъ домомъ. Кто-то рассказываетъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ сръзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ, — ничего на песокъ не выходило и не принималось. Такое ужъ мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланный газонъ; нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ и разстилалъ этотъ коверчикъ съ длинной травой каждые послѣобѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и поваляться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты уноенія своей благопріобрѣтенной собственностью, пожалуй, это и станется, такъ что правдиво тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ, конечно, то же самое, что и буржуа, то-есть приказчикъ, купецъ, чиновникъ, *homme de lettres*, офицеръ. Гюставъ — это не женатый, но тотъ же самый брибри. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что рядится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смогрить, какія на немъ теперь перья. Идеаль Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любить водевилъ, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скромный и веселый водевилъ, — единственное произведеніе искусства, которое почти не пересадимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ, — водевилъ,

хоть и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполне. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ, покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевиль теперь перерождается. Онъ хоть и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ попрежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ — нравоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишъ наставленія. Къ тому же буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила, а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ, даже выставленный въ смѣшномъ видѣ, и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобные доклады серьезно успокаиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ успѣхъ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокаивать. Онъ даже начинаетъ вѣрять въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того, что такъ любить брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. По Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ

гениемъ, загнаннымъ, замученнымъ гонимыми и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтесса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, но имѣвшей ни копейки, но у которой вдругъ оказывались безчисленные деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ же врываются три смѣшные милорда и предлагаютъ ему по сто тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искусства, святого искусства, на профанацию пигмеевъ, до сихъ поръ не замѣтившимъ, какъ онъ великъ. Но врывается виконтесса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтесса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется, Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея милліонъ, прощаетъ виконтессу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье, и, совокупившись законнымъ бракомъ, начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, bonnet de coton и прогуливаться съ мабишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй, разумѣется, напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земного счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не приказчикъ, а какой-нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ

оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются милліоны. Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ милліоны. Зачѣмъ? Ужъ такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шелъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ милліоны и, обругавъ всѣхъ самыми скверными словами за то, что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого же неизъяснимаго благородства, какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непременно съ ленточкой Почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати, эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только что не плюетъ на васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ, наконецъ, пачинаетъ тошнить, у васъ разливается желчь, и вы принуждены посылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосье Бопре, по крайней мѣрѣ, болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре, разумѣется, накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, немного смѣ-

шонъ своимъ буржуазнымъ привычкамъ и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мадамъ ему невѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается, разумѣется, что она чиста, какъ голубь, что она только пошалаила, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушiемъ, ей дороже всего. Сесиль, разумѣется, вопрежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ: въ послѣдствiи же у ней оказывается миллионъ. Гюставъ гордъ и презрительно благороденъ, какъ и всегда, только куражу больше, потому что военная кочка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью, и «l'érée de mon père». Объ этой шпакѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло; онъ ругается, плюется, но все ему кланяются, а зрители плачутъ и аплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется, у него ни гроша, это sine qua non. Мадамъ Бопре, разумѣется, влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кричитъ отъ любви въ продолженiе пяти актовъ. Идетъ, наконецъ, снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, все сбѣгаются: Гюставъ, блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и оболститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ, наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это штука мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная, и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя въ отчаянiи. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ:

мабишь его никогда не забудеть. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль милліонъ, и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться. Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непременно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на милліонъ, иначе буржуа не простить ему; неизъяснимаго благородства будетъ мало, пожалуйста, не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не безпокойтесь: милліонъ не мишуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подъ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ милліонъ, Сесиль, и затѣмъ начинаются неизбѣжные фонтанчики, котоновые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ, и чувствительности выходитъ много, и неизъяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями, и, главное, главное милліонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе, и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и, подсаживая чужую мабишь въ фіакръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.

1863.

Записки изъ подполья

I

Подполье¹⁾

I

Я человекъ больной... Я злой человекъ. Не-привлекательный я человекъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ, я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно, что у меня болитъ. Я не лѣчусь и никогда не лѣчился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Къ тому же я еще и суевѣренъ до крайности, ну хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ.) Нѣтъ-съ, я не хочу лѣчиться со злости. Вотъ вы этого, навѣрно, не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я, разумѣется, не сумѣю вамъ объяснить, кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и док-

¹⁾ И авторъ «Записокъ» и самыя «Записки», разумѣется, вымышлены. Тѣмъ не менѣе такія лица, какъ сочинитель такихъ записокъ, не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повиднѣе обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это — одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ отрывкѣ, озаглавленномъ «Подполье» это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ бы хочетъ выяснитъ тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ придуть уже настоящія «Записки» этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни. *Федоръ Достоевскій*

торамъ я никакъ не могу «наглядеть» тѣмъ, что у нихъ не лѣчусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лѣчусь, такъ это со злости. Печенка болить, такъ вотъ пускай же ее еще крѣпче болить!

Я ужъ давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало быть, долженъ же былъ себя хоть этимъ вознаграждать. (Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая, что выйдетъ очень остро: а теперь, какъ увидалъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили, бывало, просители за справками, — я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось кого-нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкій: извѣстно — просители. Но изъ фертовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ не хотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я, наконецъ, одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ, это случилось еще въ моей молодости. Но знаете ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости? Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуту самой сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человѣкъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какую-нибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я, пожалуй, и успокоюсь, даже душой умилуюсь, хоть ужъ навѣрно потомъ буду самъ на себя скреже-

тать зубами и отъ стыда нѣсколько мѣсяцевъ страдать безсонницей. Таковъ ужъ мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями и съ офицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно признавалъ въ себѣ много-премного самыхъ противоположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишатъ во мнѣ, эти противоположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили и — надоѣли мнѣ, наконецъ, какъ надоѣли! Ужъ не кажется ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то передъ вами раскаиваюсь, что я въ чемъ-то у васъ прощенія прошу?.. Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А, впрочемъ, увѣряю васъ, что мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не сумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ, ни добрымъ, ни подлецомъ, ни честнымъ, ни героемъ, ни насѣкомымъ. Теперь же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человекъ и не можетъ серьезно чѣмъ-нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, человекъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человекъ же съ характеромъ, дѣятель, — существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ — это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Дальше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живетъ дальше сорока лѣтъ, — отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу, кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтен-

ныхъ старцамъ, всѣмъ отямъ сребродавскимъ и благоухающимъ старцамъ! всему свѣту въ глаза окажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу!.. Постоите! Дайте духъ перевести...

Навѣрно, вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ, можетъ быть, кажется; впрочемъ, если вы, раздраженные всею этою болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто жъ я таковъ именно? — то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій асессоръ. Я служилъ, чтобъ было что-нибудь дѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя — деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея къ тому же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорить, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выѣду изъ Петербурга! Я потому не выѣду... Эхъ! Да вѣдь это совершенно все равно — выѣду я иль не выѣду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну, такъ и я буду говорить о себѣ.

Мнѣ теперь хочется рассказать вамъ, господа, желается или не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не умѣлъ сдѣлаться. Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать — это болѣзнь, настоящая, полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то-есть въ половину, въ четверть меньше той порціи, которая достается на долю развитого человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастіе обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бываютъ умышленные и неумышленные.) Совершенно было бы довольно, на примѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ-называемые непосредственные люди и дѣятели. Бысъ объ закладъ, вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить насчетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурного тона, гремлю саблей, какъ мой офицеръ. Но, господа, кто же можетъ своими же болѣзнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ, что жъ я? — Всѣ это дѣлаютъ; болѣзнями-то и тщеславятся, а я, пожалуй, и больше всѣхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелѣпо. Но все-таки я крѣпко убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе — болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что, какъ нарочно, въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ которыя я наиболѣе способенъ былъ сознавать всѣ тонкости «всего прекраснаго и высокаго», какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознавать, а дѣлать такія непріглядныя дѣянія, такія, которыя... ну да, однимъ словомъ, ко-

тория хоть и всё, пожалуй, дѣлають, но которая, какъ нарочно, приходилась у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ совѣтъ бы не надо дѣлать? Чѣмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и высокомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что, наконецъ, у меня и охота прошла бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ (а, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это, пожалуй, и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ-то, сколько я муки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я не вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими, и потомъ всю жизнь таилъ про себя какъ секретъ. Я стыдился (даже, можетъ быть, и теперь стыжусь); до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденіе возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголъ и усиленно сознавалъ, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротить, и внутренне, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить, и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконецъ, въ какую-то позорную, проклятую сладость и, наконецъ, — въ рѣшительное, серьезное наслажденіе! Да, въ наслажденіе, въ наслажденіе! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бываютъ ли и у другихъ такія наслажденія? Я вамъ объясню; наслажденіе было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужъ самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошелъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужъ нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешь-

ся другимъ человѣкомъ; что если бь даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что-нибудь другое, то навѣрно самъ бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ бы, такъ и тутъ бы ничего не сдѣлалъ, потому что, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлаться-то, можетъ быть, не во что. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходить, напримѣръ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ, что подлець, какъ будто это подлецу утѣшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ, что онъ, дѣйствительно, подлець. Но довольно... Эхъ, наговорилъ-то, а что объяснилъ?... Чѣмъ объясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь. Я-таки доведу до конца! Я и перо затѣмъ въ руки взялъ...

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ и обидчивъ, какъ горбунъ или карликъ, но, право, бывали со мною такія минуты, что если бь случилось, что мнѣ бы дали пощечину, то, можетъ быть, я былъ бы даже и этому радъ. Говорю серьезно: навѣрно я бы сумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслажденіе, разумѣется, наслажденіе отчаянія, но въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслажденія, особенно когда ужъ очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія. А тутъ, при пощечинѣ-то, — да тутъ такъ и придавить сознаніе о томъ, въ какую мазь тебя растерли. Главное же, какъ ни раскидывай, а все-таки выходитъ, что всегда я первый во всемъ виновать выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виновать, и, такъ сказать, по законамъ природы. Потому, во-первыхъ, виновать, что я умнѣ всѣхъ, которые меня окружаютъ. (Я постоянно считалъ себя умнѣ всѣхъ, которые меня окружаютъ, и иногда, повѣрите ли, даже этого совѣстился. По крайней мѣрѣ, я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ

сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза.) Потому, наконецъ, виновать, что если бь и было во мнѣ великодушiе, то было бы только мнѣ же муки больше отъ сознанiя всей его бесполезности. Я вѣдь навѣрно ничего бы не сумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушiя; ни простить, потому что обидчикъ, можетъ, ударить меня по законамъ природы, а законы природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, если бь я даже захотѣлъ быть вовсе невеликодушнымъ, а напротивъ, пожелать бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что-нибудь сдѣлать, если бь даже и могъ. Отчего не рѣшился бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать два слова особо.

III

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отмстить и вообще за себя постоять, — какъ это, на примѣръ, дѣлается? Вѣдь ихъ какъ обхватить, положимъ, чувство мести, такъ ужь ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется, кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣсившiйся быкъ, наклонивъ внизъ рога, и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такiе господа, то-есть непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна — не отводъ, какъ, на примѣръ, для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ: не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣритъ, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй, даже

что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ.) Ну-съ, такого-то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать-природа, любезно зарождая его на землѣ. Я такому человѣку до крайней желчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спору, но, можетъ быть, нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть, это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ, такъ сказать, подозрѣннѣ, что если, напри-мѣръ, взять антитезъ нормальнаго человѣка, то-есть человѣка усиленно-сознающаго, вышедшаго, конечно, не изъ лона природы, а изъ реторты (это уже почти мистицизмъ, господа, но я подозрѣваю и это) — то этотъ ретортный человѣкъ до того иногда пасуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаниемъ добросовѣстно считаетъ за мышь, а не за человѣка. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тутъ человѣкъ, а слѣдственно... и проч. И, главное, онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за мышь; его объ этомъ никто не проситъ; а это важный пунктъ. Взглянемъ же теперь на эту мышь въ дѣйствіи. Положимъ, напримѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отмстить. Злости-то въ ней, можетъ, еще и больше накопится, чѣмъ въ *l'homme de la nature et de la vérité*. Гадкое, низкое желаніе воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ, еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ *l'homme de la nature et de la vérité*, потому что *l'homme de la nature et de la vérité*, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе просто-запросто справедливостью, а мышь, вслѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастливая мышь, кромѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и

сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшенныхъ вопросовъ, что поневолѣ кругомъ ея набирается какая-то рожьная бурда, какая-то вониючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и, наконецъ, изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется, ей остается махнуть на все своей ланкой и съ улыбкой нанускного презрѣнья, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вопиющемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнить, все переберетъ, навьдумаетъ на себя небывальщины, подъ предлогомъ, что она тоже могла случиться, и ничего не простить. Пожалуй, и мстить начнетъ, но какъ-нибудь урывками, мелочами, изъ-за печки, никогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отмстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того, кому мстить, а тотъ, пожалуй, и не почешется. На смертномъ одрѣ опять-таки все припомнить, съ накопившимися за все время процентами и... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя заживо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно-созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ жела-

ній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ навѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній — и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознавью, что чуть-чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. «Можетъ, еще и тѣ не поймутъ, — прибавите вы отъ себя ослабляясь, — которые никогда не получали пощечинъ», — и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь, можетъ быть, тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно, какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я, можетъ быть, еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ, на примѣръ, хотя и ревутъ, какъ быки, во все горло, хоть это, положимъ, и приноситъ имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значитъ каменная стѣна! Какая каменная стѣна? Ну, разумѣется, законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, на примѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются подъ конецъ всѣ такъ-называемыя добродѣтели и обязанности и прощія бредни и предрасудки, такъ ужъ такъ и принимай.

почто дѣлать-то, потому дважды два, — математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, — закричать вамъ, — возставать нельзя; это дважды два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній и до того, правятся ли вамъ ея законы или не правятся. Вы обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна, значить, и есть стѣна... и т. д., и т. д.» Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два не правятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило.

Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды два четыре. О нелѣпость нелѣпостей! То ли дѣло все понимать, все сознать, всѣ невозможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться; дойти путемъ самыхъ неизбежныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ будто чѣмъ-то самъ виновать, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виновать, и вслѣдствіе этого, молча и бессильно скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть, и никогда не найдется, что тутъ подмѣнь, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда. — неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но, несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, у васъ все-таки болить, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болить!

— Ха-ха-ха! Да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе! — вскрикнете вы со смѣхомъ.

— А что жъ? И въ зубной боли есть наслажденіе, — отвѣчу я. — У меня цѣлый мѣсяць болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно, не молча злятся, а стонуть; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стопахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущалъ бы онъ въ нихъ наслажденія, — онъ бы и стонать не сталъ. Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стопахъ выражается, во-первыхъ, вся для вашего сознанія унижительная безцѣльность вашей боли; вся законность природы, на которую вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она-то иѣтъ. Выражается сознаніе, что врага-то у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что вы со всевозможными Вагенгеймами вполнѣ въ рабствѣ у вашихъ зубовъ; что захочетъ кто-то, и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболятъ; и что, наконецъ, если вы все еще несогласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собственнаго утѣшенія только самого себя высѣчь, или прибить побольше кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ, вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ, и начинается, наконецъ, наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стонать, то-есть не просто оттого, что зубы болятъ; не такъ, какъ какой-нибудь грубый мужикъ, а такъ, какъ человѣкъ тронутый раз-

вигіємъ и европейской цивилизаціей стоить, какъ чело-
вѣкъ «отрѣшиишійся отъ почвы и народныхъ началъ»,
какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-
то скверные, пако-тно злые и продолжаются по цѣлымъ
днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ
пользы не принесетъ стопами; лучше всѣхъ знаетъ, что
онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и
раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ ко-
торой онъ старается, и все семейство его уже прислу-
шались къ нему съ омерзѣніемъ, и вѣрятъ ему ни на
грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе,
проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что
онъ только со злости, съ ехидства балуется. Ну, такъ
вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заклю-
чается сладострастіе. «Дескать, я васъ безнокою, серд-
це вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ
вотъ не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту,
что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не ге-
рой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гадень-
кій челоѣкъ, шенапанъ. Ну, такъ пусть же! Я
очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слу-
шать мои подленькіе стоны? Ну, такъ пусть скверно;
вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй руладу сдѣлаю»...
Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо
глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ
изгибы этого сладострастія. Вы смѣетесь? Очень радъ-съ.
Мои шутки, господа, конечно, дурного тона, неровны,
сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это от-
того, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій
челоѣкъ можетъ сколько-нибудь себя уважать?

V

Ну, развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-ни-
будь уважать себя челоѣку, который даже въ самомъ
чувствѣ собственнаго униженія посягнуть отыскать на-

слажденеі? Я не отъ приторнаго какого-нибудь раскаянія такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, папаша, впередъ не буду», — не потому, чтобъ я неспособенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть, именно потому, что ужъ слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь, бывало, въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаивался, слезы проливалъ и, конечно, самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужъ тутъ какъ-то гадило. . . Тутъ ужъ даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь, я уже съ злобою соображаю, бывало, что все это ложь, ложь отвратительная, напускная ложь, то-есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужъ очень было сложа руки сидѣть, вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте получше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ-нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось — ну, хоть, на-примѣръ, обижаться, такъ, не изъ-за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь, бывало, что не изъ-за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ конецъ, право, и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подъ конецъ и въ себѣ не властенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣряю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣрится, что страдаешь, намѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще на-

стоящимъ, заправскимъ образомъ: ровную, изъ себя выхожу. . . И все отъ скуки, господа, все отъ скуки: инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія — это инерція, то-есть сознательное сложа-руки-сидѣнье. Я ужь отъ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: вѣдь непосредственные люди и дѣтели поэтому и дѣтельны, что они тупы и ограничены. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, въ силу своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать, нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужь никакихъ не оставалось. Ну, а какъ я, напримѣръ, себя успокою? Гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрюсь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму? Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ же тащить за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это ужь опять, стало быть, законы природы. Что же, наконецъ, въ результатѣ? Да то же самое. Вспомните: дачева вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли.) Сказано: человекъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ, онъ первоначальную причину нашель, основаніе нашееть, а именно: справедливость. Стало быть, онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаеть честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость, конечно, могла бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія. и, стало быть,

могла бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому, что она не причина. Но что же дѣлать, если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь, — предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ-то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый выходъ, то-есть стѣну побольше прибить. Ну, и рукой махнешь, потому что не пашель первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣзавтра, это ужъ самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то, что самого себя зазнамо надуль. Въ результатъ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я, можетъ, потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но что же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня, то-есть умышленное пересыпанье изъ пустого въ порожнее.

VI

О, если бъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ, кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это препрятно было бы слышать о себѣ. Значить.

положительно опредѣленъ, значитъ, есть что сказать обо мнѣ. «Лѣтній!» — да вѣдь это званіе и позваніе, это карьера-съ. Не шутите, это такъ. Я тогда членъ самаго первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что непрерывно себя уважаю. Я знаю господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что знает толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я бы себѣ тогда выбралъ карьеру: быть бы лѣтній и обжора, но не простой, а, напимѣръ, сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? Мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда — о, тогда было бы иначе! Я бы тотчасъ же отыскалъ себѣ и соответствующую дѣятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокалъ слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряннѣ отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ, какъ мокрая губка. Художникъ, напимѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ *«какъ кому угодно»*; тотчасъ же пью за здоровье *«кого угодно»*, потому что люблю все «прекрасное и высокое». — Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно, — да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отрастилъ бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой бы сандаальный носъ себѣ

выработалъ, что всякій встрѣчный сказалъ бы, смогря на меня: «Вотъ такъ плюсъ! Вотъ такъ ужъ настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы пріятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человекъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что, если бъ его просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человекъ тотчасъ же пересталъ бы дѣлать пакости, тотчасъ же сталъ бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человекъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно, такъ сказать, по необходимости сталъ бы дѣлать добро? О, младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда же, во-первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человекъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что же дѣлать съ милліонами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди *зазнамо*, то есть вполнѣ понимая свои настоящія выгоды, оставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ не принуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, пелѣную, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь, значить, имъ дѣйствительно это упрямство и своеволие было пріятнѣе всякой выгоды... Выгода! Что такое выгода? Да и берете ли вы на себя совершенно точно опредѣлить, въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что, если такъ случится, что человекъ-

ческая выгода. *иной разъ*, не только *можно*, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобы въ иномъ случаѣ себя худою пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только *можно* быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете, бываетъ ли такой случай? Вы смѣтаетесь; смѣитесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно ли вѣрно сочтаны выгоды человѣческія? Нѣтъ ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую классификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это — благоденствіе, богатство, свобода, покой. ну и такъ далѣе, и такъ далѣе, такъ что человѣкъ, который бы, напримѣръ, явно и зазнамо пошелъ противъ всего этого реестра, былъ бы по-вашему, ну да и конечно, по-моему обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что все эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь расчетъ зависитъ. Бѣда бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую классификацію не попадаетъ и ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напримѣръ, есть пріятель. . . Эхъ, господа, да вѣдь и вамъ онъ пріятель: да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ же изложить вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того, съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ: съ насмѣшкой укорить близорукихъ глупцовъ, не пони-

мающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели, и — ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно по чему-то такому внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, — выкинетъ совершенно другое колѣно, то-есть явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ и говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну, однимъ словомъ, противъ всего . . . Предупрежду, что мой пріятель — лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или (чтобъ ужъ логики не нарушать) — есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, то-есть противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія, — однимъ словомъ, противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну, такъ все-таки выгоды же, — перебиваете вы меня. — Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши классификаціи разрушаетъ и всѣ системы, поставленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ, всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало бы тотчасъ же добрымъ.

и благороднымъ, — покажутъ, по моему мнѣнью, одна логистика! Да-съ, логистика. Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по-моему, почти то же... ну, хоть утверждать, напримѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то, кажется, у него и такъ выходитъ. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ не видать и слыхомъ не слышать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркій примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ — и великій и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка — вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ, наконецъ, карикатурный Шлезвигъ-Гольштейнъ... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще, пожалуй, дойдетъ до того, что отыщеть въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случилось съ нимъ. Замѣчали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Аттилы да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза, какъ Аттила и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По крайней мѣрѣ, отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ пре-

жде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ спокойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше чѣмъ прежде. Что хуже? — Сами рѣшите. Говорятъ, Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, по еще далеко не *пріучился* поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непременно пріучится, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполнѣ перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и, такъ сказать, поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка (хоть это ужъ и роскошь, по моему), что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того — на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно, эти законы природы стоитъ только открыть, и ужъ за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108.000

и занесены въ календарь; или еще лучше того, появятся благонамѣренныя издавія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

— Тогда-то, — это все вы говорите, — настануть новыя экономическія отношенія, совѣтъ ужъ готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворець. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать (это ужъ я теперь говорю), что тогда не будетъ, напримѣръ, ужасно скучно (потому что, что жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), зато все будетъ чрезвычайно благообразно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки выкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это опять-таки я говорю), что, чего добраго, пожалуй, и золотымъ булавамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То-есть онъ хотъ и вовсе не глупъ, но ужъ зато неблагодаренъ такъ, что поискать другого, такъ не найти. Вѣдь я, напримѣръ, несколько не удивляюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благообразія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой физиономіей, упресть руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнутъ ли намъ все это благообразіе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логариемы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой нустѣйшей причины, объ которой бы, кажется, и упоми-

нать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризь, своя фантазія, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествія, — вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ . . .

VIII

— Ха-ха-ха! Да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите, и пѣтъ! — прерываете вы съ хохотомъ. — Наука даже о сию пору до того успѣла разанатомировать человѣка, что ужъ и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ-называемая свободная воля есть не что иное, какъ . . .

— Пойдите, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я признаюсь, даже испугался. Я только-что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отъ чего зависить и что это, пожалуй, и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и . . . осѣкся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну, если и вправду

найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, то-есть отъ чего они зависятъ, но какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч., то-есть настоящую математическую формулу, — такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ же, пожалуй, и перестанетъ хотѣть, да еще, пожалуй, и навѣрное перестанетъ. Ну, что за охота хотѣть по табличкѣ? Мало того: тотчасъ же обратится онъ изъ человѣка въ органиный штифтикъ, или въ родъ того; потому, что же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній, какъ не штифтикъ въ органиномъ валѣ? Какъ вы думаете? Сосчитаемъ вѣроятности, — можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... — рѣшаете вы, — наши хотѣнья болѣею частию бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣе предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно же и бессмысленно заранѣе вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ) — то тогда, разумѣется, не будетъ такъ-называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье стаетъ когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужъ мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть. собственно потому, что вѣдь цельзя же, на примѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* бессмыслицы, и, такимъ образомъ, зазнамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго... А такъ какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть, дѣйствительно, вычислены, потому что когда-нибудь откроютъ же законы такъ-называемой нашей свободной воли, то, стало быть, и, кромѣ шутокъ, можетъ устроиться что-нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и, дѣйствительно, хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь

если мнѣ, напримѣръ, когда-нибудь расчислять и докажутъ, что если я показаль такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непременно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что же тогда во мнѣ *свободнаго-то* остается, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ расчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужъ нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ понять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непременно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ, какъ она есть, а не такъ, какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... хоть бы даже и къ ретортѣ, то что же дѣлать, надо принять и реторту! Не то она сама, безъ васъ примется...

— Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и запятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! Позвольте пофантазировать. Видите ли-съ: разумокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разумокъ есть только разумокъ и удовлетворяетъ только разумочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, то-есть всей человѣческой жизни, и съ разумкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи, выходитъ зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разумочной способности, то-есть какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разумокъ? Разумокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать (иного, пожалуй, и никогда не узна-

сть; это хоть и не утѣшеніе, но отчаго же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся пѣбликомъ, всѣмъ что въ ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врать, да жить. Я подозреваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ, такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, зазнамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобы *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностию желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризь и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгодиѣе для нашего брата изъ всего, что есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгодиѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приносить намъ явный вредъ и противорѣчить самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, — потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, то-есть нашу личность и нашу индивидуальность. Иные вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье, конечно, можетъ, если хочеть, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно: это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частию совершенно и упрямо разногласить съ разсудкомъ и... и... и знаете ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно, вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть бы по тому одному, что если ужъ онъ бу-

детъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ уменъ?) Но если и не глупъ, то все-таки — чудовищно неблаго-даренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже ду-маю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: су-щество на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его — это постоянное неблаго-правіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-Гольштейнскаго періода судебъ человѣче-скихъ. Неблаговравіе, а слѣдственно и неблагоразуміе: ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе не иначе про-исходитъ какъ отъ неправія. Попробуйте же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества: ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй, хоть и величе-ственно; ужъ одинъ колоссъ Родосскій, напримѣръ, чего стоитъ! Недаромъ же г-нъ Анаевскій свидѣтельствуешь о немъ, что одни говорятъ, будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ; другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою. — Пестро? Пожалуй, хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ на-родовъ одни парадные мундиры на военныхъ и стат-скихъ, — ужъ одно это чего стоитъ, а съ вицмундирами и совѣмъ можно ногу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну, пожалуй, и однообраз-но: дерутся да дерутся, и теперь дерутся, и прежде дрались, и послѣ дрались, — согласитесь, что это даже ужъ слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ, все можно сказать о всемірной исторіи, все что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ придти. Одного только нельзя сказать, — что благо-разумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: посто-янно вѣдь являются въ жизни такіе благовравные и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благороднѣе и благо-

разумиѣ, такъ сказать, свѣтитъ собой ближнимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что, дѣйствительно, можно на свѣтѣ прожить и благоправно и благо разумно. И что жъ? Известно, многіе изъ этихъ любителей, рано ли, поздно ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ, произведя какой-нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ неприличивѣйшихъ. Теперь васъ спрошу: чего же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастіѣ совсѣмъ съ головой, такъ, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастія, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужъ ничего больше не оставалось дѣлать, кромѣ какъ спать, кушать приники и хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи, — такъ онъ вамъ и тутъ, человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаетъ. Рискнетъ даже приниками и нарочно пожелаетъ самаго пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благо разумію примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собою, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужъ очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепіанныя клавиши, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доиграться, что ужъ мимо календаря и захотѣтъ ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ, дѣйствительно бы, оказался фортепіанной клавишей, если бъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ не образумится, а нарочно, напротивъ, что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно, чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ, если средствъ у него не

окажется, — выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоять-таки на своемъ! Проклятіе пустить по свѣту, а такъ какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужъ его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхыхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, то-есть дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепіанная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно рассчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго расчета все остановить и разумокъ возьметъ свое, — такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое, кажется, и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! Хоть своими боками, да доказывалъ; хоть троглодитствомъ, да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить, не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависить.

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопчутъ какъ-нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ ариеметикой.

— Эхъ, господа, какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходитъ до таблички и до ариеметики, когда будетъ одно только дважды два четыре въ ходу? Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. Така ли своя воля бываетъ!

Господа, я, конечно, шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя же все принимать за шутку. Я, можетъ быть, скрипя зубами шучу. Господа, меня мучать вопросы; разрешите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить,сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человѣка не только можно, но и *нужно* такъ пере-дѣлывать? Изъ чего вы заключаете, что хотѣнью чело-вѣческому такъ необходимо *надо* исправиться? Од-нимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправле-ніе дѣйствительно принесетъ человѣку выгоду? И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *нагѣрно* убѣ-ждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариеме-тикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества? Вѣдь это пока-мѣстъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но, можетъ быть, вовсе не чело-вѣчества. Вы, можетъ быть, думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: чело-вѣкъ есть животное по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и зани-маться инженернымъ искусствомъ, то-есть вѣчно и без-прерывно дорогу себѣ прокладывать, хотя *куда бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *при-сужденъ* пробивать эту дорогу, да еще, пожалуй, по-тому что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вооб-ще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ, куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ бла-гоправное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ,

не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любить созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но отчего же онъ до страсти любить тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому ли, можетъ быть, онъ такъ любить разрушеніе и хаосъ (вѣдь это бесспорно, что онъ иногда очень любить, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить создаваемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ быть, онъ зданіе-то любить только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ быть, онъ только любить созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ аих *animaux domestiques*, какъ-то: муравьямъ, баранамъ и проч., и проч. Вотъ муравьи совершенно другого вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ же родѣ, навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончать, что приносить большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любить только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса достиженія, иначе сказать — въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное что, какъ дважды два четыре, то-есть формула, а вѣдь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ, человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ, человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ оты-

скиванн, но отыскать, действительно найти, — ни-Бэгу какъ-то бонтея. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдеть, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать. Работники, кончивъ работу, по крайней мѣрѣ, деньги получаютъ, въ кабачокъ пойдутъ, потомъ въ часть понадутъ, — ну, вотъ и занятія на недѣлю. А человекъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужъ и не совѣмъ, и это, конечно, ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человекъ устроенъ комически; во всемъ этомъ, очевидно, заключается каламбуръ. По дважды два четыре — все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре, вѣдь это, по моему мнѣнію, только нахальство-сь. Дважды два четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперекъ вашей дороги руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды два четыре превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещаца.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, — однимъ словомъ, — только одно благоденствіе человекъ выгодно? Не ошибается ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человекъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть, онъ ровно настолько же любить страданіе? Можетъ быть, страданіе-то ему ровно настолько же и выгодно, какъ благоденствіе? А человекъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужъ и со всемірной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человекъ и хоть сколько-нибудь жили. Что же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе даже какъ-то и неприлично. Хорошо ли, дурно ли, — но разломать иногда что-нибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризь и за то.

чтобъ снѣ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страніе, напримѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и немислимо: страніе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, то-есть отъ разрушенія и хаоса никогда не откажется. Страніе, — да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хотъ и доложилъ вначалѣ, что сознаніе, по-моему, есть величайшее для человѣка несчастье, но я знаю, что человѣкъ его любить и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія. Сознаніе, напримѣръ, безконечно выше, чѣмъ дважды два. Послѣ дважды двухъ ужъ, разумѣется, ничего не остается не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи хотъ и тотъ же результатъ выходитъ, то-есть тоже будетъ печего дѣлать, но, по крайней мѣрѣ, самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки подживляетъ. Хотъ и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

Х

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, то-есть въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я, можетъ быть, потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я, можетъ быть, и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворецъ, изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣтаетъ, вы даже гово-

рите, что въ этомъ случаѣ куритникъ и хороши — все равно. Да, отвѣчаю и, если бѣ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забрать себѣ иъ голову, что жить и не для одного этого, и что если ужъ жить, такъ ужъ жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желанія мои. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемените желаніе мое. Ну, перемените, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеаль. А покамѣстъ я ужъ не приму курятника за дворець. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ нераціональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ, пока существуютъ мои желанія? Можетъ быть, вы опять смѣтаетесь? Извольте смѣяться; я всѣ на-смѣшки приму и все-таки не скажу, что я сытъ, когда я ѣсть хочу, все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на непрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ — капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякій случай, съ зубнымъ врачомъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что-нибудь лучшее, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоитъ и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь я вамъ могу тѣмъ же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кляняться не буду. У меня есть подполье.

А покамѣстъ я еще живу и желаю, — да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичикъ на такой

капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужъ такъ люблю мой языкъ выставлять. Я, можетъ быть, на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было и не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ, я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ изъ одной благодарности, если бъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ же я устроенъ съ такими желаніями? Неужели жъ я для того только и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А, впрочемъ, знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хотъ и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужъ коль выйдегъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужъ говорить, говорить, говорить...

XI

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего не дѣлать! Лучше сознательная инерція! Итакъ, да здравствуетъ подполье! Я хотъ и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ, въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотъ все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе!). Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно... Эхъ! Да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ

другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту поднолье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это — если бъ я вѣрилъ самъ хоть чему-нибудь изъ всего того, что теперь написалъ. Клянусь же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не вѣрю изъ того, что теперь настрочилъ! То-есть я и вѣрю, пожалуй, но въ то же самое время, неизвѣстно почему, чувствую и подозреваю, что я вру, какъ сапожникъ.

— Такъ для чего же писали все это? — говорите вы мнѣ.

— А вотъ посадить бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришелъ бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ поднолье, навѣдаться, до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

— «И это не стыдно, и это не унижительно! — можетъ быть, скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. — Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки, и въ то же время какъ бы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами непрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь, и въ то же время въ нашемъ мнѣннн заискиваете. Вы увѣряете, что скрежещете зубами, и въ то же время острите, чтобъ насъ размѣшить. Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы, очевидно, очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ, можетъ быть, дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрія; вы изъ самага мелкаго тщеславія несете вашу правду на показъ и позоръ на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потому что у васъ нѣтъ рѣшимости

его высказать, а только трусливое пахальство. Вы хвалитесь сознаниемъ, но вы только колеблетесь, потому что хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца — полнаго, правильнаго сознанія не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кричитесь! Ложь, ложь и ложь!»

Разумъется, всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...

Но неужели, неужели вы и въ-самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечаталъ, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ, какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ, я настолько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія, и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло:

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такія вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія вещи, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому; да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія, которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится, и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно-таки накопится. То-есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ, я самъ только недавно рѣшился припомнить инныя мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда

обходилъ ихъ, даже съ какимъ-то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не побояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны, и человѣкъ самъ объ себѣ навѣрно налгаль. По его мнѣнію, Руссо, на примѣръ, налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю, какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія, и даже очень хорошо постигаю, какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судить о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу, какъ бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну, вотъ, на примѣръ, могли бы придратъся къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не рассчитываете на читателей, то для чего же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, то-есть, что порядка и системы заводить не будете, что запишете то, что припомнится, и т. д.; и т. д.? Къ чему вы объясняетесь? Къ чему извиняетесь?

— А вотъ подите же, — отвѣчаю я.

Тутъ, впрочемъ, цѣлая психологія. Можетъ быть, и то, что я просто трусь. А можетъ быть, и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобъ вести себя приличнѣе, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ-то торжественнѣе. Въ этомъ есть что-то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть, я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, напримѣръ, меня особенно давить одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на-дняхъ, и съ тѣхъ имѣть осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но, по временамъ, изъ сотни выдается одно какое-нибудь и давить. Я почему-то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвяжется. Отчего жъ не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ будто работа. Говорятъ, отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну, вотъ шансъ, по крайней мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шелъ тоже, на-дняхъ тоже шелъ. Мнѣ кажется, я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. Итакъ, пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

II

По поводу мокраго снѣга

Когда изъ мрана заблужденія
 Горячимъ словомъ убѣжденія
 И душу падшую извѣсть,
 И, всею полна глубокой муни
 Ты проклиная, ломая руки,
 Тебя опутанный порокъ.
 Когда забывчивую совѣсть
 Воспоминаніемъ казля,
 Ты мнѣ передавала повѣсть
 Всего, что было до меня,
 И вдругъ, закрывъ лицо руками,
 Стыдомъ и ужасомъ полна,
 Ты разрѣшилася слезами,
 Возмущена, потрясена .
 И т. д., и т. д.

Изъ поэзіи Н. А. Некрасова

I

Въ то время мнѣ было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была ужъ и тогда угрюмая, беспорядочная и до одичалости одинокая. Я ни съ кѣмъ не водился и даже избѣгалъ говорить и все болѣе и болѣе забивался въ свой уголъ. Въ должности, въ канцеляріи, я даже старался не глядѣть ни на кого, и я очень хорошо замѣчалъ, что сослуживцы мои не только считали меня чужакомъ, но — все казалось мнѣ и это — будто бы смотрѣли на меня съ какимъ-то омерзѣніемъ. Мнѣ приходило въ голову: отчего это никому кромѣ меня не кажется, что смотреть на него съ омерзѣніемъ? У одного изъ нашихъ канцелярскихъ было отвратительное и прерябое лицо, и даже какъ будто разбойничье. Я бы, кажется, и взглянуть ни на кого не посмѣлъ съ

такимъ неприличнымъ лицомъ. У другого вицмундиръ былъ до того заношенный, что близъ него уже дурно пахло. А между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ господъ не конфузился, — ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни какъ-нибудь тамъ нравственно. Ни тотъ, ни другой не воображали, что смотрять на нихъ съ омерзѣнiемъ; да если бъ и воображали, такъ имъ было бы все равно, только бы не начальство взирать изволило. Теперь мнѣ совершенно ясно, что я самъ, вслѣдствiе неограниченнаго моего тщеславія, а, стало быть, и требовательности къ самому себѣ, глядѣлъ на себя весьма часто съ бѣшенымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзѣнiя, а оттого мысленно и приписывалъ мой взглядъ каждому. — Я, напримѣръ, ненавидѣлъ свое лицо, находилъ, что оно гнусно, и даже подозрѣвалъ, что въ немъ есть какое-то подлое выраженiе, и потому каждый разъ, являясь въ должность, мучительно старался держать себя какъ можно независимѣе, чтобъ не заподозрили меня въ подлости, а лицомъ, выражать какъ можно болѣе благородства. «Пусть ужъ будетъ и некрасивое лицо, думалъ я, но зато пусть будетъ оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное». Но я навѣрно и страдальчески зналъ, что всѣхъ этихъ совершенствъ мнѣ никогда моимъ лицомъ не выразить. Но что всего ужаснѣе, я находилъ его положительно глупымъ. А я бы вполне помирился на умѣ. Даже такъ, что согласился бы даже и на подлое выраженiе, съ тѣмъ только, чтобъ лицо мое находили въ то же время ужасно умнымъ.

Всѣхъ нашихъ канцелярскихъ я, разумѣется, ненавидѣлъ съ перваго до послѣдняго, и всѣхъ презиралъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто ихъ и боялся. Случалось, что я вдругъ даже ставилъ ихъ выше себя. У меня какъ-то это вдругъ тогда дѣлалось: то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человѣкъ не можетъ быть тщеславенъ безъ неограниченной требова-

тельности къ себѣ самому и не презирая себя въ иные минуты до ненависти. Но презирая ли, ставя ли выше, я чуть не передъ каждымъ встрѣчнымъ опускалъ глаза. Я даже опыты дѣлалъ: стерплю ли я взглядъ вотъ хоть такого-то на себѣ, и всегда опускалъ я первый. Это меня мучило до бѣшенства. До болѣзни тоже боялся и быть смѣшнымъ и потому рабски обожалъ рутину во всемъ, что касалось наружнаго; съ любовію вдавался въ общую колею и всей душою пугался въ себѣ всякой эксцентричности. Но гдѣ мнѣ было выдержать? Я былъ болѣзненно развитъ, какъ и слѣдуетъ быть развитымъ человѣку нашего времени. Они же все были тупы и одинъ на другого похожи, какъ бараны въ стадѣ. Можетъ быть, только мнѣ одному во всей канцеляріи постоянно казалось, что я былъ трусъ и рабъ, именно потому и казалось, что я былъ развитъ. Но оно не только казалось, а дѣйствительно, такъ было въ самомъ дѣлѣ: я былъ трусъ и рабъ. Говорю это безъ всякаго конфуза. Всякій порядочный человѣкъ нашего времени есть и долженъ быть трусъ и рабъ. Это — нормальное его состояніе. Въ этомъ я убѣжденъ глубоко. Опъ такъ сдѣланъ и на то устроенъ. И не въ настоящее время, отъ какихъ-нибудь тамъ случайныхъ обстоятельствъ, а вообще во все времена, порядочный человѣкъ долженъ быть трусъ и рабъ. Это законъ природы всехъ порядочныхъ людей на землѣ. Если и случится кому изъ нихъ похрабриться надъ чѣмъ-нибудь, то пусть этимъ не утѣшается и не увлекается: все равно передъ другимъ сбрендить. Таковъ единственный и вѣковѣчный выходъ. Храбрятся только ослы и ихъ ублюдки, но вѣдь и тѣ до известной стѣны. На нихъ и вниманія обращать не стоитъ, потому что они ровно ничего не означаютъ.

Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно, что на меня никто не похожъ, и я ни на кого не похожъ. «Я-то одинъ, а они-то *все*», — думалъ я, и задумывался.

Изъ этого видно, что я былъ еще совсѣмъ мальчишка.

Случались и противоположности. Вѣдь ужъ какъ иногда гадко становилось ходить въ канцелярію; доходило до того, что я много разъ со службы возвращался больной. Но вдругъ, ни съ того, ни съ сего наступаетъ полоса скептицизма и равнодушія (у меня все было полосами), и вотъ я же самъ смѣюсь надъ моею нетерпимостью и брезгливостью, самъ себя въ *романтизмѣ* упрекаю. То и говорить ни съ кѣмъ не хочу, а то до того дойду, что не только разговарююсь, но еще вздумаю съ ними сойтись по-пріятельски. Вся брезгливость вдругъ разомъ, ни съ того, ни съ сего, исчезала. Кто знаетъ, можетъ быть, ея у меня никогда и не было, а была она напускная, изъ книжекъ? Я до сихъ поръ этого вопроса еще не разрѣшилъ. Разъ даже совсѣмъ подружился съ ними, сталъ ихъ дома посѣщать, въ преферансъ играть, водку пить, о производствѣ толковать . . . Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе.

У насъ, русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франція на баррикадахъ, — они все тѣ же, даже для приличія не измѣняются и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни, потому что они дураки. У насъ же, въ русской землѣ, пѣтъ дураковъ; это извѣстно: тѣмъ-то мы и отличаемся отъ прочихъ нѣмецкихъ земель. Слѣдственно и надзвѣздныхъ натуръ не водится у насъ въ чистомъ ихъ состояніи. Это все наши «положительные» тогдашніе публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжоглами да за дядюшками Петрами Ивановичами и сдуру принявъ ихъ за нашъ идеаль, навывдумали на нашихъ романтиковъ, сочтя ихъ за такихъ же надзвѣздныхъ, какъ

въ Германіи или во Франціи. Напротивъ, свойства нашего романтика совершенно и прямо противоположны надзвѣдно-европейскому, и ни одна европейская мѣрочка сюда не подходитъ. (Ужъ позвольте мнѣ употребить это слово: «романтикъ» — словечко старинное, почтенное, заслуженное и всѣмъ знакомое.) Свойства нашего романтика, это — все понимать, *все видѣть и видѣть часто несравненно яснѣе, чѣмъ видятъ самыя положительныя наши умы*; ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не примиряться, но въ то же время ничѣмъ и не брезгать; все обойти, всему уступить политично; постоянно не терять изъ виду полезную, практическую цѣль (какія-нибудь тамъ казенныя квартирки, пенсіончики, звѣздочки) — усматривать эту цѣль черезъ всѣ энтузіазмы и томки лирическихъ стишковъ, и въ то же время «и прекрасное и высокое» по гробъ своей жизни въ себѣ сохранить нерушимо, да и себя уже кстати вполнѣ сохранить, такъ-таки въ хлопочкахъ, какъ ювелирскую вещьцу какую-нибудь, хотя бы, напримѣръ, для пользы того же «прекраснаго и высокаго». Широкій человѣкъ нашъ романтикъ и первѣйшій плутъ изъ всѣхъ нашихъ плутовъ, увѣряю васъ въ томъ... даже по опыту. Разумѣется, все это если романтикъ умѣя. То-есть, что жъ это я! Романтикъ и всегда умѣя, я хотѣлъ только замѣтить, что хоть и бывали у насъ дураки-романтики, но это не въ счетъ и единственно потому, что они еще въ цвѣтѣ силъ окончательно въ нѣмцевъ перерождались и, чтобъ удобнѣе сохранить свою ювелирскую вещьцу, поселялись тамъ гдѣ-нибудь, больше въ Веймарѣ или въ Шварцвальдѣ. — Я, напримѣръ, искренно презиралъ свою служебную дѣятельность и не плевался только по необходимости, потому что самъ тамъ сидѣлъ и деньги за то получалъ. Въ результатѣ же, — замѣтьте, все-таки не плевался. Нашъ романтикъ скорѣй сойдетъ съ ума (что, впрочемъ, очень рѣдко бываетъ), а плеваться не станетъ, если другой

карьеру у него въ виду не имѣется, и въ толчки его никогда не выгонять, а развѣ свезутъ въ сумасшедшій домъ въ видѣ «испанскаго короля», да и то если ужъ онъ очень съ ума сойдетъ. Но вѣдь сходятъ у насъ съ ума только жиденькіе и бѣлокуренькіе. Неисчетное же число романтиковъ — значительные чины въ послѣдствіи происходятъ. Многосторонность необыкновенная! И какая способность къ самымъ противорѣчивѣйшимъ ощущеніямъ! Я и тогда былъ этимъ утѣшенъ, да и теперь тѣхъ же мыслей. Оттого-то у насъ такъ и много «широкихъ натуръ», которыя даже при самомъ послѣднемъ паденіи никогда не теряютъ своего идеала; и хотъ и пальцемъ не пошевелиятъ для идеала-то, хотъ разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слезъ свой первоначальный идеалъ уважаютъ и необыкновенно въ душѣ честны. Да-съ, только между нами самый отъявленный подлець можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ то же время нисколько не переставая быть подлецомъ. Повторяю, вѣдь сплошь да рядомъ изъ нашихъ романтиковъ выходятъ иногда такія дѣловыя шельмы (слово «шельмы» я употребляю любя), такое чутье дѣйствительности и знаніе положительнаго вдругъ оказываютъ, что изумленное начальство и публика только языкомъ на нихъ въ остолбенѣніи пощелкиваютъ.

Многосторонность поистинѣ изумительная, и Богъ знаетъ, во что обратится она и выработается при послѣдующихъ обстоятельствахъ, и что сулитъ намъ въ нашемъ дальнѣйшемъ? А недуренъ матеріаль-съ! Не изъ патриотизма какого-нибудь, смѣшного или квасного, я такъ говорю. Впрочемъ, я увѣренъ, вы опять думаете, что я смѣюсь. А кто знаетъ, можетъ быть, и обратно. то-есть увѣрены, что я и въ самомъ дѣлѣ такъ думаю. Во всякомъ случаѣ, господа, оба мнѣнія ваши я буду считать себѣ за честь и за особенное удовольствіе. А отступленіе мое мнѣ простите.

Съ товарищами моими я, разумѣется, дружба не выдерживалъ и очень скоро расплевывался, и, вслѣдствіе еще юной тогдашней неопытности, даже и кланяться имъ переставалъ, точно отрѣзывалъ. Это, впрочемъ, со мной всего одинъ только разъ и случилось. Вообще я всегда былъ одинъ.

Дома я, во-первыхъ, всего больше читалъ. Хотѣлось заглушить виѣшними ощущеніями все непрерывно внутри меня накипавшее. А изъ виѣшнихъ ощущеній было для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе, конечно, много помогало, — волновало, услаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все-таки хотѣлось двигаться, и я вдругъ погружался въ темный, подземный, гадкій — не развратъ, а развратничко. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями. Кромѣ чтенія идти было некуда, — то-есть не было ничего, что бы могъ я тогда уважать въ моемъ окружающемъ и къ чему бы потянуло меня. Накипала сверхъ того тоска; являлась истерическая жажда противорѣчій, контрастовъ, и вотъ я и пускался развратничать. Я вѣдь вовсе не для оправданія моего сейчасъ столько наговорилъ... А, впрочемъ, итѣть! Совралъ! Я именно себя оправдать хотѣлъ. Это я для себя, господа, замѣточку дѣлаю. Не хочу лгать. Слово дать.

Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, не оставлявшимъ меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходившимъ въ такія минуты до проклятія. Я ужъ и тогда носилъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобъ меня какъ-нибудь не увидали, не встрѣтили, не узнали. Ходилъ же я по разнымъ весьма темнымъ мѣстамъ.

Разъ, проходя ночью мимо одного трактиришка, я увидѣлъ въ освѣщенное окно, какъ господа кіями подрались у бильярда и какъ одного изъ нихъ въ

окно спустили. Въ другое время мнѣ бы очень мерзко стало; но тогда такая вдругъ минута нашла, что я этому спущенному господину позавидоваль, и до того позавидоваль, что даже въ трактиръ вошелъ, въ бильярдную: «авось, дескать, и я подерусь и меня тоже изъ окна спустятъ».

Я не былъ пьянъ, но что прикажете дѣлать, — до такой вѣдь истерики можетъ тоска заѣсть! Но ничѣмъ обошлось. Оказалось, что я и въ окно-то прыгнуть не способенъ, и я ушелъ не подравшись.

Осадилъ меня тамъ съ перваго шагу одинъ офицеръ.

Я стоялъ у бильярда и по невѣдѣнію заслонялъ дорогу, а тому надо было пройти, онъ взялъ меня за плечи и молча, — не предупѣдомивъ и не объяснившись, — переставилъ меня съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другое, а самъ прошелъ какъ будто и не замѣтивъ. Я бы даже побои простилъ, но никакъ не могъ простить того, что онъ меня переставилъ и такъ окончательно не замѣтилъ.

Чортъ знаетъ, что бы далъ я тогда за настоящую, болѣе правильную ссору, болѣе приличную, болѣе, такъ сказать, *литературную*! Со мной поступили, какъ съ мухой. Былъ этотъ офицеръ вершковъ десяти росту; я же человекъ низенькій и истощенный. Ссора, впрочемъ, была въ моихъ рукахъ: стоило попротестовать, и конечно, меня бы спустили въ окно. Но я раздумалъ и предпочелъ... озлобленно стушеваться.

Вышелъ я изъ трактира смущенный и взволнованный, прямо домой, а на другой день продолжалъ мой развратикъ еще робче, забитѣе и грустиѣе чѣмъ прежде, какъ будто со слезой на глазахъ, — а все-таки продолжалъ. Не думайте, впрочемъ, что я струсилъ офицера отъ трусости: я никогда не былъ трусомъ въ душѣ, хотя непрерывно трусилъ на дѣлѣ, но — подождите смѣяться, на это есть объясненіе; у меня на все есть объясненіе, будьте увѣрены.

О, если бы этот офицеръ былъ изъ тѣхъ, которые соглашались выходить на дуэль! Но нѣтъ, — это былъ именно изъ тѣхъ господъ (увы! давно исчезнувшихъ), которые предпочитали дѣйствовать клями или, какъ поручикъ Пироговъ у Гоголя — по начальству. На дуэль же не выходили, а съ нашимъ братомъ, съ штафиркой, считали бы дуэль во всякомъ случаѣ неприличною, — да и вообще считали дуэль чѣмъ-то немислимымъ, вольнодумнымъ, французскимъ, а сами обижали довольно, особенно въ случаѣ десяти вершковъ росту.

Струсилъ я тутъ не изъ трусости, а изъ безграничѣйшаго тщеславія. Я испугался не десяти вершковъ росту и не того, что меня больно прибьютъ и въ окно спустятъ; физической храбрости право хватило бы; но нравственной храбрости не достало. Я испугался того, что меня всѣ присутствующіе, начиная съ нахала маркера, до послѣдняго протухлаго и угреватаго чиновнички, тутъ же увивавшагося, съ воротникомъ изъ сала, — не поймутъ и осмѣютъ, когда я буду протестовать и заговорю съ ними языкомъ литературнымъ. Потому что о пунктѣ чести, — то-есть не о чести, а о пунктѣ чести (*point d'honneur*) у насъ до сихъ поръ иначе вѣдь и разговаривать нельзя, какъ языкомъ литературнымъ. На обыкновенномъ языкѣ о «пунктѣ чести» не упоминается. Я вполнѣ былъ увѣренъ (чутье-то дѣйствительности несмотря на весь романтизмъ!), что всѣ они просто лопнутъ со смѣха, а офицеръ не просто, то-есть не безобидно прибьетъ меня, а непремѣнно колѣнкомъ меня напинаетъ, обведя такимъ манеромъ вокругъ бильярда, и потомъ уже развѣ смилуется и въ окно спуститъ. Разумѣется, эта мизерная исторія только этимъ однимъ со мной не могла окончиться. Я часто потомъ встрѣчалъ этого офицера на улицѣ и хорошо его запримѣтилъ. Не знаю только, узнавалъ ли онъ меня. Должно быть нѣтъ; заключаю по нѣкоторымъ призна-

камь. Но я-то, я, — смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и такъ продолжалось... нѣсколько лѣтъ-съ! Злоба моя даже укрѣплялась и разрасталась съ годами. Сначала я, потихоньку, началъ разузнавать объ этомъ офицерѣ. Трудно мнѣ это было, потому что я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Но однажды кто-то окликнулъ его по фамиліи на улицѣ, когда я издали шелъ за нимъ, точно привязанный къ нему, и вотъ я фамилію узналъ. Другой разъ я прослѣдилъ его до самой его квартиры и за гривенникъ узналъ у дворника, гдѣ онъ живетъ, въ какомъ этажѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь и т. д. — однимъ словомъ, все, что можно узнать отъ дворника. Разъ поутру, хоть я и никогда не литераторствовалъ, мнѣ вдругъ пришла мысль описать этого офицера въ абличительномъ видѣ, въ карикатурѣ, въ видѣ повѣсти. Я съ наслажденіемъ писалъ эту повѣсть. Я абличилъ, даже поклеветалъ; фамилію я такъ поддѣлалъ сначала, что можно было тотчасъ узнать, но потомъ, по зрѣломъ разсужденіи, измѣнилъ, и отослалъ въ *Отечественныя Записки*. Но тогда еще не было абличеній и мою повѣсть не напечатали. Мнѣ это было очень досадно. — Иногда злоба меня просто душила. Наконецъ, я рѣшился вызвать противника моего на дуэль. Я сочинилъ къ нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; въ случаѣ же отказа, довольно твердо намекалъ на дуэль. Письмо было такъ сочинено, что если бъ офицеръ чуть-чуть понималъ «прекрасное и высокое», то непременно бы прибѣжалъ ко мнѣ, чтобъ броситься ко мнѣ на шею и предложить свою дружбу. И какъ бы это было хорошо! Мы бы такъ зажили! такъ зажили! «Онъ бы защищалъ меня своей сановитостью; я бы облагораживалъ его своей развитостью, ну и... идеями, и много кой-чего бы могло быть!» Вообразите, что тогда прошло уже два года, какъ онъ меня обидѣлъ, и вызовъ мой былъ безобразнѣйшимъ анахронизмомъ,

несмотря на всю ловкость письма моего, объяснявшего и прикрывавшего анахронизмъ. Но, слава Богу (до сихъ поръ благодарю Всевышняго со слезами), я письма моего не послалъ. Морозъ по кожѣ пробираетъ, какъ вспомню, что бы могло выйти, если бъ я послалъ. И вдругъ... и вдругъ я отместилъ самымъ простѣйшимъ, самымъ гениальнѣйшимъ образомъ! Меня вдругъ осянула пресвѣтлая мысль. Иногда, по праздникамъ, я хаживалъ въ четвертомъ часу на Невскій и гулялъ по солнечной сторонѣ. То-есть я тамъ вовсе не гулялъ, а испытывалъ безчисленныя мученія, униженія и разлитія желчи: но того-то мнѣ вѣрно и надобно было. Я шмыгалъ, какъ выюнъ, самымъ некрасивымъ образомъ, между прохожими, уступая непрерывно дорогу то генераламъ, то кавалергардскимъ и гусарскимъ офицерамъ, то барынямъ; я чувствовалъ въ эти минуты конвульсивныя боли въ сердцѣ и жаръ въ спинѣ при одномъ представленіи о мизерѣ моего костюма, о мизерѣ и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое униженіе отъ мысли, переходившей въ непрерывное и непосредственное ощущеніе того, что я муха передъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, гадкая, непотребная муха, — всѣхъ умнѣе, всѣхъ развитѣе, всѣхъ благороднѣе, это ужъ само собою, — но непрерывно всѣмъ уступающая муха, всѣми униженная и всѣми оскорбленная. Для чего я набиралъ на себя эту муку, для чего я ходилъ на Невскій — не знаю? Но меня просто *тянуло* туда при каждой возможности.

Тогда уже я началъ испытывать приливы гѣхъ наслажденій, о которыхъ я уже говорилъ въ первой главѣ. Послѣ же исторіи съ офицеромъ, меня еще сильнѣе туда стало тянуть: на Невскомъ-то я его и встрѣчалъ наиболѣе, тамъ-то я и любовался имъ. Онъ тоже ходилъ туда болѣе въ праздники. Онъ хотъ тоже сворачивалъ съ дороги передъ генералами и передъ особыми сановитыми и тоже вилялъ, какъ выюнъ между ними, но такихъ какъ

нашъ братъ, или даже почище нашего брата, онъ просто давилъ; шель прямо на нихъ, какъ будто передъ нимъ было пустое пространство, и ни въ какомъ случаѣ дороги не уступалъ. Я упивался моею злобой на него глядя, и... озлобленно передъ нимъ каждый разъ сворачивалъ. Меня мучило, что я даже и на улицѣ никакъ не могу быть съ нимъ на равной ногѣ. «Отчего ты не-премѣнно первый сворачиваешь? — приставалъ я самъ къ себѣ, въ бѣшеной истерикѣ, проснувшись иногда часу въ третьемъ ночи. — Отчего именно ты, а не онъ? Вѣдь для этого закона нѣтъ, вѣдь это нигдѣ не написано? Ну пусть будетъ поровну, какъ обыкновенно бываетъ, когда деликатные люди встрѣчаются: онъ уступить половину и ты половину, вы и пройдетъ, взаимно уважая другъ друга». Но такъ не было, и все-таки сворачивалъ я, а онъ даже и не замѣчалъ, что я ему уступаю. — И вотъ удивительнѣйшая мысль вдругъ осѣнила меня. «А что, — вздумалъ я, — что если встрѣтятся съ нимъ, и... не посторониться? Нарочно не посторониться, хотя бы даже пришлось толкнуть его; а, каково это будетъ?» Дерзкая мысль эта мало-по-малу до того овладѣла мною, что не давала мнѣ покоя. Мечталъ я объ этомъ безпрерывно, ужасно, и нарочно чаще ходилъ на Невскій, чтобъ еще яснѣе себѣ представить, какъ я это сдѣлаю, когда буду дѣлать. Я былъ въ восторгѣ. Все болѣе и болѣе мнѣ казалось это намѣреніе и вѣроятнымъ и возможнымъ. «Разумѣется, не совсѣмъ толкнуть, — думалъ я, уже заранѣе добрѣя отъ радости, — а такъ, просто не посторониться, со-стукнуться съ нимъ, не такъ, чтобы очень больно, а такъ, плечо о плечо, ровно настолько, сколько опредѣлено приличіемъ; такъ что насколько онъ меня стукнетъ, настолько и я его стукну». Я рѣшился, наконецъ, совершенно. Но, приготовленія взяли очень много времени. Первое то, что во время исполненія нужно было быть въ болѣе приличнѣйшемъ видѣ и позаботиться о

костюмѣ. «На всякій случай, если, напримѣръ, завяжется публичная исторія (а публика-то тутъ суперфлю. графиня ходитъ, князь Д. ходитъ, вся литература ходитъ), нужно быть хорошо одѣтымъ; это внушаетъ и прямо поставитъ насъ нѣкоторымъ образомъ на равную ногу въ глазахъ высшаго общества». Съ этой цѣлью я выпросилъ впередъ жалованья и купилъ черныя перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черныя перчатки казались мнѣ и солиднѣе и бонтоннѣе, чѣмъ лимонныя, на которыя я посягалъ сначала. «Цвѣтъ слишкомъ рѣзкій, слишкомъ какъ будто хочетъ выставиться человѣкъ», и я не взялъ лимонныхъ. Хорошую рубашку, съ бѣлыми костяными запонками, я ужъ давно приготовилъ; но задержала очень шинель. Сама-то по себѣ шинель моя очень была недурна, грѣла; но она была на ватѣ, а воротникъ былъ енотовый, что составляло уже верхъ лакейства. Надо было перемѣнить воротникъ во что бы то ни стало и завести бобрискъ, въ родѣ какъ у офицеровъ. Для этого я сталъ ходить по Гостиному двору и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, нацѣлился на одинъ дешевый нѣмецкій бобрискъ. Эти нѣмецкіе бобриски хоть и очень скоро занашиваются и принимаютъ мизернѣйшій видъ, но сначала, съ обновки, смотрятъ даже и очень прилично; а вѣдь мнѣ только для одного разу и надо было. Спросилъ я цѣну: все-таки было дорого. По основательномъ разсужденіи я рѣшился продать мой енотовый воротникъ. Недостающую же и весьма для меня значительную сумму рѣшился выпросить взаймы у Антона Антоныча Сѣточкина, моего столональника, человѣка смиреннаго, но серьезнаго и положительнаго, никому не дававшего взаймы денегъ, но которому я былъ когда-то, при вступленіи въ должность, особенно рекомендованъ опредѣлившимъ меня на службу значительнымъ лицомъ. Мучился я ужасно. Попросить денегъ у Антона Антоныча мнѣ казалось чужовищнымъ и постыднымъ. Я даже двѣ-три ночи не

спалъ, да и вообще я тогда мало спалъ, былъ въ лихорадкѣ; сердце у меня какъ-то смутно замирало, или вдругъ начинало прыгать, прыгать, прыгать!.. Антонъ Антоновичъ сначала удивился, потомъ поморщился, потомъ разсудилъ и все-таки далъ взаймы, взявъ съ меня расписку на право полученія данныхъ заимобразно денегъ черезъ двѣ недѣли изъ жалованья. Такимъ образомъ все было, наконецъ, готово; красивый бобрискъ воцарился на мѣстѣ паскуднаго енота, и я началъ помаленьку приступать къ дѣлу. Нельзя же было рѣшиться съ перваго разу, зря; надо было это дѣло обдѣлать умѣючи, именно помаленьку. Но признаюсь, что послѣ многократныхъ попытокъ я даже было началъ отчаиваться: не состукиваемся никакъ да и только! Ужъ я ль не приготавливался, я ль не намѣревался, — кажется, вотъ-встѣ сейчасъ состукнемся, смотрю — и опять я уступилъ дорогу, а онъ и прошелъ, не замѣтивъ меня. Я даже молитвы читалъ, подходя къ нему, чтобъ Богъ вселилъ въ меня рѣшимость. Одинъ разъ я было и совсѣмъ уже рѣшился, но кончилось тѣмъ, что только попалъ ему подъ ноги, потому что въ самое послѣднее мгновеніе, на двухвершковомъ какомъ-нибудь разстояніи, не хватило духу. Онъ преспокойно прошелъ по мнѣ, и я, какъ мячикъ, отлетѣлъ въ сторону. Въ эту ночь я опять былъ боленъ въ лихорадкѣ и бредилъ. И вдругъ все закончилось какъ нельзя лучше. Накалупѣ ночью я окончательно положилъ не исполнять моего пагубнаго намѣренія и все оставить втунѣ, и съ этой цѣлью въ послѣдній разъ вышелъ на Невскій, чтобы такъ посмотреть, — какъ это я оставляю все это втунѣ? Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ врага моего, я неожиданно рѣшился, зажмурилъ глаза и, — мы плотно столкнулись плечо о плечо! Я не уступилъ ни вершка и прошелъ мимо совершенно на равной погѣ! Онъ даже и не оглянулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ; но онъ только видъ сдѣлалъ, я увѣренъ въ этомъ. Я до сихъ поръ

въ этомъ увѣренъ! Разумѣется, мнѣ досталось больше; онъ былъ сильнѣе, но не въ томъ было дѣло. Дѣло въ томъ, что я достигъ цѣли, поддержалъ достоинство, не уступилъ ни на шагъ и публично поставилъ себя съ нимъ на равной соціальной ногѣ. Воротился я домой совершенно отмщенный за все. Я былъ въ восторгѣ. Я торжествовалъ и пѣлъ итальянскія арии. Разумѣется, я вамъ не буду описывать того, что произошло со мной черезъ три дня; если читали мою первую главу, «подполье», то можете сами догадаться. — Офицера потомъ куда-то перевели; лѣтъ уже четырнадцать я его теперь не видалъ. Что-то онъ теперь, мой голубчикъ? Кого давить?

II

Но кончилась полоса моего развратика и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало раскаяніе, я его гналъ: слишкомъ ужъ тошнило. Мало-по-малу я однакоже и къ этому привыкалъ. Я ко всему привыкалъ, то есть не то что привыкалъ, а какъ-то добровольно соглашался переносить. Но у меня былъ выходъ, все примиравшій, это — спастись во «все прекрасное и высокое», конечно, въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду, забившись въ свой уголь, и ужъ повѣрьте, что въ эти мгновенія я не похожъ былъ на того господина, который, въ смятеніи куринаго сердца, пришивалъ къ воротнику своей шинели иѣмецкій бобрикъ. Я сдѣлался вдругъ героемъ. Моего десяти-вершковаго поручика я бы даже и съ визитомъ къ себѣ тогда не пустилъ. Я даже и представить его себѣ не могъ тогда. Что такое были мои мечты и какъ могъ я ими довольствоваться — объ этомъ трудно сказать теперь, но тогда я этимъ довольствовался. Впрочемъ, я вѣдь и теперь этимъ отчасти довольствуюсь. Мечты особенно

слаще и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратика, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятiями и восторгамн. Бывали мгновенiя такого положительнаго упоенiя, такого счастья, что даже малѣйшей насмѣшки внутри меня не ощущалось, ей-Богу. Была вѣра, надежда, любовь. То-то и есть, что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ-нибудь виѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной, и, главное, *совсѣмъ готовой* (какой именно — я никогда не зналъ, — но главное — *совсѣмъ готовой*) и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божiй, чуть ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному, дескать, человѣку стыдно грязниться, а герой слишкомъ высокъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно можно грязниться. Замѣчательно, что эти приливы «всего прекраснаго и высокаго» приходили ко мнѣ и во время развратика, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными вспышками, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляли однакожь развратика своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто подживляли его контрастомъ, и приходили ровно настолько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противорѣчiя и страданiя, изъ мучительнаго внутренняго анализа, и всѣ эти мученья и мученьища и придавали какую-то пикантность, даже смыслъ моему развратнику, — однимъ словомъ, исполняли вполне должность хорошаго соуса. Все это даже было не безъ нѣкоторой глубины. Да и могъ ли бы я согласиться на простой,

пошлый, непосредственный писарскій развратишко и понести на себѣ всю эту грязь! Что жъ бы могло тогда въ ней прельстить меня и выманить ночью на улицу? Нѣтъ-съ, у меня благородная лазейка на все...

Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ «спасеньяхъ во все прекрасное и высокое»; хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того ли было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ, ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишняя бѣ ужъ это роскошь была. Все, впрочемъ, преблагополучно всегда оканчивалось лѣнивымъ и упительнымъ переходомъ къ искусству; то-есть къ прекраснымъ формамъ бытія, совсѣмъ готовымъ, сильно украденнымъ у поэтовъ и романистовъ и приспособленнымъ ко всевозможнымъ услугамъ и требованіямъ. Я, на примѣръ, надъ всѣми торжествую; всѣ, разумѣется, во прахѣ и принуждены добровольно признать всѣ мои совершенства, а я всѣхъ ихъ прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитымъ поэтомъ и камергеромъ; получаю несмѣтные милліоны и тотчасъ же жертвую ихъ на родъ человѣческій и тутъ же исповѣдываюсь передъ всѣмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые, разумѣется, не просто позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много «прекраснаго и высокаго», чего-то манфредовскаго. Всѣ плачутъ и цѣлуютъ меня (иначе что же бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играется маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на виллѣ Боргезе, что на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ: затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д., и т. д. — будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это те-

перь на рынокъ, послѣ столькихъ упоеній и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего же подло-сь? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого, и что все это было глупѣе хотя чего бы то ни было въ вашей, господа, жизни! И къ тому же повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе недурно составлено... Не все же происходило на озерѣ Комо. А, впрочемъ, вы правы; дѣйствительно, и пошло и подло. А подлѣе всего то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно, впрочемъ, а то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другого подлѣе...

Больше трехъ мѣсяцевъ я никакъ не въ состояніи былъ сряду мечтать и начинатьъ ощущать непреодолимую потребность ринуться въ общество. Ринуться въ общество означало у меня сходить въ гости къ моему столоначальнику, Антону Антонычу Сѣточкину. Это былъ единственный мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже самъ удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и къ нему я ходилъ развѣ только тогда, когда ужъ наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастья, что надо было непременно и немедленно обняться съ людьми и со всѣмъ человѣчествомъ; а для этого надо было имѣть хоть одного человѣка въ наличности, дѣйствительно существующаго. Къ Антону Антонычу надо было, впрочемъ, являться по вторникамъ (его день), слѣдственно и подгонять потребность обняться со всѣмъ человѣчествомъ надо было всегда ко вторнику. Помѣщался этотъ Антонъ Антонычъ у Пяти Угловъ, въ четвертомъ этажѣ и въ четырехъ комнаткахъ, низенькихъ и малъ-мала меньше, имѣвшихъ самый экономическій и желтенькій видъ. Были у него двѣ дочки и ихъ тетка, разливавшая чай. Дочкамъ — одной было тринадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, обѣ были курносенькія, и я ихъ ужасно конфузился, потому что онѣ все шептались про себя и хихи-

кали. Хозяинъ сидѣлъ обыкновенно въ кабинетѣ, на кожаномъ диванѣ, передъ столомъ, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь сѣдымъ гостемъ, чиновникомъ изъ нашего или даже изъ посторонняго вѣдомства. Больше двухъ-трехъ гостей, и все тѣхъ же самыхъ, я никогда тамъ не видывалъ. Толковали про акцизы, про торги въ Сенатѣ, о жалованьяхъ, о производствѣ, о его превосходительствѣ, о средствѣ правиться и проч., и проч. Я имѣлъ терпѣннѣе высиживать подлѣ этихъ людей дуракомъ часа по четыре и ихъ слушать, самъ не смѣя и не умѣя ни объ чемъ съ ними заговорить. Я тупѣлъ, но нѣсколько разъ принимался потѣтъ, надо мной послесился параличъ; но это было хорошо и полезно. Возвратясь домой, я на нѣкоторое время откладывалъ мое желаніе обилтъся со всѣмъ человѣчествомъ.

Былъ, впрочемъ, у меня и еще какъ будто одинъ знакомый, Симоновъ, бывшій мой школьный товарищъ. Школьныхъ товарищей у меня было, пожалуй, и много въ Петербургѣ, но я съ ними не водился и даже пересталъ на улицѣ кланяться. Я, можетъ быть, и на службу-то въ другое вѣдомство перешелъ для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ ними и разомъ отрѣзать со всѣмъ ненавистнымъ моимъ дѣтствомъ. Проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы! Однимъ словомъ, съ товарищами я тотчасъ же разошелся, какъ вышелъ на волю. Оставались два-три человѣка, съ которыми я еще кланялся, встрѣчаясь. Въ томъ числѣ былъ и Симоновъ, который въ школѣ у насъ ничѣмъ не отличался, былъ ровень и тихъ, но въ немъ я отличалъ нѣкоторую независимость характера и даже честность. Даже не думаю, что онъ былъ очень ужъ ограниченъ. У меня съ нимъ бывали когда-то довольно свѣтлыя минуты, но недолго продолжались и какъ-то вдругъ задержались туманомъ. Онъ, видимо, тяготился этими воспоминаніями и, кажется, все боялся, что я впаду въ прежній тонъ. Я подозрѣвалъ, что я былъ ему очень

противень, но все-таки ходилъ къ нему, неувѣренный въ томъ навѣрно.

Вотъ однажды, въ четвергъ, не выдержавъ моего одиночества и зная, что въ четвергъ у Антона Антоныча дверь заперта, я вспомнилъ о Симоновѣ. Подымаясь къ нему въ четвертый этажъ, я именно думалъ о томъ, что этотъ господинъ тяготится мною, и что напрасно я это иду. Но такъ какъ кончалось всегда тѣмъ, что подобныя соображенія, какъ нарочно, еще болѣе подбивали меня лѣзть въ двусмысленное положеніе, то я и вошелъ. Былъ почти годъ, какъ я послѣдній разъ передъ тѣмъ видѣлъ Симонова.

III

Я засталъ у него еще двухъ моихъ школьныхъ товарищей. Они толковали, повидимому, объ одномъ важномъ дѣлѣ. На приходъ мой ни одинъ изъ нихъ не обратилъ почти никакого вниманія, что было даже странно, потому что я не видался съ ними ужъ годы. Очевидно, меня считали чѣмъ-то въ родѣ самой обыкновенной мухи. Такъ не третировали меня даже въ школѣ, хотя всѣ меня тамъ ненавидѣли. Я, конечно, понималъ, что они должны были презирать меня теперь за неуспѣхъ моей служебной карьеры и за то, что я ужъ очень опустился, ходилъ въ дурномъ платьѣ и проч. — что въ ихъ глазахъ составляло вывѣску моей неспособности и мелкаго значенія. Но я все-таки не ожидалъ до такой степени презрѣнія. Симоновъ даже удивился моему приходу. Онъ и прежде всегда какъ будто удивлялся моему приходу. Все это меня озадачило; я сѣлъ въ нѣкоторой тоскѣ и началъ слушать, о чемъ они толковали.

Шла рѣчь серьезная и даже горячая о прощальномъ обѣдѣ, который хотѣли устроить эти господа завтра же, сообщая, отъѣзжавшему далеко въ губернію

ихъ товарищу Звѣркову, служившему офицеромъ. Мосей Звѣрковъ былъ все время и моимъ школьнымъ товарищемъ. Я особенно сталъ его ненавидѣть съ высшихъ классовъ. Въ низшихъ классахъ онъ былъ только хорошенькій, рѣзвый мальчикъ, котораго всѣ любили. Я, впрочемъ, ненавидѣлъ его и въ низшихъ классахъ, и именно за то, что онъ былъ хорошенькій и рѣзвый мальчикъ. Учился онъ всегда постоянно плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; однакожъ вышелъ изъ школы удачно, потому что имѣлъ покровительство. Въ послѣдній годъ его въ нашей школѣ ему досталось наследство, двѣсти душъ, а такъ какъ у насъ всѣ почти были бѣдные, то онъ даже передъ нами сталъ фанфаронить. Это былъ пошлякъ въ высшей степени, но однакожъ добрый малый, даже и тогда, когда фанфаронилъ. У насъ же, несмотря на наружныя, фантастическія и фразерскія формы чести и гонора, всѣ, кромѣ очень немногихъ, даже увивались передъ Звѣрковымъ, чѣмъ болѣе онъ фанфаронилъ. И не изъ выгоды какой-нибудь увивались, а такъ, изъ-за того, что онъ фаворизированный дарами природы человекъ. При томъ же какъ-то принято было у насъ считать Звѣркова специалистомъ по части ловкости и хорошихъ манеръ. Последнее меня особенно бѣсило. Я ненавидѣлъ рѣзкій, не сомнѣвающейся въ себѣ звукъ его голоса, обожаніе собственныхъ своихъ остротъ, которыя у него выходили ужасно глупы, хотя онъ былъ и смѣлъ на языкъ; я ненавидѣлъ его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы, впрочемъ, промѣнялъ съ охотою свое *умное*) и развязно-офицерскіе приемы сороковыхъ годовъ. Я ненавидѣлъ то, что онъ рассказывалъ о своихъ будущихъ успѣхахъ съ женщинами (онъ не рѣшался начинать съ женщинами, не имѣя еще офицерскихъ эполетъ, и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ) и о томъ, какъ онъ минутно будетъ выходить на дуэли. Помню, какъ я, всегда молчаливый, вдругъ сдѣлался съ Звѣрковымъ.

когда онъ, толкуя разъ въ свободное время съ товарищами о будущей клубничкѣ и разыгравшись, наконецъ, какъ молодой щенокъ на солнцѣ, вдругъ объявилъ, что ни одной деревенской дѣвы въ своей деревнѣ не оставить безъ вниманія, что это — *droit de seigneur*, а мужиковъ, если осмѣлятся протестовать, всѣхъ пересѣчетъ и всѣмъ имъ, бородатымъ канальямъ, вдвое наложить оброку. Наши хамы аплодировали, я же сдѣлался, и вовсе не изъ жалости къ дѣвамъ и ихъ отцамъ, а просто за то, что такой козявкѣ такъ аплодировали. Я тогда одолѣлъ, но Звѣрковъ, хоть и глупъ былъ, но былъ веселъ и дерзокъ, а потому отсмѣялся, и даже такъ, что я, по правдѣ, не совсѣмъ и одолѣлъ: смѣхъ остался на его сторонѣ. Онъ потомъ еще нѣсколько разъ одолѣвалъ меня, но безъ злобы, а какъ-то такъ, шутя, мимоходомъ, смѣясь. Я злобно и презрительно не отвѣчалъ ему. По выпускѣ онъ было сдѣлалъ ко мнѣ шагъ; я не очень противился, потому что мнѣ это польстило; но мы скоро и естественно разошлись. Потомъ я слыхалъ объ его казарменно-поручичьихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ *кутитъ*. Потомъ пошли другіе слухи, — о томъ, какъ онъ *устъвааетъ* по службѣ. На улицѣ онъ мнѣ уже не кланялся, и я подозрѣвалъ, что онъ боится компрометировать себя, раскланиваясь съ такой незначительной, какъ я, личностью. Видѣлъ я его тоже одинъ разъ въ театрѣ, въ третьемъ ярусѣ, уже въ аксельбантахъ. Онъ увивался и изгибался передъ дочками одного древняго генерала. Года въ три онъ очень опустился, хотя былъ попрежнему довольно красивъ и ловокъ; какъ-то отекъ, сталъ жирѣть; видно было, что къ тридцати годамъ онъ совершенно обрюзгнетъ. Вотъ этому-то уѣзжавшему, наконецъ, Звѣркову и хотѣли дать обѣдъ наши товарищи. Они постоянно всѣ три года водились съ нимъ, хотя сами, внутренно, не считали себя съ нимъ на равной ногѣ, я увѣренъ въ этомъ.

Изъ двухъ гостей Симонова одинъ былъ Ферфичкинъ, изъ русскихъ пѣщевъ, — жалкій ростомъ, съ обезьяньимъ лицомъ, всѣхъ поразившаго глупецъ, злѣйшій врагъ мой еще съ гимназическаго класса, — подлый, дерзкій, фанфарониска и игравшій въ самую щекотливую амбиціозность, хотя, разумѣется, трусишка въ душѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ почитателей Звѣркова, которые заигрывали съ нимъ изъ видовъ и часто занимали у него деньги. Другой гость Симонова, Трудолюбовъ, была личность незамѣчательная, военный паренъ, высокаго роста, съ холодною физиономіей, довольно честный, но преклонявшійся передъ всякимъ усиѣхомъ и способный разсуждать только объ одномъ производствѣ. Звѣркову онъ доводился какимъ-то дальнимъ родственникомъ, и это, глупо сказать, придавало ему между нами нѣкоторое значеніе. Меня онъ постоянно считалъ ни во что; обращался же хоть и не совсемъ вѣжливо, но сносно.

— Что жъ, коль по семи рублей, — заговорилъ Трудолюбовъ, — насъ трое, двадцать одинъ *руль*, — можно хорошо пообѣдать. Звѣрковъ, конечно, не платить.

— Ужъ разумѣется, коль мы же его приглашаемъ, — рѣшилъ Симоновъ.

— Неужели жъ вы думаете, — заносчиво и съ пылкостью ввязался Ферфичкинъ, точно нахаль лакей, хвастающій звѣздами своего генерала барина, — неужели вы думаете, что Звѣрковъ насъ пуститъ однихъ платить? Изъ деликатности приметъ, но зато отъ себя *полдюжины* выставитъ.

— Ну, куда намъ четверымъ полдюжины, — замѣтилъ Трудолюбовъ, обративъ вниманіе только на полдюжину.

— Такъ трое, съ Звѣрковымъ четверо, двадцать одинъ рубль въ *Hôtel de Paris*, завтра въ пять часовъ,

— окончательно заключилъ Симоновъ, котораго выбрали распорядителемъ.

— Какъ же двадцать одинъ? — сказала я въ нѣ-которомъ волненіи, даже, позидимому, обидѣвшись; — если считать со мной, такъ будетъ не двадцать одинъ, а двадцать восемь рублей.

Мнѣ показалось, что вдругъ и такъ неожиданно предложить себя будетъ даже очень красиво, и они все будутъ разомъ побѣждены и посмотрятъ на меня съ уваженіемъ.

— Развѣ вы тоже хотите? — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Симоновъ, какъ-то избѣгая глядѣть на меня. Онъ зналъ меня наизусть.

Меня взбѣсило, что онъ знаетъ меня наизусть.

— Почему же-съ? Я вѣдь, кажется, тоже товарищъ и, признаюсь, мнѣ даже обидно, что меня обошли, — заклокоталъ было я опять.

— А гдѣ васъ было искать? — грубо ввязался Ферфичкинъ.

— Вы всегда были не въ ладахъ съ Звѣрковымъ, — прибавилъ Трудолюбовъ, нахмурившись. Но я ужъ ухватился и не выпускалъ.

— Мнѣ кажется, объ этомъ никто не въ правѣ судить, — возразилъ я съ дрожью въ голосъ, точно и Богъ знаетъ что случилось. — Именно потому-то я, можетъ быть, теперь и хочу, что прежде былъ не въ ладахъ.

— Ну, кто васъ пойметъ... возвышенности-то эти... — усмѣхнулся Трудолюбовъ.

— Васъ запишутъ, — рѣшилъ, обращаясь ко мнѣ, Симоновъ, — завтра въ пять часовъ, въ Hôtel de Paris; не ошибитесь.

— Деньги-то! — началъ было Ферфичкинъ вполголоса, кивая на меня Симонову, но осѣкся, потому что даже Симоновъ сконфузился.

— Довольно! — сказалъ Трудолюбовъ, вставая. — Если ему такъ ужъ очень захогѣлось, пусть придетъ.

— Да вѣдь у насъ кружокъ свой, пріятельскій, — злился Ферфичкинъ, тоже берясь за шляпу. — Это не официальное собраніе.

— Мы васъ, можетъ быть, и совѣтъ не хотимъ...

Они ушли; Ферфичкинъ, уходя, мигъ совѣтъ не поклонился, Трудолюбовъ едва кивнулъ, не глядя. Симоновъ, съ которымъ я остался съ глазу на глазъ, былъ въ какомъ-то досадливомъ недоумѣніи и странно посмотрѣлъ на меня. Онъ не сѣлся и меня не приглашалъ.

— Гм... да... такъ завтра. Деньги-то вы отдадите теперь? Я это чтобъ вѣрно знать, — пробормоталъ онъ, сконфузившись.

Я вспыхнулъ, но, вспыхивая, вспомнилъ, что съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ Симонову пятнадцать рублей, чего, впрочемъ, и не забывалъ никогда, но и не отдавалъ никогда.

— Согласитесь сами, Симоновъ, что я не могъ знать, входя сюда... и мигъ очень досадно, что я забылъ...

— Хорошо, хорошо, все равно. Расплатитесь завтра за обѣдомъ. Я вѣдь только, чтобъ знать... Вы пожалуйста...

Онъ осѣкся и сталъ шагать по комнатѣ съ еще большей досадой. Шагая, онъ началъ становиться на каблукъ и при этомъ сильнѣе топать.

— Я васъ не задерживаю ли? — спросилъ я, послѣ двухминутнаго молчанія.

— О, нѣтъ! — встрепенулся онъ вдругъ, — то-есть по правдѣ, — да. Видите ли, мигъ еще бы надо зайти... Тутъ недалеко... — прибавилъ онъ, какимъ-то извиняющимся голосомъ и отчасти стыдясь.

— Ахъ, Боже мой! Что же вы не скажете! — вскрикнулъ я, схвативъ фуражку, съ удивительно, впро-

чемъ, развязнымъ видомъ, Богъ знаетъ откуда налетѣвшимъ.

— Это вѣдь недалеко... Тутъ два шага... — повторялъ Симоновъ, провожая меня до передней съ суетливымъ видомъ, который ему вовсе не шель. — Такъ завтра въ пять часовъ ровно! — крикнулъ онъ мнѣ на лѣстницу; очень ужъ онъ былъ доволенъ, что я ухожу. Я же былъ въ бѣшенствѣ.

«Вѣдь дернуло же, дернуло же выскочить! — скрежеталъ я зубами, шагая по улицѣ, — и этакому подлецу, поросенку, Звѣркову. Разумѣется, не надо ѣхать; разумѣется, наплевать: что я, связанъ, что ли? Завтра же увѣдомлю Симонова по городской почтѣ...»

Но потому-то я и бѣсился, что навѣрно зналъ, что поѣду; что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактиѣе, чѣмъ неприличнѣе будетъ мнѣ ѣхать, тѣмъ скорѣе и поѣду.

И, даже препятствіе положительное было не ѣхать: денегъ не было. Всего на всего лежало у меня девять рублей. Но изъ нихъ семь надо было отдать завтра же мѣсячнаго жалованья Аполлону, моему слугѣ, который жилъ у меня за семь рублей на своихъ харчахъ.

Не выдать же было невозможно, судя по характеру, Аполлона. Но объ этой канальѣ, объ этой язвѣ моей, я когда-нибудь послѣ поговорю.

Впрочемъ, я вѣдь зналъ, что все-таки не выдамъ, а непременно поѣду.

Въ эту ночь снились мнѣ безобразнѣйшіе сны. Не мудрено: весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ дняхъ моей школьной жизни, и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, отъ которыхъ я зависѣлъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, — сунули сиротливаго, уже забытаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго и дико на все озиравшагося. Товарищи встрѣтили меня злобными и безжалостными насмѣшками за то, что я ни на кого изъ

нихъ не быть похожь. Но и не могъ измѣниться пере-
носить; я не могъ такъ дешево уживаться, какъ они
уживались другъ съ другомъ. Я начиналъ видѣть ихъ
тотчасъ и заключился отъ всѣхъ въ пугливую, унизлен-
ную и непомѣрную гордость. Грубость ихъ меня
возмущала. Они циничски смѣялись надъ моимъ
лицомъ, надъ моею мѣшковатою фигурой; а между тѣмъ,
какія глупыя у нихъ самихъ были лица! Въ нашей
школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и не-
перождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей по-
ступало къ намъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и
глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать
лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился; меня ужъ и тогда из-
умляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій,
игръ, разговоровъ. Они такихъ необходимыхъ вещей
не понимали, такими внушающими, поражающими пред-
метами не интересовались, что поневолѣ я сталъ счи-
тать ихъ ниже себя. Не оскорбленное тщеславіе под-
бивало меня къ тому, и, ради Бога, не выльзайте ко
мнѣ съ пріѣвшимися до тошноты казенными возраже-
ніями: «что я только мечталъ, а они ужъ и тогда дѣй-
ствительную жизнь понимали». Ничего они не пови-
мали, никакой дѣйствительной жизни и, клянусь, это-
то и возмущало меня въ нихъ наиболѣе. Напротивъ,
самую очевидную, рѣжущую глаза дѣйствительность они
принимали фантастически глупо и уже тогда привыкали
поклоняться одному успѣху. Все, что было справедли-
во, но унижено и забыто, надъ тѣмъ они жестокосерд-
но и позорно смѣялись. Чипъ почитали за умъ; въ
шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстеч-
кахъ. Конечно, много тутъ было отъ глупости, отъ
дурного примѣра, безпрерывно окружавшаго ихъ дѣт-
ство и отрочество. Развратны они были до уродливости.
Разумѣется, и тутъ было больше внѣшности, больше
напускной циничности, разумѣется, юность и нѣкоторая
свѣжесть мелькали и въ нихъ даже изъ-за разврата;

но не привлекательна была въ нихъ даже и свѣжесть и проявлялась въ какомъ-то ёрниществѣ. Я ненавиждѣлъ ихъ ужасно, хотя, пожалуй, былъ ихъ же хуже. Они мнѣ тѣмъ же платили и не скрывали своего ко мнѣ омерзѣнія. Но я уже не желалъ ихъ любви; напротивъ, я постоянно жаждалъ ихъ униженія. Чтобъ избавить себя отъ ихъ насмѣшекъ, я нарочно началъ какъ можно лучше учиться и пробился въ число самыхъ первыхъ. Это имъ внушило. Къ тому же всѣ они начали помаленьку понимать, что я уже читалъ такія книги, которыхъ они не могли читать, и понималъ такія вещи (не входившія въ составъ нашего спеціальнаго курса), о которыхъ они и не слыхивали. Дико и насмѣшливо смотрѣли они на это, но нравственно подчинялись, тѣмъ болѣе, что даже учителя обращали на меня вниманіе по этому поводу. Насмѣшки прекратились, но осталась непріязнь и установились холодныя отношенія. Подъ конецъ я самъ не выдержалъ: съ лѣтами развилась потребность въ людяхъ, въ друзьяхъ. Я попробовалъ было начать сближаться съ иными; но всегда это сближеніе выходило неестественно и такъ само собой и оканчивалось. Былъ у меня разъ какъ-то и другъ. Но я уже былъ деспотъ въ душѣ; я хотѣлъ неограниченно властвовать надъ его душой, я хотѣлъ вселить въ него презрѣніе къ окружающей его средѣ; я потребовалъ отъ него высокомернаго и окончательнаго разрыва съ этой средой. Я испугалъ его моей страстной дружбой; я доводилъ его до слезъ, до судорогъ; онъ былъ наивная и отдающаяся душа; но когда онъ отдался мнѣ весь, я тотчасъ же возненавидѣлъ его и оттолкнулъ отъ себя, — точно онъ и нуженъ былъ мнѣ только для одержанія надъ нимъ побѣды, для одного его подчиненія. Но всѣхъ я не могъ побѣдить; мой другъ былъ тоже ни на одного изъ нихъ не похожъ и составлялъ самое рѣдкое исключеніе. Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы было оставить ту спеціаль-

ную службу, къ которой я предназначался, чтобы всё нити порвать, проклясть прошлое и прахъ, что посыпать... И чортъ знаетъ, зачѣмъ послѣ жого с потащился къ этому Симонову!...

Утромъ я рано схватился съ постели, встать съ волпеніемъ, точно все это сейчасъ же и начнется совершаться. Но я вѣрилъ, что наступаетъ и действительно наступить сегодня же какой-то радикальный переломъ въ моей жизни. Съ непривычки что ли, но мнѣ всю жизнь, при всякомъ виѣшеніи, хотя бы мельчайшемъ событіи, все казалось, что вотъ сейчасъ же и наступить какой-нибудь радикальный переломъ въ моей жизни. Я, впрочемъ, отправился въ должность по-обыкновенному, но улизнулъ домой двумя часами раньше, чтобъ приготовиться. Главное, думалъ я, надо пріѣхать не первымъ, а то подумаютъ, что я ужъ очень обрадовался. Но такихъ главныхъ вещей были тысячи и всё онѣ волновали меня до безсилія. Я собственноручно еще разъ вычистилъ мои сапоги; Аполлонъ ни за что на свѣтѣ не сталъ бы чистить ихъ два раза въ день, находя, что это не порядокъ. Чистилъ же я, укравъ щетки изъ передней, чтобъ онѣ какъ-нибудь не замѣтилъ и не сталъ потомъ презирать меня. Затѣмъ я подробно осмотрѣлъ мое платье и нашелъ, что все старо, потерто, заношено. Слишкомъ я ужъ обнеряшился. Вицмундиръ, пожалуй, былъ исправенъ, но не въ вицмундирѣ же было ѣхать объѣдать. А главное, на панталонахъ, на самой колѣнкѣ, было огромное желтое пятно. Я предчувствовалъ, что одно уже это пятно отниметъ у меня девять десятыхъ собственного достоинства. Зналъ тоже я, что очень низко такъ думать. «Но теперь не до думанья: теперь наступаетъ дѣйствительность», думалъ я и падалъ духомъ. Зналъ я тоже отлично, тогда же, что всё эти факты чудовищно увеличиваю; но что же было дѣлать, совладѣть я съ собой ужъ не могъ, и меня трясла лихорадка. Съ отчаяніемъ

представлялъ я себѣ, какъ свысока и холодно встрѣтитъ меня этотъ «подлецъ» Звѣрковъ; съ какимъ тупымъ, ничѣмъ не отразимымъ презрѣніемъ будетъ смотрѣть на меня тупица Трудолюбовъ; какъ скверно и дерзко будетъ подхихикивать на мой счетъ козявка Ферфичкинъ, чтобы подслужиться Звѣркову; какъ отлично пойметъ про себя все это Симоновъ, и какъ будетъ презирать меня за низость моего тщеславія и малодушія, и, главное, — какъ все это будетъ мизерно, не *литературно*, обыденно. Конечно, всего бы лучше совсѣмъ не ѣхать. Но это-то ужъ было больше всего невозможно: ужъ когда меня начинало тянуть, такъ ужъ я такъ и втягивался весь съ головой. Я бы всю жизнь дразнилъ себя потомъ: «а что, струсилъ, струсилъ *дѣйствительно* струсилъ!» Напротивъ, мнѣ страстно хотѣлось доказать всей это «шушерѣ», что я вовсе не такой трусъ, какъ самъ себѣ представляю. Мало того: въ самомъ сильнѣйшемъ пароксизмѣ трусливой лихорадки мнѣ мечталось одержать верхъ, побѣдить, увлечь, заставить ихъ полюбить себя — ну хоть «за возвышенность мыслей и несомнѣнное остроуміе». Они бросятъ Звѣркова, онъ будетъ сидѣть въ сторонѣ, молчать и стыдиться, а я раздавлю Звѣркова. Потомъ, пожалуй, помирюсь съ нимъ и выпью на *ты*, но что всего было злѣе и обиднѣе для меня, это, что я тогда же зналъ, зналъ вполне и навѣрно, что ничего мнѣ этого въ сущности не надо, что, въ сущности, я вовсе не желаю ихъ раздавливать, покорять, привлекать, и что за весь-то результатъ, если бъ только я и достигъ его, я самъ, первый, гроша бы не далъ. О, какъ я молилъ Бога, чтобъ ужъ прошелъ поскорѣе этотъ день! Въ невыразимой тоскѣ я подходилъ къ окну, отворялъ форточку и взглядывался въ мутную мглу густо-падающаго мокраго снѣга . . .

Наконецъ, на моихъ дрянныхъ стѣнныхъ часикахъ прошипѣло пять. Я схватилъ шапку и, стараясь не взглянуть на Аполлона, который еще съ утра все

ждать отъ меня выдачи жалованья, но по глухости своей не хотѣлъ заговорить первый, — скользя мимо него изъ дверей, и на лихачѣ, котораго нарочно нанялъ, за послѣдній полтинникъ, подкатилъ бариномъ къ Hôtel de Paris.

IV

Я еще наканунѣ зналъ, что пріѣду первый. Но ужъ дѣло было не въ первенствѣ.

Ихъ не только никого не было, но я даже едва отыскалъ нашу комнату. На столѣ было еще не совсѣмъ накрыто. Что же это значило? Послѣ многихъ разспросовъ я добился, наконецъ, отъ слугъ, что обѣдь заказанъ къ шести часамъ, а не къ пяти. Это подтвердили и въ буфетѣ. Даже стыдно стало и спрашивать. Было еще только двадцать пять минутъ шестого. Если они перемѣнили часъ, то во всякомъ случаѣ должны же были извѣстить, на то городская почта, а не подвергать меня «позору» и передъ собой и . . . и хоть передъ слугами. И сѣлъ; слуга сталъ накрывать; при немъ стало какъ-то еще обиднѣе. Къ шести часамъ, кромѣ горѣвшихъ лампъ, въ комнату внесены были свѣчи. Слуга не подумалъ однакожь внести ихъ тотчасъ же, какъ я пріѣхалъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали, на разныхъ столахъ, два какихъ-то мрачныхъ посѣтителя, сердитые съ виду и молчавшіе. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ было очень шумно; даже кричали; слышенъ былъ хохотъ цѣлой ватаги людей: слышались какіе-то скверные французскіе взвизги: обѣдь былъ съ дамами. Однимъ словомъ, было очень тошно. Рѣдко я проводилъ болѣе скверную минуту, такъ что, когда они, ровно въ шесть часовъ, явились всѣ разомъ, я, на первый мигъ, обрадовался имъ какъ какимъ-то освободителямъ и чуть не забылъ, что обязанъ смотрѣть обиженнымъ.

Звѣрковъ вошелъ впереди всѣхъ, видимо предво-

дительною. И онъ и всѣ они смѣялись; но, увидя меня, Звѣрковъ пріосанился, подошелъ неторопливо, нѣсколько перегибаясь въ тальѣ, точно кокетничая, и подалъ мнѣ руку, ласково, но не очень, съ какой-то осторожной, чуть не генеральской вѣжливостію, точно, подавая руку, оберегалъ себя отъ чего-то. Я воображалъ, напротивъ, что онъ, тотчасъ же какъ войдетъ, захохочетъ своимъ прежнимъ хохотомъ, тоненькимъ и со взвизгами, и съ первыхъ же словъ пойдутъ плоскія его шутки и остроты. Къ нимъ-то я и готовился еще съ вечера, но никакъ ужъ не ожидалъ я такого свысока, такой превосходительной ласки. Стало быть, онъ ужъ вполне считалъ себя теперь неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ? Если бъ онъ только обидѣлъ меня хотѣлъ этимъ генеральствомъ, то ничего еще, думалъ я; я бы какъ-нибудь тамъ отплевался. Но что, если и въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго желанія обидѣть, въ его баранью башку серьезно заползла идейка, что онъ неизмѣримо выше меня и можетъ на меня смотрѣть не иначе, какъ только съ покровительствомъ? Отъ одного этого предположенія я уже сталъ задыхаться.

— Я съ удивленіемъ узналъ о вашемъ желаніи участвовать съ нами, — началъ онъ, сюсюкая и прищептывая, и растягивая слова, чего прежде съ нимъ не бывало. — Мы съ вами какъ-то все не встрѣчались. Вы насъ дичитесь. Напрасно. Мы не такъ страшны, какъ вамъ кажется. Ну-съ, во всякомъ случаѣ, радъ во-зоб-но-вить . . .

И онъ небрежно повернулся положить на окно шляпу.

— Давно ждете? — спросилъ Трудолюбовъ.

— Я пріѣхалъ ровно въ пять часовъ, какъ мнѣ вчера назначили, — отвѣчалъ я громко и съ раздраженіемъ, обѣщавшимъ близкій взрывъ.

— Развѣ ты не далъ ему знать, что перемѣнили часы? — оборотился Трудолюбовъ къ Симонову.

— Не даль. Забылъ, — отвѣчалъ тотъ, но безъ всякаго раскаянiя и, даже не извинившись передо мной, пошелъ распорядиться закуской.

— Такъ вы здѣсь ужъ часъ, ахъ, бѣдный! — вскрикнулъ насмѣшливо Звѣрковъ, потому что, по его понятiямъ, это, дѣйствительно, должно было быть ужасно смѣшно. За нимъ, подленькимъ, звонкимъ, какъ у собачонки голоскомъ, закатился подлецъ Ферфичкинъ. Очень ужъ и ему показалось смѣшно и конфузю мое положенiе.

— Это вовсе не смѣшно! — закричалъ я Ферфичкину, раздражаясь все болѣе и болѣе; — виноваты другiе, а не я. Миѣ пренебрегли дать знать. Это-это-это... просто нелѣпо.

— Не только нелѣпо, а и еще что-нибудь, — проворчалъ Трудолюбовъ, наивно за меня заступаясь. — Вы ужъ слишкомъ мягки. Просто невѣжливость. Конечно, не умышенная. И какъ это Симоновъ... Гм!

— Если бъ со мной этакъ сыграли, — замѣтилъ Ферфичкинъ, — я бы...

— Да вы бы велѣли себѣ что-нибудь подать, — перебилъ Звѣрковъ, — или просто спросили бы объ-дать, не дожидаясь.

— Согласитесь, что я бы могъ это сдѣлать безъ всякаго позволенiя, — отрѣзалъ я. — Если я ждалъ, то...

— Садимся, господа, — закричалъ вошедшiй Симоновъ; — все готово, за шампанское отвѣчаю, отлично заморожено... Вѣдь я вашей квартиры не зналъ, гдѣ жъ васъ отыскивать? — оборотился онъ вдругъ ко миѣ, но опять какъ-то не глядя на меня. Очевидно, онъ имѣлъ что-то противъ. Знать, послѣ вчерашняго надумался.

Всѣ сѣли; сѣлъ и я. Столъ былъ круглый. По лѣвую руку отъ меня пришелся Трудолюбовъ, по пра-

вую Симоновъ. Звѣрковъ сѣлъ напротивъ; Ферфичкинъ подлѣ него, между нимъ и Трудолюбовымъ.

— Ска-а-ажите, вы . . . въ департаментѣ? — продолжалъ заниматься мною Звѣрковъ. Видя, что я сконфуженъ, онъ серьезно вообразилъ, что меня надо обласкать и, такъ сказать, ободрить. «Что жъ онъ, хочетъ, что ли, чтобъ я въ него бутылкой пустилъ», подумалъ я въ бѣшенствѣ. Раздражался я, съ непривычки, какъ-то неестественно скоро.

— Въ . . . й канцеляріи, — отвѣтилъ я отрывисто, глядя въ тарелку.

— И! . . . вамъ ввыгодно? Ска-ажите, что васъ па-анудило оставить прежнюю службу?

— То и па-а-анудило, что захотѣлъ оставить прежнюю службу, — протянулъ я втрое больше, уже почти не владѣя собою. Ферфичкинъ фыркнулъ. Симоновъ иронически посмотрѣлъ на меня; Трудолюбовъ остановился ѣсть и сталъ меня разсматривать съ любопытствомъ.

Звѣркова покорило, но онъ не хотѣлъ замѣтить.

— Н-у-у, а какъ ваше содержаніе?

— Какое это содержаніе?

— То-есть, ж-жалованье?

— Да что вы меня экзаменуете!

Впрочемъ, я тутъ же и назвалъ, сколько получаю жалованья. Я ужасно краснѣлъ.

— Небогато, — важно замѣтилъ Звѣрковъ.

— Да-съ, нельзя въ кафе-ресторанахъ обѣдать! — нагло прибавилъ Ферфичкинъ.

— По-моему, такъ даже просто бѣдно, — серьезно замѣтилъ Трудолюбовъ.

— И какъ вы похудѣли, какъ перемѣнились . . . съ тѣхъ поръ . . . — прибавилъ Звѣрковъ, уже не безъ иду, съ какимъ-то нахальнымъ сожалѣніемъ, разсматривая меня и мой костюмъ.

— Да полно конфузить-то, — хихикая, вскрикнулъ Ферфичкинъ.

— Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь, — прорвался я, наконецъ. — слышите-съ! Я обѣдаю здѣсь, въ кафе-ресторангѣ на свои деньги, на свои, а не на чужія, замѣтьте это, m-g Ферфичкинъ.

— Ка-акъ! Кто жь это здѣсь не на свои обѣдаетъ? Вы какъ будто... — вѣщился Ферфичкинъ, покраснѣвъ какъ ракъ и съ остервенѣніемъ смотря мнѣ въ глаза.

— Та-акъ, — отвѣчалъ я, чувствуя, что далеко зашелъ, — и полагаю, что лучше бы намъ заняться разговоромъ поумнѣй.

— Вы, кажется, намѣреваетесь вашу умъ показывать?

— Не безпокойтесь, это было бы совершенно здѣсь лишнее.

— Да вы это что, сударь вы мой, раскудахтались — а? Вы не съ ума ли ужь спятали, въ вашемъ *лепартаментѣ*?

— Довольно, господа, довольно! — закричалъ всевластно Звѣрковъ.

— Какъ это глупо! — проворчалъ Симоновъ.

— Дѣйствительно глупо, мы обратились въ дружеской компаніи, чтобъ проводить въ вояжъ добраго пріятеля, а вы считаетесь. — заговорилъ Трудолюбовъ, грубо обращаясь ко мнѣ одному. — Вы къ намъ сами вчера напросились, не разстраивайте же общей гармоніи...

— Довольно, довольно, — кричалъ Звѣрковъ. — Перестаньте, господа, это нейдетъ. А вотъ я вамъ лучше расскажу, какъ я третьяго дня чуть не женился...

И вотъ начался какой-то пашквиль о томъ, какъ этотъ господинъ третьяго дня чуть не женился. О же-

нитьбѣ, впрочемъ, не было ни слова, но въ разсказѣ все мелькали генералы, полковники и даже камеръ-юнкеры, а Звѣрковъ между ними чуть не во главѣ. Начался одобрителный смѣхъ; Ферфичкинъ даже взвизгивалъ.

Всѣ меня бросили, и я сидѣлъ раздавленный и униженный.

«Господи, мое ли это общество! — думалъ я. — И какимъ дуракомъ я выставилъ себя самъ передъ ними! Я однакожь много позволилъ Ферфичкину. Думаютъ балбесы, что честь мнѣ сдѣлали, давъ мѣсто за своимъ столомъ, тогда какъ не понимаютъ, что это я, я имъ дѣлаю честь, а не мнѣ они! «Похудѣлъ! Костюмъ!» О, проклятые панталоны! Звѣрковъ еще давеча замѣтилъ желтое пятно на колѣнкѣ... Да чего тутъ! Сейчасъ же, сію минуту встать изъ-за стола, взять шляпу и просто уйти, не говоря ни слова... Изъ презрѣнья! А завтра хоть на дуэль. Подлецы! Вѣдь не семи же рублей мнѣ жалѣть. Пожалуй, подумаютъ... Чортъ возьми! Не жаль мнѣ семи рублей! Сію минуту уйду!»...

Разумѣется, я остался.

Я пилъ съ горя лафитъ и хересъ стаканами. Съ непривычки быстро хмелѣлъ, а съ хмелемъ росла и досада. Мнѣ вдругъ захотѣлось оскорбить ихъ всѣхъ самымъ дерзкимъ образомъ и потомъ ужъ уйти. Улучить минуту и показать себя: пусть же скажутъ: хоть и смѣшонъ, да умень... и... и..., однимъ словомъ, чортъ съ ними!

Я нагло обвелъ ихъ всѣхъ осоловѣлыми глазами. Но они точно ужъ меня позабыли совсѣмъ. У *нихъ* было шумно, крикливо, весело. Говорилъ все Звѣрковъ. Я началъ прислушиваться. Звѣрковъ разсказывалъ о какой-то пышной дамѣ, которую онъ довелъ-таки, наконецъ, до признанья (разумѣется, лгалъ, какъ лошадь) и что въ этомъ дѣлѣ особенно помогалъ ему

его интимный другъ, какой-то князекъ, гусарь Коля, у котораго три тысячи душъ.

— А между тѣмъ этого Коли, у котораго три тысячи душъ, здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ, проводить-то васъ, — ввязался я вдругъ въ разговоръ. На минуту всѣ замолчали.

— Вы ужь о сю пору пьяны, — согласился, наконецъ, замѣтить меня Трудолюбовъ, презрительно на-косясь въ мою сторону. Звѣрковъ молча разсматривалъ меня, какъ букашку. Я опустилъ глаза. Симоновъ поскорѣй началъ разливать шампанское.

Трудолюбовъ поднялъ бокалъ, за нимъ всѣ, кромѣ меня.

— Твое здоровье и счастливаго пути! — крикнулъ онъ Звѣркову; — за старые годы, госнода, за наше будущее, ура!

Всѣ выпили и полѣзли цѣловаться съ Звѣрковымъ. Я не трогался; полный бокалъ стоялъ передо мной непочатый.

— А вы развѣ не станете пить? — заревѣлъ, потерявшій терпѣніе, Трудолюбовъ, грозно обращаясь ко мнѣ.

— Я хочу сказать спичъ съ своей стороны, особливо . . . и тогда выпью, господинъ Трудолюбовъ.

— Противная злючка! — проворчалъ Симоновъ.

Я выпрямился на стулѣ и взялъ бокалъ въ лихорадкѣ, готовясь къ чему-то необыкновенному, и самъ еще не зная, что именно я скажу.

— Silence! — крикнулъ Ферфичкинъ. — То-то ума-то будетъ! — Звѣрковъ ждалъ очень серьезно, понимая въ чемъ дѣло.

— Господинъ поручикъ Звѣрковъ, — началъ я, — знайте, что я ненавижу фразу, фразеровъ и тальи съ перехватами . . . то первый пунктъ, а за симъ послѣдуетъ второй.

Всѣ сильно пошевелились.

— Второй пунктъ: ненавижу клубничку и клубничниковъ. И особенно клубничниковъ!

— Третій пунктъ: люблю правду, искренность и честность, — продолжалъ я почти машинально, потому что самъ начиналъ ужъ леденѣть отъ ужаса, не понимая, какъ это я такъ говорю . . . — Я люблю мысль, мсье Звѣрковъ; я люблю настоящее товарищество, на равной ногѣ, не . . . гм. Я люблю . . . А впрочемъ, отчего жъ? И я выпью за ваше здоровье, мсье Звѣрковъ. Прельщайте черкешенокъ, стрѣляйте враговъ отечества и . . . и . . . За ваше здоровье, мсье Звѣрковъ!

Звѣрковъ всталъ со стула, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

Онъ былъ ужасно обиженъ и даже поблѣднѣлъ.

— Чортъ возьми, — заревѣлъ Трудолюбовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ-съ, за это по рожѣ бьютъ! — взвизнулъ Ферфичкинъ.

— Выгнать его надо! — проворчалъ Симоновъ.

— Ни слова, господа, ни жеста! — торжественно крикнулъ Звѣрковъ, останавливая общее негодованіе. — Благодарю васъ всѣхъ, но я самъ сумѣю доказать ему, насколько цѣню его слова.

— Господинъ Ферфичкинъ, завтра же вы мнѣ дадите удовлетвореніе за ваши сейчаснія слова! — громко сказалъ я, важно обращаясь къ Ферфичкину.

— То-есть дуэль-съ? Извольте-съ, — отвѣчалъ тотъ, но вѣрно я былъ такъ смѣшонъ, вызывая, и такъ это не шло къ моей фигурѣ, что всѣ, а за всѣми и Ферфичкинъ, такъ и легли со смѣху.

— Да, конечно, бросить его! Вѣдь совсѣмъ ужъ пьянъ! — съ омерзѣніемъ проговорилъ Трудолюбовъ.

— Никогда не прощу себѣ, что его записалъ! — проворчалъ опять Симоновъ.

«Вотъ теперъ бы и пустить бутылкой во всѣхъ»,

— подумалъ я, взявъ бутылку и . . . налилъ себѣ полный стаканъ.

« . . . Пить, лучше досижу до конца! — продолжалъ я думать, — вы были бы рады, господа, чтобъ я ушла. Ни за что. Нарочно буду сидѣть и пить до конца, въ знакъ того, что не придаю вамъ ни малѣйшей важности. Буду сидѣть и пить, потому что здѣсь кабакъ, а и деньги за входъ заплатилъ. Буду сидѣть и пить, потому что васъ за пѣшекъ считаю, за пѣшекъ не существующихъ. Буду сидѣть и пить . . . и пѣть, если захочу, да-съ, и пѣть, потому что право такое имѣю . . . чтобъ пѣть . . . гм».

Но я не пѣлъ. Я старался только ни на кого изъ нихъ не глядѣть; принималъ независимѣйшія позы и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда со мной они сами, *первые*, заговорятъ. Но увы, они не заговорили. И какъ бы, какъ бы я желалъ въ эту минуту съ ними помириться! Пробыло восемь часовъ, наконецъ, девять. Они перешли со стола на диванъ. Звѣрковъ разлегся на кушеткѣ, положивъ одну ногу на круглый столикъ. Туда перенесли и вино. Онъ, дѣйствительно, выставилъ имъ три бутылки своихъ. Меня, разумѣется, не пригласилъ. Всѣ обсѣли его на диванѣ. Они слушали его чуть не съ благоговѣніемъ. Видно было, что его любили. «За что? За что?» думалъ я про себя. Изрѣдка они приходили въ пьяный восторгъ и цѣловались. Они говорили о Кавказѣ, о томъ, что такое истинная страсть, о гальбикѣ, о выгодныхъ мѣстахъ по службѣ; о томъ, сколько доходу у гусара Подхаржевскаго, котораго никто изъ нихъ не зналъ лично, и радовались, что у него много доходу; о необыкновенной красотѣ и граціи княгини Д—й, которую тоже никто изъ нихъ никогда не видалъ: наконецъ, дошло до того, что Шекспиръ безсмертенъ.

Я презрительно улыбался и ходилъ по другую сторону комнаты, прямо противъ дивана, вдоль стѣны, отъ стола до печки и обратно. Всѣми силами я хотѣлъ

показать, что могу и безъ нихъ обойтись; а между тѣмъ нарочно стучалъ сапогами, становясь на каблукки. Но все было напрасно: *они-то* и не обращали вниманія. Я имѣлъ терпѣніе проходить такъ, прямо передъ ними, съ восьми до одиннадцати часовъ, все по одному и тому же мѣсту, отъ стола до печки и отъ печки обратно къ столу: «Такъ, хожу себѣ и никто не можетъ мнѣ запретить». Входившій въ комнату слуга нѣсколько разъ останавливался смотрѣть на меня: отъ частыхъ оборотовъ у меня кружилась голова; минутами мнѣ казалось, что я въ бреду. Въ эти три часа я три раза вспотѣлъ и просохъ. Порой, съ глубочайшею, съ ядовитою болью вонзалась въ мое сердце мысль, что пройдетъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я все-таки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и съ униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстиѣе и добровольнѣе унижать себя самому было ужъ невозможно, и я вполне, вполне понималъ это и все-таки продолжалъ ходить отъ стола до печки и обратно. «О, если бъ вы только знали, на какія чувства и мысли способенъ я, и какъ я развить!» думалъ я минутами, мысленно обращаясь къ дивану, гдѣ сидѣли враги мои. Но враги мои вели себя такъ, какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Разъ, одинъ только разъ они обернулись ко мнѣ, именно, когда Звѣрковъ заговорилъ о Шекспирѣ, а я вдругъ презрительно захохоталъ. Я такъ выдѣланно и гадко фыркнулъ, что они всѣ разомъ прервали разговоръ и молча наблюдали минуты двѣ, серьезно, не смѣясь, какъ я хожу по стѣнкѣ, отъ стола до печки, и какъ *не обращаю на нихъ никакого вниманія*. Но ничего не вышло: они не заговорили и черезъ двѣ минуты опять меня бросили. Пробыло одиннадцать.

— Господа, — закричалъ Звѣрковъ, подымаясь съ дивана. — Теперь всѣ *туда*.

— Конечно, конечно! — заговорили другie.

Я круто поворотить къ Звѣркову. Я былъ до того измученъ, до того изломанъ, что хоть зарѣзаться, а покончить. У меня была лихорадка; смоченные потомъ волосы присохли ко лбу и вискамъ.

— Звѣрковъ! Я прошу у васъ прощенья, — ска-
заль я рѣзко и рѣшительно; — Ферфичкинъ, и у васъ
тоже, у всѣхъ, у всѣхъ, я обидѣлъ всѣхъ!

— Ага! Дуэль-то не свой брать! — ядовито про-
шипѣлъ Ферфичкинъ.

Меня больно рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ, я не дуэли боюсь, Ферфичкинъ! Я го-
товъ съ вами же завтра драться, уже послѣ примире-
нія. Я даже настаиваю на этомъ, и вы не можете мнѣ
отказать. Я хочу доказать вамъ, что я не боюсь дуэли.
Вы будете стрѣлять первый, а я выстрѣлю на воздухъ.

— Самъ себя тѣшить, — замѣтилъ Симоновъ.

— Просто сбрендилъ! — отозвался Трудолюбовъ.

— Да позвольте пройти, что вы поперекъ дороги
стали!.. Ну чего вамъ надобно? — презрительно отвѣ-
чалъ Звѣрковъ. Всѣ они были красивые; глаза у нихъ
блистали: много пили.

— Я прошу вашей дружбы, Звѣрковъ, я васъ оби-
дѣлъ, но...

— Обидѣли? В-вы! Ме—ня! Знайте, милостивый
государь, что вы никогда и ни при какихъ обстоятель-
ствахъ не можете *меня* обидѣть.

— И довольно съ васъ, прочь! — скрѣпилъ Тру-
долюбовъ. — Ёдемъ.

— Олимпія моя, господа, уговоръ! — крикнулъ
Звѣрковъ.

— Не оспариваемъ! Не оспариваемъ! — отвѣчали
ему, смѣясь.

Я стоялъ оплеванный. Ватага шумно выходила
изъ комнаты, Трудолюбовъ затянулъ какую-то глупую

пѣсню. Симоновъ остался на крошечную минутку, чтобъ дать на чай слугамъ. Я вдругъ подошелъ къ нему.

— Симоновъ! Дайте мнѣ шесть рублей! — сказалъ я рѣшительно и отчаянно.

Онъ поглядѣлъ на меня въ чрезвычайномъ изумленіи какими-то тупыми глазами. Онъ тоже былъ пьянъ.

— Да развѣ вы и *туда* съ нами?

— Да!

— У меня денегъ нѣтъ! — отрѣзалъ онъ, презрительно усмѣхнувшись и пошелъ изъ комнаты.

Я схватилъ его за шинель. Это былъ кошмаръ.

— Симоновъ! Я видѣлъ у васъ деньги, зачѣмъ вы мнѣ отказываете? Развѣ я подлецъ? Берегитесь мнѣ отказать: если бъ вы знали, если бъ вы знали, для чего я прошу! Отъ этого зависитъ все, все мое будущее, всѣ мои планы . . .

Симоновъ вынулъ деньги и чуть не бросилъ ихъ мнѣ.

— Возьмите, если вы такъ безсовѣстны! — безжалостно проговорилъ онъ и побѣждалъ догонять ихъ.

Я остался на минуту одинъ. Беспорядокъ, объѣдки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирсъ, хмель и бредъ въ головѣ, мучительная тоска въ сердцѣ и, наконецъ, лакей, все видѣвшій и все слышавшій и любопытно заглядывавшій мнѣ въ глаза.

«*Туда!* — вскрикнулъ я. — Или они всѣ на колѣняхъ, обнимая ноги мои, будутъ вымаливать дружбы, или . . . или я дамъ Звѣркову пощечину!»

V

«Такъ вотъ оно, такъ вотъ оно, наконецъ, столкновение-то съ дѣйствительностью, — бормоталъ я, сбѣгая стремглавъ съ лѣстницы. — Это, знать, ужъ не папа, оставляющій Римъ и уѣзжающій въ Бразилію; это, знать, ужъ не балъ на озерѣ Комо!»

«Подлецъ ты! — пропелось въ моей головѣ, — коли надъ этимъ теперь смѣешься».

«Пусть! — крикнулъ я, отвѣчая себѣ. — Теперь вѣдь ужъ все погибло!»

Ихъ ужъ и слѣдъ простылъ; но все равно: я зналъ, куда они поѣхали.

У крыльца стоялъ одинокий ванька, починивъ, въ сермягѣ, весь запорошенный все еще валившимся мокрымъ и какъ будто теплымъ снѣгомъ. Было парно и душно. Маленькая лохматая, пѣгая лошаденка его была тоже вся запорошена и капляла, я это очень помню. Я бросился въ лубошныя санки, но только было я занесъ ногу, чтобъ сѣсть, воспоминаніе о томъ, какъ Симоновъ сейчасъ давалъ мнѣ шесть рублей, такъ и подкосило меня, и я, какъ мѣшокъ, повалился въ санки.

«Нѣтъ! Надо много сдѣлать, чтобъ все это выкупить! — прокричалъ я; — но я выкуплю, или въ эту ночь погибну на мѣстѣ». — Пошелъ!

Мы тронулись. Цѣлый вихрь кружился въ моей головѣ:

«На колѣняхъ умолять о моей дружбѣ — они не стануть. Это миражъ, пошлый миражъ, отвратительный, романтическій и фантастическій; тотъ же балъ на озерѣ Комо. И потому я *долженъ* дать Звѣркову пощечину! Я обязанъ дать. Итакъ, рѣшено; я лечу теперь дать ему пощечину». — Погоняй!

Ванька задергалъ вожжами.

«Какъ войду, такъ и дамъ. Надобно ли сказать передъ пощечиной нѣсколько словъ, въ видѣ предисловія? Нѣтъ. Просто войду и дамъ. Они все будутъ сидѣть въ залѣ, а онъ на диванѣ съ Олимпіей. Проклятая Олимпія! Она смѣялась разъ надъ моимъ лицомъ и отказалась отъ меня. Я отгаскаю Олимпію за волосы, а Звѣркова за уши! Нѣтъ, лучше за одно ухо и за ухо проведу его по всей комнатѣ. Они, можетъ быть, все

начнуть меня бить и вытолкають. Это даже навѣрно. Пусть! Все же я первый далъ пощечину; моя инициатива; а по законамъ чести это все: онъ уже заклеимень и никакими побоями ужъ не смоеть съ себя пощечины, кромѣ какъ дуэлью. Онъ долженъ будетъ драться. Да и пусть они теперь бьютъ меня. Пусть, неблагодарные! Особенно будетъ бить Трудолюбовъ: онъ такой сильный; Ферфичкинъ прицѣпится сбоку и непремѣнно за волосы, навѣрно. Но пусть, пусть! Я на то пошелъ. Ихъ бараньи башки принуждены же будутъ раскусить, наконецъ, во всемъ этомъ трагическое! Когда они будутъ тащить меня къ дверямъ, я закричу имъ, что въ сущности они не стоятъ моего одного мизинца». — Погоняй, извозчикъ, погоняй! — закричалъ я на ваньку. Онъ даже вздрогнулъ и взмахнулъ кнутомъ. Очень ужъ дико я крикнулъ.

«На разсвѣтѣ деремся, это ужъ рѣшено. Съ департаментомъ кончено. Ферфичкинъ сказалъ давеча вмѣсто департамента — лепартаментъ. Но гдѣ взять пистолетовъ? Вздоръ! Я возьму впередъ жалованья и куплю. А пороху, а пуль? Это дѣло секунданта. И какъ успѣть все это къ разсвѣту? И гдѣ я возьму секунданта? У меня нѣтъ знакомыхъ... Вздоръ! — крикнулъ я, взвихриваясь еще больше, — вздоръ! Первый встрѣчный на улицѣ, къ которому я обращусь, обязанъ быть моимъ секундантомъ, точно такъ же какъ вытащить изъ воды утопающаго. Самые эксцентрическіе случаи должны быть допущены. Да если бъ я самого даже директора завтра попросилъ въ секунданты, то и тотъ долженъ бы былъ согласиться, изъ одного рыцарскаго чувства, и сохранить тайну! — Антонъ Антонычъ...»

Дѣло въ томъ, что въ ту же самую минуту мнѣ яснѣе и ярче, чѣмъ кому бы то ни было во всемъ мірѣ, представилась вся гнуснѣйшая нечѣпость моихъ предположеній и весь оборотъ медали, но...

— Погоняй, извозчикъ, погоняй, шельмецъ, погоняй!

— Эхъ, баринъ! — проговорила земская сила.

Холодъ вдругъ обдалъ меня.

«А не лучше ли... а не лучше ли... прямо теперь же домой? О, Боже мой! Зачѣмъ, зачѣмъ вчера я вызвался на этотъ обѣдъ! Но нѣтъ, невозможно! А прогулка-то три часа отъ стола до печки? Нѣтъ, они, они, а не кто другой должны расплатиться со мною за эту прогулку! Они должны смыть это безчестіе!» — Погоняй!

«А что если они меня въ часть отдадутъ! Не посмѣютъ! Скандала побоятся. А что если Звѣрковъ изъ презрѣнья откажется отъ дуэли? Это даже навѣрно: но я докажу имъ тогда... Я брошусь тогда на почтовый дворъ, когда онъ будетъ завтра уѣзжать, схвачу его за ногу, сорву съ него шинель, когда онъ будетъ въ повозку влѣзать. Я зубами вдѣлюсь ему въ руку, я укушу его. «Смотрите всѣ, до чего можно довести отчаяннаго человѣка!» Пусть онъ бьетъ меня въ голову, а всѣ они сзади. Я всей публикѣ кричу: «смотрите, вотъ молодой щенокъ, который ѣдетъ плѣнять черкешенокъ съ моимъ плевкомъ на лицѣ!»

Разумѣется, послѣ этого все уже кончено! Департаментъ исчезъ съ лица земли. Меня схватятъ, меня будутъ судить, меня выгонять изъ службы, посадятъ въ острогъ, пошлютъ въ Сибирь, на поселеніе. Нужды нѣтъ! Черезъ пятнадцать лѣтъ я потащусь за нимъ въ рубищѣ, нищимъ, когда меня выпустятъ изъ острога. Я отыщу его гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ. Онъ будетъ женатъ и счастливъ. У него будетъ взрослая дочь... Я скажу: «смотри, извергъ, смотри на мои ввалившіяся щеки и на мое рубище! Я потерялъ все, — карьеру, счастье, искусство, науку, любимую женщину, и все изъ-за тебя. Вотъ пистолеты. Я пришелъ

разрядить свой пистолетъ и... и прощаю тебя». Тутъ я выстрѣлю на воздухъ и обо мнѣ ни слуху ни духу...

Я было даже заплакалъ, хотя совершенно точно зналъ, въ это же самое мгновеніе, что все это изъ *Сильвіо* и изъ *Маскарада* Лермонтова. И вдругъ мнѣ стало ужасно стыдно, до того стыдно, что я остановилъ лошадь, вылѣзъ изъ саней и сталъ въ снѣгъ среди улицы. Ванька съ изумленіемъ и вздыхая смотрѣлъ на меня.

Что было дѣлать? И туда было нельзя — выходилъ вздоръ, и оставигъ дѣла нельзя, потому что ужъ тутъ выйдетъ... Господи! Какъ же это можно оставить! И послѣ такихъ обидъ! «Нѣтъ! — вскрикнулъ я, снова кидаюсь въ сани; — это предназначено, — это рокъ!» — Погоняй, погоняй, туда!

И въ нетерпѣиши я ударилъ кулакомъ извозчика въ шею.

— Да что ты, чего дерешься? — закричалъ мужичонка, стегая однакожь клячу, такъ что та начала лягаться задними ногами.

Мокрый снѣгъ валилъ хлопьями; я раскрылся, мнѣ было не до него. Я забылъ все прочее, потому что околпательно рѣшился на пощечину, и съ ужасомъ ощущалъ, что это вѣдь ужъ *непремѣнно сейчасъ* теперь случится и *ужъ никакими силами остановить нельзя*. Пустынные фонари угрюмо мелькали въ снѣжной мглѣ, какъ факелы на похоронахъ. Снѣгъ набился мнѣ подъ шинель, подъ сюртукъ, подъ галстухъ и тамъ таялъ; я не закрывался: вѣдь ужъ и безъ того все было потеряно! Наконецъ, мы подъѣхали. Я выскочилъ почти безъ памяти, вбѣжалъ по ступенькамъ и началъ стучать въ дверь руками и ногами. Особенно ноги, въ колѣнкахъ, у меня ужасно слабѣли. Какъ-то скоро отворили, точно знали о моемъ приѣздѣ. (Дѣйствительно, Симоновъ предупредилъ, что, можетъ быть, еще будетъ одинъ, а здѣсь надо было предупредомлять

и вообще брать предосторожности. Это были одни изъ тѣхъ тогдашнихъ модныхъ магазиновъ, которые давно уже теперь истреблены полиціей. Днемъ и въ самомъ дѣлѣ это были магазинъ; а по вечерамъ имѣющимъ рекомендацію можно было прѣвращать въ гости.) Я прошелъ скорыми шагами черезъ темную лавку въ знакомый мнѣ залъ, гдѣ горѣла всего одна свѣчка, и остановился въ недоумѣніи: никого не было.

— Гдѣ же они? — спросилъ я кого-то.

Но они, разумѣется, уже успѣли разойтись...

Передо мной стояла одна личность, съ глухой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Черезъ минуту отворилась дверь, и вошла другая личность.

Не обращая ни на что вниманія, я шагаль по комнатѣ и, кажется, говорилъ самъ съ собой. Я былъ точно отъ смерти спасенъ и всеѣмъ существомъ своимъ радостно это предчувствовалъ: вѣдь я бы далъ пощечину, я бы непременно, непременно далъ пощечину! Но теперь ихъ нѣтъ и... все исчезло, все перемѣнилось!... Я оглядывался. Я еще не могъ сообразить. Машинально я взглянулъ на вошедшую дѣвушку: передо мной мелькнуло свѣжее, молодое, нѣсколько блѣдное лицо, съ прямыми темными бровями, съ серьезнымъ и какъ бы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Мнѣ это тотчасъ же понравилось; я бы возненавидѣлъ ее, если бъ она улыбалась. Я сталъ вглядываться пристальнѣе и какъ бы съ усиленіемъ: мысли еще не все собрались. Что-то простодушное и доброе было въ этомъ лицѣ, но какъ-то до странности серьезное. Я увѣренъ, что она этимъ здѣсь проигрывала, и изъ тѣхъ дураковъ ее никто не замѣтилъ. Впрочемъ, она не могла назваться красавицей, хоть и была высокаго роста, сильна, хорошо сложена. Одѣта чрезвычайно просто. Что-то гадкое укусило меня; я подошелъ прямо къ ней...

Я случайно поглядѣлся въ зеркало. Вздурораженное лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратитель-

нымъ: блѣдное, злое, подлое, съ лохматыми волосами. «Это пусть, этому я радъ, подумаль я; я именно радъ, что покажусь ей отвратительнымъ; мнѣ это пріятно» . . .

VI

Гдѣ-то за перегородкой, какъ будто отъ какого-то сильнаго давленія, какъ будто кто-то душилъ ихъ — захрипѣли часы. Послѣ неестественнаго долгаго хрипѣнья послѣдовалъ тоненькій, гаденькій и какъ-то неожиданно-частый звонъ, — точно кто-то вдругъ впередъ выскочилъ. Пробило два. Я очнулся, хоть и не спалъ, а только лежалъ въ полузабытѣи.

Въ комнатѣ узкой, тѣсной и низкой, загроможденной огромнымъ платянымъ шкапомъ и забросанной картошками, тряпьемъ и всяческимъ одежнымъ хламомъ, было почти совсѣмъ темно. Огарокъ, свѣтившій на столѣ въ концѣ комнаты, совсѣмъ потухалъ, изрѣдка чуть-чуть вспыхивая. Черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить совершенная тьма.

Я приходилъ въ себя недолго; все разомъ, — безъ усилій, тотчасъ же мнѣ вспомнилось, какъ будто такъ и сторожило меня, чтобъ опять накинуться. Да и въ самомъ забытѣи все-таки въ памяти постоянно оставалась какъ будто какая-то точка, никакъ не забывавшаяся, около которой тяжело ходили мои сонныя грезы. Но странно было: все, что случилось со мной въ этотъ день, показалось мнѣ теперь, по пробужденіи, уже давнымъ-давно прошедшимъ, какъ будто я уже давно-давно выжилъ изъ всего этого.

Въ головѣ былъ угарь. Что-то какъ будто носилось надо мной и меня задѣвало, возбуждало и беспокоило. Тоска и желчь снова накалились и искали исхода. Вдругъ, рядомъ со мной, я увидѣлъ два открытые глаза, любопытно и упорно меня разсматривавшіе. Взглядъ

быть холодно-безучастно, угрюмый, точно овеять чужой, тяжело от него было.

Угрюмая мысль зародилась въ моемъ мозгу и прошла по всему тѣлу какимъ-то сибирскимъ ощущеніемъ, похожимъ на то, когдаходишь въ подполье, сырое и затхлое. Какъ-то неестественно было, что именно только теперь эти два глаза вздумали меня начать разсматривать. Вспомнилось мнѣ тоже, что въ продолженіе двухъ часовъ я не сказалъ съ этимъ существомъ ни одного слова и совершенно не считъ этого нужнымъ; даже это мнѣ давеча почему-то правилось. Теперь же мнѣ вдругъ ярко представилась нелѣпная, отъратительная, какъ наука, идея разврата, который безъ любви, грубо и безстыже, начинается прямо съ того, чѣмъ настоящая любовь вѣщается. Мы долго смотрѣли такъ другъ на друга, но глазъ своихъ она передъ моими не опускала и взгляда своего не мѣняла, такъ что мнѣ стало, наконецъ, отчего-то жутко.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ я отрывисто, чтобъ поскорѣе кончить.

— Лизой, — отвѣтила она почти шопотомъ, но какъ-то совсѣмъ непривѣтливо и отвела глаза.

Я помолчалъ.

— Сегодня погода... снѣгъ... гадко! — проговорилъ я почти про себя, тоскливо заложивъ руку за голову и смотря въ потолокъ.

Она не отвѣчала. Безобразно все это было.

— Ты здѣшняя? — спросилъ я черезъ минуту, почти въ сердцахъ, слегка позоротивъ къ ней голову.

— Нѣтъ.

— Откуда?

— Изъ Риги, — проговорила она нехотя.

— Нѣмка?

— Русская.

— Давно здѣсь?

— Гдѣ?

— Въ домѣ.

— Двѣ недѣли. — Она говорила все отрывистѣе и отрывистѣе. Свѣчка совершенно потухла; я не могъ уже различить ея лица.

— Отецъ и мать есть?

— Да... нѣтъ... есть.

— Гдѣ они?

— Тамъ... въ Ригѣ.

— Кто они?

— Такъ...

— Какъ такъ? Кто, какого званія?

— Мѣщане.

— Ты все съ ними жила?

— Да.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать.

— Зачѣмъ же ты отъ нихъ ушла?

— Такъ...

Это *такъ* означало: отвяжись, тошно. Мы замолчали.

Богъ знаетъ почему я не уходилъ. Миѣ самому становилось все тошнѣе и тоскливѣе. Образы всего прошедшаго дня какъ-то сами собой, безъ моей воли, беспорядочно стали проходить въ моей памяти. Я вдругъ вспомнилъ одну сцену, которую видѣлъ утромъ на улицѣ, когда озабоченно трусилъ въ должность.

— Сегодня гробъ выносили и чуть не уронили, — вдругъ проговорилъ я вслухъ, совсѣмъ и не желая начинать разговора, а такъ, почти нечаянно.

— Гробъ?

— Да, на Сѣнной; выносили изъ подвала.

— Изъ подвала?

— Не изъ подвала, а изъ подвального этажа... ну знаешь... тамъ, внизу... изъ дурного дома... Грязь такая была кругомъ... Скорлупа, соръ... пахло, мерзко было.

Молчаніе.

— Скверно сегодня хоронить! — началъ я опять, чтобы только не молчать.

— Чѣмъ скверно?

— Снѣгъ, мокредь... (Я зѣвнулъ.)

— Все равно, — вдругъ сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья.

— Нѣтъ, гадко... (я опять зѣвнулъ). Могильщики вѣрно ругались, оттого что снѣгъ мочилъ. А въ могилѣ вѣрно была вода.

— Отчего въ могилѣ вода? — спросила она съ какимъ-то любопытствомъ, по выговаривая еще грубѣе и отрывочнѣе, чѣмъ прежде. Меня вдругъ что-то начало подзадоривать.

— Какъ же, вода, на днѣ, вершковъ на шесть. Тутъ ни одной могилы, на Волковомъ, сухой не выраешь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Мѣсто водяное такое. Здѣсь вездѣ болота. Такъ въ воду и кладутъ. Я видѣлъ самъ... много разъ...

(Ни одного разу я не видалъ, да и на Волковомъ никогда не былъ, а только слышалъ, какъ рассказывали.)

— Неужели тебѣ все равно, умирать-то?

— Да зачѣмъ я помру? — отвѣчала она, какъ бы защищаясь.

— Когда-нибудь да умрешь же, и такъ же точно умрешь, какъ давешняя покойница. Это была... тоже дѣвушка одна... Въ чахоткѣ померла.

— Дѣвка въ больницѣ бы померла... (Она ужъ объ этомъ знаетъ, подумать я, и сказала: дѣвка, а не дѣвушка.)

— Она хозяйкѣ должна была, — возразилъ я, все болѣе и болѣе подзадориваясь споромъ, — и до самаго почти конца ей служила, хотъ и въ чахоткѣ была. Извозчики кругомъ говорили съ солдатами, рассказывали

это. Вѣрно ея знакомые бывшіе. Смѣялись. Еще въ кабакъ ея помянуть собирались. (Я и тутъ много при-
вралъ.)

Молчаніе, глубокое молчаніе. Она даже не шеве-
лилась.

— А въ больницѣ-то, лучше, что ль, помирать?

— Не все ль одно?.. Да съ чего мнѣ помирать?
— прибавила она раздражительно.

— Не теперь, такъ потомъ?

— Ну и потомъ...

— Какъ бы не такъ! — Ты вотъ теперь молода,
хороша, свѣжа — тебя во столько и цѣнятъ. А черезъ
годъ этой жизни ты не то ужъ будешь, увянешь.

— Черезъ годъ?

— Во всякомъ случаѣ, черезъ годъ тебѣ будетъ
меньше цѣна, — продолжалъ я съ злорадствомъ. — Ты
и перейдешь отсюда куда-нибудь ниже, въ другой домъ.
Еще черезъ годъ — въ третій домъ, все ниже и ниже,
а лѣтъ черезъ семь и дойдешь на Сѣнной до подвала.
Это еще хорошо бы. А вотъ бѣда, коль у тебя кромѣ
того объявится какая болѣзнь, ну, тамъ слабость гру-
ди... аль сама простудишься, али что-нибудь. Въ
такой жизни болѣзнь туго проходитъ. Привяжется,
такъ, пожалуй, и не отвяжется. Вотъ и помрешь.

— Ну и помру, — отвѣтила она совсѣмъ ужъ
злобно и быстро пошевелинулась.

— Да вѣдь жалко.

— Кого?

— Жизни жалко.

Молчанье.

— У тебя былъ женихъ? А?

— Вамъ на что?

— Да я тебя не допытываю. Мнѣ что. Чего ты
сердишься? У тебя, конечно, могли быть свои неприя-
тности. Чего мнѣ? А такъ, жаль.

— Кого?

— Тебѣ жаль.

— Нечего... — шепнула она чуть слышно и опять шевельнулась.

Меня это тотчасъ же подбодрило. Какъ! Я такъ былъ кротко съ ней, а она...

— Да ты что думаешь? На хорошей ты дорогѣ, а?

— Ничего я не думаю.

— То и худо, что не думаешь. Очнись, пока время есть. А время-то есть. Ты еще молода, собой хороша; могла бы полюбить, замужъ пойти, счастливой быть...

— Не всеѣ замужемъ-то счастливыя. — отрѣзала она прежней грубой скороговоркой.

— Но всеѣ, конечно, — а все-таки лучше гораздо, чѣмъ здѣсь. Не въ примѣръ лучше. А съ любовью и безъ счастья можно прожить. И въ горѣ жизнь хороша, хорошо жить на свѣтѣ, даже какъ бы ни жить. А здѣсь что, кромѣ... смрада. Фуи.

Я повернулся съ омерзѣньемъ; я уже не холодно резонерствовалъ. Я самъ начиналъ чувствовать, что говорю, и горячился. Я уже свои завѣтныя *идейки*, въ углу выжитыя, жаждалъ изложить. Что-то вдругъ во мнѣ загорѣлось, какая-то цѣль «явилась».

— Ты не смотри на меня, что я здѣсь, я тебѣ не примѣръ. Я, можетъ, еще тебя хуже. Я, впрочемъ, пьяный сюда зашелъ, — поспѣшилъ я все-таки оправдать себя. — Къ тому жъ мужчина женщинѣ совсѣмъ не примѣръ. Дѣло розное; я хоть и гажу себя и ма-раю, да зато ничей я не рабъ; былъ да и пошелъ и нѣтъ меня. Страхнулъ съ себя и опять не тотъ. А взять то, что ты съ перваго начала — раба. Да, раба! Ты все отдаешь, всю волю. И порвать потомъ эти цѣпи захочешь, да ужъ нѣтъ; все крѣпче тебя будетъ опутывать. Это ужъ такая цѣпь проклятая. Я ее знаю. Ужъ о другомъ я не говорю, ты и не поймешь, по-

жалуй, а вотъ скажи-ка: вѣдь ты навѣрно ужъ хозяйкѣ должна? Ну, вотъ видишь! — прибавилъ я, хотя она не отвѣтила, а только молча, всѣмъ существомъ своимъ слушала; — вотъ тебѣ и цѣпь! Ужъ никогда не откупишься. Такъ сдѣлають. Все равно что чорту душу...

...И къ тому жъ я... можетъ быть, тоже такой же несчастный, почему ты знаешь, и нарочно въ грязь лѣзу, тоже съ тоски. Вѣдь пьютъ жъ съ горя: ну, а я вотъ здѣсь — съ горя. Ну, скажи, ну что тутъ хорошаго: вотъ мы съ тобой... сошлись... давеча, и слова мы во все время другъ съ дружкой не молвили, и ты меня, какъ дикая, ужъ потомъ разсматривать стала; и я тебя также. Развѣ этакъ любятъ? Развѣ этакъ человѣкъ съ человѣкомъ сходиться долженъ? Это безобразіе одно, вотъ что!

— Да! — рѣзко и поспѣшно она мнѣ поддакнула. Меня даже удивила поспѣшность этого *да*... Значить, и у ней, можетъ быть, та же самая мысль бродила въ головѣ, когда она давеча меня разсматривала? Значить, и она уже способна къ нѣкоторымъ мыслямъ?.. Чортъ возьми, это любопытно, это — *сродни*, думалъ я, чуть не потирая себѣ руки. Да и какъ съ молодой такой душой не справиться!..

Болѣе всего меня игра увлекала.

Она повернула свою голову ближе ко мнѣ и, показалось мнѣ въ темнотѣ, подперлась рукой. Можетъ быть, меня разсматривала. Какъ жалѣлъ я, что не могъ разглядѣть ея глазъ. Я слышалъ ея глубокое дыханье.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхала? — началъ я уже съ нѣкоторою властью.

— Такъ...

— А вѣдь какъ хорошо въ отцовскомъ-то бы домѣ жить! Тепло, привольно; гнѣздо свое.

— А коль того хуже?

«Въ тоиъ надо покасть, — мелькнуло во мнѣ; — сентиментальностью-то, пожалуй, не много возьмешь».

Впрочемъ, это такъ только мелькнуло. Клянусь, она и въ самомъ дѣлѣ меня интересовала. Къ тому же я былъ какъ-то расслабленъ и настроенъ. Да и плутовство вѣдь такъ легко уживается съ чувствомъ.

— Кто говорить! — поспѣшила я отвѣтить; — все бываетъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что тебя кто-нибудь обидѣлъ и скорбѣи передъ тобой виноваты, чѣмъ ты передъ ними. Я вѣдь ничего изъ твоей исторіи не знаю, но такая дѣвушка, какъ ты, вѣрно не съ охоты своей сюда попадетъ...

— Какая такая я дѣвушка? — прошептала она едва слышно, но я разслышалъ.

Чортъ возьми, да я лъщу. Это гадко. А можетъ, и хорошо... Она молчала.

— Видишь, Лиза, — я про себя скажу! Была бы у меня семья съ дѣтства, не такой бы я былъ, какъ теперь. Я объ этомъ часто думаю. Вѣдь какъ бы ни было въ семьѣ худо — все отецъ съ матерью, а не враги, не чужіе. Хотя въ годъ разъ любовь тебѣ покажутъ. Все-таки ты знаешь, что ты у себя. Я вотъ безъ семьи выросъ; оттого вѣрно такой и вышелъ... безчувственный.

Я выждалъ опять.

«Пожалуй, и не понимаетъ, — думалъ я; — да и смѣшно: — мораль».

— Если бъ я былъ отецъ и была бъ у меня своя дочь, я бы, кажется, дочь больше чѣмъ сыновей любилъ, право; — началъ я сбоку, точно не объ томъ, чтобъ развлечь ее. Признаюсь, я краснѣлъ.

— Это зачѣмъ? — спросила она.

А, стало быть, слушаетъ!

— Такъ; не знаю, Лиза. Видишь: я зналъ одного отца, который былъ строгій, суровый человекъ, а передъ дочерью на колѣнкахъ простаивалъ, руки, ноги ей

цѣловаль, налюбоваться не могъ, право. Она танцуетъ на вечерѣ, а онъ стоитъ пять часовъ на одномъ мѣстѣ, съ нея глазъ не спускаеть. Помѣшался на ней: я это понимаю. Она ночью устанетъ — заснетъ; а онъ проснется и пойдетъ сонную ее цѣловать и крестить. Самъ въ сертучишкѣ засаленномъ ходить, для всѣхъ скупой, а ей изъ послѣдняго покупаетъ, подарки дарить богатые, и ужъ радость ему, коль подарокъ понравится. Отецъ всегда дочерей больше любить, чѣмъ мать. Весело иной дѣвушкѣ дома жить! А я бы, кажется, свою дочь замужъ не выдавалъ.

— Да какъ же? — спросила она, чуть-чуть усмѣхнувшись.

— Ревноваль бы, ей-Богу. Ну, какъ это другого она станетъ цѣловать? Чужого больше отца любить? Тяжело это и вообразить. Конечно, все это вздоръ; конечно, всякій подъ конецъ образумится. Но я бѣ, кажется, прежде чѣмъ отдать, ужъ одной заботой себя замучилъ: всѣхъ бы жениховъ перебраковалъ. А кончилъ бы все-таки тѣмъ, что выдалъ бы за того, кого она сама любить. Вѣдь тотъ, кого дочь сама полюбитъ, всегда всѣхъ хуже отцу кажется. Это ужъ такъ. Много изъ-за этого въ семьяхъ худа бываетъ.

— Другіе-то продать рады дочь; не то что честью отдать, — проговорила она вдругъ.

А! Вонъ оно что!

— Это, Лиза, въ тѣхъ семьяхъ проклятыхъ, гдѣ ни Бога, ни любви не бываетъ, — съ жаромъ подхватилъ я, — а гдѣ любви не бываетъ, тамъ и разсудка не бываетъ. Такія есть семьи, правда, да я не объ нихъ говорю. Ты, видно, въ своей семьѣ не видала добра, что такъ говоришь. Подлинно несчастная ты какая-нибудь. Гм... Больше по бѣдности все это бываетъ.

— А у господъ-то лучше что ль? И по бѣдности честные люди хорошо живутъ.

— Гм... да. Можетъ быть. Опять и то, Лиза: че-

ловѣкъ только свое горе любить считать, а счастья своего не считаетъ. А счель бы какъ должно, такъ и увидѣлъ бы, что на всякую долю его запасено. Ну, а что, коли въ семьѣ все удастся, Богъ благословить, мужъ выйдетъ хорошій, любить тебя, лелѣть тебя, не отходить отъ тебя! Хорошо въ той семьѣ! Даже, иной разъ, и съ горемъ пополамъ хорошо; да и гдѣ горя пѣтъ? Выйдешь, можетъ, замужъ, *сама узнаешь*. Зато взять хоть первое-то время замужемъ за тѣмъ, кого любишь: счастья-то сколько иной разъ придетъ! Да и сплошь да рядомъ. Въ первое-то время даже и ссоры съ мужемъ хорошо кончаются. Иная сама чѣмъ больше любить, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право; я зналъ такую: «такъ вотъ, люблю, дескать, очень, и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй». Знаешь ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить? Все больше женщины. А сама про себя думаетъ: «Зато ужъ такъ буду потомъ любить, такъ заласкаю, что не грѣхъ тебѣ теперь и помучить». И въ домѣ-то всѣ на васъ радуются, и хорошо, и весело, и мирно, и честно... Вотъ другія тоже ревнивы бываютъ. Уйдетъ онъ куда, — я зналъ одну, — не стерпитъ, да въ самую ночь и выскочитъ, да и бѣжитъ потихоньку смотрѣть: не тамъ ли, не въ томъ ли домѣ, не съ той ли? Это ужъ худо. И сама знаетъ, что худо, и сердце у ней замираетъ и казнится, да вѣдь любить; все отъ любви. А какъ хорошо послѣ ссоры помириться, самой передъ нимъ повиниться, али простить! И такъ хорошо обнимъ, такъ хорошо вдругъ станеть, — точно вновь они встрѣтились, вновь повѣнчались, вновь любовь у нихъ началась. И никто-то, никто-то не долженъ знать, что между мужемъ и женой происходитъ, коль они любятъ другъ друга. И какая бы ни вышла у нихъ ссора, — мать родную, и ту не должны себѣ въ судьи звать и одинъ про другого рассказывать. Сами они себѣ судьи. Любовь — тайна Божія и отъ всѣхъ глазъ чужихъ должна

быть закрыгга, что бы тамъ ни произошло. Святѣе отъ этого, лучше. Другъ друга больше уважають, а на уваженіи много основано. И коль разъ ужъ была любовь, коль по любви вѣнчались, зачѣмъ любви проходить! Неужто нельзя ее поддержать? Рѣдко такой случай, что нельзя поддержать. Ну, а какъ мужъ человѣкъ добрый и честный удастся, такъ какъ тутъ любовь пройдетъ? Первая брачная любовь пройдетъ, правда, а тамъ придетъ любовь еще лучше. Тамъ душой сойдутся, всѣ дѣла свои сообща положуть; тайны другъ отъ друга не будутъ. А дѣти пойдуть, такъ тутъ каждое, хоть и самое трудное время счастьемъ покажется; только бы любить, да быть мужественнымъ. Тутъ и работа весела, тутъ и въ хлѣбѣ себѣ иной разъ отказываешь для дѣтей, и то весело. Вѣдь они жъ тебя будутъ за это потомъ любить; себѣ же, значить, купишь: — дѣти растутъ, — чувствуешь, что ты имъ примѣръ, что ты имъ поддержка; что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будутъ носить на себѣ, такъ какъ отъ тебя получили, твой образъ и подобіе примутъ. Значить, это великій долгъ. Какъ тутъ не сойтись тѣснѣй отцу съ матерью? Говорять вотъ, дѣтей имѣть тяжело? Кто это говоритъ? Это счастье небесное! Любишь ты маленькихъ дѣтей, Лиза? Я ужасно люблю. Знаешь, — розовенькій такой мальчикъ, грудь тебѣ сосеть, да у какого мужа сердце повернется на жену, глядя, какъ она съ его ребенкомъ сидитъ! Ребеночекъ розовенькій, пухленькій, раскинется, нѣжится; ножки, ручки наливныя, поготовки чистенькіе, маленькіе, такіе маленькіе, что глядѣть смѣшно, глазки, точно ужъ онъ все понимаетъ. А сосеть — грудь тебѣ ручонкой теребитъ, играетъ. Отецъ подойдетъ, — оторвется отъ груди, перегнется весь назадъ, посмотритъ на отца, засмѣется, — точно ужъ и Богъ знаетъ какъ смѣшно, — и опять, опять сосать примется. А то возьметъ, да и прикуситъ матери грудь, коль ужъ

зубки прорѣзываются, а самъ глазами-то косить на нее: «видишь, прикусилъ!» Да развѣ не все тутъ счастье, когда они трое, мужъ, жена и ребенокъ вмѣстѣ? За эти минуты много можно простить. Нѣтъ, Лиза, знать самому сначала нужно жить выучиться, а потомъ ужъ другихъ обвинять!

«Картинками, вотъ этими-то картинками тебя надо! — подумалъ я про себя, хотя, ей-Богу, съ чувствомъ говорилъ, и вдругъ покрасѣлъ. — А ну, если она вдругъ расхохочется, куда я тогда полѣзу?» — Эта идея меня привела въ бѣшенство. Къ концу-то рѣчи я дѣйствительно разгорячился и теперь самолюбие какъ-то страдало. Молчаніе длилось. Я даже хотѣлъ толкнуть ее.

— Чтой-то вы... — начала она вдругъ и остановилась.

Но я уже все понялъ: въ ея голосѣ уже что-то другое дрожало, не рѣзкое, не грубое и несдающееся, какъ недавно, а что-то мягкое и стыдливое, до того стыдливое, что мнѣ самому какъ-то вдругъ передъ ней стыдно стало, виновато стало.

— Что? — спросилъ я съ нѣжнымъ любопытствомъ.

— Да вы...

— Что?

— Что-то вы... точно какъ по книгѣ, — сказала она, и что-то какъ будто насмѣшливое вдругъ опять послышалось въ ея голосѣ.

Больно ущипнуло меня это замѣчанье. Я не того ожидалъ.

Я и не понялъ, что она нарочно маскировалась въ насмѣшку, что это обыкновенная послѣдняя уловка стѣдливыхъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которымъ грубо и навязчиво лѣзутъ въ душу и которые до послѣдней минуты не сдаются отъ гордости и боятся передъ вами высказать свое чувство. Уже по робости, съ ко-

торой она приступала, въ нѣсколько приемовъ, къ своей насмѣшкѣ и, наконецъ, только рѣшилась высказать, я бы долженъ былъ догадаться. Но я не догадался, и злое чувство охватило меня.

«Постой же», — подумалъ я.

VII

— Э, полно, Лиза, какая ужъ тутъ книга, когда мнѣ самому гадко вчужѣ. Да и не вчужѣ. У меня все это теперь въ душѣ проснулось... Неужели, неужели тебѣ самой не гадко здѣсь? Нѣтъ, видно, много значить привычка! Чортъ знаетъ, что привычка можетъ изъ человѣка сдѣлать. Да неужели жъ ты серьезно думаешь, что никогда не состарѣешься, вѣчно хороша будешь и что тебя здѣсь вѣки вѣчные держать будутъ? Я не говорю ужъ про то, что и здѣсь пакость... А, впрочемъ, я вотъ что тебѣ про это скажу, про теперешнее-то твое житье: вотъ ты теперь хоть и молодая, пригожая, хорошая, съ душой, съ чувствомъ; ну, а знаешь ли ты, что вотъ я какъ только давеча очнулся, мнѣ тотчасъ и гадко стало быть здѣсь съ тобой! Только въ пьяномъ видѣ вѣдь и можно сюда попасть. А будь ты въ другомъ мѣстѣ, живи, какъ добрые люди живутъ, такъ я, можетъ быть, не то что волочился бъ за тобой, а просто влюбился бъ въ тебя, радъ бы взгляду былъ твоему, не то что слову; у воротъ бы тебя подстерегалъ, на колѣнкахъ бы передъ тобой выстаивалъ; какъ на невѣсту бъ свою на тебя смотрѣлъ, да еще за честь почиталъ. Подумать про тебя что-нибудь нечистое не осмѣлился бы. А здѣсь я вѣдь знаю, что я только свисни и ты, хочешь не хочешь, иди за мной, и ужъ не я съ твоей волей спрашивалюсь, а ты съ моей. Последній мужикъ наймется въ работники — все-таки не всего себя закабалить, да и знаетъ, что ему срокъ есть. А гдѣ твой срокъ? Подумай только: что ты здѣсь

отдаешь? Что кабелишь? Душу, душу, въ которой ты невластна, кабелишь вмѣстѣ съ тѣломъ! Любовь свою на поруганіе всякому пьянщѣ отдаешь! — Любовь! — Да вѣдь это все, да вѣдь это алмазь, дѣвичье сокровище, любовь-то! Вѣдь чтобъ заслужить эту любовь, иной готовъ душу положить, на смерть пойти. А во что твоя любовь теперь цѣнится? Ты вся куплена, вся цѣликомъ, и зачѣмъ ужь тутъ любви добиваться, когда и безъ любви все возможно. Да вѣдь обиды сильнѣе для дѣвушки нѣтъ, понимаешь ли ты? — Вотъ слышала я, тѣшутъ васъ, дурь, — позволяютъ вамъ любовниковъ здѣсь имѣть. Да вѣдь это одно бабство, одинъ обманъ, одинъ смѣхъ надъ вами, а вы вѣрите! Что онъ въ самомъ дѣлѣ, что ли, любить тебя, любовникъ-то? Не вѣрю. Какъ онъ будетъ любить, коли знаетъ, что тебя отъ него сейчасъ кликнутъ. Пакостникъ онъ послѣ этого! Уважаетъ ли онъ тебя хоть на каплю? Что у тебя съ нимъ общаго? Смѣется онъ надъ тобой да тебя же обкрадываетъ, — вотъ и вся его любовь! Хорошо еще, что не бьетъ. А, можетъ, и бьетъ. Спроси-ка его, коли есть такой у тебя: женится ли онъ на тебѣ? Да онъ тебѣ въ глаза расхохочется, если только не наплюетъ иль не прибьетъ, — а ему самому, можетъ, всей-то цѣны — два сломанныхъ гроша. И за то, подумаешь, ты здѣсь жизнь свою погубила? Что тебя кофеемъ поять да кормятъ сытно? Да вѣдь для чего кормятъ-то? У другой бы, честной, въ горло такой кусокъ не пошелъ, потому что знаетъ, для чего кормятъ. — Ты здѣсь должна, ну и все будешь должна и до конца концовъ должна будешь, до тѣхъ самыхъ поръ, что тобой гости брезгать начнутъ. А это скоро придетъ, не надѣйся на молодость. Тутъ вѣдь это все на почтовыхъ летитъ. Тебя и вытолкаютъ. Да и не просто вытолкаютъ, а задолго сначала придираются начнутъ, попрекать начнутъ, ругать начнутъ, — какъ будто не ты ей здоровье свое отдала, молодость

и душу даромъ для нея загубила, а какъ будто ты-то ее и разорила, по міру пустила, обокрала. И не жди поддержки: другія подруги-то твои тоже на тебя нападутъ, чтобъ ей подслужиться, потому что здѣсь всѣ въ рабствѣ, совѣсть и жалость давно потеряли. Исподлились и ужъ гаже, подлѣе, обиднѣе этихъ ругательствъ и на землѣ не бываетъ. И все-то ты здѣсь положишь, все, безъ завѣта, — и здоровье, и молодость, и красоту, и надежды, и въ двадцать два года будешь смотрѣть какъ тридцатипятилѣтняя, и хорошо еще, коль не больная, моли Бога за это. Вѣдь ты теперь, небось, думаешь, что тебѣ и работы нѣтъ, гульба! Да тяжеле и каторжнѣе работы на свѣтѣ нѣтъ и никогда не бывало. Одно сердце, кажется, все бы слезами изошло. — И ни слова не посмѣешь сказать, ни полслова, когда тебя погонять отсюда, пойдешь, какъ виноватая. Перейдешь ты въ другое мѣсто, потомъ въ третье, потомъ еще куда-нибудь и доберешься, наконецъ, до Сѣнной. А тамъ ужъ походя бить начнутъ; это любезность тамошняя; тамъ гость и приласкать, не прибавь, не умѣть. Ты не вѣришь, что тамъ такъ противно? Ступай, посмотри когда-нибудь, можетъ, своими глазами увидишь. Я вонъ разъ видѣлъ тамъ въ Новый годъ одну, у дверей. Ее вытолкали въ насмѣшку свои же, проморозить маленько, за то, что ужъ очень ревѣла, а дверь за ней притворили. Въ девять-то часовъ утра она ужъ была совсѣмъ пьяная, растрепанная, полунагая, вся избитая. Сама набѣлена, а глаза въ черняхъ; изъ носа и изъ зубовъ кровь течетъ: извозчикъ какой-то только-что починилъ. Сѣла она на каменной лѣсенкѣ, въ рукахъ у нея какая-то соленая рыба; она ревѣла, что-то причитала про свою «участь», а рыбой колотила по лѣстничнымъ ступенямъ. А у крыльца столпились извозчики да пьяные солдаты и дразнили ее. Ты не вѣришь, что и ты такая же будешь? И я бы не хотѣлъ вѣрить, а почему ты знаешь, можетъ быть, лѣтъ десять, восемь

назадъ, эта же самая, съ соленой-то рыбой — прѣхала сюда откуда-нибудь свѣженькая, какъ херувимчикъ, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждомъ словѣ краснѣла. Можетъ быть, такая же какъ ты была, гордая, обидчивая, на другихъ не похожая, королевой смотрѣла и сама знала, что цѣлое счастье того ожидаетъ, кто бы ее полюбилъ и кого бы она полюбила. Видишь, чѣмъ кончилось? И что если въ ту самую минуту, когда она колотила этой рыбой о грязныя ступени, пьяная да растрепанная, что если въ ту минуту ей припомнились всѣ ея прежніе, чистые годы въ отцовскомъ домѣ, когда еще она въ школу ходила, а сосѣдскій сынъ ее на дорогѣ подстерегалъ, увѣрялъ, что всю жизнь ее любить будетъ, что судьбу свою ей положить, и когда они вмѣстѣ положили любить другъ друга навѣки и обвѣнчаться, только что вырастутъ большіе! Нѣтъ, Лиза, счастье, счастье тебѣ, если гдѣ-нибудь тамъ, въ углу, въ подвалѣ, какъ давешняя, въ чашоткѣ поскорѣе помрешь. Въ больницу, говоришь ты? Хорошо — свезутъ, а если ты еще хозяйкѣ нужна? Чахотка такая болѣзнь; это не горячка. Тутъ до послѣдней минуты человѣкъ надѣется и говоритъ, что здоровъ. Самъ себя тѣшитъ. А хозяйкѣ-то и выгодно. Не безпокойся, это такъ; душу, значить, продала, а къ тому же деньги должна, значить, и пикнуть не смѣешь. А умирать будешь, всѣ тебя бросятъ, всѣ отвернутся, — потому, что съ тебя тогда взять? Еще тебя же попрекнутъ, что даромъ мѣсто занимаешь, не скоро помираешь. Пить не допросишься, съ ругательствомъ подадутъ: «когда дескать, ты, подлячка, издохнешь; спать мѣшаешь — стнешь, гости брезгаютъ». Это вѣрно; я самъ подслушалъ такія слова. Сунутъ тебя, издыхающую, въ самый смрадный уголъ въ подвалѣ, — темень, сырость; что ты, лежа-то одна, тогда передумаешь? Помрешь, — соберутъ наскоро, чужой рукой, съ ворчаніемъ, съ нетерпѣніемъ, — никто-то не благословитъ тебя, никто-

то не вздохнетъ по тебѣ, только бы поскорѣй тебя съ плечъ долой. Купятъ колоду, вынесутъ, какъ сегодня ту, бѣдную, выносили, въ кабакъ поминать пойдутъ. Въ могилѣ слякоть, мразь, снѣгъ мокрый, — не для тебя же церемониться? — «Спускай-ка ее, Вапюха; ишь вѣдь «учась» — и тутъ вверхъ ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то, пострѣль». — Ладно и такъ. — «Чего ладно? Ишь на боку лежить. Человѣкъ тоже былъ, али нѣтъ? Ну, да ладно, засыпай». И ругаться-то изъ-за тебя долго не захотятъ. Засыплотъ поскорѣй мокрой синей глиной и уйдутъ въ кабакъ... Тутъ и конецъ твоей памяти на землѣ; къ другимъ дѣти на могилу ходятъ, отцы, мужья, а у тебя — ни слезы, ни вздоха, ни поминанія, и никто-то, никто-то никогда въ цѣломъ мірѣ не придетъ къ тебѣ: имя твое исчезнетъ съ лица земли — такъ, какъ бы совсѣмъ тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себѣ тамъ по ночамъ, когда мертвецы встаютъ, въ гробовую крышу: «Пустите, добрые люди, на свѣтѣ пожить! Я жила — жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее въ кабактѣ на Сѣнной пропили; пустите, добрые люди, еще разъ на свѣтѣ пожить!»

И вошелъ въ паѳосъ, до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась и... вдругъ, я остановился, приподнялся въ испугѣ и, наклонивъ боязливо голову, съ бьющимся сердцемъ началъ прислушиваться. Было отъ чего и смутиться.

Давно уже предчувствовалъ я, что перевернулъ всю ея душу и разбилъ ея сердце и, чѣмъ больше я удостоверился въ томъ, тѣмъ больше желалъ поскорѣе и какъ можно сильнѣе достигнуть цѣли. Игра, игра увлекала меня; впрочемъ, не одна игра...

Я зналъ, что говорю туго, выдѣланно, даже книжно, однимъ словомъ, я иначе и не умѣлъ, какъ «точно по книжкѣ». Но это не смущало меня; я вѣдь зналъ, предчувствовалъ, что меня поймутъ и что самая эта

близость можетъ еще больше подсорить дѣлу. Но теперь, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсилъ. Нѣтъ, никогда, никогда я еще не былъ свидѣтелемъ такого отчаянiя! Она лежала ничкомъ, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало, какъ въ судорогахъ. Спершіяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнѣе припала она къ подушкѣ: ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь здѣсь, хоть одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою въ кровь (я видѣлъ это потомъ), или, вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усиліи, сдерживая дыханіе и стискивая зубы. Я было началъ что-то говорить ей, просилъ ее успокоиться, но почувствовалъ, что не смѣю, и вдругъ самъ, весь въ какомъ-то ознобѣ, почти въ ужасѣ, бросился ощупью, кое-какъ наскоро собираться въ дорогу. Было темно: какъ ни старался я, но не могъ кончить скоро. Вдругъ я ощупалъ коробку спичекъ и подсвѣчникъ съ цѣльной непочатой свѣчкой. Только лишь свѣтъ озарилъ комнату, Лиза вдругъ вскочила, сѣла и съ какимъ-то искривленнымъ лицомъ, съ полусумасшедшей улыбкой, почти бессмысленно посмотрѣла на меня. Я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея руки: она опомнилась, бросилась ко мнѣ, хотѣла было обхватить меня, но не посмѣла и тихо наклонила передо мной голову.

— Лиза, другъ мой, я напрасно . . . ты прости меня. — началъ было я, — но она сжала въ своихъ пальцахъ мои руки съ такою силою, что я догадался, что не то говорю, и пересталъ.

— Вотъ мой адресъ, Лиза, приходи ко мнѣ.

— Приду . . . — прошептала она рѣшительно, все еще не подымая своей головы.

— А теперь я уйду, прощай . . . до свиданья.

Я всталъ, встала и она и вдругъ вся покраснѣлась, вздрогнула, схватила лежавшій на стулѣ платокъ и набросила себѣ на плечи до самаго подбородка. Сдѣлавъ это, она опять какъ-то болѣзненно улыбнулась, покраснѣла и странно поглядѣла на меня. Миѣ было больно; я спѣшилъ уйти, стушеваться.

— Подождите, — сказала она вдругъ, уже въ сѣняхъ у самыхъ дверей, останавливая меня рукою за шинель, поставила впопыхахъ свѣчу и убѣжала, — видимо вспомнила про что-то или хотѣла миѣ принести показать. Убѣгая, она вся покраснѣла, глаза ея блестя, на губахъ показалась улыбка, — что бы такое? Я поневолѣ дождался; она воротилась черезъ минуту, со взглядомъ, какъ будто просившимъ прощенія за что-то. Вообще уже это было не то лицо, не тотъ взглядъ какъ давеча, — угрюмый, недовѣрчивый и упорный. Взглядъ теперь ея былъ просіянный, мягкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивый, ласковый, робкій. Такъ смотрятъ дѣти на тѣхъ, кого очень любятъ и у кого чего-нибудь просятъ. Глаза у ней были свѣтлокарие, красивые глаза, живые, умѣвшіе отразить въ себѣ любовь и угрюмую ненависть.

Не объясняя миѣ ничего, — какъ будто я, какъ какое-нибудь высшее существо, долженъ былъ знать все безъ объясненій, — она протянула миѣ бумажку. Все лицо ея такъ и просіяло въ это мгновеніе самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ торжествомъ. Я развернулъ. Это было письмо къ ней отъ какого-то медицинскаго студента или въ этомъ родѣ, — очень высокопарное, цвѣтистое, но чрезвычайно почтительное объясненіе въ любви. Не припомню теперь выраженій, но помню очень хорошо, что сквозь высокій слогъ проглядывало истинное чувство, котораго не поддѣлаешь. Когда я дочиталъ, то встрѣтилъ горячій, любопытный и дѣтски-нетерпѣливый взглядъ ея на себѣ. Она приковалась глазами къ моему лицу и въ нетерпѣніи ждала — что я

скажу? Въ нѣсколькихъ словахъ, наскоро, но какъ-то радостно и какъ будто гордясь, она объяснила мнѣ, что была гдѣ-то на танцевальномъ вечерѣ, въ семейномъ домѣ, у однихъ «очень, очень хорошихъ людей, *семейныхъ людей* и гдѣ *ничего еще не знаютъ, совѣтъ ничего*», — потому что она и здѣсь-то еще только иновѣ и только такъ... а вовсе еще не рѣшилась остаться и непременно уйдетъ, какъ только долгъ заплатитъ... — Ну, и тамъ былъ этотъ студентъ, весь вечеръ танцеваль, говорилъ съ ней и оказалось, что онъ еще въ Ригѣ, еще ребенкомъ былъ съ ней знакомъ, вмѣстѣ играли, только ужъ очень давно — и родителей ея знаетъ, но что *объ этомъ* онъ ничего, ничего, ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ! И вотъ на другой день послѣ танцевъ (три дня назадъ) онъ и прислалъ черезъ пріятельницу, съ которой она на вечеръ ѣздила, это письмо... и... ну вотъ и все».

Она какъ-то стыдливо опустила свои сверкавшіе глаза, когда кончила рассказывать.

Бѣдниенькая, она хранила письмо этого студента, какъ драгоценность, и сбѣгала за этой единственной своей драгоценностью, не желая, чтобъ я ушелъ, не узнавъ о томъ, что и ее любятъ честно и искренно, что и съ ней говорятъ почтительно. Навѣрно, этому письму такъ и суждено было пролежать въ шкатулкѣ безъ послѣдствій. Но все равно; я увѣренъ, что она всю жизнь хранила бы какъ драгоценность, какъ гордость свою и свое оправданіе, и вотъ теперь сама въ такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтобъ наивно погсрдиться передо мной, возстановить себя въ моихъ глазахъ, чтобъ я видѣлъ, чтобъ и я похвалилъ. Я ничего не сказалъ, пожалъ ей руку и вышелъ. Мнѣ такъ хотѣлось уйти... Я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ, несмотря на то, что мокрый снѣгъ все еще валилъ хлопьями. Я былъ измученъ, раздавленъ, въ недоумѣніи. Но истина уже сверкала изъ-за недоумѣнія. Гадкая истина!

VIII

Я, впрочемъ, не скоро согласился признать эту истину. Проснувшись на утро, послѣ нѣсколькихъ часовъ глубокаго, свинцоваго сна и тотчасъ же сообразивъ весь вчерашній день, я даже изумился моей вчерашней *сантиментальности* съ Лизой, всѣмъ этимъ «вчерашнимъ ужасамъ и жалостямъ». «Вѣдь нападетъ же такое бабье разстройство нервовъ, тьфу! — порѣшилъ я. — И на что это мой адресъ всучилъ я ей? Что если она придетъ? А, впрочемъ, пожалуй, пусть и придетъ; ничего»... Но, *очевидно*, главное и самое важное дѣло теперь было не въ этомъ: надо было спѣшить и во что бы ни стало скорѣе спасти мою репутацію въ глазахъ Звѣркова и Симонова. Вотъ въ чемъ было главное дѣло. А про Лизу я даже совсѣмъ и забылъ въ это утро, захлопотавшись.

Прежде всего надо было немедленно отдать вчерашній долгъ Симонову. Я рѣшился на отчаянное средство: занять цѣлыхъ пятнадцать рублей у Антона Антоновича. Какъ нарочно, онъ былъ въ это утро въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же выдалъ, по первой просьбѣ. Я такъ этому обрадовался, что, подписывая расписку, съ какимъ-то ухарскимъ видомъ, *небрежно* сообщилъ ему, что вчера «покутили съ пріятелями, въ Hôtel de Paris; провожали товарища, даже, можно сказать, друга дѣтства, и, знаете, — купила онъ большой, избалованъ, — ну, разумѣется, хорошей фамиліи, значительное состояніе, блестящая карьера, остроумень, милъ, интригуетъ съ этими дамами, понимаете; выпили лишнихъ «полдюжины» и»... И вѣдь ничего: произносилось все это очень легко, развязно и самодовольно.

Придя домой, я немедленно написалъ Симонову.

До сихъ поръ люблюсь, вспоминая истинно джентльменскій, добродушный, открытый тонъ моего письма.

Ловко и благородно, а, главное, совершенно безъ лиш-
нихъ словъ, — я обвинялъ себя во всемъ. Оправды-
вался я, «если только позволительно мнѣ еще оправды-
ваться», тѣмъ, что по совершенной непривычкѣ къ вину,
опьянѣлъ съ первой рюмки, которую (будто бы) выпилъ
еще до нихъ, когда дожидалъ ихъ въ Hôtel de Paris,
съ пяти до шести часовъ. Извиненія просилъ я пре-
имущественно у Симонова; его же просилъ передать
мои объясненія и всѣмъ другимъ, особенно Звѣрцову,
котораго, «помнитея мнѣ какъ сквозь сонъ», я, кажется,
оскорбилъ. Я прибавилъ, что я самъ бы ко всѣмъ
поѣхалъ, да голова болитъ, а пуще всего — совѣстно.
Особенно доволенъ остался я этой «вѣкоторой лег-
костью», даже чуть не небрежностію (впрочемъ, совер-
шенно приличною), которая вдругъ отразилась въ моемъ
перѣ и лучше всѣхъ возможныхъ резоновъ сразу да-
вала имъ понять, что я смотрю «на всю эту вчераш-
нюю гадость» довольно независимо; совѣмъ-таки, вове-
таки не убить наповалъ, какъ вы, господа, вѣроятно,
думаете, а, напротивъ, смотрю такъ, какъ слѣдуетъ
смотрѣть на это спокойно уважающему себя джентль-
мену. «Быль, дескать, молодцу, не укорь».

«Даже вѣдь какая-то игривость маркизская? —
любовался я, перечитывая записку. — А все оттого,
что развитой и образованный человѣкъ! Другіе бы
на моемъ мѣстѣ не знали, какъ и выпутаться, а я
вотъ вывернулся и кучу себѣ вновь и все потому,
что «образованный и развитой человѣкъ нашего вре-
мени». — Да и впрямь, пожалуй, это все отъ вина
вчера произошло. Гм... ну нѣтъ, не отъ вина. Водки-
то я вовсе не пилъ, отъ пяти-то до шести часовъ, когда
ихъ поджидалъ. Солгалъ Симонову; солгалъ безо-
вѣстно; да и теперь не совѣстно...

«А, впрочемъ, наплевать! — Главное то, что отдѣ-
лался».

Я вложилъ въ письмо шесть рублей, запечаталъ

и упросилъ Аполлона снести къ Симонову. Узнавъ, что въ письмѣ деньги, Аполлонъ сталъ почтительнѣе и согласился сходить. Къ вечеру я вышелъ пройтись. Голова у меня еще болѣла и кружилась со вчерашняго. Но чѣмъ болѣе наступалъ вечеръ и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ болѣе мѣнялись и путались мои впечатлѣнія, а за ними и мысли. Что-то не умирало во мнѣ внутри, въ глубинѣ сердца и совѣсти, не хотѣло умереть и сказывалось жгучей тоской. Толкался я больше по самымъ люднымъ, промышленнымъ улицамъ, по Мѣщанскимъ, по Садовой, у Юсупова сада. Особенно любилъ я всегда прохаживаться по этимъ улицамъ въ сумерки, именно когда тамъ густѣетъ толпа всякаго прохожаго, промышленнаго и ремесленнаго люда, съ озабоченными до злости лицами, расходящагося по домамъ съ дневныхъ заработковъ. Нравилась мнѣ именно эта грошевая суетня, эта наглая прозаичность. Въ этотъ разъ вся эта уличная толкотня еще больше меня раздражала. Я никакъ не могъ съ собой справиться, концовъ найти. Что-то подымалось, подымалось въ душѣ непрерывно, съ болью, и не хотѣло утомиться. Совсѣмъ разстроенный, я воротился домой. Точно какъ будто на душѣ моей лежало какое-то преступленіе.

Мучила меня постоянно мысль, что придетъ Лиза. Странно мнѣ было то, что изъ всѣхъ этихъ вчерашнихъ воспоминаній, воспоминаніе о ней какъ-то особенно, какъ-то совсѣмъ отдѣльно меня мучило. Обо всемъ другомъ я къ вечеру уже совсѣмъ успѣлъ забыть, рукой махнулъ и все еще совершенно оставался доволенъ моимъ письмомъ къ Симонову. Но тутъ я какъ-то ужъ не былъ доволенъ. Точно какъ будто я одной Лизой и мучился. Что, если она придетъ? — думалъ я непрерывно. Ну, что жъ, ничего, пусть и придетъ. Гм. Скверно ужъ одно то, что она увидитъ, на примѣръ, какъ я живу. Вчера я такимъ передъ ней показался... героемъ...

а теперь, гм! Это, впрочемъ, скверно, что я такъ опустился. Просто нищета въ квартирѣ. И я рѣшился вчера ѣхать въ такомъ платьѣ обѣдать! А клеевчатый диванъ-то мой, изъ котораго мочалка торчитъ! А халатъ-то мой, которымъ нельзя закрыться! Какіе-то ключья... И она это все увидитъ; и Аполлона увидитъ. Эта скотина навѣрно ее оскорбитъ. Онъ придерется къ ней, чтобъ мнѣ сдѣлать грубость. А я ужъ, разумеется, по обычаю, струшу, сѣменить передъ ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не въ этомъ главная-то скверность! Тутъ есть что-то главнѣе, гаже, подлѣе! Да, подлѣе! И опять, опять надѣвать эту безчестную, лживую маску!..

Дойдя до этой мысли, я такъ и вспыхнулъ:

«Для чего безчестную? Какую безчестную? Я говорилъ вчера искренно. Я помню, во мнѣ тоже было настоящее чувство. Я именно хотѣлъ вызвать въ ней благородныя чувства... Если она поплакала, то это хорошо, это благотворно подѣйствуетъ...»

Но все-таки я никакъ не могъ успокоиться.

Весь этотъ вечеръ, уже когда я и домой воротился, уже послѣ девяти часовъ, когда по расчету никакъ не могла придти Лиза, мнѣ все-таки она мерещилась, и, главное, вспоминалась въ одномъ и томъ же положеніи. Именно, одинъ моментъ изъ всего вчерашняго мнѣ особенно ярко представлялся; это когда я освѣтилъ спичкой комнату и увидалъ ея блѣдное, искривленное лицо, съ мученическимъ взглядомъ. И какая жалкая, какая неестественная, какая искривленная улыбка у ней была въ ту минуту! Но я еще не звалъ тогда, что и черезъ пятнадцать лѣтъ я все-таки буду представлять себѣ Лизу именно съ этой жалкой, искривленной, ненужной улыбкой, которая у ней была въ ту минуту.

На другой день я уже опять готовъ былъ считать

все это вздоромъ, развозившимися нервами, а главное — *преувеличеніемъ*. Я всегда сознавалъ эту мою слабую струнку и иногда очень боялся ея: «все-то я преувеличиваю, тѣмъ и хромаю», — повторялъ я себѣ ежечасно. Но, впрочемъ, «впрочемъ все-таки Лиза, пожалуй, придетъ» — вотъ припѣвъ, которымъ заключались всѣ мои тогдашнія разсужденія. До того я безпокоился, что приходилъ иногда въ бѣшенство: «Придетъ! Непремѣнно придетъ! — восклицалъ я, бѣгая по комнатѣ; — не сегодня, такъ завтра придетъ, а ужъ отыщетъ! И таковъ проклятый романтизмъ всѣхъ этихъ *чистыхъ сердецъ!* О, мерзость, о, глупость, о, ограниченность этихъ «поганныхъ сантиментальныхъ душъ»! Ну, какъ не понять, какъ бы, кажется, не понять?.. — Но тутъ я самъ останавливался и даже въ большомъ смущеніи.

И какъ мало, мало — думалъ я мимоходомъ, — нужно было словъ, какъ мало нужно было идилліи (да и идилліи-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтобъ тотчасъ же и повернуть всю человѣческую жизнь по-своему. То-то дѣвственность-то! То-то свѣжесть-то почвы!

Иногда мнѣ приходила мысль самому съѣздить къ ней, «разсказать ей все» и упросить ее не приходить ко мнѣ. Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ подымалась такая злоба, что, кажется, я бы такъ и раздавилъ эту «проклятую» Лизу, если бъ она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ бы ее, оплевалъ бы, выгналъ бы, ударилъ бы!

Прошелъ однакожь день, другой, третій — она не приходила, и я началъ успокоиваться. Особенно ободрялся и разгуливался я послѣ девяти часовъ, даже начиналъ иногда мечтать и довольно сладко: «Я, напримѣръ, спасаю Лизу, именно тѣмъ, что она ко мнѣ ходитъ, а я ей говорю... Я ее развиваю, образываю. Я, наконецъ, замѣчаю, что она меня любить, страстно

любить. Я прикидываюсь, что не понимаю (не знаю, впрочемъ, для чего прикидываюсь, такъ, для красы, вѣроятно). Наконецъ, она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается къ ногамъ моимъ и говоритъ, что я ея спаситель и что она меня любитъ больше всего на свѣтѣ. Я изумляюсь, но... — «Лиза, говорю я, неужели жь ты думаешь, что я не замѣтилъ твоей любви? Я видѣлъ все, я угадалъ, но я не смѣлъ посягать на твое сердце первый, потому что имѣлъ на тебя вліяніе и боялся, что ты, изъ благодарности, нарочно заставишь себя отвѣчать на любовь мою, сама насильно вызовешь въ себѣ чувство, котораго, можетъ быть, нѣтъ, а я этого не хотѣлъ, потому что это... деспотизмъ... Это не деликатно... (ну, однимъ словомъ, я тутъ заранпортовывался въ какой-нибудь этакій европейской, Жоржъ-Зандовской, неизъяснимо благородной тонкости). Но теперь, теперь — ты моя, ты мое созданье, ты чиста, прекрасна, ты — прекрасная жена моя

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!»

Затѣмъ мы начинаемъ жить-поживать, ѣдемъ за границу и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, самому подло становилось, и я кончилъ тѣмъ, что дразнилъ себя языкомъ.

«Да и не пустятъ ее, «мерзавку!» — думалъ я. — Ихъ вѣдь, кажется, гулять-то не очень пускаютъ. тѣмъ болѣе вечеромъ (мнѣ почему-то непремѣнно казалось, что она должна придти вечеромъ и именно въ семь часовъ). А, впрочемъ, она сказала, что еще не совсѣмъ тамъ закабалилась, на особыхъ правахъ состоитъ; значить, гм! Чортъ возьми, придетъ, непремѣнно придетъ!»

Хорошо еще, что развлекалъ меня въ это время Аполлонъ своими грубостями. Изъ терпѣнья послѣд-

няго выводилъ! Это была язва моя, бичъ, посланный на меня Провидѣшемъ. Мы съ нимъ пикировались постоянно нѣсколько лѣтъ сряду, и я его ненавидѣлъ. Богъ мой, какъ я его ненавидѣлъ! Никого въ жизни я еще, кажется, такъ не ненавидѣлъ, какъ его, особенно въ инныя минуты. Человѣкъ онъ былъ пожилой, важный, занимавшійся отчасти портняжествомъ. Но неизвѣстно почему, онъ презиралъ меня, даже сверхъ всякой мѣры, и смотрѣлъ на меня нестерпимо свысока. Впрочемъ, онъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Взглянуть только на эту бѣлобрысую, гладко причесанную голову, на этотъ кокъ, который онъ взбивалъ себѣ на лбу и подмасливалъ постнымъ масломъ, на этотъ солидный ротъ, всегда сложенный ижицей, — и вы уже чувствовали передъ собой существо, не сомнѣвавшееся въ себѣ никогда. Это былъ педантъ въ высочайшей степени и самый огромный педантъ изъ всѣхъ, какихъ я только встрѣчалъ на землѣ, и при этомъ съ самолюбіемъ, приличнымъ развѣ только Александру Македонскому. Онъ былъ влюбленъ въ каждую пуговицу свою, въ каждый свой ноготь — непременно влюбленъ, онъ тѣмъ смотрѣлъ! — Относился онъ ко мнѣ вполне деспотически, чрезвычайно мало говорилъ со мной, а если и случилось ему на меня взглядывать, то смотрѣлъ твердымъ, величаво самоувѣреннымъ и постоянно насмѣшливымъ взглядомъ, приводившимъ меня иногда въ бѣшенство. Исполнялъ онъ свою должность съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ высочайшую милость. Впрочемъ, онъ почти ровню ничего для меня не дѣлалъ и даже вовсе не считалъ себя обязаннымъ что-нибудь дѣлать. Сомнѣнія быть не могло, что онъ считалъ меня за самаго послѣдняго дурака на всемъ свѣтѣ и если «держалъ меня при себѣ», то единственно потому только, что отъ меня можно было получать каждый мѣсяць жалованье. Онъ соглашался «ничего не дѣлать» у меня за семь рублей въ мѣсяць. Мнѣ за него много простится

грѣховъ. Доходило иногда до такой неважности, что меня бросало чуть не въ судороги отъ одной его походки. Но особенно гадко было мнѣ его пришепетываніе. У него былъ языкъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или что-то въ родѣ этого, оттого онъ постоянно шепелявилъ и сюсюкалъ и, кажется, этимъ ужасно гордился, воображая, что это придаетъ ему чрезвычайно много достоинства. Говорить онъ тихо, размыренно, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю. Особенно бѣсилъ онъ меня, когда, бывало, начнетъ читать у себя за перегородкой псалтырь. Много битвъ вынесъ я изъ-за этого чтенія. Но онъ ужасно любилъ читать по вечерамъ, тихимъ, ровнымъ голосомъ, нараспѣвъ, точно какъ по мертвомъ. Любопытно, что онъ тѣмъ и кончилъ: онъ теперь занимается читать псалтырь по покойникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляетъ крысъ и дѣлаетъ вакуу. Но тогда я не могъ прогнать его, точно онъ былъ слитъ съ существованіемъ моимъ химически. Къ тому же онъ бы и самъ не согласился отъ меня уйти ни за что. Мнѣ нельзя было жить въ шамбръ-гарни: моя квартира была мой особнякъ, моя скорлупа, мой футляръ, въ который я прятался отъ всего человѣчества, а Аполлонъ, чортъ знаетъ почему, казался мнѣ принадлежащимъ къ этой квартирѣ, и я цѣлыхъ семь лѣтъ не могъ согнать его.

Задержать, напримѣръ, его жалованье хоть два, хоть три дня было невозможно. Онъ бы такую завель исторію, что я бы не зналъ, куда и дѣваться. Но въ эти дни я до того былъ на всѣхъ озлобленъ, что рѣшился почему-то и для чего-то *наказать* Аполлона и не выдавать ему еще двѣ недѣли жалованья. Я давно ужъ, года два, собирался это сдѣлать, — единственно, чтобъ доказать ему, что онъ не смѣетъ такъ ужъ важничать надо мной и что если я захочу, то всегда могу не выдать ему жалованья. Я положилъ не говорить ему объ этомъ и даже нарочно молчать, чтобъ побѣдить его гордость

и заставить его самого, перваго, заговорить о жалованьи. Тогда я выну всё семь рублей изъ ящика, покажу ему, что они у меня есть и нарочно отложены, но что я «не хочу, не хочу, просто не хочу выдать ему жалованье, не хочу, потому что *такъ хочу*», потому что на это «моя воля господская», потому что онъ непочтителенъ, потому что онъ грубиянъ; но что если онъ попроситъ почтительно, то я, пожалуй, смягчусь и дамъ; не то еще двѣ недѣли прождетъ, три прождетъ, цѣлый мѣсяць прождетъ . . .

Но какъ я ни былъ золъ, а все-таки онъ побѣдилъ. Я и четырехъ дней не выдержалъ. Онъ началъ съ того, съ чего всегда начиналъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что подобные случаи уже бывали, пробовались (и, замѣчу, я зналъ все это заранѣе, я зналъ наизусть его подлую тактику); именно: онъ начиналъ съ того, что устремить, бывало, на меня чрезвычайно строгій взглядъ, не спускаетъ его нѣсколько минутъ сряду, особенно встрѣчая меня или провожая изъ дому. Если, наприимѣръ, я выдерживалъ и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю этихъ взглядовъ, онъ, попрежнему молча, приступалъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ. Вдругъ, бывало, ни съ того ни съ сего, войдетъ тихо и плавно въ мою комнату, когда я хожу или читаю, остановится у дверей, заложитъ одну руку за спину, отставить ногу и устремить на меня свой взглядъ, ужъ не то что строгій, а совсѣмъ презрительный. Если я вдругъ спрошу его, что ему надо? — онъ не отвѣтитъ ничего, продолжаетъ смотрѣть на меня въ упоръ еще нѣсколько секундъ, потомъ, какъ-то особенно сжавъ губы, съ многозначительнымъ видомъ, медленно повернется на мѣстѣ и медленно уйдетъ въ свою комнату. Часа черезъ два вдругъ опять выйдетъ и опять такъ же передо мной появится. — Случалось, что я, въ бѣшенствѣ, ужъ и не спрашивалъ его; чего ему надо? А просто самъ рѣзко и повелительно подымалъ голову и тоже

начиналъ смотрѣть на него въ упоръ. Такъ смотрѣть мы, бывало, другъ на друга минуты двѣ; наконецъ, онъ повернется, медленно и важно, и уйдетъ опять на два часа.

Если я и этимъ все еще не вразумлялся и продолжалъ бунтоваться, то онъ вдругъ начнетъ вздыхать на меня глядя, вздыхать долго, глубоко, точно измѣряя однимъ этимъ вздохомъ всю глубину моего нравственнаго паденія и, разумѣется, кончалось, наконецъ, тѣмъ, что онъ одолѣвалъ вполне: я бѣсился, кричалъ, но то, объ чемъ дѣло шло, все-таки принуждаемъ былъ исполнить.

Въ этотъ же разъ едва только начались обыкновенные маневры «строгихъ взглядовъ», какъ я тотчасъ же вышелъ изъ себя и въ бѣшенствѣ на него накинулся. Слишкомъ ужъ я былъ и безъ того раздраженъ.

— Стой! — закричалъ я въ изступленіи, когда онъ медленно и молча поворачивался, съ одной рукой за спиной, чтобъ уйти въ свою комнату. — стой! Воротись, воротись, говорю я тебѣ! — И, должно быть, я такъ неестественно рывкнулъ, что онъ повернулся и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ меня разглядывать. Впрочемъ, продолжалъ не говорить ни слова, а это-то меня и бѣсило.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ безъ спросу и такъ глядѣть на меня, отвѣчай!

Но посмотрѣвъ на меня спокойно съ полминуты, онъ снова началъ поворачиваться.

— Стой! — заревѣлъ я, подбѣгая къ нему; — ни съ мѣста! Такъ. Отвѣчай теперь: чего ты входилъ смотрѣть?

— Если таперича вамъ есть что мнѣ приказать, то мое дѣло исполнить, — отвѣчалъ онъ, опять-таки помолчавъ, тихо и размѣренно сюсюкая, поднявъ брови и спокойно перегнувъ голову съ одного плеча на другое — и все это съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— Не объ этомъ, не объ этомъ я тебя спрашиваю, палачъ! — закричалъ я, трясясь отъ злобы. — Я скажу тебѣ, палачъ, самъ, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебѣ жалованья, самъ не хочешь, но гордости, поклониться — попросить, и для того приходишь съ своими глупыми взглядами, меня наказывать, мучить, и не подозр-р-рѣваешь ты, палачъ, какъ это глупо, глупо, глупо, глупо, глупо!

Онъ было молча опять сталъ повертываться, но я ухватилъ его.

— Слушай, — кричалъ я ему. — Вотъ деньги, видишь, вотъ онѣ! (я вынулъ ихъ изъ столика) всѣ семь рублей, но ты ихъ не получишь, не па-алучишь, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не придешь, почтительно, съ повинной головой, просить у меня прощенія. Слышалъ!

— Быть того не можетъ! — отвѣчалъ онъ съ какою-то неестественною самоувѣренностью.

— Будетъ! — кричалъ я, — даю тебѣ честное слово мое, будетъ!

— И не въ чемъ мнѣ у васъ прощенія просить, — продолжалъ онъ, какъ бы совсѣмъ не замѣчая моихъ криковъ, — потому вы же обозвали меня «палачомъ», на чемъ я съ васъ могу въ кварталѣ всегда за обиду просить.

— Иди! Проси! — заревѣлъ я, — иди сейчасъ, сію минуту, сію секунду! А ты все-таки палачъ! Палачъ! Палачъ! — Но онъ только посмотрѣлъ на меня, затѣмъ повернулся и, уже не слушая призывныхъ криковъ моихъ, плавно пошелъ къ себѣ, не оборачиваясь.

«Если бъ не Лиза, не было бъ ничего этого!» рѣшилъ я про себя. Затѣмъ, постоявъ съ минуту, важно и торжественно, но съ медленно и сильно бьющимся сердцемъ, я отправился самъ къ нему за ширмы.

— Аполлонъ! — сказалъ я тихо и съ разстановкой, но задыхаясь, — сходи тотчасъ же и нимало не медля за кварталнымъ надзирателемъ!

Онъ было ужъ успѣлъ тѣмъ временемъ за своимъ столомъ, надѣлъ очки и взялъ что-то пить. Но, услышавъ мое приказанье, вдругъ фыркнулъ со смѣху.

— Сейчасъ, сію минуту иди! — Иди, или ты и не воображаешь, что будетъ!

— Подлинно вы не въ своемъ умѣ, — замѣтилъ онъ, даже не поднявъ головы, такъ же медленно сюсюкая и продолжая вдѣвать питку. — И гдѣ это видно, чтобъ человѣкъ самъ противъ себя за начальствомъ ходилъ? А касательно страху, — напрасно только надсажаетесь, потому — ничего не будетъ.

— Иди! — визжалъ я, хватая его за плечо. Я чувствовалъ, что сейчасъ ударю его.

Но я не слыхалъ, какъ въ это мгновеніе вдругъ дверь изъ сѣней тихо и медленно отворилась и какая-то фигура вошла, остановилась и съ недоумѣніемъ начала насъ разглядывать. Я взглянулъ, обмеръ отъ стыда и бросился въ свою комнату. Тамъ, схвативъ себя обѣими руками за волосы, я прислонился головой къ стѣнѣ и замеръ въ этомъ положеніи.

Минуты черезъ двѣ послышались медленные шаги Аполлона.

— Тамъ *какая-то* васъ спрашиваетъ, — сказалъ онъ, особенно строго смотря на меня, потомъ посторонился и пропустилъ Лизу. Онъ не хотѣлъ уходить и насмѣшливо насъ разсматривалъ.

— Ступай! Ступай! — командовалъ я ему, потерявшись. Въ эту минуту мои часы принатужились, прошипѣли и пробили семь.

IX

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Изъ той же поэзіи

Я стоялъ передъ нею убитый, ошельмованный, омерзительно сконфуженный и, кажется, улыбался, всѣми

силами стараясь запахнуться полами моего лохматого, ватнаго халатишки, — ну точь-въ-точь какъ еще недавно, въ упадкѣ духа, представлялъ себѣ. Аполлонъ, постоявъ надъ нами минуты двѣ, ушелъ, но мнѣ было не легче. Хуже всего, что и она тоже вдругъ сконфузилась, до того, что я даже не ожидалъ. На меня глядя, разумѣется.

— Садись, — сказалъ я машинально и придвинулъ ей стулъ возлѣ стола, самъ же сѣлъ на диванъ. Она тотчасъ же и послушно усѣлась, смотря на меня во всѣ глаза и, очевидно, чего-то сейчасъ отъ меня ожидая. Эта-то наивность ожиданія и привела меня въ бѣшенство, но я сдержалъ себя.

Тутъ-то бы и стараться ничего не замѣчать, какъ будто все по-обыкновенному, а она... — И я смутно почувствовалъ, что она дорого мнѣ *за все это* заплатить.

— Ты меня застала въ странномъ положеніи, Лиза, — началъ я, занкаясь и зная, что именно такъ-то и не надо начинать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай чого-нибудь! — вскричалъ я, увидѣвъ, что она вдругъ покраснѣла, — я не стыжусь моей бѣдности... Напротивъ, я гордо смотрю на мою бѣдность. Я бѣденъ, но благороденъ... Можно быть бѣднымъ и благороднымъ, — бормоталъ я. — Впрочемъ... хочешь чаю?

— Нѣтъ... — начала было она.

— Подожди!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ Аполлону. Надо же было куда-нибудь провалиться.

— Аполлонъ, — зашепталъ я лихорадочной скороговоркой, бросая передъ нимъ семь рублей, оставшіеся все время въ моемъ кулакѣ, — вотъ твое жалованье, видишь, я выдаю; но за то ты долженъ спасти меня: немедленно принеси изъ трактира чаю и десять сухарей. Если ты не захочешь пойти, то ты сдѣлаешь

несчастливымъ человѣка! Ты не знаешь, какая это женщина... Это — все! Ты, можетъ быть, что-нибудь думаешь... Но ты не знаешь, какая это женщина!..

Аполлонъ, уже усѣвшійся за работу и уже надѣвшій опять очки, сначала, не покидая иглы, молча наклонился на деньги; потомъ, не обращая на меня никакого вниманія и не отвѣчая мнѣ ничего, продолжать возиться съ ниткой, которую все еще вдѣвалъ. Я ждалъ минуты три, стоя передъ нимъ, съ сложенными à la Napoléon руками. Виски мои были смочены потомъ: самъ я былъ блѣденъ, я чувствовалъ это. Но, слава Богу, вѣрно ему стало жалко, смотря на меня. Кончивъ съ своей ниткой, онъ медленно привсталъ съ мѣста, медленно отодвинулъ стулъ, медленно снялъ очки, медленно пересчиталъ деньги и, наконецъ, спросивъ меня черезъ плечо: взять ли полную порцію? медленно вышелъ изъ комнаты. Когда я возвращался къ Лизѣ, мнѣ пришло на умъ дорогой: не убѣжать ли такъ какъ есть въ халатишкѣ, куда глаза глядятъ, а тамъ будь что будетъ.

Я усѣлся опять. Она смотрѣла на меня съ безпокойствомъ. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я убью его! — вскричала я вдругъ, крѣико хлопнувъ по столу кулакомъ, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы.

— Ахъ, что вы это! — вскричала она, вздрогнувъ.

— Я убью его, убью его, — визжалъ я, стуча по столу, совершенно въ изступленіи и совершенно понимая въ то же время, какъ это глупо быть въ такомъ изступленіи.

— Ты не знаешь, Лиза, что такое этотъ палачь для меня. Онъ мой палачь... Онъ пошелъ теперь за сухарями; онъ...

И вдругъ я разразился слезами. Это былъ припадокъ. Какъ мнѣ стыдно-то было между всхлипываніи: но я ужъ ихъ не могъ удержать.

Она испугалась. «Что съ вами! Что это съ вами!» — вскрикивала она, суетясь около меня.

— Воды, подай мнѣ воды, вошь тамъ! — бормоталъ я слабымъ голосомъ, сознавая, впрочемъ, про себя, что я очень бы могъ обойтись безъ воды и не бормотать слабымъ голосомъ. Но я, что называется, *представлялся*, чтобъ спасти приличія, хотя припадокъ былъ и дѣйствительный.

Она подала мнѣ воды, смотря на меня, какъ потерянная. Въ эту минуту Аполлонъ внесъ чай. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ обыкновенный и прозаическій чай ужасно неприличенъ и мизеренъ послѣ всего, что было, и я покраснѣлъ. Лиза смотрѣла на Аполлона съ испугомъ. Онъ вышелъ, не взглянувъ на насъ.

— Лиза, ты презираешь меня? — сказалъ я, смотря на нее въ упоръ, дрожа отъ нетерпѣнія узнать, что она думаетъ.

Она сконфузилась и не сумѣла ничего отвѣтить.

— Пей чай, — проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но, разумѣется, достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нея закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ бы и убилъ ее, кажется. Чтобъ отомстить ей, я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. «Она же всему причиною», думалъ я.

Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ; мы до него не дотрогивались: я до того дошелъ, что нарочно не хотѣлъ начинать пить, чтобъ этимъ отяготить ее еще больше; ей же самой начинать было неловко. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ, конечно, я самъ, потому что вполнѣ сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости, и въ то же время никакъ не могъ удержать себя.

— Я оттуда... хочу... совсѣмъ выйти, — на-

чала было она, чтобы как-нибудь прервать молчание, но, бѣдная! именно объ этомъ-то и не надо было начинать говорить въ такую и безъ того глушую минуту, такому, и безъ того глушому, какъ я, человѣку. Даже мое сердце заняло отъ жалости на ея неумѣлость и ненужную прямоту. Но что-то безобразное подавило во мнѣ тотчасъ же всю жалость: даже еще подзадорило меня еще болѣе; пропадай все на свѣтъ! Прошло еще пять минутъ.

— Не помѣшала ли я вамъ? — начала она робко, чуть слышно, и стала вставать.

Но какъ только я увидалъ эту первую вспышку оскорбленнаго достоинства, я такъ и задрожалъ отъ злости и тотчасъ же прорвался.

— Для чего ты ко мнѣ пришла, скажи ты мнѣ, пожалуйста? — началъ я задыхаясь, и даже не соображаясь съ логическимъ порядкомъ въ моихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось все разомъ высказать, залпомъ: я даже не позаботился, съ чего начинать.

— Зачѣмъ ты пришла? Отвѣчай! Отвѣчай! — вскрикнулъ я, едва помня себя. — Я тебѣ скажу, матушка, зачѣмъ ты пришла. Ты пришла потому, что я тебѣ тогда *жалкія слова* говорилъ. Ну вотъ ты и разиѣжилась и опять тебѣ «жалкихъ словъ» захотѣлось. Такъ знай же, знай, что я тогда смѣялся надъ тобой. И теперь смѣюсь. Чего ты дрожишь? Да, смѣялся! Меня передъ тѣмъ оскорбили, за обѣдомъ, вотъ тѣ, которые тогда передо мной пріѣхали. Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ исколотить одного изъ нихъ, офицера; но не удалось, не засталъ; надо же было обиду на комъ-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я надъ тобой и вылилъ зло и насмѣялся. Меня унизили, такъ и я хотѣлъ унижить; меня въ тряпку растерли, такъ и я власть захотѣлъ показать... Вотъ что было, а ты ужъ думала, что я тебя спасать нарочно

тогда прїѣзжалъ, да? Ты это думала? Ты это думала?

Я зналъ, что она, можетъ быть, запутается и не пойметъ подробностей, но я зналъ тоже, что она отлично хорошо пойметъ сущность. Такъ и случилось. Она поблѣднѣла, какъ платокъ, хотѣла что-то проговорить, губы ея болѣзненно искривились; но какъ будто ее топоромъ подсекали, упала на стулъ. И все время потомъ она слушала меня, раскрывъ ротъ, открывъ глаза и дрожа отъ ужаснаго страха. Цинизмъ, цинизмъ моихъ словъ придавилъ ее...

— Спасать! — продолжалъ я, вскочивъ со стула и бѣгая передъ ней взадъ и впередъ по комнатѣ, — отъ чего спасать! Да я, можетъ, самъ тебя хуже. Что ты мнѣ тогда же не кинула въ рожу, когда я тебѣ раецито читалъ! «А ты, моль, самъ зачѣмъ къ намъ зашелъ? Мораль, что ли, читать?» — власти, власти мнѣ надо было тогда, игры было надо, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей — вотъ чего надо мнѣ было тогда! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потому что я дрянь, перепугался и чортъ знаетъ для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, ужъ тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужъ ненавидѣлъ тебя, потому что я тебѣ тогда лгалъ. Потому что я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобъ вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться, или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить. Знала ль ты это, иль нѣтъ? Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлець, себялюбець, лѣнтяй. Я вотъ дрожалъ эти три дня отъ страха, что ты придешь. А знаешь, что всѣ эти три дня меня особенно беспокоило? А то, что вотъ я тогда героемъ такимъ передъ тобой

представился, а тутъ вотъ ты вдругъ увидишь меня въ этомъ рваномъ халатишкѣ, нищого, гадкаго. И тебѣ сказать давеча, что я не стыжусь своей бѣдности: такъ знай же, что стыжусь, больше всего стыжусь, нуще всего боюсь, нуще того, если бѣ я воровать, потому что я тщеславенъ такъ, какъ будто съ меня кожу содрали и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно. Да неужели жѣ ты даже и теперь еще не догадалась, что я тебѣ никогда не прощу того, что ты застала меня въ этомъ халатишкѣ, когда я бросился, какъ злая собачонка, на Аполлона. Воскреситель-то, бывший-то герою, бросается, какъ паршивая, лохматая шавка, на своего лакея, а тотъ смѣется надъ нимъ! И слезъ давенихъ, которыхъ передъ тобой я, какъ пристыженная баба, не могъ удержать, никогда тебѣ не прощу! И того, въ чемъ теперь тебѣ признаюсь, тоже никогда тебѣ не прощу! Да, — ты, одна ты за все это отвѣтить должна, потому что ты такъ подвернулась, потому что я мерзавецъ, потому что я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочный, самый глупый, самый завистливый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ, которые вовсе не лучше меня, но которые, чортъ знаетъ отчего, никогда не конфузятся; а вотъ я такъ всю жизнь отъ всякой гниды буду щелчки получать и это моя черта! Да какое мнѣ дѣло до того, что ты этого ничего не поймешь! И какое, ну какое дѣло мнѣ до тебя и до того, погибаешь ты тамъ, или нѣтъ? Да понимаешь ли ты, какъ я теперь, высказавъ тебѣ это, тебя ненавиждѣть буду за то, что ты тутъ была и слушала? Вѣдь человѣкъ разъ въ жизни только такъ высказывается, да и то въ истерикѣ!.. Чего жѣ тебѣ еще? Чего жѣ ты еще, послѣ всего этого, торчишь передо мной, мучаешь меня, не уходишь?

Но тутъ случилось вдругъ странное обстоятельство.

Я до того привыкъ думать и воображать все по

книжкѣ и представлять себѣ все на свѣтѣ такъ, какъ самъ еще прежде въ мечтахъ сочинилъ, что даже сразу и не понялъ тогда этого страшнаго обстоятельства. А случилось вотъ что: Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чѣмъ я воображалъ себѣ. Она поняла изъ всего этого то, что женщина всегда прежде всего пойметъ, если искренно любить, а именно: что я самъ несчастливъ.

Испуганное и оскорбленное чувство смѣнилось на лицѣ ея сначала горестнымъ изумленіемъ. Когда же я сталъ называть себя подлецомъ и мерзавцемъ и полились мои слезы (я проговорилъ всю эту тираду со слезами), все лицо ея передернулось какой-то судорогой. Она хотѣла было встать, остановить меня; когда же я кончилъ, она не на крики мои обратила вниманіе: «Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ не уходишь!» — а на то, что мнѣ, должно быть, очень тяжело самому было все это выговорить. Да и забитая она была такая, бѣдная; она считала себя безконечно ниже меня; гдѣ жъ ей было озлиться, обидѣться? Она вдругъ вскочила со стула въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, и, вся стремясь ко мнѣ, но все еще робѣя и не смѣя сойти съ мѣста, протянула ко мнѣ руки... Тутъ сердце и во мнѣ перевернулось. Тогда она вдругъ бросилась ко мнѣ, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержалъ и зарыдалъ такъ, какъ никогда еще со мной не бывало...

— Мнѣ не даютъ... Я не могу быть.. добрымъ! — едва проговорилъ я, затѣмъ дошелъ до дивана, упалъ на него ничкомъ и четверть часа рыдалъ въ настоящей истерикѣ. Она припала ко мнѣ, обняла меня и какъ бы замерла въ этомъ объятіи.

Но все-таки штука была въ томъ, что истерика должна же была пройти. И вотъ (я вѣдь омерзительную правду пишу), лежа ничкомъ на диванѣ, накрѣпко и уткнувъ лицо въ дрянную кожаную подушку мою,

я начать помаленьку, издалека, вежливо, но неудержимо ощущать, что вѣдь мнѣ теперь неловко будетъ поднять голову и посмотреть Лизѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ было стыдно? — Не знаю, но мнѣ было стыдно. Пришло мнѣ тоже въ взбудораженную голову, что роли вѣдь теперь окончательно переменялись, что героиня теперь она, а я точно такое же униженное и раздавленное созданіе, какимъ она была передо мной въ ту ночь, — четыре дня назадъ... И все это ко мнѣ пришло еще въ тѣ минуты, когда я лежалъ ничкомъ на диванѣ!

Боже мой! Да неужели жъ я тогда ей позавидовалъ?

Не знаю, до сихъ поръ еще не могу рѣшить, а тогда, конечно, еще меньше могъ это понять, чѣмъ теперь. Безъ власти и тиранства надъ кѣмъ-нибудь я вѣдь не могу прожить... Но... но вѣдь разсужденіями ничего не объяснишь, а слѣдственно и разсуждать нечего.

Я однакожъ преодолѣлъ себя и приподнялъ голову; надобно жъ было когда-нибудь поднять... И вотъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что именно потому, что мнѣ было стыдно смотрѣть на нее, въ сердцѣ моемъ вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладанія. Глаза мои блеснули страстью, и я крѣпко стиснулъ ея руки. Какъ я ненавидѣлъ ее и какъ меня влекло къ ней въ эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщеніе!.. На лицѣ ея изобразилось сначала какъ будто недоумѣніе, какъ будто даже страхъ, но только на мгновеніе. Она восторженно и горячо обняла меня.

X

Черезъ четверть часа я бѣгалъ назадъ и впередъ въ бѣшеномъ нетерпѣннн по комнатѣ, поминутно подхо-

диль къ ширмамъ и въ щелочку поглядываль на Лизу. Она сидѣла на полу, склонивъ на кровать голову и, должно быть, плакала. Но она не уходила, а это-то и раздражало меня. Въ этотъ разъ она уже все знала. Я оскорбилъ ее окончательно, но... нечего рассказывать. Она догадалась, что порывъ моей страсти былъ именно мщеніемъ, новымъ ей униженіемъ, и что къ давешней моей, почти безпредметной ненависти прибавилась теперь уже *личная, завистливая* къ ней ненависть... А, впрочемъ, не утверждаю, чтобъ она это все поняла отчетливо; но зато она вполне поняла, что я человекъ мерзкій и, главное, не въ состояніи любить ее.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это невѣроятно, — невѣроятно быть такимъ злымъ, глупымъ, какъ я; пожалуй, еще прибавятъ, что невѣроятно было не полюбить ее или, по крайней мѣрѣ, не оцѣнить этой любви. Отчего же невѣроятно? Во-первыхъ, я и полюбить уже не могъ, потому что, повторяю, любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходствовать. Я всю жизнь не могъ даже представить себѣ иной любви, и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно-дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненавистью и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ, что дѣлать съ покореннымъ предметомъ. Да и что тутъ невѣроятнаго, когда я ужъ до того успѣлъ растлить себя нравственно, до того отъ «живой жизни» отвыкъ, что давеча вздумалъ попрекать и стыдить ее тѣмъ, что она пришла ко мнѣ «жалкія слова» слушать; а и не догадался самъ, что она пришла вовсе не для того, чтобъ жалкія слова слушать, а чтобъ любить меня, потому что для женщины въ любви-то и заключается все вос-

кресеніе, все спасеніе отъ какой бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, какъ въ этомъ. Впрочемъ, я не очень ужъ такъ ее ненавидѣлъ, когда бѣгалъ по комнатѣ и въ щелочку заглядывалъ за ширмы. Мнѣ только невыносимо тяжело было, что она здѣсь. Я хотѣлъ, чтобъ она исчезла. «Спокойствія» я желалъ, остаться одинъ въ подпольѣ желалъ. «Живая жизнь» съ непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно.

Но прошло еще нѣсколько минутъ, а она все еще не подымалась, какъ будто въ забытьи была. Я имѣлъ безсовѣстность тихонько постучать въ ширмы, чтобъ напомнить ей... Она вдругъ встрепенулась, схватилась съ мѣста и бросилась искать свой платокъ, свою шляпку, шубу, точно спасаясь отъ меня куда-то... Черезъ двѣ минуты она медленно вышла изъ-за ширмъ и тяжело на меня поглядѣла. Я злобно усмѣхнулся, впрочемъ, насильно, *для приличія*, и отворотился отъ ея взгляда.

— Прощайте, — проговорила она, направляясь къ двери.

Я вдругъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку, разжалъ ее, вложилъ... и потомъ опять зажалъ. Затѣмъ тотчасъ же отвернулся и отскочилъ поскорѣй въ другой уголокъ, чтобъ не видѣть, по крайней мѣрѣ.

Я хотѣлъ было сію минуту солгать, — написать, что я сдѣлалъ это нечаянно, не помня себя, потерявшись, сдуру. Но я не хочу лгать и потому говорю прямо, что я разжалъ ей руку и положилъ въ нее... со злости. Мнѣ это пришло въ голову сдѣлать, когда я бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а она сидѣла за ширмами. Но вотъ что я навѣрно могу сказать: я сдѣлалъ эту жестокость хотъ и нарочно, но не отъ сердца, а отъ дурной моей головы. Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, *книжная*, что я самъ не выдержалъ даже

минуты, — сначала отскочилъ въ уголь, чтобъ не видѣть, а потомъ со стыдомъ и отчаяніемъ бросился вслѣдъ за Лизой. Я отворилъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться.

— Лиза! Лиза! — крикнулъ я на лѣстницу, но несмѣло, вполголоса...

Отвѣта не было, мнѣ показалось, что я слышу ея шаги на нижнихъ ступеняхъ.

— Лиза! — крикнулъ я громче.

Нѣтъ отвѣта. Но въ ту же минуту я услышалъ снизу, какъ тяжело съ визгомъ отворилась тугая, наружная стеклянная дверь на улицу и туго захлопнулась. Гулъ поднялся по лѣстницѣ.

Она ушла. Я воротился въ комнату въ раздумьи. Ужасно тяжело мнѣ было.

Я остановился у стола возлѣ стула, на которомъ она сидѣла, и безмысленно смотрѣлъ передъ собой. Прошло съ минуту, вдругъ я весь вздрогнулъ: прямо передъ собой, на столѣ, я увидалъ... однимъ словомъ, я увидалъ смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назадъ зажалъ въ ея руку. Это была *та* бумажка; другой и быть не могло, другой и въ домѣ не было. Она, стало быть, успѣла выбросить ее изъ руки на столъ въ ту минуту, когда я отскочилъ въ другой уголь.

Что жъ? Я могъ ожидать, что она это сдѣлаетъ. Могъ ожидать? Нѣтъ. Я до того былъ эгоистъ, до того не уважалъ людей на самомъ дѣлѣ, что даже и вообразить не могъ, что и она это сдѣлаетъ. Этого я не вынесъ. Мгновеніе спустя я, какъ безумный, бросился одѣваться, накинувъ на себя что успѣлъ внопыхаться, и стремглавъ выбѣжалъ за ней. Она и двухсотъ шаговъ еще не успѣла уйти, когда я выбѣжалъ на улицу.

Было тихо, валилъ снѣгъ и надалѣ почти перпендикулярно, настилая подушку на тротуаръ и на

пустынную улицу. Никого не было прохожихъ, никакого звука не слышалось. Уныло и бесполезно мерцали фонари. Я отбѣжалъ шаговъ двѣсти, до перекрестка и остановился. — Куда пошла она? И зачѣмъ я блгу за ней?

Зачѣмъ? Упасть передъ ней, зарыдать отъ раскаянія, цѣловать ея ноги, молить о прощеніи! Я и хотѣлъ этого, вся грудь моя разрывалась на части и никогда, никогда не вспомяну я равнодушно эту минуту. Но — зачѣмъ? подумалось мнѣ. Развѣ я не возненавижу ее, можетъ быть, завтра же, именно за то, что сегодня цѣловалъ ея ноги? Развѣ дамъ я ей счастье? Развѣ я не узналъ сегодня опять, въ сотый разъ, цѣны себѣ? Развѣ я не замучу ее!

Я стоялъ на снѣгу, вематриваясь въ мутную мглу, и думалъ объ этомъ.

«И не лучше ль, не лучше ль будетъ, — фантазировалъ я уже дома, послѣ, заглушая фантазіями живую сердечную боль, — не лучше ль будетъ, если она навѣки унесетъ теперь съ собою оскорбленіе? Оскорбленіе, — да вѣдь это очищеніе; это самое ѣдкое и больное сознаніе! Завтра же я бы загрязнилъ собою ея душу и утомилъ ея сердце. А оскорбленіе не замретъ въ ней теперь никогда, и какъ бы ни была гадка грязь, которая ее ожидаетъ, — оскорбленіе возвыситъ и очиститъ ее... ненавистью... гм... можетъ, и прощеніемъ... А, впрочемъ, легче ль ей отъ всего этого будетъ?»

«А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужъ отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: что лучше, — дешевое ли счастье или возвышенныя страданія? Ну-ка, что лучше?»

Такъ мнѣ мерещилось, когда я сидѣлъ въ тотъ вечеръ у себя дома, едва живой отъ душевной боли. Никогда я не выносилъ еще столько страданія и раскаянія; но развѣ могло быть хоть какое-либо сомнѣ-

ніе, когда я выбѣгалъ изъ квартиры, что я не возвращусь съ полдороги домой? Никогда больше я не встрѣчалъ Лизу и ничего не слыхалъ о ней. Прибавлю тоже, что я надолго остался доволенъ *фразой* о пользѣ отъ оскорбленія и ненависти, несмотря на то, что самъ чуть не заболѣлъ тогда отъ тоски.

Даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, все это какъ-то слишкомъ *нехорошо* мнѣ припоминается. Многое мнѣ теперь нехорошо припоминается, но... не кончить ли ужъ тутъ «Записки»? Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ошибку, начавъ ихъ писать. По крайней мѣрѣ, мнѣ было стыдно во все время какъ я писалъ эту *повѣсть*: стало быть, это ужъ не литература, а исправительное наказаніе. Вѣдь рассказывать, напримѣръ, длинныя повѣсти о томъ, какъ я манкировалъ свою жизнь нравственнымъ растлѣніемъ въ углу, недостаткомъ среды, отвычкой отъ живого и тщательной злобой въ подпольѣ, — ей-Богу не интересно; въ романѣ надо героя, а тутъ *нарочно* собраны всѣ черты для анти-героя, а, главное, все это произведетъ пренепріятное впечатлѣніе, потому что мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякій болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подчасъ къ настоящей «живой жизни» какое-то омерзѣніе, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажимъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы исполнять. Ну, попробуйте, ну, дайте намъ, напримѣръ, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... да увѣряю же васъ: мы тотчасъ же попросимся опять обратно въ опеку. Знаю, что вы, можетъ быть, на меня за это

разсердитесь, закричите, ногами затопаете: «говорите, дескать, про себя одного и про ваши мизеры въ подпольѣ, а не смѣйте говорить: *вѣсть мья*. Позвольте, господа, вѣдь не оправдываюсь же я этимъ *вѣсть мьстболмъ*. Что же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ, въ моей жизни, до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя. Такъ что я, пожалуй, еще живѣе васъ выхожу. Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже не знаемъ, гдѣ и живое-то живетъ теперь, и что оно такое, какъ называется? Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся, — не будемъ знать куда примкнуть, чего придерживаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся. — человѣками съ настоящимъ, *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся этого, за позоръ считаемъ и норовимъ быть какими-то небывалыми общечеловѣками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то давно ужъ не отъ живыхъ отцовъ и это намъ все болѣе и болѣе правится. Во вкусъ входимъ. Скоро выдумаемъ родиться какъ-нибудь отъ идеи. Но довольно; — не хочу я больше писать «изъ Подполья»...

Впрочемъ, здѣсь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Онъ не выдержалъ и продолжалъ далѣе. Но намъ тоже кажется, что здѣсь можно и остановиться.

1864.

Крокодилъ

Необыкновенное событіе

или

Пассажъ въ Пассаждъ,

справедливая повѣсть о томъ, какъ одинъ господинъ извѣстныхъ лѣтъ и извѣстной наружности пассажнымъ крокодиломъ былъ проглоченъ живьемъ, весь безъ остатка, и что изъ этого вышло

Ohé Lambert ! Où est Lambert ?
As-tu vu Lambert ?

I

Сего тринадцатаго января текущаго шестьдесятъ пятаго года, въ половинѣ перваго пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвѣича, образованнаго друга моего, сослуживца и отчасти отдаленнаго родственника, пожелала посмотрѣть крокодила, показываемаго за извѣстную плату въ Пассаждъ. Имѣя уже въ карманѣ свой билетъ для выѣзда (не столько по болѣзни, сколько изъ любознательности) за границу, а слѣдственно уже считаясь по службѣ въ отпуску и, стало быть, будучи совершенно въ то утро свободенъ, Иванъ Матвѣичъ не только не воспрепятствовалъ непреодолимому желанію своей супруги, но даже самъ возгорѣлся любопытствомъ. «Прекрасная идея, — сказалъ онъ вседовольно, — осмотримъ крокодила! Собирались въ Европу, не худо познакомится еще на мѣстѣ съ населяющими ес туземцами», — и съ сими словами, принявъ подъ ручку свою супругу, тотчасъ же отправился

сть нею въ Пассажъ. Я же, по обыкновенію моему, увязался съ ними рядомъ, — въ видѣ домашняго друга. Никогда еще я не видалъ Ивана Матвѣича въ болѣе пріятномъ расположеніи духа, какъ въ то памятное для меня утро, — подлинно, что мы не знаемъ заранѣе судьбы своей! Войдя въ Пассажъ, онъ немедленно сталъ восхищаться великолѣпнѣмъ зданіемъ, а подойдя къ магазину, въ которомъ показывалось вновь привезенное въ столицу чудовище, самъ пожелалъ заплатить за меня четвертакъ крокодилщику, — чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Вступивъ въ небольшую комнату, мы замѣтили, что въ ней, кромѣ крокодила, заключаются еще попугаи изъ иностранной породы какаду и, сверхъ того, группа обезьянъ въ особомъ шкафу въ углубленіи. У самаго же входа, у лѣвой стѣны, стоялъ большой жестяной ящикъ въ видѣ какъ бы ванны, накрытый крѣпкою желѣзною сѣткой, а на днѣ его было на вершокъ воды. Въ этой-то мелководной лужѣ сохранялся огромнѣйшій крокодилъ, лежавшій какъ бревно, совершенно безъ движенія и видимо лишившійся всѣхъ своихъ способностей отъ нашего сырого и негостепріимнаго для иностранцевъ климата. Сіе чудовище ни въ комъ изъ насъ сначала не возбудило особаго любопытства.

— Такъ это-то крокодилъ! — сказала Елена Ивановна голосомъ сожалѣнія и нараспѣвъ, — а я думала, что онъ... какой-нибудь другой!

Вѣроятно же всего она думала, что онъ брилліантовый. Вышедшій къ намъ нѣмецъ, хозяинъ-собственникъ крокодила, съ чрезвычайно гордымъ видомъ смотрѣлъ на насъ.

— Онъ правъ, — шепнулъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ, — ибо сознаетъ, что онъ одинъ во всей Россіи показываетъ теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замѣчаніе я тоже отношу къ чрезмѣрно благодушному настроенію, овладѣв-

шему Иваномъ Матвѣичемъ, въ другихъ случаяхъ весьма завистливымъ.

— Мнѣ кажется, вашъ крокодилъ не живой, — проговорила опять Елена Ивановна, пикирующая неподатливостью хозяина и съ граціозной улыбкой обращаясь къ нему, чтобы преклонить сего грубіяна, — маневръ столь свойственный женщинамъ.

— О, нѣтъ, мадамъ, — отвѣчалъ тотъ ломанымъ русскимъ языкомъ и тотчасъ же, приподнявъ до половины сѣтку ящика, сталъ палочкой тыкать крокодила въ голову.

Тогда коварное чудище, чтобы показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостомъ, приподняло рыло и испустило нѣчто подобное продолжительному сопѣнію.

— Ну, не сердись, Карлъхенъ! — ласкательно сказалъ нѣмецъ, удовлетворенный въ своемъ самолюбіи.

— Какой противный этотъ крокодилъ! Я даже испугалась, — еще кокетливѣе пролепетала Елена Ивановна, — теперь онъ мнѣ будетъ спать въ снѣ.

— Но онъ васъ не укуситъ въ снѣ, мадамъ, — галантерейно подхватилъ нѣмецъ и прежде всѣхъ засмѣялся остроумію словъ своихъ, но никто изъ насъ не отвѣчалъ ему.

— Пойдемте, Семень Семеньчъ, — продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно къ мнѣ, — посмотримъ лучше обезьянъ. Я ужасно люблю обезьянъ; изъ нихъ такія душики... а крокодилъ ужасенъ.

— О, не бойся, другъ мой, — прокричалъ намъ вслѣдъ Иванъ Матвѣичъ, пріятно храбрясь передъ своею супругою. — Этотъ сонливый обитатель фараонова царства ничего намъ не сдѣлаетъ, — и остался у ящика. Мало того, взявъ свою перчатку, онъ началъ щекотать ею носъ крокодила, желая, какъ признался онъ послѣ, заставить его вновь сопѣть. Хозяинъ же послѣдовалъ за

Еленой Ивановной, какъ за дамою, къ шкафу съ обезьянами.

Такимъ образомъ все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидѣть. Елена Ивановна даже до рѣзвости развлекалась обезьянами и, казалось, вся отдавалась имъ. Она вскрикивала отъ удовольствія, непрерывно обращаясь ко мнѣ, какъ будто не желая и вниманія обращать на хозяйина, и хохотала отъ замѣчаемаго ею сходства сихъ мартышекъ съ ея короткими знакомыми и друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомнѣнное. Нѣмецъ-собственникъ не зналъ, смѣяться ему или нѣтъ и потому подъ конецъ совсѣмъ нахмурился. И, вотъ въ это-то самое мгновеніе, вдругъ страшный, могу даже сказать, неестественный крикъ потрясъ комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледѣлъ на мѣстѣ; но замѣчая, что кричить уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и — что же увидѣлъ я! Я увидѣлъ, — о, Боже! — я увидѣлъ несчастнаго Ивана Матвѣича въ ужасныхъ челюстяхъ крокодиловыхъ, перехваченнаго ими поперекъ туловища, уже поднятаго горизонтально на воздухъ и отчаянно болтавшаго въ немъ ногами. Затѣмъ — мигъ, и его не стало. Но опишу въ подробности, потому что я все время стоялъ неподвижно и успѣлъ разглядѣть весь происходившій передо мной процессъ съ такимъ вниманьемъ и любопытствомъ, какого никогда не запомню. — Ибо, — думалъ я въ ту роковую минуту, — что если бъ, вмѣсто Ивана Матвѣича, случилось все это со мной, — какова была бы тогда мнѣ неприятность! Но къ дѣлу. Крокодилъ началъ съ того, что, повернувъ бѣднаго Ивана Матвѣича въ своихъ ужасныхъ челюстяхъ къ себѣ ногами, сперва проглотилъ самыя ноги; потомъ, отрыгнувъ немного Ивана Матвѣича, старавшагося выскочить и цѣплявшагося руками за ящикъ, вновь втянулъ его въ себя уже выше поясницы. Потомъ, отрыгнувъ еще, глотнулъ еще и еще разъ. Такимъ образомъ, Иванъ

Матвѣичъ видимо исчезалъ въ глазахъ нашихъ. Наконецъ, глотнувъ окончательно, крокодилъ вобралъ въ себя всего моего образованнаго друга и на этотъ разъ уже безъ остатка. На поверхности крокодила можно было замѣтить, какъ проходилъ по его внутренности Иванъ Матвѣичъ со всѣми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, какъ вдругъ судьба еще разъ захотѣла вѣроломно подшутить надъ нами: крокодилъ понатужился, вѣроятно, давясь отъ огромности проглоченнаго имъ предмета, снова раскрылъ всю ужасную пасть свою, изъ нея, въ видѣ послѣдней отрыжки, вдругъ на одну секунду выскочила голова Ивана Матвѣича, съ отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ, при чемъ очки его мгновенно свалились съ его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтобъ еще разъ бросить послѣдній взглядъ на всѣ предметы и мысленно проститься со всѣми свѣтскими удовольствіями. Но она не успѣла въ своемъ намѣреніи: крокодилъ вновь собрался съ силами, глотнулъ и мигъ она снова исчезла, и въ этотъ разъ уже навѣки. Это появленіе и исчезновеніе еще живой человѣческой головы было такъ ужасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, — отъ быстроты ли и неожиданности дѣйствія, или вслѣдствіе паденія съ носу очковъ, — заключало въ себѣ что-то до того смѣшное, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно фыркнулъ; по спохватившись, что смѣяться въ такую минуту мѣтъ, въ качествѣ домашняго друга, неприлично, — обратился тотчасъ же къ Еленѣ Ивановнѣ и съ симпатическимъ видомъ сказалъ ей:

— Теперь кануть нашему Ивану Матвѣичу!

Не могу даже и подумать выразить, до какой степени было сильно волненіе Елены Ивановны въ продолженіе всего процесса. Сначала, послѣ перваго крика, она какъ бы замерла на мѣстѣ и смотрѣла на представлявшуюся ей кутерьму, повидимому, равнодушно, но

съ чрезвычайно выкатившимися глазами; потомъ вдругъ залилась раздрающимъ воплемъ, но я схватилъ ее за руки. Въ это мгновеніе и хозяйинъ, сначала тоже отупѣвшій отъ ужаса, вдругъ всплеснулъ руками и закричалъ, глядя на небо:

— О, мой крокодиль, о мейнъ аллерлибстеръ Карльхенъ! Муттеръ, муттеръ, муттеръ!

На этотъ крикъ отворилась задняя дверь и показалась муттеръ, въ чепцѣ, румяная, пожилая, но растрепанная, и съ визгомъ бросилась къ своему нѣмцу.

Тутъ-то начался содомъ: Елена Ивановна выкрикивала какъ изступленная одно только слово: «вспороть! вспороть!» и бросалась къ хозяйину и къ муттеръ, повидимому, упрасывая ихъ — вѣроятно, въ самозабвеніи — кого-то и за что-то вспороть. Хозяинъ же и муттеръ ни на кого изъ насъ не обращали вниманія: они оба были, какъ телята около ящика.

— Онъ пронадиль, онъ сейчасъ будетъ лопаль, потому что онъ проглатилъ ганць чиновникъ! — кричалъ хозяйинъ.

— Уизеръ Карльхенъ, уизеръ аллерлибстеръ Карльхенъ вирдъ штербенъ! — выла хозяйка.

— Мы сироттъ и безъ клѣббъ! — подхватывалъ хозяйинъ.

— Вспороть, вспороть, вспороть! — заливалась Елена Ивановна, вдѣпившись въ сюртукъ нѣмца.

— Онъ дразнилъ крокодиль, — зачѣмъ вашъ мужъ дразнилъ крокодиль! — кричалъ, отбиваясь, нѣмецъ, — ви заплатитъ, если Карльхенъ вирдъ лопаль, — дасъ варъ мейнъ зонъ, дасъ варъ мейнъ айнцигеръ зонъ!

Признаюсь, я былъ въ страшномъ негодованіи, видя такой эгоизмъ заѣзжаго нѣмца и сухость сердца въ его растрепанной муттеръ; тѣмъ не менѣе, непрерывно повторяемые крики Елены Ивановны «вспороть, вспороть!» еще болѣе возбуждали мое безпокойство и увлекли, наконецъ, все мое вниманіе, такъ что я даже испугался...

Скажу заранѣе — странныя сіи восклицанія были поняты мною совершенно превратно: мнѣ показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновеніе рассудокъ, но тѣмъ не менѣе, желая отмстить за погибель любезнаго ей Ивана Матвѣича, предлагала, въ видѣ стѣдуемаго ей удовлетворенія, наказать крокодила розгами. А между тѣмъ она разумѣла совсѣмъ другое. Не безъ смущенія озираясь на дверь, началъ я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять щекотливаго слова: «вспороть». Ибо такое ретроградное желаніе, здѣсь, въ самомъ сердцѣ Пассажа и образованнаго общества, въ двухъ шагахъ отъ той самой залы, гдѣ, можетъ быть, въ эту самую минуту господинъ Лавровъ читалъ публичную лекцію, — не только было невозможно, но даже немислимо и съ минуты на минуту могло привлечь на насъ свистки образованности и карикатуры г-на Степапова. Къ ужасу моему, я немедленно оказался правъ въ пугливыхъ подозрѣніяхъ моихъ: вдругъ раздвинулась занавѣсъ, отдѣлявшая крокодилъную отъ входной каморки, въ которой собирали четвертаки, и на порогѣ показалась фигура съ усами, съ бородой и съ фуражкой въ рукахъ, весьма сильно нагибавшаяся верхнею частью тѣла впередъ и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогомъ крокодилъной, чтобъ сохранить за собою право не заплатить за входъ.

— Такое ретроградное желаніе, сударыня, — сказалъ незнакомецъ, стараясь не перевалиться какъ-нибудь къ намъ и устоять за порогомъ, — не дѣлаетъ чести вашему развитію и обусловливается недостаткомъ фосфора въ вашихъ мозгахъ. Вы немедленно будете ослеплены въ хроникѣ прогресса и въ сатирическихъ листкахъ нашихъ . . .

Но онъ не докончилъ: опомнившійся хозяинъ, съ ужасомъ увидѣвъ челоуѣка, говорящаго въ крокодилъной и ничего за это не заплатившаго, съ яростію бро-

силея на прогрессивнаго незнакомца и обоими кулаками вытолкать его въ шею. На минуту оба скрылись изъ глазъ нашихъ за занавѣсью, и тутъ только я, наконецъ, догадался, что вся кутерьма вышла изъ ничего; Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала, — какъ уже замѣтилъ я выше, — подвергать крокодила ретроградному и унизительному наказанію розгами, а просто-напросто пожелала, чтобъ ему только испороли ножомъ брюхо и такимъ образомъ освободили изъ его внутренности Ивана Матвѣича.

— Какъ! Вы хатить, чтобъ мой крокодилъ пропалъ! — завопилъ вбѣжавшій опять хозяинъ: — пѣтъ, пускай вашъ мужъ сперва пропалъ, а потомъ крокодилъ!.. Мейнъ фатеръ показаль крокодилъ, мейнъ гросфатеръ показаль крокодилъ, мейнъ зонъ будетъ показать крокодилъ, и я будетъ показать крокодилъ! Всѣ будутъ показать крокодилъ. Я ганцъ Европа извѣстенъ, а ви не извѣстенъ ганцъ Европа и миѣ платить штрафъ.

— Я, я! — подхватила злобная иѣмка, — ми вась не пускайтъ, штрафъ когда Карлъхенъ лопаѣть!

— Да и безполезно испарывать, — спокойно прибавилъ я, желая отвлечь Елену Ивановну поскорѣе домой, — ибо нашъ милый Иванъ Матвѣичъ по всей вѣроятности парить теперь гдѣ-нибудь въ эмпиреяхъ.

— Другъ мой, — раздался въ эту минуту совершенно неожиданно голосъ Ивана Матвѣича, изумившій насъ до крайности, — другъ мой, мое мнѣніе — дѣйствовать прямо черезъ контору надзирателя, ибо иѣмецъ безъ помощи полиціи не пойметъ истины.

Эти слова, высказанныя твердо, съ вѣсомъ и выражавшія присутствіе духа необыкновенное, сначала до того изумили насъ, что мы все отказались было вѣрить ушамъ нашимъ. Но, разумѣется, тотчасъ же подбѣжали къ крокодильному ящику и столько же съ благоговѣніемъ, сколько и съ недоувѣрчивостью слушали

несчастливаго узника. Голосъ его былъ заглушенный, тоненькій и даже крикливый, какъ будто выходившій изъ значительнаго отъ насъ отдаленія. Похоже было на то, когда какой-либо шутникъ, уходя въ другую комнату и закрывъ ротъ обыкновенной спальной подушкой, начинаетъ кричать, желая представить оставшейся въ другой комнатѣ публикѣ, какъ перекликаются два мужика въ пустынѣ или, будучи раздѣлены между собою глубокимъ оврагомъ, — что я имѣлъ удовольствіе слышать однажды у моихъ знакомыхъ на святкахъ.

— Иванъ Матвѣичъ, другъ мой, итакъ ты живъ!
— лепетала Елена Ивановна.

— Живъ и здоровъ, — отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ, — и благодаря Всевышняго проглоченъ безъ всякаго поврежденія. Безпокоюсь же единственно о томъ, какъ взглянетъ на сей эпизодъ начальство; ибо, получивъ билетъ за границу, угодила въ крокодила, что даже и неостроумно...

— Но, другъ мой, не заботься объ остроуміи; прежде всего надобно тебя отсюда какъ-нибудь выковырять, — прервала Елена Ивановна.

— Ковырайтъ! — вскричалъ хозяинъ, — я не дамъ ковырайтъ крокодилъ. Теперь публикумъ будетъ очень больше ходить, а я буду фуфцигъ копеекъ просить, и Карльхенъ перестанетъ лопаль.

— Готъ зей данкъ! — подхватила хозяйка.

— Они правы, — спокойно замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, — экономическій принципъ прежде всего.

— Другъ мой, — закричалъ я, — сейчасъ же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что намъ однимъ этой каши не сварить.

— И я то же думаю, — замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, — но безъ экономическаго вознагражденія трудно въ нашъ вѣкъ торговаго кризиса даромъ испоротъ брюхо крокодилово, а между тѣмъ представляется неизбѣжный вопросъ: что возьметъ хозяинъ за своего крокоди-

тивный; какой вы вздоръ говорите... Скажите — я очень красна?

— Вы прекрасны, а не красны! — замѣтилъ я, пользуясь случаемъ сказать комплиментъ.

— Шалунъ! — пролетела она самодовольно. — Бѣдный Иванъ Матвѣичъ, — прибавила она черезъ минуту, кокетливо склонивъ на плечо головку, — мнѣ, право, его жаль. Ахъ, Боже мой! — вдругъ вскрикнула она, — скажите, какъ же онъ будетъ сегодня тамъ кушать и... и... какъ же онъ будетъ... если ему чего-нибудь будетъ надобно?

— Вопросъ непредвидѣнный, — отвѣчалъ я, тоже озадаченный. Мнѣ по правдѣ это не приходило и въ голову, до того женщины практичнѣе насъ мужчинъ, при рѣшеніи житейскихъ задачъ!

— Бѣдняжка, какъ это онъ такъ втюрился... и никакихъ развлеченій, и темно... какъ досадно, что у меня не осталось его фотографической карточки... Итакъ, я теперь въ родѣ вдовы, — прибавила она съ обольстительной улыбкой, очевидно, интересуясь по-вымъ своимъ положеніемъ, — гм... все-таки мнѣ его жаль!..

Однимъ словомъ — выражалась весьма понятная и естественная тоска молодой и интересной жены о погибшемъ мужѣ. Я привелъ ее, наконецъ, домой, успокоилъ и, пообѣдавъ вмѣстѣ съ нею, послѣ чашки ароматнаго кофе отправился въ шесть часовъ къ Тимоѣю Семенычу, рассчитывая, что въ этотъ часъ всѣ семейные люди опредѣленныхъ занятій сидятъ или лежатъ по домамъ.

Написавъ сію первую главу слогомъ, приличнымъ рассказанному событію, я намѣренъ далѣе употреблять слогъ хотя и не столь возвышенный, но зато болѣе натуральный, о чемъ извѣщаю заранѣе читателя.

II

Почтенный Тимоѳей Семенычъ встрѣтилъ меня какъ-то торопливо и какъ будто немного смѣшавшись. Онъ провелъ меня въ свой тѣсный кабинетъ и плотно притворилъ дверь: «чтобы дѣти не мѣшали», проговорилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. Затѣмъ посадилъ меня на стулъ у письменнаго стола, самъ сѣлъ въ кресла, запахнулъ полы своего стараго ватнаго халата, и принялъ, на всякій случай, какой-то официальный, даже почти строгій видъ, хотя вовсе не былъ имъ или Ивана Матвѣича начальникомъ, а считался до сихъ поръ обыкновеннымъ сослуживцемъ и даже знакомымъ.

— Прежде всего, — началъ онъ, — возьмите во вниманіе, что я не начальство, а такой же точно подначальный человѣкъ, какъ и вы, какъ и Иванъ Матвѣичъ... Я сторона и ввязаться ни во что не намѣренъ.

Я удивился, что, повидимому, онъ уже все это знаетъ. Несмотря на то, рассказалъ ему вновь всю исторію съ подробностями. Говорилъ я даже съ волненіемъ, ибо исполнялъ въ эту минуту обязанность истиннаго друга. Онъ выслушалъ безъ особаго удивленія, но съ явнымъ признакомъ подозрительности.

— Представьте, — сказалъ онъ, выслушавъ, — я всегда полагалъ, что съ нимъ непременно это случится.

— Почему же-съ, Тимоѳей Семенычъ, случай самъ по себѣ весьма необыкновенный-съ...

— Согласенъ. Но Иванъ Матвѣичъ во все теченіе службы своей именно клонилъ къ такому результату. Притокъ-съ, заносчивъ даже. Все «прогрессъ» да разныя идеи-съ, а вотъ куда прогрессъ-то приводитъ!

— Но вѣдь это случай самый необыкновенный, и общимъ правиломъ для всѣхъ прогрессистовъ его никакъ нельзя положить...

— Нѣтъ, ужъ это такъ-съ. Это, видите ли, отъ излишней образованности происходитъ, повѣрьте мнѣ-съ. Ибо люди излишне образованные лѣзутъ во всякое мѣсто-съ и преимущественно туда, гдѣ ихъ вовсе не спрашиваютъ. Впрочемъ, можетъ, вы больше знаете. — прибавилъ онъ, какъ бы обижаясь. — Я человѣкъ не столь образованный и старій; съ солдатскихъ дѣтей началъ, и службѣ моей пятидесятилѣтній юбилей сего года пошелъ-съ.

— О, нѣтъ, Тимоѳеи Семенычъ, помилуйте. Напротивъ, Иванъ Матвѣичъ жаждетъ вашего совѣта, руководства вашего жаждетъ. Даже, такъ сказать, со слезами-съ.

— «Такъ сказать со слезами-съ». Гм. Ну, это слезы крокодиловы и имъ не совѣтъ можно вѣрить. Ну, зачѣмъ, скажите, потянуло его за границу? Да и на какія деньги? Вѣдь онъ и средствъ не имѣетъ.

— На скопленное, Тимоѳеи Семенычъ, изъ послѣднихъ наградныхъ, — отвѣчалъ я жалобно. — Всего на три мѣсяца хотѣлъ съѣздить, — въ Швейцарію... на родину Вильгельма Теля.

— Вильгельма Теля? Гм!

— Въ Неаполѣ встрѣтитъ весну хотѣлъ-съ. Осмотрѣть музей, нравы, животныхъ...

— Гм! Животныхъ! А по-моему такъ просто изъ гордости. Какихъ животныхъ? Животныхъ? Развѣ у насъ мало животныхъ? Есть звѣринцы, музеи, верблюды. Медвѣди подъ самымъ Петербургомъ живутъ. Да вотъ онъ и самъ засѣлъ въ крокодилѣ...

— Тимоѳеи Семенычъ, помилуйте, человѣкъ въ несчастіи, человѣкъ прибѣгаетъ какъ къ другу, какъ къ старшему родственнику, совѣта жаждетъ, а вы — укоряете... Пожалѣйте хоть несчастную Елену Ивановну!

— Это вы про супругу-съ? Интересная дамочка, — проговорилъ Тимоѳеи Семенычъ, видимо смягчаясь

и съ аштитомъ нюхнувъ табаку. — Особа субтильная. И какъ полна, и головку все такъ на бочокъ, на бочокъ... Очень приятно-съ. Андрей Осипычъ еще третяго дня упоминаль.

— Упоминаль?

— Упоминаль-съ, и въ выраженіяхъ весьма лестныхъ. Бюсть, говоритъ, взгляды, прическа... Конфетка, говоритъ, а не дамочка, и тутъ же засмѣялись. Молодые они еще люди. — Тимошей Семенычъ съ трескомъ высморкался. — А между тѣмъ вотъ и молодой человекъ, а какую карьеру себѣ составляютъ-съ...

— Да вѣдь тутъ совѣмъ другое, Тимошей Семенычъ?

— Конечно, конечно-съ.

— Такъ какъ же, Тимошей Семенычъ?

— Да что же я-то могу сдѣлать?

— Посовѣтуйте-съ, руководите, какъ опытный человекъ, какъ родственникъ! Что предпринять? Идти ли по начальству или...

— По начальству? Отнюдь нѣтъ-съ, — торопливо произнесъ Тимошей Семенычъ. — Если хотите совѣта, то прежде всего надо это дѣло занять и дѣйствовать, такъ сказать, въ видѣ частнаго лица. Случай подозрительный-съ, да и небывалый. Главное, небывалый, примѣра не было-съ, да и плохо рекомендующій... Поэтому осторожность прежде всего... Пусть ужъ тамъ себѣ полежитъ. Надо выждать, выждать...

— Да какъ же выждать, Тимошей Семенычъ? Ну что если онъ тамъ задохнется?

— Да почему же-съ? Вѣдь вы, кажется, говорили, что онъ даже съ довольнымъ комфортомъ устроился?

Я рассказалъ все оная. Тимошей Семенычъ задумался.

— Гм! — проговорилъ онъ, вертя табакерку въ рукахъ, — по-моему, даже и хорошо, что онъ тамъ

на время полежить, вмѣсто заграницы-то съ. Пусть на досугѣ подумаетъ; разумѣется, задыхаться не надо, и потому надо взять надлежащія мѣры для сохраненія здоровья: ну, тамъ, остерегаться кашля и прочаго... А что касается иѣмца, то, по моему личному мнѣнію, онъ въ своемъ правѣ, и даже болѣе другой стороны, потому что въ его крокодила влѣзли безъ спросу, а не онъ влѣзъ безъ спросу въ крокодила Ивана Матвѣичева, у котораго, впрочемъ, сколько я запомню, и не было своего крокодила. Ну-съ, а крокодилъ составляетъ собственность, стало быть, безъ вознагражденія его взрѣзать нельзя-съ.

— Для спасенія человѣчества, Тимошей Семенычъ.

— Ну ужъ это дѣло полиціи-съ. Туда и слѣдуетъ отнести.

— Да вѣдь Иванъ Матвѣичъ и можетъ у насъ понадобиться. Его могутъ потребовать-съ.

— Иванъ-то Матвѣичъ понадобится? Хе-хе! Къ тому же вѣдь онъ считается въ отпуску, стало быть, мы можемъ и игнорировать, а онъ пусть осматриваетъ тамъ европейскія земли. Другое дѣло, если онъ послѣ срока не явится, ну тогда и спросимъ, справки наведемъ...

— Три-то мѣсяца! Тимошей Семенычъ, помилуйте!

— Самъ виновать-съ. Ну, кто его туда соваль? Этакъ, пожалуй, придется ему казенную няшку нанять-съ, а этого и по штату не полагается. А главное — крокодилъ есть собственность, стало быть, тутъ уже такъ-называемый экономическій принципъ въ дѣйствіи. А экономическій принципъ прежде всего-съ. Еще третьяго дня у Луки Андренча на вечерѣ Игнатій Прокофѣичъ говорилъ. Игнатія Прокофѣича знаете? Капиталистъ, при дѣлахъ-съ, и, знаете, складно такъ говоритъ: «Намъ нужна, говоритъ, промышленность, промышленности у насъ мало. Надо ее родить. Надо капиталы родить, значитъ, среднее сословіе, такъ-на-

зываемую буржуазію надо родить. А такъ какъ нѣтъ у насъ капиталовъ, значить, надо ихъ изъ-за границы привлечь. Надо, во-первыхъ, дать ходъ иностраннымъ компаніямъ для скупки по участкамъ нашихъ земель, какъ вездѣ утверждено теперь за границей. Общинная собственность — ядь, говоритъ, гибель! И, знаете, съ жаромъ такъ говоритъ; ну, имъ прилично: люди капитальные... да и не служащіе. Съ общиной, говоритъ, ни промышленность, ни земледѣліе не возвысятъ. Надо, говоритъ, чтобъ иностранныя компаніи скупили по возможности всю нашу землю по частямъ, а потомъ дробить, дробить, дробить какъ можно въ мелкіе участки, и, знаете, — рѣшительно такъ произносить: др-р-р-обить, говоритъ, а потомъ и продавать въ личную собственность. Да и не продавать, а просто арендовать. Когда, говоритъ, вся земля будетъ у привлеченныхъ иностранныхъ компаній въ рукахъ, тогда, значить, можно какую угодно цѣну на аренду пазначить. Стало быть, мужикъ будетъ работать уже втрое, изъ одного насущнаго хлѣба, и его можно когда угодно согнать. Значить, онъ будетъ чувствовать, будетъ покорень, прилеженъ и втрое за ту же цѣну выработаетъ. А теперь въ общинѣ что ему! Знаетъ, что съ голоду не помретъ, ну и лѣнитъ, и пьянствуетъ. А межъ тѣмъ къ намъ и деньги привлекутся, и капиталы заведутся, и буржуазія пойдетъ. Вонъ и англійская политическая и литературная газета *Теймсъ*, разбирая наши финансы, отзывалась намедни, что потому и не растутъ наши финансы, что средняго сословія нѣтъ у насъ, кошелей большихъ нѣтъ, пролетаріевъ услужливыхъ нѣтъ... Хорошо говоритъ Игнатій Прокофѣичъ. Ораторъ-съ. Самъ по начальству отзывъ хочетъ подать и потомъ въ *Извѣстіяхъ* напечатать. Это ужъ не стишки, подобно Ивану Матвѣичу...

— Такъ какъ же Иванъ-то Матвѣичъ? — ввернулъ я, давъ поболтать старику. Тимофеей Семенычъ

любилъ иногда поболтать и тѣмъ показать, что и онъ не отсталъ и все это знаетъ.

— Иванъ-то Матвѣичъ какъ-съ? Такъ вѣдь я къ тому и клоню-съ. Самъ же мы вотъ хлопочемъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ въ отечество, а вотъ посудите, едва только капиталъ привлеченнаго крокодилыщика удвоился черезъ Ивана Матвѣича, а мы, чѣмъ бы протезировать иностраннаго собственника, напротивъ, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспороть. Ну, сообразно ли это? По-моему, Иванъ Матвѣичъ, какъ истинный сынъ отечества, долженъ еще радоваться и гордиться тѣмъ, что собою цѣнность иностраннаго крокодила удвоилъ, а, пожалуй, еще и утроилъ. Это для привлеченія надобно-съ. Удастся одному, смотришь и другой съ крокодиломъ пріѣдетъ, а третій ужъ двухъ и трехъ заразъ привезетъ, а около нихъ капиталы группируются. Вотъ и буржуазія. Надобно поощрять-съ.

— Помилуйте, Тимоѣей Семенычъ, — вскричалъ я, — да вы требуете почти неестественнаго самоотверженія отъ бѣднаго Ивана Матвѣича!

— Ничего я не требую-съ, и прежде всего прошу васъ, — какъ уже и прежде просилъ, — сообразить, что я не начальство и, стало быть, требовать ни отъ кого и ничего не могу. Какъ сынъ отечества говорю, то-есть говорю не какъ *Сынъ Отечества*, а просто какъ сынъ отечества говорю. Опять-таки кто жъ велѣлъ ему лѣзть въ крокодила? Человѣкъ солидный, человѣкъ извѣстнаго чина, состоящій въ законномъ бракѣ и вдругъ, — такой шагъ! Сообразно ли это?

— Но вѣдь этотъ шагъ случился нечаянно-съ.

— А кто его знаетъ? И при томъ изъ какихъ суммъ заплатить крокодилыщнику, скажите-ка?

— Развѣ въ счетъ жалованья, Тимоѣей Семенычъ.

— Достанетъ ли-съ?

— Не достанетъ, Тимоѣей Семенычъ, — отвѣчалъ

я съ грустію. — Крокодилщикъ сначала испугался, что лопнетъ крокодилъ, а потомъ, какъ убѣдился, что все благополучно, заважничалъ и обрадовался, что можетъ цѣну удвоить.

— Утроить, учетверить развѣ! Публика теперь прихлынетъ, а крокодилщики ловкій народъ. Къ тому же и мясоѣдъ, склонность къ увеселеніямъ и потому, — повторяю, — прежде всего пусть Иванъ Матвѣичъ наблюдаетъ инкогнито, пусть не торопится. Пусть всѣ, пожалуй, знаютъ, что онъ въ крокодилѣ, но не знаютъ официально. Въ этомъ отношеніи Иванъ Матвѣичъ находится даже въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что числится за границей. Скажутъ, что въ крокодилѣ, а мы и не повѣримъ. Это можно такъ подвести. Главное — пусть выжидаетъ; да и куда ему снѣшить?

— Ну, а если...

— Не безпокойтесь, сложенія плотнаго-съ...

— Ну, а потомъ, когда выждетъ?

— Ну-съ, не скрою отъ васъ, что случай до крайности казусный. Сообразиться нельзя-съ, и, главное, то вредить, что не было до сихъ поръ примѣра подобнаго. Будь у насъ примѣръ, еще можно бы какъ-нибудь руководствоваться. А то какъ тутъ рѣшить? Станешь соображать, а дѣло затянется.

Счастливая мысль блеснула у меня въ головѣ.

— Нельзя ли устроить такъ-съ, — сказалъ я, — что ужъ если суждено ему оставаться въ нѣдрахъ чудовища и, волею Провидѣнія, сохранится его животь, нельзя ли подать ему прошеніе о томъ, чтобы числиться по службѣ?

— Гм... развѣ въ видѣ отпуска и безъ жалованья...

— Нѣтъ-съ, нельзя ли съ жалованьемъ-съ?

— На какомъ же основаніи?

— Въ видѣ командировки...

— Какой и куда?

— Да въ иѣдра же, въ крокодиловы иѣдра... Такъ сказать, для справокъ, для изученія фактовъ на мѣстѣ. Конечно, это будетъ ново, но вѣдь это прогрессивно и въ то же время покажетъ заботливость о просвѣщеніи-сь...

Тимоѳеи Семенычъ задумался.

— Командировать особаго чиновника, — сказалъ онъ, наконецъ: — въ иѣдра крокодила, для особыхъ порученій, по моему личному мнѣнію — нелѣпо-сь. По штату не полагается. Да и какія могутъ быть туда порученія?

— Да для естественнаго, такъ сказать, изученія природы на мѣстѣ, въ живьѣ-сь. Иныче все пошли естественныя науки-сь, ботаника... Онъ бы тамъ жилъ и общался-сь... Ну, тамъ о пищевареніи или просто о правахъ. Для скопленія фактовъ-сь.

— То-есть это по части статистики. Ну, въ этомъ я не силенъ, да и не философъ. Вы говорите: факты, — мы и безъ того завалены фактами и не знаемъ, что съ ними дѣлать. При томъ же эта статистика опасна...

— Чѣмъ же-сь?

— Опасна-сь. И къ тому жъ, согласитесь, онъ будетъ сообщать факты, такъ сказать, лежа на боку. А развѣ можно служить лежа на боку? Это ужъ опять нововведеніе, и при томъ опасное-сь; и опять-таки примѣра такого не было. Вотъ если бъ намъ хоть какой-нибудь примѣрчикъ, такъ, по моему мнѣнію, пожалуй, и можно бы командировать.

— Но вѣдь и крокодиловъ живыхъ не привозили до сихъ поръ, Тимоѳеи Семенычъ.

— Гм! Да... — онъ опять задумался. — Если хотите, это возраженіе ваше справедливо и даже могло бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему производству дѣла. Но опять возьмите и то, что если съ появленіемъ живыхъ крокодиловъ начнутъ исчезать служащіе и по-

томъ, на основаніи того, что тамъ тепло и мягко, будутъ требовать туда командировокъ, а потомъ лежать на боку... согласитесь сами — дурной примѣръ-сь. Вѣдь этакъ, пожалуй, всякій туда полѣзеть даромъ деньги-то брать.

— Порадѣйте, Тимоѳеи Семенычъ! Кстати-сь: Иванъ Матвѣичъ просилъ передать вамъ карточный должокъ, семь рублей, въ ералашъ-сь.

— Ахъ, это онъ проигралъ напередни, у Никифоръ Никифорыча! Помню-сь. И какъ онъ тогда былъ весель, смѣшилъ, и вотъ!..

Старикъ былъ искренно тронутъ.

— Порадѣйте, Тимоѳеи Семенычъ.

— Похлопочу-сь. Отъ своего лица поговорю, частнымъ образомъ въ видѣ справки. А, впрочемъ, разузнайте-ка такъ, неофициально, со стороны, какую именно цѣну согласился бы взять хозяинъ за своего крокодила?

Тимоѳеи Семенычъ видимо подобрѣлъ.

— Непремѣнно-сь, отвѣчалъ я: — и тотчасъ же явлюсь къ вамъ съ отчетомъ.

— Супруга-то... одна теперь? Скучаетъ?

— Вы бы навѣстили, Тимоѳеи Семенычъ.

— Навѣщу-сь, я еще давеча подумалъ, да и случай удобный... И зачѣмъ, зачѣмъ это его дергало смотрѣть крокодила! А, впрочемъ, я бы и самъ желалъ посмотреть.

— Навѣстите-ка бѣднаго, Тимоѳеи Семенычъ.

— Навѣщу-сь. Конечно, я этимъ шагомъ моимъ не хочу обнадеживать. Я прибуду какъ частное лицо... Ну-сь, до свиданія, я вѣдь опять къ Никофоръ Никифорычу; будете?

— Нѣтъ-сь, я къ узнику.

— Да-сь, вотъ теперь и къ узнику!.. Э-эхъ, легкомысліе!

Я распростился со старикомъ. Разнообразныя мысли

ходили въ моей головѣ. Добрый и честнѣйшій человекъ Тимошей Семенычъ, а выходя отъ него, я, однако, порадовался, что ему былъ уже пятидесятилѣтній юбилей и что Тимошей Семенычи у насъ теперь рѣдкость. Разумѣется, я тотчасъ полетѣлъ въ Пассажъ обо всемъ сообщить бѣдняжкѣ Ивану Матвѣичу. Да и любопытство разбирало меня: какъ онъ тамъ устроился въ крокодилѣ, и какъ это можно жить въ крокодилѣ? Да и можно ли, дѣйствительно, жить въ крокодилѣ? Порой мнѣ, право, казалось, что все это какой-то чудовищный сонъ, тѣмъ болѣе, что и дѣло-то шло о чудовищѣ...

III

И однакожъ, это былъ не сонъ, а настоящая, несомнѣнная дѣйствительность. Иначе, — сталъ ли бы я и рассказывать! Но продолжаю...

Въ Пассажъ я попалъ уже поздно, около девяти часовъ, и въ крокодильную припужденъ былъ войти съ задняго хода, потому что иѣмецъ заперъ магазинъ на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго. Онъ расхаживалъ по-домашнему въ какомъ-то засаленномъ старомъ сюртучишкѣ, но самъ еще втрое довольнѣе, чѣмъ давеча утромъ. Видно было, что онъ уже ничего не боится и что «публикумъ много ходилъ». Муттеръ вышла уже потомъ, очевидно затѣмъ, чтобы слѣдить за мной. Иѣмецъ съ муттеръ часто перешептывались. Несмотря на то, что магазинъ былъ уже запертъ, онъ все-таки взялъ съ меня четвертакъ. И что за ненужная аккуратность!

— Ви каждый разъ будетъ платиль; публикумъ будетъ рубль платиль, а ви одинъ четвертакъ, ибо ви добры друкъ вашего добры друкъ, а я почитаю друкъ...

— Живъ ли, живъ ли образованный другъ мой! — громко вскричалъ я, подходя къ крокодилу и надѣясь, что слова мои еще издали достигнутъ Ивана Матвѣича и польстятъ его самолюбію.

— Живъ и здоровъ, — отвѣчалъ онъ, какъ будто издали или какъ бы изъ-подъ кровати, хотя я стоялъ подлѣ него: — живъ и здоровъ, но объ этомъ послѣ . . . Какъ дѣла?

Какъ бы нарочно не разслышавъ вопроса, я было началъ съ участіемъ и поспѣшностію самъ его разспрашивать: какъ онъ, что онъ и каково въ крокодилѣ и что такое вообще внутри крокодила? Это требовалось и дружествомъ и обыкновенною вѣжливостію. Но онъ капризно и съ досадою перебилъ меня:

— Какъ дѣла? — прокричалъ онъ, по обыкновенію мною командуя, своимъ визгливымъ голосомъ, чрезвычайно на этотъ разъ отвратительнымъ.

Я рассказалъ всю мою бесѣду съ Тимоѣемъ Семеничемъ до послѣдней подробности. Рассказывая, я старался выказать нѣсколько обиженный тонъ.

— Старикъ правъ, — рѣшилъ Иванъ Матвѣичъ такъ же рѣзко, какъ и по всегданнему обыкновенію своему въ разговорахъ со мной. — Практическихъ людей люблю и не терплю сладкихъ мямлей. Готовъ, однако, сознаться, что и твоя идея насчетъ командировки не совершенно нелѣпа. Дѣйствительно многое ему могу сообщить и въ научномъ и въ нравственномъ отношеніи. Но теперь это все принимаетъ новый и неожиданный видъ и не стоитъ хлопотать изъ одного только жалованья. Слушай внимательно. Ты сидишь?

— Нѣтъ, стою.

— Садись на что-нибудь, ну хоть на полъ и слушай внимательно.

Со злобою взялъ я стулъ и въ сердцахъ, устанавливая, стукнулъ имъ объ полъ.

— Слушай, — началъ онъ повелительно, — публики сегодня приходило цѣлая бездна. Къ вечеру не хватило мѣста, и для порядка явилась полиція. Въ восемь часовъ, то-есть ранѣе обыкновеннаго, хозяинъ нашелъ даже нужнымъ запереть магазинъ и прекратить

представленіе, чтобъ сосчитать привлеченныя деньги и удобнѣе приготовиться къ завтраму. Знаю, что завтра соберется цѣлая ярмарка. Такимъ образомъ, надо полагать, что все образованнѣйшіе люди столицы, дамы высшаго общества, иноземные посланники, юристы и проч. здѣсь перебиваются. Мало того: стануть наѣзжать изъ многостороннихъ провинцій нашей обширной и любопытной имперіи. Въ результатъ — я у всехъ на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Стану поучать праздную толпу. Наученный опытомъ, представлю изъ себя примѣръ величія и смиренія передъ судьбою! Буду, такъ сказать, каедрой, съ которой начну поучать человѣчество. Даже одни естественно-научныя свѣдѣнія, которыя могу сообщить объ обитаемомъ мною чудовищѣ, — драгоценны. И потому не только не ропщу на давешній случай, но твердо надѣюсь на блистательнѣйшую изъ карьеръ.

— Не наскучило бы? — замѣтилъ я ядовито.

Всего болѣе обозлило меня то, что онъ почти уже совсѣмъ пересталъ употреблять личныя мѣстоименія, — до того заважничалъ. Тѣмъ не менѣе все это меня сбило съ толку. Съ чего, съ чего эта легкомысленная башка куражится! — скрежеталъ я шопотомъ про себя. Тутъ надо плакать, а не куражиться.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ онъ рѣзко на мое замѣчаніе, — ибо весь проникнуть великими идеями, только теперь могу на досугъ мечтать объ улучшеніи судьбы всего человѣчества. Изъ крокодила выйдетъ теперь правда и свѣтъ. Несомнѣнно изобрѣту новую собственную теорію новыхъ экономическихъ отношеній и буду гордиться ею — чего доселѣ не могъ за недосугомъ по службѣ и въ пошлыхъ развлеченіяхъ свѣта. Опровергну все и буду новый Фурье. Кстати, — отдалъ семь рублей Тимоѳею Семенычу?

— Изъ своихъ, — отвѣтилъ я, стараясь выразить голосомъ, что заплатилъ изъ своихъ.

— Сочтемся, — отвѣтилъ онъ высококомѣрно. — Прибавки оклада жду всенепремѣнно, ибо кому же и прибавлять какъ не мнѣ? Польза отъ меня безконечная. Но къ дѣлу. Жена?

— Ты, вѣроятно, спрашиваешь о Еленѣ Ивановнѣ?

— Жена?! — закричалъ онъ даже съ какимъ-то на этотъ разъ визгомъ.

Нечего было дѣлать! Смиренно, но опять-таки скрежеща зубами, рассказалъ я, какъ оставилъ Елену Ивановну. Онъ даже и не дослушалъ.

— Имѣю на нее особыя виды, — началъ онъ нетерпѣливо. — Если буду знаменитъ *здѣсь*, то хочу, чтобъ она была знаменита *тамъ*. Ученые, поэты, философы, заѣзжіе минералоги, государственные мужи, послѣ утренней бесѣды со мной, будутъ посѣщать по вечерамъ ея салонъ. Съ будущей недѣли у нея должны начаться каждый вечеръ салоны. Удвоенный окладъ будетъ давать средства къ приему, а такъ какъ приемъ долженъ ограничиваться однимъ чаемъ и нанятыми лакеями, то и дѣлу конецъ. И здѣсь и тамъ будутъ говорить обо мнѣ. Давно жаждалъ случая, чтобъ всѣ говорили обо мнѣ, но не могъ достигнуть, сковашный малымъ значеніемъ и недостаточнымъ чиномъ. Теперь же все это достигнуто какимъ-нибудь самымъ обыкновеннымъ глоткомъ крокодила. Каждое слово мое будетъ выслушиваться, каждое изреченіе обдумываться, передаваться, печататься. И я задамъ себя знать! Поймутъ, наконецъ, какимъ способностямъ дали исчезнуть въ нѣдрахъ чудовища. «Этотъ человѣкъ могъ быть иностраннымъ министромъ и управлять королевствомъ», скажутъ одни. «И этотъ человѣкъ не управлялъ иностраннымъ королевствомъ», скажутъ другіе. Ну чѣмъ, ну чѣмъ я хуже какого-нибудь Гарнье-Пажесишки или какъ ихъ тамъ?.. Жена должна составлять мнѣ наandanъ — у меня умъ, у нея красота и любезность. «Она прекрасна, потому и жена его», скажутъ одни. «Она прекрасна,

потому что жена его», поправятъ другіе. На всякій случай пусть Елена Ивановна завтра же купитъ энциклопедическій словарь, издававшійся подъ редакціей Андрея Краевского, чтобъ умѣть говорить обо всѣхъ предметахъ. Чаше жъ всего пусть читаетъ *реміег-политикъ С.-Петербургскихъ Извѣстій*, свѣряя каждый день съ *Волосомъ*. Полагаю, что хозяинъ согласится иногда приносить и меня, вмѣстѣ съ крокодиломъ, въ блестящій салонъ жены моей. Я буду стоять въ ящикѣ среди великолѣпной гостиной и буду сыпать остротами, которыя подберу еще съ утра. Государственному мужу сообщу мои проекты; съ поэтомъ буду говорить въ рѣчѣ; съ дамами буду забавенъ и нравственно милъ, — такъ какъ вполне безопасенъ для ихъ супруговъ. Всѣмъ остальнымъ буду служить примѣромъ покорности судьбѣ и волѣ Провидѣнія. Жену сдѣлаю блестящею литературною дамою; я ее выдвину впередъ и объясню ее публикѣ; какъ жена моя, она должна быть полна величайшихъ достоинствъ, и если справедливо называютъ Андрея Александровича нашимъ русскимъ Альфредомъ де-Мюссе, то еще справедливѣе будетъ, когда назовутъ ее нашей русской Евгенией Туръ.

Признаюсь, хотя вся эта дичь и походила нѣсколько на всегдашняго Ивана Матвѣича, но мнѣ все-таки пришло въ голову, что онъ теперь въ горячкѣ и бредитъ. Это былъ все тотъ же обыкновенный и ежедневный Иванъ Матвѣичъ, но наблюдаемый въ стекло, въ двадцать разъ увеличивающее.

— Другъ мой, — спросилъ я его, — надѣешься ли ты на долговѣчность? И, вообще, скажи: здоровъ ли ты? Какъ ты ѣшь, какъ ты спишь, какъ ты дышишь? Я другъ тебѣ, и согласись, что случай слишкомъ сверхъестественный, а слѣдственно любопытство мое слишкомъ естественно.

— Праздное любопытство и больше ничего, — от-

вѣчалъ онъ сентенціозно, — но ты будешь удовлетво-
ренъ. Спрашиваешь, какъ устроился я въ нѣдрахъ чу-
довища? Во-первыхъ, крокодилъ, къ удивленію моему,
оказался совершенно пустой. Внутренность его состоитъ
какъ бы изъ огромнаго пустого мѣшка, сдѣлан-
наго изъ резинки, въ родѣ тѣхъ резиновыхъ издѣлій,
которыя распространены у насъ въ Гороховой, въ Мор-
ской и, если не ошибаюсь, на Вознесенскомъ проспектѣ.
Иначе, сообрази, могъ ли бы я въ немъ помѣститься?

— Возможно ли? — вскричалъ я въ понятномъ
изумленіи. — Неужели крокодилъ совершенно пустой?

— Совершенно, — строго и внушительно подтвер-
дилъ Иванъ Матвѣичъ. — И по всей вѣроятности онъ
устроенъ такъ по законамъ самой природы. Крокодилъ
обладаетъ только пастью, снабженною острыми зубами,
и вдобавокъ къ пасти — значительно длиннымъ хво-
стомъ, — вотъ и все, по-настоящему. Въ серединѣ же
между сими двумя его оконечностями находится пустое
пространство, обнесенное чѣмъ-то въ родѣ каучука,
вѣроятнѣе же всего дѣйствительно каучукомъ.

— А ребра, а желудокъ, а кишки, а печень, а
сердце? — прервалъ я даже со злобою.

— Н-ничего, совершенно ничего этого нѣтъ и, вѣ-
роятно, никогда не бывало. Все это — праздная фан-
тазія легкомысленныхъ путешественниковъ. Подобно
тому какъ надувають геморoidalную подушку, такъ и
я надуваю теперь собой крокодила. Онъ растяжимъ до
невѣроятности. Даже ты, въ качествѣ домашняго друга,
могъ бы помѣститься со мною рядомъ, если бъ обладалъ
великодушіемъ, — и даже съ тобою еще достало бы
мѣста. Я даже думаю, въ крайнемъ случаѣ, выписать
сюда Елену Ивановну. Впрочемъ, подобное пустопо-
рожнее устройство крокодила совершенно согласно съ
естественными науками. Ибо, положимъ, напримѣръ,
тебѣ дано устроить поваго крокодила, — тебѣ естествен-
но представляется вопросъ: какое основное свойство

крокодилово? Отвѣтъ ясенъ: глотать людей. — Какъ же достигнуть устройствомъ крокодила, чтобъ онъ глоталъ людей? Отвѣтъ еще яснѣе: устройвъ его пустымъ. Давно уже рѣшено физикой, что природа не терпитъ пустоты. Подобно сему и внутренность крокодила должна именно быть пустою, чтобъ не терпѣть пустоты, а слѣдственно и глотать и наполняться всѣмъ, что только есть подъ рукою. И вотъ единственная разумная причина, почему всѣ крокодилы глотаютъ нашего брата. Не такъ въ устройствѣ человѣческомъ: чѣмъ пустѣе, напримѣръ, голова человѣческая, тѣмъ менѣе она ощущаетъ жажды наполниться и это единственное исключеніе изъ общаго правила. Все это мнѣ теперь ясно, какъ день. Все это я постигъ собственнымъ умомъ и опытомъ, находясь, такъ сказать, въ нѣдрахъ природы, въ ея ретортѣ, прислушиваясь къ біенію пульса ея. Даже этимологія согласно со мною, ибо самое названіе крокодила означаетъ прожорливость. Крокодилъ, Crocodillo. — есть слово, очевидно, итальянское, современное, можетъ быть, древнимъ фараонамъ египетскимъ и, очевидно, происходящее отъ французскаго корня *croquer*, что означаетъ съѣсть, скушать и вообще употребить въ пищу. Все это я намѣренъ прочесть въ видѣ первой лекціи публикѣ, собравшейся въ салонѣ Елены Ивановны, когда меня принесутъ туда въ ящикѣ.

— Другъ мой, не принять ли тебѣ теперь хоть слабительнаго! — вскричалъ я невольно. «У него жаръ, жаръ, онъ въ жару!» повторялъ я про себя въ ужасѣ.

— Вздоръ! — отвѣчалъ онъ презрительно, — и къ тому же въ теперешнемъ положеніи моемъ это совсѣмъ неудобно. Впрочемъ, я отчасти зналъ, что ты заговоришь о слабительномъ.

— Но, другъ мой, а какъ... какъ же ты теперь употребляешь пищу? Обѣдать ты сегодня или нѣтъ?

— Нѣтъ, но сытъ и, вѣроятно же всего, теперь уже

никогда не буду употреблять пищи. И это тоже совершенно понятно: наполняя собою всю внутренность крокодила, я дѣлаю его навсегда сытымъ. Теперь его можно не кормить нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны, — сытый мною, онъ естественно сообщитъ и мнѣ всѣ жизненные соки изъ своего тѣла; это въ родѣ того, какъ нѣкоторыя утонченныя кокетки обкладываютъ себя и всѣ свои формы на ночь сырыми котлетами и потомъ, принявъ утреннюю ванну, становятся свѣжими, упругими, сочными и обольстительными. Такимъ образомъ, питая собою крокодила, я, обратно, получаю и отъ него питаніе; слѣдовательно — мы взаимно кормимъ другъ друга. Но такъ какъ трудно, даже и крокодилу, переваривать такого человѣка, какъ я, то ужъ, разумѣется, онъ долженъ при этомъ ощущать нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ, — котораго, впрочемъ, у него нѣтъ, — и вотъ почему, чтобъ не доставить излишней боли чудовищу, я рѣдко ворочаюсь съ боку на бокъ; и хотя бы и могъ ворочаться, но не дѣлаю сего изъ гуманности. Это единственный недостатокъ теперешняго моего положенія, и въ аллегорическомъ смыслѣ Тимоѳеи Семенычъ справедливъ, называя меня лежебокой. Но я докажу, что и лежа на боку, — мало того, — что только лежа на боку и можно перевернуть судьбу человѣчества. Всѣ великія идеи и направленія нашихъ газетъ и журналовъ, очевидно, произведены лежебоками; вотъ почему и называютъ ихъ идеями кабинетными, но наплевать, что такъ называютъ! Я изобрѣту теперь цѣлую спеціальную систему и — ты не повѣришь — какъ это легко! Стоитъ только уединиться куда-нибудь подальше въ уголъ или хотъ попасть въ крокодила, закрыть глаза и тотчасъ же изобрѣтешь цѣлый рай для всего человѣчества. Давеча, какъ вы ушли, я тотчасъ же принялся изобрѣтать и изобрѣлъ уже три системы, теперь изготовляю четвертую. Правда, сначала надо все опровергнуть; но изъ крокодила такъ легко опровергать; мало

того, изъ крокодила какъ будто все это видишь станови-
вится... Впрочемъ, въ моемъ положеніи существуютъ
еще и недостатки, хотя и мелкіе: внутри крокодила нѣ-
сколько сыро и какъ будто покрыто слизью, да сверхъ
того еще нѣсколько пахнетъ резиной, точь-въ-точь
какъ отъ моихъ прошлогоднихъ калошъ. Вотъ и все,
болѣе нѣтъ никакихъ недостатковъ.

— Иванъ Матвѣичъ, — прервалъ я, — все это чу-
деса, которымъ я едва могу вѣрить. И неужели, неуже-
ли ты всю жизнь не намѣренъ обѣдать?

— О какомъ вздорѣ заботишься ты, безпечная,
праздная голова! Я тебѣ о великихъ идеяхъ расска-
зываю, а ты... Знай же, что я сътъ уже однѣми вели-
кими идеями, озарившими ночь, меня окружившую.
Впрочемъ, добродушный хозяинъ чудовища, сговорив-
шись съ добрѣйшею муттеръ, рѣшили давеча промежь
себя, что будутъ каждое утро просовывать въ пасть
крокодила изогнутую металлическую трубочку, въ родѣ
дудочки, черезъ которую я бы могъ втягивать въ себя
кофе или бульонъ съ размоченнымъ въ немъ бѣлымъ
хлѣбомъ. Дудочка уже заказана по сосѣдству, но по-
лагаю, что это излишняя роскошь. Прожить же надѣ-
юсь, по крайней мѣрѣ, тысячу лѣтъ, если справедливо,
что по стольку лѣтъ живутъ крокодилы, о чемъ, благо
напомнилъ, справься завтра же въ какой-нибудь есте-
ственной исторіи и сообщи мнѣ, ибо я могъ ошибиться.
— смѣшавъ крокодила съ какимъ-нибудь другимъ ископаемымъ. Одно только соображеніе нѣсколько сму-
щаетъ меня: такъ какъ я одѣтъ въ сукно, и на ногахъ
у меня сапоги, то крокодилъ, очевидно, меня не можетъ
переварить. Сверхъ того — я живой и потому сопроти-
вляюсь переваренію меня всею моею волею, ибо понят-
но, что не хочу обратиться въ то, во что обращается
всякая пища, такъ какъ это было бы слишкомъ для
меня унижительно. Но боюсь одного: въ тысячелѣтній
срокъ сукно сюртука моего, къ несчастью русскаго

издѣлія, можетъ истлѣть, и тогда я, оставшись безъ одежды, несмотря на все мое негодованіе, начну, пожалуй, и перевариваться, и хоть днемъ я этого ни за что не допущу и не позволю, но по ночамъ, во спѣ, когда воля отлетаетъ отъ человѣка, меня можетъ постичь самая унизительная участь какого-нибудь картофеля, блиновъ или телятины. Такая идея приводитъ меня въ бѣшенство. Уже по одной этой причинѣ надо бы измѣнить тарифъ и поощрять привозъ суконъ англійскихъ, которыя крѣпче, а слѣдовательно и дольше будутъ сопротивляться природѣ, въ случаѣ, если попадешь въ крокодила. Въ первомъ случаѣ сообщу мысль мою кому-либо изъ людей государственныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ обозрѣвателямъ нашихъ ежедневныхъ петербургскихъ газетъ. Пусть прокричатъ. Надѣюсь, что не одно это они теперь отъ меня позаимствуютъ. Предвижу, что каждое утро цѣлая толпа ихъ, вооруженная редакціонными четвертаками, будетъ тѣсниться кругомъ меня, чтобъ уловить мои мысли насчетъ вчерашнихъ телеграммъ. Короче — будущность представляется мнѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ.

«Горячка, горячка!» — шепталъ я про себя.

— Другъ мой, а свобода? — проговорилъ я, желая волюнѣ узнать его мнѣніе. — Вѣдь ты, такъ сказать, въ темницѣ, тогда какъ человѣкъ долженъ наслаждаться свободою.

— Ты глупъ, — отвѣчалъ онъ. — Люди дикіе любятъ независимость, люди мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка...

— Иванъ Матвѣичъ, пощади и помилуй!

— Молчи и слушай! — взвизгнулъ онъ въ досадѣ, что я перебилъ его. — Никогда не воспарялъ я духомъ такъ, какъ теперь. Въ моемъ тѣспомъ убѣжищѣ одного боюсь — литературной критики толстыхъ журналовъ и свиста сатирическихъ газетъ нашихъ. Боюсь, чтобъ легкомысленные посѣтители, глупцы и завистники и во-

обще пикилисты не подняли меня на смѣхъ. Но я приму мѣры. Съ нетерпѣніемъ жду завтрашнихъ отзывовъ публики, а главное — мнѣнія газетъ. О газетахъ сообщу завтра же.

— Хорошо; завтра же принесу сюда цѣлый ворохъ газетъ.

— Завтра еще рано ждать газетныхъ отзывовъ, ибо объявленія печатаются только на четвертый день. Но отнынѣ каждый вечеръ приходи черезъ внутренній ходъ со двора. Я намѣренъ употреблять тебя какъ моего секретаря. Ты будешь мнѣ читать газеты и журналы, а я буду диктовать тебѣ мои мысли и давать порученія. Въ особенности не забывай телеграммъ. Каждый день, чтобъ были здѣсь всѣ европейскія телеграммы. Но довольно; вѣроятно, ты теперь хочешь спать. Ступай домой и не думай о томъ, что я сейчасъ говорилъ о критикѣ: я не боюсь ея, ибо сама она находится въ критическомъ положеніи. Стоитъ только быть мудрымъ и добродѣтельнымъ и непременно станешь на пьедесталь. Если не Сократъ, то Діогенъ, или то и другое вмѣстѣ, и вотъ будущая роль моя въ человечествѣ.

Такъ легкомысленно и навязчиво (правда, — въ горячкѣ) торопился высказаться передо мною Иванъ Матвѣичъ, подобно тѣмъ слабохарактернымъ бабамъ, про которыхъ говоритъ пословица, что онѣ не могутъ удержать секрета. Да и все то, что сообщилъ онъ мнѣ о крокодилѣ, показалось мнѣ весьма подозрительнымъ. Ну, какъ можно, чтобъ крокодилъ былъ совершенно пустой? Бьюсь объ закладъ, что въ этомъ онъ прихвастнулъ изъ тщеславія и отчасти, чтобъ меня унижить. Правда, онъ былъ больной, а больному надо уважить; но признаюсь откровенно, я всегда терпѣть не могъ Ивана Матвѣича. Всю жизнь, начиная съ самаго дѣтства, я желалъ и не могъ избавиться отъ его опеки. Тысячу разъ хотѣлъ я было съ нимъ совсѣмъ распле-

ваться, и каждый разъ меня опять тянуло къ нему, какъ будто я все еще надѣялся ему что-то доказать и за что-то отмстить. Странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы. На этотъ разъ мы простились, однакоже, съ чувствомъ.

— Вашъ другъ ошень умна шеловѣкъ, — сказали мнѣ вполголоса иѣмецъ, собираясь меня провожать; онъ все время прилежно слушалъ нашъ разговоръ.

— А прогос, — сказалъ я, — чтобъ не забыть, — сколько бы взяли вы за вашего крокодила, на случай, если бъ вздумали у васъ его покупать?

Иванъ Матвѣичъ, слышавшій вопросъ, съ любопытствомъ выжидалъ отвѣта. Видимо было, что ему не хотѣлось, чтобъ иѣмецъ взялъ мало; по крайней мѣрѣ, онъ какъ-то особенно крякнулъ при моемъ вопросѣ.

Сначала иѣмецъ и слушать не хотѣлъ, даже сердился.

— Никто не смѣйгъ покупать мой собственный крокодилъ! — вскричалъ онъ яростно и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ. — Я не хатигъ продавайтъ крокодилъ. Я милліонъ талеръ не стану брать за крокодилъ. Я сто тридцать талеръ сегодня съ публикумъ брать, а завтра десять тысячъ талеръ собралъ, а потомъ сто тысячъ талеръ собралъ, а потомъ сто тысячъ талеръ каждый день собиралъ. Не хочу продавалъ.

Иванъ Матвѣичъ даже захихикалъ отъ удовольствія.

Скрѣпя сердце, хладнокровно и разсудительно, — ибо исполнялъ обязанность истиннаго друга, — намекнулъ я сумасбродному иѣмцу, что расчеты его не всеѣмъ вѣрны, что если онъ каждый день будетъ собирать по сту тысячъ, то въ чегыре дия у него перебиваетъ весь Петербургъ и потомъ уже не съ кого будетъ собирать, что въ животѣ и смерти воленъ Богъ, что

крокодилъ можетъ какъ-нибудь лопнуть, а Иванъ Матвѣичъ заболѣть и помереть, и проч., и проч.

Нѣмецъ задумался.

— Я будетъ ему капли изъ аптеки давалъ, — сказалъ онъ, надумавшись, — и вашъ друкъ не будетъ умираль.

— Капли каплями, — сказала я, — но возьмите и то, что можетъ загѣяться судебный процессъ. Супруга Ивана Матвѣича можетъ потребовать своего законнаго супруга. Вы вотъ намѣрены богатѣть, а намѣрены ли вы назначить хоть какую-нибудь пенсію Еленѣ Ивановнѣ?

— Нѣтъ, не мѣревалъ! — рѣшительно и строго сказалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, не мѣревалъ! — подхватила, даже со злобою, муттеръ.

— Итакъ, не лучше ли вамъ взять что-нибудь теперь, разомъ, хоть и умѣренное, но вѣрное и солидное, чѣмъ предаваться неизвѣстности? Долгомъ считаю присовокупить, что спрашиваю васъ изъ одного только празднаго любопытства.

Нѣмецъ взялъ муттеръ и удалился съ нею для совѣщаній въ уголь, гдѣ стоялъ шкафъ съ самой большой и безобразнѣйшей изъ всей коллекціи обезьяной.

— Вотъ увидишь! — сказалъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ.

Что до меня касается, я въ эту минуту сгоралъ желаніемъ, во-первыхъ, — избить больно нѣмца, во-вторыхъ, еще больнѣе избить муттеръ, а въ-третьихъ, всѣхъ больше и больнѣе избить Ивана Матвѣича за безграничность его самолюбія. Но все это ничего не значило въ сравненіи съ отвѣтомъ жаднаго нѣмца.

Посовѣтовавшись съ своей муттеръ, онъ потребовалъ за своего крокодила пятьдесятъ тысячъ рублей билетами послѣдняго внутренняго займа съ лотерею,

каменный домъ въ Гороховой и при немъ собственную аптеку и, вдобавокъ, — чинъ русскаго полковника.

— Видишь, — торжествуя прокричалъ Иванъ Матвѣичъ, — я говорилъ тебѣ! Кромѣ послѣдняго безумнаго желанія производства въ полковники, — онъ совершенно правъ, ибо вполне понимаетъ теперешнюю цѣнность показываемаго имъ чудовища. Экономическій принципъ прежде всего!

— Помилуйте! — закричалъ я нѣмцу, — да за что же вамъ полковника-то? Какой вы подвигъ совершили, какую службу заслужили, какой военной славы добились? Ну, не безумецъ ли вы послѣ этого?

— Безумны! — вскричалъ нѣмецъ, обидѣвшись, — нѣтъ, очень умна шеловѣкъ, а ви очень глупъ! Я заслужилъ польковникъ, потому што показаль крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидиль, а русскій не можетъ показаль крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидиль! Я чрезвычайно умны шеловѣкъ и ошину хочу быть польковникъ!

— Такъ прощайте же, Иванъ Матвѣичъ! — вскричалъ я, дрожа отъ бѣшенства, и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ крокодилной. Я чувствовалъ, что еще минута и я уже не могъ бы отвѣчать за себя. Неестественныя надежды этихъ двухъ болвановъ были невыносимы. Холодный воздухъ освѣжилъ меня, нѣсколько умѣрилъ мое негодование. Наконецъ, энергически плюнувъ разъ до пятнадцати въ обѣ стороны, я взялъ извозчика, приѣхаль домой, раздѣлся и бросился на постель. Всего досаднѣе было то, что я попалъ къ нему въ секретари. Теперь умирай тамъ со скуки каждый вечеръ, исполняя обязанность истиннаго друга! Я готовъ былъ прибить себя за это, и дѣйствительно, уже потушивъ свѣчку и закрывшись одѣяломъ, ударилъ себя нѣсколько разъ кулакомъ по головѣ и другимъ частямъ тѣла. Это нѣсколько облегчило меня, и я, наконецъ, заснулъ даже

довольно крѣпко, потому что очень устала. Всю ночь спились мнѣ только однѣ обезьяны, но подь самое утро приснилась Елена Ивановна . . .

IV

Обезьяны, какъ догадываюсь, припились потому, что заключались въ шкафу у крокодилщика; но Елена Ивановна составляла статью особенную.

Скажу заранѣе: я любилъ эту даму; но сиѣшу — и сиѣшу на курьерскихъ — оговориться: я любилъ ее какъ отецъ, ни болѣе, ни менѣе. Заключаю такъ потому, что много разъ случалось со мною неудержимое желаніе поцѣловать ее въ голову или въ румянькую щечку. И хотя я никогда не приводилъ сего въ исполненіе, но каюсь — не отказался бы поцѣловать ее даже и въ губки. И не то что въ губки, а въ зубки, которые такъ прелестно всегда выставлялись, точно рядъ хорошенькихъ, подобранныхъ жемчужинокъ, когда она смѣялась. Она же удивительно часто смѣялась. Иванъ Матвѣичъ называлъ ее, въ ласкательныхъ случаяхъ, своей «милой нелѣпостью» — названіе въ высшей степени справедливое и характеристическое. Это была дама конфетка и болѣе ничего. Посему совершенно не понимаю, зачѣмъ вздумалось теперь тому же самому Ивану Матвѣичу воображать въ своей супругѣ нашу русскую Евгению Туръ? Во всякомъ случаѣ, мой сонъ, если не брать въ расчетъ обезьянъ, произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе и, перебирая въ головѣ за утренней чашкой чаю всѣ происшествія вчерашняго дня, я рѣшилъ немедленно зайти къ Еленѣ Ивановнѣ, по дорогѣ на службу, что, впрочемъ, обязанъ былъ сдѣлать въ качествѣ домашняго друга.

Въ крошечной комнаткѣ передъ спальней, въ такъ-называемой у нихъ маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у нихъ тоже маленькая, на маленькомъ

диванчикѣ, за маленькимъ чайнымъ столикомъ, въ какой-то полувоздушной утренней распашоночкѣ, сидѣла Елена Ивановна и изъ маленькой чашечки, въ которую мокала крошечный сухарикъ, кушала кофе. Была она обольстительно хороша, но показалась мнѣ тоже и какъ будто задумчивою.

— Ахъ, это вы, шалунъ! — встрѣтила она меня съ разсѣянной улыбкой, — садитесь, вѣтреникъ, пейте кофе. Ну, что вы вчера дѣлали? Были въ маскарадѣ?

— А развѣ вы были? Я вѣдь не ѣзжу... къ тому же посѣщаль вчера нашего узника...

Я вздохнулъ и, принимая кофе, сдѣлалъ благочестивую мину.

— Кого? Какого это узника? Ахъ, да! Бѣдняжка. Ну, что онъ — скучаетъ? А знаете... я хотѣла васъ спросить... Я вѣдь могу теперь просить развода?

— Развода! — вскрикнулъ я въ негодованіи и чуть не пролилъ кофе. «Это черномазенькій!» подумалъ я про себя съ яростію.

Существовалъ иѣкто черномазенькій съ усиками, служившій по строигельной части, который слишкомъ ужъ часто похаживалъ къ нимъ и чрезвычайно умѣлъ смѣшить Елену Ивановну. Признаюсь, я его ненавиждѣлъ, и сомнѣнія не было, что онъ успѣлъ вчера видѣться съ Еленой Ивановной въ маскарадѣ, или, пожалуй, и здѣсь, и наговорилъ ей всякаго вздору!

— Да что жъ, — заторопилась вдругъ Елена Ивановна, точно подученная, — что жъ онъ тамъ будетъ сидѣть въ крокодилѣ и, пожалуй, всю жизнь не придетъ, а я здѣсь его дожидайся! Мужъ долженъ дома жить, а не въ крокодилѣ...

— Но вѣдь это непредвидѣнный случай, — началъ было я въ весьма понятномъ волненіи.

— Ахъ иѣтъ, не говорите, не хочу, не хочу! — закричала она, вдругъ совсѣмъ разсердившись. — Вы вѣчно мнѣ напротивъ, такой негодный! Съ вами ни-

чего не сдѣлаешь, ничего не посоветуете! Миѣ ужь чужіе говорятъ, что миѣ разводъ дадутъ, потому что Иванъ Матвѣичъ теперь ужь не будетъ получать жалованья.

— Елена Ивановна! Васъ ли я слышу? — закричала я патетически. — Какой злодѣй могъ вамъ это натолковать! Да и разводъ по такой неосновательной причинѣ, какъ жалованье, совершенно невозможенъ. А бѣдный, бѣдный Иванъ Матвѣичъ къ вамъ, такъ сказать, весь пылаетъ любовью, даже и въ нѣдрахъ чудовища. Мало того — таетъ отъ любви, какъ кусочекъ сахара. Еще вчера ввечеру, когда вы веселились въ маскарадѣ, онъ упоминалъ, что, въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть, рѣшится выписать васъ, въ качествѣ законной супруги, къ себѣ, въ нѣдра, тѣмъ болѣе, что крокодилъ оказывается весьма помѣстительнымъ не только для двухъ, но даже и для трехъ особъ...

И тутъ я немедленно рассказалъ ей всю эту интересную часть моего вчерашняго разговора съ Иваномъ Матвѣичемъ.

— Какъ, какъ! — вскричала она въ удивленіи. — Вы хотите, чтобъ и я такъ же полѣзла туда, къ Ивану Матвѣевичу? Вотъ выдумки! Да и какъ я полѣзу, такъ въ шляпкѣ и въ кринолинѣ? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду дѣлать, когда буду туда лѣзть, а на меня еще кто-нибудь, пожалуй, будетъ смотреть... Это смѣшно! И что я тамъ буду кушать?... И... и какъ я тамъ буду, когда... Ахъ, Боже мой, что они выдумали!.. И какія тамъ развлечения?... Вы говорите, что тамъ гумиластикомъ пахнетъ? И какъ же я буду, если мы тамъ съ нимъ поссоримся, — все-таки рядомъ лежать? Фу, какъ это противно!

— Согласенъ, согласенъ со всѣми этими доводами, милѣйшая Елена Ивановна, — прервалъ я, стремясь высказаться съ тѣмъ понятнымъ увлеченіемъ, которое всегда овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ чувствуетъ,

что правда на его сторонѣ; — но вы не оцѣнили одного во всемъ этомъ, вы не оцѣнили того, что опѣ, стало быть, безъ васъ жить не можетъ, коли зоветъ туда; значить, тутъ любовь, любовь страстная, вѣрная, стремящаяся. . . Вы любви не оцѣнили, милая Елена Ивановна, любви!

— Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! — отмахивалась она своей маленькой, хорошенькой ручкой, на которой блистали только-что вымытые и вычищенные щеточкой розовые поготки. — Противный! Вы доведете меня до слезъ. Пользайтесь сами, если это вамъ пріятно. Вѣдь вы другъ, ну, и ложитесь тамъ съ нимъ рядомъ изъ дружбы, и спорьте всю жизнь о какихъ-нибудь скучныхъ наукахъ. . .

— Напрасно вы такъ смѣетесь надъ симъ предположеніемъ, — съ важностью остановилъ я легкомысленную женщину. — Иванъ Матвѣичъ и безъ того меня звалъ туда. Конечно, васъ привлекаетъ туда долгъ, меня же только одно великодушіе; но, рассказывая мнѣ вчера о необыкновенной растяжимости крокодиловой, Иванъ Матвѣичъ сдѣлалъ весьма ясный намекъ, что не только вамъ обонмъ, но даже и мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, можно бы помѣститься съ вами вмѣстѣ, втроемъ, особенно если бъ я захотѣлъ того, а потому. . .

— Какъ такъ, втроемъ? — вскричала Елена Ивановна, съ удивленіемъ смотря на меня. — Такъ какъ же мы. . . такъ всѣ трое и будемъ тамъ вмѣстѣ? Ха-ха-ха! Какіе вы оба глупые! Ха-ха-ха! Я васъ непременно буду тамъ все время щипать, негодный вы этакой, ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

И она, откинувшись на спинку дивана, расхохоталась до слезинокъ. Все это, и слезы, и смѣхъ, было до того обольстительно, что я не вытерпѣлъ и съ увлеченіемъ бросился цѣловать у ней ручку, чему она не противилась, хотя и выдрала меня легонько, въ знакъ примиренія, за уши.

Затѣмъ мы оба развеселились, и я подробно разсказала ей всѣ вчерашніе планы Ивана Матвѣича. Мысль о пріемныхъ вечерахъ и объ открытомъ салонѣ ей очень понравилась.

— Но только надо будетъ очень много новыхъ платьевъ, — замѣтила она, — и поэтому надо, чтобъ Иванъ Матвѣичъ присылалъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше жалованья... Только... только какъ же это, — прибавила она въ раздумьи, — какъ же это его будутъ приносить ко мнѣ въ ящикъ? Это очень смѣшно. Я не хочу, чтобъ моего мужа носили въ ящикъ! Мнѣ будетъ очень стыдно предъ гостями... Я не хочу, нѣтъ, не хочу...

— Кстати чтобъ не забыть, былъ у васъ вчера вечеромъ Тимошей Семенычъ?

— Ахъ, былъ; пріѣхалъ утѣшать и, вообразите, мы съ нимъ все въ свои козыри играли. Онъ на конфекты, а коль я проиграю — онъ мнѣ ручки цѣлуетъ. Такой негодный, и, вообразите, чуть было въ маскарадъ со мною не поѣхалъ. Право!

— Увлеченіе! — замѣтилъ я, — да и кто не увлечется вами, обольстительница!

— Ну, ужъ вы поѣхали съ вашими комплиментами! Пойдите, я васъ ущипну на дорогу. Я ужасно хорошо выучилась теперь щипаться. Ну что, какво! Да, кстати, вы говорите, Иванъ Матвѣичъ часто обо мнѣ вчера говорилъ?

— Н-и-нѣтъ, не то чтобы очень... Признаюсь вамъ, онъ болѣе думаетъ теперь о судьбахъ всего человѣчества и хочетъ...

— Ну, и пусть его! Не договаривайте! Вѣрно скука ужасная. Я какъ-нибудь его навѣщу. Завтра непременно поѣду. Только не сегодня: голова болитъ, а къ тому же тамъ будетъ такъ много публики... Скажутъ: это жена его, пристыдятъ... Прощайте. Вечеромъ вы вѣдь... тамъ?

— У него, у него. Велѣль прїѣзжать и газетъ привезти.

— Ну, вотъ и славно. И ступайте къ нему, и читайте. А ко мнѣ сегодня не заѣзжайте. Я нездорова, а, можетъ, и въ гости поѣду. Ну, прощайте, шалунъ.

«Это черномазенькій у ней будетъ вечеромъ», — подумалъ я про себя.

Въ канцеляріи я, разумѣется, не подавъ ни виду, что меня пожираютъ такія заботы и хлопоты. Но вскорѣ замѣтилъ я, что нѣкоторыя изъ прогрессивнѣйшихъ газетъ нашихъ какъ-то особенно скоро переходили въ это утро изъ рукъ въ руки моихъ сослуживцевъ и прочитывались съ чрезвычайно серьезными выраженіями лицъ. Первая попавшаяся мнѣ была — *Листокъ*, газетка безъ всякаго особаго направленія, а такъ только вообще гуманная, — за что ее преимущественно у насъ презирали, хотя и прочитывали. Не безъ удовольствія прочелъ я въ ней слѣдующее:

«Вчера въ нашей обширной и украшенной великолѣпными зданіями столицѣ распространились чрезвычайныя слухи. Нѣкто N, извѣстный гастрономъ изъ высшаго общества, вѣроятно, наскучивъ кухнею Бореля и — скаго клуба, вошелъ въ зданіе Пассажа, въ то мѣсто, гдѣ показывается огромный, только-что привезенный въ столицу крокодилъ, и потребовать, чтобъ ему изготовили его на обѣдъ. Сторговавшись съ хозяиномъ, онъ тутъ же принялся пожирать его (то-есть не хозяина, весьма смирнаго и склоннаго къ аккуратности нѣмца, а его крокодила) — еще живьемъ, отрѣзая сочные куски перочиннымъ ножичкомъ и глотая ихъ съ чрезвычайною поспѣшностью. Мало-по-малу весь крокодилъ исчезъ въ его тучныхъ нѣдрахъ, такъ что онъ собирался даже приняться за ихневмона, постоянного спутника крокодилова, вѣроятно, полагая, что и тотъ будетъ такъ же вкусенъ. Мы вовсе не противъ сего новаго продукта, давно уже извѣстнаго иностраннѣмъ га-

стропомамъ. Мы даже предсказывали это напередъ. Англійскіе лорды и путешественники ловятъ въ Египтѣ крокодиловъ цѣлыми партіями и употребляютъ хребетъ чудовища, въ видѣ бифштекса, съ горчицей, лукомъ и картофелемъ. Французы, наѣхавшіе съ Лессепсомъ, предпочитаютъ лапы, испеченныя въ горячей золь, что дѣлаютъ, впрочемъ, въ нику англичанамъ, которые надъ ними смѣются. Вѣроятно, у насъ оцѣнить то и другое. Съ своей стороны, мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу недостаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Вслѣдъ за симъ первымъ крокодиломъ, исчезнувшимъ въ нѣдрахъ петербургскаго гастронома, вѣроятно, не пройдетъ и года, какъ навезутъ ихъ къ намъ сотнями. И почему бы не акклиматизировать крокодила у насъ въ Россіи? Если невская вода слишкомъ холодна для сихъ интересныхъ чужестранцевъ, то въ столицѣ имѣются пруды, а за городомъ рѣчки и озера. Почему бы, напримѣръ, не развести крокодиловъ въ Парголовѣ или въ Павловскѣ, въ Москвѣ же въ Прѣсненскихъ прудахъ и въ Само-текѣ? Доставляя пріятную и здоровую пищу нашимъ утонченнымъ гастрономамъ, они въ то же время могли бы увеселять гуляющихъ на сихъ прудахъ дамъ и получать собою дѣтей естественной исторіи. Изъ крокодиловой кожи можно бы было готовить футляры, чемоданы, папиросницы и бумажники, и, можетъ быть, не одна русская купеческая тысяча въ засаленныхъ кредиткахъ, преимущественно предпочитаемыхъ купцами, улеглась бы въ крокодиловой кожѣ. Надѣмся еще не разъ возвратиться къ этому интересному предмету».

Я хоть и предчувствовалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, тѣмъ не менѣе опрометчивость извѣстія смутила меня. Не находя съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, я обратился къ сидѣвшему напротивъ меня Прохору Саввичу и замѣтилъ, что тотъ уже давно слѣдилъ за мною глазами, а въ рукахъ держалъ *Волосъ*, какъ

бы готовясь мнѣ передать его. Молча принялъ онъ отъ меня *Листокъ* и, передавая мнѣ *Волосъ*, крѣпко отчеркнулъ ногтемъ статью, на которую, вѣроятно, хотѣлъ обратить мое вниманіе. Этотъ Прохоръ Савичъ былъ у насъ престранный человѣкъ: молчаливый старій холостякъ, онъ ни съ кѣмъ изъ насъ не вступалъ ни въ какія сношенія, почти ни съ кѣмъ не говорилъ въ канцеляріи, всегда и обо всемъ имѣлъ свое собственное мнѣніе, но терпѣть не могъ кому-нибудь сообщать его. Жилъ онъ одиноко. Въ квартирѣ его почти никто изъ насъ не былъ.

Вотъ что я прочелъ въ показанномъ мѣстѣ *Волоса*.

«Всѣмъ извѣстно, что мы прогрессивны и гуманны и хотимъ угоняться въ этомъ за Европой. Но несмотря на всѣ наши старанія и на усилія нашей газеты, мы еще далеко не «созрѣли», какъ о томъ свидѣтельствуется возмутительный фактъ, случившійся вчера въ Пассажѣ и о которомъ мы заранѣе предсказывали. Пріѣзжаетъ въ столицу иностранецъ-собственникъ и привозитъ съ собою крокодила, котораго и начинаетъ показывать въ Пассажѣ публикѣ. Мы тотчасъ же поспѣшили привѣтствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Какъ вдругъ вчера, въ половинѣ пятаго пополудни, въ магазинѣ иностранца-собственника является нѣкто необычайной толщины и въ нетрезвомъ видѣ, платитъ за входъ и тотчасъ же, безъ всякаго предувѣдомленія, лѣзетъ въ пасть крокодила, который, разумѣется, принужденъ былъ проглотить его, хотя бы изъ чувства самосохраненія, чтобъ не подавиться. Ввалившись во внутренность крокодила, незнакомецъ тотчасъ же засыпаетъ. Ни крики иностранца-собственника, ни вопли его испуганнаго семейства, ни угрозы обратиться къ полиціи, не оказываютъ никакого впечатлѣнія. Изнутри крокодила слышенъ лишь

хохоть и обѣщаніе расправиться розгами (sic), а бѣдное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливаетъ слезы. Незванный гость хуже татарина, но несмотря на поговорку, нахальный посѣтитель выходить не хочетъ. Не знаемъ, какъ и объяснить подобные варварскіе факты, свидѣтельствующіе о нашей незрѣлости и марающіе насъ въ глазахъ иностранцевъ. Размашистость русской натуры нашла себѣ достойное примѣненіе. Спрашивается, чего хотѣлось непрошенному посѣтителю? Теплаго и комфортаго помѣщенія? Но въ столицѣ существуетъ много прекрасныхъ домовъ, съ дешевыми и весьма комфортными квартирами, съ проведенной невской водой и съ освѣщенной газомъ лѣстницей, при которой заводится нерѣдко отъ хозяевъ швейцарь. Обращаемъ еще вниманіе нашихъ читателей и на самое варварство обращенія съ домашними животными: заѣзжому крокодилу, разумѣется, трудно переварить подобную массу разомъ и теперь онъ лежитъ, раздутый горой, и въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти. Въ Европѣ давно уже преслѣдуютъ судомъ обращающихся негуманно съ домашними животными. Но несмотря на европейское освѣщеніе, на европейскіе тротуары, на европейскую постройку домовъ, намъ еще долго не отстать отъ завѣтныхъ нашихъ предразсудковъ.

Дома новы, но предразсудки стары —

и даже и дома-то не новы, по крайней мѣрѣ, лѣстницы. Мы уже не разъ упоминали въ нашей газетѣ, что на Петербургской Сторонѣ, въ домѣ купца Лукьянова, забѣжныя ступеньки деревянной лѣстницы сгнили, провалились и давно уже представляютъ опасность для находящейся у него въ услуженіи солдатки Афимьи Скапидаровой, принужденной часто всходить на лѣстницу съ водою или съ охапкою дровъ. Наконецъ, предсказанія наши оправдались: вчера вечеромъ, въ поло-

винѣ девятого пополудни, солдатка Аѳимья Скапида-рова провалилась съ суповой чашкой и сломала-таки себѣ ногу. Не знаемъ, починить ли теперь Лукьяновъ свою лѣстницу; русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но жертва русскаго авось уже свезена въ больницу. Точно такъ же не устанемъ мы утверждать, что дворники, счищающіе на Выборгской съ деревянныхъ тротуаровъ грязь, не должны пачкать ноги прохожихъ, а должны складывать грязь въ кучки, подобно тому, какъ въ Европѣ при очищеніи сапогъ...» и т. д., и т. д.

— Что же это, — сказала я, смотря въ иѣкоторомъ недоумѣніи на Прохора Саввича, — что же это такое?

— А что-съ?

— Да помилуйте, чѣмъ бы объ Иванѣ Матвѣичѣ пожалѣть, жалѣютъ о крокодилѣ.

— А что же-съ? Звѣря даже, *млекопитающаго* и того пожалѣли. Чѣмъ же не Европа-съ? Тамъ тоже крокодиловъ очень жалѣютъ. Хи-хи-хи!

Сказавъ это, чудакъ Прохоръ Саввичъ уткнулся въ свои бумаги и уже не промолвилъ болѣе ни слова.

Волосъ и *Листокъ* я спряталъ въ карманъ, да кромѣ того набралъ для вечерняго развлеченія Ивану Матвѣичу старыхъ *Извѣстій* и *Волосовъ* сколько могъ найти, и хотя до вечера было еще далеко, но на этотъ разъ я пораньше улизнулъ изъ канцеляріи, чтобъ побывать въ Пассажѣ и хоть издали посмотрѣть, что тамъ дѣлается, подслушать разныя мнѣнія и направленія. Предчувствовалъ я, что тамъ цѣлая давка, и на всякій случай поплотиѣ завернулъ лицо въ воротникъ шинели, потому что мнѣ было чего-то немно-го стыдно — до того мы не привыкли къ публичности. Но чувствую, что я не въ правѣ передавать собственныя, прозаическія мои ощущенія въ виду такого замѣчательнаго и оригинальнаго событія.

Оглавленіе

Село Степанчиково и его обитатели. Изъ записокъ
непачётнаго

Часть первая

I. Вступленіе	5
II. Господинъ Бахчеевъ	29
III. Дядя	48
IV. За чаемъ	66
V. Ежевикинъ	79
VI. Про бѣлаго быка и про камаринскаго мужика	96
VII. Оома Оомичъ	105
VIII. Объясненіе въ любви	124
IX. Ваше Превосходительство	132
X. Мизинчиковъ	149
XI. Крайнее недоумѣніе	167
XII. Катастрофа	183

Часть вторая и послѣдняя

I. Погоня	191
II. Новости	209
III. Илюша именинникъ	214
IV. Изгнаніе	225
V. Оома Оомичъ создаетъ всеобщее счастье	238
VI. Заключеніе	260

Скверный анекдотъ. Разсказъ 279

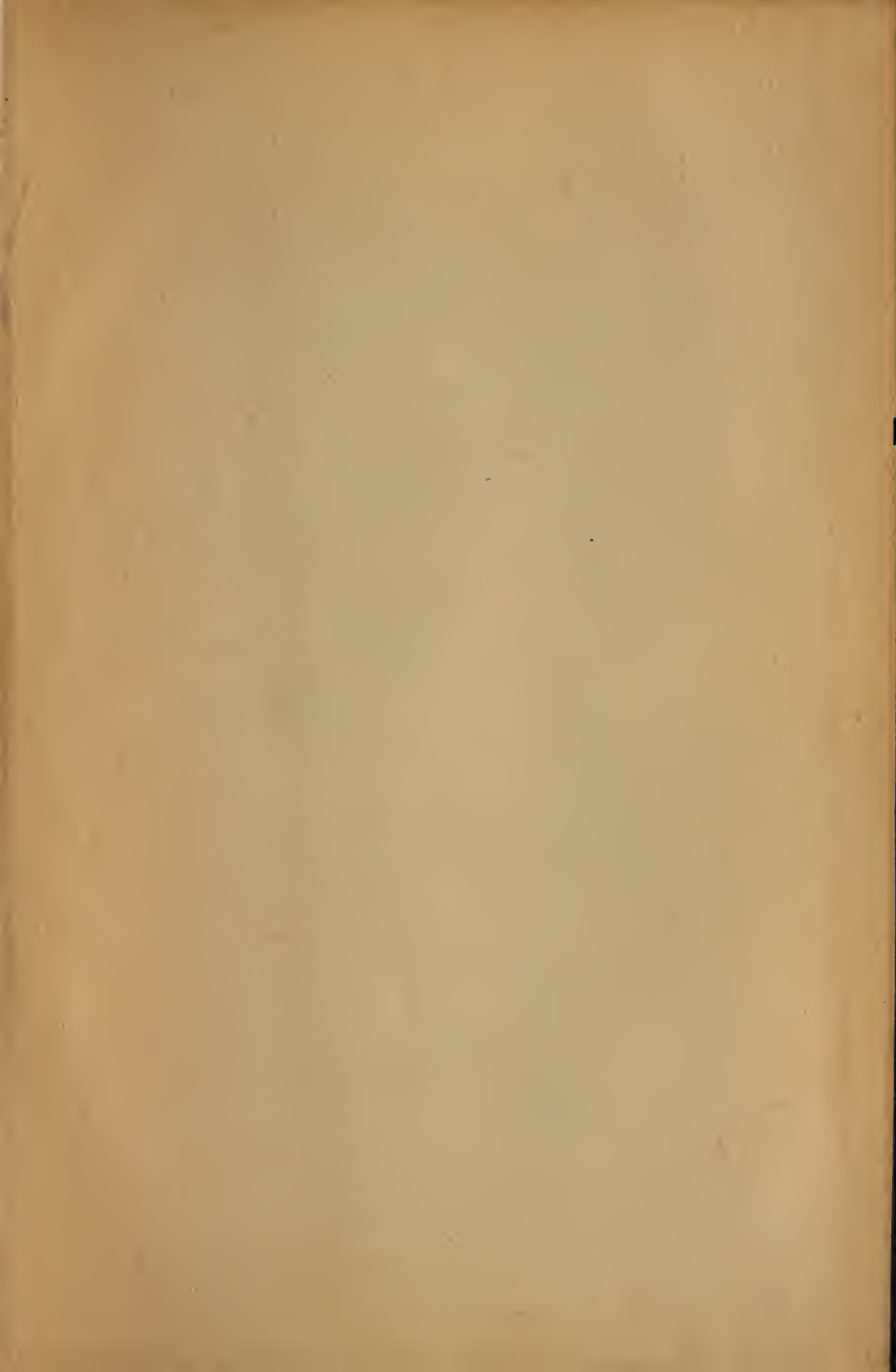
Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ

Глава I. Вмѣсто предисловія	347
„ II. Въ вагонѣ	353
„ III. и совершенно лишняя	359
„ IV. и не лишняя для путешественниковъ	376
„ V. Вааль	382
„ VI. Опытъ о буржуа	393
„ VII. Продолженіе предыдущаго	406
„ VIII. Брибри и мабишь	419

Записки изъ подполья. Повѣсть

I. Подполье	433
II. По поводу мокраго снѣга	474

Крокодилъ. Необыкновенное событіе. Или: Пассажъ
въ Пассажѣ. Повѣсть 567

LR

D7245se

459355

Dostoevsky, Theodor Mikhailovich

Село Степанчиково ...

[Title transliterated: Selo Stepanchikovo]

DATE.

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 18 05 06 006 4